

John F. Baddeley

СБОРНИКЪ МАТЕРІАЛОВЪ

ДЛЯ ОПИСАНІЯ

МѢСТНОСТЕЙ И ПЛЕМЕНЪ КАВКАЗА.

*Сборникъ материаловъ для описанія мѣстностей
и племенъ Кавказа*

Изданіе Управленія Кавказскаго Учебнаго Округа.

ВЫПУСКЪ ДЕВЯТЫЙ.

*311
C1
327
119*

ТИФЛИСЬ.

Типографія канцеляріи Главнначальствующаго гражданскою частью на Кавказѣ.

1890.

INDIANA UNIVERSITY
LIBRARIES
BLOOMINGTON

ОТДѢЛЪ I.

Отъ Управленія Кавказскаго Учебнаго Округа.

Печатаемый въ настоящемъ выпускѣ „Сборника“ переводъ преподавателя Тифлисской 1-ой гимназіи К. Гана: „Извѣстія древнихъ греческихъ и римскихъ писателей о Кавказѣ“ есть, собственно, продолженіе труда, помѣщеннаго подъ тѣмъ-же названіемъ въ IV выпускѣ „Сборника матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа“, того-же преподавателя.

Настоящій переводъ латинскихъ текстовъ Штриттера *про-
смотренъ и исправленъ по греческимъ источникамъ* преподавателемъ Тифлисской 1-ой гимназіи А. Приселковымъ и изданъ подъ редакціей преподавателя той-же гимназіи М. Черникова.

All the above books are sent

at the expense of the Ministry

The work from which the following translations
are taken is:

MEMORIAE

POPULORVM, OLIM AD DANVBIVM, PON-
TVM EVXINVM, PALVDEM MAEOTIDEM,
CAVCASVM MARE CASPIVM. ET INDE
MAGIS AD SEPTEMTRIONES INCOLEN-
TIVM,

E

SCRIPTORIBVS HISTORIAE BYZANTINAE

ERYTAE ET DIGESTAE

A

IOANNE GOTTHILF STRITTERO

GYMNASII ACADEMIAE SCIENTIARVM IMPERIALIS PETROPOLITANAE
CONRECTORE.

TOMVS IV.

LAZICA, AVASCICA, MISIMIANICA, APSILICA, TZANICA,
SVANICA, MESCHICA, ZICCHICA, IBERICA, ALANICA,
IYTHYNOICA, CARPICA, VARNICA, CHAMAVICA, VA-
RANGICA, NEMITZICA, DACICA, PANNONICA,
SARMATICA, SCYTHICA, MASSAGETICA, ET GE-
NEALOGIAS GENTIVM COMPLECTENS.

ACCEDIT INDEX DVPLEY TOTIVS OPERIS.

PETROPOLI,

IN PENSIS ACADEMIAE SCIENTIARVM

MDCCLXXIX.

NB. Of all the above Hahn gives only Lazica
and Iberica. He omits all Stritter's
notes and all reference to the originals,
it is a pity, such a valuable work.

John H. Waddell

ИЗВѢСТІЯ

ДРЕВНИХЪ ГРЕЧЕСКИХЪ И РИМСКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ

О КАВКАЗѢ.

СЪ ЛАТИНСКАГО ТЕКСТА ШТРИТТЕРА ПЕРЕВЕЛЪ

К. Ганъ,

учитель Тифлисской 1-й гимназіи.

ЧАСТЬ II.

Византійскіе писатели.

А. Лазика и Уберія.

ТИФЛИСЪ.

Типографія канцеляріи Главноначальствующаго гражданскою частью на КавказѢ.

1890.

**Печатано по распоряженію Попечителя Кавказскаго Учебнаго
Округа.**

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Иберія по византійскимъ писателямъ.....	стр.
Имя, происхожденіе и мѣстожителство Иберовъ.....	1—8
Исторія Иберовъ.....	8—7
Цари и знаменитые мужи Иберовъ.....	7
Генеалогія иберскихъ царей по записи Константина Порфиророднаго.....	8
Авторы, писавшіе объ Иберахъ.....	8—10

Глава I.

Древнѣйшія извѣстія объ Иберахъ и подвиги ихъ, съ 65 г. до Р. Х. по 461 г. по Р. Х.....	10—15
§ 1. Помпей Великій побѣждаетъ воинственныхъ Иберовъ, владѣнія которыхъ доходили до Мескійскихъ горъ и до Понта.....	10
§ 2. Помпей Великій ведетъ въ триумфальномъ шествіи иберскихъ князей... ..	11
§ 3. Императоръ Тиберій приказываетъ иберскому царю Митридату вторгнуться въ Арменію для того, чтобы Тиридату легче досталось паряясское царство.....	—
§ 4. Митридатъ, мечтая о возстаніи, отправилъ въ Римъ брата своего, Кота, который открылъ императору намѣренія своего брата, за что былъ назначенъ царемъ Иберіи вмѣсто Митридата.....	12
§ 5. Галерій и Діоклетіанъ, вѣдя переговоры съ Персами о мирѣ, требовали, чтобы иберскіе цари получали знаки царскаго достоинства отъ Римлянъ.....	—
§ 6. Иберы, побужденные чудесами, сотворенными одной женщиной, принимаютъ христіанскую вѣру.....	—
§ 7. Многіе Иберы приходятъ къ Симеону Стилиту и принимаютъ христіанскую вѣру.....	18
§ 8. Иберскіе цари гордятся тѣмъ, что происходятъ отъ царя іудейскаго Давида; у нихъ есть преданіе о томъ, какъ и когда они ушли изъ Іерусалима.....	—
§ 9. Сарагуры и Акатиры опустошаютъ Иберію и Арменію въ царствованіе Льва I го.....	14
§ 10. Лазы отсылаютъ обратно вспомоگательныя войска, присланныя имъ императоромъ Львомъ для защиты отъ Иберовъ.....	—

Глава II.

Отпаденіе Иберовъ отъ Персовъ и присоединеніе ихъ къ Римлянамъ въ царствованіе царя Гургена; разные споры, возник-

- шіе вслѣдствіе этого между Персами и Римлянами; Иберы-союзники то Римлянъ, то Персовъ, съ 521—627 г. по Р. Х. 15—23
- § 11. Мѣстожителство Иберовъ; привязанность ихъ къ христіанской вѣрѣ. Кабадъ хочетъ принудить ихъ принять религію Персовъ и запретить имъ хоронить умершихъ..... 15
- § 12. Гургенъ съ своимъ народомъ отдается подъ защиту Юстиніана. Не будучи въ состояніи сопротивляться вторженію Персовъ, онъ бѣжитъ въ Лазикъ и оттуда съ женой, дѣтьми и иберской знатью въ Византію..... 16
- § 13. По заключеніи мира между Персами и Римлянами, одни изъ Иберовъ остаются въ Византію, другіе возвращаются на родину..... —
- § 14. Цаманарсъ, царь Иберовъ, отправляется съ женой и всѣмъ дворомъ въ Константинополь; Юстиніанъ заключаетъ съ нимъ союзъ, и онъ, богато одаренный, возвращается домой..... 17
- § 15. Рассказывается, что Лазика очень удобна для Персовъ, чтобы удерживать въ повиновеніи Иберовъ, неохотно повинующихся имъ..... 18
- § 16. Фаць, находящійся въ походѣ въ Италию съ отрядомъ Иберовъ, храбро сражался, падаетъ въ сраженіи съ Готами..... —
- § 17. Рустикъ оправдываетъ убійство Губаца, царя Лазовъ, между прочимъ и тѣмъ, что тотъ былъ способенъ послать вѣстниковъ въ Иберію и Алацію съ извѣстіемъ о неудачахъ Римлянъ..... —
- § 18. Миссиміаны, опасаясь мести Римлянъ за убійство Сотериха, посылаютъ пословъ къ персидскому полководцу съ предложеніемъ перейти на сторону Персовъ..... 19
- § 19. Персы приходятъ на помощь Миссиміанамъ, но, при наступленіи зимы, отступаютъ въ Иберію..... —
- § 20. Персъ Цихъ отвѣчаетъ послу Юстиніана I, Петру, требующему Сванію, что, уступивъ эту страну, онъ долженъ опасаться, какъ-бы Римляне не подняли спора также изъ-за Лазики..... —
- §§ 21—23. Въ переговорахъ о мирѣ съ послами Тиберіа, Персы требовали, чтобы Римляне ушли изъ Персарменіи и Иберіи, а также и выдали виновниковъ отпаденія..... 20—23
- § 24. Иберы, Лазы и Абазги, союзники Римлянъ, отказываются вторгнуться въ Персію вмѣстѣ съ императоромъ Августомъ.... —
- § 25. Ираклій даетъ Персамъ сраженіе, въ которомъ иберскій царь, Барсамесъ, взятъ имъ въ плѣнъ..... —
- § 26. Иберы завоевываютъ нѣсколько персидскихъ городовъ не столько своими силами, сколько благодаря страху, наводимому именемъ римскаго императора Ираклія..... 23

Глава III.

Вторженіе въ Иберію Сарациновъ, Римлянъ и Турокъ. Событія въ Иберіи въ царствованіе Льва Философа и сына его, Константина Порфиророднаго. Генеалогія иберскихъ князей, съ 685—959 г. по Р. Х. .... 23—37

§ 27. Иберія платить дань Абимелеху, царю Сарациновъ, и императору Юстиніану II.....	23
§ 28. Юстиніанъ покоряетъ Иберію послѣ изгнанія Сарациновъ полководцемъ Леонтіемъ.....	—
§ 29. Юстиніанъ возбуждаетъ Алановъ къ войнѣ съ Иберами.....	24
§ 30. Турки, вторгнувшись въ Иберію, сражаются здѣсь съ Арабами.....	—
§ 31. Иберы принимаютъ участіе въ возстаніи Фомы противъ императора Михаила Бальбы.....	—
§ 32. Адранасе, сынъ иберскаго царя, получаетъ отъ Льва Философа титулъ „Куропалата“.....	25
§ 33. Левъ посылаетъ войско въ подвластную Сарацинамъ Фазіану и опустошаетъ эту страну.....	—
§§ 34—35. Римляне опустошаютъ Фазіану въ царствованіе императора Романа Лакапена; они тщетно стараются убѣдить Иберовъ сдать имъ г. Цетцеумъ для того, чтобы оттуда Сарацинамъ не могли быть доставляемы припасы.....	25—27
§§ 36—38. Иберы требуютъ отъ Константина Порфиророднаго выдачи Фазіана и города Абника; доказывается неосновательность этого требованія.....	27—30
§ 39. Въ царствованіе Романа Лакапена и Константина Порфиророднаго иберскій царь прѣзжаетъ въ Константинополь и, благосклонно тамъ принятый, возвращается домой.....	30
§§ 40—42. Генеалогія иберскихъ князей.....	31—32
§§ 43—49. Асотій (онъ-же Кискасъ) передаетъ Римлянамъ г. Адравутце (онъ-же Арценъ); остальные иберскіе князья не довольны не столько этимъ фактомъ, какъ тѣмъ способомъ, которымъ все это сдѣлалъ Асотій....	32—37
§ 50. Содержаніе писемъ, отправленныхъ константинопольскимъ императоромъ къ иберскому Куропалату, къ четыремъ остальнымъ предводителямъ и къ иберскому католикусу.....	37

Глава IV.

Иберы, какъ союзники Римлянъ въ войнахъ; война между Константиномъ Мономахомъ и княземъ города Ани; участіе въ ней Иберовъ; междоусобная война иберскаго царя Панкратія съ Иберомъ Липаритой; вторичныя вторженія Турокъ въ Иберію; Иберы подчинены Татарамъ, съ 964—1306 г. по Р. X.....

§ 51. Иберы служатъ въ войскѣ императора Никифора Фоки въ Киликіи....	37
§ 52. Барда Фока, побѣжденный мятежникомъ Бардой Склеромъ, удаляется въ Иберію; получивъ тамъ отъ царя Давида вспомогательныя войска, онъ побѣждаетъ Барду Склера у р. Галиса.....	38
§ 53. Василій Порфирородный занимаетъ Иберію, оставленную ему въ наслѣдство царемъ Давидомъ, и заключаетъ союзъ съ братомъ его Георгіемъ..	—
§ 54. Тцятцкій, сынъ иберскаго патриція Февдата, префектъ г. Доростола..	39

	стр.
§ 55. Георгій и Барасбатце, родственники Февдата, уличенные въ заговорѣ противъ императора Романа Аргира, подвергаются тѣлесному наказанію.	39
§ 56. Иберь Барасбатце, префектъ г. Едессы, спасаетъ этотъ городъ отъ злого замысла Сарациновъ.....	—
§§ 57—61. Константинъ Мономахъ идетъ войной противъ князя г. Ани; въ этой войнѣ принимаютъ участіе Иберы, какъ союзники Римлянъ....	40—44
§ 62. Липарита идетъ войной противъ иберскаго царя Панкратія, обидѣвшаго его жену; они заключаютъ миръ черезъ посредство Константина Мономаха.....	45
§§ 63—67. Вторженіе Турокъ въ Бааспранію; Римляне и Иберы, подъ предводительствомъ Липариты, нападаютъ на нихъ и побѣждаютъ ихъ, но Липарита попадаетъ въ плѣнъ и приводится къ султану, который, однако, отпускаетъ его.....	45—48
§ 68. Султанъ вторгается въ Иберію, доходитъ до г. Комія, но возвращается назадъ въ Бааспранію, такъ-какъ жители страны спасаются въ замки.	—
§ 69. Султанъ преслѣдуетъ Кутлумуса въ Иберіи и все опустошаетъ; но, когда противъ него выступаетъ войско Франковъ и Варанговъ, онъ отступаетъ въ Табретій.....	49
§ 70. Константинъ Мономахъ требуетъ отъ Иберовъ вмѣсто солдатъ высокія подати.....	—
§ 71. Иберія опустошается вторженіями Турокъ.....	50
§ 72. Императоръ Романъ Діогенъ, побѣдивъ у г. Герополя Турокъ и Сарациновъ, рѣшается построить крѣпость въ этомъ городѣ, для чего назначаетъ сюда префектомъ Ибера Фарасмана.....	—
§ 73. Иберія заражается ересью Нестора и Акефаловъ.....	—
§ 74. Идя противъ Турокъ, Романъ Діогенъ спѣшитъ въ Иберію и приходитъ въ Θεодосіополь.....	51
§ 75. Романъ Діогенъ, выпущенный султаномъ изъ плѣна, пріѣзжаетъ въ сопровожденіи Турокъ въ Θεодосіополь и оттуда, черезъ деревни Иберіи, доѣзжаетъ до Коловін.....	—
§ 76. Михаилъ Дука женится на дочери иберскаго князя.....	—
§ 77. Въ царствованіе императора Эмануэла I-го Комнена, въ войнѣ съ Сицилійцами Иберы хорошо дерутся.....	—
§ 78. Татарскій ханъ Капанъ пользуется на войнѣ преимущественно Иберами, отличающимися храбростью и чистыми нравами. Чтобы вознаградить ихъ, онъ идетъ войной противъ Арабскаго султана и старается овладѣть г. Іерусалимомъ, хотя попытка эта ему не удается.....	52
§ 79. Іоаннъ Комненъ, сынъ трапезундскаго императора Алексѣя, изгнанный въ Иберію гражданами своей родины, женится тамъ на дочери царя Александра.....	58
§ 80. Цихъ съ Турками осаждаетъ г. Трапезунтъ, откуда всѣ должностныя лица спасаются бѣгствомъ въ Иберію.....	—

Глава V.

Смѣшанныя извѣстія о мѣстоположеніи Иберіи.....	54—57
---	-------

§ 81. Каспійскія ворота устроены какъ-бы самой природою, за границами Иберіи, въ концѣ узкаго прохода, простирающагося на 50 стадій.....	54
§ 82. Въ страну Дубіосъ привозятъ товары изъ Индіи, сосѣдней Иберіи, Персіи и изъ римской имперіи.....	—
§ 83. Рѣка Боасъ беретъ начало въ Арменіи, черезъ нее легко можно перейти всюду до границъ Иберіи и Кавказа; но тамъ она значительно увеличивается и принимаетъ названіе Фазисъ.....	55
§ 84. Изъ Иберіи въ Колхиду, гдѣ прежде едва могъ пройти хорошій ходокъ, Персы устроили такую хорошую дорогу, что даже слоны могутъ двигаться по ней.....	—
§ 85. Границы Иберіи; города, происхождение Иберовъ; христіанская вѣра...	—
§ 86. Иберія платитъ дань Скивамъ (Татарамъ).....	56

Важнѣйшія свѣдѣнія о Лазахъ.

Имя и происхождение Лазовъ.....	57
Мѣстоположеніе Лазики.....	—
Исторія Лазовъ.....	58—62
Цари Лазики и знатные люди.....	—
Писатели, у которыхъ мы находимъ извѣстія о Лазахъ.....	68

Глава I.

Древнѣйшія извѣстія о Лазахъ; происхождение народа. Войны съ Римлянами и другія событія, главнымъ образомъ, въ царствованіе Губаца, Цамнакса и Тпатія, до принятія христіанства, съ 65 г. до Р. X. по 527 г. по Р. X.....	64—72
§ 1. Лазы тождественны съ Колхами;—они переселенцы изъ Египта, авившіеся здѣсь въ царствованіе Сезостриса.....	64
§ 2. Помпей Великій, въ войнѣ съ Митридатомъ, вторгается въ Колхиду....	65
§ 3. Возвратившись въ Римъ, онъ приводитъ съ собой побѣжденныхъ царей Колховъ и другихъ народовъ, которые участвуютъ въ триумфѣ.....	—
§ 4. Мѣстожительство Колховъ.....	—
§ 5. Покореніе Лазики императоромъ Северомъ.....	66
§ 6. Босфорскій царь Крисконъ соединяется съ Сарматами и идетъ войной противъ Лазики, но Херсонезцы, побужденные императоромъ Діоклетіаномъ, овладѣваютъ Босфоромъ и заставляютъ царя заключить миръ.....	—
§ 7. Царь Лазовъ, Губацъ, отнимаетъ у Свановъ нѣсколько городовъ; когда изъ-за этого происходитъ война съ Сванами, съ которыми соединяются Персы, онъ проситъ у Льва I вспомогательныхъ войскъ; но, получивъ ихъ, отправляетъ ихъ обратно.....	67
§ 8. Римляне воюютъ съ Лазами, уходятъ и снова возобновляютъ войну.....	—
§ 9. Губацъ, по желанію Льва I, уступаетъ царство своему сыну; самъ ѣдетъ въ Византію и достигаетъ цѣли, заключивъ миръ.....	68

	стр.
§ 10. Приемъ Губаца въ Константинополѣ.....	69
§ 11. Посолъ Кабада жалуется на то, что Лазика была силою отнята у Персовъ и занята Римлянами, но не добивается мира.....	—
§ 12. Тцатій, царь Лазовъ, въ Константинополѣ принимаетъ христіанскую вѣру; императоръ Юстинъ оказываетъ ему царскія почести; Тцатій женится на Римлянкѣ; описаніе его царскаго облаченія.....	—
§ 13. Кабадъ посылаетъ пословъ въ Константинополь съ жалобой на то, что Тцатій провозглашенъ царемъ; отсюда происходятъ раздоры между Персами и Римлянами.....	70
§ 14. Царь Иберовъ, Гургень, отпадаетъ отъ Персовъ; не будучи въ состояніи сопротивляться имъ, онъ бѣжитъ въ Лазикъ.....	71
§ 15. Два укрѣпленія, лежащія на границѣ Лазики и Иберіи, по удаленіи отъ Лазовъ, занимаются римскимъ гарнизономъ; когда Римляне оставляютъ ихъ, вслѣдствіе затруднительной доставки туда жизненныхъ припасовъ, Персы занимаютъ эти укрѣпленія.....	72

Глава II.

Война между Персами и Тцатиємъ возникаетъ вслѣдствіе союза послѣдняго съ Римлянами; миръ; Лазы переходятъ къ Персамъ, завоеваніе города Петры, съ 528—545 г. по Р. Х. 72—82

§ 16. Тцатій, съ которымъ Персы воюютъ, получаетъ отъ Юстиніана I вспомогательныя войска.....	72
§ 17. Царь Персовъ, Хосрой, уступаетъ, наконецъ, Римлянамъ Лазикъ.....	78
§ 18. Армяне, въ переговоры съ Хосроемъ, говорятъ, что Римляне поставили полководца надъ царемъ Лазовъ.....	74
§ 19. Хосрой, призванный Лазами, ведетъ войско въ Лазикъ; древнее состояніе Лазики, торговля; постоянныя обиды римскихъ префектовъ, въ особенности Іоанна Тциба, возбуждаютъ Лазовъ къ отпаденію отъ Римлянъ; Юстиніанъ основываетъ Петру.....	—
§ 20. Рѣчь пословъ Лазовъ къ Хосрою, въ которой они излагаютъ причины отпаденія.....	76
§ 21. Хосрой, обрадованный переходомъ Лазовъ къ нему, снаряжаетъ экспедицію.....	78
§ 22. Губацъ идетъ навстрѣчу Хосрою и отдаетъ ему всю Лазикъ.....	—
§ 23. Персамъ, посланнымъ впередъ для осады Петры, Римляне, сдѣлавъ неожиданную вылазку, причиняютъ поражение.....	79
§ 24. Хосрой придвигаетъ все войско къ городу; смерть Іоанна, предводителя римскаго гарнизона.....	80
§ 25. Персы подводятъ мины, разрушаютъ часть стѣны и занимаютъ городъ..	—
§ 26. По случаю вторженія Велисарія въ Персію, Хосрой возвращается въ Персію, оставивъ гарнизонъ въ Петрѣ.....	81
§ 27. Послы, присланные къ Хосрою для переговоровъ о мирѣ, требуютъ возобновленія укрѣпленій въ Лазикѣ.....	—

Глава III.

	стр.
Планъ Хосроя о переселеніи Лазовъ на другое мѣсто, объ основаніи персидской колоніи въ Лазикѣ и объ устраненіи царя Лазовъ; Лазы отпадаютъ къ Римлянамъ; Римляне осаждаютъ Петру, но тщетно; пораженіе Персовъ и уходъ ихъ, съ 545 г. по 549 г. по Р. Х.....	82—94
§ 28. Какія выгоды Персы разсчитываютъ получить отъ занятія Лазики; Хосрой разсчитываетъ выселить Лазовъ, подозрѣвая ихъ въ невѣрности, и поселить тамъ Персовъ; его планъ устранить Губаца.....	82
§ 29. Хосрой отправляетъ годный для кораблестроенія матеріалъ въ Лазику и посылаетъ туда-же Фабрица съ войсками; матеріалъ, пораженный молніею, сгораетъ; Губацъ, узнавъ о строящихся противъ него козняхъ, намѣревается отпастъ.....	83
§ 30. Губацъ отправляетъ пословъ въ Константинополь просить извиненія за прошлое и молить о помощи; получивъ войска, онъ осаждаетъ Петру...	84
§ 31. Описаніе мѣстоположенія Лазики.....	85
§ 32. Губацъ спѣшитъ къ границамъ Лазики, чтобы стеречь узкіе проходы, оставивъ Дагисея и Римлянъ у Петры; Аланы и Сабиры союзники Римлянъ.....	86
§ 33. Дагисеей пренебрегаетъ занять проходы войсками и осаждаетъ Петру со всѣмъ войскомъ.....	87
§ 34. Когда Римляне были уже готовы войти въ городъ черезъ брешь, начальникъ персидскаго гарнизона коварно общается имъ сдать; но, потомъ, устраиваетъ такъ, что ни одинъ римскій солдатъ не входитъ въ городъ.	88
§ 35. Персъ Мермерой, войдя черезъ плохо защищенные проходы, является на помощь г. Петрѣ; Римляне прекращаютъ осаду.....	89
§ 36. Мермерой уходитъ, оставивъ гарнизонъ въ Петрѣ; на него дорогой нападаютъ Римляне.....	90
§ 37. Губацъ усердно сторожитъ проходы; главная часть Лазики была достаточно укрѣплена г. Фазисомъ и устроенными недалеко оттуда укрѣпленіями.....	91
§ 38. Юстиніанъ посылаетъ деньги и войско Губацу, Лазамъ и Сабирамъ...	—
§ 39. Мермерой, обильно снабдивъ Петру жизненными припасами, уводитъ свое войско назадъ въ Персію, оставивъ тамъ только пять тысячъ человѣкъ.....	92
§§ 40—41. Римляне и Лазы, по совѣту Губаца, нападаютъ на оставленныхъ Персовъ, изъ которыхъ спасаются немногіе.....	—

Глава IV.

Болѣе подробное описаніе Лазики; неудачный походъ Персовъ въ Лазику, подъ предводительствомъ Хоріана, въ 550 г. по Р. Х.....	94—104
42. Хоріанъ съ многочисленнымъ войскомъ Персовъ и вспомогательными	

	стр.
войсками Алановъ вторгается въ Лазикъ и располагается лагеремъ у р. Гипсиса.....	94
§ 43. Болѣе подробное описаніе расположенія Лазикъ.....	95
§ 44. Персы стремятся къ верховной власти въ Лазикѣ, преимущественно съ тою цѣлю, чтобы легче вторгнуться въ Византію.....	99
§ 45. Римляне и Лазы на совѣщаніи рѣшаютъ напасть на Хоріана; Лазы желаютъ сражаться отдѣльно отъ Римлянъ.....	100
§ 46. Губацъ поощряетъ своихъ солдатъ храбро сражаться.....	101
§ 47. Боевой строй Лазовъ и Римлянъ; Хоріанъ посылаетъ впередъ тысячу человекъ, а самъ слѣдуетъ съ остальными.....	102
§ 48. Конница Лазовъ нападаетъ на Персовъ, но тотчасъ-же обращается въ бѣгство и присоединяется къ Римлянамъ; между обоими войсками происходятъ только легкія стычки.....	—
§ 49. Хоріанъ падаетъ въ сраженіи; Персы терпятъ пораженіе, у нихъ отнимаютъ даже весь лагерь; снабдивъ Петру войсками и жизненными припасами, Персы уходятъ.....	103

Глава V.

Вторичный походъ Персовъ въ Лазикъ; благодаря измѣнѣ, Персы овладѣваютъ крѣпостью Тцибилумомъ (Tsibilum), но Римляне опять отнимаютъ ее; взятіе Петры Римлянами; неудачная осада Археополя, въ 550 г. по Р. X.....	104—118
§ 50. Дагисей, обвиненный Лазами въ измѣнѣ, по приказанію императора, отдается подъ стражу; туда посылается Бессъ въ качествѣ полковода..	104
§ 51. Персъ Набедъ, вторгнувшись въ Лазикъ, уходитъ оттуда, ничего не достигнувъ.....	105
§ 52. Персы занимаютъ укрѣпленіе Тцибилумъ въ Аписіи, благодаря измѣнѣ Тердета; Аписіицы убиваютъ Персовъ, овладѣваютъ укрѣпленіемъ и сдаютъ его Римлянамъ.....	105
§§ 53—55. Бессъ осаждаетъ Петру съ помощью Сабировъ.....	106
§ 56. Открытіе тройного водопровода, устроеннаго раньше Персами съ замѣчательнымъ искусствомъ.....	109
§ 57. Бессъ посылаетъ плѣнныхъ въ Византію и разрушаетъ стѣны г. Петры.	111
§ 58. Персъ Мермерой, узнавъ, что Петра взята Римлянами, ведетъ свое войско въ Археополь.....	—
§ 59. Мермерой отпускаетъ большую часть союзниковъ Сабировъ; войско Римлянъ раздѣляется на нѣсколько частей.....	112
§ 60. Бессъ, послѣ взятія Петры, не боится непріятеля, а старается только набрать, какъ можно болѣе, денегъ.....	—
§ 61. Мермерой восстанавливаетъ лежащія на границахъ Иберіи укрѣпленія Сканду и Саралансъ, которыя были разрушены Лазами, и, оставивъ тамъ гарнизонъ, отправляется далѣе.....	118
§ 62. Мермерой направляется на непріятелей, расположившихся лагеремъ у устьевъ рѣки Фазиса, чтобы, поразивъ ихъ, осадить Археополь.....	—

	отг.
§ 63. Римляне, узнавъ о прибытіи Персовъ, бѣгутъ; Мермерой идетъ на Археополь; расположепіе города, начало осады.....	114
§ 64. Римляне дѣлаютъ вылазку, наносятъ Персамъ большое пораженіе и заставляютъ ихъ снять осаду.....	115
§ 65. Мермерой съ войскомъ отправляется на Мухирезисъ; восстанавлиетъ Кутатисій. Римлянамъ и Лазамъ отрѣзанъ былъ путь къ укрѣпленію Ухимерій и провинціямъ Сваніи и Скимніи.....	117

Глава VI.

Состояніе дѣлъ въ Лазикѣ во время возобновленія пятилѣтняго перемирія съ Персами; хитростное взятіе Ухимерія персидскимъ предводителемъ Мермероемъ; остальные его подвиги до самой его смерти, съ 551—553 г. по Р. X.....	118—130
§ 66. Персы и Римляне соглашаются на пятилѣтнее перемиріе; споръ насчетъ Лазики не прекращается.....	118
§ 67. Губацъ склоняется на сторону Римлянъ; Лазы, съ которыми Римляне не хорошо обращаются, склоняются на сторону Персовъ.....	119
§ 68. Персы, благодаря измѣнѣ, овладѣваютъ укрѣпленіемъ Ухимеріемъ; выгоды, на которыя, вслѣдствіе этого, они могутъ надѣяться.....	120
§ 69. Мермерой идетъ на Римлянъ и Лазовъ, расположившихся лагеремъ у устьевъ р. Фазиса; тѣ, узнавъ объ этомъ, бѣгутъ; Губацъ, со своимъ семействомъ, съ трудомъ, находитъ себѣ убѣжище и пропитаніе въ горахъ.	121
§ 70. Мермерой сманиваетъ многихъ Лазовъ на свою сторону, но напрасно пытается отклонить Губаца отъ вѣрности къ Римлянамъ.....	122
§ 71. Получивъ помощь, онъ выступаетъ изъ Мухирезиса, и, осадивъ нѣскольکو укрѣпленій, хотя безуспѣшно, возвращается обратно.....	123
§ 72. Мермерой старается найти способъ пройти черезъ узкіе проходы, усердно охраняемые Римлянами.....	124
§ 73. Мермерой притворяется больнымъ, а потомъ велитъ распространить слухъ о своей смерти, вслѣдствіе чего Римляне менѣе бдительно сторожатъ проходы.....	125
§ 74. Мермерой неожиданно приближается къ укрѣпленію, убиваетъ сторожей и овладѣваетъ имъ; остальное войско Римлянъ у м. Оларіи выстраивается въ боевой порядокъ и хочетъ противиться Персамъ.....	126
§ 75. Персы разбредшимся по полянѣ Римлянамъ наносятъ пораженіе, и Римляне, находящіеся даже въ лагерѣ, очень пугаются; все войско въ большой суматохѣ бѣжитъ къ „Острову“.....	127
§ 76. Что такое парасанга? Весьма укрѣпленное положеніе „Острова“.....	128
§ 77. Мермерой, прекрасно все устроивъ, возвращается въ Мухирезисъ; но дорогой заболѣваетъ и его съ трудомъ переносятъ до иберскаго города Мехинеа, гдѣ онъ и умираетъ.....	129

Глава VII.

Убийство царя Губаца, совершенное римскими предводителями;

- пораженіе Римлянъ при Оногурѣ; совѣщаніе Лазовъ о томъ, какъ имъ поступить; отправленіе посольства къ императору Юстиніану; Тцать получаетъ отъ императора титулъ царя, въ 554—555 г. . . . . 130—154
- § 78. Хосрой назначаетъ Нахорагана начальникомъ надъ дѣйствующими въ Лазикѣ персидскими войсками. 180
- § 79. Губацъ обвиняетъ Бесса, Мартина и Рустика въ томъ, что они были причиною послѣдняго пораженія Римлянъ; Юстиніанъ лишаетъ Бесса мѣста. —
- § 80. Мартинъ и Рустикъ ненавидятъ Губаца, и эта ненависть ихъ изо дня въ день усиливается. 181
- § 81. Мартинъ и Рустикъ обвиняютъ черезъ Іоанна передъ Юстиніаномъ Губаца въ измѣнѣ; приказаніе Юстиніана. 182
- § 82. Узнавъ о приказаніи императора, они приглашаютъ Губаца къ себѣ. . . 183
- § 83. Прибывшаго туда Губаца, во время разговора, заговорщики убиваютъ. —
- § 84. Лазы уходятъ домой и удерживаются отъ войны. 185
- § 85. Болѣе подробныя свѣдѣнія о Лазяхъ. . . . . —
- § 86. Римскіе предводители готовятся къ экспедиціи на г. Оногуру; откуда Оногура получила свое названіе. 186
- § 87. Взятый въ плѣнъ Персъ выдаетъ планы своихъ земляковъ; разногласіе между римскими предводителями насчетъ веденія войны. 187
- § 88. Римляне осаждаютъ г. Оногуру со всѣми почти войсками. 188
- § 89. Побѣда Римлянъ надъ тремя тысячами Персовъ, которые пришли изъ Мухирезиса, и которыхъ Римляне застаютъ врасплохъ. . . . . —
- § 90. Римляне, въ свою очередь, разбитые Персами, вернувшимися съ бѣгства, сами показываютъ имъ тылъ 189
- § 91. Войско располагается на зимнія квартиры; Лазы собираются въ какой-то горной долинѣ Кавказа совѣщаться о положеніи дѣлъ. 140
- § 92. Айзъ, знатный Персъ, совѣтуетъ имъ перейти на сторону Персовъ. . . 141
- § 93. Большинство одобряетъ это мнѣніе. 145
- § 94. Фартацъ уговариваетъ Лазовъ и предлагаетъ свой совѣтъ обо всемъ доложить императору Юстиніану и просить наказать зачинщиковъ убійства. 146
- § 95. Лазы соглашаются съ нимъ; они отправляютъ въ Константинополь пословъ, которые должны потребовать наказанія убійцъ и назначенія новаго царя, Тцата. 151
- § 96. Юстиніанъ отправляетъ Аванасія въ Лазіку для разслѣдованія убійства; тотъ сейчасъ-же велитъ отдать Рустика подъ стражу и задерживаетъ Іоанна, который собрался бѣжать. 152
- § 97. Нахораганъ приходитъ въ Мухирезисъ; Римляне также готовятъ себя къ войнѣ. 153
- § 98. Царь Тцать, одѣтый въ царское облаченіе, приходитъ въ Лазіку, и Лазы принимаютъ его съ восторгомъ. . . . . —

Глава VIII.

Краткое изложеніе Миссиміанской войны; свиданіе Перса Нахо-

рагана съ Римляниномъ Мартиномъ, гдѣ шла рѣчь о мирѣ,
но безъ успѣха; поражение Персовъ у г. Фазиса, въ 555 г.
по Р. Х. . . . . 154—170

§ 99. Миссиміанъ, подвластные Лазамъ, убиваютъ римскаго посланника Со-
териха, который съ ними грубо обращался. 154

§ 100. Нахораганъ приводитъ войско къ „Острову“; Сабіры, союзники Рим-
лянъ, уничтожаютъ у Археополя отрядъ Персовъ . . . . . —

§ 101. Нахораганъ приглашаетъ Мартина на свиданіе; Персъ предлагаетъ по-
ворныя для Римлянъ условія договора. 155

§ 102. Предводители расходятся, не придя къ соглашенію; Нахораганъ рѣша-
ется осадить городъ Фазисъ; мѣстоположеніе города 156

§ 103. Нахораганъ съ войскомъ переправляется черезъ рѣку Фазисъ и напра-
вляется на городъ того-же имени; Римляне, сѣвъ на лодки, стараются
его предупредить, но напрасно. . . . . —

§ 104. Римляне оставляютъ часть войскъ на „Островъ“ и оухимъ путемъ
направляются къ городу Фазису, который они укрѣпляютъ съ большимъ
усердіемъ 157

§ 105. Персы вызываютъ осажденныхъ перестрѣлкой; часть Римлянъ, безъ
приказанія предводителя, дѣлаетъ вылазку, но ихъ отгѣсняютъ назадъ въ
городъ. 159

§ 106. Персы съ большимъ трудомъ засыпаютъ ровъ и приготавливаются къ
осадѣ города 160

§ 107. Сварженный римскимъ полководцемъ вѣстникъ приноситъ мнимое
письмо отъ Юстиніана, въ которомъ значится, что на помощь городу
идетъ войско 161

§ 108. Молва объ этомъ доходитъ до Персовъ; Нахораганъ посылаетъ часть
войска къ рѣкѣ Неокну; пустое хвастовство персидскаго полководца. . . 162

§ 109. Городъ съ большимъ усердіемъ осаждается Персами; Римляне храбро
защищаются. 164

§ 110. Юстинъ, до прибытія Персовъ посланный съ отрядомъ Римлянъ къ ка-
кому-то храму, при возвращеніи оттуда, натывается на Персовъ и пора-
жаетъ ихъ 165

§§ 111—112. Римляне дѣлаютъ вылазку; Персы всюду отражены и, потер-
пѣвъ большой уронъ, съ трудомъ доходятъ до своихъ лагерей. 166

§ 113. Когда Римляне подошли машины Персовъ, то персидскіе обозные сол-
даты и рабочіе, возвращавшіеся изъ гѣса и думавшіе, что городъ уже
взятъ, бѣгутъ туда, но Римляне убиваютъ ихъ всѣхъ до послѣдняго . . . 168

§ 114. Римляне овладѣваютъ громадною добычею. . . . . —

§ 115. Нахораганъ направляется на Мухрзевисъ; остальные войска возвраща-
ются туда отъ рѣки Неокна; Нахораганъ оставляетъ тамъ довольно боль-
шую часть конницы и уходитъ въ Иберію 169

Глава IX.

Слѣдствіе объ убійствѣ Губаца; наказаніе цареубійцамъ; спокой-
ствіе въ Лазикѣ восстанавливается, въ 555 г. по Р. Х. 170—187

	стр.
§ 116. Торжественныя приготовления къ разслѣдованію убійства Губаца . . .	170
§ 117. Въ самомъ началѣ засѣданія обвинители требуютъ прочтенія писемъ, присланныхъ Юстиніаномъ до совершенія убійства; письма эти прочтываются	171
§ 118. Рѣчь обвинителя, который доказываетъ, что Губаць не былъ измѣнникъ, и что убійство надъ нимъ совершено несправедливо	172
§ 119. Лазовъ, негодовавшихъ на то, что обвиненныхъ не сейчасъ-же ведутъ на казнь, успокаиваютъ	179
§ 120. Рѣчь обвиненныхъ, въ которой они стараются доказать, что Губаць, какъ измѣнникъ, былъ убитъ вполне справедливо	180
§ 121. Судья Аенасій, послѣ двукратнаго разбора дѣла, приговариваетъ Рустика и Иоанна къ смертной казни; насчетъ Мартина, соучастника въ убійствѣ, онъ докладываетъ Юстиніану	185
§ 122. Послѣ казни, совершенной надъ Рустикомъ и Иоанномъ, Лазы успокаиваются, и войска разводятся по зимнимъ квартирамъ	186

Глава X.

Другія событія въ Лазикѣ, въ царствованіе Юстиніана до заключенія мира между Римлянами и Персами; Лазика возвращается Римлянамъ, въ 556—562 г.	187—194
§ 123. Миссиміаны, послѣ убійства Сотериха, отпадаютъ отъ Римлянъ и Лазовъ и переходятъ на сторону Персовъ	187
§ 124. Римляне идутъ войной на Миссиміановъ; Лазъ Фарсантъ дѣлается однимъ изъ римскихъ предводителей	—
§ 125. Гуннъ Ельминцуръ, посланный римскимъ предводителемъ на лазскій городъ Родополь, овладѣваетъ имъ	188
§ 126. Персы отступаютъ на зимнія квартиры въ Котансъ и Иберію съ намѣреніемъ тамъ перезимовать. Охваченный сильною болѣзнію, римскій полководецъ Мартинъ оставляетъ заботу о войнѣ съ Миссиміанами и готовится къ возвращенію въ Лазикъ	189
§ 127. Юстинъ, сынъ Германа, по удаленіи Мартина съ префектуры, назначается предводителемъ въ Лазикѣ	—
§ 128. Какой-то Иоаннъ Ливіецъ черезъ свою жадность обременяетъ Лазовъ	190
§ 129. Персы и Римляне въ Лазикѣ ничего не предпринимаютъ; Нахораганъ за неудачное веденіе дѣла въ Лазикѣ подвергается жестокой казни	191
§ 130. По заключеніи мира между Персами и Римлянами черезъ посредство Циха, посланника Хосроя, обѣ стороны воздерживаются отъ войны, удерживая за собой занятые въ Лазикѣ укрѣпленія	—
§ 131. Петръ, посланный къ Хосрою, заключаетъ миръ на пятьдесятъ лѣтъ; Персы уступаютъ Римлянамъ Лазикъ	192
§ 132. Петръ требуетъ, чтобы Персы вернули Римлянамъ также и Саванію, составляющую часть Лазики, но тщетно	—

Глава XI.

Дѣла въ Лазикѣ въ царствованіе Юстина младшаго, Мавривія,

Ираклія, Юстиніана Ринотмета и Константина Порфиророднаго, съ 565 по 959 г. по Р. Х.	194—199
§ 183. Іоаннь, отправленный въ качествѣ посла къ Хосрою, не имѣетъ успѣха насчетъ Сваніи	194
§ 184. Лазы—союзники Римлянъ въ войнѣ противъ Персовъ	195
§ 185. Въ то время, какъ Персы побѣждаются Римлянами у г. Мартирополя, Лазика наслаждается спокойствіемъ	—
§ 186. Персъ Варамъ опустошаетъ Сванію, при чемъ никто ему не мѣшаетъ, такъ-какъ Лазика остается въ то время безъ претора	—
§ 187. Варамъ идетъ войной на Лазовъ; Маврикій отправляетъ туда войско, которое затѣмъ направляется въ Албанію.	196
§ 188. Ираклія, собирающагося вторгнуться въ Персію, оставляютъ его союзники, Лазы и Абазги.	—
§ 189. Ираклій отправляетъ въ Лазіку навстрѣчу персидскому войску	197
§ 140. Сергій, патрицій Лазики и Барнуціума, возмущается противъ Леонтія.	—
§ 141. Юстиніанъ Ринотметъ отправляетъ Леона къ Алавамъ съ цѣлью возмутить ихъ противъ Абазговъ, Лазовъ и Иберовъ	—
§ 142. Армяне и Римляне, осаждающіе городъ Археополь, встревоженные прибытіемъ Сарациновъ, отступаютъ въ г. Фазисъ	198
§ 148. Митрополитъ и епископы въ Лазикѣ	—

Глава XII.

Положеніе Лазики со временъ взятія Константинополя Латинянами до взятія Трапезунта Магометомъ II, съ 1204 г. по 1461 г.	199—214
§ 144. По взятіи города Константинополя Алексѣй Комнень овладѣваетъ Лазикой.	199
§ 145. Скіѣскій предводитель Халай дѣлаетъ набѣги на Лазіку и Иберію	—
§ 146. Нѣкій казначей, опасаясь гнѣва Іоанна Дуки, бѣжитъ къ Лазамъ	—
§ 147. Михаилъ Палеологъ приказываетъ царю Лазовъ Іоанну свять съ себя знаки царскаго отличія, но тщетно.	200
§ 148. Императоръ отправляетъ къ нему пословъ, предлагая ему руку своей дочери Евдокіи, съ тѣмъ, чтобы онъ пріѣхалъ въ Константинополь; послы возвращаются, не достигши своей цѣли	201
§ 149. Послѣ многократнаго отправленія посольствъ и послѣ клятвенныхъ обещаній, наконецъ, удается уговорить Лаза согласиться на бракъ	202
§ 150. Іоаннь отправляется въ Константинополь, сложивъ съ себя знаки царскаго отличія; его ласково принимаютъ, и онъ женится на дочери императора.	208
§ 151. По смерти Іоанна, ему наследуетъ на престолѣ его сынъ Алексѣй; Евдокія пріѣзжаетъ въ Константинополь; Андроникъ дѣлается опекуномъ Алексѣя	205
§ 152. Андроникъ хочетъ женить Алексѣя, царя Лазовъ, на дочери егермейстера Хумна, хотя тотъ уже женатъ на дочери какаго-то знатнаго Ибера.	—

XIV

	стр.
§ 153. Евдокія возвращается въ Лазикъ, вслѣдствіе чего исчезаетъ всякая надежда на упомянутый бракъ	207
§§ 154—156. Алексій вооруженно нападаетъ на Генуезцевъ, которые отказались заплатить подати и собирались уѣхать; Генуезцы соглашаются на миръ	208
§ 157. Генуезцы, тщетно возбужденные императоромъ противъ Каталанцевъ, отплываютъ въ Лазикъ	210
§ 158. Султанъ Пайхазитъ покоряетъ Тцалнидовъ, занимавшихъ Колхиду	211
§ 159. Карайдукъ управляетъ провинціями Персотурокъ, онъ—сосѣдъ Лазовъ и Персовъ и тесть трапезунтскаго царя Алексія	—
§ 160. Султанъ Амуратъ опустошаетъ Колхиду	—
§ 161. Султанъ Магометъ II опустошаетъ Колхиду	212
§ 162. Трапезунтская имперія платитъ дань Магомету	—
§§ 163—165. Магометъ овладѣваетъ Трапезунтомъ, который ему сдаетъ Давидъ Комненъ, а также и всей Лазикой	213

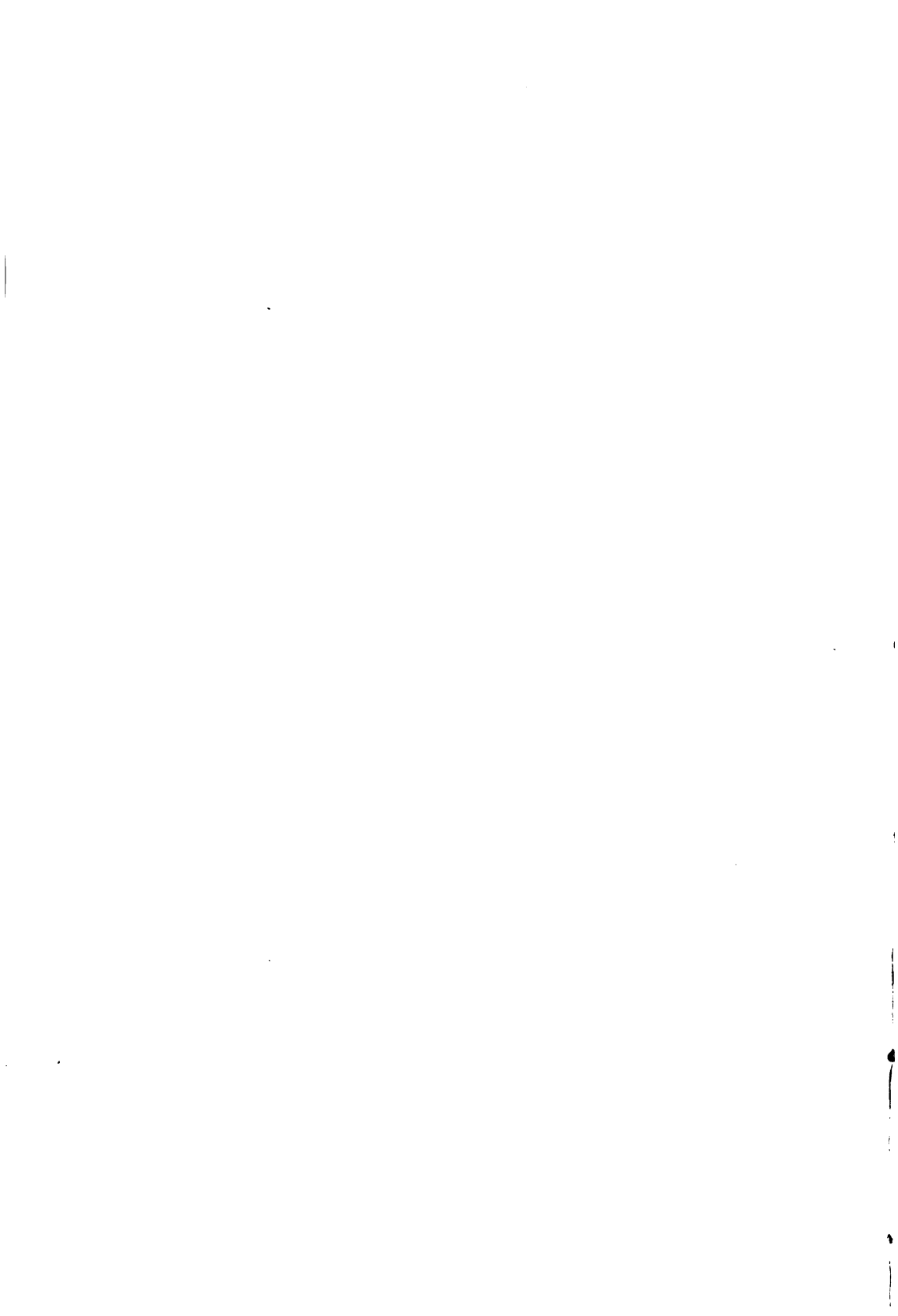

О П Е Ч А Т К И:

Стр.	Строчка		Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
8	4	сверху	Трапезундскій	Трапезунтскій
10	8	"	Трапезундъ	Трапезунтъ
17	3	снизу	εφ'	εφ'
18	8	сверху	на	не
35	4	снизу	εξαπο-	ἐξαπο-
"	8	"	ἀναφοράς	ἀναφοράς
66	2	"	Маркіана	Марціана
67	16	"	Гераклія	Ираклія.
72	4	"	Юстина	Юстиніана
92	3	"	εσχομιζεσθαι	ἐσχομιζεσθαι
99	1	"	ἐν τοῦ	τοῦ ἐν
109	10	сверху	Гуца	Гуцъ
115	2	снизу	Sottico	Gotthico
133	2	"	μηχανῆ	μηχανῆ
155	6	сверху	Колхійцемъ	Колхомъ

Handwritten notes:
 36
 Translation of Strabo's Ibericorum
 Vol. IV ff 255-316
 content the notes
 a volume of
 present at
 Strabo's Ibericorum
 H. H. H. H. H.

ИЗВѢСТІЯ

древнихъ греческихъ и римскихъ писателей о Кавказѣ.

ЧАСТЬ II.

Византійскіе писатели.

Memoriae populorum, olim ad Danubium, Pontum Euxinum, Paludem Maeotidem, Caucasum, Mare Caspium, et inde magis ad septentrionem incolentium e scriptoribus historiae Byzantinae erutae et digestae a F. G. Strittero Petropoli MDCCLXXIX *).

TOMUS IV.

Iberica e scriptoribus Byzantinis (p. 253).

Иберія по византійскимъ писателямъ.

Имя, происхождение и мѣстожителство Иберовъ.

Иберы (Ἰβηρες) у всѣхъ писателей, какъ и у византійскихъ, называются этимъ именемъ, но никто изъ нихъ не указалъ на то, откуда они произошли **). По толкованію же

*) Свѣдѣнія о народахъ, нѣкогда жившихъ по Дону и около Чернаго моря, Азовскаго, на Кавказѣ, у Каспійскаго моря и далѣе къ сѣверу, заимствованныя изъ писателей о византійской исторіи и приведенныя въ систему Штриггеромъ. Петербургъ 1779 г. Т. IV.

**) См. предположеніе Аппіана о происхожденіи Иберовъ: „Извѣстія древнихъ греческихъ и римскихъ писателей о Кавказѣ“. К. Гана. Часть I. Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Вып. IV. Огд. I. стр. 164.

Handwritten notes:
 Strabo. Hist. Geog. IV (part 7) ff 255-316
 Strabo's Ibericorum
 H. H. H. H. H.

Клаузера, переведшаго Халкокондилу (византійскаго писателя) на латинскій языкъ, можно было бы заключить, что Иберы *) тоже, что Аланы. Но въ этомъ, именно, мѣстѣ переводчикъ, какъ кажется, не совсѣмъ понялъ автора. Хотя Иберы уже въ древнѣйшія времена жили между Эвксинскимъ Понтомъ и Каспійскимъ моремъ, къ югу отъ Кавказа, но, все-таки, границы ихъ земель, кажется, не всегда были однѣ и тѣже. Ибо, въ 65-мъ году до Р. Х., Иберія простиралась отъ Кавказа до Месхійскихъ горъ и до Понта Эвксинскаго. Около же 521-го г. по Р. Х., и позже, она ограничена была на сѣверѣ Каспійскими воротами, на западѣ Лазами (тутъ упоминается ихъ область Котезіонъ (Cotaesium) и крѣпости—Сканда и Сарпанисъ, расположенныя на границахъ Иберіи), а на востокѣ народами, подвластными Персамъ. Въ то уже время столица (μητρόπολις) у этого народа называется Тифлисомъ.

Въ вѣкъ Константина Порфиророднаго, сына Льва Философа, въ 911—959 г. по Р. Х., кромѣ владѣнія верховнаго князя, получавшаго со временъ вышеупомянутаго Льва отъ императоровъ константинопольскихъ титулъ Куропалата, было еще четыре префектуры: Беріазахъ, Карпаты, Куель и Атдара, изъ которыхъ послѣдняя лежала при рѣкѣ того же имени и у границъ римской имперіи. Упоминаются города: Адранутце (Adranutzium), или Ардень, ключъ Иберіи, Месхія и Абазгіи, городъ Цетцеумъ (Cetzeum), лежащій недалеко отъ Теодосіополя, и Тирокаструмъ (Tyrocastrum). Тогда прибавилась къ Иберіи еще часть Фазіаны (Phasiane), лежащая на сѣверномъ берегу рѣки Фазиса, называвшейся также и Эраксомъ (Erah) и различной съ рѣкой того же имени у Лазовъ. Авампе и Мургуле, земли, подвластныя Римлянамъ, были смежны съ Иберіею.

Въ царствованіе Константина Мономаха, упоминаются:

---

*) Въ правописаніи именъ народовъ, въ виду единообразія съ вышеуказаннымъ трудомъ К. Гана, вездѣ сохрпана прописная буква. *Прим. Ред.*

какая-то равнина Осуртру въ Иберіи и вѣрности (castella) Капетрумъ и Коміумъ.

Халкокондила о мѣстоположеніи Иберіи рассказываетъ приблизительно слѣдующее: Иберія лежитъ по сосѣдству съ Колхидой или Лазикою. Отъ мѣстечка Баѳу (Bathu) и отъ рѣки Фазиса до Халтцихи лежатъ слѣдующія префектуры: Горгуры, Коріи, Кахетіи и Тифлисіи, сосѣднія съ Самахією (Samachia). Самахія находится въ рукахъ Турокъ, за исключеніемъ столицы приморской Кахетіи и городовъ: Севастополя Минкелійскаго, принадлежавшаго Дадіану, Маміи (Mamia), Самантаулы, Гуріи и другихъ приморскихъ городовъ *).

Исторія Иберовъ.

Иберы, славившіеся съ древнѣйшихъ временъ своею храбростію, были свободны и не покорялись ни персидскимъ, ни македонскимъ войскамъ, но, въ 65 г. до Р. Х., были разбиты на голову побѣдоноснымъ римскимъ войскомъ подъ предводительствомъ Помпея Великаго, и стали подвластны Римлянамъ въ царствованіе Тиберія и Клавдія. Впослѣдствіи они, кажется, подпали подъ иго персидское, такъ-какъ позже, въ царствованіе Діоклетіана (въ 297 г. по Р. Х.), въ мирѣ, заключенномъ между Персами и Римлянами, было условлено, что иберскіе цари будутъ получать знаки царскаго достоинства отъ римскаго императора.

Въ царствованіе Константина Великаго, Иберы, побужденные чудесами, совершенными одной христіанкой, оставили идолопоклонство и приняли христіанскую вѣру. Но что въ это время не весь народъ перешелъ въ христіанство, или, что многіе опять отступились отъ него, кажется вѣроятнымъ потому, что, приблизительно въ 432 г. по Р. Х., было вре-

*) Шриттеръ указываетъ тутъ на темноту этого мѣста, не яснаго ни для переводчика, ни для него самого.

To make it clear that we should have

щено много Иберовъ, увлеченныхъ подвигомъ извѣстнаго Симеона Стилита (столпника).

Въ царствованіе Льва I, они воевали съ Лазами, но, кажется, должны были прекратить войну, вслѣдствіе вторженія въ ихъ предѣлы Сарагуровъ и Акатировъ, которые тогда опустошили ихъ землю.

Когда, послѣ этого, спустя приблизительно 60 лѣтъ, въ 521 г. по Р. Х., персидскій царь Кавадесъ, которому тогда Иберы были подвластны, приказалъ имъ отказаться отъ вѣры въ истиннаго Бога и перенять язычество у Персовъ, царь Гургенъ (опъ же Куркенъ) обратился за помощью къ императору Юстину. Послѣдній сейчасъ-же отправилъ одного изъ своихъ приближенныхъ, съ громадной суммой денегъ, въ Босфоръ съ тѣмъ, чтобы тотъ, собравъ тамъ вспомогательныя войска Гунновъ, присоединился къ Иберамъ. Когда посланный вернулся оттуда, не достигнувъ своей цѣли, императоръ отправилъ въ Лазику полководца Петра съ незначительнымъ гуннскимъ войскомъ. А царь Гургенъ, въ это время, узнавъ о приближеніи громаднаго персидскаго войска и убѣдившись, что у него не хватитъ силъ для сопротивленія вторженію ихъ, съ женой, дѣтьми, братьями и со всею иберской знатью, удалился въ Лазику. Тутъ опъ нѣкоторое время, благодаря недоступной мѣстности, могъ сопротивляться Персамъ, но, потомъ, со всеми сопровождавшими его, уѣхалъ въ Византію. Когда, въ 532 г. по Р. Х., состоялся миръ между персидскимъ царемъ Хосроемъ и римскимъ императоромъ Юстиніаномъ, Иберамъ предоставили выборъ возвратиться на родину, или же остаться въ римской территоріи: они воспользовались свободой выбора, насколько каждому изъ нихъ это показалось выгоднымъ. Спустя два года, иберскій царь Цампарсъ пріѣхалъ въ Константинополь, заключилъ союзъ съ Юстиніаномъ и, получивъ много подарковъ и почестей, вернулся домой. Но, въ наказаніе за вышеупомянутое отпаденіе, Персы отняли у Иберовъ

право выбора царя и старались изо всѣхъ силъ присоединить къ своей имперіи Лазикъ, чтобы тѣмъ легче принудить Иберовъ оставаться имъ вѣрными.

Въ этомъ положеніи, должно быть, оставалась Иберія до смерти Юстиніана. Въ царствованіе Юстина II и Тиберія II, Иберія была занята Римлянами. Когда Персы вели переговоры съ Тиберіемъ о мирѣ, они соглашались на миръ только съ тѣмъ условіемъ, чтобы Римляне очистили Иберію. Тѣ обѣщали имъ это, но только съ тѣмъ, чтобы, взамѣнъ того, они получили городъ Дарасъ. Византійскіе писатели не даютъ свѣдѣній, чѣмъ окончилось это дѣло.

Въ царствованіе императора Иравлія, одна часть Иберіи, царемъ которой былъ Барсамёсъ (Barsamoeses), была подвластна Персамъ, другая — Римлянамъ. Но, благодаря счастливымъ войнамъ этого императора противъ Персовъ, Иберы даже заняли многіе персидскіе города.

Съ 627 г. по 889, упоминаются Иберы весьма рѣдко; въ промежуткахъ этого времени они были подъ властью то Сарациновъ и Римлянъ, то однихъ Римлянъ; имъ пришлось воевать даже съ Турками. Левъ Философъ, вступившій на престолъ въ 889 г. по Р. Х., пожаловалъ Арданесу (Arđaneses), сыну царя иберскаго Асотія, титулъ Куропалата, и, съ тѣхъ поръ, высшіе князья Иберовъ, по милости римскихъ императоровъ, носили этотъ титулъ. Тотъ-же императоръ Левъ, сынъ его Константинъ Порфирородный и императоръ Романъ Лакапенъ (Lascarpus) не разъ пробовали прогнать Сарациновъ изъ Фазіаны и расположенныхъ въ этой странѣ городовъ: Абника (Abnicum), Мантцицрта (Mantziciert) и Тео-досіополя. Поэтому они потребовали отъ Иберовъ принять римскій гарнизонъ въ городъ Цетцеумъ (Cetzeum) для того, чтобы оттуда нельзя было подвозить провіантъ жителямъ Тео-досіополя. Но они никоимъ образомъ не могли добиться этого отъ Иберовъ, такъ-какъ послѣдніе были въ дружескихъ отно-

шеніяхъ съ жителями упомянутыхъ городовъ. Когда же, наконецъ, Римляне покорили Фазіану, Иберы потребовали, чтобы она была отдана имъ. Но они достигли только того, что имъ уступили мѣстность, лежащую на сѣверъ отъ рѣки Фазиса, или Эракса, а остальное удержали въ своей власти Римляне. Въ эти времена, среди иберскихъ князей, по смерти одного изъ нихъ, магистра Куркенія, произошли разныя распри, которыя, однако, при посредничествѣ римскаго императора, были улажены.

Императору Никифору Фокѣ служили Иберы на войнѣ въ Киликіи въ 964 г.; императору же Василию Порфирородному (*Basilius Porphyrogeneta*) иберскій царь Давидъ послалъ вспомогательныя войска противъ Барды Склера (*Barda Sclerus*) и въ 989 г. назначилъ императора своимъ наследникомъ, предоставивъ брату своему Георгію внутреннюю Иберію.

Въ царствованіе Константина Мономаха, въ 1048 г., какой-то вельможа, по имени Липарита (*Liparita*), за обиду, нанесенную женѣ его, пошелъ войной противъ иберскаго царя Панкратія, побѣдилъ его и прогналъ во внутреннюю Абазгію (*Anasgia*), подвластную тогда Иберамъ. Но, наконецъ, благодаря авторитету Константина Мономаха, состоялся миръ между ними съ тѣмъ условіемъ, чтобы за Панкратіемъ осталась вся Иберія и Абазгія, а Липарита управлялъ бы въ Месхіи (*Meschia*) и признавалъ верховную власть Панкратія. Этотъ же императоръ пользовался иберскими вспомогательными войсками въ войнахъ противъ Кациція (*Cacicius*), царя г. Ани, и противъ Турокъ, но, впоследствии, онъ распустилъ ихъ, числомъ до 50000 человекъ, а, вмѣсто солдатъ, бралъ съ Иберовъ высокія подати.

Въ позднѣйшія времена Иберія была открыта вторженіямъ Турокъ, и, наконецъ, сама принуждена была платить дань Скивамъ, т. е. Татарамъ.

Цари и знаменитые мужи Иберовъ.

Митридатъ (Mithridates) и, послѣ него, его братъ Котъ (Κότης), цари Иберии, съ 20—54 г. по Р. X.

Царь Баккурій (Βακχούριος), въ 325 г. по Р. X.

Царь Давидъ и его братъ Спандиатъ (Σπανδιάτης), по преданію, прибыли въ Иберію изъ Іерусалима.

Панкратій.

Асотій.

Адранасе (Ἀδρανάση), получившій отъ императора Льва Философа въ 889 г. титулъ Куропалата (Curopalata).

Гургень (Γουργένης) бѣжалъ со своимъ семействомъ отъ Персовъ къ императору Юстину I, съ 521—527 г.; братъ его Пераній (Περάνιος).

Царь Цаманарсъ (Ζαμανάρτος), въ 534 г. по Р. X.

Фадъ (Φάζας) усердно воюетъ въ Италиі противъ Готовъ.

Барсамёсъ (Βαρσαμοίσης), царь подвластныхъ Персамъ Иберовъ, въ 627 г., въ сраженіи, попалъ въ плѣнъ къ Римлянамъ.

Цурбанель Ацатъ (Ζουρβανέλης ὁ Ἄζατος), — послѣднее слово*), говорятъ, по-армянски обозначаетъ „на обѣ руки правый“, т. е., очень ловкій—протоспаѳарій (protospatharius), при Адранасѣ, въ 945—956 г. по Р. X.

Февдатъ (Φεὺδάτος) патрицій, сынъ его Тцитцигій (Τζιτζικίος), префектъ Доростола, въ 1016 г. по Р. X.

Георгій и Барасбатце (Βαρασβάτσει), по отцу—родственники Февдата, были бичеваны въ 1028 г. за заговоръ противъ римлянина Аргира; этотъ послѣдній, или его однофамилецъ, спасъ Едессу въ 1038 г.

Царь Панкратій въ 1048 г.

Горацій Липарить, сынъ котораго Липарить возсталъ противъ Панкратія, владѣетъ частью Месхія въ 1048 г.

*) Отъ *ωρ*—правый?

Фарасманъ Апокапъ (Φαρασμάνης Ἀποκάπης) — протовестіарій (верховный смотритель за царской одеждой).

Царь Александръ, дочь котораго вышла замужъ за Юанна Трапезундскаго въ XIV столѣтіи.

Генеалогія иберскихъ царей по записи Константина Порфиророднаго.

Сумбатій (Σουμβάτιος)			
Давидъ	Панкратій	Мампаль (Μάμπαις, т. е. святѣйшій)	
Асотій или Кискасъ 'Ασώτιος Κισκάσης	Адранасръ (Ἀδρανάστηρ)	Куркеній (Κουρκένιος)	
Жена его — сестра Георгія, царя Абазговъ		Жена его — дочь Асотія Кискаса	
↓			
Дочь его выходитъ замужъ за Куркенія.			
Асотій	Панкратій	Давидъ, Георгій въ 976 г. по Р. Х., назначаетъ Василия Порфиророднаго сво- имъ наслѣдникомъ.	

Авторы, писавшіе объ Иберахъ, были слѣдующіе:

Прискъ, Петръ Патрицій, Прокопій, Агаѳія, Теофанъ Византійскій, Менандръ, Теофилактъ Симоката, авторъ Пасхальной Хроникъ, Георгій Синцелль, Теофанъ Исаакій, Анастасій Библиотеваръ, продолжатель Теофана, Георгій Монахъ,

Константинъ Порфирородный, Цедренъ, Зонара, Циннамъ, Пахимеръ, Никифоръ Грегоръ, Глика и Халкокоцила.

Впервые Иберы, побѣжденные Помпеемъ Великимъ, упоминаются у Зонары и Синцелла. Въ царствованіе Тиберія, Клавдія и Діоклетіана, извѣстія о нихъ мы находимъ у Петра Патриція. Объ обращеніи ихъ въ христіанство, сперва при Константинѣ Великомъ, а, потомъ, въ царствованіе императора Θεодосія II, рассказываютъ Теофанъ и Цедренъ. Прискъ описываетъ событія въ царствованіе Льва I. О царѣ Гургенѣ, который поручилъ себя покровительству императора Юстина I-го, мы читаемъ у Менаандра и Теофана Византійскаго; о дѣяніяхъ ихъ въ царствованіе Юстиціана I—у Прокопія, Агаѳи, Менаандра, Теофана Исаакія, Анастасія и Цедрена. Споры Римлянъ и Персовъ изъ-за Иберовъ и состоянія дѣлъ въ Иберіи при Иракліи вѣрталцѣ касаются Теофанъ, Анастасій и Константинъ Порфирородный. Съ 805 по 821 по Р. Х., скудные свѣдѣнія о подвигахъ Сарацинъ, Турокъ, Римлянъ въ Иберіи встрѣчаются у Теофана, Анастасія и Зонары. О происхожденіи иберскихъ царей, генеалогіи, домашнихъ распряхъ и о другихъ происшествіяхъ, при Львѣ Философѣ, Константинѣ Порфирородномъ и Романѣ Лакапенѣ, рассказываетъ Константинъ Порфирородный; упоминаютъ также объ Иберахъ въ это время продолжатель Теофана и Георгій Монахъ. О томъ, что Иберы, въ царствованіе Никифора Фоки и Василія Порфиророднаго, были союзниками Римлянъ на войнѣ, пишутъ Цедренъ и Зонара. При Аргирѣ и Михаилѣ Пафлагонскомъ, Цедренъ упоминаетъ о нѣкоторыхъ Иберахъ. О войнѣ Константина Мономаха съ царемъ г. Ани и объ участіи въ ней Иберовъ рассказываетъ Цедренъ. Онъ же подробно описываетъ междоусобную войну между Панкратіемъ и Липаритой и внѣшнюю войну съ Турками. О распусценіи иберскаго войска Константиномъ Мономахомъ и о томъ, что Иберія, вмѣсто выставленія солдатъ, должна была

платить дань, рассказываетъ Глива. О нихъ-же, при Константинѣ Дукѣ и при Римлянинѣ Диогенѣ, вратцѣ упоминаетъ Іоаннъ Сцилицъ, при Михаилѣ Дукѣ—Бриеннѣ; при Эмапуилѣ Компенѣ—Циннамѣ. О томъ, какъ Иберы были покорены Татарами, рассказываютъ Нивифоръ Грегоръ и Халковондила. По рассказу Пахимера, татарскій ханъ Кацанъ пользовался Иберами, какъ союзниками. Халковондила, рассказывая исторію Трапезунда, дважды упоминаетъ объ Иберахъ. Наконецъ, о мѣстоположеніи Иберіи можно прочесть кое-какія свѣдѣнія у Прокочія, автора Пасхальной Хроники и у Халковондилы.

ГЛАВА I.

Древнѣйшія извѣстія объ Иберахъ и подвиги ихъ, съ 65 г. до Р. Х. по 461 г. по Р. Х.

§. 1.

Въ 65 г. до Р. Х.

Заметка I 277

[Помпей Великій, послѣ того какъ сдался ему армянскій царь Тигранъ,] пошелъ на Мидридата черезъ земли пародовъ, жившихъ у Кавказа. Самыми значительными изъ нихъ были Албанцы и Иберы. Владѣнія этихъ послѣднихъ доходили до Месхійскихъ горъ и до Понта, а Албанцы жили къ востоку, до Каспійскаго моря.

Заключивъ миръ съ албанскимъ царемъ, Помпей отправился противъ Иберовъ, которые были гораздо воинственнѣе Албанцевъ, и не подчинялись *) ни Персамъ, ни Мидянамъ и даже избѣгли македонскаго владычества, такъ-какъ Александръ Великій долженъ былъ поспѣшить уйти изъ Гиреа-

---

*) У Штрюттера: cesserant.

ни. Но Помпей, побѣдивъ ихъ въ большомъ сраженіи, многихъ убилъ, а многихъ взялъ въ плѣнъ *).

§ 2.

Въ 59 г. до Р. X.

Georg. Syncell. p. 299

[Помпей, устроивъ дѣла въ Азій,] посѣщилъ въ Римъ. Онъ велъ съ собой побѣжденныхъ царей: Фарнака, сына Митридата, царей Колховъ, т. е. Лазовъ, 20 иберскихъ князей и, наконецъ, Аристовула, царя іудейскаго.

§ 3.

Въ царствованіе Тиберія, въ 20 г. по Р. X.

Petrus Patricius in Excerpt. de Legatt. p. 23

[Царяне отправились къ Тиберію съ прошеніемъ дать имъ царя изъ заложниковъ. Онъ назначилъ имъ Фраата, (Phraates) *Фраатова сына*. Когда же Фраатъ *на пути* умеръ, онъ послалъ Тиридата и] чтобы послѣдній легче могъ получить царскую власть, написалъ иберскому царю Митридату, чтобы онъ вторгся въ Арменію, и чтобы Артабанъ *изъ своей области* (από τῆς οἰκίας) пришелъ на помощь сыну. И Тиридатъ, прибывъ, **) занялъ престоль.

При императорѣ Калигулѣ нѣтъ свѣдѣній объ Иберахъ.

§ 4.

„ 7

Въ царствованіе императора Клавдія, въ 54 г. по Р. X.

Иберскій царь Митридатъ мечталъ о возстаніи и приготовился къ войнѣ противъ Римлянъ, хотя мать отговаривала

*) См. „Извѣстія древнихъ греческихъ и римскихъ писателей о Кавказѣ“ К. Гава. Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Вып. IV. Отд. I. стр. 94, 125, 165, 166.

**) Petrus Patricius in „Excerptis de Legatt.“ p. 28: εἰσελθών, у Плитарта: qua cooperat, peregens.

его, а, потомъ, даже собралась бѣжать, такъ-какъ не могла уговорить его. Тотъ-же, приготавлиаясь къ войнѣ, хотѣлъ скрыть свое намѣреніе, и для этого отправилъ брата своего Кота (Κότης) посломъ къ Клавдію съ поздравленіями. Но Коть не оказался преданнымъ посломъ, и открылъ всѣ намѣренія своего брата, за что былъ назначенъ царемъ Иберіи вмѣсто Митридата.

При Домиціи Неронѣ и остальныхъ императорахъ до Нумеріана, Иберы нигдѣ не упоминаются.

§ 5. " " 130

При императорѣ Діоклетіанѣ, въ 297 г. по Р. Х.

Галерій и Діоклетіанъ съѣхались въ Нисибѣ; тамъ сообщая посовѣтовавшись, они отправили секретаря *), Сикорія Проба, посломъ въ Персію. Между прочими порученіями были слѣдующіе пункты: чтобы вѣрность Цинѳа (Zintha), лежащая на границахъ Мидіи, составляла границу Арменіи, и чтобы впредь царь Иберіи получалъ знаки царскаго достоинства отъ Римлянъ. Такъ-какъ Персы согласились на это, то и состоялся миръ.

При Константѣ Хлорѣ и Максиміанѣ, Иберы нигдѣ не упоминаются.

§ 6. Theophrastus 147

При Константинѣ Великомъ, въ 323 г. по Р. Х.

При Константинѣ Великомъ, Иберы, увидя чудеса, сотворенныя одной, взятой ими въ плѣнъ, женщиной, приняли христіанскую вѣру. Она, между прочимъ, исцѣлила царя отъ слѣпоты, поразившей его во время охоты. Руфинъ рассказы-

---

*) Ἀντιγραφεία τῆς μνήμης.

ваетъ, что это онъ слышалъ отъ иберскаго царя Баккурія (Βακχοῦριος).

Въ царствованіе Константина II-го и другихъ императоровъ до Марціана, нѣтъ извѣстій объ Иберахъ.

§ 7. *Cedrenus I. p. 340*

При императорѣ Θεодосіи II, въ 432 г. по Р. X.

[Въ царствованіе Θεодосія младшаго, великій Симеонъ Стилить (Stylites-столпникъ), называемый такъ отъ столпа, на которомъ онъ жилъ,] подобно тому, какъ яркая свѣча, поставленная въ подсвѣчникъ, распространялъ лучи своей вѣры на всѣ страны: можно было видѣть Иберовъ, Армянъ, Персовъ и Исмаелитовъ, которые стекались сюда каждый день и были крещены святымъ крещеніемъ.

§ 8. *Constantinus ex Adm
Imp. c. 45. p. 121/r*

Въ 452 г. по Р. X.

Иберскіе Куропалаты гордятся своимъ происхожденіемъ отъ жены Урין, которую обезчестилъ царь и пророкъ Давидъ, и настаиваютъ на томъ, что они потомки дѣтей, родившихся отъ него. Такимъ образомъ, они называютъ себя родственниками царя и пророка Давида, а также и святой Богородицы (Deiraga), такъ-какъ она также родилась отъ сѣмени Давида. Поэтому иберскіе вельможи безпрепятственно женятся на близкихъ родственницахъ, полагая, что этимъ они исполняютъ старыи законъ. Они говорятъ также, что иберскій народъ происходитъ изъ Іерусалима, что оттуда они ушли, побужденные сповидѣніями, и поселились въ персидской странѣ, гдѣ они живутъ до сихъ поръ. Изъ Іерусалима вышли извѣстный царь иберскій Давидъ и братъ его Спандіать (Σπανδιάτης). Спандіать этотъ, какъ разсказываютъ они сами, получилъ отъ Бога завѣтъ, что на войнѣ мечъ не коснется

ни одной части его тѣла, кромѣ сердца, которое въ сраженіяхъ онъ прикрывалъ особеннымъ панциремъ; оттого такъ и боялись его Персы, которыхъ онъ побѣдилъ и покорилъ, а родственниковъ своихъ Иберовъ поселилъ въ трудно-доступныхъ мѣстностяхъ, которыя они до сихъ поръ занимаютъ. Тамъ они, постепенно расширяя свои предѣлы, размножились, и сдѣлалась большимъ народомъ. Но такъ-какъ они, какъ говорятъ, происходятъ изъ Іерусалима, то питаютъ большую любовь къ этому городу и къ могилѣ Господа нашего Іисуса Христа, и, отъ времени до времени, присылаютъ большія суммы патріарху святого города и живущимъ тамъ христіанамъ.

У вышепомянутаго Давида, брата Спандіата, родился сынъ Панкратій; его сынъ былъ Асотій; отъ него родился Адранасе, который получилъ отъ христіолюбиваго императора римскаго Льва титулъ Куропалата. Но Спандіать, братъ Давида, не оставилъ послѣ себя дѣтей. Съ тѣхъ поръ, какъ они переселились изъ Іерусалима въ ту сторону, гдѣ теперь живутъ, прошло чотыреста или пятьсотъ лѣтъ, а съ сотворенія міра 6460. Въ царствованіе христіолюбивыхъ и порфирородныхъ императоровъ Константина и Романа (?).

§ 9.

При Львѣ I, въ 457 г. по Р. X.

Сарагуры, соединившись съ Акатирами и другими народами, вторгнулись съ войскомъ въ Персію, но, встрѣтивъ въ Каспійскихъ воротахъ сильное укрѣпленіе, они избрали другую дорогу, по которой вторгшись въ Иберію, опустошили страну и сдѣлали набѣги на города Арменіи.

§ 10.

Съ 457—461 г. по Р. X.

Царь Лазовъ отослалъ обратно съ Ирավлемъ вспомо-

гательныя войска, присланныя ему императоромъ Львомъ, въ виду того, что ему трудно было содержать ихъ и потому, что Персы и Иберы, съ которыми онъ воссвалъ, были заняты уже новой войной съ другими народами.

При Львѣ II, Зенонѣ и Анастасіи, объ Иберахъ нѣтъ извѣстій.

~~~~~

ГЛАВА II.

Отпаденіе Иберовъ отъ Персовъ и присоединеніе ихъ къ Римлянамъ, въ царствованіе царя Гургена; разные споры, возникшіе вслѣдствіе этого между Персами и Римлянами; Иберы-союзники то Римлянъ, то Персовъ, съ 521—627 г. по Р. X.

§ 11. *Perseus et A. P.*

При императорѣ Юстинѣ I, въ 521—527 г. по Р. X.

Страна азіатскихъ Иберовъ доходитъ на сѣверѣ до самыхъ Каспійскихъ воротъ, на западѣ граничитъ съ Лазикой, на востокѣ съ народами, подвластными Персамъ. Они христіане и соблюдаютъ догматы вѣры и священные обряды *) больше другихъ, несмотря на то, что изъ нихъ эти (?), какъ извѣстно, съ древнихъ временъ находятся въ подчиненіи у персидскаго царя.

Кабадъ (Cabades) хотѣлъ силою обратить ихъ въ свою вѣру и приказалъ иберскому царю Гургену исполнять всѣ обряды персидской религіи, а, главнымъ образомъ, не хоронить умершихъ, но бросать ихъ на съѣденіе птицамъ и собакамъ.

---

*) Τα νεκρά τῆς δόξης.

4 11 165

Вслѣдствіе этого, Гургенъ рѣшился передаться императору Юстиніану и просилъ ручательства въ томъ, что Римляне никогда не отдадутъ Иберовъ во власть Персамъ. Тотъ съ большой готовностью согласился на это, и послалъ патриція Проба, внука императора Анастасія, въ Босфоръ съ значительной суммой денегъ, чтобы отвести къ Иберамъ вспомогательныя войска Гунновъ. Когда Пробъ, склонивъ ихъ этими деньгами, оттуда вернулся, не имѣвъ успѣха, императоръ послалъ въ Лазику полководца Петра съ нѣкоторымъ количествомъ Гунновъ, чтобы тотъ съ союзнымъ войскомъ помогаль Гургену, насколько это будетъ возможно. Противъ же Гургена и Иберовъ Кабадесъ послалъ, въ это время, довольно значительное войско подъ предводительствомъ перса Боа, въ санѣ Варпца.

Гургенъ, видя, что у него слишкомъ мало силъ, чтобы противостать вторженію Персовъ—такъ-какъ римскаго войска было недостаточно—бѣжалъ въ Лазику, со всей иберской знатью, съ братьями и сестрами, съ женой и дѣтьми, изъ которыхъ самый старшій былъ Пераній. Прибывъ въ предѣлы Лазики, они остановились и, укрѣпившись въ недоступныхъ мѣстахъ, стали ждать непріятели. Это помѣшало преслѣдующимъ Персамъ совершить что-нибудь достойное замѣчанія. Затѣмъ Иберы ушли въ Византію.

§ 13.

При императорѣ Юстиніанѣ, въ 532 г. по Р. Х.

Между Юстиніаномъ и Хосроемъ состоялся миръ, по которому, между прочимъ, было условлено, чтобы Иберамъ былъ предоставленъ выборъ, желаютъ ли они остаться въ

Византіи, или вернуться на родину. Многіе изъ нихъ остались, многіе-же вернулись домой. Такимъ образомъ былъ заключенъ, такъ называемый, вѣчный миръ, въ шестомъ году царствованія Юстиніана.

§ 14.

Theophrastus 1180

Въ 534 г. по Р. X.

Въ этомъ году иберскій царь Цаманарусъ (Zamanarsus) прибылъ съ женой и всѣмъ дворомъ въ Константинополь къ благочестивѣйшему императору Юстиніану, прося у него союза и защиты. Императоръ, принявъ его предложеніе, оказалъ ему и его придворнымъ большія почести; императрица также подарила его женѣ разныя украшенія и уборъ изъ драгоценныхъ камней. Только послѣ этого императоръ отпустилъ ихъ съ миромъ въ ихъ собственное царство.

§ 15.

Procopius p. 160

Въ 545 г. по Р. X.

Прочное обладаніе Колхидой показалось персидскому царю Хосрою неожиданнымъ и важнымъ приобрѣтеніемъ, приносящимъ большую выгоду персидскому царству во многихъ отношеніяхъ. Ибо онъ надѣялся такимъ образомъ овладѣть также Иберіей, такъ-какъ Иберы не имѣли болѣе таковаго убѣжища, гдѣ бы они, въ случаѣ отпаденія, могли укрыться *). Когда же высшая знать среди этихъ варваровъ, съ царемъ ихъ, Гургеномъ, задумала отпасть **) къ Римлянамъ, какъ мы уже рассказали раньше, Персы, съ этихъ поръ, лишили ихъ права выбирать себѣ царей. Иберы повиновались Персамъ,

*) Procopii „De bello Persico“ p. 160: ἐφ' οὗς τινὰς ἀνδράποδες ἀποστάντες σωθήσονται. У Штриттера: ad quos salvi transfugerent.

**) Ibidem: Εἰς ἀπόστασιν εἶδον.

хотя и противъ воли, и постоянно относились къ нимъ очень подозрительно и недобѣрчиво. Ясно было, что Иберы весьма тяготятся Персами и скоро возстануть, какъ только имъ представится къ этому благоприятный случай.

§ 16. *Рассетъ де Вгъ 1570*

Въ 547 г. по Р. Х.

Когда Велисарій, на 13 году войны съ Готами, вслѣдствіе бури, причалилъ къ гавани Кротону и на-нашелъ тамъ ни укрѣпленія, ни жизненныхъ припасовъ для пропитанія своихъ солдатъ, самъ онъ остался, съ женою и пѣхотою, на этомъ мѣстѣ, но всей кавалеріи, подъ предводительствомъ Фацы Ибера и Барбаціона протектора, велѣлъ отправиться дальше и разбить лагерь у входа въ эту страну. Въ это самое время, Тотила, отобравъ около трехъ тысячъ всадниковъ, отправился въ близлежащее какое-то укрѣпленіе, желая отмстить за пораженіе, которое незадолго передъ тѣмъ потерпѣли войска. Тогда Фаца, (онъ случайно стоялъ недалеко лагеремъ), пошелъ навстрѣчу непріятелю и, совершивъ подвиги, достойные храбраго мужа, далъ пѣкоторымъ Римлянамъ возможность спастись, но потомъ самъ, со всѣми его окружающими, былъ убитъ.

§ 17. *Ага... 17*

Въ 555 г. по Р. Х.

Римскій квесторъ Рустикъ въ своей рѣчи, которою онъ старается доказать, что Губаць, царь Лазовъ, совершенно справедливо былъ убитъ, между прочимъ, говоритъ:

— „Если бы мы гдѣ-нибудь потерпѣли неудачу, то Губаць распространилъ бы всюду объ этомъ извѣстіе, и далъ бы знать не только персидскимъ войскамъ, но посланные имъ сей-

часъ-же вѣстники донесли бы въ Иберію и Аланію.“ Содержаніе этой вѣсти было слѣдующее: Римляне трусы, и побѣждаются варварами.

§ 18. *110*

Мисиміаны, убивъ римскаго посла Сотериха, и опасаясь, что Римляне отомстятъ имъ за это убійство, послали знатнѣйшихъ людей своего народа въ Иберію, къ Нахорагану, персидскому полководцу въ тѣхъ странахъ, съ тѣмъ, чтобы они изложили совершившееся и объявили, что весь народъ готовъ перейти подъ защиту Персовъ *).

§ 19. *111*

Въ 556 г. по Р. X.

Нахораганъ очень ласково принялъ Мисиміанъ и обѣщаль имъ вспомогательныя войска; но, узнавъ, при наступленіи весны, что Римляне идутъ на Мисиміанъ, онъ двинулъ войска изъ Иберіи и увѣрленій, лежащихъ вокругъ Мухиризиса, противъ Римлянъ. Но, при наступленіи зимы, Персы сняли лагери и отступили, по направленію къ Котезіону (Cotaesium—Κοτάσιον) и въ Иберіи, намѣреваясь тамъ перезимовать, и уже на долгое время прощаясь съ мыслью помочь Мисиміанамъ.

§ 20. *Memoriae v. 1112*

Въ 562 г. по Р. X.

Когда Петръ, посоль Юстиніана къ Хосрою, послѣ возвращенія Лазики Римлянамъ, потребовалъ также Сванію, подвластную когда-то Лазикѣ, персъ Цихъ отвѣтилъ ему: „Если я это сдѣлаю, то тебѣ представится случай поднять также

*) §§ 18 и 19 не представляютъ у Штриттера точнаго перевода отрывка изъ Агаеи, излагающаго это событіе, но только сжатый экскерптъ.

споръ объ Иберіи. Ибо въ твоей волѣ также сказать, что и она когда-то была подвластна Лазамъ.“

При Юстинѣ II нѣтъ извѣстій объ Иберахъ.

§ 21.

Въ царствованіе императора Тиберія II, въ 574—582 г. по Р. X.

Когда Захарія и Θεодоръ, римскіе послы къ Персамъ, сошлись на восточной границѣ обоихъ государствъ съ посломъ персидскаго царя, Мебодомъ, и вели переговоры о мирѣ, Мебодъ, между прочимъ, потребовалъ, чтобы Римляне ушли изъ Персарменіи и Иберіи, а также выдали персидскому царю всѣхъ виновниковъ отпаденія, чтобы послѣдніе подверглись заслуженной казни. На эти и другія требованія Мебода— римскіе послы, со стороны императора, возражали и тотчасъ-же отвѣтили, что они не допускаютъ даже слова „миръ“. Наконецъ, персидскій полководецъ отказался отъ денежнаго вознагражденія, котораго онъ требовалъ прежде, и заявилъ, что онъ заключитъ миръ на снисходительныхъ условіяхъ. Когда вѣсть объ этомъ дошла до Константинополя, то всѣ стали надѣяться на миръ, особенно послѣ того, какъ императоръ уступилъ Персамъ Персарменію и Иберію. Ибо императоръ сдѣлалъ такое постановленіе, очень хорошо понималъ, что хотя Персы и потерпѣли полнѣйшую неудачу, но не усвоются до тѣхъ поръ, пока не воротятъ обратно столь большей области. Онъ полагалъ, что это меньше всего будетъ во вредъ родоначальникамъ (?), или ихъ родственникамъ, или, вообще, всѣмъ тѣмъ, которые перешли на сторону Римлянъ, и что они не будутъ выданы Персамъ. Ибо миръ не будетъ проченъ, если не будетъ безопасно Персарменамъ и Иберамъ, оставивъ свое отечество, перейти въ страну Римлянъ. Императоръ долго говорилъ о клятвенныхъ обѣщаніяхъ Юстиніана Персарменамъ

и всѣмъ вышедшимъ изъ Иберіи. Ибо императоръ далъ влчтвенное обѣщаніе, насколько это будетъ зависѣть отъ него, изо всѣхъ силъ стараться сдѣлать подвластною себѣ ихъ родину. Но, во всякомъ случаѣ, если даже не удастся довести войну до конца, онъ никогда не выдастъ Персамъ ни зачинщиковъ отпаденія, ни ихъ родственниковъ, однимъ словомъ, никого изъ тѣхъ, вторые желаютъ сдѣлаться подданными римской республики.

§ 22.

Повидимому и персидскій царь охотно соглашался на тѣ условія, что Римляне очистятъ Арменію и Иберію, а онъ самъ дастъ свободу тамошнимъ жителямъ уйти, куда они пожелаютъ. И, по-моему, это было очень разумно. Ибо онъ хорошо зналъ, что, за исключеніемъ весьма немногихъ изъ князей, зачинщиковъ отпаденія, никто изъ Персарменъ и Иберовъ, изъ-за любви къ родной землѣ и вслѣдствіе тоски по ней (какое чувство вложено природой во всѣхъ людей), не выселится на чужбину. Кромѣ того, онъ надѣялся также на то, что, по окончаніи войны, положеніе дѣлъ Персарменіи и Иберіи будетъ удобнѣе. Къ тому-же, эти земли были очень плодосны и производили все, необходимое для жизни, такъ-что можно тамъ собрать значительныя дани и подати. Поэтому персидскій царь рѣшилъ, на упомянутыхъ условіяхъ, превратить войну.

Послѣ этого, пришло императору въ голову, для устранения всякой причины къ войнѣ, потребовать отъ Персовъ взамятъ Персарменіи и Иберіи передачи города Дараса. Персы согласились на это. Но они не хотѣли уступить Римлянамъ города Дараса, пока не будетъ извѣстно, что Римляне ушли изъ Арменіи и Иберіи.

§ 23.

Во время этихъ переговоровъ между послами обѣихъ

сторонѣ, въ Арменіи велась война, которая далеко не оправдала надежды Римлянъ, ибо они были побѣждены и понесли большія потери. Когда Персы, вслѣдствіе этой побѣды, пріободрились, царь ихъ сталъ настаивать на томъ, чтобы и никакого помина не было объ уступкѣ города Дараса Римлянамъ, утверждая, что эти послѣдніе, вопреки трактатамъ, занимаютъ Персарменію и Иберію, а также защищаютъ и принимаютъ къ себѣ отложившихся отъ Персовъ жителей этихъ областей. Но, все-таки, было рѣшено, и, подъ клятвой, дано обѣщаніе, что, если останутся настоящія условія мира, персидскій царь подаритъ императору городъ Дарасъ, въ видѣ частнаго владѣнія. Изъ этого было видно, что онъ вовсе не желаетъ добра римскому государству и говоритъ не согласно съ истиной, желая только того, чтобы Римляне безъ всякой борьбы ушли изъ Персарменіи и Иберіи.

При Маврикіи и Фокѣ, Иберы не упоминаются.

§ 24. *Handwritten note: Theodosius 1-34*

При императорѣ Иракліи, въ 624 г. по Р. Х.

Когда императоръ собирался вторгнуться въ Персію, войска, состояція изъ союзниковъ, особенно Лазы, Абази и Иберы, не совѣтовали ему это дѣлать; отсюда создалось очень затруднительное положеніе для Римлянъ.

§ 25.

Въ 627 г. по Р. Х. *Handwritten note: 627*

Ираклій далъ Персамъ сраженіе у рѣки Забы (Zabas) и одержалъ блестящую надъ ними побѣду. Кромѣ того, былъ взятъ въ плѣнъ Барсамесъ, царь Иберовъ, подвластныхъ Персамъ и Римлянамъ.

Constantinus

de Constantino
Imp
Th...
114

Когда императоръ Ираклій пошелъ войной на Персію, Иберы, заключивъ съ нимъ союзъ, приняли участіе въ походѣ; съ тѣхъ поръ, они покорили многіе города и земли, не столько своими силами и войсками, сколько благодаря страху, который наводило имя римскаго императора Ираклія. Ибо Персы, разбитые разъ на-голову императоромъ Иракліемъ и лишеныя верховной власти, въ послѣдствіи легко могли быть побѣждаемы не только Иберами, но даже Сарацинами.

При императорѣ Константинѣ, сынѣ Ираклія, и при остальныхъ императорахъ, до Константина Погоната, Иберы не упоминаются.

~~~~~
ГЛАВА III.

Вторженіе въ Иберію Сарациновъ, Римлянъ и Турокъ. Событія въ Иберіи въ царствованіе Льва Философа и сына его, Константина Порфиророднаго. Генеалогія иберскихъ князей, съ 685—959 по Р. Х.

§ 27. *Theophanes*

При Юстиніанѣ Ринотметѣ (Justinianus Rhinotmetus), въ 685 по Р. Х.

Въ этомъ году Абимелехъ, царь Сарациновъ, заключилъ миръ съ Юстиніаномъ, причемъ было условлено, между прочимъ, чтобы дань съ Кипра, Арменіи и Иберіи они получали сообща, по равной долѣ.

§ 28.

Въ этомъ же году, Юстиніанъ послалъ полководца Леонтія съ римскими войсками въ Арменію. Тотъ, истребивъ на-

ходящихся тамъ Сарациновъ, поворилъ римской власти также и Иберію, Албанію, Булвацію и Мидію, и собранную съ этихъ странъ большую дань отослалъ императору.

При Леонтіи и Тиберіи Апсим., Иберы нигдѣ не упоминаются.

§ 29.

Въ 703 г. по Р. Х.

Остиніанъ, снова возведенный на престолъ, послалъ Льва Исаврянина, со значительною суммою денегъ, въ Аланію съ тѣмъ, чтобы возмутить Алановъ противъ Абазгіи, Лазики и Иберіи.

При Филиппикѣ и остальныхъ императорахъ до Льва Исаврянина, Иберы нигдѣ не упоминаются.

§ 30.

При императорѣ Константинѣ Копронимѣ, въ 764 г. по Р. Х.

Въ этомъ году, Турки вторично вторгнулись черезъ Каспійскія ворота въ Иберію, и, въ сраженіи съ Арабами, съ обѣихъ сторонъ много погибло.

При Львѣ Порфирородномъ и другихъ императорахъ до Льва Армянина, Иберы нигдѣ не упоминаются.

§ 31.

При императорѣ Михаилѣ Бальбѣ, въ 821 г. по Р. Х.

Ома, возставъ противъ императора, самъ собралъ сильное войско и, кромѣ того, получилъ таковое отъ Агареновъ, собранное не только у нашихъ сосѣдей, но даже у болѣе отдаленныхъ народовъ, какъ на примѣръ: Египтянъ, Индійцевъ, Персовъ, Ассиріянъ, Армянъ, Халдеевъ, Иберовъ, Цивховъ,

Кабиrowъ. Подерѣвленный и окруженный этими войсками, онъ опустошилъ весь Востокъ.

При Теофилѣ, Михаилѣ III и Василии Маведонянинѣ, Иберы нигдѣ не упоминаются.

§ 32. *Constantinople 717*

При Львѣ Мудромъ, въ 886—911 г. по Р. X.

Адранасе, сынъ иберскаго царя Асотія, получилъ отъ христіолюбиваго римскаго императора Льва титулъ Куропалата.

§ 33.

Христіолюбивый и славный императоръ Левъ Порфирородный, узнавъ, что Фазіанскія церкви были обращены вторгнувшимися Сарацинами въ стоянки для войскъ, отправилъ туда патриція и начальника армянскихъ войскъ Лалабона, вмѣстѣ съ начальниками Колоніи, Месопотаміи и Халдіи. Они, уничтоживъ такия стоянки, освободили церкви и опустошили всю Фазіану, которая была тогда занята Сарацинами. Впослѣдствіи, онъ еще послалъ туда полководцемъ одного изъ своихъ тѣлохранителей, Катавала. Послѣдній вступилъ въ городъ Теоодосіополь, опустошилъ всю, лежащую вокругъ, страну, разорилъ такимъ-же образомъ Фазіану и сосѣдніе города и, причинивъ, такимъ образомъ, громаднй вредъ Сарацинамъ, вернулся домой.

§ 34.

При императорахъ Константинѣ Порфирородномъ и Романѣ Лавапенѣ, въ 919—944 г. по Р. X.

Въ царствованіе императора Романа, полководецъ Іоаннъ Куркуа (Circuas), отправляясь на городъ Тибій (Tibium) и

проходя черезъ Фазіану, опустошилъ всю страну, какъ подвластную Сарацинамъ, такимъ же образомъ, какъ это сдѣлалъ раньше, и по той же причинѣ, братъ вышепомянутаго полководца Іоанна, патрицій Теофилъ, будучи преторомъ Халдіи. Пока велась война съ Θεодосіополемъ, ни одно мѣсто, даже до города Абника (εις τὸ κάττρον τοῦ Ἀβνίκου), не осталось неопустошеннымъ. Иберы же постоянно питали любовь и дружбу къ жителямъ Θεодосіополя, Абника, Мантцицрта и, наконецъ, ко всей Персіи; а въ Фазіанѣ они никакого владѣнія не имѣли.

§ 35.

Но императоры Левъ и Романъ и наша императрица (Зоя, мать Константина) неоднократно старались овладѣть городомъ Цетцеумомъ (Cetzeum—Κετζίον) и ввести туда гарнизонъ, съ тѣмъ, чтобы Θεодосіополь не снабжался оттуда провіантомъ; они обѣщали Куропалату (иберскому царю) и его братьямъ—передать имъ Θεодосіополь, когда сами имъ овладѣютъ; но Иберы этого не допустили, изъ любви къ жителямъ этого города, и не желая, чтобы городъ этотъ былъ опустошенъ. Они отвѣтили императору Роману и императрицѣ:

— „Если мы допустимъ это, то опозоримъ себя въ глазахъ сосѣдей, „магистра“ и князя Абазгін, а также Баспараканиты и губернаторовъ Арменіи, ибо они могутъ сказать, что Иберы не вѣрны императору, а равно и Куропалатъ и братья его, и что онъ не надѣется на нихъ, а потому и отнялъ у нихъ этотъ городъ; пускай императоръ лучше пришлетъ турмарха (командира эскадрона), или же одного изъ своихъ приближенныхъ, который поселился бы въ Цетцеумѣ и наблюдалъ бы за жителями.“

На это они въ видѣ указа получили слѣдующій отвѣтъ отъ императора: какая польза выйдетъ изъ того, что будетъ присланъ турмархъ, или кто-нибудь изъ приближенныхъ им-

ператора? Если они даже придутъ съ 10 или 12 человекъ, они могутъ вступить въ городъ и остановиться тамъ, гдѣ вы имъ уважете. Но такъ-какъ многія дороги ведутъ въ Θεодосіополь, то невозможно наблюдать за входящими въ городъ караванами (*καρβάνια*), которые могутъ войти туда даже ночью, когда тѣ объ этомъ и не думаютъ.

Итакъ Иберы, не желая разрушенія г. Θεодосіополя, а, напротивъ, желая снабжать его жизненными припасами, не послушались Римлянъ, и не передали города Цетцеума, хотя получили письменное завѣреніе, что, по взятіи Θεодосіополя, они получаютъ этотъ городъ назадъ. Иберы ни за что не хотѣли допустить опустошенія и захвата окрестностей Θεодосіополя, а также и городовъ Абника и Мантцицрта и ихъ территорій.

§ 36.

Въ 945—956 г. (когда Константинъ Порфирородный царствовалъ одинъ).

Куропалатъ также настойчиво требовалъ всю Фазіану съ городомъ Абникомъ, ссылаясь на то, что у него есть золотыя буллы отъ покойнаго императора Романа и отъ Нашего Величества *). Онъ прислалъ Намъ даже копіи этихъ буллъ черезъ своего протоспаарія (перваго оруженосца), Цурбанела Ацата. Просмотрѣвъ ихъ, Мы ничего не нашли въ нихъ говорящаго въ его пользу. Ибо въ золотой буллѣ Моего тестя сказано слѣдующее: „Куропалатъ даетъ обѣщаніе, которое онъ собственноручно и клятвенно скрѣпилъ, что всегда будетъ вѣренъ Нашей имперіи, будетъ сражаться съ Нашими врагами и помогать оружіемъ Нашимъ друзьямъ, и что онъ по-

---

*) Это пишетъ самъ императоръ Константинъ Порфирородный, почему въ орографіи тутула, а также личныхъ и притяжательныхъ мѣстоименій, согласно подлиннику, удержаны прописныя буквы.

корить Нашей власти Востокъ, завоюетъ города и совершитъ въ Нашу пользу великіе подвиги.“ И тестемъ Моимъ было общано ему: „Если Куропалатъ останется вѣрнымъ, если онъ исполнитъ всѣ свои обязательства, то за нимъ и его потомками навѣки останется царское достоинство и верховная власть, и что онъ (тесть) не измѣнитъ границъ его владѣній; *) а также, если тотъ не нарушитъ трактатовъ, заключенныхъ съ прежними императорами, то и онъ не переступитъ ихъ и не будетъ препятствовать покоренію Θεодосіополя и другихъ непріятельскихъ городовъ, все-равно, будутъ ли они осаждены лично имъ однимъ, или же и нашими войсками.“ Вотъ главные пункты золотыхъ буллъ, вовсе не говорящія въ пользу Куропалата. Ибо булла Нашего тестя постановляетъ, что Мы никогда не отнимемъ у него древняго его владѣнія, и что онъ будетъ осаждать и завоюетъ одинъ, если это только возможно, или же съ помощью нашихъ солдатъ, Θεодосіополь и другіе непріятельскіе города, но власти надъ ними не получить, и они никогда принадлежать ему не будутъ. Содержаніе же Нашей буллы слѣдующее: „Чтобы ему были подвластны и составляли его собственность всѣ тѣ владѣнія Агареновъ, которыя онъ самъ, или его родственникъ, магистръ Адранасе, своими войсками могъ покорить себѣ, или съ этого времени покорить.“ А такъ-какъ онъ своими войсками не покорилъ ни Θεодосіополя, ни Абника, ни Мастата (Μάστατον), то они и не должны ему принадлежать, какъ мѣста, лежащія по сю сторону Эракса, или Фазиса; потому же и Абникъ до сихъ поръ былъ самостоятеленъ и имѣлъ своего собственнаго

---

*) Const. „De administrando imperio“ p. 124: καὶ οὐ μεταστήσει τὰ ὄρια τῶν τόπων αὐτοῦ. Ср. Штриттера p. 287: dumne ditionis suae fines unquam transferat. При μεταστήσει, а также при ὑπερβήσεται и κωλύσει, подлежащее не Κουροπαλάτης, какъ думаетъ Штриттеръ, но πενθερός. Иначе стояло бы μὴ μεταστήσει, ὑπερβῆι въ зависимости отъ ἴνα. Кромѣ того, эта-же мысль повторяется сейчасъ-же ниже.

владѣтеля, и имѣлъ собственнаго Амиру (Ἀμῆραν), и былъ часто опустошаемъ Нашими войсками.

§ 37.

Кромѣ того, протоспаѳарій (первый оруженосецъ) Иоаннъ, преторъ Аррабонитъ и патрицій Теофилъ, бывший незадолго передъ тѣмъ преторомъ Θεодосіополя, и другіе преторы унесли оттуда богатую добычу и увели множество плѣнныхъ, сожегши деревни,—тогда-какъ Куропалатъ никогда не бралъ добычи съ этого города *).

Когда эти мѣстности были опустошены нами, пришли Иберы и заняли ихъ, пытаясь отсюда овладѣть также и городомъ. Но Амира, вслѣдствіе частыхъ упрековъ со стороны патриція и претора Теофила, а также видя, что для него нѣтъ надежды на спасеніе, подчинился Нашей власти и отдалъ Намъ сына своего въ заложники. Мастатъ же принадлежалъ Θεодосіопольцамъ, но магистръ Иоаннъ, осаждая г. Θεодосіополь въ продолженіе семи мѣсяцевъ и не будучи въ состояніи взять его, послалъ отрядъ къ Мастату и завладѣлъ имъ. Въ немъ онъ поставилъ протоспаѳарія Петрону Бойлу, бывшаго въ это время никопольскимъ капитаномъ.

§ 38.

Магистръ Панкратій, предводительствовавшій у Θεодосіополя войскомъ вмѣстѣ съ Иоанномъ, передъ отъѣздомъ своимъ, просилъ уступить ему этотъ городъ, давъ письменное ручательство, что онъ оставитъ его за собой и никогда не отдастъ Сарацинамъ: такъ-какъ Панкратій былъ христіанинъ и подданный Нашего правительства, Иоаннъ повѣрилъ его влѣтвѣ, и отдалъ ему городъ. Панкратій же передалъ его опять

---

*) Const. „De administrando imperio“ p. 124: μηδέποτε τοῦ Κουροπαλάτου πραιδύσαντος αὐτό. У Штриттера p. 288: quod nunquam a Curopalate factum est.

Θεοδوسیопольцамъ. По взятіи Θεοδوسیополя, Иберы пришли и заняли его; поэтому-то они не имѣютъ основанія требовать ни Мастата, ни Абника.

Но такъ-какъ Куропалатъ вѣрный и покорный рабъ и другъ Нашъ, то пусть, согласно его желанію, границей Фазіаны будетъ рѣка Эраксъ, или Фазисъ, и пусть Иберы владѣютъ лѣвою стороною, по направленію къ Иллиріи (?), но на правой сторонѣ, по направленію къ Θεοδوسیополю, пусть города и страна принадлежать Нашей имперіи. Также и покойный Іоаннъ Куркуа, при жизни своей спрошенный объ этомъ, отвѣтилъ, что весьма удобно, если рѣка эта будетъ границей. Ибо, по точной справедливости, Куропалатъ не имѣетъ никакихъ правъ ни на мѣстности, лежація по сю, ни по ту сторону, — такъ-какъ вся страна Θεοδوسیопольцевъ была опустошена мечемъ и огнемъ Нашими солдатами, а Иберы никогда безъ Нашихъ солдатъ не вторгались и не опустошали Θεοδوسیополя, но всегда жили въ дружбѣ съ жителями этого города и вели торговлю между собой; на словахъ они хотя и хотѣли, чтобы городъ этотъ былъ разрушенъ, на самомъ же дѣлѣ, они вовсе не желали взятія его. Но Наше Величество, какъ уже было сказано, по Своему благоволенію къ Куропалату, соизволило, чтобы рѣка Эраксъ, или Фазисъ, составляла границу; за то они должны быть довольны этимъ владѣніемъ и не должны просить большаго.

§ 39.

Continuator Theophanes
1246

Въ 922 г. по Р. Х.

Въ царствованіе Романа Лакапена и Константина Порфиророднаго, въ февралѣ мѣсяцѣ, въ X индикцію (indictione decima), Иберскій Куропалатъ пріѣхалъ въ Константинополь и, проведенный черезъ великолѣпно убранный форумъ, былъ принятъ съ большимъ блескомъ и почетомъ. Его также ввели

въ храмъ Святой Софіи, чтобы онъ видѣлъ необыкновенную красоту этого храма, его величіе и роскошное убранство. Они убрали стѣны пурпуровыми, шитыми золотомъ, коврами и всякими украшениями и тогда ввели его. Онъ удивился великолѣпію и громадности зданія храма и чрезвычайно роскошному убранству его и возвратился домой, сказавъ, что это священное мѣсто, дѣйствительно, жилище Бога.

§ 40. *Constantinople de Adam Imp.*
125-129

О генеалогіи Иберовъ и о городѣ Адранутце.

Надо знать, что Панкратій, Давидъ и Мампалисъ (имя это обозначаетъ „святѣйшій“) были сыновья великаго иберскаго царя Сумбатія. Адранутце (τὸ Ἀδρανούτζη), по наслѣдству, досталось Панкратію, а Давиду другая страна. У Панкратія было трое сыновей: Адранасръ, Куркеній и патрицій Асотій, называемый также Кискасомъ (Ἀσώτιος καὶ Κισκάστος). Онъ раздѣлилъ между ними свои земли, и Куркеній наслѣдовалъ Адранутце; умирая бездѣтнымъ, онъ оставилъ его своему брату Асотію, называемому также Кискасомъ. Этотъ выбралъ себѣ въ зятя магистра Куркенія, который, овладѣвъ верховной властью, силой отнялъ у своего тестя Асотія Адранутце, а ему взамѣнъ далъ Тироваструмъ и страну, орошаемую рѣкой Апарой (Ἀτζαρά), служащею границей съ римскою территоріею у Колориса (Κώλωρις).

§ 41.

Въ 922 г. ?

Супруга же этого патриція Асотія была сестра магистра Георгія, князя Абазговъ. Но, когда магистръ Куркеній и магистръ Георгій, князь Абазгій, поссорились между собой за то, что послѣдній стоялъ на сторонѣ патриція Асотія,

Куркеній, превосходящій своего противника могуществомъ и силами, отнялъ у Асотія Тироваструмъ, прогнавъ его и отправился въ Абазгію.

По смерти магистра Куркенія, его жена, дочь Асотія, получила Адранутце въ наслѣдство отъ отца. Но, когда Куропалатъ Асотій, магистръ Георгій, князь Абазгіи, и магистръ Панкратій, братъ вышепомянутаго Куропалата, съ оружіемъ въ рукахъ, дѣлили владѣніе Куркенія, они, придя, наконецъ, къ соглашенію между собой, взяли—каждый близко лежащія къ себѣ земли. Городъ же Адранутце лежалъ по сосѣдству съ владѣніями Сумбатія, сына вышепомянутаго Давида. Тогда они, захвативъ въ плѣнъ жену магистра Куркенія, дочь Асотія, всѣ сказали ей: „Ты, какъ женщина, не можешь владѣть этимъ городомъ.“ Сумбатій далъ ей взамѣнъ нѣсколько деревень, и самъ взялъ себѣ Адранутце.

§ 42.

Родство между этими Иберами слѣдующее: мать Давида и мать Куропалата Адранасе *), отца бывшаго Куропалата Асотія, были дочери двухъ братьевъ, слѣдовательно, двоюродныя сестры. Сумбатій же, сынъ Давида, былъ женатъ на дочери магистра Панкратія, отца бывшаго магистра Адранасе; по смерти ея, Адранасе женился на сестрѣ Сумбатія, сына Давида.

§ 43.

Городъ Адранутце былъ сильно укрѣпленъ и, какъ большой городъ, имѣлъ большой валъ. Тамъ велись торговыя сношенія съ Трапезунтомъ, съ Иберіей, Абазгіей, и туда приходили изъ всей Арменіи и Сиріи, откуда городъ имѣлъ боль-

*) Ортографія имени *Адранасе* удержана вездѣ согласно подлиннику, гдѣ параллельно встрѣчаются формы: Адранасе (*Ἀδρανάστη*) и Адранасръ (*Ἀδρανάστρ*, даже *Ἀδρανάσερ*).

шой доходъ. Территорія же города Адранутце, или Арцена, обширна и плодоносна и составляетъ ключъ въ Иберію, Абазгію и Месхію (τῶν Μισχίων).

Покойный императоръ Романъ послалъ патриція и начальника эскадры (δρουγγάριον τοῦ πλωίμου) Константа, который въ то время былъ первымъ меченосцемъ и палачемъ (protospatharius et manclabita), и далъ ему одѣяніе магистра съ тѣмъ, чтобы онъ произвелъ иберскаго князя Куркенія въ санъ магистра. Когда этотъ Константъ доѣхалъ до Никомидіи, пришелъ туда монахъ Агапій, сынъ Кимены, который шель тогда по обѣту въ святой градъ. Проходя черезъ Иберію, онъ прибылъ въ Адранутце.

§ 44. ✓

Патрицій Асотій, или Кискасъ, имѣлъ вражду со своимъ зятемъ Куркеніемъ, и потому сказалъ монаху Агапію:

— „Заклинаю тебя именемъ Бога и силою честнаго и животворящаго креста,—отправляйся въ столицу и передай императору, чтобы онъ пріслалъ кого-нибудь и принялъ бы мой городъ подъ свою власть.“

Монахъ же Агапій, прибывъ въ столицу, доложилъ императору обо всемъ, что ему сообщилъ патрицій Асотій.

§ 45. ✓

Въ то время, когда вышеупомянутый патрицій и начальникъ эскадры Константъ былъ въ Никомидіи, съ намѣреніемъ возвести Куркенія въ санъ магистра, по порученію императора, отъ патриція Симеона онъ конфиденціально получилъ пакетъ слѣдующаго содержанія:

— „Нашъ Святѣйшій Императоръ приказываетъ тебѣ оставить всѣ дѣла, немедленно отправиться къ патрицію Асотію, именуемому Кискасомъ, и принять отъ него городъ Адранутце, потому-что онъ, черезъ монаха Агапія, просилъ Его

Святѣйшее Величество, прислать одного изъ своихъ преданныхъ и близкихъ слугъ для принятія отъ него города Адранутце. Но, по прибытїи въ Халдію, присоедили къ себѣ полезныхъ князей, которыхъ признаешь за храбрыхъ и вѣрныхъ, вступи въ городъ и овладѣй имъ.“

§ 46.

Въ 922 г. по Р. Х.?

Патрицій и начальникъ эскадры Константъ отправился въ Халдію; взявъ съ собою оттуда надежныхъ начальниковъ уѣздовъ и князей и триста солдатъ, онъ прибылъ въ Иберію. Тамъ его остановилъ покойный Давидъ, братъ прежняго Куропалата, и спросилъ его: „Куда ты посланъ императоромъ, какое порученіе долженъ исполнить, и отчего ведешь съ собой столько солдатъ?“ Они опасались, какъ бы, вслѣдствіе смерти Куропалата. Адранасе, императоръ не возвелъ въ этотъ санъ Куркенія, такъ-какъ, по смерти Адранасе, между его сыновьями и ихъ двоюроднымъ братомъ произошли ссоры, а Куркеній отправилъ своего высшаго сановника къ императору съ цѣннымъ подаркомъ, чтобы выпросить себѣ титулъ Куропалата или магистра. Потому и четыре брата, сыновья Куропалата Адранасе, подозрѣвали, что Константъ ѣдетъ съ цѣлью возвести Куркенія въ Куропалаты. Но патрицій Константъ извинился и сказалъ, что онъ долженъ возвести Куркенія въ магистры, а потому и ѣдетъ съ такимъ большимъ конвоемъ, и что, исполнивъ это, онъ пройдетъ къ магистру Давиду. Тотъ же самый патрицій Константъ и къ послѣднему имѣлъ порученія и подарки отъ императора.

Итакъ, патрицій Константъ уѣхалъ къ Куркенію и возвелъ его въ санъ магистра; вступивъ же въ Адранутце, городъ патриція Асотія, онъ передалъ ему порученія императора, не относительно Адранутце, а относительно другихъ дѣлъ. Патрицій Константъ сказалъ ему: „Хотя мое порученіе ниче-

го не содержитъ насчетъ Адранутце, но такъ-какъ монахъ Агапій, прибывъ къ императору, передалъ твои желанія относительно этого города, то онъ прислалъ меня, чтобы принять городъ и занять его приведенными солдатами.“

Такъ-какъ между патриціемъ Асотіемъ, или Кискасомъ, и его зятемъ Куркеніемъ были ссоры, какъ было сказано выше, то Асотій предпочелъ отдать свой городъ императору. Патрицій же Константъ имѣлъ при себѣ знави и передалъ ихъ патрицію Асотію, который тотчасъ прикрѣпилъ ихъ къ шести, и опять передалъ Константу, чтобы тотъ поставилъ его на стѣнѣ города, чтобы, такимъ образомъ, всѣ знали, что съ этого времени городъ принадлежитъ императору. Константъ такъ и сдѣлалъ: поставилъ значёкъ на стѣнѣ, провозгласилъ обычное многолѣтіе императору и объявилъ всѣмъ, что патрицій Асотій (онъ же Кискасъ) подарилъ городъ Адранутце.

§ 47. //

Великій же Давидъ не отдавалъ императору своей земли, хотя она лежала по сосѣдству съ областями *) Авампсе и Мургуле. Патрицій Константъ отправилъ два донесенія къ императору, **) одно о томъ, какъ онъ возвелъ Куркенія въ магистры, и какъ тотъ принялъ эту честь и провозгласилъ многолѣтіе императору; другое о принятіи города Адранутце и о раздорѣ между патриціемъ Асотіемъ и его зятемъ, магистромъ Куркеніемъ, и о взаимной ихъ ненависти; онъ присоединилъ просьбу, чтобы императоръ прислалъ подкрѣпленія, которыя служили бы гарнизономъ для города, и чтобы съ ними, по возможности, пріѣхалъ одинъ изъ тѣлохранителей императора.

---

*) Τὴν τοῦρμαν.

**) Const. „De administrando imperio“: πρὸς τὸν βασιλέα, εξαποστείλας δύο ἀναφοράς. Штриггеръ же переводитъ: binas ad imperatores epistolae misit, и прибавляетъ: regum suarum successum referentes, чего въ подлинникѣ нѣтъ.

§ 48.

Видя это, иберскій магистръ Куркеній и магистръ Давидъ, братъ Куропалата Асотія, написали императору слѣдующее: „Если Твое Величество это допустить и прійдетъ въ нашу страну, то мы откажемся отъ всякаго повиненія и соединимся съ Сарацинами, такъ-какъ будемъ принуждены сражаться съ Римлянами, и поведемъ свои войска на Адранутце и его территорію и противъ Римлянъ.“

Узнавъ объ этомъ изъ писемъ вышеупомянутыхъ князей и отъ людей, посланныхъ ими, императоръ, изъ опасенія, чтобы они не соединились съ Сарацинами и не вывели бы войско противъ Римлянъ, сталъ отказываться, что онъ вовсе не писалъ Константу о городѣ и о взятіи его, но что тотъ все это сдѣлалъ по своей собственной глупости. Это онъ сказалъ, желая вполнѣ усмирить ихъ. Къ Константу же онъ отправилъ грозное посланіе, упрекая его въ томъ, что онъ смѣлъ это сдѣлать. „Но лучше выйди изъ города, возьми съ собой Асотія, сына покойнаго Куропалата Адранасе, привези его сюда, чтобы Мы могли почтить его титуломъ Куропалата, который носилъ также и его отецъ.“

§ 49.

Получивъ это приказаніе, патрицій Константъ оставилъ патрицію Асотія (Кискаса) въ городѣ Адранутце, а самъ уѣхалъ къ Давиду Великому и сообщилъ ему касающіяся до него порученія; на возвратномъ пути онъ прійхалъ въ Иберію, гдѣ засталъ собравшихся по этому самому поводу магистра Куркенія и магистра Давида, брата Куропалата Асотія. Они стали спорить съ патриціемъ Константиномъ и упрекать его въ томъ, что онъ человекъ скрытный *) и злой, потому-что не сообщилъ имъ о своемъ намѣреніи занять го-

*) Κροπτός—Штриггеръ переводятъ *versipellis*.

родъ Адранутце и не сказалъ имъ, что это благоугодно императору. „Мы также докладывали (объ этомъ) императору и оттуда узнали, что императору ничего не извѣстно объ этомъ. Но ты все это сдѣлалъ изъ угожденія патрицію Асотію.“ Патрицій Константъ, оправдавшись, какъ подобало, взялъ съ собою Асотія, сына Куропалата Адранасе, и привезъ его въ столицу, гдѣ тотъ получилъ отъ императора санъ Куропалата.

§ 50. *Constantinus à Constantin*
А В Т II. 397

Къ Куропалату Иберіи была послана массивная золотая була, въ которой славнѣйшій Куропалатъ получилъ отъ христіолюбивыхъ императоровъ слѣдующій указъ: „Къ Куропалату приставлены еще четыре должностныхъ лица, а именно, префекты иберскихъ странъ: Беріазахъ, Карнаты, Куель и Атцара.“ Къ этимъ было отправлено посланіе слѣдующаго содержания: „Такъ извоили приказать христіолюбивые императоры.“

Также и три католикоса: католикосъ Арменіи, католикосъ Иберіи и католикосъ Албаніи—получили увѣдомленіе о томъ, что христіолюбивыми императорами отданъ такой приказъ благочестивѣйшему предводителю, или намѣстнику, той провинціи.

~~~~~
ГЛАВА IV.

Иберы, какъ союзники Римлянъ въ войнахъ; война между Константиномъ Мономахомъ и княземъ города Ани; участіе въ ней Иберовъ. Междоусобная война иберскаго царя Панкратія съ Иберомъ Липаритой; вторичныя вторженія Турокъ въ Иберію; Иберы подчинены Татарамъ, съ 964—1306 г. по Р. Х.

§ 51. *Седенно I: 637*

При императорѣ Никифорѣ Фокѣ, въ 964 г. по Р. Х.

Императоръ Никифоръ, во второй годъ своего царства—

ніа, въ іюлѣ мѣсяцѣ, въ VII индивіцію, выступилъ съ большимъ войскомъ Римлянъ и съ союзниками Иберами и Армянами въ Киликію, причемъ сопровождали его супруга Теофано и дѣти. Вступивъ въ Киликію, онъ овладѣлъ городами Анабардой, Россомъ и Аданой и довольно значительнымъ числомъ другихъ укрѣпленій.

Въ царствованіе Іоанна Цимисхіа, Иберы не упоминаются.

§ 52.

При императорахъ Константинѣ и Василіи Порфирородныхъ, въ 976 г. по Р. Х.

Барда Фока, посланный съ войскомъ противъ мятежника Барды Склера, былъ побѣжденъ этимъ послѣднимъ у „Царскихъ Теплыхъ Источниковъ“ (*Βασιλικὰ Θέρμα*), и послѣшно удалился въ Иберію; онъ просилъ вспомогательныхъ войскъ у Давида, царя этой страны, и получилъ ихъ не мало. Ибо Фока былъ въ дружбѣ съ Давидомъ съ тѣхъ поръ, какъ былъ командующимъ войсками въ Халдіи. Получивъ эти войска и собравъ своихъ, разсѣявшихся вслѣдствіе бѣгства, онъ отправился въ Пангалею (*Παγκάλεια*); это—широкая равнина, удобная для сраженія конницы, лежитъ она близъ рѣки Галиса (*Ἰἶλος*).—Тамъ Фока вступилъ въ единоборство съ Бардой Склеромъ, и, тяжело ранивъ соперника, остался побѣдителемъ.

§ 53.

Въ 939 г. по Р. Х.

Императоръ Василій, освободившись отъ тяжелыхъ заботъ, причиненныхъ междоусобной войной (между Бардой Склеромъ и Бардой Фоккой) по окончаніи этой войны, отпра-

вился въ Иберію, такъ-какъ Куропалать этой страны Давидъ умеръ, назначивъ императора своимъ наслѣдникомъ. По прибытіи туда, приведя въ порядокъ доставшееся ему наслѣдство и убѣдивъ Георгія, брата Давида, правителя внутренней Иберіи, что онъ будетъ довольствоваться собственными владѣніями и не станетъ вторгаться въ чужія, Василиій заключилъ союзъ съ нимъ, взялъ въ заложники его сына и отправился въ Финикію.

§ 54.

711

Въ 1016 г. по Р. X.

Василиій, вторично вторгнувшись въ Булгачію, до г. Касторіи, отступилъ назадъ, такъ-какъ онъ получилъ письмо отъ префекта г. Доростола, Тцитдикія, сына иберскаго патриція Февдата, съ извѣстіемъ, что Булварецъ (?) Крабра намѣревается съ многочисленнымъ войскомъ напасть на римскую имперію.

§ 55.

При императорѣ Романѣ Аргирѣ, въ 1028 г. по Р. X.

Родственники патриція Февдата, Георгій и Барасбатце, который на Аеонской горѣ основалъ иберскій монастырь, были сильно высѣчены за заговоръ, выведены всѣмъ напоказъ и отправлены въ ссылку.

§ 56.

718

При Михаилѣ Пафлагонскомъ, въ 1038 г. по Р. X.

Въ этомъ году, въ VI индикцію, г. Едесса чуть не былъ взятъ хитростью, если-бы Богъ не спасъ его. Комендантомъ города былъ иберскій протоспазарій (первый оруженосецъ) Барасбат-

це *). Въ Едессу пришли 12 арабскихъ вѣстителей, съ 500 **) всадниковъ и съ 500 верблюдовъ, навьюченныхъ тысячько ящиками, въ которыхъ было спрятано двѣ тысячи вооруженныхъ людей, и объявили, что они идутъ съ подарками императору. У нихъ было намѣреніе ввезти ящики въ середину города, ночью выпустить солдатъ и занять городъ. Но Барасбатце ласково принялъ князей и предложилъ имъ обѣдъ, а всадниковъ и багажъ приказалъ остановить внѣ города. Какой-то нищій изъ Армянъ, бывшій тамъ, гдѣ ночевали Сарацины, услышалъ отъ кого-то о находящемся въ ящикахъ и, прибѣжавъ въ префекту, донесъ ему. Тотъ, оставивъ князей за пиромъ, отправился туда со своими солдатами, разломалъ ящики и перерѣзалъ найденныхъ тамъ Сарациновъ, всѣхъ до послѣдняго, вмѣстѣ съ всадниками и погонщиками верблюдовъ. Затѣмъ, вернувшись въ городъ, убилъ одиннадцать арабскихъ князей, а одного, главнаго, которому велѣлъ отрѣзать руки, уши и носъ, отправилъ домой съ извѣстіемъ обо всемъ случившемся.

§ 57. *Садруна II 761.754*

При императорѣ Константинѣ Мономахѣ, 1045—1047 г. ***).

Въ X индивіцію, началась война изъ-за города Ани. Но тутъ нужно объяснить, отчего императоръ пошелъ войною противъ мирнаго и не подавшаго къ тому никакого повода владѣтеля г. Ани. Георгій, князь Абазговъ, воевалъ противъ Римлянъ; союзникомъ его былъ Юбанесика (*Ἰωβανεσίκης*), владѣтель г. Ани. Но когда императоръ Василій, прибывъ съ войскомъ въ Иберію, разбилъ на-голову Георгія, Юбанесика, опасаясь, какъ бы императоръ, разгнѣванный за его союзъ съ Георгіемъ, не обошелся съ нимъ слишкомъ жестоко, взявъ городскіе ключи, передался императору и передалъ ему до-

*) Можетъ быть, тотъ самый, о которомъ говорится въ § 55.

**) У Штриттера съ десятью, тогда какъ у Цедрена Т. II р. 742: ф.

***) Въ этихъ годахъ велась война изъ-за города Ани.

бровольно себя и ключи отъ города. Василій, одобрявъ эту хитрость, пожаловалъ ему титулъ магистра и назначилъ его пожизненнымъ префектомъ г. Ани и, такъ называемой, „Великой Арменіи“; но потребовалъ отъ него собственноручной грамоты, что, по смерти его, вся область перейдетъ въ его — императора владѣніе и составитъ опять часть римской имперіи.

По смерти Василя, а также, спустя много лѣтъ, по смерти Юбанесики, сынъ его Кацицій (Κακχίσιος), принявъ власть, сохранялъ миръ и союзъ съ Римлянами; но, получивъ отцовское государство, не желалъ возвращать Римлянамъ того, чего требовала отъ него отцовская грамота.

§ 58.

Мономахъ, нашедши въ архивѣ эту грамоту, требовалъ себѣ г. Ани и всю Великую Арменію, какъ наслѣдникъ императора Василя. И когда Кацицій объявилъ, что онъ рабъ Римлянъ, но не желаетъ лишиться наслѣдственного владѣнія, императоръ рѣшилъ начать войну. Собралъ войско, онъ вручилъ его назначенному префектомъ Иберіи, Михаилу Бестѣ Іаситѣ, и велѣлъ ему воевать съ Кациціемъ. Тотъ отправился въ свою провинцію и спѣшилъ, насколько было возможно, исполнить приказанія императора. Кацицій, узнавъ, что онъ, вмѣсто друга и союзника, считается теперь врагомъ Римлянъ, самъ собралъ войска и старался защищаться, насколько это ему было возможно.

Но такъ-какъ у Іаситы дѣла шли плохо, то туда-же былъ посланъ еще одинъ изъ тѣлохранителей и приближенныхъ усопшаго императора Константина, Николай, съ большимъ войскомъ, чтобы побѣдить Кациція многочисленностью. Императоръ послалъ также письмо къ Аплесфару, префекту Тибіа, и, лежащей по обѣимъ сторонамъ Аракса, Персарменіи, и велѣлъ ему всѣми силами опустошить Великую Арменію и землю, подвластную Кацицію.

§ 59.

Николай, прибывъ въ провинцію, тотчасъ-же взялся за дѣло и отправилъ письмо императора къ Аплесфару; онъ самъ писалъ ему и старался склонить его подарками и обѣщаніями, чтобы тотъ исполнилъ желаніе императора. Аплесфаръ же, получивъ письмо, отвѣтилъ, что онъ въ точности исполнить приказаніе, если ему будетъ прислано письмо отъ императора, съ обязательствомъ уступить ему, какъ прочное владѣніе и собственность, всѣ земли, которыя только ему удасться отнять на войнѣ у Кациція. Императоръ согласился на это условіе, и подерѣпилъ золотой буллой все, что потребовалъ Аплесфаръ. Получивъ эту буллу, Аплесфаръ тотчасъ-же приступилъ къ дѣлу, завоевалъ много укрѣпленій и замковъ Кациція и занялъ ихъ. Кацицій, осажденный римскими войсками, и подвергшись нападеніямъ префекта Тибія, потерялъ всякую надежду, заключилъ миръ съ Николаемъ и черезъ него сдалъ себя и городъ императору. Потомъ онъ пріѣхалъ къ императору и, получивъ отъ него титулъ магистра и доходныя имѣнія въ Каппадокіи, у рѣкъ Ликандра и Харсіана, велъ впослѣдствіи мирную и спокойную жизнь.

§ 60.

Мономахъ требовалъ назадъ взятые префектомъ Тибія вѣрности и города, какъ часть владѣній г. Ани. Но, когда Аплесфаръ не захотѣлъ ихъ отдать добровольно, ссылаясь на золотую буллу, онъ отдалъ приказаніе Николаю итти войной противъ Аплесфара съ римскимъ и иберскимъ войсками и съ войсками Великой Арменіи, которыми прежде командовалъ Кацицій *). Николай, собравъ всѣ войска, назначилъ начальниками надъ ними Бестарха Іаситу и своего подчиненнаго, магистра Константина, Алана, и послалъ ихъ противъ г.

---

*) ὁ Ἀνώτης.

Тибія. Аплесфаръ, хотя былъ весьма опытный въ военномъ дѣлѣ чело­вѣкъ, очень ловкій, и успѣлъ, было, съ большою хитростью разрушить враждебные планы непрія­теля, однако, чувствуя себя слишкомъ слабымъ для борьбы съ Римлянами, держался внутри стѣнъ, и отведя, протекающую вблизи, рѣку, затопилъ всю равнину, лежащую около города, и обратилъ ее въ бо­лото; въ виноградникахъ же, окружающихъ городъ со всѣхъ сто­ронъ, онъ размѣстилъ пѣшихъ стрѣлковъ и велѣлъ имъ пря­таться и ждать, пока онъ самъ не подастъ трубой сигнала. Такимъ образомъ приготовленный къ битвѣ—онъ ожидалъ при­ближенія враговъ.

Римскіе же полководцы, полагая, что Аплесфаръ отъ страха и отчаянія заперся въ городѣ и наводнилъ равнину, безъ всякаго порядка,—кто верхомъ, кто пѣшкомъ, какъ каж­дому казалось удобнѣе, побѣжали къ городу, рассчитывая взять городъ съ перваго приступа. Когда они дошли до до­рогъ, проходящихъ черезъ виноградники, и подошли къ го­роду, Аплесфаръ, давъ сигналъ трубой, приказалъ начать дѣ­ло. Пѣшіе солдаты его, вставъ изъ засады, стали бросать— кто стрѣлы и камни въ Римлянъ, кто ранилъ ихъ сверху, черезъ заборы виноградниковъ; Римлянамъ же заборы мѣша­ли защищаться отъ враговъ. Итакъ, начинается большое бѣг­ство; *) безчисленное множество Римлянъ было убито, такъ­какъ лошади не могли бѣжать, но падали въ грязь и лужи. Съ трудомъ спаслись, Іасита съ Константиномъ лично яви­лись къ Николаю въ г. Ани вѣстниками пораженія.

§ 61.

Императоръ, узнавъ о случившемся пораженіи, лишилъ власти Николая и Іаситу, и на мѣсто Іаситы назначилъ Ке-

---

*) *Γίνεται οὖν τροπή μεγάλη*—Штригтеръ переводить: *ingens tum clades accepta*.

жавмена *) начальникомъ надъ Иберіею, а на мѣсто Николая онъ выбралъ главнокомандующимъ войсками **) евнуха Константина, родомъ Сарацина, бывшаго у него въ услуженіи еще до вступленія на престолъ, вѣрнаго ему человѣка. Они отправились въ провинцію и, собравъ войска, взялись за дѣло. Но они не захотѣли осадить Тибія, который былъ столицей всего племени, и пошли на другія укрѣпленія, принадлежація г. Ани, и овладѣли Святой Маріей, Ампіеромъ, Святымъ Героргіемъ, весьма сильными замками, лежащими на отвѣсныхъ скалахъ; хотя Аплесфаръ, во время осады ихъ, часто пытался подать помощь, но всегда былъ отражаемъ. Затѣмъ они пошли на крѣпость Хелидоній, построенную на отвѣсной скалѣ и лежащую недалеко отъ Тибія. Окруживъ крѣпость валомъ и рвомъ, они хотѣли овладѣть ею посредствомъ осады, такъ-какъ защитники терпѣли уже недостатокъ въ жизненныхъ припасахъ, будучи застигнуты врасплохъ и не успѣвъ запастись провіантомъ. Они овладѣли бы и этой крѣпостью, если бы вдругъ не возгорѣлось на западѣ возстаніе Льва Торникія. Этотъ Левъ прежде управлялъ Иберіею, но, обвиненный въ стремленіи къ самовластію, былъ отрѣшенъ отъ должности и постриженъ въ монахи. Когда этотъ послѣдній возсталъ, императоръ послалъ курьера, на казенныхъ лошадахъ, въ Иберію, къ Константину съ предписаніемъ—оставить все начатое и, какъ можно скорѣе, прійти въ Константинополь съ войсками. Тотъ, получивъ письмо, снялъ осаду съ крѣпости Хелидонія, почти уже бывшей въ его рукахъ, и заключилъ миръ съ Аплесфаромъ, обязавъ его клятвою, что онъ сохранитъ вѣрность императору, и никогда ничего не предприметъ противъ Римлянъ. Совершивъ все это и забравъ войска, онъ поспѣшилъ въ Константинополь. Такимъ образомъ крѣпость Хелидоній избѣгла захвата.

*) Штриттеръ переводитъ: Ambustum.

**) 'Ο τῆς μεγάλης ἐταρείας ἄρχωνъ мѣсто темное для перевода. Не означаетъ ли это выраженіе *начальникъ главной дружины*, если таковая была?

1770 (Cedren.)

Панкратій, правитель Иберіи, человекъ безстыдный, обезчестилъ жену Липариты. Этотъ Липарита былъ сынъ Горація Липариты, и имѣлъ большую власть въ Иберіи послѣ Панкратія. Онъ пошелъ войной противъ правителя, побѣдилъ его въ сраженіи, и прогналъ его въ Кавказскія горы и внутреннюю Абазгію. Овладевъ дворцомъ Панкратія, онъ изнасиловалъ мать Панкратія, свою повелительницу, и сдѣлался повелителемъ всей Иберіи. Но, при посредничествѣ римскаго императора, состоялся миръ на слѣдующихъ условіяхъ: Панкратій будетъ повелителемъ и владѣтелемъ всей Иберіи и Абазгіи; Липарита же пожизненно будетъ управлять Месхіей и признаетъ Панкратія своимъ господиномъ и царемъ.

§ 63.

Азанъ, посланный противъ Римлянъ султаномъ, пройдя Тавризы и Тифлисъ, вступилъ въ Бааспраканію, все истребляя и разрушая *). Когда, въ это время, Турки съ большимъ войскомъ, подъ предводительствомъ Азана, вторгнулись въ Бааспраканію, префектъ этой провинціи, Ааронъ Беста писалъ префекту г. Ани и Иберіи, Бестѣ, по прозванію Кекавмену **), чтобы онъ поспѣшилъ прійти на помощь. Этотъ, получивъ письмо, съ замѣчательною скоростью собралъ войско и отправился съ нимъ къ Аарону. Соединивъ войска, они осторожно приблизились къ Туркамъ, напали на нихъ изъ засады и разбили. Султанъ, узнавъ объ этомъ, послалъ опять большое войско противъ Римлянъ, подъ предводительствомъ брата своего Авраамія Алима. Римскіе полководцы устроили

*) Дополнено по Цедрену.

***) Цедрень Т. II р. 771: τὸν Βέστην κατακαλὼν τὸν Κεκαυμένον. Штритгеръ переводить: Catacalonem Bestam Ambustum. Не вѣришь ли, что κατακαλὼν=καλούμενον. Тогда и хекаυμένον можно перевести „Обожженному“.

совѣтъ, какъ вести войну, отступили въ Иберію, и тамъ, на какой-то равнинѣ, называемой у туземцевъ „Осуртру“, расположились лагеремъ подъ открытымъ небомъ, а все крестьянское населеніе — женщинъ, дѣтей и всѣ драгоцѣнности заперли въ крѣпости; къ императору же отправили курьера съ письмомъ, пзвѣщая его о прибытіи непріятельскаго войска *).

§ 64.

Императоръ, прочитавъ письмо, приказалъ полководцамъ воздерживаться отъ боя, пока Липарита, съ иберскими войсками, не подойдетъ на помощь римскимъ войскамъ. А Липаритѣ онъ приказалъ въ письмѣ — присоединиться, со всѣми войсками, къ римскимъ полководцамъ, если онъ считаетъ себя союзникомъ и другомъ Римлянъ. Тѣ, получивъ письмо, какъ было приказано, держали себя осторожно, въ ожиданіи прибытія Липариты. А послѣдній, получивъ приказаніе императора, собралъ спокойно **) свои войска и вооружилъ ихъ.

§ 65.

Пока онъ (Липарита) собиралъ свои войска, ***) и время проходило, Авраамій, узнавъ про отступление Римлянъ въ Иберію и полагая, что они ушли изъ боязни, повелъ туда-же свое войско, чтобы рѣшить дѣло сраженіемъ. Увѣдомленные объ этомъ императорскіе полководцы, изъ опасенія быть, противъ воли, принужденными сражаться до прибытія Липариты, отступили въ трудно-доступную мѣстность, окруженную со всѣхъ сторонъ отвѣсными скалами и утесами, и тамъ держали себя спокойно; а Липаритѣ они писали, чтобы онъ спѣшилъ

---

*) Весь этотъ параграфъ представляетъ собою не переводъ, а краткое изложеніе рассказываемаго Цедреномъ.

**) Цедрень Т. II. р. 772: *μετὰ σχολῆς*.

***) Цедрень Т. II. р. 772: *ἐν ὄσῳ δὲ οὗτος τὰς οἰκείας συνεχρότες δυνάμεις* — Штриттеръ переводить: *dam id fit*..

безъ остановки. Пока римскіе полководцы ждали его, Турки овладѣли деревней Арце, густо населенной и весьма богатой, и зажгли ее; затѣмъ, выступивъ оттуда, они стали искать римское войско.

§ 66.

Римляне, по прибытіи Липариты, изъ вышеназваннаго укрѣпленнаго мѣста спустились къ подножью холма, на которомъ стояла крѣпость Капетръ (τοῦ Καπέτρου φρουρῶν). Когда Турки подошли не въ боевомъ порядкѣ, Кекавменъ совѣтовалъ напасть на нихъ, пока они бродятъ безъ всякаго порядка; но Липарита не хотѣлъ сражаться, считая субботу за тяжелый и несчастный день. Ибо это случилось въ субботу (18 сентября), во II индикцію. Но Авраамій, узнавъ черезъ лазутчиковъ, гдѣ помѣщается римскій лагерь, и удостовѣрившись что непріятель отдыхаетъ, выстроилъ свое войско въ боевой порядокъ и подошелъ къ нимъ. Римляне, увидя это, противъ воли также выстроились: на правомъ флангѣ—Кекавменъ, на лѣвомъ Ааронъ, а центромъ командовалъ Липарита. Противъ Кекавмена стоялъ Авраамій, противъ Аарона—другой турецкій полководецъ, Хоросанитъ, противъ Липариты—Аспамъ Селарій, сводный по отцу братъ Авраамія.

Сраженіе началось, когда уже садилось солнце. Кекавменъ и Ааронъ разбили стоящіе противъ нихъ отряды и преслѣдовали ихъ до пѣнія пѣтуховъ. Липарита же, разгнѣвавшись за смерть своего родственника, и яростно бросившись на непріятеля, попалъ въ плѣнъ, такъ-какъ лошадь подъ нимъ была ранена. Римляне, возвратившись изъ преслѣдованія, ожидали Липариту, рассчитывая, что и онъ также преслѣдуетъ непріятеля. Но, когда тотъ не явился, они стали беспокоиться, недоумѣвая, что могло бы съ нимъ случиться. Къ находившимся еще въ недоумѣніи побѣдителямъ явился воинъ Липариты и принесъ извѣстіе о пораженіи и взятіи его въ

плѣнъ, также и о томъ, какъ Авраамій, вмѣстѣ со своимъ своднымъ братомъ, вернулся въ Кастрокомій, взявъ съ собой Липариту и плѣнныхъ Иберовъ.

§ 67.

Римскіе полководцы были поражены этимъ извѣстіемъ, и, на слѣдующій день, одинъ изъ нихъ вернулся въ столицу Бааспрананіи, Ибанъ, другой же въ Ани. Авраамій же, очень довольный поимкой Липариты, ускоренными переходами, черезъ пять дней, прибылъ въ Ре, а, уходя оттуда, послалъ вѣстниковъ къ султану, извѣщая его о побѣдѣ и поимкѣ Липариты. Султанъ притворился очень довольнымъ поимкой такого знатнаго мужа, но, завидуя брату въ его счастіи на войнѣ, только и думалъ о томъ, какъ бы устранить его, и искалъ къ этому поводъ.

Императоръ, узнавъ о взятіи Липариты въ плѣнъ, старался изо всѣхъ силъ освободить его. Для этого онъ отправилъ къ султану Георгія Дроса, секретаря Аарона, съ драгоценными подарками для выкупа Липариты, и требовалъ выдачи его и заключенія мира. Султанъ, принявъ посольство и желая показать, что онъ скорѣе великолѣпный царь, чѣмъ низкій торгашъ, послалъ Липариту императору въ подарокъ; подарки-же императора, хотя и принялъ, но все подарилъ Липаритѣ, напоминая ему, чтобы онъ не забывалъ этого дня, и больше не воевалъ противъ Турокъ.

§ 68.

Въ 1050 г. по Р. Х.

Спустя короткое время, султанъ, разгнѣвавшись за оскорбленіе пословъ, напалъ со всѣми своими войсками на римскихъ подданныхъ. Онъ дошелъ до Комія, но не могъ совершить ничего достопамятнаго, такъ-какъ жители, со всѣмъ

необходимымъ, во время спаслись въ замки, которыхъ очень много въ Иберіи, и которые сильно укрѣплены. Не смѣя вторгнуться дальше, онъ вернулся въ Бааспраганю.

§ 69.

и 789

Въ 1052 г. по Р. Х.

Кутлумусъ, двоюродный братъ Авраамія, помогаль послѣд-
нему на войнѣ противъ брата его, султана, и бѣжалъ, когда
Авраамій былъ взятъ въ плѣнъ. Султанъ, преслѣдуя его,
вторгнулся въ Иберію со своими войсками. Узнавъ про это,
Кутлумусъ бѣжалъ въ Сабу и Счастливую Аравію. Султанъ же,
находясь въ Иберіи, опустошалъ и жегъ все, что ему попада-
лось. Поэтому императоръ послѣшно вызвалъ полководца
Михаила Аколуса съ Запада и послалъ его въ Иберію. Тотъ,
прибывъ туда, собралъ разсѣянныхъ по Халдіи и Иберіи Фран-
ковъ и Варанговъ и старался всячески препятствовать набѣгамъ
султана. Послѣдній-же, узнавъ о скоромъ прибытіи Михаила,
и полагая, что онъ, собравъ войска, хочетъ сразаться съ нимъ,
снялъ лагерь и, со всѣмъ войскомъ, ушелъ въ Табрецій.

§ 70.

Глусас 321

Въ 1053 г. по Р. Х.

Когда императоръ строилъ монастырь Мангана и на эту
постройку щедро тратилъ казенныя деньги, онъ дошелъ до
такого безденежья, что сталъ выдумывать всевозможные способы
для пріобрѣтенія денегъ, и прибѣгнулъ къ разнымъ нелѣпнымъ
податямъ. Поэтому-то онъ распустилъ иберское войско, со-
стоящее изъ 50000 человекъ, и, вмѣсто солдатъ, требоваль
съ этой области высокія подати. Но распущенные солдаты
своимъ севернымъ поведеніемъ и насиліями причиняли такой
вредъ римскимъ интересамъ, что тѣ сильно пострадали.

При Θεодорѣ, Михаилѣ Стратіотигѣ и Исаакіи Комненѣ, Иберы не упоминаются.

§ 71.

Joannes Scylitzes p 874

При императорѣ Константинѣ Дукѣ (Ducas), въ 1059—1067 г. по Р. X.

Такъ-какъ императоръ Константинъ Дука не интересовался военнымъ дѣломъ, и вполне предался спокойствію, то на Востокѣ, а, въ особенности, въ мѣстностяхъ, пограничныхъ римской имперіи, происходили безпокойства, грабежи и опустошенія отъ набѣговъ Турокъ, а также земли эти страдали отъ насилія и бѣгства деморализованныхъ солдатъ, наводившихъ постоянный страхъ. Вслѣдствіе этого, и богатая Иберія, которая и безъ того уже раньше сильно пострадала, была окончательно опустошена и ограблена.

§ 72.

p. 827

При императорѣ Романѣ Діогенѣ, въ 1068 г. по Р. X.

Когда, въ царствованіе императора Романа Діогена, Турки и Сарацины были разбиты недалеко отъ г. Гераполя, императоръ, весьма довольный побѣдой надъ непріателемъ, рѣшился строить крѣпость въ этомъ городѣ. Поэтому онъ назначилъ туда префектомъ Фарасмана, Беста Апокапа, *) по происхожденію Ибера, и далъ непріателямъ время оправиться и одержать побѣду надъ противниками.

§ 73.

p. 834

Набѣги и нападенія столькихъ народовъ (Турокъ и Сарациновъ), отпаденіе подчиненныхъ Римлянамъ народовъ—все это произошло вслѣдствіе гнѣва Божьяго на еретиковъ, жи-

*) Иоаннъ Сцилицъ „Excerpta ex breviario historico“ p. 827: τὸν ἀπὸ κάπτης.

вущихъ въ Иберіи и Месопотаміи до Ливанда и Мелитены и сосѣдней Арменіи, приверженцевъ ереси іудейской, Нестора и Акефаловъ, такъ-какъ всѣ эти страны полны приверженцевъ этой вѣры.

§ 74.

Въ самомъ разгарѣ турецкой войны, императоръ Романъ Діогенъ отправился въ Себастію и оттуда поспѣшилъ въ Иберію, гдѣ онъ собственными глазами видѣлъ Эмануила Комнена и всѣхъ вмѣстѣ съ нимъ убитыхъ. Оттуда онъ, поспѣшивъ, прибылъ въ Θεодосіополь.

§ 75.

Романъ Діогенъ, отпущенный султаномъ, во власть котораго онъ незадолго передъ тѣмъ попалъ, потерпѣвъ поражение въ битвѣ, прибылъ въ Θεодосіополь, и оттуда, вмѣстѣ съ послами султана, проѣхалъ по деревнямъ Иберіи и доѣхалъ потомъ до самой Колоніи.

§ 76.

При императорѣ Михаилѣ Дукѣ, въ 1072—1078 г. по Р. Х.

Императоръ Михаилъ, женившись на благороднѣйшей и весьма могущественной Маріи, дочери князя иберскаго, выдалъ за Исаакія, старшаго сына Куропалатисы, Ирину, дочь правителя Аланіи, сводную сестру Маріи.

Въ царствованіе Никифора Ботаниата, Алексѣя I-го и Іоанна Комненовъ, нѣтъ извѣстій объ Иберахъ.

§ 77.

При императорѣ Эмануилѣ I Комненѣ, въ 1155 г. по Р. Х.

Римляне, отправленные императоромъ Эмануиломъ Авгу-

стомъ въ Италію, противъ Сицилійцевъ, подъ предводительствомъ Алексѣя, внука Алексѣя I-го Комнена отъ его дочери, расположились лагеремъ у Брундузія, и, какъ говорили, недалеко оттуда находился Вильгельмъ, царь Сицилійскій. Не желая сражаться съ нимъ, они послали впередъ двухъ мужей, отличавшихся военной храбростью, какого-то Іоаннія Критопла и перса Перама, вмѣстѣ съ Иберами и Массагетами (Аланами?), для перестрѣлки съ неприятелемъ. Они скоро наткнулись на враговъ, расположенныхъ лагеремъ на 45-ой стадіи; тѣ бросились бѣжать къ своему войску, стоявшему недалеко оттуда, Иберы же и Массагеты бросились на нихъ съ тылу, убили многихъ въ послѣднихъ рядахъ, отняли много вьючныхъ лошадей и одно знамя, и вернулись въ Брундузію.

Въ царствованіе Алексѣя II Комнена и другихъ императоровъ до Михаила Палеолога, Иберы не упоминаются.

§ 78. *Рассказы II 319*

При императорѣ Андроникѣ Палеологѣ, въ 1306 г. по Р. Х.

Кацанъ, ханъ восточныхъ Татаръ, всегда показывался, окруженный блестящимъ многочисленнымъ и отборнымъ конвоемъ, даже и тогда, когда не было войны. Въ этомъ конвоѣ преимущественно служили Иберы, отличные и испытанные воины. Имъ врождены были воинственный духъ и благородное удалство; кромѣ того, они имѣли очень любезный нравъ, такъ-какъ сохранили въ чистотѣ христіанскую вѣру. Зная, какая побѣдоносная сила присвоена знамению креста, которое, вслѣдствіе одержанныхъ побѣдъ, справедливо получило названіе „христіанскаго трофея“, ханъ этотъ, въ сраженіяхъ, больше всего полагался на иберскій полкъ, носившій передъ собою въ битвахъ, вмѣсто знамени, изображеніе креста; обыкновенно окружалъ себя ими и всегда имѣлъ ихъ при себѣ въ качествѣ триаріевъ. Такимъ образомъ, онъ наносилъ тяжкія

пораженія арабскому султану и дошелъ даже до самаго Иерусалима и чуть не овладѣлъ этимъ городомъ, который султанъ отнялъ у христіанъ. Онъ подошелъ въ святому городу, главнымъ образомъ, изъ желанія вознаградить своихъ Иберовъ, которые, какъ онъ зналъ, очень огорчались тѣмъ, что Сарацины, враги Спасителя, владѣютъ „животворящимъ его памятникомъ“ и осеверняютъ его. Хотя ему и не удалось совершить то, чего онъ желалъ, но, все-таки, онъ нанесъ сильное пораженіе войскамъ султана.

§ 79. Chalcondylas 265

Въ концѣ XIV-го или въ началѣ XV-го столѣтія.

Иоаннъ Комненъ, принятый своимъ отцомъ Алексѣемъ, Трапезунтскимъ императоромъ, въ соучастники правленія, убилъ своего протовестіарія (перваго постельника), подозрѣвая его въ запрещенной связи съ своей матерью Кантавузеной; отца же и мать своихъ онъ заперъ въ одной и той-же спальнѣ, чтобы убить и мать *). Но имѣющіе власть въ городѣ умолили Иоанна не дѣлать этого, а потомъ, осрамивъ его, выслали въ Иберію.

Иоаннъ отправился въ Иберію и женился тамъ на дочери царя Александра. Оттуда отправился онъ въ Кафу. Тамъ нанявъ у какого-то Янута корабль, прибылъ въ Трапезунтъ. Тутъ онъ, послѣ того, какъ отецъ былъ убитъ, вслѣдствіе измѣны приближенныхъ, сталъ во главѣ государства.

§ 80. 268

Когда Цихъ Артабилъ, въ войнѣ противъ Трапезунта, осаждалъ городъ, и случайно произошелъ внутри пожаръ, всѣ

*) Chalcondylas „De rebus Turcicis“ p. 246: Βουλόμενος ἀνελεῖν καὶ τὴν μητέρα. Штриттеръ же переводитъ—p. 313: ut eos interficeret.

должностныя лица города спаслись бѣгствомъ,—это моремъ, это сушею, чтобы уѣхать въ Иберію до Каспійскихъ воротъ. На другой день Цихъ ушелъ, не достигши своей цѣли.

ГЛАВА V.

Смѣшанныя извѣстія (miscelanea) о мѣстоположеніи Иберіи.

§ 81.

Въ 506 г. по Р. Х.

Тавръ, виливійскій хребетъ, сперва выходитъ въ Каппадокію, затѣмъ въ Арменію, Персарменію, Албанію, Иберію и сосѣднія земли, отчасти свободныя, отчасти-же подвластныя Персамъ. За границами Иберіи, въ самомъ узкомъ проходѣ, находится тропинка, въ 50 стадій въ длину, кончающаяся у одной отвѣсной и недоступной горы такимъ образомъ, что никакого выхода оттуда не имѣется. Но тамъ самой природой сдѣланы ворота, которыя легко можно принять за искусственныя и сдѣланныя человѣческой рукой—эти ворота называются издревле „Каспійскими воротами.“

§ 82.

Въ 541 г. по Р. Х.

Есть страна Дубіосъ, не только плодородная, но имѣющая очень здоровый климатъ и весьма здоровую воду. Лежитъ она отъ Θεодосіополя на разстояніи восьмидневнаго перехода. Тутъ есть равнины, удобныя для верховой ѣзды, и много де-

ревень, густо населенныхъ и близко-лежащихъ другъ отъ друга; въ нихъ живетъ множество купцовъ, занимающихся торговлею. Сюда привозятъ товары изъ Индіи, изъ сосѣдней Иберіи и почти ото всѣхъ народовъ Персіи, даже отъ Римлянъ, и тутъ обмѣниваютъ ихъ.

§ 83.

Рѣка Боасъ беретъ начало въ Арменіи, вблизи границъ Тцаники; черезъ нее легко перейти всюду, до того мѣста, гдѣ справа находится Иберія и крайнія вѣтви Кавказа. На этомъ мѣстѣ, рѣка, вслѣдствіе впаденія притоковъ, значительно увеличивается, и, принимая названіе Фазисъ, течетъ дальше. Тамъ, по обоимъ берегамъ, лежитъ Лазика. На правомъ берегу, на всемъ протяженіи до границъ Иберіи, живутъ туземцы. Сванда и Сарапанисъ—это крѣпости на границахъ Иберіи.

§ 84.

У прохода изъ Иберіи въ Колхиду, Фазисъ удобенъ для перехода въ бродъ.

Справедливо можно удивляться замѣчательному трудолюбію и искусству Персовъ. Дорогу изъ Иберіи въ Колхиду, ведущую по отвѣснымъ горамъ, до того заросшимъ густымъ лѣсомъ и кустарниками, что прежде она даже хорошему ходуку казалась недоступной, они (Персы) такъ уравнили, что не только персидская конница очень удобно могла двигаться по ней, но даже и какое угодно количество слоновъ, которыхъ они брали съ собой на войну.

§ 85.

Иберія граничитъ съ Колхидой, и цари иберскіе довольно храбры и благородны. Простирается она отъ мѣстечка

Баѳу и отъ рѣки Фазиса до Халтцихи; тутъ лежатъ префектуры: Горгуры, Корин, Кахетіи и Тифлісін, сосѣднія съ Самахією, городомъ, подвластнымъ Туркамъ. Но имъ не были подвластны: приморскій городъ Кахетіумъ, Севастополь, столица Минкеліевъ *) и Дадіана, Мамія, Самантаула, Гурія и другіе приморскіе города. По сосѣдству съ городами верхней Иберіи, жили Аланы, Гунны, и Эмбы (Ἐμβοί). Страна Алановъ простирается, какъ полагаютъ, до Кавказскаго хребта. Они также Иберы. Но какимъ образомъ они прошли въ эту страну, отъ западныхъ-ли Иберовъ, или съ другихъ мѣстъ, я не могу опредѣлить. Въ короткое время они приобрѣли большое могущество и значительныя богатства. Христіанскую вѣру они приняли изъ Константинополя такимъ образомъ: какая-то женщина ѣздила туда изучать истинную святую вѣру; по своемъ возвращеніи, она, сотворивъ чудо, побудила Иберовъ оставить язычество, и, съ ихъ согласія, объявила ихъ христіанами.

§ 86.

Въ 1222 г. по Р. Х.

Спустя долгое время, сосѣдніе Скиѳы пошли войной противъ Иберовъ, вторглись въ Иберію и совсѣмъ опустошили эту страну. Мужчинъ, взятыхъ въ плѣнъ, они обратили въ рабовъ. Иберскіе цари спаслись бѣгствомъ въ горы. По возвращеніи Скиѳовъ домой, цари иберскіе также спустились съ горъ, и царство осталось за ними съ тѣмъ, чтобы они ежегодно платили дань скиѳскому царю. Спустя короткое время, скиѳскій царь, кончивъ воевать съ Аланами, пошелъ войною также противъ Гунновъ и Сасовъ (Σάσοι).

---

*) т. е. Мингрельцевъ.

Handwritten notes at the top of the page: "of 67 215 - 57 - 1110 / 11.3 - 170" and "Thun's studies, Lazica".

Важнѣйшія свѣдѣнія о Лазахъ.

Имя и происхождение Лазовъ.

Что Лазы тотъ-же самый народъ, что и, прежде называвшіеся, Колхи, утверждаютъ единогласно Проконій, Агаѳіа и другіе. Оттого византійскими писателями они называются то тѣмъ, то другимъ именемъ. Что они переселенцы изъ Египта и остатки того войска, которое, какъ говорятъ, подъ предводительствомъ Сезостриса поворило всю Азію, рассказываетъ Агаѳіа, слѣдуя Діодору Сицилійскому и другимъ древнимъ писателямъ *).

Мѣстоположеніе Лазики.

Рѣка Боась, берущая свое начало въ Арменіи, около границы Тцаники (Тзаника), вступая въ предѣлы Кавказа и Иберіи, принимаетъ названіе Фазисъ и, протекая на далекое пространство къ Западу, втекаетъ въ крайній уголь Понта Эвксинскаго. По обоямъ берегамъ этой рѣки лежитъ Лазика, мѣстность неровная и по ту и по другую сторону рѣки. На правой сторонѣ рѣки, Лазы населяли страну до границъ Иберіи. Тамъ самые знаменитые города были: Археополь, Севастополь, Родополь (Rhodopolis) и Мухирезисъ (Muchiressis). Самая плодородная часть Лазики лежитъ по направленію къ Иберіи; тамъ упоминаются города: Кутатисій (Cutatisium), прежде Котіейонъ (Cotiaion), и Ухимерій (Uchimerium), а на самой границѣ Иберіи крѣпости: Сканда (Scanda) и Сарапанисъ (Sagapanis).

*) См. „Извѣстія древнихъ греческихъ и римскихъ писателей о Кавказѣ“. К. Гана. Ч. I. Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Вып. IV. От. I. Стр. 14, 112.

Handwritten notes at the bottom of the page: "Thun's studies with § 31" and "Handwritten notes about the Boas river and Lazica".

На лѣвомъ берегу Фазиса, Лазика простирается не больше, чѣмъ на пространствѣ однодневнаго перехода. Въ этой части, у Понта Эвксинскаго, Юстиніаномъ I былъ основанъ городъ Петра (Petra), между тѣмъ какъ остальные части этой страны почти не были населены и только еще заселялись Римлянами. Упоминаются еще рѣки: Реонъ (Rheon), орошающій страну Мухирезисъ, Довонъ (Dosophus), который, при впаденіи въ Фазисъ, образуетъ островъ, вслѣдствіе того, что Римляне въ томъ мѣстѣ, гдѣ эти рѣки ближе всего сходятся, прорыли каналъ,—затѣмъ Хобъ (Chobus), Катаръ (Catharus), протекающій недалеко отъ Онугурисъ (Onuguris), Неокнъ (Neosnus), недалеко отъ города Фазиса, лежащаго у устья рѣки того-же имени, и р. Марсій (Marsyas).

Лазамъ, съ давнихъ поръ, были подвластны: Мисиміаны, Апсиліи и на сѣверной границѣ Абазги.

Исторія Лазовъ.

Лазы въ митридатской войнѣ, около 65-го года до Р. Х., были побѣждены Помпеемъ Великимъ, и тогда, въ первый разъ, стали извѣстны Римлянамъ, а цари ихъ украшали триумфальное шествіе возвращающагося въ Римъ Помпея. Но, начиная съ этого времени до царствованія Севера, ни одинъ изъ византійскихъ писателей не упоминаетъ о нихъ. И во время царствованія этого императора, около 196-го г. по Р. Х., по извѣстіямъ писателей, Лазика сдѣлалась подвластной Римлянамъ. Въ эпоху царствованія Діоклетіана (284—304 г. по Р. Х.), Крисконъ (Chriscon и Criscon), царь Босфорскій, сынъ Ора, идя войной противъ Римлянъ, съ большимъ войскомъ Сарматовъ, вторгнулся въ Лазикъ и оттуда дошелъ до р. Галиса, но былъ принужденъ Римлянами и, соединенными съ ними, Херсонезцами заключить миръ и вернуться домой.

Въ царствованіе (въ Константинополѣ) Льва I, Сваны вели войну съ Лазами, въ которой Лазы были поддерживаемы римскими, Сваны же персидскими вспомогательными войсками. Когда, въ 457—461 г. по Р. Х., произошла ссора между Римлянами и Лазами, война нѣкоторое время велась съ одинаковымъ, для обѣихъ сторонъ, счастіемъ, пока царь Лазовъ Губацъ (Gubazes), царствовавшій вмѣстѣ съ сыномъ, не отказался отъ престола, такъ-какъ Римляне, на основаніи древнихъ законовъ Лазовъ, утверждали, что у нихъ не позволено въ одно и то же время царствовать двумъ царямъ.

Въ царствованіе императора Юстина I-го, посланникъ отъ персидскаго царя Кавада (Cauades), въ первый разъ затѣялъ споръ съ Римлянами изъ-за Лазики, утверждая, что Римляне несправедливо отняли эту страну у законныхъ владѣтелей, и занимаютъ ее, не имѣя на это никакого права. Почти въ то же самое время (въ 522 г. по Р. Х.), Тцатій (Tzathius), сынъ царя Лазовъ, Цамнакса (Zamnahes), по смерти отца, прибылъ въ Константинополъ, принялъ христіанскую вѣру и былъ объявленъ царемъ Лазовъ. Женившись на Валеріанѣ, внучкѣ одного римскаго патриція, онъ былъ удостоенъ отъ императора большихъ почестей и, получивъ подарки, вернулся домой. Но такъ-какъ, до того времени, персидскіе цари имѣли право утверждать царей Лазовъ на престолъ, Кавадъ, царь персидскій, прислалъ пословъ съ жалобой на то, что было совершено въ Константинополѣ.

Юстинъ не обратилъ никакого вниманія на жалобу; но дѣло это послужило поводомъ и началомъ большихъ непріязней и продолжительныхъ войнъ между Персами и Римлянами. А также, съ этого времени, какъ мы читаемъ у писателей, римскіе солдаты были размѣщены въ укрѣпленіяхъ Лазики.

Въ самомъ началѣ царствованія Юстиніана I-го, въ 528-мъ г. по Р. Х., Кавадъ напалъ на Тцатія и Лазовъ по вышеупомянутымъ причинамъ. Но, когда Юстиніанъ прислалъ Ла-

замъ вспомогательныя войска, Персы потерпѣли поражение, но, все-таки, овладѣли нѣкоторыми укрѣпленіями въ Лазикѣ, которыя, только по заключеніи мира съ Хосроемъ, сыномъ и наслѣдникомъ Кавада, въ 532-омъ г. по Р. Х., были возвращены Юстиніану. Нѣсколько лѣтъ спустя (въ 539-омъ году), когда римскіе префекты, послѣ основанія г. Петры, обременили Лазовъ новыми податями и безнаказанно разграбили ихъ имущество, царь Губаць, со всѣмъ народомъ, перешелъ къ Персамъ, которые съ войскомъ вторгнулись въ Лазикъ и овладѣли г. Петрой. По заключеніи мира, въ 545-омъ году по Р. Х., между Римлянами и Персами состоялось соглашеніе, въ силу котораго и тѣ и другіе удержали за собою занятія въ Лазикѣ укрѣпленія.

Но недолго продолжалось это спокойствіе. Хосрой, убѣдившись въ томъ, что мѣстоположеніе Лазики въ высшей степени удобно, во-первыхъ, для того, чтобы самому вторгнуться въ римскія земли, во-вторыхъ, для того, чтобы пропустить черезъ эту страну Гунновъ, живущихъ по сосѣдству съ Кавказскимъ хребтомъ, и въ-третьихъ, для того, чтобы легче держать въ повиновеніи Иберовъ, которые лишены будутъ, такимъ образомъ, надежнаго убѣжища,—рѣшилъ покорить себѣ всю эту землю, переселить весь народъ въ другое мѣсто и устранить царя Губаца. Но Губаць, тайно узнавъ объ этомъ черезъ одного знатнаго Лаза, по имени Барсанса (Barsanses), отправилъ тотчасъ-же пословъ къ Юстиніану, увѣдомляя его о положеніи своихъ дѣлъ, и просилъ извиненія за прежніе свои поступки, обѣщая перейти на сторону Римлянъ, если императоръ пришлетъ ему вспомогательныя войска. Юстиніанъ, охотно согласившись на это, послалъ войско подъ предводительствомъ Дагисеелъ, который, соединившись съ Губацомъ, началъ войну съ Персами. Но такъ-какъ Римляне, по винѣ своихъ полководцевъ, часто терпѣли тутъ неудачи, то Губаць пожаловался Юстиніану на ихъ

бездѣйствіе, и этимъ только навлекъ на себя ненависть полководца Мартина и квестора Рустика, съ которыми онъ и прежде не ладилъ, а теперь былъ обвиненъ ими передъ Юстиніаномъ, хотя безъ основанія, въ измѣнѣ, и на одномъ свиданіи, на которое тѣ пригласили его, онъ былъ коварно убитъ (въ 554 г. по Р. Х.). Немногого не доставало, чтобы Лазы, которые въ высшей степени негодовали за убійство своего царя, перешли опять на сторону Персовъ. Но болѣе разумнымъ людямъ изъ этого народа удалось, наконецъ, довести дѣло до того, чтобы было отправлено посольство къ Юстиніану, съ просьбой, не оставить безъ кары недостойнѣйшее преступленіе, казнить убійцъ, а имъ (Лазамъ) назначить въ цари Тцата (Tzathes), младшаго брата Губаца. Юстиніанъ, исполнивъ ихъ желанія, сохранилъ въ вѣрности (въ подданствѣ?) этотъ народъ. Во время этихъ переговоровъ, пылала война между Римлянами и Персами, которая, однако, въ 562-омъ году, окончилась миромъ, съ условіемъ, что Персы уступятъ Римлянамъ Лазиву. Римляне, овладѣвъ такимъ образомъ этой землей, вели частые, но безуспѣшные переговоры съ Персами о возвращеніи имъ также и Сванетіи, такъ-какъ она составляла часть Лазикіи.

Потомъ Лазы принимали участіе въ войнахъ Римлянъ, въ царствованіи императоровъ Маврікія и Ираклія. Но, въ царствованіе (въ Константинополѣ) Леонтія, Лазика измѣной патриція Сергія попала во власть Сарациновъ. Юстиніанъ Ринооментъ, въ 703-емъ году по Р. Х., хотѣлъ снова завоевать ее, но эта попытка была безуспѣшна, такъ-какъ Сарацины успѣли во время прибыть туда.

Во время занятія Латинянами Константинополя, Алексѣй, изъ рода Комненовъ, основалъ въ г. Трапезунтѣ, въ 1204 г. по Р. Х., новое царство. Царей этого государства византійскіе писатели называютъ то царями Лазовъ, то царями Колхиды. Михайлъ Палеологъ выдалъ дочь свою за Юанна,

одного изъ этихъ царей, въ 1281 г. по Р. Х., и, такимъ образомъ, вступилъ съ нимъ въ родство. Другой царь, по имени Алексѣй, въ 1306-мъ г. по Р. Х., воевалъ съ Генуезцами, отказавшимися платить должныя подати. Баязигъ (Baiazithes) и Амуратъ (Amurathes) пошли противъ нихъ войной, и послѣднему даже императоръ Іоаннъ долженъ былъ платить подати. Наконецъ, въ 1461-мъ г. по Р. Х., Магомедъ II овладѣлъ городомъ Трапезунтомъ, гдѣ ему сдался царь Давидъ вмѣстѣ со всей Лазикой.

Цари (собственно) Лазики и знатные люди.

Гобацъ (Γοβάζης)—царь Лазовъ, съ 457—461 г.

Цамнавсъ (Ζαμνάκης), сынъ его, царствовалъ еще до 522-го г. по Р. Х.

Тцатій (Τζάθιος)—царь; принялъ христіанскую вѣру въ 522-мъ году; жена его—Валеріана, внучка патриція Онина (Oninus).

Опситъ (Ὀψίτης)—царь; жена Θεодора.

Губацъ (Γουβάζης)—царь, съ 539—554 г., былъ убитъ римскими полководцами; братъ его—

Тцатъ (Τζάθης)—царствовалъ въ 555-мъ и слѣдующихъ годахъ.

Барсансъ (Βαρσάνης) отырываетъ Губацу намѣреніе Хосроя убить его, въ 545—549 г.

Фубелій (Φουβέλιος) убиваетъ Персовъ изъ засады, около 545—549 г.

Тердетъ (Τερδέτης) выдаетъ Персамъ Тцибилій (Tzibilium), крѣпость Аписилии, въ 550-мъ году.

Θεοφοβίη (Θεοφόβιος) выдаетъ Персамъ крѣпость Ухимерій (Uchimerium), въ 551-мъ году.

Айяъ (Αἰήτης), на сходѣ послѣ убійства Губаца, подаетъ совѣтъ Лазамъ—перейти въ Персамъ, въ 554 г.

Фартацъ (Φαρτάζης) совѣтуетъ на той-же сходѣ—донести Юстиніану объ убійствѣ Губаца.

Фарсантъ (Φαρσάντης), предводитель римскаго войска, посланнаго противъ Мисиміанъ (Misimiani), въ 556-мъ году.

Писатели, у которыхъ мы находимъ извѣстія о Лазяхъ.

О Лазяхъ писали: Прискъ, Провопій, Агаѳіа, Менандръ, Теофанъ Византійскій, Теофилактъ Симовата, авторъ Пасхальной Хроники, Георгій Синцелль, Теофанъ Исаакій, Анастасій Библиотекарь, Константинъ Порфирородный, Цедренъ, Зонара, Пахимерь, Никифоръ Грегоръ, Михаилъ Дука, Кодинъ и Халкокондила.

О древности Лазовъ и о происхожденіи ихъ отъ Египтянъ кое-что рассказываетъ Агаѳіа. О томъ, что Александръ Великій дошелъ до Фазиса, говоритъ Цедренъ. Въ войнѣ съ Митридатомъ упомянули о Лазяхъ Зонара и Цедренъ, и послѣдній пишетъ, что императоръ Северъ даже покорилъ Лазіку. Константинъ Порфирородный упоминаетъ о походѣ одного Босфорскаго царя въ Лазіку, во время императора Діовлетіана Августа. Изъ временъ Льва I-го мы получаемъ болѣе подробныя извѣстія отъ Приска. О томъ, что у нихъ дѣлалось въ царствованіе императора Юстина I-го, рассказываютъ Прокопій, авторъ Пасхальной Хроники, Теофанъ, Анастасій, Цедренъ и Зонара; изъ нихъ очень подробныя свѣдѣнія даютъ авторъ Пасхальной Хроники и Прокопій.

Въ царствованіе Юстиніана I-го очень часто упоминаются Лазы. Очень подробное описаніе событій въ Лазікѣ, съ

527 по 553 г., даетъ Прокопій, и о слѣдующихъ за этимъ событіяхъ—Агаѳія. Нѣкоторыя извѣстія мы находимъ также у Теофана, Цедрена, автора Пасхальной Хроники и Менандра.

Событія въ царствованіе Юстина II-го описываютъ Менандръ и Теофанъ Византійскій; въ царствованіе Маврикія—Теофилактъ, Теофанъ Исаакій и Анастасій; а въ царствованіе Ираклія, Леонтія и Юстиніана Риномета—Теофанъ, Анастасій и Зонара. У послѣдняго мы находимъ только одно мѣсто о событіяхъ въ царствованіе Юстиніана.

О митрополитѣ и епископахъ Лазики мы находимъ скудныя извѣстія у Константина Порфиророднаго, которыя вторяетъ Кодинъ.

О событіяхъ въ Лазикѣ, въ царствованіе императоровъ Θεодора Ласкара I-го, Иоанна Дуки, Михаила Палеолога, краткія извѣстія даютъ Никифоръ Грегоръ и Пахимерь. Извѣстія о войнахъ, веденныхъ съ Лазами Баязитомъ, Амуратомъ и Магометомъ II-мъ, съ 1385 по 1461 г., и о нѣкоторыхъ другихъ событіяхъ того времени—оставили намъ Михаилъ Дука и Халковондила.

О ЛАЗАХЪ.

ГЛАВА I.

Древнѣйшія извѣстія о Лазахъ; происхождение народа. Войны съ Римлянами и другія событія, главнымъ образомъ, въ царствованіе Губаца, Цамнакса и Тцатія, до принятія христіанства, съ 65-го г. до Р. Х. по 527 по Р. Х.

§ 1. *Agathis p. 53*

Лазы прежде назывались Колхами; что, дѣйствительно, это они—никто въ этомъ не станетъ сомнѣваться, принимая во вни-

маніе р. Фазисъ, Кавказскій хребеть и продолжительное пребываніе этого народа въ названныхъ мѣстахъ. Говорять, что Колхи были переселенцы изъ Египта. Рассказываютъ также, что и гораздо раньше, до прибытія героевъ, сопровождавшихъ Язона, раньше Ассирійской имперіи и даже раньше времени Нина и Семирамиды, какой-то египетскій царь, Сестоприсъ, собралъ громадное войско Египтянъ, вторгся въ Азію и всю ее покорилъ. Тогда онъ пришелъ также и въ эту страну, оставилъ часть своего войска, и вотъ оттуда-то ведется родъ Колховъ. Объ этомъ свидѣлствуютъ Діодоръ Сицилійскій и весьма многіе другіе древніе историки.

§ 2.

Въ 65 г. до Р. X. *Zonaras I. 477/8*

[Помпей, въ войнѣ съ Митридатомъ, побѣдилъ Иберовъ; затѣмъ, оттуда онъ вторгнулся въ Колхиду, и, на возвратномъ пути, [отправился] по суровой и безводной дорогѣ противъ Албанцевъ, которые отпали отъ Римлянъ.]

§ 3. *Georgius Synkellos 299*

Въ 59 г. до Р. X.

Помпей поручилъ провинцію [Иудею] Скавру и, оставивъ два римскихъ легіона для защиты страны, поспѣшно отправился черезъ Киликію въ Римъ, чтобы отпраздновать блестящій триумфъ. Онъ велъ съ собой побѣжденныхъ царей: Фарнака, сына Митридата, царей Колховъ, т. е. Лазовъ, двадцать иберскихъ князей и, наконецъ, царя іудейскаго, Аристовула.

§ 4. *Zonaras I. 479*

[Страны и народы, за повореніе которыхъ Помпей въ Римъ получилъ триумфъ,] были: Понтъ, Арменія, Пафлагонія,

Каппадокія, Мидія, Колхида, Іберія, Албанія, Сирія, Киликія, Месопотамія, Финикія, Палестина, Іудея, Аравія.

§ 5. *Cherson Paschale* p. 34

За Каппадокійцями, направо, живуть слѣдуючіе народы: Армяне, Іберы, Берраны (Беггани), Скионы, Колхи, Босфоране; а такъ называемыя Саллы (Salli) и Саниты (Sanitae) доходятъ до самаго Понта.

§ 6.

Въ царствованіе императора Діоклетіана, съ 284—304 г.
по Р. X. *Constantinus de Adm Imperio* 144.6

Въ царствованіе римскаго императора Діоклетіана, когда у Херсонезцовъ (Chersonitae) царствовалъ и управлялъ Ѳемистъ, сынъ Савромата Ѳемиста,—Крисконъ Босфорскій, сынъ Ора, собравъ войско изъ Сарматовъ и народовъ, живущихъ вокругъ Меотійскаго болота, пошелъ войною противъ Римлянъ, прибылъ въ землю Лазовъ и, напавъ на нихъ, добрался до рѣки Галиса (Halys). Но Діоклетіанъ, узнавъ, что Лазика и Понтика подвергаются опустошенію, отправилъ противъ Сарматовъ войско, подъ предводительствомъ трибуна Константа. [Когда Херсонезцы, возбужденные императоромъ противъ Сарматовъ, овладѣли Босфоромъ,] царь Сарматовъ, [чтобы получить назадъ свои владѣнія,] долженъ былъ, хотя и неохотно, отпустить всѣхъ плѣнныхъ. Принявъ ихъ, Константъ оставилъ у себя двухъ Херсонезскихъ пословъ, а остальныхъ плѣнныхъ отправилъ въ царю Савромату; послѣдній-же, еще до прибытія ихъ, назначилъ нѣсколько человекъ Лазовъ, вмѣстѣ со своими людьми, чтобы имъ были выданы Босфоръ и семейства (взятія въ плѣнъ). Въ царствованіе Максиміана и остальныхъ императоровъ до Маркіана, о Лазяхъ не упоминается.

* *Cherson Paschale* p. 34

§ 7.

Въ царствованіе Льва I-го, съ 457—461 г. по Р. Х.

Римскіи и Эксертині де дежап, р 46

Когда возникъ сильный споръ Римлянъ и Лазовъ со Сванами, и Сваны, по первому знаку, немедленно собрались на войну, тогда и на Персовъ напала охота къ войнѣ изъ-за городовъ, отнятыхъ у Свановъ Лазами. Поэтому царь Лазовъ отправилъ пословъ къ римскому императору, съ требованіемъ, послать ему вспомогательныя войска изъ солдатъ, охраняющихъ границы Арменіи, подвластной Римлянамъ, потому-что они, находясь по близости, будутъ скорѣе на мѣ-стѣ. Этимъ онъ хотѣлъ избѣгнуть опасности нападенія, въ ожиданіи прибытія изъ далевихъ странъ вспомогательныхъ войскъ, а также избѣгнуть большихъ издержекъ на случай, если сраженіе отсрочится, какъ это однажды случилось, когда ему было послано, подъ предводительствомъ Геравлія, сильное вспомогательное войско, которое онъ отправилъ назадъ, такъ-какъ Персы и Иберы, съ которыми онъ воевалъ, были въ это время заняты новой войной противъ другихъ народовъ, а доставка провіанта для вспомогательнаго войска была очень тяжела и затруднительна. Но, когда Паряне снова напали на него, онъ позвалъ Римлянъ назадъ. Послы, отправленные имъ теперь въ Римъ, вернулись съ отвѣтомъ, что императоръ пришлетъ имъ войско и полководца.

§ 8.

— — р 73, 74.

Римляне, отправившись въ Колхиду, окончили войну противъ Лазовъ, и, вскорѣ послѣ этого, римское войско возвратилось во-свояси.

Но, когда императоръ снова собрался итти войной противъ Лазовъ, онъ созвалъ совѣтъ для рѣшенія вопроса, отправиться-ли по прежней дорогѣ, или-же, получивъ обѣщаніе

въ вѣрности отъ царя Пароянъ, пройти черезъ граничащую съ персидскими владѣніями Арменію, такъ-какъ на берегу Колхиды не было гаваней, и онъ не могъ плыть по мелководному берегу, а потому и считаль море всюду себѣ враждебнымъ.

§ 9.

Съ 457—461 г. по Р. Х. *in p. 41*

Губацъ, царь Лазовъ, также отправилъ пословъ къ Пароянамъ и къ римскому императору. Царь Пароянъ не принялъ Лазовъ, явившихся къ нему, такъ-какъ онъ велъ войну съ Гунпами Кидаритами. Римляне-же отвѣтили, что они прекратятъ войну въ томъ случаѣ, если онъ самъ отречется отъ престола, или-же лишитъ власть своего сына. Ибо, по старому закону этой страны, не допускается, говорили они, чтобы сразу было два царя. Поэтому, или одинъ Губацъ, или-же сынъ его долженъ царствовать въ Колхидѣ, и тогда война будетъ прекращена.

Пословъ велъ Евфимій. Достигши сана магистра (*magister officiorum*), онъ, какъ славившійся умомъ и краснорѣчіемъ, въ царствованіе Марціана, принималъ участіе въ управленіи и привлекъ въ совѣтъ императора много прекрасныхъ людей. Онъ призвалъ на государственную должность также и Приска, написавшаго эту исторію. Губацъ, по предоставленному ему выбору, снялъ съ себя знаки царскаго отличія и предпочелъ уступить царство сыну. Вотъ онъ-то и послалъ пословъ къ императору, съ просьбой, больше не гнѣваться на страну и не воевать съ ней, въ виду того, что Колхида управляется теперь только однимъ царемъ. Императоръ же велѣлъ Губацу прибыть на римскую территорію, чтобы здѣсь онъ отдалъ отчетъ въ томъ, что намѣренъ теперь дѣлать. Тотъ не воспротивился переѣхать туда. Діонисій же получилъ увѣреніе отъ раньше посланнаго въ Колхиду чиновника, для улаженія дѣлъ съ Губацомъ, въ томъ, что онъ ничего не общалъ имъ не-

исполнимаго, достигъ цѣли своего посольства, и, такимъ образомъ, они согласились насчетъ спорныхъ пунктовъ.

§ 10.

Въ 461 г. по Р. Х.

4 43, 44

Послѣ пожара въ столицѣ, случившагося въ царствованіе Льва, Губацъ пріѣхалъ въ Константинополь съ Діонисіемъ, въ персидской одеждѣ, окруженный, по мидійскому обычаю, тѣлохранителями. Императоръ принялъ его, но сперва, такъ-какъ это было для него дѣломъ новымъ, отворотился отъ него, но затѣмъ обладалъ его и отпустилъ. Ибо Губацъ расположилъ его къ себѣ лестно и обнаруженіемъ (?) символовъ христіанской вѣры.

При Львѣ II Зенонѣ, Василискѣ и Анастасіи I-омъ, не упоминается о Лазахъ.

§ 11. *Proscris de B.P. 132*

Въ царствованіе императора Юстина I-го, въ 520—521 г. по Р. Х.

Послы, отправленные Кабадомъ въ Константинополь, по дѣлу о мирѣ и объ усыновленіи Хосроя императоромъ Юстиномъ, много толковали о спорныхъ вопросахъ, причемъ одинъ изъ нихъ—Сеосъ упомянулъ, что Колхида, называемая теперь Лазикой, занята Римлянами и несправедливо отнята у законныхъ и давнѣйшихъ владѣтелей ея—Персовъ.

Услыхавъ это, Римляне вспылили и сочли недостойнымъ, чтобы со стороны Персовъ возбуждался споръ изъ-за Лазики.

Впослѣдствіи, Мебодъ донесъ Кабаду на Сеоса, что послѣдній, противъ приказанія своего царя, упомянулъ о Лазикѣ, и тѣмъ разстроилъ миръ.

§ 12.

Сказаніе о Сеосѣ 132

Въ 527 г. по Р. Х.

Въ 4-мъ году 365-й олимпіады, въ XV индивіцію, въ

консульство Симмаха и Боетія, Тцатій, сынъ царя Лазовъ, Цамнакса, немедленно, послѣ смерти отца, отправился въ Константинополь къ благочестивѣйшему императору Юстину и поручилъ себя его покровительству. При этомъ, онъ попросилъ провозгласить его царемъ Лазовъ, избраннымъ римскимъ императоромъ и обращеннымъ въ христіанскую вѣру, такъ-какъ онъ не хотѣлъ, по тогдашнему обычаю, быть избраннымъ на престоль персидскимъ царемъ, причемъ ему, какъ подчиненному, пришлось бы совершать жертвоприношенія и всѣ религіозные обряды Персовъ. Въ это время у Персовъ царствовалъ Кабадъ (Κωάδης). У Персовъ же былъ такой обычай, что, когда умиралъ царь Лазовъ, персидскій царь назначалъ на его мѣсто другого изъ туземцевъ.

Тцатій, ласково принятый императоромъ Юстиномъ, принялъ христіанство и женился на римлянкѣ Валеріанѣ, внучкѣ патриція и отставного Куропалата, Онина. Провозглашенный царемъ Лазовъ и коронованный императоромъ Юстиномъ, онъ съ женой отправился въ свою страну. Тцатій носилъ римскую корону и бѣлую мантию (χλαμύδην) изъ чистаго шелка, но, вмѣсто порфиры, имѣлъ золотую королевскую дощечку, на которой былъ изображенъ синей краской бюстъ императора Юстина; кромѣ того, у него была вышитая бѣлая туника (στιχάρις), украшенная золотомъ и пухомъ (χρυσᾶ πλουμίᾳ), какъ носятъ цари; на ней также было изображеніе императора Юстина; сапоги его, по туземному обычаю, были краснаго цвѣта, но, по персидскому, украшены жемчугами; также и поясъ его былъ украшенъ жемчугами. Онъ получилъ отъ императора драгоцѣнные подарки, равно какъ и жена его, которая вышла за него замужъ по принужденію или, по крайней мѣрѣ, послѣ долгихъ уговоровъ, и которая должна была ѣхать въ чужую страну.

§ 13.

Квадъ, онъ-же Кавадъ, царь Персовъ, узнавъ о случи-

вшемся, послалъ въ императору Юстину посла и велѣлъ ему сказать слѣдующее:

— „Несмотря на то, что между нами существуетъ прочная дружба и миръ, ты, все-таки, питаешь враждебные замыслы противъ меня; такъ, напримѣръ, царя Лазовъ, моего подданнаго, ты самъ облачилъ въ царское достоинство, тогда какъ онъ никогда не былъ подвластенъ Римлянамъ, а всегда былъ во власти Персовъ.“

На это императоръ Юстинъ отвѣтилъ:

— „Мы никого изъ подвластныхъ тебѣ не принимали у себя и не призывали къ себѣ. Но въ нашу страну пріѣхалъ какой-то Тцагій, бросился къ нашимъ ногамъ и усердно умолялъ насъ, чтобы мы избавили его отъ нечистой языческой религіи, отъ нечестивыхъ жертвоприношеній и отъ навожденій злыхъ демоновъ, и позволили ему принять христіанскую вѣру, умоляя насъ объ этомъ во имя вѣчнаго и небснаго Бога и Содѣтеля всего міра. И такъ-какъ онъ хотѣлъ перейти къ лучшей религіи и познать истиннаго Бога, то нельзя было ему мѣшать въ этомъ. Приведа его въ христіанство и удостоивъ небесныхъ таинствъ, мы отправили его на родину.“

Отсюда, вполсѣдствіи, возникъ раздоръ между Римлянами и Персами.

§ 14. *Рассѣвъ а ВР. 33, 34.*

Страна азіатскихъ Иберовъ доходитъ до самыхъ Каспійскихъ воротъ на Сѣверѣ, а налѣво, на Западѣ—до Лазивки. Царь ихъ Гургенъ, отпавъ отъ Персовъ, заключилъ союзъ съ Юстиномъ, который послалъ въ Лазивку полководца Петра съ многими Гуннами, чтобы союзными силами, насколько возможно, поддержать Гургена. Гургенъ же, замѣтивъ, что у него не хватаетъ силъ, чтобы выдержать нападеніе Персовъ, бѣжалъ со всей иберской знатью въ Лазивку; а затѣмъ Иберы уѣхали въ Византію.

§ 15.

Императоръ отозвалъ Петра назадъ, и такъ-какъ Лазы отказывались защищать свои границы войсками, то онъ послалъ туда полководца Иринея съ войскомъ. При входѣ изъ Иберіи въ Лазиву, лежатъ двѣ крѣпости (castella), которыя, съ давнихъ поръ, занимала стража изъ туземцевъ; послѣдняя переносила самыя тяжкія лишенія, ибо тамъ не родится ни хлѣба, ни вина, ни чего-либо другого, что могло-бы сдѣлать жизнь стражниковъ болѣе пріятной и удобной; а узкій проходъ не позволяеть доставлять туда самыхъ необходимыхъ предметовъ иначе, какъ черезъ носильщиковъ. Лазы, привыкшіе къ растущему тамъ хлѣбу (panicum), могли питаться имъ. Но, удаливъ туземную стражу, императоръ велѣлъ занять эти крѣпости римскими солдатами. Въ началѣ Лазы, хотя неохотно, но, все-таки, носили имъ жизненные припасы, а, въ послѣдствіи, отказались отъ этой службы. Поэтому Римляне оставили крѣпости, которыя Персы легко заняли.—Все это происходило въ странѣ Лазовъ.

ГЛАВА II.

Война между Персами и Тцатиємъ, возникшая вслѣдствіе союза послѣдняго съ Римлянами; миръ; Лазы переходятъ къ Персамъ. Завоеваніе г. Петры, съ 528—545 г. по Р. Х.

§ 16.

Въ царствованіе императора Юстиниана I, въ 528 г. по Р. Х.

Въ первомъ году 327-ой олимпіады, въ VI индикцію, въ единоподержавіе консула Юстиніана Августа III-го, Персы начали войну съ Тцатиємъ, царемъ Лазовъ, за то, что тотъ при-

соединился къ Римлянамъ. Тцатій же отправилъ посла къ римскому императору Юстиніану, съ просьбой, прислать ему помощь. Императоръ прислалъ войско и трехъ полководцевъ: Велисарія, Керива и Иринея, сына Пентадіи. Въ происшедшемъ между Римлянами и Персами сраженіи первые понесли большія потери. Императоръ разсердился на полководцевъ за то, что они выдавали другъ друга изъ зависти, и каждый доносилъ персидскому царю о планахъ другого, разжаловалъ ихъ и послалъ туда Петра, полководца и бывшаго своего секретаря; послѣдній, удаливъ вышеуказанныхъ предводителей и принявъ командованіе войскомъ, напалъ, вмѣстѣ съ Лазами, на Персовъ и избилъ многихъ.

§ 17.

Въ 532 г. по Р. Х.

Рассказъ о Ц. Р. 664-66

[По смерти персидскаго царя Кабада, римскіе послы пришли къ его преемнику, Хосрою, къ рѣкѣ Тигру] и льстили ему, что наименѣе всего было прилично Римлянамъ. Смягченный такимъ искуснымъ образомъ, Хосрой далъ обѣтъ вѣчнаго мира, но отказался возвратить крѣпости въ Лазикѣ, хотя самъ говорилъ, что ему слѣдуетъ получить отъ Римлянъ назадъ крѣпости Фарангій и Болъ. Послы согласились на все остальное, и уже все было порѣшено; что-же касается крѣпостей, то они заявили, что не могутъ уступить ихъ, пока не узнаютъ объ этомъ мнѣніи императора. Вслѣдствіе этого, они рѣшили послать въ Византію [одного изъ пословъ] Руфина, между тѣмъ какъ его товарищи должны будутъ ждать его возвращенія. Руфинъ, прибывъ въ Византію, представилъ императору тѣ условія, при которыхъ Хосрой согласенъ на миръ. Императоръ далъ свое согласіе, и велѣлъ заключить миръ. [Когда посольство уже отправилось въ Нисибисъ, для заключенія мира,] вдругъ пришло письмо отъ Юстиніана, который

раскаялся въ томъ, что уступилъ права свои на вѣрности въ Лазикѣ, и рѣшительно приказалъ своимъ посламъ никоимъ образомъ не уступать ихъ Персамъ. Но, при такихъ условіяхъ, Хосрой не хотѣлъ согласиться на миръ. [Потомъ, во второй разъ, въ Хосрою былъ посланъ Гермогенъ, и тогда, наконецъ, былъ заключенъ вѣчный миръ,] и Персы уступили Римлянамъ вѣрности въ Лазикѣ.

§ 18.

Въ 539 г. по Р. Х.

9394

[Армяне, замышляя отпасть отъ Римлянъ, отправили пословъ къ Хосрою; послѣдніе въ своей рѣчи, между прочимъ, сказали:— „Какъ это недостойно, неестественно и необъяснимо, что [Юстиніанъ] подчинилъ царя несчастныхъ Лазовъ римскому полководцу. Если ты хочешь знать, каковъ Юстиніанъ въ отношеніи своихъ подданныхъ, близкимъ примѣромъ тебѣ можемъ служить мы сами и несчастные Лазы.“

§ 19.

Въ 539—545 г. по Р. Х.

172-173

Велисарій, отозванный назадъ изъ Италіи, и посланный воевать съ Персами, совершалъ со своимъ войскомъ большіе переходы, стараясь предупредить вторичное вторженіе Хосроя въ римскую территорію.

А Хосрой, убѣжденный Лазами, въ это время велъ свое войско въ Колхиду, по слѣдующей причинѣ: прежде Лазы жили въ Колхидѣ; хотя они и были подчинены Римлянамъ, но были свободны отъ податей и имѣли только одну обязанность по отношенію къ Римлянамъ: когда умиралъ у нихъ царь, то преемнику его римскій императоръ посылалъ знаки царскаго достоинства, и царь Лазовъ, не получая ни денегъ, ни войска отъ Римлянъ, долженъ былъ собственнымъ своимъ

войскомъ старательно охранять свою страну, чтобы враждебные Гунны, изъ сосѣдняго Кавказа, не вторглись черезъ Лазиву въ римскія провинціи. Лазы не были союзниками Римлянъ даже въ ихъ военныхъ экспедиціяхъ. Моремъ они вели торговлю съ живущими въ Понтѣ Римлянами. Такъ-какъ имъ (т. е. Лазамъ) не хватаетъ соли, хлѣба и другихъ жизненныхъ припасовъ, то они обмѣниваютъ кожи, шкуры и рабовъ на нужные имъ предметы.

Послѣ того, какъ съ иберскимъ царемъ Гургеномъ случилось все вышеуказанное въ предыдущей книгѣ, римскіе солдаты начали бродить въ Лазивѣ и стали въ тягость этимъ варварамъ, въ особенности же—ихъ начальникъ Петръ, который съ встрѣчающимися обходился часто очень жестоко. Позже Юстиніанъ послалъ въ Лазиву другихъ полководцевъ и, въ числѣ ихъ, также и Іоанна, по прозванію Тциба, человѣка низкаго родомъ, неизвѣстнаго, и получившаго должность полководца, только благодаря тому, что онъ былъ замѣчательно ловокъ и весьма способенъ пробивать себѣ дорогу посредствомъ подкупа. Онъ окончательно испортилъ и смутилъ отношенія между Римлянами и Лазами. Онъ-же побудилъ императора Юстиніана основать городъ въ Лазивѣ у самого моря, который назвалъ Петрой; оттуда, какъ изъ крѣпости, онъ грабилъ Лазовъ. Онъ-же запретилъ торговцамъ привозъ въ Колхиду соли и другого товара, въ которомъ тѣ нуждались, а также и вывозъ товаровъ оттуда. Но, устроивъ въ Петрѣ, такъ называемую, монополию, онъ самъ все перекупалъ и держалъ въ своихъ рукахъ всю торговлю, продавая все Колхамъ, уже не по обыкновеннымъ, а по крайне-высокимъ цѣнамъ. Поэтому варвары стали очень негодовать на то, что римскіе солдаты играютъ у нихъ совсѣмъ иную роль, чѣмъ прежде.

§ 20.

Не будучи въ состояніи выносить этого дольше, Лазы

рѣшили перейти къ Персамъ и Хосрою. Немедля, и безъ вѣдома Римлянъ, они отправили, съ этой цѣлью, къ нимъ пословъ, которые должны были вернуться съ персидскимъ войскомъ, если Хосрой дастъ имъ слово—никогда не уступать ихъ Римлянамъ противъ ихъ воли.

Прибывъ въ Персію, они были тайно введены къ Хосрою и произнесли приблизительно слѣдующую рѣчь:

— „Ты, великій царь, соблаговоли смотрѣть на насъ, Лазовъ, какъ на народъ, который упустилъ свои интересы и перешелъ въ недостойное рабство къ чужеземцамъ, но который благосклонная судьба, къ его великой радости, снова привела къ прежнимъ друзьямъ. Въ прежніе вѣка, когда Колхи были союзниками Персовъ, они оказывали Персамъ много добра и отъ нихъ получали тоже; мы сами имѣемъ много письменныхъ доказательствъ этому, и въ твоёмъ дворцѣ хранятся таковыя же. Но, потому, предки наши, или потому, что вы мало заботились о нихъ, или-же по какой-либо другой причинѣ, мы не могли въ точности узнать этого, заключили союзъ съ Римлянами. Мы же, вмѣстѣ съ царемъ Лазики, отдаемъ себя и страну свою подъ неограниченную власть Персовъ, и просимъ васъ поступить относительно насъ такъ: если мы, ничего не претерпѣвъ отъ Римлянъ, коварно ищемъ убѣжища у васъ, то отклоните тотчасъ нашу просьбу, полагая, что и вамъ Колхи никогда не будутъ вѣрны. Ибо потому, какъ уничтожается старая дружба, можно дѣлать заключеніе о томъ, какова будетъ вновь заключенная. А если мы только на словахъ друзья Римлянъ, на самомъ-же дѣлѣ служимъ имъ рабами, съ которыми они обращаются самымъ недостойнымъ образомъ, какъ тираны, то примите насъ, вашихъ прежнихъ союзниковъ, и приобрѣтите рабами тѣхъ, которые прежде были друзьями. Вы должны ненавидѣть жестокую тиранію сосѣдей надъ нами, какъ того требуетъ справедливость, соблюдать которую Персамъ свойственно изстари. Ибо тотъ, кто самъ,

хотя и никого не обижаетъ, но не защищаетъ обижаемыхъ другими, будетъ, все-таки, несправедливъ. Слѣдуетъ сказать о нѣкоторыхъ изъ тѣхъ поступковъ, которые ненавистные Римляне позволяли себѣ противъ насъ. Оставивъ нашему царю тѣнь верховной власти, они отняли у него всякую свободу дѣйствій, такъ-что онъ теперь не что иное, какъ слуга, боящійся полководца, приказывающаго ему. А въ странѣ нашей они поставили массу войска, не для того, чтобы охранять ее отъ непріятельскаго насилія (потому-что насъ никто изъ сосѣдей, за исключеніемъ Римлянъ, не обижаетъ), а, на самомъ дѣлѣ, это сдѣлано только для того, чтобы, заперевъ насъ, какъ въ тюрьмѣ, овладѣть нашимъ имуществомъ. Посмотри, что они придумали сдѣлать съ жизненными припасами, чтобы ограбить насъ кратчайшимъ путемъ. То, что у нихъ въ излишкѣ, они навязываютъ Лазамъ и заставляютъ ихъ, противъ воли, покупать; а что наша страна производитъ полезнаго для нихъ, они требуютъ, чтобы имъ продавалось только для виду, такъ-какъ цѣны на всѣ товары назначены произвольно властвующими надъ нами. И такъ они отбираютъ, вмѣстѣ съ нашими запасами, и наше золото, подъ приличнымъ названіемъ торговли, на самомъ-же дѣлѣ съ величайшимъ насиліемъ; нашъ начальствующій полководецъ самъ все перекупаетъ и пользуется своей властью только для того, чтобы изъ нашей нищеты извлечь себѣ выгоду. Такъ-какъ это истинная причина нашего отпаденія отъ Римлянъ, то она, кажется, вполне основательна. А какая выгода будетъ вамъ, если вы впечлете нашей просьбѣ, мы вкратцѣ вамъ укажемъ: во-первыхъ, вы прибавите къ персидской имперіи весьма старинное царство, и черезъ это могущество ваше увеличится. Во-вторыхъ, черезъ нашу страну станетъ вамъ доступно Римское море: если ты, царь, построишь корабли, то легко можешь доѣхать до столицы Византіи, такъ-какъ не будетъ больше къ тому никакого препятствія. Кромѣ того, вамъ предоставляется воз-

можность ежегодно пропускать сосѣднихъ варваровъ для опустошенія римской имперіи; ибо вы должны знать, что Лазика, лежащая у подножья Кавказскихъ горъ, до сихъ поръ служила Римлянамъ какъ-бы оплотомъ. Поэтому, намъ кажется, съ вашей стороны, будетъ безумно отказать намъ въ нашей просьбѣ, когда вамъ на это указываютъ справедливость и ваши собственные интересы.“

Такъ говорили послы.

§ 21.

Хосрой охотно выслушалъ рѣчь пословъ и согласился помогать Лазамъ. Онъ спросилъ ихъ, возможно-ли, съ многочисленнымъ войскомъ, проникнуть въ Колхиду, „такъ-какъ,“ сказалъ онъ, „я слышалъ отъ многихъ, что въ этой странѣ проходы трудно доступны даже для человѣка не обремененнаго ношей, и что тамъ вездѣ отвѣсныя скалы и, идущіе на далекое пространство, густые и тѣнистые лѣса.“ Тѣ-же увѣряли, что дорога будетъ легка для всѣхъ персидскихъ войскъ, если будутъ снаряжены люди, которые станутъ рубить деревья и сваливать ихъ на отвѣсныхъ и неровныхъ мѣстахъ; они сами предложили свои услуги, въ качествѣ проводниковъ, обѣщаясь оказать на пути всякую помощь. Ободренный этимъ, Хосрой собралъ большое войско и приготовился къ походу, скрывъ отъ Персовъ, за исключеніемъ немногихъ, свое намѣреніе; отъ пословъ онъ также потребовалъ—не открывать никому его намѣреній и притворился, что ѣдетъ въ Иберію, чтобы водворить тамъ порядокъ; а для этого распространилъ слухъ, будто въ тѣхъ мѣстностяхъ Гунны сдѣлали вторженіе на персидскую терри-торію.

§ 22.

Хосрой и мидійскія войска, прошедши черезъ Иберію, имѣя проводниками пословъ, дошли до границъ Лазики; ни-

кто не помѣшалъ имъ рубить лѣсъ, частыя и высокія деревья котораго покрывали отвѣсныя свалы и препятствовали проходу войскъ; Персы заваливали деревьями обрывы и недоступныя мѣста и легко устраивали дорогу. Такимъ образомъ они дошли уже до средней Колхиды, извѣстной поэтическими разсказами о Медеѣ и Язонѣ. Туда-же прибылъ царь Лазовъ, Губацъ, привѣтствовалъ Хосроя, сына Кабада, какъ своего повелителя, и передался ему со всей Лазикой.

§ 23.

Есть приморскій городъ Петра въ Колхидѣ, на берегу Понта Эвксинскаго. Прежде это было мало-извѣстное мѣстечко, но императоръ Юстиніанъ сильно его укрѣпилъ стѣною и щедро украсилъ. Хосрой, узнавъ, что тамъ находится римскій гарнизонъ съ Іоанномъ, послалъ туда отрядъ, подъ предводительствомъ Аніабеда (онъ-же Абеніамидъ), чтобы овладѣть городомъ съ перваго приступа. Іоаннъ, увѣдомленный объ ихъ прибытіи, отдалъ приказаніе, никому не выходить изъ города и не показываться непріятелю на стѣнахъ; а всѣхъ солдатъ разставилъ у воротъ, въ полномъ вооруженіи, и приказалъ имъ сохранять глубокое молчаніе. Персы, приблизясь къ стѣнамъ, не видя и не слыша никого изъ непріятелей, подумали, что Римляне бѣжали и оставили городъ.

Поэтому они еще ближе подошли къ стѣнѣ, намѣреваясь сейчасъ-же приставить лѣстницы, ибо никто не защищался. Но такъ-какъ они ни слухомъ, ни глазами не могли замѣтить присутствія непріятели, то послали къ Хосрою и дали ему знать о положеніи дѣлъ. Тотъ послалъ большой отрядъ и приказалъ со всѣхъ сторонъ вступить въ городъ; одному изъ предводителей онъ приказалъ ударить въ ворота тараномъ. Самъ Хосрой сидѣлъ и слѣдилъ за всѣмъ происходившимъ съ ближайшаго къ городу холма. И вотъ, вдругъ Римляне вырвались изъ открытыхъ воротъ, неожиданно напали на

Персовъ и убили многихъ, преимущественно тѣхъ, которые были поставлены у тарана; остальные же, вмѣстѣ съ предводителемъ, едва спаслись бѣгствомъ. Хосрой, разсердившись на Абеніаида за то, что тотъ далъ себя перехитрить Іоанну, перекупицу и вовсе не воинственному чедовѣку, велѣлъ его распять. Другіе утверждаютъ, что распять былъ не Абеніамидъ, но начальникъ отряда, въ распоряженіи котораго былъ таранъ.

§ 24.

Послѣ этого, Хосрой, со всѣмъ войскомъ, двинулся впередъ, расположился лагеремъ у самыхъ стѣнъ г. Петры и окружилъ вѣрѣность со всѣхъ сторонъ. На слѣдующій день, самъ онъ объѣхалъ городъ и осмотрѣлъ стѣны. Сообразивъ, что онѣ не особенно вѣрны, онъ рѣшилъ штурмовать городъ, призвалъ все свое войско и велѣлъ всѣмъ обстрѣливать стѣны. А Римляне пустили въ ходъ машины и метательные снаряды всякаго рода. Въ началѣ Персы, несмотря на множество пущенныхъ стрѣлъ, все-таки, рѣдко попадали въ кого изъ Римлянъ, между тѣмъ какъ сами, обстрѣливаемые сверху, понесли большія потери. А затѣмъ Іоаннъ былъ случайно раненъ въ шею и умеръ (такъ-какъ Петрѣ суждено было попасть во власть Хосроя). По смерти его, Римляне пришли въ замѣшательство. Но наступила ночь, и варвары ушли въ свой лагерь.

§ 25.

На другой день, Персы устроили подкопъ слѣдующимъ образомъ: Петра была недоступна съ моря, благодаря отвѣснымъ скаламъ, окружавшимъ ее со всѣхъ сторонъ. Только въ одномъ мѣстѣ имѣла она доступъ съ равнины, но и тотъ не широкій, среди громадныхъ и отвѣсныхъ скалъ. Для того, чтобы городъ не могъ быть завоеванъ съ этой стороны, основатели его построили, между этими скалами, длинную стѣну,

а на концѣ ея поставили двѣ башни, не такимъ образомъ, какъ это дѣлается обыкновенно, а вотъ какъ: внутреннее пространство постройки не было оставлено пустымъ, но башни, съ основаніи до значительной высоты, были построены массивно изъ громадныхъ камней, такъ, чтобы ни тараны, ни другія машины не могли ихъ растрясти; и стѣны были построены такимъ-же образомъ. Но Персы, черезъ тайный подкопъ, вторгнулись въ одну изъ башенъ, вынули оттуда массу камней, а на мѣсто ихъ положили дрова, которыя и подожгли вскорѣ. Въ короткое время отъ пламени, прорывающагося вверхъ, камни распались, и башня такъ неожиданно обрушилась, что Римляне, находившіеся въ ней, едва успѣли замѣтить хитрость, чтобы спастись бѣгствомъ внутрь стѣнъ города. Теперь враги, штурмовавшіе со стороны равнины, уже легко могли овладѣть городомъ посредствомъ приступа. Римляне, испугавшись, вступили въ переговоры съ варварами и сдались, когда Хосрой далъ имъ слово, что онъ сохранитъ имъ жизнь и имущество. Такимъ образомъ, Хосрой овладѣлъ Петрой и унесъ съ собой безчисленное богатство Іоанна, а изъ остального ни онъ самъ, ни Персы ничего не взяли. Римляне даже вступили на службу въ войско Мидянъ, унося съ собой свое имущество.

§ 26. .. f 125

Хосрой, овладѣвъ городомъ Петрой, въ то же время узналъ о вторженіи Велисарія въ Персію и о сраженіи при Нисибисѣ, а потому, оставивъ гарнизонъ въ Петрѣ, онъ послѣшилъ на родину съ остальными войсками и римскими плѣнными. Это была вторая экспедиція самого Хосроя.

§ 27.

Въ 545 г. по Р. Х. .. f 125

[Когда Хосрой предпринялъ четвертую экспедицію въ рим-

свою территорію, императоръ Юстиніанъ послалъ къ нему Константіана и Сергія, чтобы они начали переговоры о мирѣ. Послы застали Хосроя у рѣки Тигра, тамъ, гдѣ эта рѣка раздѣляетъ города Селевкію и Ктесифонтъ, и потребовали, чтобы Хосрой всё свои завоеванія въ Лазикѣ возвратилъ Римлянамъ и заключилъ съ ними прочный миръ.

ГЛАВА III.

Планъ Хосроя о переселеніи Лазовъ на другое мѣсто, объ основаніи персидской колоніи въ Лазикѣ и объ устраненіи царя Лазовъ; Лазы отпадаютъ къ Римлянамъ; Римляне осаждаютъ Петру, но тщетно; пораженіе Персовъ и уходъ ихъ, съ 545 г. по 549 по Р. Х.

§ 28.

Рис. а В. Р. 160, 161

Съ 545—549 г. по Р. Х.

Въ такомъ положеніи находились дѣла Сарациновъ,— Арева побѣдилъ одного изъ предводителей ихъ, когда Хосрой хотѣлъ основать персидскія колоніи въ Лазикѣ и вывести оттуда всѣхъ туземцевъ. Ибо ему показалось, что если онъ прочно овладѣетъ Колхидой, которая уже была ему подвластна, то это принесетъ ему неожиданную и явную выгоду, и, кромѣ того, для персидской имперіи это будетъ во многихъ отношеніяхъ полезно. Онъ предвидѣлъ, что, вслѣдъ за Колхидой, Иберія также попадетъ въ его руки, такъ-какъ Иберы, въ случаѣ возстанія, лишатся возможности спастись бѣгствомъ къ своимъ сосѣдямъ. Кромѣ того, онъ сообразилъ еще, что персидская имперія будетъ защищена отъ непріятельскихъ вторженій Гун-

новъ, смежныхъ съ Лазикой, и что ему тѣмъ легче будетъ направить ихъ, когда захочетъ, на римскую территорію. Ибо Лазика будетъ служить тогда оплотомъ, *больверкомъ* противъ живущихъ на Кавказѣ варваровъ. А главное, онъ надѣялся, что обладаніе Лазикой будетъ весьма удобно для того, чтобы, безъ всякаго препятствія, съ моря и суши вторгаться въ римскія провинціи, лежащія у Понта Эвксинскаго, покорить себѣ Каппадокійцевъ и, сосѣднихъ съ ними, Галатовъ и Віоинянъ и внезапнымъ приступомъ овладѣть городомъ Византіей.

Вотъ причины, почему Хосрой хотѣлъ подчинить своей власти Лазикѣ; а положиться на Лазовъ онъ никакъ не могъ, такъ-какъ, послѣ ухода Римлянъ изъ Лазики, они съ неудовольствіемъ сносили персидское владычество. Персы живутъ проще и бѣднѣе всякаго другого народа; нравы у нихъ такіе, что никто не можетъ ихъ переносить. Лазовъ больше всего поражаело различіе въ религіи и общественной жизни. Лазы болѣе другихъ христіане, у Персовъ же всѣ черты религіи совершенно другія. Кромѣ того, во всей Лазикѣ нѣтъ соли, тамъ также не произрастаетъ ни пшеницы, ни винограда, ни фруктовъ, а все это привозится въ Лазамъ на судахъ прибрежными Римлянами; вмѣсто денегъ, Лазы платили имъ шкурами, невольниками и всѣмъ, что у нихъ имѣлось въ изобиліи. Понятно, что, будучи лишены этой торговли, они были очень недовольны. Узнавъ объ этомъ, Хосрой старался разрушить всякіе планы противъ себя. Обдумавъ хорошо все это, онъ нашелъ самымъ лучшимъ устранить, какъ можно скорѣе, Губаца, царя Лазовъ, переселить весь народъ и заселить Лазикѣ колоніями Персовъ и другихъ племенъ.

§ 29.

.. / 103-110

Прежде всего, Хосрой отправилъ въ Лазикѣ какъ можно болѣе матеріала для постройки кораблей, никому не объявляя, для чего онъ это дѣлаетъ, и выставляя предлогомъ—намѣреніе

поставить крѣпостныя машины въ Петрѣ; затѣмъ онъ выбралъ триста отборныхъ Персовъ и отправилъ ихъ туда-же, подъ предводительствомъ Фабрица. Послѣднему онъ поручилъ тайно убить Губаца, объ остальномъ же онъ самъ обѣщалъ позаботиться. Но въ отправленный въ Лазыку строительный матеріалъ вдругъ ударила молнія, такъ-что онъ сгорѣлъ и обратился въ пепель. Фабрицъ же, прибывъ съ тремястами Персовъ на мѣсто назначенія, искалъ случая исполнить порученіе Хосроя относительно Губаца.

Былъ пѣвкій Барсансъ, колхидскій дворянинъ, который нанесъ обиду Губацу, черезъ что былъ ненавистенъ ему, и боялся съ нимъ встрѣчаться. Узнавъ объ этомъ, Фабрицъ призвалъ Барсанса, сообщилъ ему свое намѣреніе и попросилъ научить его, какъ совершить убійство. Посовѣтовавшись, они остановились на слѣдующемъ планѣ: Фабрицъ пригласить Губаца къ себѣ въ Петру, подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ имѣетъ ему что-то сообщить, что, по мнѣнію Хосроя, послужитъ въ пользу Лазамъ. Но Барсансъ тайно сообщилъ Губацу о томъ, что противъ него готовится. Поэтому Губацъ не только не явился къ Фабрицу, но открыто сталъ подумывать объ отпаденіи.

Фабрицъ приказалъ Персамъ бдительно сторожить Петру и укрѣпить ее, какъ можно лучше, чтобы выдержать осаду, а самъ, не достигнувъ своей цѣли, вернулся съ тремястами воиновъ.

§ 30.

Губацъ донесъ императору Юстиніану, въ какомъ положеніи находятся его дѣла, просилъ извиненія за прошлое и молилъ о сильной помощи для настоящаго, такъ-какъ Лазы хотятъ освободиться отъ мидійскаго ига, и одни не въ состояніи будутъ отразить персидскія силы.

Юстиніанъ, очень обрадованный этимъ извѣстіемъ, послалъ Лазамъ на помощь 7000 Римлянъ, подъ предводитель-

ствомъ Дагисея и одну тысячу Тцановъ. Они, соединившись съ Лазами и Губацомъ, приступили къ осадѣ Петры; осада продолжалась очень долго, такъ-какъ персидскій гарнизонъ очень храбро защищался со стѣнъ и имѣлъ большой запасъ провіанта. Хосрой, весьма озабоченный извѣстіемъ объ этомъ, послалъ предводителя Мермероя, съ многочисленной пѣхотой и конницей. Губаць, узнавъ объ этомъ, посоветовался съ Дагисеемъ и сдѣлалъ то, что я вскорѣ расскажу.

§ 31. *Родополь II * XIX. 14*
Imp. S. I p 533

Въ Арменіи, сосѣдней съ вѣрпостью Фарангіемъ (Phaangium), очень близко къ землѣ Тцановъ, беретъ начало рѣка Боась, которая сначала на далекое разстояніе течетъ въ правую сторону; рѣка эта не глубока и легко переходима до того мѣста, гдѣ справа находится граница Иберіи, а, по прямому направленію, лежатъ крайнія горы Кавказа. Достигнувъ же мѣста, гдѣ Иберія примыкаетъ къ Кавказскому хребту, она сильно увеличивается отъ впаденія многихъ притоковъ и, замѣнивъ имя Боась именемъ Фазисъ, течетъ дальше и становится судоходной до Понта Эвсинаскаго, куда она и впадаетъ. У устья ея, по обѣ стороны, лежитъ Лазива. Съ правой же стороны, до самыхъ границъ Иберіи, живутъ туземцы. Всѣ деревни и старинные города Лазовъ расположены въ бассейнѣ этой рѣки; среди нихъ сильно укрѣпленный городъ Археополь. Тутъ находится также Севастополь и вѣрпость Питиунтъ; Сканда же и Сарапанисъ лежатъ у границъ Иберіи; самые же знаменитые города тутъ Родополь и Мохорисъ *). По

*) Вѣроятно—Мухирезисъ, см. стр. 57. Въ виду прилагаемаго къ печатаемой статьѣ подробнаго указателя, въ транскрипціи собственныхъ именъ не установлено полнаго единообразія, а каждый разъ собственное имя передается согласно фонетическому начертанію его у даннаго писателя, иногда съ сохраненіемъ туземнаго суффикса, напримѣръ: Капетрумъ, Коміумъ (стр. 3), Кабадесъ (стр. 16), иногда же съ опущеніемъ его, напримѣръ: Капетръ (стр. 47), Комій (стр. 48), Кабадъ (стр. 59). Выше, въ примѣчаніи къ § 43, указано различіе въ транскрипціи име-

Tchorokh
see 11 1/2 p
Constant
with her
Prasch
Compos
2 panti
3 panti
Nidim
Archeopol
Rion
see 695-
where in the
Archiev
com 1/2 p
see 102

1. "In that place... the Alemi & Alvasgi... from Ad... des..."

лѣвую сторону рѣки—Лазика простирается на разстояніе одного дневного перехода. Эту страну, гдѣ земля не обработана, населяютъ понтійскіе Римляне. На границѣ этой малонаселенной Лазики императоръ Юстиніанъ основалъ городъ Петру; тамъ Іоаннъ, по прозванію Тцибъ, устроилъ, какъ я рассказалъ выше, монополію, и этимъ вызвалъ возстаніе Лазовъ. Весьма близко на югъ отъ г. Петры, находится граница Римской имперіи. Тутъ лежатъ густо населенные города: Ридей, Аеины и нѣсколько другихъ трапезундскихъ городовъ.

Когда Лазы провожали Хосроя, они перешли черезъ рѣку Боасъ, и, такимъ образомъ, направились къ Петрѣ, оставляя по лѣвую сторону рѣку Фазисъ; они говорили, что этимъ-де путемъ избѣгаютъ затруднительной и долгой переправы черезъ рѣку Фазисъ; на самомъ-же дѣлѣ они не хотѣли показать Персамъ своего мѣстожителства. Лазика и по ту и по сію сторону Фазиса страна очень неровная. Ибо, съ обѣихъ сторонъ, находятся такія дикія скалы, что на весьма большое разстояніе образуютъ узкіе проходы; такія дороги Римляне называютъ греческимъ словомъ „κλεισούρας“. Такъ-какъ Лазика тогда была не враждебна Персамъ, то послѣдніе, приведенные Лазами, легко дошли до Петры.

§ 32. *shin... in f...
in (f... mit Stücken*

Губаць, узнавъ о прибытіи Персовъ, приказалъ Дагисею послать людей для энергической охраны проходовъ за Фазисомъ, а также велѣлъ продолжать осаду, пока не овладѣтъ

ни Адранасе и приведены варианты начертанія этого имени на греческомъ языкѣ (стр. 32-ая). Оставляя ту или иную передачу суффикса собственныхъ именъ на ответственности лицъ, переводившихъ статью, Редакція, имѣя въ виду *филологическій интересъ въ фонетическомъ разнообразіи* передачи собственныхъ именъ, не считаетъ себя вправе измѣнять ихъ произношенія и орфографіи, сообразно раз установленному шаблону, тѣмъ болѣе, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ, въ скобкахъ, указывается транскрипція на латинскомъ или греческомъ языкахъ.

Прим. Ред.

Петрой и персидскимъ гарнизономъ. Самъ онъ, со всѣмъ войскомъ Колховъ, отправился къ наиболѣе отдаленнымъ границамъ Лазики, для охраны всѣми силами тамошнихъ проходовъ. Незадолго передъ тѣмъ онъ заключилъ также наступательный союзъ съ Аланами и Сабирами. За триста фунтовъ золота они согласились не только защищать, вмѣстѣ съ Лазами, Колхиду отъ вторженія непріятели, но даже до того обезлюдить Иберію, что Персы никогда не будутъ въ состояніи отсюда къ нимъ вторгнуться. Вышеупомянутую сумму Губаць обѣщаль имъ отъ имени императора. Поэтому онъ напомнил Юстиніану о контрактѣ и просилъ прислать варварамъ эти деньги, а также пожаловать пособіе и Лазамъ, находящимся въ затруднительномъ положеніи, сколько соблаговолитъ. Онъ прибавилъ также, что ему самому казна еще должна заплатить жалованіе за 10 лѣтъ, потому-что онъ, со времени прибытія Хосроя въ Колхиду, никакого жалованія не получалъ, между тѣмъ какъ онъ записанъ въ число придворныхъ сенаторовъ. Императоръ Юстиніанъ имѣлъ намѣреніе удовлетворить этимъ требованіямъ, но, по какому-то дѣлу, замедлил прислать деньги во время.

Такъ дѣйствоваль Губаць.

§ 33.

Σ. γ. 21 / 1537

Дагисеѣй, молодой человекъ, которому воевать съ Персами было не по силамъ, не сумѣлъ повести дѣла, какъ слѣдуетъ. Между тѣмъ какъ онъ долженъ былъ послать въ горные проходы значительное войско, и даже лично тамъ присутствовать, онъ назначилъ туда, какъ-бы на пустое дѣло, только сто человекъ; самъ же, съ главной силой, осаждалъ Петру; но, несмотря на незначительный гарнизонъ въ крѣпости, онъ трудился тщетно. Въ началѣ тамъ было не менѣе тысячи пятисотъ *) человекъ, но, вслѣдствіе продолжительной осады

*) Штриттеръ „πενταχόσιοι καὶ χίλιοι“ переводитъ quinque millibus.

со стороны Римлянъ и Лазовъ, и вслѣдствіе чрезвычайной храбрости, которую оказали защитники, много изъ нихъ погибло, и въ городѣ остались немногіе. Они стали отчаиваться, но, все-таки, ничего не предпринимали, не зная, что имъ дѣлать.

Римляне сдѣлали на маленькомъ пространствѣ подкопъ подъ стѣной, которая, будучи снизу подрыта, тотчасъ-же обрушилась. Но домъ, стоявшій у стѣны почти во всю длину обвала, замѣнялъ осажденнымъ стѣну, и защищалъ ихъ. Это нисколько не беспокоило Римлянъ, но, напротивъ, подало имъ большую надежду, что если они попробуютъ сдѣлать то-же самое въ другомъ мѣстѣ, то легко овладѣютъ городомъ. Поэтому Дагисеей даль знать императору, до чего онъ довелъ дѣло, и потребовалъ, чтобы приготовили ему награду за побѣду; онъ даже дерзнулъ указать, какихъ отличій заслуживаютъ онъ и братъ его, такъ-какъ на-дняхъ они возьмутъ Петру. Но, противъ ожиданія, Персы, хотя въ маломъ числѣ, выдержали нападеніе Римлянъ и Тцановъ. Римляне, увидя, что напрасно блокируютъ стѣны, опять обратились къ подкопамъ. Они это дѣло вели такъ успѣшно, что не только осѣли основанія стѣны, но даже большая часть ихъ стояла какъ-бы на воздухѣ, угрожая скорымъ паденіемъ. А если-бы Дагисеей догадался сейчасъ-же подложить огня подъ основаніе, то, по моему мнѣнію, городъ скоро былъ бы взятъ. Но онъ, нетерпѣливо ожидая, какую награду пообѣщаетъ ему императоръ, отлагалъ приступъ со дня на день, и терялъ время.

Это происходило въ лагерѣ Римлянъ.

§ 34.

Но Мермерой, прошедши черезъ Иберію со всѣмъ своимъ войскомъ, шелъ дальше, имѣя рѣву Фазисъ съ правой стороны. Онъ не хотѣлъ пройти черезъ страны, обитаемыя Лазами, чтобы не встрѣтить сопротивленія, такъ-какъ спѣшили спасти Петру и персидскій гарнизонъ. Уже одна часть

стѣны, стоявшая совсѣмъ на воздухѣ, неожиданно обрушилась, и изъ римскаго войска человекъ пятьдесятъ добровольцевъ вторгнулись въ городъ, подъ предводительствомъ молодого Армянина, сына Θомы, по имени Иоанна, а по прозвищу Гуча, и провозгласили императора Юстиніана великимъ побѣдителемъ. Θома же, по приказанію императора, окружилъ Лазиву многими крѣпостями, командовалъ расположенными въ нихъ войсками и считался у Юстиніана умнымъ человекомъ. Иоаннъ, отбитый вступившими въ рукопашную Персами, немедленно отступилъ со своимъ отрядомъ въ лагерь, такъ-какъ никто изъ римскаго войска не пришелъ къ нему на помощь. Командантъ-же города, Мирранъ, по происхожденію Персъ, боялся за городъ и, приказавъ, чтобы всѣ Персы стояли бдительно на стражѣ, отправился въ Дагисею. Онъ своею лестью и обманчивой рѣчью обольстилъ Дагисею, обѣщая, что легко сдастъ ему городъ въ самомъ непродолжительномъ времени. Такимъ образомъ, онъ достигъ того, что съ этого времени ни одинъ римскій солдатъ не входилъ въ городъ.

§ 35. *Д. Л. Р. II * * * 18*

Когда-же Мермерой дошелъ до узкаго прохода въ горахъ, ему навстрѣчу вышли вышеупомянутые сто Римлянъ, поставленные на стражѣ, и, храбро сопротивляясь, никому не давали близко подойти. Персы также не отступали назадъ, но на мѣсто павшихъ постоянно выступали свѣжіе ряды и, пробивая всѣми силами себѣ дорогу, шли впередъ. Послѣ того, какъ больше тысячи Персовъ было убито, Римляне устали отъ рѣзни, и, вытѣсненные многочисленностью непріятеля, переваливъ черезъ высоты, спаслись бѣгствомъ.

Дагисею, узнавъ объ этомъ, не далъ войску никакого приказанія, снялъ осаду и поспѣшно отправился къ рѣкѣ Фазисъ. За нимъ слѣдовало все римское войско, бросивъ въ лагерь всѣ свои вещи. Персы, увидя это, открыли ворота и въ

безпорядкѣ приблизились къ непріятельскимъ палаткамъ, чтобы разрушить лагерь. Тогда Тцаны, которые не пошли за Дагисеемъ, бѣгомъ бросились туда на помощь, легко обратили Персовъ въ бѣгство и многихъ убили. Персы, обратившись въ бѣгство, направились въ городъ. Тцаны же, ограбивъ римскій лагерь, ушли прямо въ Рицей, а потомъ въ Аюины; оттуда, черезъ Трапезунтъ, они возвратились домой.

§ 36.

Наконецъ, на девятый день послѣ ухода Дагисея, Мермерой, съ мидійскимъ войскомъ, прибылъ въ Петру. Тамъ изъ персидскаго гарнизона онъ нашелъ тяжело раненыхъ и больныхъ 350 человекъ, остальные всѣ были убиты. Но труповъ ихъ товарищи не выбрасывали черезъ стѣны, не желая выдавать непріятелю своихъ громаднхъ потерь (что побудило бы тѣхъ еще энергичнѣе взяться за осаду), но, съ замѣчательною стойкостью, выносили зловредный смрадъ. Мермерой посмѣивался надъ Римлянами, говоря, что ихъ государство весьма плачевно и достойно сожалѣнія, ибо войска ихъ до того слабы, что никоимъ образомъ не могли овладѣть 150 Персами, лишенными, къ тому-же, защиты стѣпъ.

Онъ хотѣлъ исправить всѣ поврежденія въ стѣнахъ, и, по недостатку известки и другихъ строительныхъ матеріаловъ, изобрѣлъ для этого новое средство: холщевые мѣшки, въ которыхъ Персы привезли жизненные припасы въ Колхиду, онъ наполнилъ пескомъ и положилъ ихъ въ бреши, вмѣсто камней. Потомъ онъ выбралъ три тысячи лучшихъ солдатъ, оставилъ ихъ въ городѣ, съ незначительнымъ запасомъ жизненныхъ припасовъ, и велѣлъ имъ усердно заботиться объ исправленіи стѣнъ. Самъ же, съ остальнымъ войскомъ, вернулся домой.

Но въ виду ожидаемаго недостатка въ жизненныхъ припасахъ, при возвращеніи по той-же дорогѣ, по которой прибылъ, (такъ-какъ всѣ наличные запасы онъ оставилъ въ Петрѣ), Мер-

мерой рѣшилъ выбрать другой путь, черезъ горы, въ которыхъ, какъ ему рассказали, было много селеній, гдѣ онъ грабежомъ намѣревался доставать себѣ жизненные припасы. На этотъ-же путь одинъ знатный Лазъ, по имени Фубелій, привелъ Дагисею съ 2000 Римлянъ и устроилъ засаду Персамъ, остановившимся отдохнуть. Тѣ, съ набѣга, перебили Персовъ, пасшихъ лошадей, и, захвативъ послѣднихъ, тотчасъ-же удалились. Мермерой-же, съ мидійскимъ войскомъ, удалился отсюда.

§ 37.

Губацъ, узнавъ объ участи, постигшей Римлянъ при г. Петрѣ и въ узкомъ проходѣ, нисколько не упалъ духомъ и не переставалъ сторожить занятые имъ проходы, полагая на этомъ всю свою надежду. Ибо онъ былъ убѣжденъ, что, если даже могущественнымъ Персамъ удастся овладѣть проходомъ, вытѣснивъ оттуда Римлянъ, и дойти до Петры, Лазика, все-таки, отъ этого нисколько не пострадаетъ, потому-что Персы, не имѣя лодокъ, никоимъ образомъ не переправятся черезъ Фазисъ, такъ-какъ рѣка эта одна изъ самыхъ глубокихъ и широкихъ, притомъ имѣетъ до того быстрое теченіе, что, впадая въ море, она далеко несетъ свои воды, не мѣшаясь съ нимъ, и, такимъ образомъ, даетъ прѣсную воду плавающимъ среди моря. Кромѣ того, съ ближняго къ Лазамъ берега, рѣка эта всюду защищена укрѣпленіями, столь высокими, что можно было противиться высадкѣ непріятеля съ кораблей, если онъ на таковыхъ переправится.

§ 38.

Въ это время, императоръ Юстиніанъ послалъ Сабирамъ условленную сумму денегъ, а Губацу и Лазамъ подарки. Незадолго передъ этимъ, онъ отправилъ въ Лазикъ довольно значительное войско, которое туда еще не прибыло. Войскомъ

этимъ командоваль Рецивангъ (Ῥεκιθαγγος), Фравіецъ по національности, человекъ весьма умный и храбрый. Вотъ въ какомъ положеніи находились дѣла.

§ 39.

Мермерой, дошедши, какъ я выше сказалъ, до горъ, собираль тамъ жизненные припасы, чтобы достаточно снабдить ими г. Петру. Ибо онъ полагаль, что привезенныхъ имъ туда припасовъ едва-ли будетъ достаточно для трехтысячнаго гарнизона. Но такъ-какъ того, что они собрали, едва хватало для собственнаго войска, состоящаго не менѣ какъ изъ тридцати тысячъ человекъ, то въ Петру могъ онъ послать только самое незначительное количество продовольствія; обдумавъ это, онъ счелъ за лучшее вывести большую часть войска изъ Колхиды и оставить тамъ только немногихъ, которые должны были, если добудутъ какіе-либо припасы, большую часть доставить гарнизону въ Петрѣ, а сами то, что останется для нихъ, расходовать умѣренно *). Итакъ, отобравъ до пяти тысячъ войска, онъ оставилъ его тамъ, подъ предводительствомъ трехъ полководцевъ и Фабрица, считая лишнимъ оставлять больше, такъ-какъ тамъ не было ни одного непріятели. Самъ же Мермерой, съ остальнымъ войскомъ, отправился въ Персарменію и расположился лагеремъ около г. Дубіоса.

§ 40.

Оставленные пять тысячъ Персовъ, дошедши до границъ Лазики, расположились лагеремъ у р. Фазиса и, бродя небольшими отрядами, грабили въ окрестностяхъ. Губацъ, узнавъ объ этомъ, поручилъ Дагисею подать скорѣе туда помощь,

*) Procopius „De bello Persico“ p. 169: „οἱ δὲ ἔμελλον τῶν ἐπιτηδείων, οἷς ἂν ἐντύχοιεν, πολλὰ μὲν εἰς τὸ ἐν Πέτρα φυλακτῆριον εσχομίζεσθαι, τοῖς δὲ ἄλλοις αὐτοὶ διαρκῶς χρῆσθαι.“ Ср. у Штрэгтера p. 51: qui quam nacti essent annonam haud maligne cum Petrae praesidio partirentur.

такъ-какъ представлялась возможность нанести большой вредъ непріятелю. Дагисеей, согласно приказанію, двинулъ впередъ всѣ римскія войска, имѣя по лѣвую сторону р. Фазисъ, пока не дошелъ до того мѣста, гдѣ, на противоположномъ берегу, былъ расположенъ лагерь Лазовъ. На этомъ мѣстѣ можно перейти рѣку вбродъ. Римляне и Персы, незнакомые съ мѣстностью, совсѣмъ не подозрѣвали этого. Но Лазы, отлично знавшіе это, сейчасъ-же перешли рѣку и соединились съ Римлянами.

Персы, отобравъ тысячу изъ заслуженныхъ солдатъ, выслали ихъ на линію, чтобы никто не могъ подойти къ лагерю, съ враждебными намѣреніями. Изъ числа ихъ двое, отправившись впередъ для развѣдокъ, вдругъ наткнулись на непріятеля и этимъ все выдали. Тогда Римляне и Лазы внезапно напали на тысячу Персовъ и не дали никому убѣжать. Большинство ихъ было убито, а нѣкоторые живыми были пойманы Губацомъ и Дагисееемъ, которые отъ нихъ узнали численность мидійскаго войска, разстояніе между ними и положеніе ихъ дѣлъ.

§ 41. "

Поэтому Римляне и Лазы, выступивъ всѣмъ войскомъ, вышли противъ непріятеля, рассчитавъ путь такъ, чтобы напасть на враговъ въ глубокую ночь. Ихъ было 14 тысячъ. Въ это время Персы уже давно спали, не подозрѣвая ничего враждебнаго, такъ-какъ полагали, что рѣка не переходима, и что ихъ товарищи, въ количествѣ тысячи человекъ, зашли далеко впередъ, именно, потому, что не встрѣтили никого на дорогѣ. На разсвѣтѣ, Римляне и Лазы внезапно напали на нихъ и застали однихъ еще спящими, другихъ только-что проснувшимися, но лежащими на ложахъ, еще не одѣтыми. Никто не былъ въ состояніи противиться, и потому всѣ они были перебиты; нѣкоторые, въ числѣ ихъ одинъ изъ предводителей, попали живыми въ руки непріятеля; немногіе только спаслись, благодаря

темнотѣ. Римляне и Лазы заняли лагерь и взяли всѣ знамена, массу оружія и денегъ и громадное число лошадей и муловъ. Затѣмъ, далеко преслѣдуя бѣжавшихъ, они зашли довольно глубоко въ Иберію; заставъ тамъ другихъ Персовъ, они и тѣхъ избили во множествѣ. И, такимъ образомъ, наконецъ, освободилась Лазива отъ Персовъ.

Римляне и Лазы, найдя въ лагерѣ массу жизненныхъ припасовъ, и, главнымъ образомъ, муки, уничтожили огнемъ все, что привезли варвары изъ Иберіи для снабженія Петры. Чтобы и въ будущемъ отрѣзать въ эту крѣпость путь для подвоза жизненныхъ припасовъ, Лазы значительнымъ отрядомъ заняли горные проходы, Римляне же ушли со всей добычей и съ плѣнными. Это было въ концѣ четвертаго года, по заключеніи перемирія между Персами и Римлянами, въ 23-й годъ единоподданнаго царствованія Юстиніана.

ГЛАВА IV.

Болѣе подробное описаніе Лазики; неудачный походъ Персовъ въ Лазику, подъ предводительствомъ Хоріана, въ 550 г. по Р. X.

§ 42.

Въ 550 г. по Р. X.

Въ предыдущихъ книгахъ рассказываются событія до четвертаго года перемирія, заключеннаго между Персами и Римлянами на 5 лѣтъ. Въ слѣдующемъ году, громадное персидское войско, подъ предводительствомъ Перса Хоріана, очень опытнаго въ военномъ дѣлѣ полководца, вторгнулось въ Иберію, вмѣстѣ съ большимъ числомъ союзныхъ съ ними варва-

*Рассказ о Хоріане
+++ 48*

13.

*Рассказ о Хоріане
p 566 с. 58. need 586
as sup 1914*

ровъ Алановъ. Войско это, дошедши до области Мухирезисъ, въ Иберіи, расположилось лагеремъ на удобномъ мѣстѣ. Область эту орошаетъ маленькая, не судоходная рѣка Гипписъ ("Ιππικς); черезъ нее могутъ перейти вбродъ и пѣшіе, и конные. На правомъ берегу этой рѣки непріатели разбили лагерь.

§ 43.

Но, чтобы читатели познакомились съ Лазикой и со всѣми, окружавшими ее, народами, и не были принуждены читать о темныхъ для нихъ вещахъ, я считаю не лишнимъ представить имъ описаніе мѣстожителства народовъ, жившихъ у Понта Эвксинскаго. Я знаю, что подобное описаніе дали уже древніе писатели, но, мнѣ кажется, описаніе ихъ нѣсколько страдаетъ неточностью. Ибо нѣкоторые говорятъ, что Сапы (Sani), которыхъ мы теперь называемъ Тцанами (Tzani), были сосѣди Лазовъ, и увѣряютъ, что это не Лазы, но Колхи, а названіе „Лазы“ дали другому народу. Но ни то, ни другое не вѣрно. Ибо Тцаны жили очень далеко отъ морского берега, внутри страны, въ сосѣдствѣ съ Армянами. Не можетъ быть, чтобы Лазы были какимъ-то особымъ отъ Колховъ племенемъ, ибо они жили у р. Фазиса и только замѣняли иногда названіе „Колхи“ именемъ „Лазы“ (какъ это бываетъ также и у другихъ народовъ). Кромѣ того, съ того времени, какъ о нихъ писали древніе, многое измѣнилось, то вслѣдствіе передвиженія народовъ, то вслѣдствіе перемѣны князей и названій.

Понтъ Эвксинскій начинается у Византіи и Халкедона и кончается у Колхиды. Отъ Трапезунта до Ридея разстояніе измѣряется двухдневнымъ переходомъ, вдоль морскаго берега, по направленію въ Лазію. Направо отъ Трапезунта виднѣются всѣ горы Тцаники, которыя потомъ переходятъ, въ подвластную Римлянамъ, Арменію. На этихъ-то Тцанскихъ горахъ беретъ начало р. Боасъ и, сбѣгая по холмистой мѣстности, черезъ густые лѣса, течетъ уже у самой границы Лазики и впа-

*massae ac frangi p̄ter mare in eandem phoeniciam, et sicut et illi,
et non tantum ab eis et collatione, et hinc in
-superabiles, quam omnia Transcaucasica sunt
the penes Strabonem p̄ter in Transcaucasica § 6.*

даеть въ Понтъ Эвксинскій. Вблизи моря она теряетъ свое названіе Боась и получаетъ другое названіе, по слѣдующей причинѣ: туземцы называютъ эту рѣку *Акамтисъ* (т. е. „упорная“), потому-что, впадая въ море, она съ такой силой и съ такимъ напоромъ несетъ и выбрасываетъ свои бурные потоки, и, притомъ, такъ далеко въ море, что на значительномъ разстояніи къ этой части моря пельзя подплыть. Поэтому плавающие у этой части морского берега не могутъ переплыть этого сильнаго теченія, если захотятъ отправиться направо въ Лазиву, или-же, если ѣдутъ оттуда, должны выйти почти на середину Понта и, такимъ образомъ, объѣхать устье рѣки. Вотъ все, что я хотѣлъ сказать про р. Боась.

У Рицея находятся границы народа, жившаго между Римлянами и Лазами. Тутъ лежитъ мѣстечко Аѳины, не колонія Аѳинянь, какъ нѣкоторые полагаютъ, но оно получило названіе отъ какой-то владѣтельницы Аѳинеи, могила которой до сихъ поръ еще находится тамъ. За Аѳинами лежитъ селеніе Аркабисъ (*Αρχαβίς*) и старый городъ Апсарунтъ (*Ἀψαρρούς*), на разстояніи почти трехдневнаго перехода отъ Рицея. Древніе называли этотъ городъ Апсиртъ (*Ἀψιρτός*), потому-что тамъ когда-то Апсиртъ былъ коварно убитъ Медеей и Язонемъ. Справедливо можно удивляться тѣмъ, которые утверждаютъ, что Колхи были сосѣдями Трапезунта. Ибо, если бы это было такъ, то Язонъ, похитивъ Медею и золотое руно, едва-ли бѣжалъ бы въ Грецію, къ себѣ на родину, а скорѣе возвратился бы къ Фазису и къ отдаленнымъ варварамъ. Рассказываютъ, что римскія войска, въ царствованіе Трояна, стояли лагеремъ въ этихъ мѣстностяхъ до земли Лазовъ и Сагидовъ. Но теперь жители этой мѣстности не подчиняются ни римскому императору, ни царю Лазовъ, но только принимаютъ священниковъ отъ епископовъ въ Лазивѣ, такъ-какъ они христіане. Находясь въ дружескихъ отношеніяхъ и договорахъ съ Римлянами и Лазами, они обѣщали провозжать про-

взжающихъ черезъ ихъ страну, и, дѣйствительно, исполняютъ это обѣщаніе и въ наше время. Они сами возятъ на своихъ лодкахъ посланниковъ отъ одного князя къ другому и провожаютъ ихъ, но податей они до сихъ поръ не платятъ никому. Направо отъ нихъ, поднимаются отвѣсныя свалы, а за ними далеко простирается степь, за которой живутъ уже Персармены и, подвластные Римлянамъ, Армяне, вплоть до границъ Иберіи.

Отъ г. Апсарунта до г. Петры и границъ Лазовъ, гдѣ кончается Понтъ Эвксинскій, считается разстояніе одного дневного перехода. Тамъ оканчивается Понтъ; тутъ берегъ дѣлаетъ такой изгибъ, что разстояніе отъ одного конца этой дуги до другого 550 стадій. На этомъ-то берегу лежитъ страна Лазика, за ней Скимвія (Σκιμνία) и Свавія. Хотя народы эти имѣли своихъ собственныхъ князей, но были въ зависимости отъ Лазики, и царь Лазовъ, обыкновенно, назначалъ новаго князя, когда умиралъ прежній.

Въ сторонѣ, близъ Иберіи, въ горахъ живутъ Месхи. Среди этихъ горъ течетъ рѣка Фазисъ; беря начало въ Кавказскихъ горахъ и впадая въ Понтъ, она раздѣляетъ его серпообразный берегъ на двѣ равныя части. Оттуда происходитъ мнѣніе многихъ, что на этомъ мѣстѣ материкъ дѣлится, — и земля по лѣвую сторону называется Азіей, а по правую — Европой. Въ этой части, которая причисляется къ Европѣ, Лазы и имѣютъ-то свое мѣстожительство; на другой сторонѣ, у нихъ нѣтъ ни одного города, ни укрѣпленія, ни селенія; только одну Петру укрѣпили тутъ когда-то Римляне. Въ этой части Лазики, по рассказамъ туземцевъ, сохранялось золотое руно, изъ-за котораго, по словамъ поэтовъ, былъ построенъ корабль Арго. Но, сколько я могу судить, поэты ошибаются. Я думаю, что, въ такомъ случаѣ, едва-ли Язонъ, взявъ съ собой Медю и золотое руно, могъ-бы скрыть свое бѣгство отъ Айэта, если бы Фазисъ не отдѣлялъ дворець и остальные жили-

*A jam inde antiquis Iberiam dicitur, in montibus habitare quos antea
steriles, sed omnium fructuum, quos in Asia accipere solent, in eis
opis ac profectum videri dicitur. Nunc vero ibi sunt verba, quae
difficillimum regionem hanc immittunt, et ad Caucasum montem, ex quo natus, ubi
sua gloria, et ad ea loca, quae sunt in Asia, quae sunt in Asia.*

ща Колховъ отъ того мѣста, гдѣ сохранялось руно, на что указываютъ и поэты, описывающіе это событіе. Фазисъ, протекающій вышеуказаннымъ образомъ, впадаетъ въ крайнюю часть Понта.

Въ той части Азіи, гдѣ начинается серпообразный изгибъ берега, стоитъ г. Петра, а прогивуположный берегъ на сторонѣ Европы занимаютъ Апсилія (подъ владычествомъ Лазовъ), давно принявшіе христіанство, какъ и всѣ другіе, только-что упомянутые, народы.

За Апсиліями, на другомъ концѣ серпообразнаго изгиба, у берега моря, живутъ Абазги, владѣнія которыхъ простираются до Кавказскихъ горъ. Когда-то они были подвластны Лазамъ, но постоянно имѣли своихъ двухъ князей.

Берегъ Понта Эвксинскаго населяютъ Цекхи (*Zēxhoi*). За ними лежитъ страна Сагидовъ, часть которой, лежащая у морского берега, издавна была занята Римлянами, устроенными на берегу два укрѣпленія, въ Севастополѣ и Питиунтѣ, отстоящихъ другъ отъ друга на разстояніе двухдневнаго перехода. Въ нихъ они держали съ самаго начала гарнизонъ. Когда Хосрой, царь персидскій, былъ проведенъ Лазами въ Петру, онъ поспѣшилъ послать туда персидскія войска, чтобы занять эти укрѣпленія и выставить тамъ стражу. Но такъ какъ Римляне ушли до прихода ихъ, то Персы *безуспѣшно* *) возвратились въ Петру.

Нѣкоторые утверждаютъ, что не легко опредѣлить, гдѣ

*) Штряттеръ выпустилъ здѣсь нѣсколько строкъ, отчего выраженіе „*безуспѣшно*“ является страннымъ и малопонятнымъ. Вѣдь, если-бы Римляне ушли изъ укрѣпленій, то тѣмъ пріятнѣе было бы Персамъ безъ боя занять брошенныя укрѣпленія. Смыслъ становится яснымъ, если воостановить тѣ строки, которыя показались Штряттеру ненужными.—Прокопій въ своемъ трудѣ „*De bello Gothicо*“ (стр. 572 по Парижскому изданію) говоритъ: „*Ἐπεὶ οἱ Ῥωμαίων στρατιῶται προμαθεῖν ἰσχυσάν, προτερήσαντες τὰς τε οἰκίας ἐνέπρησαν καὶ τὰ τεῖχη ἐς τὸ ἔδαφος καθελόντες.*“ Т. е. *Римскіе солдаты, какъ только узнали объ этомъ (т. е. намѣреніи Персовъ занять укрѣпленія), предупредили ихъ, сожгли постройки и снесли стѣны до основанія.*

р. Танаисъ начинаетъ раздѣлять оба материка; но, если уже существуетъ рѣка, говорятъ они, которая должна раздѣлять два материка, то это непременно будетъ р. Фазисъ, такъ-какъ она течетъ какъ-разъ противъ Гадитанскаго *) пролива, между двумя материками. Ибо проливъ, прорывающійся изъ Океана и выливающійся въ Средиземное море, отдѣляетъ оба материка, а Фазисъ, впадая въ крайнюю часть Понта Эвксинскаго, вытекаетъ какъ-разъ въ серединѣ серпообразнаго берега, наглядно продолжая, такимъ образомъ, дѣленіе материка. Потому и Геродотъ Галикарнасскій говоритъ въ IV книгѣ своей исторіи, что Азія отдѣляется отъ Европы Колхидскою рѣкою Фазисомъ. Но, зная, что нѣкоторые говорятъ тоже самое про Танаисъ, онъ подчинился ихъ мнѣнію. Эсхиль также въ самомъ началѣ „Освобожденнаго Прометея“ рѣку Фазисъ называетъ границей между Азіей и Европой. Другіе не согласны съ этимъ мнѣніемъ, утверждая, что Понтъ Эвксинскій начинается съ Меотійскаго болота, и доказываютъ, что море, которое вездѣ одно и которое выливается изъ Океана, простирается до Лазики и не имѣетъ никакой другой границы, если только кто-нибудь различными названіями не захочетъ доказывать, что море, именно, отсюда называется Понтомъ.

Весь берегъ Лазики препятствуетъ дальнѣйшему распространенію моря и, прекращая его, служитъ причиной тому, что оно только тутъ останавливается, такъ-какъ, очевидно, Создатель здѣсь ему положилъ предѣлъ.

§ 44.

По какой причинѣ Хосрой хотѣлъ подчинить себѣ Лазикку, я сказалъ выше; но что его и Персовъ побудило къ этому, я съ большимъ удобствомъ, разскажу теперь, такъ-какъ только что изложенное описаніе страны даетъ мнѣ возможность сдѣлать

---

*) *Πορθμοῦ ἐν τοῦ Γαδιτροῦς.*

это ясніѣ. Персы всегда съ большими потерями должны были уходить изъ римскихъ предѣловъ. Поэтому, возвращаясь на родину, они тайно ругали Хосроя, называя его истребителемъ персидскаго народа. Разъ войны, возвратившись изъ Лазики, гдѣ пришлось имъ испытать тяжкія невзгоды, вознамѣрились поднять явный бунтъ и предать Хосроя жесточайшей смерти; они исполнили бы свой замыселъ, если-бы Хосрой, предупреденный во время, не отразилъ опасности, расположивъ ихъ, лестью, въ свою пользу. А для того, чтобы ослабить неудовольствіе, онъ хотѣлъ увеличить могущество Персовъ какимъ-нибудь важнымъ завоеваніемъ. Стремясь къ трудно-исполнимымъ предпріятіямъ, онъ задался большими надеждами, отчего сталъ высокомѣренъ. Ему рассказали, какъ варвары, живущіе налѣво отъ Понта Эвксинскаго, у Меотійскаго болота, свободно дѣлають вторженія въ предѣлы римской имперіи. Тогда онъ сказалъ, что и Персамъ, разъ они овладѣютъ Лазикой, легко и удобно будетъ, не переправляясь черезъ море, прямо отправиться на Византію, подобно народамъ, живущимъ въ тѣхъ краяхъ. Вотъ это-то и побудило Персовъ овладѣть Лазикой. А теперъ вернемся къ прежнему разсказу.

§ 45.

Итакъ, Хоріанъ и войско Мидянъ расположились лагеремъ у рѣки Гипписа. Узнавъ объ этомъ, Губаць, царь Колховъ, и Дагисоей, предводитель римскаго войска, предварительно посовѣтовавшись, повели свои войска на непріятеля. Перешедши рѣку Гипписъ и расположившись подлѣ лагеремъ, они стали совѣщаться здѣсь, что будетъ лучше, *) ожидать нападенія непріятеля, или же итти самимъ на враговъ, чтобы этимъ выказать присутствіе духа и благородное презрѣніе къ нимъ, а также вызвать ихъ на бой, и тѣмъ самымъ смутить непріа-

*) Здѣсь Штригтеръ вставляеть: presso pede hostem opperiri, чего у Проковія нѣтъ.

теля. Такъ-какъ мнѣніе тѣхъ, которые совѣтовали наступать на непріятеля, одержало верхъ, то всѣ двинулись на Персовъ. Но тутъ Лазы отказались итти въ сраженіе вмѣстѣ съ Римлянами, по той причинѣ, что Римляне не сражаются за отечество и близкихъ родныхъ, сами-же они, Лазы, сражаются за дѣтей, женъ и очагъ свой, такъ-что имъ будетъ совѣстно показаться на глаза своимъ женамъ, если они будутъ побѣждены. Поэтому они и думали, что у нихъ сама собою явится храбрость, которой ранѣе не доставало. Съ нетерпѣніемъ желали они первыми и отдѣльно отъ Римлянъ напасть на непріятеля, чтобы Римляне не помѣшали имъ въ дѣлѣ, когда они вьнутя въ сраженіе, вслѣдствіе иныхъ побужденій.

§ 46.

Губацъ, обрадовавшись такому молодецкому настроенію Лазовъ, собралъ ихъ вокругъ себя, въ сторонѣ отъ Римлянъ, и обратился къ нимъ съ слѣдующей рѣчью:

— „Не знаю, мужи, нужно-ли вамъ еще что-нибудь для возбужденія храбрости. Я думаю, что тѣ, которыхъ побуждаетъ и воодушевляетъ такая необходимость, какъ настоящая, не нуждаются въ наставленіи. Ибо, въ этомъ сраженіи, мы боремся за женъ, дѣтей и отечество, однимъ словомъ, за самые существенные интересы, за которые Персы воюютъ съ нами. Вѣдь, не найдется ни одного такого человѣка, который бы добровольно уступилъ насилію свое добро, такъ-какъ сама природа заставляетъ защищать свою собственность. Вамъ же хорошо извѣстно, что Персы, разъ они захватываютъ верховную власть, дѣлаются необузданными въ своей жадности. И, въ самомъ дѣлѣ, побѣдивъ насъ, они едва-ли удовольствуются верховной властью, но наложатъ на насъ подати и совершенно подчинятъ насъ. Развѣ мы забыли, что Хосрой позволилъ себѣ противъ насъ незадолго передъ этимъ? Итакъ, старайтесь, чтобы не на словахъ только осталась ваша готовность бороться съ Пер-

сами, и чтобы про Лазовъ не сказали, что они трусы. Намъ будетъ не трудно сражаться съ Мидянами, послѣ того, какъ мы часто ихъ побѣждали. Поэтому вы имѣете полное основаніе презирать непріятеля, такъ-какъ, не разъ побѣжденный въ сраженіяхъ, онъ уступаетъ вамъ въ храбрости. А храбрость обыкновенно не возвращается, если только она разъ подавлена страхомъ. Исполненные такихъ мыслей и доброй надежды— идите на непріятеля!“

§ 47.

Послѣ этой рѣчи, Губаць вывелъ войска Лазовъ. Впереди всѣхъ была выстроена конница Лазовъ, а позади ихъ, на далекомъ разстояніи, слѣдовала римская конница, подъ предводительствомъ Филегага, человѣка рѣшительнаго, по національности Гепая, и Армянина Іоанна, человѣка очень воинственнаго, сына Ѳомы, по прозвищу Гуца, о которомъ я упомянулъ выше (см. § 34.). Въ послѣднемъ ряду стояли Губаць, царь Лазовъ, и Дагиссоей, предводитель Римлянъ, съ пѣхотой того и другого войска, съ тою цѣлью, чтобы конница, если она будетъ обращена въ бѣгство, легко могла отступить въ нимъ. Такъ выстроились на бой Римляне и Лазы.

Хоріанъ-же послалъ впередъ тысячу отборныхъ, одѣтыхъ въ панцырь, и, вообще, прекрасно вооруженныхъ солдатъ, для развѣдокъ; самъ-же онъ слѣдовалъ съ остальнымъ войскомъ, оставивъ немногихъ для охраны лагеря.

§ 48.

Но, поставленная впереди всѣхъ, конница Лазовъ, на дѣлѣ, позорно нарушила обѣщанія, не оправдавъ возложенной на нее надежды. Ибо, неожиданно встрѣтившись съ передовымъ отрядомъ непріятеля, при видѣ его, они испугались и, поворотивъ лошадей, въ безпорядкѣ вернулись и смѣшались съ

римской конницей, нисколько не стѣсняясь искать убѣжища у тѣхъ, съ которыми они прежде не хотѣли вмѣстѣ дѣйствовать. Когда непріятельскія войска подошли на очень близкое разстояніе, то сначала ни тѣ, ни другіе не начинали сраженія и не хотѣли вступить въ рукопашный бой, но, попеременно, отступали при приближеніи непріятели. Такимъ образомъ они потеряли много времени.

§ 49.

Когда уже подошла къ конницѣ пѣхота, подъ предводительствомъ Губаца и Дагисеоя, началось сраженіе. Тогда Филегагъ и Иоаннъ, не считая себя достаточно сильными, чтобы выдержать натискъ непріятели, особенно, когда испытали надежность Лазовъ, сошли съ лошадей и приказали всѣмъ Римлянамъ и Лазамъ сдѣлать тоже самое. Итѣвъ, выстроившись въ очень глубокую фалангу, они стали фронтомъ противъ непріятели, держа копы на-перевѣсъ. Тутъ варвары не знали, что имъ дѣлать, ибо они не могли ни сдѣлать нападенія на пѣшихъ непріятели, ни привести въ безпорядокъ ихъ фалангу, такъ-какъ лошади ихъ взбѣсались, испуганныя остріями копій и бряцаніемъ щитовъ. Тогда всѣ прибѣгли къ лукамъ, въ надеждѣ, что безчисленнымъ множествомъ стрѣлъ они легко обратятъ въ бѣгство непріятели. И Римляне съ Лазами начали дѣлать тоже самое. Съ обѣихъ сторонъ посыпались въ изобиліи стрѣлы; съ обѣихъ сторонъ многіе пали. Хотя Персы и Аланы стрѣляли чаще, чѣмъ непріятели, но большая часть ихъ стрѣлъ была отражена щитами. Въ этомъ сраженіи Хоріанъ былъ раненъ, неизвѣстно, кѣмъ. Стрѣла, выдѣлившаяся изъ густой массы, попала ему прямо въ затылокъ и убила его на мѣстѣ. Вслѣдствіе его смерти, сраженіе было прекращено, и побѣда осталась за Римлянами. Ибо, какъ только Хоріанъ упалъ, стремглавъ, на землю, варвары въ безпорядкѣ бросились къ своему лагерю. Римляне и Лазы преслѣдовали

ихъ по пятамъ и убили многихъ, въ надеждѣ, что, съ перваго натиска, они овладѣютъ ихъ лагеремъ. Но одинъ изъ Алановъ, крѣпкаго тѣлосложенія, очень храбрый, ловкій и проворный стрѣлокъ, занялъ самый узкій входъ въ лагерь и, противъ ожиданія всѣхъ, на долгое время задержалъ нападающихъ. Наконецъ, Іоаннъ, сынъ Θомы, одинъ подошелъ къ нему близко и внезапно поразилъ его копьемъ; такимъ образомъ, Римляне и Лазы овладѣли непріятельскимъ лагеремъ. Тамъ было убито много варваровъ, а остальные, кто какъ могъ, вернулись на родину. Такъ и окончилось это вторженіе Персовъ въ Колхиду; другое войско ихъ также ушло домой, снабдивъ гарнизонъ въ Петрѣ множествомъ съѣстныхъ припасовъ и всѣмъ необходимымъ.

ГЛАВА V.

Вторичный походъ Персовъ въ Лазикъ; благодаря измѣнѣ, Персы овладѣваютъ крѣпостью Цибилумомъ (Tsibilum), но Римляне опять отнимаютъ ее; взятіе Петры Римлянами; неудачная осада Археополя, въ 550 г. по Р. X.

§ 50.

Въ 550 г. по Р. X. *Римляне и Лазы 86*

Въ это время Лазы, пріѣхавшіе въ Византію, оклеветали передъ императоромъ Дагисеемъ въ измѣнѣ и сообщничествѣ съ Мидянами; они утверждали, что Дагисеемъ, по совѣту Персовъ, не пожелалъ войти въ Петру, стѣны которой были разрушены, и допустилъ, что непріатели успѣли исправить всѣ бреши, замѣнивъ камни мѣшками, наполненными пескомъ; они говорили, что, вслѣдствіе подкупа, или же по небрежности,

Дагисею отложилъ нападеніе до другого времени, и упустилъ тогда удобный случай для успѣшнаго окончанія дѣла, случай, котораго потомъ уже нельзя было вернуть. Поэтому императоръ велѣлъ отдать Дагисею подъ стражу, а въ Лазиву послалъ Бесса, незадолго передъ тѣмъ прибывшаго изъ Италіи, назначивъ его главноначальствующимъ обѣихъ Арменій и главнокомандующимъ, дѣйствующаго въ тѣхъ краяхъ, римскаго войска. Туда уже раньше были отправлены съ войскомъ Бениль, братъ Буцы, Одонахъ, Фравіецъ Баба и Улигагъ, родомъ Еруль.

§ 51.

Въ 550 г. по Р. Х.

Набедъ, персидскій полководецъ, вторгнувшись съ войскомъ въ Лазиву, не сдѣлалъ ничего значительнаго. Пробывъ, съ войскомъ, нѣкоторое время у Абазговъ, отпавшихъ отъ Римлянъ и Лазовъ, онъ взялъ у нихъ 60 сыновей изъ семействъ знатнѣйшихъ мужей этого народа, въ качествѣ заложниковъ. Набедъ, встрѣтившись въ Аписіи съ Θεодорой, супругой Опсита, дядей Губаца и царя Лазовъ, взялъ ее случайно въ плѣнъ и, противъ ся плана путешествія (?), отвелъ ее въ Персію. Это была женщина римскаго происхожденія, такъ-какъ, уже съ давнихъ поръ, цари Лазовъ, по желанію императоровъ, завели черезъ своихъ пословъ, отправляемыхъ въ Византію, родственныя отношенія съ нѣкоторыми сенаторами, и брали себѣ оттуда женъ. Навѣрно и Губацъ былъ сынъ Римляни.

§ 52.

Въ Аписіи, издавна подвластной Лазамъ, находилась очень сильная крѣпость, которую туземцы называли Тцибилумомъ (Τζιβιλόν). Нѣкій знатный Лазъ, по имени Тердетъ, носившій въ своемъ народѣ почетный титулъ „маистра“, жестоко обидѣвъ Губаца, царя Лазовъ, тайно обѣщалъ передать

Персамъ эту крѣпость. Для этого онъ взялъ съ собой персидскій отрядъ и отправился въ Аписилію. Въ сопровожденіи конвоя Лазовъ онъ подошелъ совсѣмъ близко къ крѣпости и былъ впущенъ туда, такъ-какъ защитники крѣпости не имѣли основанія не довѣрять предводителю Лазовъ, котораго они ни въ чемъ дурномъ не подозрѣвали. Какъ только прибылъ отрядъ Персовъ, Тердетъ впустилъ его въ крѣпость. Персы полагали, что они овладѣли не только Лазикой, но также и Аписиліей. Ибо Лазы и Римляне такъ были отвлечены Петрой и тамошнимъ персидскимъ войскомъ, что не могли прийти на помощь Аписиліи. Но, вскорѣ послѣ этого, комендантъ крѣпости ночью убилъ предводителя Персовъ, вмѣстѣ со всѣми его сопровождавшими, такъ-какъ онъ попытался было изнасиловать его жену, и Аписилійцы отпали отъ Колховъ. Но, посланный туда Губацомъ съ тысячею Римлянъ, Іоаннъ, сынъ Θомы, смирилъ безъ боя Аписилійцевъ, для чего прибѣгнулъ къ лести, такъ-что тѣ опять подчинились Лазамъ.

§ 53.

Въ 550 г. по Р. X.

Когда, по истеченіи пятаго года перемирія, между Персами и Римлянами велись разные переговоры о мирѣ, Бессъ, съ римскимъ войскомъ, осаждалъ Петру, и Римляне стали дѣлать подкопъ на томъ мѣстѣ, гдѣ Дагисеей тоже когда-то сдѣлалъ подкопъ и разрушилъ стѣну. Почему они, именно, здѣсь сдѣлали подкопъ, я сейчасъ объясню. Первые основатели города почти всюду заложили фундаментъ въ скалы, на нѣкоторыхъ-же мѣстахъ на пасыпи. На западной сторонѣ города была не особенно широкая часть стѣны, гдѣ крѣпкая и не поддающаяся желѣзу скала поддерживала фундаментъ. На этой сторонѣ какъ Дагисеей, такъ и Бессъ пробовали работать заступами, но сама природа не позволяла имъ подвигать-

ся впередъ. Но, когда Дагисеей снялъ осаду, Персы, желая исправить обвалы стѣны, стали строить ее не по-прежнему, а по слѣдующему способу: брешь они наполнили пескомъ, сверху-же положили толстыя, хорошо отесанныя балки, соединивъ ихъ между собою такъ, что между ними остались довольно большіе промежутки. На этомъ фундаментѣ они прочно выстроили стѣну. Римляне, не зная этого, думали, что имъ удастся подкопать фундаментъ. На мѣстѣ, лежащемъ подъ балками, они вырыли огромную массу земли и поколебали на далекое пространство стѣну, часть которой вдругъ опустилась, но не обрушилась, съ нея даже не посыпалось камней; она цѣликомъ осѣла прямо, на пустое мѣсто, какъ будто опущенная машиной, и стала тамъ крѣпко, хотя, конечно, не такъ высоко, какъ прежде; также и балки, подъ которыми земля была удалена, совсѣмъ осѣли со всей постройкой, которую онѣ поддерживали. Но даже и такъ не открылось Римлянамъ доступа къ стѣнѣ. Ибо Персы, пришедшіе сюда въ большомъ числѣ съ Мермероемъ, значительно возвысили стѣны. Римляне, увидя, что часть стѣны, подъ которую они подвели подкопъ, опять стоитъ въ цѣлости, недоумѣвали, не зная, что дѣлать. Ибо они не могли больше рыть земли, такъ-какъ подземный ходъ обрушился; а также не могли пустить въ дѣло таранъ, такъ-какъ осаждали стѣну на отлогомъ мѣстѣ, а машину эту можно было перетаскивать только на ровномъ мѣстѣ, безъ значительныхъ подъемовъ.

§ 54.

Сабиры *), которые, въ качествѣ пословъ отъ своего народа, случайно были тогда въ римскомъ лагерѣ, придвинули тараны Римлянъ къ стѣнѣ новымъ способомъ. Въ каждую машину должны были войти, самое меньшее, сорокъ отборныхъ римскихъ солдатъ, и такъ они (Сабиры) придвинули ихъ къ

*) Гунское племя, жившее у Кавказскихъ горъ.

стѣнамъ. А по бокамъ каждой машины стояли другіе воины, хорошо вооруженные шлемами и панцырями, снабженные шестами, къ концамъ которыхъ были придѣланы желѣзные крюки, съ тѣмъ, чтобы, когда голова тарана вцѣпится въ стѣну, и станетъ производить разрушеніе ея, воины могли бы этими шестами удалять и бросать въ сторону падающіе камни. Такимъ образомъ Римляне принялись за дѣло, и стѣна уже стала колебаться, вслѣдствіе частыхъ ударовъ, а стоящіе по сторонамъ машинъ воины шестами бросали въ сторону камни, сдвинутые съ мѣста, такъ-что всѣ надѣялись, что городъ скоро будетъ взятъ. Но Персы выдумали вотъ что: они поставили на стѣнѣ давно приготовленную деревянную башню; туда вошли отборные, вооруженные панцырями, воины, остальная часть тѣла которыхъ была прикрыта покрываломъ, въ которомъ торчали желѣзные гвозди. Они пускали въ тараны маленькіе зажженные сосуды, наполненные сѣрой, асфальтомъ и жидкостью *), которую Мидяне называли нефтой (*νάφθα*), а Греки масломъ Медей, такъ-что всѣ машины чуть не сгорѣли. Но, стоявшіе съ шестами, люди подхватывали и сбрасывали ихъ съ машинъ сейчасъ-же на землю, хотя сами не надѣялись, что будутъ въ состояніи, въ продолженіе долгаго времени, вынести эту борьбу, такъ-какъ огонь уничтожалъ все, чего только касался, если не сбрасывался тотчасъ-же на землю. Такъ велись тутъ дѣла.

§ 55.

Въ 550 (?) г. по Р. Х. **).

Самъ-же Бессъ, одѣтый въ броню, вооруживъ всѣ свои войска, велѣлъ приставить лѣстницы къ опустившейся части стѣны. Ободривъ своихъ только настолько, чтобы не пропустить удобнаго случая, онъ самъ приступилъ къ дѣлу. Несмо-

*) *φαρμάκου*.

**) Штриттеръ не находить нужнымъ приводить здѣсь подробное описаніе осады и взятія Петры, по Прокопію, но передаетъ только содержаніе.

тря на свои преклонныя лѣта (ему было уже за 70 лѣтъ), онъ первый полѣзъ по лѣсницѣ. Тутъ между Римлянами и Персами произошла схватка, въ которой Бессъ былъ сброшенъ, и упалъ внизъ. Но вскорѣ онъ снова забрался наверхъ, Римляне послѣдовали за нимъ и совершили доблестные подвиги. Персы, испугавшись этого, стали просить, чтобы имъ дали нѣкоторое время для того, чтобы уложить свои пожитки, сдать городъ и уйти отсюда. Бессъ, подозрѣвая, что они замышляютъ какую-нибудь хитрость, не согласился на перемиріе, и возобновилъ битву. Тогда Іоаннъ Гуда (Γούζης), съ Армянами, убивъ одного изъ сторожей, открылъ Римлянамъ доступъ въ городъ; въ тоже самое время множество Персовъ сгорѣло въ какой-то деревянной башнѣ. Наконецъ, и остальные Римляне, сражавшіеся у бреши, вошли въ городъ, такъ-какъ противники ихъ стали отступать и менѣе энергично защищаться, и Петра была взята силой.

Пятьсотъ Персовъ бѣгомъ бросились въ цитадель города, заняли укрѣпленія и еще держались тамъ. Всѣхъ, кто только не былъ убитъ въ сраженіи, Римляне взяли въ плѣнъ живыми, числомъ, если много (?), 730 человекъ. Изъ нихъ только 18 были не ранены, всѣ же остальные были покрыты ранами. Римлянъ также погибло много, и самыхъ храбрыхъ, въ числѣ ихъ былъ и Іоаннъ, сынъ Θомы, который, совершивъ достойные удивленія подвиги храбрости, при вступленіи въ городъ, былъ раненъ однимъ варваромъ въ голову. Занявшіе же цитадель города Персы не соглашались сдаваться ни на какихъ условіяхъ. По приказанію Бесса, Римляне бросили въ крѣпость огонь. И, вотъ, пламя все росло, а Персы отказывались сдаваться, и, къ удивленію римскаго войска, всѣ они до одинаго погибли въ пламени.

§ 56.

Тогда обнаружилось, какую цѣну придавалъ Хосрой Ла-

зигѣ, такъ-какъ самыхъ лучшихъ солдатъ онъ отправилъ въ Петру, въ составъ тамошняго гарнизона. Кромѣ того, онъ собралъ тамъ такую массу оружія, что каждому римскому солдату досталось изъ добычи по 5 амуницій, несмотря на то, что многое сгорѣло въ цитадели. Кромѣ того, Римляне нашли тамъ большіе запасы хлѣба, солонины и другихъ жизненныхъ припасовъ, которыхъ хватило бы, если бы осада длилась даже пять лѣтъ. Виномъ Персы хотя и не запаслись, за то у нихъ былъ уксусъ и сладкіе рожки (изъ которыхъ они выдѣлывали вино). При видѣ, протекающей въ искусственномъ каналѣ, воды, Римляне сильно тому удивились, пока не разузнали, какъ искусно были построены скрытые каналы; а какъ это было устроено, я сейчасъ расскажу.

Когда Хосрой, по взятіи Петры, поставилъ туда гарнизонъ, то предполагая, что Римляне будутъ осаждать его всѣми силами и тотчасъ-же стануть разрушать водопроводъ, онъ придумалъ слѣдующее: воду, проведенную въ городъ, онъ раздѣлил на три части, велѣлъ вырыть очень глубокій ровъ и проложилъ три пути: одинъ на самомъ днѣ рва, закрывъ его до половины рва грязью и камнями; второй путь онъ также скрылъ, а надъ нимъ построилъ третій каналъ, надъ землей, уже видимый для всѣхъ; но никто не подозрѣвалъ, что существуетъ тройной водопроводъ. Римляне, не зная этого, въ началѣ осады сломали верхній каналъ, который былъ виденъ, но не стали копать дальше въ глубь и ушли, не разрушивъ всего сооруженія, въ полной увѣренности, что у осажденныхъ уже не будетъ воды. Въ продолженіе осады, Римляне узнали отъ нѣкоторыхъ плѣнныхъ, что осажденные черпаютъ воду изъ водопровода, поэтому они стали копать и нашли второй каналъ, и, разрушивъ его, подумали, что теперь уже противникамъ не миновать гибели. Но, потомъ, овладѣвъ городомъ и видя, текущую въ каналѣ, воду, они въ высшей степени были удивлены, не зная тому причины. И только тогда, когда плѣнники,

по окончаніи всего дѣла, объяснили имъ тайну, они убѣдились въ томъ, насколько искусны были непріатели въ такихъ со- оруженіяхъ, и какъ сами они небрежно относились къ это- му дѣлу.

§ 57.

Бессъ сейчасъ-же отправилъ всѣхъ плѣнныхъ къ импе- ратору и разрушилъ до основанія стѣны г. Петры, для того, чтобы Персы не причинили имъ опять хлопотъ. Императоръ выразилъ свое удовольствіе, похвалилъ его за храбрость и мудрое распоряженіе разрушить стѣны до основанія.

§ 58.

Въ это время Мермерой, опасаясь, какъ-бы не случи- лось чего-нибудь дурного съ Петрой и оставленными тамъ Персами, выступилъ со всѣми войсками и спѣшилъ туда, поль- зуясь хорошимъ временемъ года, слѣдующимъ за зимой. Но, узнавъ, въ это время, всѣ подробности событій, совершившихся въ Петрѣ, онъ остановилъ походъ, зная хорошо, что по ту сто- рону рѣки Фазиса, кромѣ Петры, нѣтъ другого мѣста, насе- леннаго Лазами. Занявъ, на возвратномъ пути, узкіе проходы, ведущіе изъ Иберіи въ Колхиду, онъ переправился вбродъ че- резъ Фазисъ, а также и черезъ р. Реонъ (Rheon), который въ этомъ мѣстѣ не судоходенъ.

Находясь, такимъ образомъ, на правомъ берегу Фазиса, онъ повелъ войска въ Археополь, самый значительный и большой городъ въ Лазикѣ. Все войско Персовъ, за исключе- ніемъ немногихъ, состояло изъ конницы, при которой было восемь слоновъ. Персы, сидя на нихъ, хотѣли сверху, какъ изъ башенъ, бросать въ непріателей копьа. Справедливо мож- но удивляться старанію и энергіи Персовъ, которые изъ Ибе- ріи въ Колхиду черезъ высокія горы, обросшія кустами, уще- лія и густые лѣса, гдѣ прежде едва могъ пройти человѣкъ

безъ ноши, построили такую хорошую дорогу, что по ней не только съ легкостью двигалась ихъ конница, но вели, въ случаѣ надобности, на войну также и слоновъ.

§ 59.

Въ войскѣ Персовъ находились также союзники ихъ, Гупны — Сабирь, числомъ до 12 тысячъ. Мермерой, опасаясь, какъ-бы эти варвары, въ такомъ количествѣ, не отказались повиноваться его приказаніямъ и не причинили какого-нибудь вреда персидскому войску, позволилъ слѣдовать за собой четыремъ тысячамъ, а остальнымъ, богато одаривъ ихъ, разрѣшилъ вернуться домой.

Римское войско состояло всего изъ 12 тысячъ, да и эти не всѣ были расположены на одномъ мѣстѣ. Три тысячи стояли гарнизономъ въ Археополѣ, подъ предводительствомъ отличныхъ полководцевъ, Одоаха и Бабы. Остальные стояли лагеремъ по сю сторону устья рѣки Фазиса, съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ непріязненныхъ дѣйствій враговъ, снять лагерь и со всѣми силами двинуться на помощь. Ими командовалъ Бениль и Улигагъ; съ ними же былъ и Персарменъ Варацъ, который только-что пріѣхалъ изъ Италіи и привелъ съ собой 800 Тцановъ.

§ 60.

Сейчасъ-же послѣ взятія Петры, Бессъ пересталъ заботиться о военныхъ дѣлахъ, и отправился въ Понтъ и Арменію хлопотать о сборѣ податей въ своихъ провинціяхъ: своимъ скряжничествомъ онъ опять повредилъ дѣламъ Римлянъ. Ибо, если бы онъ немедленно, послѣ вышеупомянутой побѣды и взятія Петры, отправился къ границѣ Иберіи и укрѣпилъ тамъ проходы, то, по моему мнѣнію, персидскія войска не вторгнулись бы въ Лазикъ. Но предводитель этотъ, не позаботившись о томъ, можно сказать, собственными руками пере-

даль Лазику непріятелю, не убоившись гнѣва императора. Императоръ Юстиніанъ очень снисходительно относился къ дѣйствіямъ своихъ префектовъ, такъ-что они часто были уличаемы въ проступкахъ противъ закона и государства.

§ 61.

У границъ Иберіи Лазы имѣли двѣ крѣпости: Сканду (*Σκάνδα*) и Сарапанисъ (*Σαραπανίς*), которыя лежали въ крутыхъ и трудно-доступныхъ проходахъ, такъ-что добратъся до нихъ чрезвычайно затруднительно. Прежде Лазамъ стоило много трудовъ охранять эти крѣпости, такъ-какъ тамъ не произрастало ничего изъ съѣдобнаго, а всѣ жизненные припасы были доставляемы туда на плечахъ людьми. Въ началѣ войны, Юстиніанъ велѣлъ замѣнить гарнизонъ, состоявшій изъ Лазовъ, Римлянами, которые, однако, принуждены были, за недостаткомъ пищи, уйти оттуда, не будучи въ состояніи, подобно Колхамъ, питаться долгое время просомъ, къ которому были непривычны; а Лазы, принося издалева, не могли доставлять всѣхъ нужныхъ для нихъ жизненныхъ припасовъ. Персы заняли эти крѣпости, но, по заключеніи мира, возвратили ихъ Римлянамъ, взаменъ крѣпостей Бола и Фарангія, какъ я рассказалъ это уже выше (§ 17). Лазы же разрушили обѣ эти крѣпости, чтобы онѣ больше не могли попасть въ руки Персовъ. Но одну изъ нихъ, Сканду, Персы снова отстроили и заняли, а Мермерой, съ мидійскимъ войскомъ, отправился дальше.

§ 62.

Городъ Родополь (*Rhodospolis*), расположенный на равнинѣ, стоялъ первымъ на пути для тѣхъ, кто вторгался изъ Иберіи въ Колхиду, и былъ легко доступенъ, такъ-что не трудно было овладѣть имъ. Поэтому Лазы, опасаясь прибытія Персовъ, незадолго передъ тѣмъ разрушили его. Персы, узнавъ объ этомъ, направились прямо на Археополь. Когда-же Мер-

мерой получилъ извѣстіе, что непріатели расположились лагеремъ у устья рѣки Фазиса, онъ двинулся на нихъ, такъ-какъ счелъ за лучшее сперва разбить ихъ, а затѣмъ уже приступить къ осадѣ Археополя, чтобы тѣ не въ состояніи были вредить Персамъ съ тыла.

Проходя мимо стѣнъ города Археополя, онъ съ насмѣшкой кланялся Римлянамъ, жителямъ города, хвастаясь, что скоро вернется: „Хочу“, сказалъ онъ, „сперва поговорить съ Римлянами, стоящими лагеремъ у рѣки Фазиса.“ Тѣ ему отвѣчали, чтобы онъ отправлялся, куда ему угодно, но увѣрили, что ему больше никогда не вернуться, если только онъ встрѣтится съ тѣми Римлянами.

§ 63.

Римскіе предводители, услыжавъ о приближеніи Мермероя, испугались и, не считая себя въ силахъ противиться его нападенію, сѣли на заранѣе приготовленные суда, и всѣ переправились черезъ рѣку, взявъ съ собой, сколько было возможно, жизненныхъ припасовъ, а все остальное они бросили въ рѣку, чтобы оно не досталось Персамъ. Когда Мермерой, придя туда со всѣмъ своимъ войскомъ, увидѣлъ, что лагерь непріателей совершенно пустъ, онъ очень этимъ былъ недоволенъ и недоумѣвалъ, что ему дѣлать. Истребивъ лагерь огнемъ, разгнѣванный, онъ повернулъ назадъ и повелъ войско на Археополь.

Археополь лежитъ на очень отвѣсной горѣ; возлѣ города протекаетъ рѣка, берущая начало съ возвышающихся надъ нимъ горъ. Нижнія ворота ведутъ къ подножьямъ горъ, и они не очень недоступны, только дорога, ведущая къ нимъ съ равнины, не ровная. Верхнія ворота имѣютъ очень покатые выходы, и трудно-доступны, такъ-какъ передъ ними, на далекомъ пространствѣ, все обросло кустарникомъ. Въ виду того, что въ городѣ нѣтъ другой воды, кромѣ рѣчной, основатели города построили двойную стѣну до рѣки, чтобы безопасно набирать

оттуда воду. Эту-то, именно, часть Мермерой рѣшилъ осаждать всѣми силами, и, усердно стремясь къ исполненію своего плана, сдѣлалъ слѣдующее:

Во-первыхъ, онъ поручилъ Сабирамъ построить какъ можно больше такихъ тарановъ, которые легко было-бы людямъ носить на плечахъ *). Сабиры послушались его и устроили та-кіе-же тараны. Потомъ, онъ отправилъ Доломитовъ къ той сторонѣ города, которая лежала надъ обрывомъ и велѣлъ имъ беспокоить жителей изо всѣхъ силъ. Доломиты, варвары эти, никогда не подчинялись Персамъ, хотя они и жили въ Персіи. Имѣя свое мѣстожительство въ отвѣсныхъ и непроходимыхъ горахъ, они, съ давнихъ поръ и до нашего времени, были самостоятельны и служили Персамъ не иначе, какъ за деньги. Всѣ они пѣшіе; у каждаго изъ нихъ мечъ и щитъ и по три метательныхъ копья въ рукахъ; они такъ-же ловко бѣгаютъ по неровнымъ мѣстамъ и по холмамъ, какъ и по равнинѣ. Поэтому Мермерой поручилъ имъ осаждать, именно, эту сторону, самъ-же онъ, съ остальными войсками, таранами и слонами, двинулся къ нижнимъ воротамъ.

Персы и Сабиры выпускали такое множество стрѣлъ на стѣны, что тѣ, какъ облако, покрыли небо, и уже почти принудили Римлянъ оставить бруствера **). Доломиты же съ скалистой мѣстности метали копья и еще болѣе энергично беспокоили своихъ противниковъ. Дѣла Римлянъ всюду были очень плохи и полны опасностей, и Римляне терпѣли уже крайнія бѣдствія.

§ 64.

Тогда Одонахъ и Баба, или желая показать свою храбрость, или испытать своихъ солдатъ, или-же по какому-то по-

---

*) Врѣсто этого предложенія, у Штрюттера читаемъ: *is similes, quos antea iidem Romanis excitaverunt.*

**) Прокопій „De bello Sotisco“ p. 604: οὐ μακρὰν που ἐγένοντο ἀναγκάσαι τοὺς ἐνταῦθα Ῥωμαίους ἐκλιπεῖν τὰς ἐπάλξεις.

бужденію свыше, оставили немногихъ воиновъ на брустверахъ и, приказавъ имъ отражать нападеніе непріятели, собрали все остальное войско и, ободривъ ихъ краткою рѣчью, отворили ворота и вывели ихъ ускореннымъ маршемъ, оставивъ тамъ только немногихъ, и вотъ по какой причинѣ: паганунѣ какой-то знатный Лазъ, жившій въ Археополѣ, вступилъ съ Мермеромъ въ переговоры, съ цѣлью измѣнить отечеству. Тотъ далъ ему порученіе оказать Персамъ только одну услугу—поджечь, когда начнется штурмъ, провіантскіе магазины *). Приказалъ онъ это, полагая, что, въ такомъ случаѣ, Римляне, озабоченные пожаромъ, дадутъ Персамъ время овладѣть стѣнами, или же стануть отражать натискъ Персовъ, и не позаботятся о магазинахъ, и, такимъ образомъ, лишеныя пожаромъ хлѣба и всѣхъ жизненныхъ припасовъ, они безъ труда сдадутъ городъ. Вотъ каковаго рода порученіе Мермерой далъ Лазу, а тотъ обѣщаль его исполнить.

Измѣнникъ Лазъ, увидя, что штурмъ въ самомъ разгарѣ, тайно поджѣгъ магазины. Римляне замѣтили пламя, когда оно уже высоко поднялось, и нѣкоторые бросились туда и, съ большимъ трудомъ, погасили пожаръ, принявшій уже значительные размѣры; всѣ остальные бросились на непріятели и своимъ внезапнымъ нападеніемъ навели на него такой страхъ, что многихъ убили безъ всякаго съ ихъ стороны сопротивленія: они не осмѣлились даже поднять оружія. Ибо Персы, надѣясь, что Римляне, число которыхъ было столь незначительно, не сдѣлаютъ вылазки, приготовились штурмовать стѣны вразсыпную и безъ всякаго порядка. Одни изъ нихъ, именно, тѣ, которые несли тараны на плечахъ, не были вооружены и готовы къ бою; другіе-же держали въ рукахъ натянутые луки, но не могли отразить непріятели, подошедшаго къ нимъ совсѣмъ близко. Такимъ образомъ, Римляне рубили то тѣхъ, то другихъ. Тогда,

*) τὰ οἰκία, οἷς δὴ ὁ τε σίτος καὶ τὰ λοιπὰ τῶν ἐπιτηδείων ἀπέχετο.

случайно, одинъ изъ словенъ, или пораненный, какъ говорятъ одни, или, можетъ быть, взбѣсившись самъ по себѣ, поворотилъ назадъ, сбросилъ съ себя ѣздовъ и произвелъ безпорядокъ въ рядахъ Персовъ. Тутъ варвары отступили назадъ, и Римляне безнаказанно убивали всѣхъ встрѣчавшихся. Когда, такимъ образомъ, пришли въ смятеніе передовые отряды Мидянъ, тѣ, которые стояли позади, замѣтивъ это смятеніе переднихъ рядовъ и не зная тому причины, объятые страхомъ, бросились назадъ, въ полномъ безпорядкѣ. Такимъ-же образомъ и Доломиты, увидѣвъ все это съ возвышенности, позорно пустились бѣжать. Бѣгство сдѣлалось всеобщимъ. Четыре тысячи варваровъ было убито, въ числѣ ихъ три предводителя. Римляне взяли четыре персидскихъ знамени, которыя немедленно отослали императору въ Византію.

Разсказываютъ, что погибло, самое меньшее, до двадцати тысячъ лошадей, не вслѣдствіе ранъ, но оттого, что, пришедши въ Лазикъ, изнуренныя тяжелой работой и длинной дорогой, онѣ не нашли тамъ достаточно корма, и, такимъ образомъ, погибли отъ голода и изнуренія.

§ 65.

Послѣ этой неудачной попытки, Мермерой, со всѣми войсками, отправился въ Мухирезисъ (*Μουχερρησις*), такъ-какъ Персы имѣли въ своей власти большую часть Лазики, несмотря на неудачу подъ Археополемъ. Страна Мухирезисъ лежитъ отъ Археополя на разстояніи одного дневного перехода; тамъ много густо-населенныхъ деревень. Это самая плодотворная страна Колхиды, такъ-какъ производитъ вино и разные нѣжные фрукты, которыхъ нѣтъ нигдѣ въ Лазикѣ. По этой странѣ протекаетъ р. Реонъ (*Ῥέων*), гдѣ древніе Колхи основали крѣпость, большую часть которой потомки ихъ разрушили, полагая, что она, будучи расположена на равнинѣ, легко доступна, а потому и легко можетъ быть завоевана. Крѣ-

пость эта, когда-то, на греческомъ языкѣ называлась Котіейонъ (Κοτιάιον), но Лазы теперь называютъ ее Кутатисій (Κουτατίσιον), коверкая, по незнанію греческаго языка, это имя. Такъ, по крайней мѣрѣ, рассказываетъ объ этомъ Арріанъ; но другіе передаютъ, что тамъ былъ городъ Китаія (Κοτάια), родина Айзата, и, такимъ образомъ, поэты называли его Китаіяниномъ (Κοταίεια), а Колхиду Китаидой (Κοταΐδα).

Мермерой намѣревался снова отстроить эту крѣпость, но, такъ-какъ у него не было въ запасѣ матеріала, а зима уже приближалась, онъ наскоро исправилъ разрушившіяся деревянные сооруженія и расположился тамъ. Близко отъ Кутатисія лежитъ Ухимерій (Ουχεμέριον), значительная крѣпость, въ которой Лазы, вмѣстѣ съ малымъ числомъ Римлянъ, несли гарнизонную службу. Поэтому Мермерой, со всѣмъ войскомъ, сталъ лагеремъ въ Кутатисіи, занимая лучшую часть Колхиды, и такъ отрѣзалъ непріятелей, что они не могли ни доставлять жизненныхъ припасовъ въ Ухимерій, ни пройти въ Сванію и Скимнію, подвластныя имъ провинціи. Ибо разъ непріатели занимаютъ Мухирезись, Лазамъ и Римлянамъ дорога въ тѣ мѣста отрѣзана.

Такимъ образомъ велась война въ Лазикѣ.

ГЛАВА VI.

Состояніе дѣлъ въ Лазикѣ во время возобновленія пятилѣтняго перемирія. Хитростное взятіе Ухимерія персидскимъ предводителемъ Мермероемъ; остальные его подвиги до самой его смерти, съ 551—553 г.

§ 66.

Въ 551 г. по Р. Х.

Въ 25-омъ году царствованія Юстиніана.

Въ Византіи, посланникъ Хосроя, Издигунъ (Ἰσδιγούνας),

велъ очень продолжительные переговоры о мирѣ съ Юстиніаномъ; послѣ долгихъ препирательствъ, они, наконецъ, сошлись на томъ, что перемиріе будетъ продолжаться опять пять лѣтъ, и что, въ это время, послы обѣихъ сторонъ будутъ имѣть свободный входъ и выходъ для улаженія споровъ о Лазикѣ и Сарацинахъ. Въ это-же время, по просьбѣ Издигуна, Юстиніанъ отпустилъ знатнаго Перса, Берсаоа, долгое время содержавшагося въ Византіи *). Посоль этотъ увѣрялъ, что тотъ сумѣетъ уговорить Хосроя, чтобы онъ отозвалъ персидское войско изъ Лазики. Перемиріе это было заключено въ 25-ый годъ царствованія императора Юстиніана.

Всюду говорили, что перемиріе это было заключено послѣ того, какъ власть Персовъ уже была весьма прочна въ Лазикѣ, съ тѣмъ, чтобы никто въ продолженіе пяти лѣтъ не беспокоилъ ихъ, а они могли бы болѣе свободно и спокойно жить въ лучшихъ мѣстахъ Колхиды; чтобы Римляне потомъ не въ состояніи были уже прогнать ихъ оттуда, и тогда доступъ въ Византію Персамъ будетъ легокъ. Многіе негодовали при мысли объ этомъ. Они выражали свое неудовольствіе также на то, что Хосрой притворнымъ соблюденіемъ перемирія въ продолженіе одиннадцати лѣтъ и шести мѣсяцевъ получалъ четыре милліона шестьсотъ тысячъ (4.600.000) сестерціевъ **), хотя онъ опустошалъ Лазику и велъ войну.

§ 67.

Когда, такимъ образомъ, Римляне и Персы заключили перемиріе, дѣла въ Лазикѣ обстояли такъ: Губацъ, царь Лазовъ, склонился на сторону Римлянъ, съ тѣхъ поръ, какъ открылъ козны, которыя ему готовилъ Хосрой, и о которыхъ я рассказывалъ выше. Но большая часть Лазовъ, съ которыми римскіе

---

*) Берсаоъ былъ взятъ въ плѣнъ Валеріаномъ въ Арменіи.

***) 1000 сестерціевъ приблизительно=50 руб. золотомъ.

солдаты обходились очень нехорошо, и которыхъ они обижали, главнымъ образомъ, предводители войскъ, давно склонялась на сторону Персовъ, не потому, что они были къ нимъ особенно расположены, а изъ желанія избавиться отъ римскаго господства.

§ 68.

Нѣкто Теофобій, одинъ изъ наиболѣе знатныхъ Лазовъ, на тайномъ свиданіи съ Мермероемъ обѣщалъ выдать ему крѣпость Ухимерій. Мермерой, надававъ ему большія обѣщанія, поощрилъ его на это дѣло, увѣряя, что черезъ этотъ подвигъ онъ станетъ однимъ изъ приближенныхъ Хосроя, что услуга его будетъ увѣковѣчена на персидскихъ памятникахъ, и онъ станетъ великъ и славою, и богатствомъ, и силою. Теофобій, подстрекаемый этимъ, еще усерднѣе сталъ стремиться къ исполненію своего замысла.

Въ то время между Римлянами и Лазами не было никакихъ сношеній; эти послѣдніе попрятались, одни у рѣки Фази-са, другіе въ Археополѣ и въ иныхъ укрѣпленныхъ мѣстахъ этой страны, такъ-что Персы безнаказанно бродили по Лазикѣ; самъ Губацъ, царь Лазовъ, держался на вершинахъ горъ.

Поэтому Теофобію не трудно было исполнить данное Мермерою обѣщаніе. Прибывъ въ крѣпость, онъ сталъ увѣрять Лазовъ и Римлянъ, стоявшихъ тамъ гарнизономъ, что все римское войско погибло, что дѣла Губаца и его Лазовъ очень плохи; что Персы заняли всю Колхиду, и что нѣтъ никакой надежды на то, что эта страна опять когда либо попадетъ подъ власть Римлянъ или Губаца; что, до сихъ поръ, Мермерой велъ дѣло самостоятельно, съ болѣе чѣмъ 70 тысячнымъ войскомъ Персовъ и съ безчисленнымъ множествомъ Сабировъ, а теперь, кромѣ того, прибылъ неожиданно и Хосрой, съ безчисленнымъ войскомъ, и соединился съ первыми, и что всей Колхиды не хватитъ, чтобы вмѣстить такое войско.

Этой ложью Теофобій навелъ ужасный страхъ на гарнизонъ крѣпости, такъ-что его стали умолять именемъ Бога Отца помочь имъ, какъ-бы лучше выйти изъ этого затруднительнаго положенія. Онъ обѣщаль добиться у Хосроя всеобщаго помилованія, съ тѣмъ условіемъ, что они сдадутъ Персамъ крѣпость. Получивъ на это ихъ согласіе, онъ тотчасъ-же отправился и былъ допущенъ въ Мермерою, которому онъ все, какъ слѣдуетъ, изложилъ. Отобравъ самыхъ надежныхъ людей, Мермерой отправилъ ихъ, вмѣстѣ съ Теофобіемъ, въ Ухимерій, съ тѣмъ, чтобы они, давъ слово защитникамъ, что жизнь и имущество ихъ будутъ пощажены, заняли крѣпость. Такимъ образомъ Персы, овладѣвъ Ухимеріемъ, очень прочно утвердили свою власть въ Лазикѣ, и не только поворили себѣ эту страну, но и отрѣзали Римлянамъ и царю Лазовъ путь въ Свямнію и Сванію и во всю страну, лежавшую между Мухирезисомъ и Иберією. Ни Римляне, ни Лазы не могли дать отпоръ непріятелю, такъ-какъ не смѣли ни спуститься съ горъ, ни напасть на него съ укрѣпленныхъ мѣстъ.

§ 69.

При наступленіи зимы, Мермерой укрѣпилъ Кутатисій деревянной стѣной и поставилъ тамъ гарнизонъ въ три тысячи солдатъ, оставивъ также достаточный отрядъ и въ Ухимеріи. Затѣмъ, возобновивъ другую крѣпость (называвшуюся Сарапанисъ) на границахъ Лазики, онъ остановился тамъ. Потомъ, узнавъ, что Римляне и Лазы соединяются и стоятъ лагеремъ у устья р. Фазиса, онъ направилъ туда всѣ свои войска. Услышавъ объ этомъ, Губацъ и предводители римскаго войска разошлись, не дождавшись прибытія непріятеля, и скрылись, куда кто могъ.

Губацъ, поспѣшно поднявшись на вершины горъ, вмѣстѣ съ дѣтьми, женой и своими родственниками, выносилъ тамъ не только лишенія во всемъ, но и невзгоды дурной по-

годы, ободряя себя надеждой на помощь изъ Византіи и упо-
вая, что его положеніе измѣнится къ лучшему, какъ и, вообще,
все человѣческое. Остальные Лазы, изъ уваженія къ царю Гу-
бацу, также терпѣливо провели зиму на горахъ, не опасаясь
нападенія непріятеля, такъ-какъ послѣднему мѣшали, особенно
зимою, непроходимыя и недоступныя горы, и, кромѣ того, вой-
ска сильно пострадали бы отъ голода, холода и разныхъ бѣд-
ствій.

§ 70.

Въ это время, Мермерой построилъ много домовъ въ дере-
вняхъ страны Мухирезиса и снабдилъ всѣхъ жизненными при-
пасами. Черезъ нѣсколькихъ перебѣжчиковъ, которые были имъ
отправлены въ горы, онъ переманилъ многихъ, обѣщая всѣмъ
пощаду; этимъ несчастнымъ, измученнымъ голодомъ, давалъ онъ
пищу въ изобиліи и заботился о нихъ, какъ о своихъ. И, вообще,
Мермерой, сдѣлавшись обладателемъ страны, распорядился съ
большою свободой. Онъ написалъ Губацу письмо слѣдующаго со-
держанія: „Двѣ вещи уравниваютъ *) человѣческую жизнь,
— сила и умъ. Ибо тѣ, которые могущественнѣе своихъ сосѣдей,
живутъ, сообразно своей волѣ, и принуждаютъ, къ чему захотятъ,
болѣе слабыхъ. Но тотъ, кого собственная слабость подчиняетъ
болѣе сильнымъ, можетъ поправить свое безсиліе мудростью и
можетъ угодливостью расположить въ свою пользу побѣдите-
ля; и никто не помѣшаетъ ему жить на свободѣ, когда, вслѣд-
ствіе его покорности, ему будетъ возвращено то, чего онъ ли-
шился черезъ свою слабость. А ты, любезный Губацъ, если
надѣнешся одержать верхъ надъ Персами, посредствомъ войны,
не медли, и препятствовать тебѣ никто не будетъ. Ибо ты най-
дешь насъ, въ какой угодно части Лазики, всегда готовыми от-
ражать твое нападеніе, и защищающими всѣми силами зани-
маемую нами территорію: поэтому тебѣ дается возможность

*) ῥοῦνιζετ.

храбро сражаться съ нами. Но ты, вѣдь, и самъ понимаешь, что ты не можешь противостоять персидскимъ силамъ, — поэтому примись за другое, прекрасный человѣкъ, и познай самого себя! Преклонись, съ покорностью, передъ Хосроемъ, какъ передъ царемъ, своимъ побѣдителемъ и повелителемъ; попроси извиненія за прошлое, чтобы потомъ вести жизнь свободную отъ тѣхъ заботъ, которыя теперь тяготѣютъ надъ тобой. Я ручаюсь, что царь Хосрой примирится съ тобой, и предлагаю тебѣ дѣтей знатныхъ Персовъ, въ залогъ того, что жизнь твоя, твое царство и все остальное останутся, навѣрно, за тобой. Если ты не хочешь ни того, ни другого, то уйди въ иное мѣсто и позволь Лазамъ, несчастнымъ вслѣдствіе твоей неразсудительности, наконецъ, свободно вздохнуть и освободиться отъ угнетающихъ ихъ бѣдствій; не губи ихъ постояннымъ несчастіемъ, льстя себя тщетной надеждой, что Римляне пришлютъ тебѣ помощь. Ибо, какъ до сихъ поръ, такъ и въ будущемъ, они не въ состояніи будутъ помочъ тебѣ.“

По полученіи этого письма, Губацъ нисколько не переѣнилъ своего намѣренія и держался на вершинахъ горъ въ большой надеждѣ на римскую помощь, поддерживая свою надежду ненавистью, которую онъ питалъ къ Хосрою.

§ 71.

По истеченіи зимы, Издигунъ, возвратившись къ Хосрою съ деньгами, изложилъ ему условія перемирія, которое тотъ, получивъ деньги, немедленно утвердилъ. Уступить же Лазику онъ не хотѣлъ и, нанявъ на полученные деньги безчисленное множество вспомогательныхъ войскъ, состоявшихъ изъ Гунновъ и Сабировъ, онъ послалъ ихъ тотчасъ, съ персидскимъ отрядомъ, къ Мермерою и приказалъ ему настойчиво вести начатое дѣло; онъ послалъ ему также еще много слоновъ.

Мермерой выступилъ изъ Мухирезиса, со всѣмъ войскомъ Персовъ и Гунновъ, ведя съ собой также слоновъ, и напра-

вился къ укрѣпленнымъ мѣстамъ Лазовъ. Римляне имъ нигдѣ не противились; они стояли у устьевъ рѣки Фазиса, подъ предводительствомъ Мартина, хорошо защищенные сильнымъ укрѣпленіемъ; тамъ находился также и самъ Губацъ, царь Лазовъ. Тутъ, по какой-то случайности, войско Мидянъ не причинило никакого вреда ни римскому войску, ни войску Лазовъ. Мермерой, узнавъ сперва, что сестра Губаца находится въ какомъ-то укрѣпленіи, отправился туда, съ цѣлюю, во что бы то ни стало, овладѣть имъ. Но тамошній гарнизонъ очень храбро защищался, поддерживаемый благопріятными условіями мѣстности, и варвары должны были уйти, не достигнувъ своей цѣли. Затѣмъ они направились въ Абазгію, но имъ на дорогѣ сталъ гарнизонъ Тцибилія, занявъ проходъ, который, какъ я рассказъ уже въ другомъ мѣстѣ, былъ недоступенъ по своей тѣснотѣ и своимъ отвѣснымъ скаламъ. Мермерой, не будучи въ состояніи одолѣть противниковъ, ушелъ обратно, съ своимъ войскомъ, и сейчасъ-же направился на Археополь, съ намѣреніемъ осадить его. Но и тутъ, потерпѣвъ неудачу, онъ поспѣшилъ возвратиться назадъ. Римляне, преслѣдуя отступающихъ непріятелей, убили многихъ въ узкомъ проходѣ, въ числѣ ихъ также и предводителя Сабировъ. Вокругъ его тѣла поднялась жестокая борьба, и, только въ позднія сумерки, Персы, силою обративъ Римлянъ въ бѣгство, ушли въ Кутатисій и Мухирезисъ.

§ 72.

Въ 553 г. по Р. X.

Мермерой, предводитель Персовъ, дважды напавшій на Археополь и дважды отбитый, совершилъ еще другія дѣла, о которыхъ я умалчиваю, потому-что событія до этихъ поръ описаны подробно риторомъ Прокопіемъ. Потомъ онъ пришелъ опять въ Мухирезисъ и укрѣпленіе Котаисъ (*Κοτάισιν τὸ φρούριον* *).

*) Ср. названія, очевидно, той-же крѣпости на стр. 118.

Онъ хотѣлъ, пройдя трудную мѣстность около Телефиса (Τήλεφισ), дойти до рѣки Фазиса и, заставъ Римлянъ врасплохъ, попробовать, не удастся-ли ему завоевать какъ-нибудь нѣсколько укрѣпленій; совершить послѣднее было-бы ему весьма трудно, если-бы онъ открыто и прямо отправился туда. Ибо Мартинъ, съ своими войсками, стоялъ въ Телефисѣ (Телефисъ— очень сильное укрѣпленіе) и весьма бдительно охранялъ пути въ крѣпость, хотя, и безъ того, мѣсто это трудно-доступно: отвѣсныя торчашія скалы, выступающія другъ противъ друга, дѣлаютъ дорогу весьма узкой, а съ иной стороны не было другого доступа, такъ-какъ лежащія кругомъ поля очень илисты и болотисты, а надъ ними поднимаются, обросшія густымъ лѣсомъ, горы, такъ-что даже одному человѣку, и, притомъ, налегкѣ, трудно пробраться, не говоря уже о вооруженныхъ массахъ. Но, все-таки, Римляне, если встрѣчали гдѣ-либо хотя и ненадежныя мѣста, но сколько-нибудь проходимыя, съ большой старательностью закладывали ихъ сваями и камнями, и постоянно были заняты этимъ дѣломъ.

§ 73.

Мермерой, поставленный въ затруднительное положеніе, обдумавъ со всѣхъ сторонъ обстоятельства дѣла, пришелъ къ мысли, что если-бы даже ему удалось какъ-нибудь ослабить римскій гарнизонъ и мало-по-малу удалить его, то, все-же, не напрасна будетъ его попытка пройти тутъ. А пока непріатели бдительно охраняютъ мѣстность, ему нельзя надѣяться на исполненіе своихъ желаній. Но, когда ихъ вниманіе будетъ ослаблено, ему останется только справиться съ трудностями мѣстности, и черезъ трудный проходъ проложить себѣ дорогу; онъ полагалъ, что это не будетъ для него невозможнымъ, такъ-какъ онъ надѣялся пройти достаточно легко, если прикажетъ рубить лѣсъ и убирать деревья, а скалы, которыя будутъ мѣшать, выламывать. Для совершенія своего замысла, Мермерой придумалъ слѣдующее:

Онъ притворился, что тяжело и неизлѣчимо боленъ, легъ въ постель, выказывая большое отчаяніе и оплакивая свою судьбу. Сейчасъ-же по всему войску пронесся слухъ, что полководецъ очень боленъ, и что онъ врядъ-ли встанетъ. Тѣ, которые выдавали непріятелю за плату планы своей стороны и сообщали имъ всѣ тайны, не знали, въ чемъ дѣло. Ибо Мермерой весьма тщательно скрывалъ свой планъ и не сообщалъ его никому даже изъ самыхъ близкихъ къ нему людей; но измѣнники, сами обманутые пронесшимися въ пародѣ слухами, извѣстили объ этомъ Римлянъ. Тѣ легко повѣрили этому, главнымъ образомъ, потому, что это соотвѣтствовало ихъ желанію. Поэтому они стали менѣе энергично и бдительно сторожить проходы. Прошло нѣсколько дней, и вдругъ пронесся слухъ, что Мермерой умеръ; а онъ скрылся въ какой-то маленькій домъ, такъ-что даже самые приближенные къ нему люди повѣрили слуху о его смерти. Тогда Римлянамъ показалось уже совсѣмъ излишнимъ сторожить проходы и, вообще, столько трудиться. Поэтому они перестали задѣлывать дороги и предались беззаботной жизни: спали по цѣлымъ ночамъ, проводили время на дачахъ и помѣстіяхъ, не выставляли лазутчиковъ и ничего не исполняли изъ своихъ обязанностей. Всѣ были увѣрены, что Персы, лишеныя своего предводителя, не пойдутъ на нихъ, а, напротивъ, уйдутъ, какъ можно дальше.

§ 74.

Узнавъ объ этомъ, Мермерой тотчасъ-же пересталъ хитрить и показалъ себя такимъ, какимъ онъ былъ прежде; немедля, выступилъ онъ, со всѣми войсками и, овладѣвъ вышеуказаннымъ образомъ трудностями дороги, подошелъ къ укрѣпленію и сталъ угрожать Римлянамъ, уstraшеннымъ неожиданной удачею Мермероя и не готовымъ къ защитѣ. Тогда Мартинъ рѣшилъ оставить эту мѣстность, прежде чѣмъ Мермерой вторгнется внутрь и разобьетъ на-голову защитниковъ крѣпости.

Ему казалось невозможнымъ, чтобы столь малочисленное войско устояло противъ такого множества непріятелей, и не было истреблено при первомъ натискѣ. Поэтому Римляне, которыхъ, такимъ образомъ, перехитрили непріатели, позорно отступили и послѣшили соединиться съ остальными войсками, которыя, подъ предводительствомъ Бесса и Юстина, расположились лагеремъ на какомъ-то полѣ, недалеко отъ Телефиса, въ разстояніи не болѣе какъ семи стадій оттуда. Тамъ-же не было ничего, кромѣ базара, гдѣ продавалась глиняная посуда*), откуда эта мѣстность и получила названіе Олларіи (Ollaria), или, по-гречески, Хитрополіи (Χιτροπόλια). Послѣ того, какъ многіе, вмѣстѣ съ Мартиномъ, послѣшнымъ бѣгствомъ спаслись сюда, всѣ начальники рѣшили тутъ-же ждать непріателя, и, выстроившись въ боевой порядокъ, препятствовать его дальнѣйшему вторженію въ страну.

§ 75.   "

Въ числѣ предводителей былъ Феодоръ, по происхожденію Тцанъ, одинъ изъ наиболѣе извѣстныхъ, который съ пятьюстами Тцановъ былъ оставленъ въ окрестностяхъ Телефиса. Когда Феодоръ увидѣлъ, что персидскія войска вторгнулись въ крѣпость и узналъ, что непріатель не думаетъ остановиться тамъ, но жаждетъ сраженія, онъ тотчасъ-же ушелъ оттуда. Заставъ на пути многихъ Римлянъ, которые не отправились прямо въ Хитрополію, какъ имъ было приказано, а врывались въ дома Лазовъ грабить просо и кукурузу, онъ старался отозвать ихъ назадъ и упрекалъ въ легкомысліи, такъ-какъ они не знали, въ какой находятся опасности. Тѣ изъ нихъ, которые были менѣ жадны и болѣе умѣренны, послушались его внушенія, соединились съ нимъ и, мало-по-малу, отступили. Феодоръ, однако, не успѣлъ во время предупредить предводителей римскаго

---

*) χιτροῶν πωλητήρια.

войска, что Мермерой угрожаетъ имъ. Нѣсколькихъ солдатъ, все еще занимавшихся внѣ лагерьа грабежомъ, Персы застали врасплохъ: одни были убиты, другіе же побѣжали изо всей мочи и, съ шумомъ и крикомъ, бросились къ войску; такъ-что всѣ, перепуганные внезапнымъ движеніемъ, отступили изъ лагерьа. Предводители-же, опасаясь (ибо они не успѣли выстроить войска въ боевой порядокъ), что варвары застанутъ ихъ врасплохъ, забыли все, что раньше было условлено, и не знали, на что рѣшиться, такъ-какъ не имѣли времени обдумать настоящаго положенія дѣлъ, да, кромѣ того, имъ помѣшала суматоха.

Итакъ, все войско, снявъ тотчасъ же лагерь, обратилось въ позорное и безпорядочное бѣгство и не останавливалось, пока не дошло до какого-то острова.

§ 76.

Островъ этотъ отстоитъ отъ Телефиса на 5 парасанговъ. Указанное разстояніе эти усердные люди прошли ускореннымъ маршемъ въ одинъ день. Парасанга же состоитъ, по опредѣленію Геродота и Ксенофонта, изъ тридцати стадій; теперешніе же Иберы и Персы считаютъ ее въ 21 стадію. Такимъ-же образомъ считаютъ Лазы, но они называютъ ихъ *анапаулами* (*ἀναπαύλη*), т. е. *остановками*, и, по-моему, совершенно справедливо. Ибо носильщики, пройдя одну парасангу, снимаютъ съ себя тяжесть, отдыхаютъ немного и мѣняются ношей другъ съ другомъ, и измѣряютъ свой путь числомъ разъ, которыми они помѣняются. Но какъ бы ни измѣрять парасангу, такъ или иначе, островъ этотъ отстоитъ отъ крѣпости на 150 стадій.

Мѣстность эта сильно укрѣплена и трудно-доступна, и протекающія здѣсь рѣки образуютъ водовороты. Фазисъ и Доконъ (*Δοκωνός*), отдѣльно вытекающіе изъ Кавказскихъ горъ, и значительно отдаленные вначалѣ другъ отъ друга, тутъ, вслѣдствіе условій мѣстности, подходятъ другъ къ другу такъ близъ

во, что Римляне вырыли канаву и отвели воды Фазиса въ Доконъ. Такимъ образомъ эти рѣки соединяются на восточной сторонѣ острова и окружаютъ мѣстность. Затѣмъ, изгибаясь опять и раздѣляясь, онѣ охватываютъ довольно большое поле. Дальше, протекая къ Западу, онѣ снова сами собою соединяются и уже совершенно смѣшиваются, такъ-что образуютъ настоящій островъ.

§ 77.

Тутъ собрались бѣжавшіе Римляне и остановились. Мермерой, доведши до Хитрополи, сильно обругалъ отступившихъ Римлянъ за ихъ трусость и малодушіе, но рѣшилъ не итти дальше и не нападать на островъ. Ибо, для такого большого войска, онъ не могъ-бы найти достаточнаго продовольствія среди непріятельской страны, и, кромѣ того, онъ не былъ достаточно подготовленъ къ осадѣ. Поэтому онъ не счелъ нужнымъ вернуться въ Телефисъ и трудно-проходимыя мѣста, по смѣло и безъ всякой помѣхи переправилъ все войско черезъ р. Фазисъ, построивъ что-то въ-родѣ моста изъ досокъ, плетней и плотовъ. Затѣмъ, ободривъ Персовъ, расположенныхъ въ крѣпости Оногуръ ('Ονογουρίς), построенной имъ противъ Римлянъ, въ окрестностяхъ Археополя, а также увеличивъ тамошній гарнизонъ и снабдивъ его всѣмъ возможнымъ, онъ снова отступилъ въ Котансъ (Κοτάσις) и Мухирезисъ (Μουχερίσις).

Но, затѣмъ, Мермерой внезапно подвергся тяжелой болѣзни, и почувствовалъ себя очень нехорошо. Поэтому, для защиты страны, онъ оставилъ большую и сильную часть войска, и самъ отправился въ Иберію. Съ трудомъ довели его до города Месхиона (Μεσχιδά); здѣсь, отъ тяжелой болѣзни, и скончался Мермерой, человекъ прекраснѣйшій, въ высшей степени разумный, весьма опытный въ военномъ дѣлѣ и очень энергичный. Хотя онъ былъ уже старъ и хромъ на обѣ ноги, и не могъ ѣздить верхомъ, все-таки, какъ самый сильный юноша,

онъ былъ всегда готовъ на всякія предпріятія; лежа на носилкахъ, онъ отправлялся въ сраженіе. Такимъ образомъ онъ наводилъ страхъ на враговъ, ободрялъ своихъ, управлялъ всѣмъ, какъ слѣдуетъ, и одерживалъ много побѣдъ.

ГЛАВА VII.

Убийство царя Губаца, совершенное римскими предводителями; поражение Римлянъ при Оногурѣ; совѣщаніе Лазовъ о томъ, какъ имъ поступить; отправленіе посольства къ императору Юстиніану; Тцать получаетъ отъ императора титулъ царя, въ 554—555 г.

§ 78.

Въ 554 г. по Р. Х.

*Agathias 172-77
и 173-77*

Хосрой былъ очень опечаленъ извѣстіемъ о смерти Мермероя. Но, чтобы войска въ Лазикѣ не оставались безъ предводителя, онъ назначилъ надъ ними полководца Нахорагана, очень извѣстнаго и знатнаго человѣка. Когда онъ уже былъ готовъ въ отъѣздъ, въ Колхидѣ произошло нѣчто поразительное и гнусное.

§ 79.

Когда Римляне, какъ я разсказалъ выше, бѣжали самымъ позорнымъ образомъ, и большую часть своихъ вещей оставили неприятелю въ добычу, Губацъ, царь Лазовъ, полный негодованія за этотъ позоръ, и то-же время опасаясь, какъ бы не случилось впоследствии чего-нибудь похуже, извѣстилъ сейчасъ обо всемъ Юстиніана, обвиняя предводителей въ безу-

ми; больше всего онъ обвинялъ Бесса, а потомъ Мартина и Рустика.

Рустикъ былъ по происхожденію Греко-галлъ (Ἑλληνογαλότης) и служилъ тамъ не въ качествѣ префекта или трибуна, но завѣдывалъ царскими деньгами, которыя присылались изъ царской казны для вознагражденія тѣхъ, кто отличался храбростью въ сраженіяхъ. Поэтому это былъ важный человѣкъ, и стоялъ наравнѣ съ начальниками, такъ-что ему даже сообщались тайны и приказанія предводителей, и тогда только тѣ считались вѣрными и надежными, когда онъ одобрялъ ихъ.

Юстинианъ уже раньше недолюбливалъ Бесса. Ибо тотъ, по взятіи крѣпости Петры, долженъ былъ, еще до прибытія Мермероя, заложить крѣпко все проходы изъ Иберіи, въ чемъ ему помогла бы сама природа, и долженъ былъ сдѣлать границы *) Лазики съ этой стороны недоступными. Но, по своей необдуманности, Бессъ, объѣзжая порученные ему города и собирая въ нихъ деньги, все это упустилъ. Императоръ вспомнилъ объ этомъ и легко повѣрилъ извѣстію, посланному Губацемъ. Поэтому онъ тотчасъ-же отрѣшилъ Бесса отъ должности, конфисковалъ у него все имущество и сослалъ его въ Абазгію, съ приказаніемъ оставаться тамъ до рѣшенія его участи. За Мартиномъ же, на котораго онъ очень сердился, все-таки, оставилъ главное командованіе, потому-что тотъ занималъ первое мѣсто среди префектовъ войскъ; за нимъ слѣдовали Юстинъ, потомъ Буцъ и остальные.

§ 80.

У Мартина и Рустика уже раньше были ненормальныя отношенія съ Губацемъ, а теперь между ними возникъ сильный и жестокий раздоръ, который, получивъ начало вслѣдствіе зависти и клеветы и усилившись еще болѣе отъ постоянного

---

*) Штригтеръ ὄρια — переводъ „горы“.

и неосновательнаго подозрѣнія,—однако, еще открыто не воспламенялся. Они съ завистью слѣдили за всѣмъ, что тотъ дѣлалъ, мучили этимъ сами себя и увеличивали распрю. Итакъ, Губацъ, подозрѣвая ихъ нелюбовь къ себѣ, сталъ ихъ тоже ненавидѣть, часто бранилъ трусами и болтунами и поносилъ за то, что они ни о чемъ не заботятся; на всѣхъ пиршествахъ и во всякомъ собраніи выказывалъ опъ имъ свое негодованіе, а если случайно приходило посольство отъ сосѣднихъ народовъ, то опъ не допускалъ и отдалялъ его отъ полководцевъ.

§ 81.

Тѣ-же, не выпесши болѣе этого, и окончательно вознегодовавъ на Губаца за постоянные доносы императору, пришли къ тому заключенію, что опъ не перестанетъ обвинять ихъ, если они опять не исполнятъ своихъ обязанностей. Поэтому, они рѣшили отдѣлаться отъ него, чтобы этимъ отомстить за нанесенныя обиды, и освободиться на будущее время отъ всякой боязни передъ нимъ. Съ этою цѣлью они строили разные планы, но остановились на томъ мнѣніи, что не слѣдуетъ убивать его прежде, чѣмъ узнаютъ расположеніе къ нему императора; поэтому они послали въ Византію Іоанна, брата Рустика, доложить императору, что Губацъ уличенъ въ томъ, что склоняется на сторону Мидянъ. Іоаннъ, допущенный на тайную аудіенцію къ императору, обвинилъ Губаца, будто тотъ измѣнилъ уже Римлянамъ, и хочетъ ввести Персовъ въ провинцію и передать имъ ее, если не будетъ, всячески, оказано сопротивленіе.

Императоръ, пораженный этимъ извѣстіемъ, не вполнѣ повѣрилъ ему, но, держась средняго мнѣнія, сказалъ:

— „Позаботьтесь о томъ, чтобы онъ былъ доставленъ къ намъ.“

Но Іоаннъ, опасаясь, что если тотъ пріѣдетъ, то обманъ откроется, отвѣтилъ:

— „Пусть будетъ такъ; но что намъ дѣлать, если онъ не захочетъ добровольно прійти?“

— „Нужно будетъ принудить его къ этому,“ *) отвѣтилъ императоръ, „какъ нашего подчиненнаго, и прислать его съ большою стражею.“

— „А если онъ воспротивится, что тогда?“ возразилъ Иоаннъ.

— „Что-же другое,“ отвѣтилъ императоръ, „какъ не то, что заслуживаютъ тираны: пусть погибнетъ!“

— „Итакъ,“ сказалъ Иоаннъ, „значить, тому, кто его убьетъ, бояться нечего?“

— „Нечего,“ отвѣтилъ императоръ, „если, сопротивляясь и не повинаясь, онъ будетъ убитъ, какъ врагъ.“

§ 82.

Когда императоръ далъ такой отвѣтъ и въ томъ-же почти духѣ написалъ начальникамъ войскъ, то Иоаннъ больше уже не распрашивалъ, и, полагая, что цѣль его посольства достигнута, сейчасъ-же отправился обратно въ Колхиду съ письмомъ императора. Мартинъ и Рустивъ, прочитавъ письмо и найдя, что дѣло это ловко устроено, принялись тотчасъ за его исполненіе. Они призвали Юстина и Буца и, скрывая отъ нихъ свой замыселъ, объявили, что надо поскорѣе отправиться къ Губацу и посовѣтоваться съ нимъ, какъ-бы соединенными силами напасть на Персовъ при Оногурѣ. Тѣ послушались и отправились вмѣстѣ съ ними, въ сопровожденіи незначительнаго отряда.

§ 83.

Когда Губацъ узналъ, что къ нему пришли предводители войска, онъ, не подозрѣвая ничего враждебнаго, пошелъ въ

---

*) *Αραοία „Historia“ р. 75: ἀναγκαστέον αὐτόν, ἢ δὲ ὁ βασιλεὺς, κατῆκοον ὄντα καὶ πάσῃ μηχανῇ ἐκτεμπτέον.* Штриггеръ первые два слова считаетъ словами Иоанна и переводитъ въ формѣ вопроса: *eritne cogendus.*

нимъ навстрѣчу до рѣки Хоба (Χοβός). Тамъ несчастный встрѣчается съ ними, безъ всякихъ предосторожностей, въ сопровожденіи только немногихъ слугъ, и, притомъ, не вооруженныхъ и не готовыхъ къ бою. И отчего было ему не пойти къ нимъ, какъ къ друзьямъ и знакомымъ, а не какъ къ врагамъ или, лучше сказать, гонителямъ *) отдаленныхъ народовъ? Съѣхавшись, сидя на лошадяхъ, они всѣ разговаривали о дѣлахъ.

Тогда Рустикъ сказалъ:

— „Губацъ, пойдемъ съ нами, прими участіе въ походѣ на Персовъ, стоящихъ лагеремъ въ Оногурѣ: для насъ позорно, если они еще дольше будутъ оставаться въ нашей сторонѣ, тѣмъ болѣе, что ихъ мало, и что они не въ состояніи сражаться съ нами.“

На это Губацъ отвѣтилъ:

— „Вы, благородные мужи, одни должны вести борьбу, такъ-какъ вы одни виноваты въ томъ, что случилось: если бы вами не овладѣли внезапная трусость и безуміе, то и эта крѣпость не была бы укрѣплена противъ насъ, и вы не убѣждали бы такъ позорно и безчестно, да и, вообще, не случилось бы ничего того, чего не должно было бы быть. Но теперь сами вы, любезные мужи, говорите, что жаждете славы, и если въ васъ есть мужество, достойное полководцевъ, то вы должны изгладить свою небрежность исполненіемъ долга, а я не послѣдую за вами и не приму участія въ опасностяхъ, пока вы не поправите всего, въ чемъ провинились.“

Послѣ этихъ словъ Губаца, Іоаннъ, принявъ это противорѣчіе будто за доказательство его приверженности къ Мидянамъ и стремленія къ самостоятельности, украдкой вынулъ кинжалъ и нанесъ Губацу ударъ въ грудь, хотя и не смертельный. А такъ-какъ у него обѣ ноги были сложены на крестъ на шеѣ лошади, то онъ тотчасъ упалъ на землю, я думаю, не столько

---

*) ἀλεγεινήρας.

отъ удара, сколько отъ неожиданности нападенія. Въ то время, какъ онъ метался по землѣ и пытался подняться, къ нему подошелъ тѣлохранитель Рустива и, какъ ему было приказано, ударилъ его мечомъ по головѣ, чѣмъ окончательно его добилъ. Такъ рассказываютъ про убійство Губаца люди, заслуживающіе довѣрія.

Юстинъ же и Буць горевали, негодовали и считали это преступленіемъ, но оставались спокойными (?), полагая, что Юстиніанъ письменно далъ такое приказаніе.

§ 84.

Войска Лазовъ были въ высшей степени смущены и огорчены, такъ-что не хотѣли больше оставаться съ Римлянами и участвовать съ ними въ походѣ, но, похоронивъ царя по своему обычаю, они ушли и отказались отъ войны, считая себя сильно обиженными и лишенными славы предковъ.

§ 85.

Лазы очень большой и славный народъ, и ему подвластны другіе большіе народы. Важничая своимъ древнимъ именемъ „Колхи“, они черезъ мѣру хвастаются и гордятся, пожалуй, не безъ основанія. Ибо среди народовъ, находящихся подъ чьей-либо властью, я, по крайней мѣрѣ, не знаю другого, столь славнаго и счастливаго своимъ богатствомъ и множественностью подданныхъ, и пользовавшагося удобнымъ мѣстоположеніемъ, изобиліемъ всего необходимаго для жизни и отличавшагося благонравіемъ и ловкостью. Древніе обитатели этой страны совсѣмъ не были знакомы съ тѣми благами, которыя доставляетъ море, такъ-какъ они даже и не знали слова „корабль“, пока Арго не присталъ къ ихъ берегу; но, съ тѣхъ поръ, Колхи стали заниматься мореходствомъ и извлекать большія выгоды изъ торговли. Да и, вообще, они вовсе не варвары, и не ведутъ такого образа жизни, какъ послѣдніе. Вслѣдствіе

сношеній съ Римлянами, они привыкли къ государственному (строю?) и основанному на законахъ образу жизни, такъ-что, если не придавать значенія рассказамъ о мѣдноногихъ быкахъ и мѣоамъ о вырастающихъ изъ земли людяхъ и другимъ удивительнымъ и невѣроятнымъ исторіямъ, которыя поэты такъ искусно выдумали про Айэта, смѣло можно признать, что настоящее у нихъ гораздо лучше прежняго.

§ 86.

Лазы, стоя такъ высоко въ своемъ мнѣніи, считали себя весьма оскорбленными гнуснымъ убійствомъ своего царя.

Сейчасъ-же послѣ этого, Римляне, по настоянію Мартина, со всѣми силами приготовились напасть на Персовъ въ Оногурѣ. Мѣстность эта съ давнихъ поръ еще получила это названіе, можетъ быть, потому, что Гунны, которые въ прежнія времена назывались Оногурами, сражались тамъ съ Колхами и были побѣждены, а это имя осталось у туземцевъ въ смыслѣ воспоминанія или трофея. Теперь большинствомъ она такъ не называется. Но такъ-какъ тамъ сооруженъ храмъ святого Стефана, который, какъ говорятъ, первый и добровольно когда-то вступился за христіанъ, и противниками былъ побитъ камнями, то и было рѣшено называть это мѣсто его именемъ. Но намъ не мѣшаетъ пользоваться стариннымъ названіемъ, какъ болѣе извѣстнымъ и болѣе подходящимъ къ исторіи.

Римское войско предприняло походъ на Оногуру, такъ-какъ зачинщики убійства Губаца настаивали на этомъ, въ надеждѣ овладѣть названной крѣпостью, въ случаѣ чего императоръ, если даже узнаетъ объ обманѣ, не будетъ слишкомъ гнѣваться на нихъ, и, благодаря этому успѣху, сложить съ нихъ всю вину.

Итакъ, всѣ предводители и войска, расположившись лагеремъ на равнинѣ Археополя, приготовили, такъ называемыя, черепахи и машины для метанія громадныхъ камней и орудія для осады города.

§ 87.

Въ это время какой-то Персъ, приближавшійся къ крѣпости, былъ пойманъ тѣлохранителями Юстина. Его привели въ лагерь и стали бичевать, чтобы заставить его правдиво открыть планы своихъ полководцевъ. Онъ разсказалъ имъ, что Нахораганъ прибылъ уже въ Иберію и послалъ его ободрить тамошнія войска и сказать имъ, что полководецъ на-дняхъ прибудеть; „Персы же,“ продолжалъ онъ, „расположенные въ Мухирезисѣ и Котаисѣ, тоже скоро придуть на выручку своихъ соотечественниковъ, такъ-какъ имъ извѣстно, что вы намѣреваетесь итти на нихъ.“

Вслѣдствіе этого, римскіе предводители устроили совѣщаніе о положеніи дѣлъ, и Буцъ посовѣтовалъ сейчасъ-же, со всѣмъ войскомъ, итти навстрѣчу приближающемуся неприятелю, и если они разобьютъ его на-голову, что весьма вѣроятно, вслѣдствіе ихъ многочисленности, то и защитники крѣпости скоро сдадутся, такъ-какъ не будутъ больше надѣяться на помощь; а если-бы они и сопротивлялись, то, все-таки, будутъ безъ труда перебиты. Съ этимъ согласился также и Улигангъ, предводитель войска Геруловъ. А Рустигъ, который уже сталъ болѣе увѣренъ и нахаленъ, вслѣдствіе своего преступленія и единомыслія съ Мартиномъ, открыто обругалъ Буца, упрекая его въ томъ, что онъ никогда не придумаетъ ничего, какъ слѣдуетъ.

— „Гораздо сообразнѣе будетъ,“ сказалъ онъ, „не затруднять слишкомъ войска. Если-же мы придвинемъ всѣ войска къ крѣпости, то мы легко овладѣемъ ею и отразимъ помощь извнѣ, а, если хотите, немногихъ мы можемъ послать противъ Персовъ, чтобы задержать ихъ.“

Конечно, совѣтъ Буца былъ гораздо лучше, болѣе сообразенъ съ положеніемъ дѣлъ и соотвѣтствовалъ правиламъ тактики, да и, наконецъ, былъ болѣе энергиченъ и обезпечивалъ имъ безопасность.

§ 88.

Но такъ-какъ большинство предводителей, по всей вѣроятности, было соучастниками совершеннаго преступленія, ибо они присоединились къ убійцамъ, то худшій и менѣе выгодный совѣтъ одержалъ верхъ, такъ-какъ они думали этимъ путемъ скорѣе загладить свою вину. Противъ отряда, выступившаго изъ Мухирезиса, было отправлено не болѣе шести сотъ всадниковъ, подъ предводительствомъ Дабрагеца и Усигарда, которые командовали римскими когортами, хотя и были по происхожденію варвары. Остальныя-же всѣ войска, вмѣстѣ съ главнокомандующимъ, напали на крѣпость, придвинули машины къ воротамъ, стараясь сломать ихъ, и окружили стѣны со всѣхъ сторонъ и стрѣляли въ непріятеля. Персы-же, бѣгая по стѣнамъ, гдѣ было пужно, отражали враговъ, усердно стрѣляя по нимъ, и защищали внѣшнюю часть стѣны. Они повѣсили сверху на стѣны разныя сукна и ковры, чтобы, такимъ образомъ, ослабить силу выстрѣловъ, отъ которыхъ страдали стѣны. Съ обѣихъ сторонъ сражались очень усердно и съ большимъ одушевленіемъ, такъ-что это скорѣе походило на настоящее сраженіе, чѣмъ на осаду, такое рвеніе было съ обѣихъ сторонъ, и такую храбрость выказывали всѣ. Одни боролись за свое спасеніе, подвергаясь крайней опасности, а другіе считали большимъ позоромъ для себя, разъ начавъ осаду, уйти, не достигнувъ цѣли—не овладѣвъ крѣпостью и не освободивъ Археополя отъ сосѣдства непріятелей.

§ 89.

Другіе же Персы изъ Котаиса и Мухирезиса, въ количествѣ трехъ тысячъ всадниковъ, двигались на Оногуру; на нихъ неожиданно наткнулись Дабрагецъ и Усигардъ съ своимъ отрядомъ, несмотря на то, что двигавшіеся впередъ и не подозрѣвавшіе ничего враждебнаго. Но имъ удалось тотчасъ-

же обратить Персовъ въ бѣгство, такъ-какъ послѣдніе были застигнуты враспlohъ внезапнымъ нападеніемъ.

Когда объ этомъ стало извѣстно осаждающимъ Римлянамъ, тѣ сильнѣе начали нападать на крѣпость, стащили покрывала со стѣнъ и разбрелись, безъ всякаго порядка, по разнымъ мѣстамъ, надѣясь потомъ легко разрушить все, такъ-какъ внѣшніе непріатели обращены въ бѣгство, и некому больше напасть на нихъ.

§ 90.

А, между тѣмъ, вышеупомянутые Персы, узнавъ очень скоро, что не все римское войско напало на нихъ, а только немногіе, которыхъ скорѣе можно было принять за развѣдчиковъ, внезапно возвратились и, съ большимъ крикомъ, напали на нихъ. Не будучи въ состояніи устоять противъ ихъ нападенія, теперь Римляне, съ своей стороны, показали тылъ тѣмъ, которыхъ только-что обратили въ бѣгство, и поспѣшно бѣжали. Персы преслѣдовали ихъ по-пятамъ, такъ-что вышло, что одни, стараясь догнать бѣгущихъ, другіе-же, спасаясь бѣгствомъ,—преслѣдующіе, какъ и преслѣдуемые, чуть-ли не вмѣстѣ явились передъ остальнымъ римскимъ войскомъ.

Тутъ, понятно, поднялась ужасная суматоха, и Римляне бросили осаду города, которая вскорѣ должна была окончиться взятіемъ его, и бѣжали вмѣстѣ со своими предводителями; они даже не дали себѣ времени узнать, что произошло, и какова была численность преслѣдовавшихъ ихъ непріателей, по, объятые паническимъ страхомъ, стремглавъ бросились бѣжать. Вслѣдствіе этого, и Персы стали смѣлѣе и еще энергичнѣе преслѣдовали ихъ. Защитники крѣпости, вида, что произошло, внезапно сдѣлали вылазку, соединились съ остальными Персами и, вмѣстѣ съ ними, стали преслѣдовать Римлянъ. Римская конница, благодаря скорости лошадей, легко ушла изъ-подъ выстрѣловъ, но изъ пѣхоты много было убито, такъ-какъ ихъ задержалъ мостъ на

рѣкъ Каэарѣ (Καῖαρος), по которому всѣмъ пужно было перейти. Такъ-какъ по узкому мосту многимъ нельзя было переправляться сразу, то тамъ произошла давка и толкѣтня; нѣкоторые упали въ рѣку, другіе были отгѣснены назадъ и, отступая, попадали въ руки непріятелей; вообще, они находились въ крайне-бѣдственномъ положеніи, и, можетъ быть, всѣ тогда же погибли, если-бы префектъ Буць, услыжавъ ихъ отчаянные крики и убѣдившись въ большой опасности, не возвратился съ своими солдатами, и не сталъ противъ враговъ, чѣмъ, мало-по-малу, прекратилъ преслѣдовашіе, пока тѣ не перешли моста и не остановились въ безопасномъ мѣстѣ, какъ всѣ остальные. Такъ-какъ мимо лагеря, расположеннаго у Археополя, всѣ пробѣжали въ страхѣ и спасались внутрь страны, а туда никто не возвратился, то всѣ жизненные припасы и другія необходимыя и цѣпныя вещи цѣликомъ достались побѣдителямъ. Такимъ образомъ, непріатели одержали не только славную, но и выгодную побѣду. Найдя лагерь пустымъ, они разрушили валъ и взяли въ добычу все, что тамъ нашли, и, очень обрадованные, вернулись на свои мѣста и вновь овладѣли прежней территоріей. Не ясно-ли, что Божій гнѣвъ разразился надъ римскими войсками за гнусное убійство и за то, что они послушались скверныхъ совѣтовъ. Такимъ образомъ, пятьдесятъ тысячъ воиновъ были позорно обращены въ бѣгство тремя тысячами Персовъ, причѣмъ очень много ихъ пропало безъ вѣсти. Впрочемъ, и зачинщиковъ убійства, вскорѣ послѣ этого, постигло послѣднее наказаніе, о чемъ мы расскажемъ въ своемъ мѣстѣ.

§ 91.

Съ наступленіемъ зимы, все войско было размѣщено по городамъ и крѣпостямъ, гдѣ каждой части заранѣе назначено было провести зиму.

Въ это время дѣла Колховъ были очень ненадежны и смут-

ны; даже власти не знали, что съ ними будетъ, и куда обратиться. Поэтому, въ какой-то горной долинь Кавказа, они тайно созвали большую часть своего народа, чтобы Римляне не могли узнать объ ихъ замыслахъ. Тамъ они предложили для обсуждения вопросъ, перейти-ли имъ на сторону Персовъ или-же остаться у Римлянъ. Тутъ начались очень оживленные пренія; одни склонялись въ ту, другіе въ эту сторону, затѣмъ поднялся общій и безпорядочный крикъ, такъ-что нельзя было различить, кто говоритъ и что говоритъ. Тогда власти велѣли народу замолчать и распорядились, чтобы тотъ, кто хочетъ въ порядкѣ сказать что-либо дѣльное, выступилъ впередъ, чтобы и какого происхожденія онъ ни былъ.

§ 92.

Какой-то знатный человѣкъ, Айэтъ (*Αἰήτης*), больше всѣхъ недовольный происшедшимъ, ненавидѣвший все римское, всегда тяготѣлъ въ Персамъ. Теперь, пользуясь этимъ выдающимся случаемъ, Айэтъ сталъ преувеличивать все случившееся больше, чѣмъ слѣдуетъ. Онъ говорилъ, что нѣтъ даже нужды въ совѣщаніи, а слѣдуетъ, сейчасъ-же, открыто перейти на сторону Мидяпъ. Но, когда другіе возразили, что не слѣдуетъ такъ сразу перемѣнять всего образа жизни, прежде чѣмъ будетъ извѣстно, послѣ добросовѣстнаго обсуждения, что для нихъ будетъ полезнѣе, Айэтъ, разсердившись, всталъ, выскочилъ на середину и сказалъ цѣлую рѣчь, какъ-бы въ народномъ собраніи; онъ былъ болѣе краснорѣчивъ, чѣмъ, обыкновенно, бываютъ варвары, и, вслѣдствіе природнаго дара слова и богатства мыслей, онъ могъ играть роль оратора. Рѣчь его была слѣдующаго содержанія:

— „Если-бы Римляне обидѣли васъ словами или своими намѣреніями, то и мы такими-же средствами прекрасно могли бы отомстить за обиду. Но, теперь, какъ намъ переносить отъ нихъ самыя страшныя оскорбленія, и какъ можемъ мы, медля

и обдумывая, пропустить случай, чтобы отомстить имъ за обиду. Вѣдь, нельзя сказать, что мы еще не уличили ихъ фактами во враждебныхъ противъ насъ дѣйствіяхъ, и что они, по всей вѣроятности, только имѣютъ противъ насъ злыя намѣренія. Для этого не нужно даже приводить вамъ доказательствъ, ибо Губацъ, сей великій мужъ, былъ такъ недостойно убитъ, какъ какой-нибудь простой и низкій человѣкъ. Погибло уже прежнее достоинство Колховъ, и, впредь, мы уже не должны заботиться о томъ, какъ управлять другими, но должны быть довольны, если тѣ, которые были прежде намъ подчинены, не будутъ дурно относиться къ намъ. Развѣ не будетъ глупо, если мы будемъ теперь сидѣть и обдумывать, считать ли тѣхъ, которые совершили это убійство, нашими врагами, или-же друзьями. Мы должны понять, что нахальство ихъ не останется въ этихъ границахъ, и что, если мы пропустимъ имъ это преступленіе, они не перестанутъ насъ оскорблять, но спокойно будутъ наносить намъ, съ меньшимъ страхомъ, еще большія обиды, такъ-какъ съ подчиненными они очень жестоки, и съ презрѣніемъ относятся къ своимъ кліентамъ. У нихъ есть также очень хитрый императоръ, который всегда радъ всякимъ переворотамъ; оттого убійство это и было такъ скоро совершено, что онъ самъ страстно подстрекалъ къ этому своихъ подчиненныхъ, а тѣ, съ готовностью, исполнили его желаніе; они не только грабили насъ, когда мы не вызывали этого никакой обидой, и когда между нами и ими не возникало никакого раздора, но, даже состоя съ нами въ дружбѣ, они нанесли намъ самыя жестокія обиды, какъ будто на нихъ напали въ одно и то же время жестокость, безуміе, ненависть къ намъ и подобныя другіе пороки. У Персовъ совсѣмъ другіе нравы; они рѣзко отличаются отъ Римлянъ: для тѣхъ, съ которыми они заключаютъ дружбу, они всегда остаются вѣрными друзьями, но за то съ врагами, пока они остаются во враждѣ, всегда бываютъ очень жестоки.

Я желалъ бы, чтобы царство Колховъ было такъ могущественно, какъ и прежде, чтобы оно не нуждалось въ чужеземной помощи, и чтобы оно было вполне самостоятельно, въ мирное и военное время. Но такъ-какъ мы или теченіемъ времени, или вслѣдствіе превратностей судьбы, а, можетъ быть, вслѣдствіе того и другого, дошли до такой слабости, что сами теперь подчинены другимъ, то я считаю самымъ разумнымъ быть въ зависимости отъ тѣхъ, которые болѣе умѣренны и справедливы, и которые прочно сохраняютъ дружбу съ своими союзниками. Мы будемъ сильнѣе нашихъ дѣйствительныхъ враговъ, если совершеннаго ими преступленія не пропустимъ имъ безнаказанно, и мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, позаботимся о своей безопасности въ будущемъ. Хитрые и плѣнительные нравы этихъ Римлянъ, которыми они обходятъ легковѣрныхъ, и ихъ притворная вѣрность и дружба будутъ совершенно тщетны и напрасны, и лицемѣрамъ не представится уже случая пользоваться ими противъ насъ, такъ-какъ мы, какъ враги ихъ, будемъ разбѣднены и не будемъ имѣть съ ними сношеній. И если даже они пойдутъ войной противъ насъ, то имъ придется сразу сражаться противъ Лазовъ и Персовъ, и еще въ непріятельской странѣ, и они не будутъ въ состояніи выдержать даже перваго нападенія, такъ-какъ цѣлое войско ихъ только-что было, позорнѣйшимъ образомъ, обращено въ бѣгство маленькимъ отрядомъ Мидянъ, и до сихъ поръ они не могутъ еще перевести духа отъ бѣгства и, потерпѣвъ во всемъ остальномъ неудачу, превзошли преслѣдовавшихъ ихъ Персовъ только своею скоростью. Ясною причиною тому была ихъ трусость и безуміе ихъ плановъ. Эти недостатки и подобные пороки, такъ сказать, свойственны и врождены имъ, но въ этомъ природнымъ порокамъ прибавляется еще добровольное преступленіе, и это удваиваетъ несчастіе ихъ, такъ-какъ за преступное убійство они лишились покровительства Всевышняго, потому-что побѣду поддерживаетъ не столько оружіе, сколько благочестіе;

но я не думаю, чтобы грѣшныя и преступныя люди могли получить такое благо. Итакъ, если мы хотимъ быть благоразумны, то не должны стоять на сторонѣ Римлянъ, у которыхъ голова не на мѣстѣ, и на которыхъ сердится (вересѣ) Тотъ, въ Которомъ всякое спасеніе.

Итакъ, больше на дѣлѣ, чѣмъ словами, доказана легкость перехода къ Персамъ, и значительная выгода для насъ и угода Богу. И никому не покажется, что мы поступили несправедливо, или-же что мы оказались вѣроломными. Ибо, хотя мы и прежде переносили часто оскорбленія отъ Римлянъ, но, все-таки, считали лучшимъ оставаться въ томъ-же положеніи, полагая, что не слѣдуетъ переходить на другую сторону только по нѣкоторымъ причинамъ, которыя, хотя и очень тяжелы, но, все-же, были еще сносны. А когда наносятъ крайнія и неоправимыя оскорбленія, то я скажу, что только неразумнымъ людямъ, боязливымъ и жалкимъ, свойственно переносить все это и не обижаться даже изъ-за самыхъ пахальныхъ преступленій. Но нигдѣ и никогда не могло бы совершиться болѣе пахальнаго преступленія, какъ убійство Губаца, а если бы случилось, то даромъ не прошло. Поэтому и мы не должны оставлять этого безъ вниманія, такъ-какъ для насъ будетъ позорно забыть своего царя и льстить его убійцамъ. Если-бы онъ могъ предстать теперь предъ нами, то, навѣрно, жестоко порицалъ бы насъ и обвинялъ бы въ томъ, что мы не питаемъ къ нему достаточнаго уваженія, если убійцы до сихъ поръ еще находятся въ нашей странѣ и тотчасъ не изгнаны. Но такъ-какъ его никогда болѣе не будетъ среди васъ, и онъ не станетъ васъ упрекать, то вы мысленно представьте себѣ этого человѣка, стоящаго въ нашемъ собраніи, указывающаго на свои раны въ груди и въ затылкѣ и умоляющаго свой народъ, по крайней мѣрѣ, теперь хоть отомстить за него врагамъ.

Кромѣ того, кто изъ васъ станетъ имѣть дѣло съ тѣми, которые будутъ сомнѣваться и обдумывать, справедливо-ли со-

жалѣніе Колховъ къ Губацу. Да и помимо всего, мы должны остерегаться, чтобы за нашу боязнь перехода къ Персамъ, насъ не сочли соучастниками въ преступленіи, такъ-какъ мы оставляемъ Губаца и не хотимъ отомстить за него. А, между тѣмъ, мы окажемся скорѣе вѣроломными, если только при жизни его выказывали свою любовь къ нему, а, послѣ смерти, сейчасъ-же забыли о немъ. Когда все идетъ хорошо, то безумно перемѣнять старые порядки, и, наоборотъ, если все идетъ неудачно, то я считаю неразумнымъ не приспособляться къ обстоятельствамъ, такъ-какъ съ постоянствомъ переносить настоящее положеніе достойно похвалы только въ томъ случаѣ, когда это, вмѣстѣ съ тѣмъ, и разумно. Но если пренебрегаютъ тѣмъ, о чемъ должны заботиться, и выбираютъ то, чего не подобаетъ, то виноватъ больше тотъ, кто остается при старомъ, чѣмъ другой, который обращается въ иную сторону.

Если Персы про насъ узнаютъ это, то они будутъ насъ любить и защищать, такъ-какъ они челоуѣколюбивы и великодушны; притомъ, они отлично умѣютъ узнавать желанія своихъ сосѣдей. Сверхъ того, наша страна для нихъ очень удобно расположена, и наше войско покрыто славой, такъ-что Персы цѣнили бы его выше денегъ и имущества, и, по добровольному заявленію, приняли бы насъ въ союзники. А теперь не раздумывайте больше ни о чемъ, принимайтесь за дѣло и откройте, что у васъ на душѣ. Ибо вы достигнете величайшей похвалы, если сдѣлаете то, что слѣдуетъ и справедливо, и что послужитъ вамъ въ пользу.“

§ 93.

Вся толпа была увлечена этими словами Айэта, и выразила согласіе. Въ тотъ-же день Колхи хотѣли перейти на сторону Персовъ, которые объ этомъ еще не были увѣдомлены, а сами они не были настолько готовы, чтобы скрыть это отъ Римлянъ, или-же отразить ихъ, если-бы тѣ захотѣли препят-

ствовать этому. Они вовсе не думали о томъ, что можетъ случиться, и какія послѣдствія можетъ имѣть ихъ попытка. Это, вообще, недостатокъ, свойственный и врожденный толпѣ, что она стремится всегда къ новому и радуется переменѣ. Но, въ данномъ случаѣ, Колхи были возбуждены еще болѣе обыкновеннаго, не потому, что они были варвары, но потому, что, во-первыхъ, считали свое дѣло справедливымъ и, во-вторыхъ, увлеклись рѣчью Айэта; это все ихъ страшно взволновало и смутило.

§ 94.

Когда они начали такъ шумѣть, одинъ человекъ, по имени Фартацъ (Φαρτάκης), пользовавшійся большимъ авторитетомъ и популярностью у Колховъ, человекъ разумный и умѣренный, сталъ укрощать ихъ страсти, и успокаивать ихъ, умоляя, ничего не предпринимать, не выслушавъ его. Ему, съ трудомъ, удалось уговорить ихъ остаться на своихъ мѣстахъ, и то только благодаря уваженію, которымъ онъ пользовался. Затѣмъ онъ сталъ на середину и сказалъ слѣдующее:

— „Это не ново для васъ, Колхи, что вы смущены блестящими рѣчами. Ибо краснорѣчіе неотразимо, и побѣждаетъ всѣхъ людей, въ особенности тѣхъ, которые никогда не подвергались его вліянію; но, все-таки, можно противостоять ему разумнымъ размышленіемъ, которое сообразуется съ обстоятельствами. Вы не должны одобрять того, что было сказано, только потому, что оно для васъ неожиданно, и вы не привыкли къ нему, но должны это сдѣлать только въ такомъ случаѣ, если оно для васъ честно и полезно. Поймите, что, хотя это вамъ кажется очень пріятнымъ, вы должны, все-таки, выбрать то, что лучше; пускай яснымъ доказательствомъ обмана вамъ послужитъ уже то, что вы дали легко себя уговорить. Ибо, кто хочетъ совѣтовать нехорошее, тотъ прибѣгаетъ къ красотѣ и пестротѣ словъ, потому-что заманчивыми словами онъ скорѣе увлечетъ простыхъ людей. Итакъ, вы сами не сознаете, насколько вы

обмануты приманками и ловушками Айэта. Одно, по крайней мѣрѣ, каждый изъ васъ долженъ былъ замѣтить, это то, что ораторъ съ самаго начала выдвинулъ совсѣмъ посторонній вопросъ, ничего общаго не имѣющій съ тѣмъ, ради чего мы собрались. Онъ говоритъ, будто мы всѣ находимъ, что случившееся не есть жестокость, будто мы не ставимъ Римлянамъ въ вину этого позорнаго убійства, будто мы только обдумываемъ, дѣйствительно-ли совершили преступленіе убійцы Губаца; но ихъ онъ не сталъ обвинять, а потратилъ много словъ на то, что уже всѣмъ извѣстно. А я заявляю, что они прокляты и ненавистны Богу, и я съ удовольствіемъ смотрѣлъ бы на самую жестокую гибель не только тѣхъ, которые собственными руками совершили убійство, но даже и тѣхъ, которые допустили его, будучи въ состояніи воспрепятствовать преступленію, наконецъ, и тѣхъ, которые обрадовались убійству и не возмутились. Но, хотя я и такого образа мыслей, все-таки, переходъ къ Персамъ не принесетъ пользы. Никто не скажетъ, что если Римляне нарушили законы, то и для насъ также разумно покинуть родныя установленія и не ненавидѣть вѣроломныхъ, но приобрести подобную же извѣстность. Мы не должны успокаиваться на мысли, что совершенное непоправимо, но, показавъ огорченіе, доказывающее, что мы вовсе не оставили въ пренебреженіи убійства, мы обязаны, затѣмъ, позаботиться о томъ, чтобы на будущее время дѣла устроились наилучшимъ образомъ. Ибо только безумные люди все мучаются и беспокоятся по поводу прошедшаго несчастія; разумные же, познавъ непостоянство счастья, не беспокоятся переменной судьбы, и, при потеряхъ, не теряютъ надежды на будущее. А этотъ совѣтникъ Айэтъ, который давно стремится на сторону Персовъ, и очень желаетъ, чтобы мы перешли къ нимъ, старается застращать насъ, какъ дѣтей, говоря, что Римляне не удовольствуются тѣмъ, что уже позволили себѣ противъ насъ, но нанесутъ намъ еще болѣе жестокаго обиды; что коварнѣйшій царь ихъ самъ подстрекнулъ убійцъ

къ этому злодѣянію, которое давно было рѣшено и задумано. Говоря это, онъ ревностно восхваляетъ Персовъ, полагая, что можетъ этимъ уговорить насъ перейти добровольно, и унизивъ себя, при этомъ, къ нашимъ закоренѣлымъ врагамъ. Онъ стремится только къ одной цѣли и хлопочетъ единственно объ одномъ, чтобы было сдѣлано то, о чемъ онъ уже раньше заботился; онъ даетъ необдуманнныя совѣты, нарушаетъ порядокъ совѣщаній, и дѣлаетъ ихъ бесполезными. Ибо вначалѣ всегда бываетъ совѣщаніе о томъ, что еще не совсѣмъ ясно; а когда разсмотримъ то, что нужно сдѣлать, тогда и должны явиться и добрая воля, и желаніе исполнить то, что было рѣшено. А Айетъ изъ конца сдѣлалъ начало, желая уже дѣйствовать, прежде чѣмъ будетъ обдумано дѣло. Какой-же толкъ выйдетъ изъ совѣщанія, если оно будетъ слѣдовать за рѣшеніемъ?

Вы же, Колхи, приступайте къ совѣщанію безъ всякихъ предвзятыхъ мыслей, имѣя въ виду одну опредѣленную цѣль, и исполняйте то, что будетъ рѣшено. Вы должны держаться иного порядка, чѣмъ другіе, и каждый долженъ прійти къ рѣшенію въ здоровомъ умѣ и съ самостоятельнымъ убѣжденіемъ, чтобы, добросовѣстно обсудивъ предметы совѣщанія, придумать то, что принесетъ пользу. При такомъ совѣщаніи, вы сейчасъ-же увидите, что ни римскіе легіоны, ни всѣ ихъ предводители, а еще меньше самъ императоръ, не строили козней Губацу, такъ-какъ и у нихъ всѣ говорятъ и признаютъ, что Рустивъ и Мартинъ, изъ зависти къ его успѣхамъ, увлеклись своими дикими страстями; но другіе предводители не только не участвовали въ преступленіи, но даже очень негодовали на нихъ за это. Поэтому, я полагаю, будетъ несправедливо, и къ тому-же бесполезно, изъ-за вины одного или двухъ преступниковъ, нарушать государственные законы, которые мы обязались соблюдать, измѣнять такъ легкомысленно весь строй нашей жизни, къ которому мы привыкли, и оказаться измѣнниками передъ тѣми, которые стоятъ за насъ въ крѣпостяхъ на стражѣ и подвергаются столь-

кимъ опасностямъ, чтобы намъ жилось спокойно и удобно, и, наконецъ, самымъ большимъ грѣхомъ будетъ для насъ — отказаться отъ истинной вѣры, отъ Святыхъ Тайнъ и христіанскаго ученія! Какой-же иной видъ будетъ имѣть переходъ нашъ въ самымъ сильнымъ врагамъ Всемогущаго? Если они будутъ намъ мѣшать, при отправленіи нашихъ религіозныхъ обрядовъ, и обратятъ насъ въ свою вѣру, что можетъ случиться ужаснѣе этого для живыхъ и мертвыхъ? Какая намъ выгода была бы изъ того, если-бы мы присоединили къ себѣ даже всю Персію, а души наши погубили? И если, допустимъ, они позволятъ намъ остаться при нашей религіи, то вовсе не станутъ обращаться съ нами съ надежнымъ благоволеніемъ (?), а будутъ относиться сомнительно, соображаясь лишь съ обстоятельствами.

— Въ ожиданіи какого-же блага, Колхи, перейдемъ мы на сторону Персовъ? Они и такъ будутъ нашими врагами, и мы достигнемъ только того, что они настолько легче могутъ обижать насъ, насколько намъ труднѣе будетъ остерегаться тайнаго врага, чѣмъ открытаго. Но допустимъ, что нашъ переходъ въ Персамъ не противорѣчитъ ни справедливости, ни чести, и согласимся даже, что характеръ Персовъ постоянный и надежный, и что они всегда будутъ соблюдать договоры и обѣщанія. Допустимъ, наконецъ, что намъ ничто больше не мѣшаетъ перейти къ Персамъ, и, все-таки, нашихъ силъ для этого будетъ не достаточно. Какимъ образомъ перейдемъ мы на другую сторону, когда намъ угрожаютъ Римляне, столь многочисленные и храбрые, съ превосходными полководцами? Какъ-же мы избѣгнемъ самой жестокой мести, когда тѣ, вторые должны намъ помочь, далеко отсюда, медлятъ въ Иберіи и не спѣшатъ къ намъ, между тѣмъ какъ мстители занимаютъ всю нашу страну и живутъ въ нашихъ городахъ? Но, говоритъ тотъ знатный человѣкъ, они не выдержатъ даже нашего нападенія, и приводятъ въ доказательство своихъ словъ недавнія событія. Но кому-же неизвѣст-

но, что счастье на войнѣ непостоянно, и что тѣ, которые потерпѣли неудачу, можетъ быть, не всегда будутъ терпѣть ее. Напротивъ, побѣда часто переходитъ къ побѣжденнымъ, исправляя, такимъ образомъ, неудачу. Поэтому мы не должны быть слишкомъ самонадѣянны, что они будутъ побѣждаемы во всѣхъ сраженіяхъ, какъ это было до сихъ поръ. Ибо если они потерпѣли поражение только потому, что недостаточно обдумали, что надо было сдѣлать, то изъ этого примѣра мы должны извлечь пользу для себя, и избѣгать тѣхъ опасностей, которыя слѣдуютъ за необдуманностью. И мы не можемъ по тому, что было, обѣщать себѣ вѣрную побѣду надъ ними; да и весьма вѣроятно, что они, сдѣлавъ промахи, самымъ опытомъ научились, чего надо избѣгать, и вполнѣдствіи съ большей заботой постараются исправить свои ошибки. Если-же они оскорбили Самого Бога, допустивъ гнусное убійство, и поэтому терпятъ несчастье, развѣ нужно, чтобы и мы Ему помогали, будто Онъ не имѣетъ силъ ихъ наказать и нуждается въ нашей помощи? Передъ какимъ тогда преступленіемъ останутся другіе, если мы оплатимъ Римлянамъ за ихъ величайшую доброту отпадениемъ, имъ, которые насъ такъ хорошо защищаютъ, а мы пользуемся покоемъ? Поэтому, пусть никто не приводитъ къ намъ, на словахъ, покойнаго Губаца, проливающего слезы, какъ не подобаетъ мужчинѣ, и возбуждающаго въ своихъ соотечественникахъ жалость къ себѣ указаніемъ на свои раны. Это подобаетъ только слабымъ и изнѣженнымъ дупамъ, но отнюдь не слѣдуетъ ожидать этого отъ царя, тѣмъ болѣе отъ Лаза, а еще болѣе отъ Губаца. Если-бы онъ былъ здѣсь, то, навѣрно, какъ человекъ благочестивый и разумный, сильно упрекнулъ бы васъ за такіе планы и воспретилъ бы вамъ упивать и бѣжать, какъ рабамъ, но, напротивъ, приказалъ бы, принявъ опять свойственное Колхамъ благородное мужество, не допускать ничего позорнаго и недостойнаго нашихъ предковъ, и оставаться при теперешнемъ положеніи дѣлъ, съ твердой надеждой, что Бо-

жеская помощь никогда не будетъ отнята у Колховъ. Развѣ не будетъ нелѣпостью думать, что тотъ, котораго насильственно убили, одобряетъ это, а мы, которые выказываемъ свою любовь къ нему, рѣшаемъ противоположное. Я боюсь, какъ-бы уже и за то, что мы имѣли такія мысли, мы не были тяжело наказаны. Если-бы мы приготовились къ отпаденію, съ неувѣренной надеждой и сомнительнымъ успѣхомъ, то было-бы, на самомъ дѣлѣ, тяжело, въ такихъ рѣшительныхъ переломкахъ, зависѣть единственно отъ случая; но, можетъ быть, тѣ, которые намѣревались это сдѣлать, могли бы болѣе свободно и безцеремонно приступить къ дѣлу. Если-же безуміе этого плана и зло, которое мы должны ожидать отъ него, вполне ясны, то какъ-же должны быть достойными ненависти тѣ, которые внушили эту мысль? Какъ вамъ избѣгнуть этихъ людей, уже достаточно объяснено вамъ. Мое-же мнѣніе таково, что мы должны увѣдомить императора, какъ все это случилось, чтобы онъ наказалъ, наиподобающимъ образомъ, главныхъ виновниковъ убійства. Если онъ это сдѣлаетъ, то мы совсѣмъ забудемъ о нашемъ раздорѣ съ Римлянами, и опять станемъ, вмѣстѣ съ ними, переносить лишенія и участвовать въ ихъ походахъ. А если онъ отвергнетъ наше прошеніе, тогда только мы должны обсудить, слѣдуетъ-ли намъ обратиться къ другому пути. Поступая такъ, мы докажемъ, что не забыли покойнаго Губаца, и что устраиваемъ наши дѣла обдуманно.“

§ 95.

Послѣ этой рѣчи, Колхи, какъ говоритъ поговорка, заплѣли другую пѣсню, и перемѣнили свое мнѣніе; Фарацъ же подѣйствовалъ на нихъ, главнымъ образомъ, тѣмъ, что возбудилъ опасеніе лишиться православной вѣры, если они отпадутъ къ Персамъ. Когда восторжествовало мнѣніе Фараца, сейчасъ-же были избраны самые лучшіе и знатные люди изъ Колховъ, чтобы извѣстить Юстиніана о преступленіи, совершенномъ надъ

Губацомъ, и открыть ему обманъ,—объяснить ему, что тотъ никогда не склонялся на сторону Персовъ и ничего не предпринималъ противъ Римлянъ; что Мартинъ и Рустикъ, обиженные его упреками въ трусости и небрежности, разсердились на него, устроили противъ него эту интригу и убили его, ни въ чемъ неповиннаго. А, потому, они покорно просили императора, чтобы онъ почтилъ память покойнаго и не оставилъ безнаказаннымъ этого убійства; кромѣ того, просили, чтобы онъ имъ не назначалъ царемъ иностранца, но назначилъ бы Тдата, младшаго брата Губаца, который въ это время проживалъ въ Византіи; чтобы въ неприкосновенности сохранился у нихъ отцовскій законъ, и чтобы цари постоянно и неизмѣнно наследовали другъ другу, какъ это велось уже съ древнихъ временъ.

§ 96.

Императоръ не замедлилъ исполнить ихъ просьбу, такъ какъ это ему самому показалось справедливымъ, и отправилъ Аѳанасія, одного изъ первыхъ сенаторовъ, чтобы тщательно изслѣдовать дѣло и доложить свое мнѣніе объ этомъ, сообразясь съ римскими законами.

Аѳанасій, тотчасъ по прибытіи, отправилъ Рустика въ Апсарунтъ (Ἀψαρύς) и велѣлъ заключить его тамъ въ тюрьму. Съ Иоанномъ, который обманулъ императора, и теперь тайно бѣжалъ, пытающъ спастись бѣгствомъ, случайно встрѣтился Метріанъ *), одинъ изъ императорскихъ тѣлохранителей, называемыхъ *скрибонами* (σκριβωνες); Метріанъ былъ откомандированъ состоять при Аѳанасіи и исполнять его приказанія. Онъ поймалъ Иоанна и привелъ его въ судъ **) Аѳанасію. Его онъ также отправилъ въ Апсарунтъ, чтобы содержать его въ тюрьмѣ, въ вандалахъ, пока не окончится ходъ дѣла ***).

*) У Штриггера: Mastrianus.

**) διακτητήν. Не лучше-ли перевести „въ судебному слѣдователю“?

***) ὁ ἐν ποσίῳ ἀγών.

§ 97.

Съ наступленіемъ весны, Нахораганъ пришелъ въ Мухирезисъ, и началъ набирать войска и усердно готовиться къ войнѣ. Но и Римляне, съ своей стороны, собрали войска во-вругъ „Острова“ и приготовились изо всѣхъ силъ къ войнѣ, вслѣдствіе чего приговоръ, вѣроятно, былъ отсроченъ. Ибо о чемъ-же имъ было больше всего заботиться, при настоящемъ положеніи дѣлъ, какъ ни о приготовленіи къ войнѣ.

§ 98.

Тцать, вмѣстѣ съ полководцемъ Сотерихомъ, прибылъ уже изъ Византіи, получивъ отъ римскаго императора отцовское царство и знаки царскаго отличія, какъ было установлено издревле. Знаки эти слѣдующіе: золотая корона съ драгоценными камнями, хитонъ, доходившій до ногъ, вытканный золотомъ, пурпуровые башмаки и митра, покрытая золотомъ и драгоценными камнями. Но пурпуровой мантии (*chlamys*) царямъ Лазовъ не было позволено носить; имъ только полагалась бѣлая мантия, не совсѣмъ простая, такъ-какъ въ серединѣ ея, съ обѣихъ сторонъ, была вогнана золотая полоса, а царская застежка мантии имѣла золотые висячіе шнуры и другія украшенія.

Когда Тцать прибылъ въ свое владѣніе, одѣтый въ царское облаченіе, префекты и римское войско встрѣтили его съ подобающими почестями, шли впереди въ блестящемъ вооруженіи, и многіе были верхами. Обрадованные и только-что избавившіеся отъ большой бѣды Лазы сопровождали его цѣлыми рядами, со всѣхъ сторонъ раздавались звуки трубъ, и поднимались знамена; шествіе было очень блестяще и великолѣпно, и даже слишкомъ величественно для царя Лазовъ.

Тцать, вступивъ на престолъ, привелъ все въ порядокъ и царствовалъ надъ своимъ народомъ, по своему усмотрѣнію, и въ согласіи съ обычаями предковъ.

ГЛАВА VIII.

Краткое изложение Миссиміанской войны; свиданіе Перса Нахорагана съ Римляниномъ Мартиномъ, гдѣ шла рѣчь о мирѣ, но безъ успѣха; пораженіе Персовъ у г. Фазиса, въ 555 году по Р. Х.

§ 99.

*Agathis 690
to the / of /*

Полководецъ Сотерихъ тотчасъ-же отправился на мѣсто, куда онъ былъ назначенъ. Онъ привезъ отъ императора деньги, которыя долженъ былъ раздѣлить между сосѣдними народами, за то, что они были союзниками Римлянъ (это дѣлалось издавна и ежегодно). Когда Сотерихъ прибылъ въ страну Миссиміанъ, которые, хотя и были подвластны царю Колховъ, какъ и Апсиліи, однако говорили на другомъ языкѣ и пользовались другими законами, и дошелъ до ихъ крѣпости Бухлоя (Βούχλοον), на границѣ Лазики, онъ остановился тамъ съ сопровождавшими его людьми. Миссиміанъ, опасаясь, что онъ хочетъ передать Аланамъ эту крѣпость, велѣли ему уйти отсюда. Сотерихъ, очень разгнѣванный этимъ, приказалъ присланныхъ къ нему Миссиміанъ избить палками. Тѣ, съ своей стороны, разсердились, напали ночью на Сотериха и убили его и почти всѣхъ его сопровождавшихъ *).

§ 100.

Когда все это было доложено римскимъ префектамъ, то они были очень недовольны и сильно огорчены, но отомстить сейчасъ-же не могли, такъ-какъ были заняты болѣе важнымъ дѣломъ. Ибо Нахораганъ приближался уже съ 60-тысячнымъ войскомъ къ „Острову“, занятому Мартиномъ и Юстиномъ, сыномъ Германа, съ ихъ отрядомъ.

*) Эти событія (§ 99—100) у Агаѳіи изложены подробнѣе. Штриттеръ передаетъ содержаніе вкратцѣ.

У Римлянъ былъ отрядъ въ двѣ тысячи тяжело-вооруженныхъ солдатъ *), которыми начальствовали извѣстные полководцы: Бальмахъ, Кутильцисъ и Илигера. Имъ было приказано Мартиномъ расположиться лагеремъ около Археополя, чтобы напасть на Персовъ, и тѣмъ затруднить имъ проходъ мимо этого города. Увѣдомленные однимъ Колхидцемъ о приближеніи враговъ, они внезапно напали на нихъ и обратили ихъ въ бѣгство. Увидя это, римскій предводитель Баба сдѣлалъ вылазку и произвелъ между ними такое кровопролитіе, что въ Нахорагану вернулось не болѣе тысячи человекъ.

§ 101.

Нахораганъ, потерпѣвъ неудачу въ этой попыткѣ, тотчасъ-же отступилъ къ „Острову.“ Онъ расположился лагеремъ недалеко отъ Римлянъ и пригласилъ къ себѣ Мартина для переговоровъ. При свиданіи, онъ сказалъ:

— „Не пожелаешь-ли ты, какъ предводитель дѣятельный и толковый, одинъ изъ пользующихся большимъ вліяніемъ у Римлянъ, освободить нашихъ государей отъ трудовъ и вражды? Неужели ты допустишь, чтобы они наносили вредъ другъ другу столь продолжительное время. Если ты хочешь вступить въ переговоры и заключить миръ, отправляйся съ войскомъ въ Понтійскій городъ Трапезунтъ, а мы, Персы, останемся здѣсь. Тогда, при содѣйствіи надежныхъ посредниковъ, мы будемъ спокойно вести переговоры о перемиріи или о заключеніи мира; а если ты не хочешь добровольно увести свое войско отсюда, то знай, любезный, что мы прогонимъ тебя силою. Ибо я твердо увѣренъ въ побѣдѣ, и намъ ничуть не труднѣе достанется побѣда, чѣмъ вотъ это добро.“

При этомъ онъ показалъ перстень, который носилъ. На это Мартинъ ему отвѣтилъ:

— „Я тоже желаю мира и высоко цѣню его, и буду со-

---

*) Изъ Гунновъ—Сабировъ.

дѣйствовать тебѣ въ приведеніи въ исполненіе и въ упроченіи его. Но я думаю, что мы лучше бы поступили, если ты поскорѣе уйдешь въ Иберію, а я отступлю въ Мухирезисъ. И тогда уже мы обдумаемъ наши дѣла. О побѣдѣ же ты можешь говорить съ хвастовствомъ и нахальствомъ и смотрѣть на нее, какъ на вещь, которую можно купить или самому забрать; я же полагаю, что побѣда единственно зависитъ отъ воли Вышняго, и что она не достается заносчивымъ, а скорѣе тѣмъ, которымъ Создатель и Вседержитель ее посылаетъ.“

§ 102.

Послѣ этого энергичнаго и благороднаго отвѣта Мартина, обиженнаго нахальствомъ варвара, они разошлись, не придя ни къ какому мирному рѣшенію. Нахораганъ вернулся въ свой лагерь, а Мартинъ на „Островъ“. Нахораганъ же рѣшилъ болѣе тамъ не оставаться, а отправиться къ городу Фазису и этимъ вызвать Римлянъ. Ибо онъ слышалъ, что можно безъ труда овладѣть этою крѣпостью, построенною только изъ дерева, и легко можно вторгнуться въ лежащую въ окрестностяхъ равнину, гдѣ очень удобно расположиться лагеремъ.

Что городъ этотъ получилъ названіе отъ рѣки, это, я думаю, для всѣхъ весьма понятно. Рѣка эта протекаетъ недалеко отъ города и впадаетъ по-близости въ Эввезійскій Понтъ. Значитъ, городъ лежитъ у моря и у устья этой рѣки, самое большое, на разстояніи шести парасанговъ отъ „Острова“, къ западу.

§ 103.

Нахораганъ, въ глубокую ночь, спустилъ на рѣку лодки, которыя привезъ съ собой на повозкахъ, и, соединивъ ихъ между собой, построилъ мостъ такъ искусно, что Римляне ничего не замѣтили, и все войско переправилось на ту сторону.

Ибо онъ хотѣлъ подойти къ городу съ юга, гдѣ, по его расчетамъ, рѣка Фазисъ никоимъ образомъ не могла служить препятствіемъ, при приближеніи къ стѣнамъ, такъ-какъ она протекаетъ къ сѣверу отъ города.

На разсвѣтѣ Нахораганъ продолжалъ путь и, оставивъ „Островъ“, какъ можно дальше въ сторонѣ, шелъ впередъ. Римляне узнали только въ полдень, что Персы перешли рѣку, сильно перепугались и стали стараться изо всѣхъ силъ прибыть къ городу раньше Персовъ. Поэтому всѣ тріеры и тридцативесельныя суда, находящіяся въ гавани, они наполнили воинами и понеслись внизъ по рѣкѣ. Но Нахораганъ опередилъ ихъ и дошелъ уже до середины между „Островомъ“ и городомъ, запрудилъ рѣку, во всю ея ширину, бревнами и, связанными между собой, лодьями, а за ними поставилъ отрядъ слоновъ, настолько далеко отъ берега, насколько они могли войти въ воду. Когда въ римскомъ отрядѣ, издали, это замѣтили, то повернули суда и уѣхали обратно, съ помощью сильныхъ весель, едва противостоя силѣ теченія. А, все-таки, Персы захватили два судна, но безъ людей, такъ-какъ послѣдніе, когда увидѣли, что будутъ взяты въ плѣнъ, смѣло бросились въ воду, выбирая изъ двухъ опасностей меньшую, и желая скорѣе испытать ненадежное счастіе. Поэтому они проворно бросились въ воду и, глубоко погрузившись въ нее, съ трудомъ, добрались до своихъ.

§ 104.

Тогда Римляне оставили Буца на „Островѣ“ съ тѣмъ, чтобы онъ тамъ всѣмъ завѣдывалъ, и, въ случаѣ надобности, пришелъ къ нимъ на помощь; всѣ остальные войска переправились наискось *) черезъ рѣку, пошли по другой дорогѣ, чтобы не попасть въ мѣста, занятыя непріателемъ, и пришли въ

---

*) Κατὰ τὸ ἐγχάρσιον.

городъ Фазисъ. Впущенные въ городъ, начальники расположили солдатъ на стѣнахъ, рядъ за рядомъ *), такъ-какъ не считали себя достаточно сильными, чтобы попытаться противостать въ открытомъ полѣ **). Первымъ сталъ Юстинъ, сынъ Германа, съ своею частью, на самомъ опасномъ мѣстѣ, обращенномъ къ морю; недалеко отъ него расположился префектъ Мартинъ, со своимъ отрядомъ. Въ самой серединѣ сталъ Ангела (Ἀγγίλας), съ Маврами (Μαυροῦσιοι), вооруженными маленькими щитами и копьями; далѣе расположились Θεодоръ, съ тяжело-вооруженными Тцанами, и Φιλομαῖη, съ Исаврійскими пращниками и дротико-метателями. За ними слѣдовали отряды Лонгобардовъ и Геруловъ, оба подъ предводительствомъ Гибра; защита остальной, восточной части стѣны была поручена войскамъ восточнымъ, подъ начальствомъ Валеріана. Въ такомъ порядкѣ расположилось римское войско для защиты города.

Вяѣ-же города Римляне возвели очень крѣпкій валъ, которымъ могли удержатъ первыя нападенія непріятели; этотъ-же валъ долженъ былъ служить передовымъ укрѣпленіемъ передъ стѣной, за которую они, не безъ основанія, боялись, такъ-какъ она была деревянная, и, кромѣ того, отъ старости, уже развалилась въ нѣкоторыхъ мѣстахъ; кромѣ того, вокругъ они выкопали весьма широкій ровъ, наполненный настолько водою, что она, выливаясь черезъ край, покрывала острыя колья, вбитыя тутъ очень часто, отчего ихъ нельзя было замѣтить. Озеро же, извѣстное подъ именемъ маленькаго моря, и изливающееся въ Эвксинскій Понтъ, они отвели туда и легко все наводнили; кромѣ того, они подвели очень близко къ городу большія грузовыя суда, къ мачтамъ которыхъ, наверху, крѣпкими веревками были привязаны корзины, которыя, такимъ образомъ, были выше башенъ; въ нихъ стояли отважные и храбрые солдаты и матросы, вооруженные луками, пращами и другими

*) στοιχηδόν.

***) ξυστάδην.

метательными снарядами, приспособленными къ этой цѣли. На другой сторонѣ, были еще другіе корабли, прибывшіе по рѣкѣ, подъ предводительствомъ Валеріана. Они, какъ и первые, были вооружены такъ, что можно было отражать и обстрѣливать непріятеля съ возвышенныхъ пунктовъ, если-бы онъ захотѣлъ приблизиться для осады города. Но для того, чтобы эти корабли, стоящіе на рѣкѣ, не могли легко быть повреждены вѣтрь-нибудь, трибунъ Дабрагецъ, Антиецъ (Ἄντιος), и одинъ гунскій лохагъ Ельмингейръ (Ἐλμίνγειρος), согласно приказанію префектовъ, посадивъ изъ своего отряда солдатъ на 10 гребныхъ судовъ, поднялись вверхъ по рѣкѣ и, охраняя ее съ большою бдительностью, сторожили всѣ переправы, то плавая по самой серединѣ рѣки, то подлѣ одного или другого берега. Въ это время одинъ изъ тѣхъ кораблей, которые Персы раньше захватили пустыми, сорвался, вслѣдствіе сильнаго волненія, съ каната, на которомъ онъ былъ привязанъ къ берегу, въ то время, когда всѣ спали, и очень быстро понесся къ тѣмъ Римлянамъ, которыми командовалъ Дабрагецъ. Увидя его, они, съ радостью, перехватили эту добычу и были весьма благодарны счастливому случаю, что корабль, раньше ушедшій отъ нихъ пустымъ, возвратился теперь, наполненный людьми.

§ 105.

Въ это время Нахораганъ, со всѣмъ войскомъ, выступилъ изъ лагеря и, приближаясь къ Римлянамъ, старался перестрѣлкой попытать—не сдѣлають-ли они вылазку; такимъ образомъ онъ хотѣлъ узнать, какъ ему приготовиться на слѣдующій день къ нападенію. Какъ только Персы приблизились на разстояніе выстрѣла, они, тотчасъ, по своему обычаю, выпустили массу стрѣлъ и ранили многихъ Римлянъ; нѣкоторые продолжали еще сражаться, другіе-же стали неспособными къ битвѣ. Ангилла же и Филомаоій, съ двумястами своихъ солдатъ, сдѣлали вылазку изъ ближайшихъ отъ нихъ воротъ и бросились на

непріятеля, хотя Мартинъ приказалъ всему войску оставаться на своихъ мѣстахъ и сражаться съ безопаснаго мѣста. А Теодоръ, предводитель отряда Тцановъ, сперва удерживалъ своихъ и упрекалъ ихъ въ горячности; но, когда тѣ не послушались его, онъ присоединился, хотя неохотно, къ большинству, и, вмѣстѣ съ ними, чтобы не показаться трусомъ, пошелъ на враговъ, и единственно по этой причинѣ онъ прикрывался благимъ совѣтомъ (?). Ибо самъ онъ, хотя и не одобрялъ этого нападенія, но, все-таки, хотѣлъ принять участіе въ немъ, какой бы исходъ его ни былъ. И, дѣйствительно, они всѣ чуть не погибли, если-бы не спасъ ихъ Промыслъ Всевышняго. Дилмниты, которые были тутъ поставлены и выстроены въ боевомъ порядкѣ, презрительно отнеслись къ незначительному числу нападавшихъ, и спокойно, не двигаясь съ мѣста, повернули фланги и окружили ихъ. Римляне, окруженные со всѣхъ сторонъ, уже не думали о томъ, какъ нанести вредъ непріятелю, но считали желательнымъ и почти невѣроятнымъ, если имъ удастся какъ-нибудь вырваться. Поэтому густой толпой, держа копы на-перевѣсъ, бросились они на ту часть враговъ, которые стояли по направленію къ городу. Когда послѣдніе увидѣли, что на нихъ бросаются съ отчаяніемъ и съ большою стремительностью, они сейчасъ-же разступились, и прервали боевую линію, не выдержавъ натиска людей, борющихся за жизнь, рѣшившихся на крайность и не обдумывающихъ, къ чему можетъ привести ихъ отвага. Такимъ образомъ Римляне, прорвавшись, бѣжали изо всѣхъ силъ, и, съ радостью, скрылись внутри укрѣпленія и заперли ворота. Такой большой опасности подверглись они, не отличившись ничѣмъ инымъ, кромѣ бѣгства да благопучнаго спасенія.

§ 106.

Персидскіе носильщики (рабочіе), работавшіе давно уже надъ засыпкой рва, наполнили его и уровняли всѣ отвѣсныя

склоны, такъ-что войску, идущему на приступъ, была открыта дорога, а тараны и другія, служащія для осады, машины легко могли быть придвинуты къ стѣнамъ. На эту работу, сравнительно, они потратили очень много времени. Ибо, въ матеріалѣ, когда они навезли уже довольно много камней и земли, все-таки, оказался недостатокъ; но лѣса у нихъ не было подъ рукой, такъ-что они должны были рубить его далеко отъ мѣста работы и привозить его съ большими затрудненіями. Римляне уже раньше пожгли всѣ лѣса *) въ окрестностяхъ, кромѣ того, всѣ заѣзжіе дома и другія, какія были, постройки, съ тою цѣлью, чтобы непріятель, не имѣя подъ рукою лѣса, не могъ продолжать производства работъ. Въ этотъ день не было совершенно больше ничего, заслуживающаго упоминанія; съ наступленіемъ же ночи, Нахорганъ, съ своими войсками, отступилъ въ лагерь.

§ 107.

На слѣдующій день, Мартинъ, желая подкрѣпить мужество своихъ и напугать враговъ, собралъ все римское войско, будто для совѣщанія о настоящемъ положеніи дѣлъ.

Сейчасъ-же выступилъ на середину (это устроилъ самъ Мартинъ) человекъ, не особенно знатный, покрытый пылью, какъ будто совершившій только-что далекое путешествіе: онъ сказалъ, что пріѣхалъ прямо изъ Византіи и привезъ письмо отъ императора. Префектъ очень обрадовался письму, распечаталъ и, не прочитавъ его про себя и не пробѣжавъ даже глазами, прочелъ его громкимъ голосомъ, такъ, чтобы всѣ могли услышать. Въ этомъ письмѣ, можетъ быть, было написано и что-нибудь другое, но вслухъ было прочитано слѣдующее:

---

*) Хотя у Агаѳи сказано р. 99: τοὺς ἀμφὶ τὸ ἄστυ ἄγροὺς, но, кажется, болѣе подходящимъ будетъ перевести ἄγροὺς словомъ „лѣса“.

— „Посылаю тебѣ другое войско, столь-же многочисленное, какъ и первое, не ради необходимости, а чтобы показать свое расположеніе и заботливость.“

Тотчасъ стали спрашивать, гдѣ находится это войско. Посоль отвѣтили:

— „Оно стоитъ на разстояніи не менѣе четырехъ лазскихъ парасанговъ; я оставилъ его у рѣки Неовна (Νέοκνος) еще ночью *).“

Мартинъ, съ притворнымъ на лицѣ гнѣвомъ, воскликнулъ:

— „Пусть они убираются поскорѣе назадъ и возвращаются домой. Обидно было бы, если-бы они, придя сюда послѣ того, какъ опасность миновала, прпняли участіе въ славѣ, между тѣмъ какъ бывшіе съ нами все время въ походѣ довели дѣло уже до того, что скоро разобьютъ на-голову непріятеля, и получатъ вѣнокъ побѣды.“

Затѣмъ, обратившись къ толпѣ, Мартинъ продолжалъ:

— „Не таково-ли и ваше мнѣніе, товарищи?“

Тѣ единогласно одобрили мнѣніе префекта и стали болѣе самоувѣренны, какъ будто не нуждались ни въ какой посторонней помощи. Надежда на добычу болѣе всего ихъ побудила сражаться усердно, такъ-какъ они рассчитывали, разбивъ непріятеля, вскорѣ все ограбить, и только заботились о томъ, какъ будутъ дѣлить между собой добычу.

§ 108.

Исполнился также и другой замыселъ Мартина. Слухъ о томъ, что въ рѣкѣ Неовну пришло второе римское войско и скоро соединится съ первымъ, распространился повсюду и дошелъ до Персовъ. Они сильно были перепуганы этимъ, опасая-

---

*) ἐτι ἀόλιζομένου.

ясь, что имъ придется сражаться съ свѣжими войсками, тогда какъ сами они уже изнурены лишеніями похода. Нахораганъ немедленно отправилъ значительный отрядъ конницы въ ту сторону, гдѣ, по его предположенію, должно было переправиться римское войско, въ существованіи котораго онъ былъ обмануть молвой. Прибывши на то мѣсто совершенно напрасно, Персы стали очень усердно сторожить; заняли удобныя позиціи и въ засадѣ дожидались тѣхъ, которые вовсе и не должны были прибыть туда. Это они сдѣлали для того, чтобы застать Римлянъ врасплохъ, когда тѣ, въ безпорядкѣ, безъ всякаго подозрѣнія, приблизятся сюда, а также для того, чтобы задержать ихъ до тѣхъ поръ, пока городъ не будетъ взятъ Нахораганомъ. Такимъ образомъ довольно значительный отрядъ Персовъ былъ занятъ совершенно напрасно и отдѣлился отъ остального войска.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Нахораганъ выстроилъ своихъ солдатъ такъ, чтобы предупредить то войско, которое совсѣмъ и не должно было прибыть; онъ сталъ сильнѣе наступать на Римлянъ, и открыто хвастался и клялся, что въ этотъ-же день истребитъ огнемъ городъ и непріятелей. Онъ, вѣроятно, забылъ, вслѣдствіе своей гордости, что идетъ на сраженіе, а это дѣло очень сомнительное и ненадежное, и что побѣда свлоняется то на одну, то на другую сторону, и что тутъ все зависитъ отъ какой-то высшей воли. Вѣдь, и менѣе важныя дѣла не всегда остаются въ одномъ и томъ-же положеніи, а также безчисленныя націи, города, съ большимъ населеніемъ, и вся жизнь подвергаются разнымъ измѣненіямъ и переворотамъ. Нахораганъ въ своей гордости дошелъ до того, что объявилъ рабочимъ и слугамъ, занимавшимся въ лѣсу рубкой дровъ на топливо и на приготовленіе осадныхъ машинъ, чтобы они, когда увидятъ поднимающійся дымъ, знали, что это горятъ стѣны города, и тогда, оставивъ работу, прибѣжали бы къ нему подложить огня, чтобы тѣмъ легче уничтожить все пожаромъ.

§ 109.

Съ такимъ намѣреніемъ Нахораганъ подошелъ къ стѣнѣ города. Юстину-же, сыну Германа, который не предполагалъ, что Нахораганъ нападетъ въ это время на городъ, пришла, какъ будто съ неба, мысль, пойти, какъ можно скорѣе, въ какой-то священный храмъ, стоявшій недалеко отъ города, весьма чтимый христіанами, и тамъ помолиться Богу о помощи. Для этого онъ избралъ изъ своихъ воиновъ и изъ войска Мартина самыхъ храбрыхъ и лучшихъ солдатъ и пять тысячъ конницы, велѣлъ имъ вооружиться, какъ для сраженія, и отправился съ знаменами и въ полной парадной формѣ. Случилось такъ, что ни Персы не замѣтили ихъ, когда тѣ вышли изъ города, ни они Персовъ на возвратномъ пути въ городъ. Но Персы подошли къ городу по другой дорогѣ и начали штурмовать стѣны, причемъ они произвели болѣе учащенную стрѣльбу, чѣмъ когда-нибудь, въ надеждѣ этимъ еще больше напугать Римлянъ, и скорѣе разрушить городъ; стрѣлы летѣли такой густой массой, что онѣ наполнили сплошь все воздушное пространство, какъ будто были связаны между собою. Это походило на густой снѣгъ или страшный градъ, разразившійся при сильномъ вѣтрѣ. Одни подвозили машины и бросали огненные стрѣлы, другіе, скрытые подъ черепахами (*tessudo*), рубили топорами деревянныя стѣны, третьи старались подкопать фундаментъ и разрушить стѣну. Римляне, стоя на стѣнахъ и верхахъ, сопротивлялись съ большимъ рвеніемъ, какъ будто съ цѣлью показать этимъ, что они вовсе не нуждаются въ помощи новыхъ войскъ,— тутъ выяснилось на дѣлѣ, какъ существенна и полезна была хитрость Мартина. Ибо они всюду работали, не щадя себя и не упуская изъ виду ничего, что только могло послужить для отраженія непріятеля. Копья и стрѣлы, бросаемыя сверху, рапили враговъ, стоящихъ сплоченною массою, безъ прикрытія; громадные камни, бросаемые на черепахи, разрушали ихъ, да и маленькіе

камни, выдаваемые пращами, пробивали шлемы и щиты Мидянъ, и не позволяли имъ, безнаказанно, очень близко подходить къ стѣнамъ. Тѣ, которые стояли въ корзинахъ на мачтахъ, ранили многихъ стрѣлами, пущенными съ высоты, другіе причиняли большой вредъ машинамъ, и нѣкоторыя стрѣлы, выпущенныя ловко и съ большой силой, неслись на далекое разстояніе, такъ-что попадали во многихъ, далеко стоявшихъ, варваровъ и неожиданно ихъ убивали. Тутъ раздался сильный крикъ, и трубы съ обѣихъ сторонъ дали боевые сигналы. Персы ударили въ тимпаны и подняли ужасный крикъ, съ цѣлю напугать Римлянъ; ржаніе лошадей, удары о щиты и трескъ ломающихся панцирей производили какой-то невообразимый и дикій шумъ.

§ 110.

Между тѣмъ, Юстинъ, возвращаясь изъ храма, по шуму догадался, что происходитъ около города. Поэтому, немедленно сомкнувъ конницу и выстроивъ отрядъ въ боевой порядокъ, онъ приказалъ поднять знамена и всѣмъ приступить къ дѣлу, въ томъ убѣжденіи, что самъ Богъ велѣлъ имъ выйти изъ города для того, чтобы внезапнымъ нападеніемъ навести страхъ на враговъ, и отразить ихъ осаду. И какъ только они, проѣхавъ нѣсколько впередъ, увидѣли, что Персы штурмуютъ стѣны, то, съ крикомъ, густой массой бросились на ту часть враговъ, которые дѣйствовали у самаго моря (они сами тоже шли оттуда), и тотчасъ стали рубить пивами и мечами всѣхъ, встрѣчавшихся имъ; затѣмъ, они сдѣлали усиленное нападеніе на густые ряды неприятелей, и, протискавшись щитами, прорвались черезъ ихъ густой строй.

Персы же, полагая, что это—то самое войско, о прибытіи котораго они слыхали, и что оно пришло тайно и безъ вѣдома тѣхъ, которые были посланы противъ него, сильно смутились и перепугались, и въ беспорядкѣ отступили назадъ и

обратились въ бѣгство. Когда это, издали, увидѣли Дилимниты (они сражались у середины стѣны), то они оставили тамъ только немногихъ, а сами ринулись туда, гдѣ была самая отчаянная борьба.

§ 111.

Римскіе предводители, Ангила и Теодоръ, о которыхъ я раньше упомянулъ, замѣтивъ малочисленность оставшихся, тотчасъ-же сдѣлали вылазку, съ довольно значительнымъ отрядомъ, и однихъ убили, а другихъ обратили въ бѣгство и преслѣдовали ихъ. Тогда остальные Дилимниты, которые отправились на помощь къ Персамъ, находившимся въ затрудненіи, увидя это, возвратились, чтобы сопротивляться Римлянамъ: они сочли болѣе разумнымъ помогать своимъ землякамъ; но такъ-какъ они спѣшили туда въ беспорядкѣ и несомкнутымъ строемъ, то были похожи скорѣе на постыдно-бѣгущихъ, чѣмъ на людей, идущихъ на враговъ, и хотя спѣшили на помощь къ своимъ, но сами выказывали больше страха, нежели гнѣва.

Когда персидское войско, уже подошедшее довольно близко, увидѣло, что Дилимниты бѣгутъ въ такомъ страхѣ и беспорядкѣ, то оно подумало, что тѣ, навѣрно, обращены въ бѣгство. Но, разсудивъ, что Дилимниты никогда не доходили до такого позора, если имъ не грозила крайняя опасность, и сами они позорно пустились бѣжать и разсѣялись. Дилимниты, думая тоже самое про Персовъ, присоединились къ нимъ, и, такимъ образомъ, бѣжали всѣ, и тѣ, которые обманулись, и тѣ, которые были тому причиной.

§ 112.

Послѣ этого, большой отрядъ Римлянъ вышелъ изъ города и сдѣлалъ бѣгство Персовъ еще болѣе очевиднымъ, нагнавъ ихъ съ тылу и убивая отсталыхъ; нѣкоторые-же напали на Персовъ съ другой стороны и храбро сражались съ не-

пріателемъ, который густой толпой пытался сопротивляться имъ. Лѣвый флангъ варваровъ уже открыто отступилъ и разбѣжался, правый же еще храбро сопротивлялся, такъ-какъ слоны, выставленные въ передней линіи для защиты, бросались впередъ, и производили безпорядокъ въ римскихъ рядахъ; а стрѣлки, сидящіе на нихъ, причиняли Римлянамъ сильный вредъ, такъ-какъ, цѣлясь съ высоты, легче попадали въ непріятеля; также и отряды конницы легко наступали на пѣшихъ и, притомъ, тяжело-вооруженныхъ солдатъ и приводили ихъ въ безпорядокъ, такъ-что, съ этой стороны, Римляне уже стали отступать. Но одинъ изъ нихъ, тѣлохранитель Мартина, по имени Огнаръ, застигнутый въ узкомъ мѣстѣ, такъ-что ему не оставалось никакой надежды на спасеніе, искусилъ, такъ сказать, судьбу, и съ силой вонзилъ одному изъ разъяренныхъ слоновъ копьѣ въ нижнюю часть лба, у бровей, причемъ, наконечникъ копья вошелъ, а все древко его висѣло. Слонъ, не вынося боли отъ полученной раны, и, кромѣ того, испуганный болтающимся передъ глазами копьемъ, тотчасъ-же поддался назадъ и, вертясь въ кругу и поворачивая хоботомъ, какъ канатомъ, то сюда, то туда, сбилъ съ ногъ многихъ Персовъ, другихъ же бросалъ наверхъ, и, такимъ образомъ, привелъ въ безпорядокъ все персидское войско.

Когда суматоха и безпорядокъ сильно увеличились, всѣ Римляне, которые вышли изъ города, а также и тѣ, которые случайно остались тамъ, собравшись въ одну фалангу, образовали боевую линію, укрѣпленную весьма сильно щитами, и бросились на смущенныхъ непріятелей, которые, сильно утомленные всѣмъ предыдущимъ, не могли устоять противъ нападенія, и скоро бѣжали безъ всякаго порядка, и, не оказывая никакого сопротивленія, разсѣялись, какъ попало. Самъ Нахораганъ, устрашенный неожиданнымъ исходомъ дѣла, отступилъ и, подавая знакъ вкutomъ, побуждалъ ихъ бѣжать, какъ можно скорѣе, что тѣ уже и безъ того дѣлали. Итакъ, хвостовство его

окончилось противоположными результатами. Римляне же не прекращали преслѣдованія и рѣзни до тѣхъ поръ, пока Мартинъ не нашель, что уже довольно, и отозвалъ ихъ назадъ трубнымъ сигналомъ. Персы съ трудомъ добрались до своего лагеря, потерявъ въ этомъ дѣлѣ не менѣе 10000 человекъ.

§ 113.

Римляне, возвратившись изъ преслѣдованія, сожгли черепахи и другія машины, оставленныя Персами передъ стѣнами; когда отъ этого поднялся большой огонь, рабочіе и носильщики, посланные въ лѣсъ на рубку дровъ, замѣтивъ высокоподнимающееся пламя, тотчасъ поспѣшили, несчастные, къ городу, полагая, что Нахораганъ сжигаетъ стѣны, какъ онъ не разъ прежде этимъ хвалился. Они побѣжали туда съ большой поспѣшностью, опасаясь, полагаю, чтобы до ихъ прибытія все не было обращено уже въ пепель. Итакъ, они бѣжали въ перегонку, не догадываясь, что тому, кто обгонитъ, придется умереть первому. Такимъ образомъ они всѣ были тотчасъ-же пойманы и перебиты Римлянами, какъ будто и прибѣжали сюда только для этого. Всего погибло ихъ около двухъ тысячъ, и Нахораганъ своимъ необдуманномъ приказаніемъ былъ причиною неожиданной смерти столькихъ рабочихъ, не знавшихъ военнаго дѣла и никогда не бывавшихъ въ строю.

§ 114.

Послѣ этого подвига, Римляне были полны надежды, что и впослѣдствіи они легко останутся побѣдителями, если варвары опять, быть можетъ, пожелаютъ сражаться. Своихъ убитыхъ—ихъ было не менѣе двухсотъ—они похоронили со всѣми почестями, восхваляя ихъ за храбрость; съ труповъ-же непріятелей они сняли доспѣхи, и приобрѣли, такимъ образомъ, массу вооруженія и другихъ вещей. Ибо нѣкоторые изъ убитыхъ не только, при жизни, носили щиты, шлемы и колчаны, но и зо-

лотыя цѣпи, ожерелья и серьги, а также другія женскія и драгоценныя украшенія, которыя надѣвають знатные Мидяне для того, чтобы быть болѣе представительными, и чтобы отличатся отъ простаго народа.

§ 115.

Нахораганъ, который чувствовалъ недостатокъ въ жизненныхъ припасахъ и въ другихъ необходимыхъ вещахъ, такъ-какъ приближалась зима, показывалъ видъ, будто желаетъ вступить въ битву и готовится къ этому; на дѣлѣ-же, онъ не исполнилъ своего плана. На слѣдующій день, онъ выслалъ на разстояніе стадіи отрядъ Дилимитовъ, и велѣлъ имъ стать развернутымъ фронтомъ противъ Римлянъ, чѣмъ онъ давалъ знать, будто хочетъ сражаться; самъ-же, съ остальнымъ войскомъ, двинулся къ Котаису и Мухирезису.

Когда онъ прошелъ уже большую часть дороги, Дилимиты, нарушивъ строй, тоже безъ труда ушли, такъ-какъ они всегда очень легко вооружены и подвижны, а, кромѣ того, сильны и быстры на ногахъ.

Между тѣмъ, пришла также и другая часть персидскаго войска, которая, вслѣдствіе хитрости Мартина, была выслана къ рѣкѣ Неовну, какъ я рассказалъ выше. Узнавъ, что Персы побѣждены, и что Римляне овладѣли всей страной, они тотчасъ, окольной дорогой, пришли въ Мухирезисъ, не принявъ участія ни въ какомъ сраженіи, но за то опозоренные своимъ бѣгствомъ. Послѣ того, какъ собралось все войско на одномъ мѣстѣ, Нахораганъ оставилъ тамъ большую часть конницы и, назначивъ командующимъ надъ оставшимися Вафриса (*Οὐαφριζης*), знатнаго Перса, самъ, съ немногими, возвратился въ Иберію, чтобы тамъ перезимовать.

~~~~~

ГЛАВА IX.

Слѣдствіе объ убійствѣ Губаца, наказаніе цареубійцамъ; спокойствіе въ Лазинѣ возстановляется, въ 555 г. по Р. Х.

§ 116. *Alph...* 107-115

Когда Римляне, одержавъ такую побѣду, прекратили военныя дѣйствія, и оружіе, такъ сказать, отдыхало, тогда только подняли вопросъ о преступленіи, совершенномъ надъ Губацомъ. Аванасій воссѣлъ важно на высочій тронъ, въ мантіи, которая присвоена знатнѣйшимъ изъ властителей. Тутъ присутствовали секретари, умѣвшіе быстро записывать и бѣгло читать написанное, и другіе важные чиновники, знатоки судебного дѣла, герольды, съ громкими голосами, и ликторы, — всѣ они были назначены сюда отъ Константинопольскаго двора. Тѣ, которымъ было поручено это дѣло, разложили желѣзныя оковы, цѣпи, надѣваемые на шею и на ноги, кандалы и другіе инструменты пытки.

Мнѣ кажется, что императоръ Юстиніанъ нарочно и очень разумно, для соблюденія внѣшняго приличія, распорядился, чтобы судилище было обставлено въ такомъ порядкѣ и съ такимъ торжествомъ, съ одной стороны, для того, чтобы присутствовавшіе варвары дивились великолѣпной обстановкѣ римскихъ учрежденій и больше привыкали къ ихъ правленію, а, съ другой стороны, для того, чтобы Колхи, если будетъ доказано, что Губаць хотѣлъ перейти къ Персамъ, не сожалѣли болѣе объ убійствѣ его, и возмущались бы этимъ, какъ нанесенною имъ тяжелой обидой. Если-же убійцы будутъ уличены въ томъ, что, вслѣдствіе невѣрнаго обвиненія Губаца, они совершили гнусное убійство, то они будутъ приговорены публичнымъ судомъ, будутъ проведены черезъ все войско, съ герольдомъ, идущимъ впереди и провозглашающимъ приговоръ, и будутъ у всѣхъ на виду казнены мечемъ, для того, чтобы исходъ по-

казался варварамъ болѣе страшнымъ и, какъ-бы, двойнымъ наказаніемъ. Ибо онъ понималъ, что, если онъ прикажетъ тайно убить Рустика и Іоанна, Колхи найдутъ, что нанесенная имъ обида не достаточно отомщена, и что это наказаніе не соотвѣтствуетъ тяжелому преступленію. Если-же дѣло будетъ разбираться въ судѣ, и произойдетъ съ обѣихъ сторонъ обмѣнъ рѣчей, а обвинители будутъ обходить засѣданіе, и тамъ, гдѣ будетъ нужно, будутъ по порядку прерывать защитниковъ, и когда глазамъ Лазовъ представится величіе римскаго судопроизводства, и краснорѣчіе будетъ поражать ихъ ухо,—тогда-то предстоящая казнь покажется имъ болѣе страшной; однимъ словомъ, всѣмъ этимъ Римляне хотѣли придать дѣлу болѣе величественности. Ибо такое судопроизводство поражаетъ даже жителей Византіи, у которыхъ оно часто бываетъ, и приводитъ ихъ въ смущеніе, тѣмъ болѣе оно поразитъ варваровъ, которые не привыкли къ этому.

§ 117.

Вотъ почему, я думаю, было устроено римское или аттическое судопроизводство подъ Кавказскимъ хребтомъ. Рустигъ и Іоаннъ были выведены изъ тюрьмы и поставлены съ лѣвой стороны, какъ обвиненные; напротивъ ихъ стояли обвинители, мудрѣйшіе люди въ Колхидѣ, которые давно уже научились говорить по-гречески. Сперва они потребовали прочесть вслухъ императорское письмо, которое Іоаннъ привезъ префектамъ. Когда это требованіе было уважено судьей, одинъ изъ назначенныхъ для этого чиновниковъ громкимъ голосомъ прочелъ письмо, которое гласило такъ:

— „Мнѣ вѣжется невѣроятнымъ и нелѣпнымъ то, что вы Мнѣ сообщили, будто Губацу вздумалось оставить отцовскіе обычаи, покинуть своихъ старыхъ предводителей, Римлянъ, которые во всемъ были согласны съ нимъ, и перейти къ самымъ враждебнымъ ему людямъ, различной съ нимъ религіи,—и все

это безъ всякаго повода съ Нашей стороны. Но такъ-какъ Мы знаемъ, что все человѣческое не постоянно и не надежно, и часто перемѣняется, смотря по обстоятельствамъ, то Мы сочли нужнымъ не отказывать вполне въ вѣрѣ вашему донесенію, и рѣшили принять мѣры предосторожности противъ возможнаго или даже дѣйствительнаго рѣшенія Губаца; при этомъ, Мы весьма озабочены исходомъ даннаго дѣла. Хотя, дѣйствительно, тягостно подумать, что Мы не можемъ ни на кого положиться, и всегда съ подозрѣніемъ и страхомъ должны относиться къ тѣмъ, которые считаются Нашими ближайшими друзьями, но, все-таки, и Мы поддаемся человѣческой природѣ и не вѣримъ.

Но, чтобы необдуманно не опредѣлить жестокаго и строгаго наказанія Губацу, и чтобы не показаться въ этомъ дѣлѣ слишкомъ слабыми и трусливыми, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, избѣгнуть, во всякомъ случаѣ, раскаянія, Мы рѣшились на нѣчто среднее, и приказываемъ представить его Намъ. И, потому, пришлите его поскорѣе, добровольно или по принужденію. А если онъ, узнавши о вашемъ намѣреніи, окажетъ вамъ сопротивленіе, и не захочетъ прійти, а когда вы захотите взять его силой, онъ освободится, или-же наложитъ руки на васъ: тогда только Мы будемъ имѣть ясныя доказательства того, на что онъ намѣревался, и тогда впредь будемъ съ нимъ обращаться, какъ съ самымъ злымъ врагомъ; такъ-что, если даже кто-нибудь его и убьетъ, когда онъ будетъ противиться, то Мы это будемъ считать заслуженнымъ наказаніемъ, и убійца не будетъ не только отвѣтствененъ, а будетъ достоинъ похвалы, какъ убійца тирана.“

Вотъ что они узнали изъ содержанія императорскаго письма.

§ 118.

Тотчасъ колхидскіе представители, назначенные въ качествѣ обвинителей, получивъ разрѣшеніе отъ судьи, энергично начали свое обвиненіе слѣдующими словами:

— „Самое убійство, о судья, взываетъ о самомъ тяжеломъ наказаніи убійць, даже въ томъ случаѣ, если мы будемъ молчать; но такъ-какъ въ нашихъ законахъ установлено, что, при открытыхъ и даже самыхъ большихъ преступленіяхъ, не произносится приговора, пока самое преступленіе не будетъ подробно разобрано, то мы хотимъ сперва изложить совершившееся. Такимъ образомъ мы исполнимъ то, чего требуетъ законъ, но мы будемъ говорить просто и вовсе не изящно, такъ-что наша рѣчь, собственно, не будетъ соотвѣтствовать всей тяжести преступленія. Какое-же оправданіе можетъ быть у коварныхъ убійць такого человѣка, который былъ вашимъ близкимъ другомъ, вашимъ союзникомъ, и который исповѣдывалъ одну и ту-же съ вами религію и уважалъ все, что вамъ дорого. Они этимъ выказали крайнюю вражду свою къ намъ. Ибо, о судья, тотъ, котораго они убили, былъ царь, человѣкъ знатный и добродѣтельный, и всегда болѣе преданный Римлянамъ, чѣмъ сами убійцы. Дѣла Колховъ уже совсѣмъ въ упадкѣ, главнымъ образомъ, государственныя; прошли времена *вашей* самостоятельности, и *ваше* могущество сильно пострадало *).

*) Въ виду неясности этой мысли, такъ-какъ переходъ оратора отъ положенія Колховъ къ потрясенію римскаго могущества является совершенно неожиданнымъ, приводимъ параллельно соотвѣтствующія мѣста изъ Агаеія и Штриттера. Агаеія „Historia“ p. 110:

Ἀνατετράφαται δὲ τὰ Κόλχων πράγματα καὶ διερρύθη, ἀληθέστερον δὲ τὰ κοινά, εἴ γε μέρος τι καὶ ἡμεῖς οὐκ ἐλάχιστον τῆς ὑπηκόου τυγχάνομεν ὄντες. Καὶ διόλωλεν ὑμῖν τὸ ἀχραιφνὲς τῶν καθεστῶτων καὶ ἀπταιστον καὶ κατὰ πολὺ τῆς οἰκειᾶς δυνάμεως μειονεκτεῖσθε· πολιτεία δὲ μὴ διὰ πάντων ἐρρωμένη, ἀλλὰ βραχεία γοῦν τιμὴ μοῖρα σφαλεῖσα οὐκέτι ξυνεστάναι δόξειεν ἂν προσηκόντως, τοῖς ἀντίοις μὲν οὖν καὶ αὐτὴν φεῦδεσθαι τὴν ἐπινομίαν τὸ ἐντελῶς ἔχειν ἀφηρημένην.

Штриттеръ p. 126. § 118: Eversae jam sunt Colchorum res et collapsae, immo potius publicae, siquidem pars etiam nos, neque minima, subditorum sumus, deperitque vobis rerum vestrarum integer atque inoffensus status, potentiaque vestra vehementer est imminuta.

Прим. Ред.

Поэтому, такъ-какъ они сами виновники всего этого, то они говорятъ, что вы не должны смотрѣть на самое дѣло, какъ на ужасное, но должны только изслѣдовать и принять въ соображеніе то, съ какою цѣлью и съ какимъ намѣреніемъ оно было совершено, и, на основаніи нѣкоторыхъ неясныхъ и, нѣкоторымъ образомъ, правдоподобныхъ доказательствъ, скорѣе представить себѣ полученное черезъ это благодѣяніе, чѣмъ соразмѣрять свою вѣрность съ видимымъ убыткомъ, что мы и испытываемъ на самомъ дѣлѣ. Подобную ложь и обманъ они распространили въ народѣ передъ тѣмъ, какъ было назначено судопроизводство, и полагаютъ, что этимъ они обмануть многихъ. Если они скажутъ тоже самое въ самомъ судѣ, о судья, то пусть убѣдятся въ томъ, что ни римскому характеру, ни справедливости не соотвѣтствуетъ — пренебрегать такимъ очевиднымъ и явнымъ преступленіемъ и давать себя обманывать вымышленными причинами, которыя они сами напрасно выдумали. Ибо нельзя терпѣть такихъ людей, которые открыто сознаются въ томъ, что они убили этого человѣка, и при этомъ страшно лгутъ, будто убійство это послужило къ величайшей выгодѣ государству. Какимъ образомъ можно допустить такое противорѣчіе? Или какимъ образомъ мы, называя самый поступокъ гнуснымъ, станемъ хвалить того, кто совершилъ его, будто имѣя въ виду всеобщее благо; тутъ одно никакъ не вяжется съ другимъ, и рядомъ не могутъ существовать выгода и несправедливость, жестокость и справедливость. И если нужно также вывести на-чистоту ихъ намѣренія, то и это самое обстоятельство изобличитъ ихъ въ злонравіи и крайней негодности, именно, что они задавались планами, благопріятными для Персовъ, такъ-что эти кровопійцы даже не должны называться Римлянами, и не слѣдуетъ имѣть дружественнаго союза съ ними, какъ съ земляками, но надо смотрѣть на нихъ, какъ на величайшихъ враговъ. По дѣламъ только и можно узнать враговъ. Не тотъ намъ врагъ,

кто только далеко отъ насъ живетъ, а тотъ, кто усердно старается дѣлать то, что пріятно непріятелю; таковой справедливо долженъ считаться врагомъ, хотя онъ находится съ нами и несетъ съ нами службу, хотя бы онъ и былъ нашъ ближайшій родственникъ. Они же утверждаютъ, что убили не друга и царя, но врага и тирана, сълонившагося на сторону Персовъ. Они до того дошли въ безуміи и несправедливости, что обвиняютъ покойнаго царя въ томъ, что онъ передался на сторону Мидянъ; и Губацъ до того несчастенъ, что, даже послѣ смерти, не огражденъ отъ обиды, такъ-какъ и теперь все еще обвиняется въ измѣнѣ, и даже оправданіе не можетъ помочь ему. Какой-же законъ у васъ, или у варваровъ, одобрилъ бы обвиненіе, сдѣланное послѣ приговора? Сами и судьи, и враги, и обвинители, все въ однихъ и тѣхъ-же лицахъ, совершили казнь (безъ разбора дѣла) надъ невиннымъ—и такую казнь, которой заслуживалъ бы тотъ, кто, въ дѣйствительности, былъ бы уличенъ въ тиранствѣ. А теперь, когда они должны себя защищать, они выходятъ и обвиняютъ человѣка, съ которымъ они поступили несправедливо. А, между тѣмъ, прежде чѣмъ убить его, если они были увѣрены въ справедливости своего обвиненія, они должны были открыто привлечь его къ суду, а вовсе не обвинять его послѣ того, какъ сами стали обвиненными. Ибо, если это дозволяется всѣмъ, то отчего-же и намъ не убить этихъ „*ръзниковъ*“ *) своими руками? Тогда и намъ привлеченнымъ, можетъ быть, въ суду, предоставлено будетъ право обвинять покойниковъ въ томъ, что они раньше совершили, и намъ можно будетъ доказать, что мы справедливо отомстили имъ за преступленіе преступленіемъ, такъ-какъ мы могли бы дѣйствительно отомстить имъ, раздраженные ихъ прежними открытыми поступками, и, такимъ образомъ, это дѣло велось бы по всѣмъ правиламъ. Но ни мы, ни другіе не должны поступать такимъ образомъ, если хотимъ жить согласно съ отечественны-

---

*) *μαισφόνους*.

ми законами. Ибо, если-бы это было кому-нибудь позволено, то можно было бы сейчас-же убить своихъ личныхъ враговъ, и отъ повторенія такихъ дѣяній смѣлость стала бы безумной; какимъ-же образомъ, послѣ этого, осталась бы за вами полная власть судить свободно и безстрашно? Вѣдь, если всѣ будутъ убивать и потомъ будутъ убиваемы, и каждый осмѣлится безнаказанно строить козни другому, то вы не будете въ состояніи совершать казни надъ ними; напротивъ, весь народъ погибнетъ безцѣльно, и возможность всякаго правильнаго судопроизводства будетъ уничтожена нахальствомъ тѣхъ, которые за преступленіе всегда будутъ мстить преступленіемъ. А какой вредъ, говорятъ они, изъ того, если, послѣ убіенія одного человѣка, притомъ, измѣнника, всѣ наши союзники на войнѣ будутъ вести себя болѣе сдержанно? Хотя отъ убіенія наибольшаго числа измѣнниковъ убійцы не имѣютъ никакой пользы, но, все-таки, смерть таковыхъ сама по себѣ достаточно полезна. А если убивается человѣкъ съ громкимъ именемъ, когда не доказана еще его измѣна, и надъ нимъ совершается казнь, какъ надъ уличеннымъ въ предательствѣ, какимъ-же образомъ черезъ это союзники станутъ болѣе сдержанными? Не станутъ-ли они, напротивъ, нарушать договоровъ и союзовъ, если только подумаютъ, что вы приняли участіе въ такомъ преступленіи, соображаясь съ тѣмъ, что, если вы съ своими близкими друзьями поступаете такъ безчеловѣчно и несправедливо, вы также будете непостоянными въ чужимъ и иностранцамъ, съ которыми вы ведете знакомство только по необходимости, а вовсе не добровольно.

Впрочемъ, вы не были коварными соучастниками этого плана, а также гнусное преступленіе, которое они совершили частнымъ образомъ, не падаетъ на весь римскій народъ; и злой поступокъ этихъ немногихъ не уничтожитъ прежняго убѣжденія въ вашей вѣрности и въ вашемъ постоянствѣ, а также и въ справедливости вашихъ законовъ, напротивъ, мы

убѣждены въ томъ, что вы устроили этотъ трибуналь для общей славы народа, для того, чтобы поняли всѣ, что Колхамъ нанесена такая жестокая обида вовсе не по вашему желанію. Теперь мнѣнія многихъ, можетъ быть, раздѣлились, и они недоумѣваютъ; но твой справедливый приговоръ, о судья, послѣ того какъ они будутъ казнены, докажетъ еще яснѣе, что вы вовсе не имѣете привычки измѣнять своимъ друзьямъ, и что вы никогда не оставляете преступниковъ безъ наказанія. Хотя, для видимости, они защищаются на словахъ, но, на самомъ дѣлѣ, они сами обвиняютъ себя и сознаютъ, какъ гнусно совершенное ими убійство. Ибо письмо императора приказываетъ военнымъ префектамъ послать Губаца въ Византію, сначала стараясь его уговорить, если-же онъ не послушается и воспротивится необходимости, тогда только его принудить къ тому силой, но отнюдь не убивать, пока онъ открыто не измѣнитъ Римлянамъ, и не выкажетъ себя врагомъ. А тѣ, не будучи даже префектами, а, слѣдовательно, и не имѣя права дѣйствовать по своему усмотрѣнію, внезапно убили несчастнаго, не заявивъ ему даже о томъ, что онъ долженъ отправиться въ Византію, и вовсе не испытавъ его, будетъ-ли онъ сколько-нибудь противиться приказанію императора. И убійцы хвалятся и хвастаются тѣмъ, что исполнили приказаніе императора, между тѣмъ какъ они скорѣе пренебрегли его повелѣніемъ. Они не стѣснились измыслить фальшивыя обвиненія на Губаца и собственнымъ рѣшеніемъ произнести надъ нимъ приговоръ, противоположный правильному приказанію государя; а несправедливѣе всего это то, что они даже не показали писемъ императора, чтобы Губацъ, узнавъ волю его, могъ рѣшиться на то, что было для него необходимо. Какъ-же намъ было не убѣдиться, что они совершили самое гнусное убійство и самую жестокую казнь? Ибо мы должны воздерживаться наносить обиду другому, что и воспрещено законами, и тѣмъ болѣе, когда это нашъ другъ и нашъ доброжелатель, который

не разъ подвергался опасностямъ изъ-за своихъ союзниковъ. Кто-же, какъ не онъ, отказался отъ персидскихъ денегъ и всевозможныхъ обѣщаній, чтобы оставаться вашимъ другомъ? Кто, какъ не онъ, пренебрегъ дружбой Хосроя, которая открыла бы ему доступъ къ величайшимъ богатствамъ, лишь бы только у васъ пользоваться расположеніемъ, хотя бы даже меньшимъ? Кто-же, какъ не онъ, когда страна въ теченіе долгаго времени была подчинена Мидянамъ, и римскія вспомогательныя войска не подоспѣли еще къ вамъ на помощь, принужденъ былъ уйти изъ своей страны и отправиться на самыя высокія вершины Кавказа, гдѣ онъ долженъ былъ жить, такъ сказать, подобно звѣрю, между тѣмъ какъ онъ могъ вернуться домой и жить милостію Персовъ со всѣми удобствами и въ роскоши? Кто-же, наконецъ, былъ тотъ, который не побоялся никакихъ лишеній, которыя онъ долженъ былъ переносить изъ-за васъ? О законы! о справедливости! развѣ этотъ самый Губацъ могъ помыслить перейти къ Мидянамъ и измѣнить Римлянамъ! И онъ убить такими извергами, Рустивомъ и Іоанномъ, этотъ царь, который, если-бы даже и былъ виновенъ въ такомъ преступленіи, то и тогда не долженъ былъ быть сейчасъ-же лишенъ жизни, но, въ такомъ случаѣ, послѣ тщательнаго разслѣдованія дѣла, долженъ былъ получить заслуженное наказаніе отъ общаго намъ съ вами императора, самаго величайшаго и могущественнаго изъ всѣхъ. А эти люди не имѣли никакого законнаго основанія совершить убійство, но, побужденные безумной ненавистью и завистью, они дошли до этого преступнаго замысла, не давъ себѣ времени правильно обсудить и достаточно обдумать его, а главное, что было-бы весьма полезно для нихъ, познакомиться съ настоящимъ положеніемъ дѣла; но, полные гордости и ненависти, они позволили себѣ всякія вольности и совершили то, что они давнымъ-давно рѣшили и приготовили, причемъ, даже не обратили вниманія на настоящее положеніе дѣла и вовсе не обдумали его. Въ виду того, что мы обре-

менены тяжелой войною, для нихъ было бы разумно чужія и еще не знакомыя съ ними націи расположить къ себѣ ласкою. Но они поставили себѣ высшей цѣлью побудить къ войнѣ противъ Римлянъ даже тѣхъ, которые съ давнихъ поръ были въ самыхъ дружескихъ съ ними отношеніяхъ, и, насколько отъ нихъ зависѣло, они довели насъ до того, что мы уже подчинены нашимъ врагамъ и строимъ возни тѣмъ, которые издавна считаются нашими друзьями. Наша страна въ рукахъ Персовъ, и наши отцовскіе обычаи совершенно уничтожены, — это все вошіюція доказательства внутренняго неурядства и смуть. Въ виду всего этого и въ виду полнѣйшаго разложенія нашего государства, они должны получить достойное наказаніе. Ибо если мы вѣрны Римлянамъ и постоянны имъ, то несправедливо, о судья, чтобы эти злодѣи злоупотребляли нашимъ снисхожденіемъ и получили болѣе легкое наказаніе, чѣмъ того требуетъ ихъ гнусное преступленіе.“

§ 119.

Когда обвинители изложили такимъ образомъ свое обвиненіе, собравшіеся Колхи хотя и не могли хорошо слышать всей рѣчи и понять всѣхъ доводовъ, но самую суть дѣла они поняли, а также и то, для чего это все было сдѣлано. Во время рѣчи обвинителей, они высказывали имъ свое одобреніе и выражали это измѣненіемъ лица, т. е. мѣняли свое настроеніе, какъ тѣ, смотря потому, показывали-ли тѣ свою мипоку надежду или сожалѣніе. А, по окончаніи рѣчи, когда судья немножко замедлил и сталъ обдумывать дѣло, поднялся скрытый ропотъ и недовольство, что тотчасъ-же не ведутъ обвиненныхъ на казнь. Когда-же судья приказалъ обвиненнымъ высказать, что они имѣютъ въ свою защиту, то народъ сталъ открыто кричать и выражать свое неудовольствіе, и уже ясно слышались голоса недовольныхъ. Но обвинители подали знакъ ру-

вой и велѣли всѣмъ молчать. Этимъ они прекратили дальнѣйшее распространеніе беспорядка.

§ 120.

Когда водворено было молчаніе, Рустикъ и братъ его Іоаннъ выступили и сказали слѣдующее:

— „Наши расчеты получили иной исходъ, чѣмъ мы ожидали: насъ хотятъ присудить къ смерти, тогда какъ мы заслужили самыя большія награды. Въ самомъ дѣлѣ, процессъ этотъ намъ очень пріятенъ и служить къ нашей славѣ, такъ-какъ всѣмъ будетъ ясно, что только намъ вы обязаны смертью этого измѣнника и тирана, равно какъ и тѣмъ, что интересы нашего императора были соблюдены, такъ-что, если намъ и придется умереть, мы весьма охотно примемъ свою горькую участь и будемъ даже наслаждаться ею. Ибо для бодрости и успокоенія нашей души мы имѣемъ прекрасное утѣшеніе въ послѣднія минуты нашего земного пути: это—убѣжденіе въ томъ, что мы сохранили до сихъ поръ за Римлянами верховную власть въ Колхидѣ. Если-бы этотъ судъ былъ персидскій, и мы должны были бы отрицать все, что мы сдѣлали, и бояться приведенныхъ противъ насъ доказательствъ, мы очень затруднились бы возражать судьямъ, намъ враждебнымъ, оскорбленнымъ нашимъ поступкомъ и обманутымъ въ своей надеждѣ. Но, такъ-какъ судья самъ Римлянинъ, для чего-же намъ отрицать то, что мы сдѣлали, и къ чему-же мы будемъ оправдываться передъ вами въ нашей заслугѣ, именно, въ томъ, что мы убили тирана. Ибо Губацъ не заслуживалъ почтеннаго титула „царя“, такъ-какъ онъ былъ уличенъ въ томъ, что было недостойно его, какъ бы ни кричали обвинители, и какъ бы ни говорили они, что, убивъ царя, мы совершили ужасное преступленіе. А титулъ этотъ не принадлежитъ только скипетру и порфирѣ и другимъ внѣшнимъ знакамъ отличія, но достоинъ его тотъ, кто овазываетъ справедливость, и кто умѣренъ въ своихъ страстяхъ, и во

всѣхъ своихъ помышленіяхъ признаетъ честь единственнымъ мѣриломъ. Если мы, убивъ такого человѣка, согрѣшили противъ закона, въ такомъ случаѣ обвиненіе справедливо, и Колхи въ правѣ сказать про насъ, что мы совершили насиліе, и что мы гордые и коварные убійцы. Но, если онъ далеко не былъ такой добродѣтельный, если онъ вовсе не былъ благомыслящій, а, напротивъ, думалъ только о томъ, какъ-бы тайно направить Персовъ противъ насъ и передать въ ихъ руки нашу власть, развѣ мы не должны были скорѣе отворотить грозящее намъ зло славнымъ нашимъ подвигомъ, чѣмъ попасть, изъ-за уваженія къ царскому титулу, во власть враговъ? Хотя обвинители неистовствуютъ въ гнѣвѣ, называя нашъ подвигъ гнуснымъ преступленіемъ и разбоемъ, и придаютъ ему различными трагическими названіями болѣе ужасный видъ, стараясь изо всѣхъ силъ заставить васъ имѣть въ виду только одинъ фактъ убійства,—но твое дѣло, о судья, точно разсмотрѣть и предшествоющія причины, побудившія насъ къ этому поступку, и узнать, по справедливости, нашъ правильный образъ мышленія.

Итакъ, мы убили Губаца! Что же тутъ ужаснаго, что мы убили измѣнника и врага? Вѣдь, названіе *врага*, какъ правильно толкуютъ обвинители, заслуживаетъ не тотъ, кто находится далеко отъ насъ, въ другой странѣ, но каждый изъ своихъ, который старается дѣлать добро нашимъ врагамъ. Мы также полагаемъ, что это мнѣніе самое лучшее и вѣрное. А если мы, обѣ стороны, согласны въ этомъ, то, пользуясь этимъ самымъ доводомъ, мы сейчасъ докажемъ, что Губацъ былъ намъ врагъ. И если это будетъ доказано, то, вмѣстѣ съ тѣмъ, и ясно будетъ, что мы убили его совершенно справедливо. Итакъ, дѣлая варварская нація, хотя она подчинена Римлянамъ, все-таки, въ душѣ ихъ ненавидитъ и, тяготясь, основаннымъ на законахъ, благоустройствомъ и порядкомъ, привыкла къ разнымъ смутамъ, и никакъ не можетъ жить спокойно въ зави-

симости отъ другихъ, не совершая какого-либо преступленія. Такъ-какъ спокойствіе для нихъ невозможно, то они стараются присоединить къ себѣ другіе народы, съ такимъ-же государственнымъ строемъ и съ такими-же нравами, какъ у нихъ. Впрочемъ, хотя Губацъ страдалъ этими недостатками, какъ прирожденный варваръ и соучастникъ всеобщей невѣрности націи, но, кромѣ того, онъ питалъ къ намъ такую ненависть, что даже не считалъ нужнымъ долше ее скрывать, и хотѣлъ, на самомъ дѣлѣ, выказать ту вражду, которую онъ такъ долго носилъ въ себѣ. И, между тѣмъ какъ мы трудились и подвергались всякой опасности, чтобы не дать непріятелю никакого успѣха, онъ, съ своими варварами, счелъ нужнымъ спокойно себѣ сидѣть подальше отъ трудовъ и лишеній войны. Но, при этомъ, онъ зорко слѣдилъ за ходомъ сраженій, чтобы знать, чья сторона одержитъ верхъ. Когда Римляне выигрывали славное дѣло, и, дѣйствительно, заслуживали похвалу за побѣду, онъ ѣдко насмѣхался надъ ними, и старался очернить нашу славу и наше достоинство, называя это смѣшнымъ результатомъ смѣшного дѣла, которымъ мы обязаны не своей храбрости, но случайности. Но если-бы мы, случайно, потерпѣли неудачу, то онъ, конечно, не приписалъ бы этого богинѣ счастья, какъ будто не отъ нея зависитъ исходъ каждаго дѣла, но былъ бы твердо убѣжденъ, что въ нашей неудачѣ, исключительно, мы сами виноваты, вслѣдствіе недостатка въ насъ энергіи, нашей слабости и нашей глупости. Ибо за непріателемъ нашимъ онъ никогда не хотѣлъ признавать непостоянства въ счастьи, недостатка энергіи и необдуманности, въ чемъ насъ, обратно, онъ всегда упрекалъ. И послѣднее онъ распространялъ и разглашалъ не только среди персидскихъ войскъ, которымъ онъ, впрочемъ, даже способствовалъ въ нѣкоторыхъ дѣлахъ, но его нарочные разносили вѣсть объ этомъ въ Иберію, къ Аланамъ, къ Сванамъ, живущимъ за Кавказомъ, и къ народамъ, живущимъ еще дальше за ними, — да онъ послалъ бы ихъ на край свѣта,

если-бы это было возможно. Содержаніе этой вѣсти было слѣдующее: „Римляне трусы, и варвары ихъ побѣждаютъ.“ Во всемъ онъ старался не только опозорить весь римскій народъ, но, при этомъ, имѣлъ еще другое, болѣе важное намѣреніе. Онъ считалъ своею обязанностью подрывать у варваровъ ихъ высокое мнѣніе о нашемъ императорѣ, какъ о государѣ, самомъ могущественномъ и прославленномъ безчисленными трофеями, такъ-что тѣ стали болѣе самонадѣянными и смѣлыми, между тѣмъ какъ прежде они боялись Римлянъ и дивились имъ. По справедливости, не называется-ли человѣкъ, поступающій такъ, скорѣе врагомъ, чѣмъ благосклоннымъ другомъ, царемъ и союзникомъ, какъ его величаютъ наши обвинители? Вѣдь, друга отъ недруга различаютъ не иначе, какъ по дѣламъ и по хо-рошему или дурному расположенію его къ намъ.

Такъ-какъ доказано, что Губацъ негодовалъ на насъ, когда мы одерживали побѣду, и радовался, когда мы терпѣли неудачу, на какомъ основаніи варвары кричатъ противъ римскихъ законовъ, по предписанію которыхъ мы должны наказывать и даже казнить тѣхъ, которые производятъ въ государствѣ смуты. А если вы согласны съ этимъ, то оставимъ въ сторонѣ доводы и доказательства, взятые изъ не вполне вѣроятныхъ событій, и обратимъ, единственно, вниманіе на факты и посмотримъ, до чего мы черезъ нихъ дойдемъ. Крѣпость Онугурисъ была занята Персами, и для насъ было невыносимымъ позоромъ, что непріятельское войско твердо держалось въ крѣпости, въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя были заняты нами. Начальники рѣшили итти на крѣпость со всѣмъ войскомъ, чтобы удалить и прогнать оттуда персидское войско, которое было намъ очень опасно. Но мы сильно нуждались въ поддержкѣ войска Колховъ, не только для того, чтобы они, знакомые съ мѣстностью, помогали намъ совѣтами, но и для того, чтобы они увеличили численность и силу нашихъ войскъ, такъ-какъ мы должны были сражаться съ непріате-

лемъ, расположеннымъ въ сильномъ укрѣпленіи, да, кромѣ того, надо было опасаться, что ко врагамъ придутъ еще на помощь Персы изъ Мухирезиса. Что въ такомъ случаѣ было дѣлать начальникамъ? Надо было спросить предводителя націи и требовать отъ него помощи, послѣ того какъ ему была доказана основательность нашего требованія. Вотъ мы и стали просить его и доказывать ему всю необходимость поддержки съ его стороны. Но онъ, воображая себя царемъ, совершенно самостоятельнымъ, не хотѣлъ помочь намъ и присоединить свое войско къ нашему, для завоеванія крѣпости. Онъ даже не счелъ нужнымъ передъ нами извиниться, чтобы придать своему отказу нѣсколько приличный видъ; но онъ отказался отъ требованій гораздо нахальнѣе, чѣмъ подобаетъ подчиненному намъ слугѣ. Кромѣ того, полный ненависти, онъ обругалъ римскихъ префектовъ, думая, что это храбро съ его стороны, и что такъ подобаетъ царямъ, и открыто говорилъ всѣмъ, что тѣ дерзко вели себя въ томъ, что уже раньше было совершено ими. Теперь скажите сами, можно-ли было еще долѣ медлить и ждать еще большихъ доказательствъ, или-же нужно было показать ему письмо императора, съ предписаніемъ отправиться въ Византію, когда онъ отказывался совершить съ нами короткій путь къ нашей территоріи. И какимъ образомъ могли бы мы безъ многихъ смуть и безъ пролитія крови гражданъ послать въ Византію человѣка, столь враждебнаго намъ. Этими мы подали бы поводъ къ открытому возстанію въ странѣ и къ вторженію Персовъ. Вѣдь, весь народъ этотъ замѣчательно упрямъ, не спокоенъ и склоненъ къ возстанію, такъ-какъ онъ, какъ и всѣ варвары, любитъ постоянные перевороты, тѣмъ болѣе, что тѣ, которые хотѣли ихъ защищать, жили бы тогда близко къ нимъ. А убійствомъ предводителя возстанія мы легко подавили настоящее и грозящее намъ въ будущемъ бѣдствіе таковаго возстанія, такъ-что теперь можно смѣло надѣяться, что всякая опасность уже устраниена.

Поэтому, о судья, пусть перестанут говорить о письмѣ и пусть насъ не осуждаютъ за то, что мы не исполнили приказанія императора. Ибо кому не ясно, что привезаніе отправиться въ Византію ему дано было только для того, чтобы испытать его и узнать, исполнитъ-ли онъ справедливыя требованія? Но такъ-какъ мы легко узнали его упорство уже изъ того, что онъ отказался отъ мѣньшаго требованія, какимъ-же образомъ могли мы требовать отъ него большаго и воздержаться отъ крайнихъ мѣръ, къ которымъ мы, по необходимости, были вынуждены обстоятельствами? Оставалось, можетъ быть, какъ говорятъ обвинители, притянуть къ суду Губаца, говорить на судѣ пустыя рѣчи и предпочесть надутыя рѣчи безопасности. Но Персы не допускали бы этого, пригрозивъ намъ вторженіемъ въ Колхиду, по совѣту Губаца и съ помощью его.

Итакъ, если доказано, что Губацъ былъ нашъ врагъ и измѣнникъ, и что онъ стремился къ тираніи, какая-же разница будетъ для Колховъ въ томъ, былъ-ли онъ убитъ нами, или кѣмъ другимъ? Ибо не только предводителямъ и людямъ, имѣющимъ большую власть, приходятъ благія мысли, но представлено всякому, желающему трудиться для отечества, въ которомъ онъ занимаетъ какое-нибудь мѣсто, стараться изо всѣхъ силъ для общей пользы. Хотя мы, по мнѣнію ихъ, достойны провлятія и имъ отвратительны, все-таки, мы вѣрны императору и трудимся въ пользу Римлянъ, и ненавидимъ всѣхъ, которые строятъ имъ возни. А если мы должны сказать еще что-нибудь большее, будь убѣжденъ въ томъ, о судья, что мы какъ разъ во время отважились на этотъ вѣрный и справедливый поступокъ, и что мы совершили его не безъ согласія Мартина.

§ 121.

Послѣ этихъ словъ, Аеанасій вначалѣ благосклонно отнес-

ся къ словамъ Рустика, но, послѣ совѣщанія и подробнаго разслѣдованія дѣла, ему показалось, что Губацъ вовсе не стремился къ измѣнѣ и открытой тираніи, и что, потому, убійство надъ нимъ совершенно несправедливо и вопреки законамъ. Ибо тою причиною, что онъ не хотѣлъ соединить свои войска съ Римлянами для осады Онугуриса, вовсе еще не доказывалось его отпаденіе, а настоящая причина этого была ненависть войска къ префектамъ за то, что крѣпость была потеряна, благодаря ихъ легкомыслію и небрежности.

Судья, узнавъ обо всемъ этомъ, рѣшилъ донести императору о томъ, что было сказано про Мартина, а именно, что послѣднему было извѣстно все, и что онъ принялъ даже участіе въ преступленіи. Насчетъ Рустика и Іоанна, открыто сознавшихся въ убійствѣ, онъ произнесъ приговоръ, согласно съ письмомъ императора, приказывавшимъ, какъ можно скорѣе, ихъ обезглавить. Они думали, что на Колховъ произведетъ большое и ужасающее впечатлѣніе, когда осужденныхъ посадятъ на оловъ и проведутъ по большимъ дорогамъ. Кромѣ того, они были уже очень поражены, когда герольдъ громкимъ, страшнымъ голосомъ провозгласилъ приговоръ, прибавивъ, въ видѣ наставленія, что нужно уважать законы и не совершать гнусныхъ убійствъ.

§ 122.

Послѣ казни Рустика и Іоанна, всѣ были глубоко тронуты и оставили свою злобу. Такимъ образомъ засѣданіе суда прекратилось, а Колхи продолжали быть вѣрными Римлянамъ и благосклонно относились къ нимъ.

Затѣмъ римскія войска размѣстились въ городахъ и крѣпостяхъ на зимнія квартиры, согласно предписанію.

ГЛАВА X.

Другія событія въ Лазикѣ, въ царствованіе Юстиніана, до заключенія мира между Римлянами и Персами; Лазика возвращается Римлянамъ, въ 556—562 г.

§ 123. *Afathas p 120*

Во время этихъ событій въ Лазикѣ, въ Иберію, къ Нахорагану, предводителю Персовъ, пришли нѣкоторые весьма могущественные вельможи отъ миссиміанскаго народа, и рассказали ему о томъ, какъ они поступили съ римскимъ посланникомъ Сотерихомъ, и какъ потомъ его убили. Вмѣстѣ съ тѣмъ, они заявили, что Колхи и Римляне ихъ всячески обижаютъ и презираютъ за то, что они съ давнихъ поръ уже склоняются на сторону Персовъ. Тогда въ рѣчи, обращенной къ Нахорагану, они сказали:

— „Миссиміанія, лежащая на краю Колхиды, представляетъ для васъ весьма удобную позицію, откуда вамъ легко можно вторгаться въ Колхиду, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, она будетъ представлять, такъ сказать, крѣпость противъ непріятеля.“

Нахораганъ, услышавъ это, принялъ ихъ очень ласково, похвалилъ ихъ за намѣреніе перейти на сторону Персовъ, и велѣлъ имъ поскорѣе удалиться, обѣщая помощь Персовъ.

§ 124.

Съ наступленіемъ весны, собрались римскіе полководцы и рѣшили отправить войско противъ Миссиміанъ. Буцъ и Юстинъ получили приказаніе остаться близъ „Острова“ и бдительно защищать эту мѣстность.

Скоро также было рѣшено назначить Мартина полководцемъ надъ войскомъ, посланнымъ къ Миссиміанамъ. Но, чтобы войско не оставалось безъ начальника, даже на самое во-

роткое время, главное начальство надъ всѣмъ войскомъ, во время прохода его черезъ подвластную Римлянамъ страну, было передано Армянину Барацу (*Βαράζης*) и Колху Фарсанту (*Φαρσάντης*), людямъ, не отличавшимся передъ союзниками ни особенной храбростью, ни другимъ какимъ-либо преимуществомъ, и даже имѣвшимъ болѣе низкій чинъ, чѣмъ многіе другіе, — такъ Барацъ командовалъ эскадрономъ, другой-же командовалъ конвоемъ при дворцѣ царя Колхидскаго и носилъ, принятый у варваровъ этой страны, титулъ „магистра“. Но эти два военначальника не имѣли ни достаточнаго ума, ни самоувѣренности, чтобы смѣло командовать римскимъ войскомъ.

Войско это, уже въ самомъ началѣ лѣта, дошло до страны Аписилевъ, и когда оно захотѣло итти дальше, то ему воспрепятствовало въ томъ персидскій отрядъ, собранный на этомъ мѣстѣ. Ибо Персы, узнавъ о походѣ Римлянъ на Миссиміанъ, выступили изъ Иберіи и укрѣплений вокругъ Мухирезиса и стали помогать Миссиміанамъ, желая предупредить непріятелей, занявъ эту страну, и энергично защищать ее.

§ 125.

Въ это время, Юстинъ, сынъ Германа, отправилъ одного изъ своихъ полководцевъ, Гунна Эльминцура изъ „Острова“ въ Родополь, съ двумя тысячами всадниковъ. Родополь, Колхидскій городъ, въ это время занятый Персами, незадолго передъ тѣмъ былъ взятъ Мермероемъ, который въ немъ оставилъ персидскій гарнизонъ. Какимъ образомъ это случилось, я не стану говорить, такъ-какъ это подробно описалъ ораторъ Прокопій. Когда Эльминцуръ прибылъ туда, то ему помогло счастье. Ибо персидскій гарнизонъ случайно находился въ это время внѣ города, и большая часть горожанъ разошлась. Поэтому, безъ всякаго труда, онъ вступилъ въ городъ, овладѣлъ имъ, прошелъ также по окрестностямъ и перерѣзалъ всѣхъ, встрѣчавшихся ему на пути, Персовъ, но туземцамъ и

горожанамъ онъ позволилъ возвратиться домой, зная, что они перешли въ Персамъ больше изъ страха, чѣмъ изъ вѣроломства. Получивъ, ради ббльшей безопасности, отъ нихъ заложниковъ, онъ устроилъ все, какъ слѣдуетъ.

Такимъ образомъ, Родополь былъ приведенъ въ прежнее состояніе, водворены были старые законы, и онъ снова подвластенъ римскому императору.

§ 126.

Въ это лѣто ничего другого, заслуживающаго вниманія, совершенно не было. При наступленіи же зимы, Персы сняли лагерь и отступили въ Котаясь и Иберію, съ намѣреніемъ тамъ перезимовать, и надолго прощаясь съ мыслью о помощи Миссиміанамъ. Въ это время Мартинъ пришелъ къ крѣпости Тибелію, чтобы продолжать войну съ Миссиміанами. Но тяжелая болѣзнь внезапно разрушила его замыслы. Хотя онъ самъ и остался тамъ, какъ будто желая вскорѣ вернуться въ Колхиду и въ тамошнія крѣпости, все-же войско пошло дальше, подъ предводительствомъ прежнихъ полководцевъ.

§ 127.

По окончаніи войны съ Миссиміанами, Іоаннъ возвратился въ Колхиду, съ своимъ славнымъ войскомъ, потерявъ въ походѣ не болѣе тридцати чловѣкъ. Послѣ этого императоръ Юстиніанъ совсѣмъ удалилъ Мартина съ префектуры, и на мѣсто его назначилъ Юстина, сына Германа, который долженъ былъ командовать, съ неограниченной властью, всѣми легіонами въ Колхидѣ и Арменіи. Хотя императору и раньше было не особенно пріятно, что Мартинъ главноначальствуетъ и управляетъ всѣмъ, послѣ того какъ онъ принялъ довольно живое участіе въ козняхъ противъ Губаца, но до-поры онъ скрывалъ свое намѣреніе и свои планы, и не считалъ удоб-

нымъ возбуждать противъ себя этого военначальника, или-же смѣнить его, пока тамъ не установится полного спокойствія; тѣмъ болѣе, что Мартинъ пользовался большою популярностію у войсва, не только за свою опытность въ военномъ дѣлѣ, но и за то, что онъ умѣлъ хорошо устроить всё дѣла. Этому обстоятельству, какъ я полагаю, онъ и былъ обязанъ своимъ спасеніемъ, ибо безъ этого онъ долженъ былъ бы умереть вмѣстѣ съ Іоанномъ и Рустикомъ. Но, изъ уваженія къ его побѣдамъ и его уму, который онъ выказывалъ во всѣхъ трудныхъ дѣлахъ, императоръ смягчилъ немного силу закона и простилъ его за преступленіе, но смѣнилъ его и велѣлъ ему вести частную жизнь, полагая, что достаточно тѣмъ его осрамилъ, даже и въ томъ случаѣ, если онъ былъ соучастникомъ такого гнуснаго преступленія. И такъ-какъ Персы держали себя спокойно, и положеніе дѣлъ походило на перемиріе, онъ смѣнилъ Мартина, вызвалъ къ себѣ Юстина, своего близкаго родственника, пользовавшагося въ это время большою извѣстностію, и, поручивъ ему главное начальство, опять отправилъ его въ Колхиду, съ тѣмъ, чтобы тотъ управлялъ тамъ всѣми дѣлами.

§ 128.

Въ числѣ свиты Юстина былъ какой-то Іоаннъ Ливіецъ, который получивъ заимообразно отъ Юстина извѣстную сумму золота, заходилъ въ деревни Римлянъ, лежавшія по дорогѣ, и за деньги требовалъ отъ жителей такихъ вещей, которыхъ или вовсе у нихъ не было, или безъ которыхъ они не могли обойтись. При этомъ, онъ имѣлъ цѣлью заставить жителей откупаться большими деньгами отъ фиветивныхъ приказаній главноначальствующаго. Этимъ фокусомъ онъ очень скоро удвоилъ сумму, полученную отъ Юстина. Прибывъ къ Колхамъ, онъ сталъ дѣлать тоже самое и, кромѣ того, какимъ-то образомъ присвоивъ себѣ ластовыя судна, насильно сталъ соби-

рать въ странѣ продукты, скупивъ многое за самую ничтожную цѣну, и сталъ вывозить и продавать ихъ за границую. Такимъ образомъ, войско чувствовало недостатокъ въ самомъ необходимомъ: покупалась даже трава, въ то время какъ этотъ преступный перекупщикъ и барышникъ имѣлъ громадную прибыль. Изъ этихъ денегъ онъ платилъ Юстину условленную сумму, доставляя ему жизненные припасы, и возвращая ему, такимъ образомъ, съ процентами, взятую сумму.

§ 129.

Таковы были дѣла въ Лазикѣ. Юстинъ управлялъ уже всѣмъ. Персы, казалось, не готовились къ возобновленію войны, и Римляне также не двигались впередъ, такъ-что обѣ стороны бдительно сторожили другъ друга, и старались каждый вывѣдать и соображаться съ планами своего противника; никто изъ нихъ не возобновлялъ войны, и они оставались въ спокойствіи, какъ будто это было рѣшено и условлено между ними.

Но персидскій царь Хосрой, узнавъ о томъ, что произошло у Фазиса, и что Нахораганъ былъ обращенъ въ бѣгство, тотчасъ-же отозвалъ его изъ Иберіи, и, по персидскому закону, подвергъ его самой жестокой казни, приказавъ содрать съ него кожу съ затылка до ногъ.

§ 130.

Хосрой убѣдился, что въ Колхидѣ онъ не можетъ выступить противъ Римлянъ, такъ-какъ послѣдніе владѣютъ моремъ, и, такимъ образомъ, легко могутъ подвозить войску все необходимое, между тѣмъ какъ онъ, только съ большимъ трудомъ, можетъ снабжать свое войско ничтожными запасами, доставляемыми по пустыннымъ дорогамъ, при помощи носильщиковъ и вьючныхъ животныхъ. Поэтому онъ рѣшилъ прекратить войну, и послалъ въ Византію какого-то знатнаго Перса, по имени Циха, и по-

ручилъ ему вести переговоры. Когда тотъ прибылъ къ императору Юстиніану, и у нихъ, съ обѣихъ сторонъ, много было сказано о настоящемъ положеніи дѣлъ, они, наконецъ, согласились на слѣдующее условіе: чтобы Римляне и Персы въ Лазикѣ удержали за собой всѣ большія и малыя укрѣпленія, которыя каждый изъ нихъ завоевалъ, и чтобы обѣ стороны пока держали себя спокойно и впредь не воевали бы другъ съ другомъ до заключенія болѣе прочнаго союза. Цихъ, исполнивъ, такимъ образомъ, свое порученіе, вернулся домой. Когда префекты получили извѣстіе объ этомъ, они долгое время удерживались отъ войны, и то, что они дѣлали раньше по собственному желанію, было теперь установлено договоромъ.

§ 131.

Въ 562 г. по Р. Х.

Вскорѣ послѣ этого, Юстиніанъ послалъ къ Хосрою Петра, начальника гвардіи, для переговоровъ о заключеніи мира. Онъ встрѣтился съ посланникомъ Хосроя, Исдегуснафомъ, у города Дараса, и они заключили, наконецъ, договоръ, по которому миръ долженъ былъ продолжаться 50 лѣтъ. Персы должны возвратитъ Римлянамъ Лазикъ. Условія мира должны соблюдаться, съ обѣихъ сторонъ, на востокѣ, въ Арменіи, а также и въ Лазикѣ.

§ 132. *).

Въ то время, какъ послы говорили еще о спорныхъ вопросахъ, Петръ сказалъ:

— „Сванія принадлежала Римлянамъ, Римляне обладали Сванами. Въ это время предводителемъ ихъ былъ Тцатій. Когда возникли несогласія между царемъ Лазовъ и римскимъ

*) При переводѣ этого §, принять во вниманіе переводъ Деступиса: „Византійскіе историки: Дексиппъ, Эвнатій, Олимпіадоръ, Малхъ, Петръ Патрацій, Менаандръ, Кандидъ, Новновъ и Теофанъ Византіецъ.“ СПб. 1860.

полководцемъ Мартиномъ, то первый отказался доставлять Сванамъ обычное пособие хлѣбомъ. Ибо у нихъ былъ таковъ обычай, чтобы царь Колховъ доставлялъ Сванамъ хлѣбъ. Сваны же, досадуя на это, распространили слухъ о вторженіи Персовъ, и, подаривъ римскихъ полководцевъ, удалили изъ своей области римское войско. А, послѣ этого, Персы, успѣшно прибывъ, заняли Сванію. Изъ этого легко можно видѣть, что Сванія издревле была во власти Римлянъ, и что по праву принадлежитъ имъ и до сихъ поръ. Ибо если мы имѣемъ полное право владѣть Лазикой, то Сванія, составляющая часть ея, не безъ основанія должна перейти въ наше владѣніе.“

Ему отвѣтилъ Сурина (Σοῦρήνας), сопровождавшій Исдегуснафа:

— „Вы больше потому недовольны этимъ, что самъ народъ добровольно покорился нашей власти.“

А Цихъ, подхвативъ его слова, сказалъ:

— „Сваны народъ самостоятельный, и никогда не были подвластны Колхамъ.“

— „Цихъ!“ сказалъ Петръ, „если ты не хочешь вписать въ условіе мира имя Сваніи, то обозначь, что ты возвращаешь мнѣ Лазику, вмѣстѣ съ народами, подчиненными ей.“

— „Если я это сдѣлаю,“ отвѣтилъ Цихъ, „то тебѣ дана будетъ возможность поднять споръ также и объ Иберіи. Ибо ты можешь сказать также, что и Иберія была подвластна Лазамъ.“

На это Петръ сказалъ:— „Изъ этого мы ясно видимъ, Цихъ, что ты хочешь возвратитъ намъ не всю Лазику, но только нѣкоторую часть ея.“

Послѣ этого, многое было высказано относительно Сваніи и со стороны Римлянъ, и со стороны Персовъ. Римляне опирались на то, что страна эта съ давнихъ поръ была подвластна царю Лазовъ и получала отъ него своихъ царей; но они не

пришли къ соглашенію, и Петръ ушелъ съ границы Мидянъ.

А, все-таки, оба государства прекратили войну, и Мидяне ушли отъ границъ Колхиды домой. Спустя короткое время послѣ этого, возвратясь въ Византію, Петръ умеръ.

ГЛАВА XI.

Дѣла въ Лазикѣ въ царствованіе Юстина Младшаго, Маврикія, Ираклія, Юстиніана Ринотмета и Константина Порфиророднаго, съ 565 по 959 г. по Р. Х.

§ 133.

Memorandum

При императорѣ Юстинѣ II, въ 565 г. по Р. Х.

Юстинъ, внукъ Юстиніана, вступивъ на престоль, послалъ Иоанна Коментіола *) въ качествѣ посла въ Персію, съ особеннымъ порученіемъ, при случаѣ, завести рѣчь о Сваніи. Ибо Хосрой до сихъ поръ еще не отдавалъ ея Римлянамъ, хотя возвратилъ имъ Лазикъ, отъ которой Сванія была въ зависимости. Страна эта вовсе не была такою важною и цѣбною, но, по выгодному своему положенію, она была весьма полезна для отраженія Персовъ, при вторженіи ихъ въ предѣлы Колховъ.

Иоаннъ, принятый Хосроемъ на аудіенціи, завелъ, между прочимъ, рѣчь о Сваніи (показывая видъ, что онъ это дѣлаетъ безъ всякой цѣли). „Такъ-какъ,“ сказалъ онъ, „Лазика возвращена Римлянамъ, то вполне справедливо, что ты долженъ

---

*) У Штреттера: *Domentiolii filium.*

имъ уступить также и Сванію.“ Но на этотъ разъ онъ не имѣлъ никакого успѣха.

§ 134.

Въ 572 г. по Р. Х.

*Theophanes Usp -
In selof Hist.
p 72*

Марціанъ, двоюродный братъ императора Юстина, назначенный главнокомандующимъ на Востокъ, былъ посланъ въ походъ противъ Хосроя на восьмомъ году царствованія Юстина. Иоаннъ же, предводитель Армянъ, и Меранъ, предводитель Персовъ, названный также Барамааномъ, собрали войско. Съ Армянами соединились Колхи, Абазги и царь Алановъ, Сарой (*Σαρόης*); съ Мераномъ же соединились Сабиры, Даганы и Дильманны (*Διλμαῖνόν ἔθνος*).

При Тиберіи II Лазы не упоминаются.

§ 135.

Въ царствованіе Маврікія, въ 586 г. по Р. Х.

*Theophylactus Simocatta
p 66*

Когда Персы у г. Мартирополя были побѣждены Римлянами, Фазисъ не былъ запачканъ кровью убитыхъ. Ибо эта рѣка тогда спокойно и прозрачно протекала черезъ Колхиду, и не одинъ Персъ не жилъ на ея берегахъ.

§ 136.

Въ 589 г. по Р. Х.

На восьмомъ году царствованія Маврікія, персидскій полководецъ Варамъ былъ посланъ съ варварскимъ войскомъ противъ Сваніи. Вслѣдствіе внезапнаго прибытія непріятеля, Римляне, привыкшіе къ лѣности, должны были изъ всѣхъ силъ стараться отразить враговъ. Сванія, большею частью, очень страдала отъ опустошеній, и бѣдствія ея были невыносимы, ибо у нея

не было никого, кто бы могъ ее защитить—въ Колхидѣ тогда не было претора—и она словно осиротѣла, такъ-какъ на Востоку загорѣлась война.

§ 137.

Послѣ побѣды царя Гормизды надъ Гуннами (жившими въ сѣверной части восточныхъ странъ), которыхъ Персы, обыкновенно, называли Турками, Варамъ началъ военныя дѣйствія противъ Колхиды. Онъ сдѣлалъ вторженіе въ Сванію, собралъ тамъ значительную добычу, которую отправилъ въ Вавилонію, и привелъ свое войско къ р. Араксу. Мавривій, услышавъ объ этомъ, назначилъ полководца изъ Римлянъ. Когда послѣдній прибылъ въ Колхиду (называемую въ простонарѣчїи Лазикой), онъ сообщилъ предводителю страны свои планы и потомъ уѣхалъ въ Албанію.

При Фокѣ Лазы не упоминаются.

§ 138. *Послѣднее* 1959

Въ царствованіе императора Ираклія, въ 623 г. по Р. Х.

Когда Ираклій захотѣлъ вторгнуться въ Персію и напасть на Хосроя, войско, и особенно союзное, состоящее изъ Лазовъ, Абазговъ и Иберовъ, отказалось отъ исполненія этого плана, вслѣдствіе чего возникло большое несчастье. Ибо Сарбарацъ (*Σαρβαρατζᾶς*), соединивъ свое войско, которое снарядилъ Хосрой, со всѣми остальными войсками, направился противъ Ираклія, черезъ Арменію. Римляне, узнавъ о прибытіи Сарбараца, сильно испугались; они пали къ ногамъ императора и со слезами раскаивались въ своемъ прежнемъ неповиновеніи, такъ-какъ они-де поняли, какъ дурно рабу не повиноваться желаніямъ своего господина. Императоръ прошелъ черезъ провинцію Гунновъ по труднымъ дорогамъ, а варвары

слѣдовали за нимъ сзади. Тутъ Лазы, вмѣстѣ съ Абазгами, охваченные страхомъ, нарушили союзъ и, отдѣлясь отъ римскаго войска, ушли во-свои.

§ 139.

Въ 625 г. по Р. Х.

Когда императоръ узналъ, что Хосрой посылаетъ противъ него новое войско, подъ предводительствомъ Саё (Σάης), и еще другое, подъ начальствомъ Сарбараца, направляетъ на Константинополь, то онъ раздѣлилъ свое войско на три части; первая была назначена для защиты города, вторую онъ поручилъ своему родному брату Θεодору, съ тѣмъ, чтобы тотъ напалъ на Саё; самъ же, во главѣ третьей части, отправился въ Лазику, и, пробывъ тамъ нѣкоторое время, пригласилъ восточныхъ Туровъ, такъ называемыхъ, Хазаровъ, заключить съ нимъ союзъ.

При Константиѣ, сынѣ Иракля, и другихъ императорахъ до Юстиніана II Ринотмета, Лазы не упоминаются.

§ 140.

Въ царствованіе императора Леонтія, въ 695 г. по Р. Х.

Въ этомъ году Сергій, патрицій Лазики и Барнуція (тоѣ Варουχίου), произвелъ возстаніе и отдалъ эти мѣстности Арабамъ.

При Тиберіи Апсимарѣ о Лазахъ не упоминается.

§ 141.

Въ царствованіе Юстиніана Ринотмета, въ 703 г. по Р. Х.

Юстиніанъ, вступивъ на престоль, послалъ Льва Исаврянина, которому онъ открыто не хотѣлъ вредить, но кото-

раго онъ втайнѣ ненавидѣлъ, съ большими деньгами въ Аланію, съ тѣмъ, чтобы онъ возмутилъ Алановъ противъ Абазгій, Лазивъ и Иберій. Тотъ отправился въ Лазикъ, оставилъ деньги въ Фазисѣ и съ нѣкоторыми туземцами уѣхалъ въ Дапсилю, а оттуда, черезъ Кавказскія горы, въ Аланію. Но такъ-какъ Юстиніанъ хотѣлъ его гибели, то послалъ людей, чтобы забрать деньги изъ Фазиса.

§ 142.

Впрочемъ, когда черезъ нѣкоторое время войско Армянъ и Римлянъ, вторгнувшись въ Лазикъ, стало осаждать Археополь, оно получило извѣстіе о вторженіи Сарацинъ и отступило. Но, по прибытіи Сарацинъ въ Лазикъ, войско Римлянъ и Армянъ бѣжало отъ нихъ и вернулось въ Фазисъ.

§ 143. *Constantinople de Constantin* *Am*

При императорѣ Константинѣ Порфирородномъ, въ 959 г. по Р. X.

Въ Лазской епархіи, въ г. Фазисѣ, есть митрополитъ; среди митрополитовъ по счету онъ 27-ой. Въ этой епархіи митрополиту г. Фазиса подчинены четыре города и четыре епископа: въ г. Родополѣ, у Сезиновъ, въ Петрѣ и у Циганеевъ (Τσιγγανέων). При Романѣ Младшемъ и другихъ императорахъ до Алексѣя Дуки Мурцуфла, Лазика не упоминается. *250*

ГЛАВА XII.

Положеніе Лазики со времяъ взятія Константинополя Латинянами до взятія Трапезунта Магометомъ II, съ 1204 г. по 1461 г.

§ 144.

Nicéphore républicain I. b. 7.

Въ царствованіе императора Θεодора Ласкара 1-го, въ 1204 г.

Послѣ того какъ Константинополь былъ взятъ Латинянами, и Римская имперія была раздѣлена на нѣсколько частей, въ разныхъ областяхъ ея появились и разные правители, пока, на вонецъ, Θεодоръ Ласкаръ не былъ провозглашенъ императоромъ въ Никеѣ. Тогда одни были побѣждены, другіе сами добровольно явились къ нему съ заявленіемъ покорности, за исключеніемъ Алексѣя Комнена, занявшаго Колхиду.

§ 145.

При императорѣ Іоаннѣ Дукѣ, въ 1222—1233 гг.

Халай, предводитель Скивовъ (Татаръ), послалъ своихъ полководцевъ и сатраповъ въ разныя земли и покорилъ сперва Персовъ, Парянь и Мидянь. Затѣмъ онъ поднялся черезъ „Великую Арменію“ къ сѣверу и сдѣлалъ набѣгъ на Колхиду и сосѣднюю съ ней Иберію.

§ 146.

Pachymenus II 1204

Когда Іоанну Дукѣ нѣкоторые изъ сборщиковъ государственныхъ доходовъ однажды пожаловались на нерадѣніе казначеевъ, замедлявшихъ сборъ денегъ и внесеніе ихъ въ казну, тотъ такъ разсердился на двухъ чиновниковъ, уличенныхъ въ такой неисполнительности, что одного изъ нихъ онъ велѣлъ арестовать и жестоко наказать розгами, такъ-что послѣдній черезъ нѣсколько дней умеръ; другой же, опасаясь наказанія, бѣжалъ къ Лазамъ.

Въ царствованіе Θεодора Ласкара II и Іоанна Ласкара, Лазы не упоминаются.

§ 147.

*Рачунари I. 353/5
Niceri 14 FT 11*

Въ царствованіе Михаила Палеолога, въ 1281 г. по Р. X.

Правителю Лазовъ Іоанну, который показывался со знаками царскаго достоинства, возложенными на себя не по праву, Михаилъ Палеологъ часто напоминалъ, что онъ (императоръ) нисколько не мѣшаетъ ему пользоваться, какъ угодно, своею властью, но что, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ его очень проситъ не присвоивать себѣ титула царя и не носить ни одежды, ни украшеній, подобающихъ только императору. „Пусть онъ помнитъ,“ велѣлъ онъ ему сказать, „что ему, управляющему только частью римской имперіи, не подобаетъ присвоивать себѣ облаченіе и отличія царскаго достоинства того, кто, будучи законнымъ образомъ поставленъ на царскомъ престолѣ столицы, во главѣ государства, долженъ всегда заботиться, чтобы членъ не равнялъ себя съ головой, и возмутительнымъ тщеславіемъ не распатывалъ всякаго чинопочитапія.“

Но всѣ эти многократныя увѣщанія остались тщетными, и императоръ отчаялся этимъ путемъ достигъ чего-нибудь, такъ-какъ варваръ этотъ былъ надмененъ по-прежнему, и пренебрегалъ всѣми увѣщаніями, выставляя разныя пустыя отговорки и утверждая, что не онъ началъ это, но что онъ поступаетъ по примѣру своихъ предковъ, а если-бы онъ даже и захотѣлъ добровольно послушаться императора, то этимъ едва ли будетъ доволенъ его народъ, который сочтетъ за позоръ для своего государства, если царь его недостойно сброситъ съ себя наслѣдованные отъ предковъ знаки царскаго отличія. „Я,“ связалъ онъ, „вовсе не составляю такую ничтожную часть славнѣйшей имперіи, чтобы можно было бы считать недостойными тѣхъ, которые сверкаютъ оставшимися еще нѣкоторыми лучами стариннаго блеска. Кромѣ того, въ томъ, что я ношу красные

башмаки и царскій титулъ, нечего завидовать тому, который во всѣхъ отношеніяхъ могущественнѣе меня.“ Такъ онъ ему отвѣтилъ и, при встрѣчѣ съ подданными, на основаніи того, что онъ себѣ присвоилъ большія права, которыми онъ хвастался, онъ принималъ отъ нихъ челобитіе, а также заключалъ миръ и договоры на одинаковыхъ съ самыми могущественными царями правахъ.

§ 148.

Въ виду того, что Іоаннъ былъ такого высокаго мнѣнія о себѣ, и, вслѣдствіе своей молодости и недавно полученной власти, сталъ слишкомъ надмененъ, императоръ легко убѣдился, что его можно сдѣлать покорнымъ не иначе, какъ выдавъ за него свою дочь, и, такимъ образомъ, усыновивъ его и принявъ его въ свое семейство. Такимъ путемъ онъ надѣялся отнять у него всякій поводъ къ подозрѣнію въ томъ, что императоръ предписалъ ему большую скромность въ внѣшности своей и въ титулахъ, будто бы только съ тою цѣлью, чтобы устранить его и отнять у него наслѣдованную отъ отца власть. Ибо онъ полагалъ, что если Іоанну предложить жениться на дочери императора, то онъ не будетъ болѣе опасаться, что императоръ имѣетъ противъ него злой умыселъ. Вѣдь не естественно, чтобы тестъ старался уменьшить достоинство и могущество своихъ зятьевъ; а, напротивъ, онъ долженъ оказывать имъ отцовскую любовь и желать имъ, кромѣ наслѣдства, еще всякихъ богатствъ и всякихъ титуловъ.

Съ этимъ намѣреніемъ и въ этой надеждѣ, императоръ отправилъ къ Іоанну, въ качествѣ пословъ, самыхъ знатныхъ и умныхъ мужей. Онъ это сдѣлалъ для того, во-первыхъ, чтобы ихъ высокой санъ придавалъ обѣщаніямъ его больше надежности, и, во-вторыхъ, для того, чтобы они своимъ краснорѣчіемъ и ловкостью устранили всякія подозрѣнія, и угоризорили его сдѣлать то, чего тотъ желалъ. Поэтому, Акропо-

лить, великій канцлеръ, и экономъ великой церкви, Келфилинъ, были отправлены къ Лазамъ для того, чтобы предложить Иоанну въ жены третью дочь императора, Евдокію. Они должны были приложить всяческое усердіе и искусство, чтобы уговорить или самого молодого Иоанна, или-же его приближенныхъ и совѣтниковъ, чтобы Иоаннъ бросилъ всё опасенія и пріѣхалъ въ Константинополь, гдѣ ему будутъ оказаны высшія почести, и такъ, чтобы приближенные сами ему совѣтовали сдѣлать это. Но посланіе это не увѣнчалось успѣхомъ. Знатные Лазы, состоявшіе при дворѣ Иоанна, не хотѣли уговорить своего царя предпринять это путешествіе, да и самъ Иоаннъ не имѣлъ ни малѣйшаго на то желанія. Всѣ единогласно высказали такое мнѣніе, что они по опыту, на домашнихъ примѣрахъ, знаютъ, что слѣдуетъ искать невѣсть не внѣ собственнаго государства, но въ аристократическихъ домахъ собственнаго народа; а также, что они такъ смотрятъ на императорскій домъ, какъ на что-то недоступное ихъ желаніямъ, подобно тому, какъ человѣкъ съ удивленіемъ смотритъ на звѣзды и небесныя свѣтила, но не стремится дотронуться до нихъ, чего и сама природа не допускаетъ. „Пусть послы увидятъ“, сказали они, „что императору нужно было требовать скромности отъ тѣхъ, которые безъ всякаго раздумья отказываются отъ предложенныхъ имъ самыхъ большихъ почестей, которыя далеко превосходятъ ихъ скромныя желанія, которыми они довольствуются.“

Такимъ образомъ, послы, послѣ напрасныхъ усилій и стараній, принуждены были возвратиться къ императору.

§ 149.

Но императоръ не отказывался отъ своей мысли и часто посылалъ туда другихъ пословъ и не переставалъ то пугать ихъ угрозами, то соблазнять ихъ обѣщаніями, всѣхъ вмѣстѣ и въ частности, сообразуясь съ надеждами и умственнымъ развитіемъ каждаго. Онъ угрожалъ имъ страшнымъ наказаніемъ,

если они не исполнять его желанія, и общалъ золотыя горы, если они будутъ его слушать. Наконецъ, онъ послалъ туда своего канцлера, въ сопровожденіи пресвитера церкви, полагая, что высокій санъ канцлера будетъ внушать довѣріе къ вѣрности великихъ общаній императора, который предлагаетъ ихъ черезъ такого посредника, и что высокій духовный санъ его товарища послужитъ тому краснорѣчивѣйшимъ доказательствомъ. Такимъ образомъ, думалъ онъ, Лазы не задумаются повѣрить его общаніямъ, такъ-какъ церкви, которая не умѣетъ обманывать, является, такъ сказать, поручительницею общаній. Наконецъ, желанія императора сбылись. Такъ-какъ оба посла, каждый въ отдѣльности, увѣряли, что императоръ искренно и горячо желаетъ усыновить Іоанна, и, потомъ, съ отцовской любовью, станетъ оказывать ему всякія благодѣянія, то этимъ они успѣли разсѣять тѣнь подозрѣнія, такъ-что Лазы изъявили на то свое полное согласіе. Послы дали присягу и свято общали отъ имени императора, что Іоаннъ непременно получитъ въ жены дочь императора, если прійдетъ въ Константинополь, а затѣмъ скоро вернется оттуда домой, одаренный всякимъ добромъ и всякими почестями, и что даже всѣ его сопровождающіе будутъ щедро награждены императоромъ. Послѣ этого всѣ они сѣли на военный ворабль и вмѣстѣ отправились въ Константинополь.

§ 150.

Случилось, что какъ разъ въ это время императора въ Константинополь не было; онъ *) находился въ г. Лопадіи

---

*) Никифоръ Грегоръ пишетъ слѣдующее: Іоаннъ, сынъ Алексѣя (см. § 144), получивъ отъ императора письменно присягу, пріѣхалъ въ Византію и женился на его дочери, Евдокіи. Пробывъ короткое время у императора, онъ, вмѣстѣ со своей супругой Евдокіей, вернулся назадъ въ свое царство, въ которомъ г. Трапезунтъ былъ резиденціею. Евдокія, раньше чѣмъ исполнился годъ, подарила ему сына, Алексѣя Комвена Младшаго, который впоследствии, какъ будетъ рассказано ниже, наследовалъ отъ отца царство.

и строилъ у р. Сангариса новыя укрѣпленія и исправлялъ поврежденныя. Римскіе послы, которые везли Іоанна, по прибытіи на римскую территорію, случайно узнавъ объ отсутствіи императора, воспользовались удобнымъ случаемъ и посоветовали Іоанну, что, съ его стороны, будетъ очень вѣжливо, если онъ, въ виду скорого пріѣзда императора, сниметъ красную обувь и надѣнетъ на себя черную. Хотя при отъѣздѣ и было условлено, что Іоаннъ поѣдетъ со всѣми обыкновенными знаками царскаго отличія, но, все-таки, они говорили ему, что теперь онъ имѣетъ полное основаніе для нѣкоторой уступки, такъ-какъ, въ скоромъ времени, онъ со славою, по почетному рѣшенію императора, получитъ назадъ то, отчего онъ теперь откажется на самое короткое время. „Ибо,“ говорили они, „императоръ рѣшилъ, что, какъ только за тебя будетъ помолвлена его дочь, и ты станешь его сыномъ, онъ щедро тебя украситъ всѣми знаками высшей власти, которые всегда, при императорскомъ дворѣ, отдаются всѣмъ царямъ. Не будетъ приятно императору (прибавили они), если онъ увидитъ, что ты, самъ собою, взялъ то, что, по его желанію, долженъ получить отъ его милости, какъ знакъ его расположенія къ тебѣ. Да, вообще, не идетъ (сказали они), чтобы тотъ, который уже носить порфиру, надѣвалъ на себя двувѣтную одежду, бѣлую и розовую, которая пристойна царямъ, и чтобы онъ самъ не тяготился быть при первой встрѣчѣ въ такомъ одѣяніи, чтобы не лишить императора возможности, какъ онъ желаетъ, украсить его необыкновенными знаками отличія.“ Такъ они его уговорили сдѣлать то, чего они хотѣли, и прибыли въ столицу съ царемъ Лазовъ, одѣтымъ, сообразно съ ихъ желаніями. Сопедши съ корабля въ гавани Церасъ, они были великолѣпно приняты въ домахъ, лежащихъ около города. Тамъ они оправлялись, въ продолженіе нѣсколькихъ дней, отъ морской качки и отъ морской болѣзни. Потомъ, получивъ отъ императора приглашеніе пріѣхать къ нему въ Лопадій, они отпра-

вились туда и были приняты со всѣми подобающими имъ знаками благосклонности, а потомъ вскорѣ, вмѣстѣ съ императоромъ, они вернулись назадъ въ столицу. Ибо императоръ спѣшилъ домой, во-первыхъ, потому, что онъ считалъ лучшимъ справить свадьбу дочери, какъ можно скорѣе, и, во-вторыхъ, потому, что получилъ извѣстіе, что съ западныхъ странъ придутъ Тохари (Татары), которыхъ онъ выпросилъ отъ Нога (царя Татаръ) на помощь противъ Іоанна..... Вернувшись, въ концѣ сентября, въ Византію, онъ тамъ устроилъ свадьбу дочери.

§ 151. *Рассказы II. 183*

Въ царствованіе императора Андроника Старшаго, въ 1298 г. по Р. Х.

Когда Андроникъ, сынъ Михаила Палеолога, выдалъ свою побочную дочь Марію за татарскаго князя Тугтаиса, скончался Іоаннъ, зять императора Михаила, который былъ женатъ на его дочери, какъ мы указали на это раньше, и оставилъ послѣ себя двухъ сыновей. Одного изъ нихъ, Алексѣя, мать Евдокія возвела на престолъ, а съ другимъ сыномъ уѣхала въ Византію къ брату. Императоръ принялъ свою сестру Евдокію, вдову царя Лазовъ, очень сердечно и со всѣми почестями, и самъ, вмѣстѣ съ своей матерью, вызывалъ соболѣзнованіе горю ея и оставилъ ее у себя, обѣщая отпустить ее на время къ сыну, царствовавшему въ Лазикѣ, за которымъ императоръ всячески старался укрѣпить престолъ, такъ-какъ отецъ поручилъ малолѣтняго Алексѣя его покровительству.

§ 152.

Въ 1299 г. по Р. Х.

Императоръ желалъ вознаградить своего егермейстера

Хумна за его долголѣтнюю, вѣрнѣйшую и испытанную службу, и рѣшилъ выдать дочь его, для которой отецъ собралъ богатѣйшее приданое, за царя Лазовъ, Алексѣя, сына сестры, все еще находившейся въ Константинополѣ, котораго въ завѣщаніи своемъ отецъ рекомендовалъ его попеченію. Ибо онъ считалъ это полезнымъ для самого Алексѣя и для римской имперіи, а главное, онъ видѣлъ, что, во-первыхъ, такимъ образомъ онъ окажетъ громадную услугу дорогому человѣку, введя его въ родство съ царскимъ домомъ, а, во-вторыхъ, онъ надѣялся этимъ вѣрнымъ зологомъ укрѣпить его въ вѣрности и преданности къ себѣ. Итакъ, стараясь изо всѣхъ силъ устроить это весьма желанное дѣло, онъ скоро достигъ того, что эта дѣвушка, украшенная отличительными знаками властительницы, была помолвлена за Алексѣя, царя Лазовъ. Мать Алексѣя, узнавъ, что императоръ хочетъ устроить это бракосочетаніе, согласилась и даже показала видъ, что она очень довольна этимъ, и что по собственному побужденію ѣдетъ къ сыну, чтобы приготовить все къ свадьбѣ. Но Алексѣй въ этомъ дѣлѣ не уступилъ желанію дяди и матери, можетъ быть, оттого, что ему это кто-нибудь отсовѣторалъ, или же оттого, что онъ раньше уже любилъ дочь какого-то иберскаго князя, привезъ эту послѣднюю къ себѣ и вступилъ съ ней въ законный бракъ. Императоръ, узнавъ объ этомъ, старался привести противъ этого разные законы и сталъ ссылаться, какъ опекунъ, на свои права, которыя ему давало близкое родство, законное завѣщаніе и послѣдняя воля отца, мужа сестры. Поэтому онъ объявилъ, что данный бракъ слѣдуетъ считать не дѣйствительнымъ, и хотѣлъ развести супруговъ. Но, при этомъ, онъ не осмѣлился воспользоваться своею царскою властью, на что онъ и не имѣлъ права, а старался, чтобы это дѣло было рѣшено церковью. Поэтому къ патриарху и его синоду онъ отправилъ надежныхъ людей, чтобы тамъ истолковали, сколько правъ, по отношенію къ этому молодому человѣку, ему

даетъ, во-первыхъ, императорскій титулъ, затѣмъ близкое родство и почти отцовская власть, каковую законъ даетъ опекуну надъ опекаемымъ. Въ виду этого онъ просилъ ихъ признать этотъ бракъ не дѣйствительнымъ, потому-что онъ былъ заключенъ необдуманно человѣкомъ, въ этомъ отношеніи, не самостоятельнымъ, и безъ согласія того, отъ котораго онъ зависить.

Послѣ того какъ въ синодѣ этотъ вопросъ былъ достаточно разсмотрѣнъ со всѣхъ сторонъ, нѣкоторые изъ епископовъ, придерживаясь, какъ они полагали, сути закона, высказали мнѣніе, что требованія императора слѣдуетъ признать справедливыми. Но самъ патріархъ и, вмѣстѣ съ нимъ, еще нѣсколько человѣкъ настаивали на противоположномъ мнѣніи, побужденные, главнымъ образомъ, тѣмъ соображеніемъ, что вышеупомянутая дѣвушка была уже, какъ рассказывали, беременною отъ Алексѣя.

§ 153.

Впрочемъ, мать Алексѣя, желая возвратиться домой, обнадѣжила оберъ-егермейстера въ томъ, что она поѣдетъ туда и устроить разводъ супруговъ, чего не такъ легко достичь путемъ писемъ; ибо, говорила она, живымъ словомъ и своимъ присутствіемъ ей удастся уговорить сына исполнить желаніе дяди-императора, чего она не надѣется устроить посредствомъ писемъ. Подъ этимъ предлогомъ она выманила у императора согласіе на возвращеніе въ Лазіку и отплыла туда. Но какимъ образомъ она исполнила свои обѣщанія, могутъ знать тѣ, которое были свидѣтелями того, что она тамъ надѣлала. На самомъ дѣлѣ, поѣхавъ туда, какъ казалось, для того, чтобы устроить разводъ, она, по прибытіи своемъ, сдѣлала какъ разъ противоположное, хотя вся ненависть пала на упрямаго и не уступчиваго сына. Такимъ образомъ императоръ потерялъ всякую надежду на исполненіе своего желанія, такъ-какъ церковь не дала своего согласія признать бракъ Алексѣя не

дѣйствительнымъ, и отцы церкви не могли прійти къ окончательному рѣшенію, и оставили дѣло нерѣшеннымъ. Но, въ виду того, что дочь Хумна онъ уже возвелъ въ положеніе выше обыкновеннаго, онъ счелъ неловкимъ низвергнуть ее, ни въ чемъ не виновную, и снова лишить ее знаковъ властительницы. Поэтому, чтобы оставить за ней подаренное ей достоинство, онъ общалъ выдать ее замужъ за своего собственного, уже взрослого сына.

§ 154. *Рачуна*

Въ 1306 г. по Р. Х.

Въ томъ-же самомъ году, когда Михаилъ, сынъ Андроника, вторгнулся съ войскомъ въ Болгарію и сталъ опустошать эту страну на далекое пространство, царь Лазовъ, сынъ сестры императора, Алексѣй, который владѣлъ городомъ Трапезунтомъ, сталъ вести войну съ Генуезцами по слѣдующей причинѣ.

Генуезцы, съ давнихъ поръ еще поселившіеся въ той странѣ, имѣли привычку отдавать часть своей прибыли мѣстнымъ князьямъ. А послѣ того, какъ число ихъ въ Константинополѣ увеличилось, а также и богатство ихъ, они были освобождены отъ пошлинъ, и стали жить въ блескѣ и роскоши, и дошли до того, что имъ было, съ позволенія императоровъ, отведено мѣстомъ для жительства предмѣстье Галата, лежащее на востокъ отъ Византіи, предмѣстье, которое было прекрасно укрѣплено и украшено великолѣпными зданіями. Въ виду этого, они стали считать позоромъ для себя осмотръ товаровъ, который производился въ Трапезунтѣ, съ цѣлью удѣлить должную часть царю; а также они были очень недовольны, что товары ихъ каждый разъ конфискуются, когда ихъ ловятъ на обманѣ; они говорили, что для нихъ, получившихъ такія почетныя привилегіи отъ императора, недостойно, чтобы мелкіе князья смотрѣли

на нихъ, какъ на своихъ подданныхъ, обязанныхъ платить имъ пошрины. Считая это несправедливымъ, они, собравшись вмѣстѣ, послали депутацію къ Алексѣю съ нѣкоторыми требованіями. Когда-же Алексѣй не захотѣлъ сдѣлать уступокъ, то они показали видъ, что хотятъ всё вмѣстѣ оставить Лазикъ и больше никогда не вернутся туда. А такъ-какъ ихъ корабли стояли въ гавани, то они тамъ публично заявили, чтобы всё пригодились къ скорому отъѣзду. Это приказаніе было отдано быстро и немедленно, и всё заботились о томъ, чтобы все было тотчасъ-же исполнено.

§ 155.

Но это ничуть не обезпokoило царя Лазовъ, и онъ показывалъ видъ, что ничего не имѣетъ противъ ухода Генуезцевъ, думая, что тѣ только притворяются, будто хотятъ уйти. А еще болѣе правдоподобно то, что онъ мало интересовался ихъ торговлею. Впрочемъ, онъ строго приказалъ передъ отъѣздомъ взять отъ нихъ все, что ему слѣдовало изъ товаровъ, раньше привезенныхъ ими въ страну.

Но Генуезцы, выслушавъ это заявленіе князя, по своей обыкновенной самонадѣянности, открыто отказались отъ его требованій, а пока отнесли на корабли, сколько было возможно, товаровъ.

§ 156.

Тогда царь рѣшилъ, что ему нельзя больше медлить и велѣлъ иберскимъ войскамъ, которыя онъ имѣлъ подъ рукой, готовиться къ бою. Такимъ образомъ произошло сраженіе, стрѣлы летали туда и сюда, и съ обѣихъ сторонъ пало очень много. Побѣда, внѣ всякаго сомнѣнія, стала склоняться на сторону Иберовъ, и дѣла Генуезцевъ были въ очень плохомъ положеніи. Когда горячіе Иберы до крайней степени стѣснили Генуезцевъ, тѣ, не будучи въ состояніи выдержать ихъ

напора, и желая предупредить то, чего они боялись впоследствии, а также съ цѣлью сдѣлать преслѣдованіе невозможнымъ, подожгли крайнее предмѣстье г. Трапезунта. Они это сдѣлали не потому, что надѣялись на побѣду, но для того, чтобы въ то время, какъ жители будутъ спѣшить тушить огонь, имъ удалось какимъ-нибудь образомъ спасти свои вещи. Отъ этого пожара жители потерпѣли громадныя убытки, но еще больше пострадали сами Генуезцы. Ибо всѣ ихъ тюки, наполненные драгоценными товарами и въ такомъ количествѣ, что они могли бы нагрузить 12 кораблей, стоявшихъ въ гавани, были уничтожены тѣмъ-же пожаромъ. Послѣ этого пораженія и этой потери Генуезцы пали духомъ и рѣшили заключить миръ.

§ 157.

Въ 1307 г. по Р. Х.

Когда императоръ пригласилъ Генуезцевъ, незадолго передъ тѣмъ побѣдившихъ Амогабаровъ, пойти за извѣстное вознагражденіе противъ Каталанцевъ, владѣвшихъ Калиполемъ, то они сперва стали спорить изъ-за суммы, которую императоръ имъ долженъ былъ заплатить; но, въ это время, у нихъ насчетъ этого произошло разногласіе, мнѣ кажется, подъ вліяніемъ жившихъ въ Галатѣ Генуезцевъ, которые уже раньше были въ союзѣ съ Каталанцами. А потому Генуезцы вдругъ снялись съ якорей, и всѣ отплыли по направленію къ странѣ Лазовъ.

Когда, послѣ этого, Генуезцы возвратились съ тринадцатью кораблями, то императоръ желалъ пригласить ихъ въ союзъ, но напрасно.

Въ царствованіе Андроника Младшаго и другихъ императоровъ до Андроника IV-го Палеолога, о Лазахъ не упоминается.

§ 158. Chalcomylas p 34

Въ царствованіе Эмануила III-го Палеолога, въ 1388—1398 г. по Р. X.

Турецкій султанъ Пайхазитъ, побѣдивъ Тцапнидовъ, занимавшихъ Колхиду до г. Амастра, пошелъ войной на Карайлука и Левкамна, князя Самахскаго, который вышелъ ему навстрѣчу съ войскомъ, одержалъ надъ нимъ побѣду и началъ осаждать Самахию. Но такъ-какъ, при осадѣ города, онъ не имѣлъ большого успѣха, то онъ увелъ войска и вернулся домой.

§ 159. Ducas p 69

Въ 1421 г. по Р. X.

Моратъ, получивъ власть отъ отца Мехмета, управлялъ провинціями, лежащими по сосѣдству съ Персотурками, которыми управлялъ Карайлукъ. Онъ былъ сосѣдомъ Лазовъ и Персовъ и зять Алексѣя Комнена, трапезунтскаго царя, на дочери котораго онъ женился.

§ 160. Chalcomylas p 130

Въ царствованіе Іоанна Эмануила Палеолога, въ 1440 г. по Р. X.

Амуратъ послалъ на Колхиду и трапезунтское царство триеры; опустошая Колхиду, онъ хотѣлъ даже разрушить столицу ея и старался вывести оттуда побольше невольниковъ. Триеры спѣшили въ Колхиду: онѣ причалили у Готовъ, опустошили землю на значительномъ пространствѣ и увели оттуда много невольниковъ.

§ 161.

Въ царствованіе императора Магомета II-го, въ 1456 г.
по Р. X.

Въ то время, какъ Магометъ вель войско на г. Бѣлградъ *), онъ воевалъ также и съ царемъ Колхиды, который владѣлъ г. Трапезунтомъ. Онъ послалъ триеры подъ предводительствомъ Хитира, префекта Амасіи, который опустошалъ Колхиду и со-сѣдную, лежащую у морского берега, страну.

§ 162.

Въ 1456—1461 по Р. X.

Когда царь Магометъ изъ Пелопонеса отправился въ походъ противъ Хасана (называемаго также Исумъ Кассаномъ), то пришелъ къ его двору братъ трапезунтскаго царя Давидъ, принесъ подати и заключилъ союзъ. Цари Колхиды, происходя изъ семейства Комненовъ, говорятъ, были когда-то цари Византіи. Но, когда они лишились царства въ Константинополѣ, Исаавій, сынъ царя, послѣ того какъ народъ изъ ненависти убилъ его отца, говорятъ, бѣжалъ и уѣхалъ въ Колхиду и Трапезунтъ. Когда онъ туда пріѣхалъ, жители Колхиды его провозгласили своимъ царемъ, и онъ сдѣлалъ г. Трапезунтъ столицей Колхиды. И съ тѣхъ поръ до нашего времени царствовали эти Греки, удержавъ греческіе обычаи и греческій языкъ **).

§ 163.

Въ 1461 г. по Р. X.

Магометъ ***), заключивъ миръ съ Хасаномъ, отправился

*) Chalcocondylas: „De rebus Turcicis“ p. 220: Μπελογράδης.

**) См. объ Иберахъ § 85.

***) Дуа пишетъ: Въ 1461 г. Магометъ снарядилъ флотъ изъ двухсотъ биремъ и триремъ и десяти большихъ кораблей. Молва объ этой экспедиціи по-

прямо въ Трапезунтъ противъ царя Давида. Давидъ этотъ, по смерти одного изъ племянниковъ, собралъ Кабацитовъ, управлявшихъ Месохалдїями, жившими у Трапезунта, и вступилъ на престолъ, нанеши обиду четырехлѣтнему сыну брата своего. Флотъ, по взятїи Синопа, направился на Трапезунтъ, имѣя по правую сторону Каппадокію. Прибывъ туда, они подожгли предмѣстья и въ продолженіе 32 дней осаждали городъ. Потомъ пришелъ также царь съ войскомъ. Магометъ же опередилъ царя и раньше прибылъ въ Трапезунтъ.

§ 164.

Расположившись лагеремъ на томъ мѣстѣ, которое называется Скилолимне, онъ началъ переговоры съ протовестіаріемъ Георгіемъ, родственникомъ Давида, и велѣлъ ему посоветовать Давиду сдаться съ условіемъ, что тотъ получитъ отъ Султана другую страну. Когда стали совѣщаться о томъ, что надо будетъ дѣлать, то имъ показалось лучшимъ устроить

пугала Кафатиновъ, Трапезунтцевъ и др. Самъ онъ прошелъ черезъ Арменію, переправился черезъ р. Фазисъ и завоевалъ нѣсколько странъ, а черезъ другія страны, которыхъ онъ не могъ покорить, онъ проходилъ поспѣшно. Потомъ онъ перешелъ, съ большимъ трудомъ, черезъ Кавказскія горы, терпя большой недостатокъ въ жизненныхъ припасахъ и во всемъ необходимомъ, и пришелъ къ Колхамъ. Когда онъ приближился къ г. Трапезунту, то черезъ посланника предложилъ городу на выборъ одно изъ двухъ: или отдать ему царство подъ гарантію собственной жизни и съ тѣмъ, чтобы всѣ сокровища, серебро, золото, деньги и остальные вещи остались за нимъ, а также всѣ его рабы и рабыни и вся домашняя утварь, или же, вмѣстѣ съ царствомъ и жизнью, потерять все. Царь, услыша это, вышелъ изъ города и поклонился ему. Ибо флотъ Магомета давно уже отплылъ изъ Синопа, причалилъ въ г. Трапезунту и, ежедневно сражаясь, старался овладѣть городомъ, пока самъ царь не прїѣхалъ туда сухимъ путемъ. Итакъ, трапезунтскій царь, въ сопровожденіи супруги и дѣтей, вышелъ изъ города и поклонился Магомету,—это былъ Давидъ Комненъ, сынъ Алексїя Комнена, братъ Іоанна, который ему предшествовалъ на престолѣ. Со всѣмъ своимъ семействомъ, тестями, дядями и со всей своей знатью, которая оставила только недвижимое имущество, по взяла съ собой все движимое, онъ былъ отправленъ въ Константинополь на триерахъ. Магометъ, устроивъ, какъ слѣдуетъ, дѣла въ Трапезунтѣ, возвратился домой послѣ того, какъ потратилъ цѣлый годъ на эту экспедицію.

ихъ свиданіе, и чтобы Давидъ сдался, принявъ присягу. Такимъ образомъ царь далъ присягу.

Послѣ этого непріятельскіе солдаты, какъ было приказано, приняли городъ: султанъ приказалъ трапезунтскому царю сѣсть на корабль, вмѣстѣ съ сыновьями и дочерью и присутствовавшими тутъ-же родственниками, и отплыть въ Византію, говоря, что онъ самъ скоро прибудетъ туда, совершивъ путь по сушѣ. Городъ же онъ поручилъ предводителю царскаго флота, префекту г. Каллиполя. Брѣпость онъ занялъ отрядомъ иностранныхъ войскъ, въ городѣ же помѣстилъ гарнизонъ Ацапидовъ.

§ 165.

Затѣмъ онъ послалъ Хитира, префекта Амасіи, который, по приказанію Султана, занялъ мѣстности по сосѣдству съ городомъ и Месохалдіей. Тамъ управляли Кабациты въ должности префектовъ греческаго императора и его сына. Нѣкоторые изъ этихъ мѣстностей сдались и подпали подъ власть царя. Царь же оставилъ тамъ гарнизонъ иностранныхъ войскъ и Ацапидовъ, а самъ продолжалъ путь по сушѣ. Онъ прошелъ черезъ страну Тцановъ, *) черезъ которую путь былъ очень труденъ, такъ-какъ она была сильно укрѣплена. Такимъ образомъ былъ взятъ г. Трапезунтъ, и вся Колхида пошла подъ власть Султана.

Прибавленіе.

Передъ § 6 слѣдуетъ прибавить:

Въ царствованіе императора Севера, въ 196 г. по Р. Х.

Этотъ самый Северъ покорилъ Колхиду и Лазиву.

*Georgius Syncellus
p. 356*

---

*) Chalcocondylas: „De rebus Turcicis“ p. 264: Τζατνίδων.

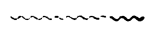
Proc. de ad. p. 622

Къ § 43 слѣдуетъ прибавить:

Въ царствованіе Юстиніана I-го, въ 527—565 г. по Р. Х.

Юстиніанъ построилъ въ Лазикѣ укрѣпленіе, названное Лосоріумъ, и находящіяся въ этой странѣ влѣсуръ, т. е. узкіе горные проходы, окружилъ стѣною, чтобы не пропускать непріятелей въ Лазикъ. Онъ велѣлъ также возобновить старыи христіанскій храмъ, который пострадалъ отъ ветхости. Онъ же основалъ въ Лазикѣ замѣчательный городъ Петру. Городъ этотъ Лазы, по оплошности, передали Персамъ, когда Хосрой пришелъ туда съ большимъ войскомъ. Римляне же одержали надъ Персами побѣду, многихъ изъ нихъ убили, другихъ же взяли въ плѣнъ, а городъ окончательно разрушили, чтобы варвары, если случайно и возвратятся сюда, не могли бы снова нанести имъ вреда. Это все подробно разсказано въ моихъ книгахъ о войнахъ. Тамъ я упомянулъ и о томъ, что на противоположномъ материкѣ, по дорогѣ изъ Лазики къ Меотійскому болоту, Римляне разрушили двѣ крѣпости, Севастополь и Питіунтъ, такъ-какъ шла молва о томъ, что Хосрой постоянно имѣлъ въ мысли отправить туда войско для занятія ихъ. Императоръ Юстиніанъ снова отстроилъ этотъ Севастополь, который прежде былъ только крѣпостцей, и такъ усилилъ стѣнами и другими укрѣпленіями, что онъ сталъ неприступнымъ. Онъ украсилъ его лаввами и другими подобными зданіями, и, наконецъ, сдѣлалъ городъ этотъ замѣчательно блестящимъ и богатымъ.

*Византизмъ
Римскій
Греческій
Зан.*

У К А З А Т Е Л Ь.

А.

Ааронъ Беста 45, 47, 48. Абазги 22, 31, 40, 58, 98, 105, 195, 196, 197. Абазгія 2, 6, 24, 26, 32, 33, 45, 124, 181, 196. Абимелехъ, царь Сараценовъ 28. Абникъ 5, 26, 27, 28, 30. Авраамія Алимъ 45, 47, 48, 49. Адана 38. Адранасе, онъ же Адранасръ 7, 8, 14, 23, 31, 32, 34, 36, 37. Андрапутце (Арцень) 2, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37. Агапій, монахъ 33, 35. Агарены 24. Аванъ 45. Азія 11, 57, 65, 97, 99. Аваме 2, 35. Агампсисъ-Боасъ 96. Агатири 4, 14. Акефали 51. Акрополить 202. Аланія 19, 24, 196. Аланы 2, 24, 56, 87, 95, 108, 104, 154, 182, 195, 198. Албанцы 10, 65. Албанія 24, 37, 54, 66, 196. Александръ Вели. 10. Александръ, Царь 8, 58. Алексѣй, трапезунтскій императоръ 58, 61, 62. Алексѣй I, комненъ 51, 52, 199, 203. Алексѣй внукъ его 52, 205, 206, 207, 208, 209, 211. Алексѣй Дука Мурцуфлъ 196. Анабарца 38. Анастасія 15, 16, 69.	Ангия, онъ-же Ангилъ 158, 166. Андроникъ Палеологъ 52. Андроникъ Старшій 205, 208. Андроникъ Младшій 210. Андроникъ IV 210. Аніабедъ, полководецъ, онъ-же Абениамидъ 79, 80. Ани 9, 40, 41, 43, 44, 45. Антиецъ 159. Амасія 212, 214. Амастръ 211. Амиръ 29. Амогабары 210. Амперъ 44. Амуратъ 62, 211. Анлесфаръ 41, 42, 43, 44. Апсарунтъ 96, 152. Аписліи 58, 98, 105, 106, 154, 188. Апислія 62, 105, 106. Аписиртъ 96. Арабы 24, 197. Аравія 66. Аракъ 41, 196. Аргиръ 7. Арго 97, 135. Арданесъ 5. Ареозъ 82. Аристовуль 11, 65. Архабисъ 96. Арменія Великая 199. Арменія 11, 12, 14, 21, 22, 23, 26, 32, 37, 41, 51, 54, 55, 57, 65, 67, 68, 85, 105, 112, 189, 192, 196. Армяне 13, 24, 38, 66, 74, 95, 195, 198. Арабонить 29. Артабанъ 11. Археополь 57, 85, 111, 112, 113, 114, 116, 117, 120, 124, 129, 186, 188, 155, 198.

Арце 47.
Асотій 7, 8, 14, 25, 31, 32, 33, 34, 36,
37.
Аспамъ Селарій 47.
Ассиріане 24.
Ассирійская имперія 65.
Атцара 2, 31, 37.
Ацапиды 214.
Аванасій 152, 170, 185.
Аоннея 96.
Аонны 86, 90, 96.
Аеонская гора 39.
Айзтъ 63, 97, 118, 136, 141, 145, 146,
147, 148.

Б.

Бааспраканія 45, 48, 49.
Баба 105, 112, 115, 15.
Бальмахъ 155,
Баккурій, иберскій царь 7, 13.
Бараманъ 195.
Барбаціонъ 18.
Барда Склеръ 6, 38.
Барда Фока 38.
Барнуцій 197.
Барсамёсъ 5, 7, 22.
Барсанъ 60, 62, 84.
Баспараканиты 26.
Базявтъ 62.
Баоу 3, 56.
Бевиль 105, 112.
Беріазахъ 2, 37.
Берраны 66.
Берсаоъ 119.
Бессъ 105, 106, 108, 109, 111, 112, 127,
131.
Бестархъ Іасита 42, 44.
Бестъ Аюкашъ 50.
Беоиняне 83.
Боа 16.
Боасъ 55, 57, 85, 95.
Боётій 70.
Болкарія 208.
Болъ 73, 113.
Босфоране 66.
Босфоръ 4, 16, 66.

Брундузія 52.
Булкація 24, 39.
Бухлой 154.
Буць 105, 131, 133, 135, 137, 140, 157,
187.
Бѣлградъ 212.

В.

Вавилонія 196.
Валеріана 59, 62, 70.
Валеріанъ 158, 159.
Варамъ 195, 196.
Вараць 112.
Василискъ 69.
Василій макед. 25.
Василій Порфирородный 6, 9, 38, 39,
40, 41.
Вафрисъ 169.
Велисарій 17, 73, 74, 81.
Вильгельмъ, царь Сицилійскій 52.
Византія 4, 16, 17, 71, 73, 77, 83, 95,
100, 104, 105, 117, 119, 122, 153, 161,
171, 177, 184, 185, 191, 194, 205,
208, 212, 214.
Византійскіе писатели 8, 9, 10, 63, 64.
Водопроводъ въ Петру 110.

Г.

Гадитанскій проливъ 99.
Галата 208, 210.
Галаты 83.
Галерій 12.
Галисъ 38, 58, 66.
Генуезцы 62, 208, 209, 210.
Георгій Дросъ 48.
Георгій 6, 7, 8, 31, 32, 39, 40.
Георгій, протовестіарій 213.
Германъ 154, 158, 188, 189.
Гермогенъ 74.
Геродотъ 99.
Герулы 137, 158.
Гибръ 158.
Гипписъ 95, 100.
Гиркванія 10.
Гіераполь 50.
Горгуры 3, 56.

Гормизда 196.
Готы 7, 17, 211.
Греки 108, 212.
Греція 96.
Губаць онъ же Гобаць 18, 59, 60, 61, 62, 63, 68, 79, 84, 85, 86, 87, 91, 92, 93, 100, 101, 102, 103, 105, 119, 120, 121, 122, 123, 124, 130, 131, 132, 133, 134, 135, 136, 142, 144, 145, 147, 150, 151, 152, 170, 171, 172, 175, 177, 178, 180, 181, 182, 183, 185, 186, 189.
Гунны 4, 16, 56, 60, 71, 75, 78, 83, 122, 123, 196.
Гунны кидариты 68.
Гунны Овогуры 136.
Гургень, онъ же Куркенъ 4, 7, 9, 15, 16, 17, 71, 75.
Гурія 3, 56.
Гудъ 89, 102, 104, 106, 109.

Д.

Дабрагець 133, 159.
Давидъ, иберскій царь 6, 7, 8, 13, 14, 31, 32, 34, 35, 36, 38.
Давидъ, трапезунтскій царь 213, 214.
Давидъ, пророкъ 13.
Дадіана 56.
Дадіанъ 3.
Даганы 195.
Дагисею 60, 85, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 100, 102, 103, 104, 105, 107.
Дансилія 198.
Дарась 5, 21, 22, 192.
Дильманны 195.
Дилиниты 160, 166, 169.
Діюисій 68.
Діоклетіанъ 3, 9, 12, 58, 66.
Доломиты 115, 117.
Доковъ 58, 123, 129.
Доростоль 7, 39.
Дубіось 54, 92.

Е.

Евдокія 202, 205.
Европа 97, 99.
Евфимій 68.

Египеть 57, 65.
Египтяне 24, 65.
Едесса 39, 40.
Ельмингенъ 159.
Ереса іудейская 51.
Еретики въ Иберіи 51.

З.

Заба 22.
Замки въ Иберіи 49.
Западные Иберы 56.
Захарія 20.
Зенонъ 15.
Знаки царскаго отличія въ Лазикъ 153, 200, 201, 204.
Золотія буллы 27, 42.
Зоя, императрица 26.

И.

Ибанъ, столица Бааспранані 48.
Иберія 5, 6, 7, 9, 10, 12, 14, 17, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 34, 37, 39, 40, 44, 45, 46, 48, 49, 50, 51, 53, 54, 55, 56, 57, 66, 72, 78, 82, 85, 87, 88, 94, 95, 97, 111, 112, 113, 129, 131, 137, 149, 156, 169, 182, 187, 188, 189, 191, 193, 198, 199.
Иберскій полкъ 52.
Иберы 22, 23, 24, 25, 26, 29, 31, 32, 33, 34, 37, 38, 50, 51, 52, 53, 56, 60, 66, 67, 71, 82, 123, 196, 200.
авторы, писавшіе объ Иберахъ 8, 9, 10.
генеалогія иберскихъ царей 8.
границы Иберовъ 71.
краткая исторія Иберовъ 3—7.
принимаютъ христіанскую вѣру 12, 13, 56.
происхожденіе и мѣстожителство Иберовъ 1—3.
плотять дань скиескому царю 56.
союзники Римлянъ 38.
у Іерусалима 58.
цари и знаменитые мужи 7.
Иадигунъ 118, 119, 123.
Илигера 155.

Иллирія 80.
Индія 55.
Индійцы 24.
Ираклій 5, 9, 14, 22, 23, 61, 196, 197.
Ирина, дочь правителя Аланіи 51.
Ирней, полководецъ 72, 73.
Исаакій Комнень 50, 212.
Исаакій, сынъ Куропалатисы 51.
Исмаелиты 18.
Италія 7, 52, 105, 112.

I.

Іасита 43.
Іерусалимъ 7, 13, 14, 53.
Іесдегуснафъ 192, 193.
Іоанникій Критоплъ 52.
Іоаннь Дука 199.
Іоаннь Коментіоуль 194, 195.
Іоаннь Комнень 51, 53.
Іоаннь Куркуа 25, 26, 29, 30.
Іоаннь Ласкаръ 200.
Іоаннь Ливіецъ 190.
Іоаннь, по прозвищу Гуда 89, 102, 104,
106, 109, 132, 133, 134, 152, 171.
Іоаннь, полководецъ 79, 80, 178, 180,
186, 189, 190.
Іоаннь, правитель Лазовъ 200, 201, 202,
203, 204, 205.
Іоаннь Трапезунтскій 8, 62.
Іоаннь Цимихскій 38.
Іоаннь Эмануилъ Палеологъ 211.
Іобанесика 40, 41.
Іудея 65, 66.

К.

Кабачитяны 213, 214.
Кабирь 25.
Кавадесъ, оныже Кабадъ, Кавадъ, Коадъ
4, 15, 16, 59, 60, 69, 70, 78, 79.
Кавказскія горы 45, 56, 60, 65, 78, 85,
97, 98, 128, 171, 198.
Кавказъ 2, 10, 55, 57, 75, 141, 178, 182.
Калигула 11.
Калиполь 210, 214.
Кантакузена 53.
Капетрумъ 3, 47.

Каппадокія 42, 54, 66, 213.
Каппадокійцы 66, 83.
Караваны 27.
Карайлуць 20.
Карнаты 2, 37.
Каспійское море 2, 10.
Каспійскія ворота 2, 14, 15, 24, 54, 71.
Касторія 39.
Кастрокомій 48.
Каталанцы 210.
Катакаль 25.
Катаръ-Каоаръ 58, 140.
Католикось Албаніи 37.
" Армении 37.
" Иберіи 37.
Кафа 53.
Кახетинъ 3, 56.
Кახетіумъ 56.
Кацанъ, татарскій ханъ 10, 52.
Кацицій 6, 41, 42.
Келфилинъ 202.
Кекавменъ 44, 45, 47.
Керикъ 73.
Килкиа 6, 38, 65, 66.
Кимень 33.
Кипръ 23.
Кискасъ (Асотій) 8, 31, 35.
Клавдій 3, 9, 11, 12.
Клисурса 36.
Колонія 25, 51.
Колорисъ 31.
Колхи (Лазы) 11, 64, 65, 66, 75, 76, 87,
95, 96, 98, 100, 113, 117, 135, 140,
142, 143, 145, 146, 148, 149, 150, 151,
170, 171, 173, 177, 179, 181, 188, 185,
186, 187, 190, 193, 195.
Колхида 3, 17, 55, 61, 65, 67, 68, 69,
74, 75, 78, 79, 82, 87, 90, 92, 95, 104,
111, 113, 117, 119, 120, 180, 182, 171,
180, 185, 187, 189, 190, 191, 194, 195,
196, 199, 211, 212, 214.
Коміумъ-Комій 3, 48.
Константинополь 4, 17, 20, 30, 44, 56,
59, 61, 69, 197, 199, 202, 203, 206,
209, 212.
Константіанъ 82.

Константинь Вел. 9, 12, 14.
Константинь Дука 50.
Константинь еввухъ 44.
Константинь Копрономъ 24.
Константинь, магистръ 42.
Константинь мономахъ 6, 9, 10, 41, 42.
Константинь Погонать 23.
Константиинъ Порфирородный 2, 5, 9, 25,
27, 30, 38, 198.
Константъ II. 23, 197.
Константъ, начальникъ эскадры 33, 34,
35, 36.
Константъ, трибунъ 66.
Константъ Хлоръ 12.
Корин 3, 56.
Котаида-Колхида 118.
Котеліонъ-Кутатисій-Котіейонъ-Китаин-Ко-
таисъ 2, 19, 57, 118, 121, 124, 129,
137, 138, 169, 189.
Коть 7, 12.
Кравра 39.
Крисконъ, царь Босфорскій 58, 66.
Кротонъ 18.
Ктесифонтъ 82.
Куель 2, 37.
Куркеній (Гургень) 6, 8, 31, 32, 33, 34,
35, 36.
Куропалатъ 2, 5, 7, 18, 14, 25, 26, 27,
28, 29, 30, 34, 36, 37, 70.
Кутильдись 155.
Кутлумусъ 49.

Л.

Лазика 3, 4, 5, 15, 16, 19, 24, 55, 56,
57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 66, 67,
69, 71, 72, 73, 74, 75, 78, 79, 82, 84,
86, 87, 92, 94, 95, 96, 97, 99, 100,
101, 102, 103, 105, 106, 112, 113,
117, 119, 120, 121, 122, 123, 130, 170,
187, 191, 192, 193, 194, 196, 197, 198,
207, 209, 214, 215.
Лавская епархія 198.
Лазы (Колхи) 2, 4, 11, 14, 18, 20, 22,
57, 58, 59, 61, 66, 67, 68, 69, 70, 71,
72, 74, 75, 76, 77, 83, 85, 86, 88, 89,
91, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 101, 102,

103, 104, 105, 106, 111, 112, 113, 116,
118, 119, 120, 121, 122, 123, 124, 127,
128, 130, 135, 136, 143, 153, 171, 192,
193, 195, 196, 197, 200, 203, 204, 205,
206, 209, 210, 211, 215,

имя и происхожденіе лазовъ 57.
исторія ихъ 58—62.
описание страны Лазовъ 95.
писатели, у которыхъ мы находимъ
извѣстія о Лазахъ 63, 64.
цари и знаменитые люди 62, 63.

Лалаковъ 25.

Латиняне 61, 199.

Левъ 4, 5, 7, 9, 14, 15, 59, 66, 67, 69.

Левъ, Армянинъ 24.

Левъ II, Зеновъ 69.

Левъ Исаврянинъ 24, 197.

Левъ Мудрый 25.

Левъ Порфирородный 24, 25, 26.

Левъ Торницкій 44.

Левкамнъ 211.

Леонтій 23, 24, 61, 197.

Ликандръ 42.

Ликандъ 51.

Липарита 6, 7, 9, 45, 46, 47, 48.

Лонгобарды 158.

Лопадія 203, 204.

Лосоріумъ 215.

М.

Мавры 158.

Маврикій 22, 61, 195, 196.

Магометъ 62.

Магометъ II 212.

Максиміанъ 12, 66.

Мангана 49.

Мантцициртъ 5, 26, 27.

Мамія 3, 56.

Мампалъ-Мампалисъ 3, 31.

Марія, дочь нберскаго князя, выходитъ
замужъ за императора 51.

Марсіей 58.

Мартинъ 61, 124, 125, 129, 131, 133,
136, 137, 143, 152, 155, 156, 158, 160,
162, 164, 167, 168, 169, 185, 186, 189,
190, 193.

Мартирополь 196.
Марціанъ 66, 68, 196.
Масло Медей 108.
Массагеты (Аланы?) 52.
Мастать 28, 29, 30.
Мебодъ 20, 69.
Медея 79, 96, 97.
Мелитена 51.
Меотійское болото 66, 99, 100, 215.
Меранъ 195.
Мермерой 85, 88, 89, 90, 91, 92, 107, 111, 112, 113, 114, 115, 116, 117, 118, 120, 121, 122, 123, 124, 125, 126, 128, 129, 130, 131.
Месопотамія 25, 51, 66.
Месохалдія 214.
Месохалдійцы 213.
Месхи 97.
Месхивъ 129.
Месхія 2, 6, 7, 33, 45.
Месхійскія горы 2, 10.
Метріанъ 152.
Мехметъ 211.
Мидія 12, 24, 66.
Мидяне 10, 81, 100, 102, 104, 108, 124, 132, 141, 143, 165, 169, 175, 177, 194, 199.
Мирранъ 89.
Миссиміаны 19, 58, 63, 153, 187, 188, 189.
Миссиміанія 187.
Митридатъ 7, 10, 11, 12, 65.
Миханъ Аволоуъ 49.
Миханъ Бальба 24.
Миханъ Беста Іасита 41.
Миханъ Дука 51.
Миханъ Палеологъ 52, 61, 200, 205, 208.
Миханъ Пафлагонскій 39.
Миханъ Стратіотнъ 50.
Миханъ III. 25.
Мовомахъ 41.
Морать 211.
Мохорисъ 85.
Мургуле 2, 35.
Мухиривисъ-Мухиривисъ 19, 57, 58, 95,

117, 118, 121, 122, 123, 124, 129, 137, 138, 153, 156, 169, 184, 188.

Н.

Набедъ 105.
Нафта 108.
Нахораганъ 19, 180, 187, 153, 154, 155, 156, 157, 159, 161, 163, 164, 167, 169, 187, 191.
Неокнъ 53, 162, 169.
Неронъ 12.
Несторъ 51.
Никея 199.
Николай 41, 42, 43, 44.
Никомидія 33.
Никофоръ Ботаниатъ 51.
Никофоръ Фока 6. 9. 37.
Нина 65.
Нисибъ-Нисибисъ 12, 73, 81.
Ногъ, царь Татаръ 205.

О.

Одонахъ 105, 112, 115.
Огниаръ 167.
Океанъ 99.
Оларія 127.
Онинъ 62, 70.
Овугурисъ (Овогура) 53, 129, 133, 136, 138, 183, 186.
Осцитъ 62, 105.
Оръ 53, 66.
Островъ на рѣкѣ Фазисъ 53, 154, 155, 156, 157, 187, 188.
Осутру 3, 46.

П.

Пайхазитъ, турецкій султанъ 211.
Палестина 66.
Панкалея 38.
Панкратій, иберскій царь 6, 7, 8, 9, 31, 45.
Панкратій, магистръ 29, 32.
Паревне 68, 199.
Пафлагонія 65.
Пелопоннесъ 212.
Пентадій 73.

Перамъ, Персь 52.
 Пераній 7, 16.
 Персарменія 20, 21, 22, 41, 54, 92.
 Персармены 20, 21, 97.
 Персія 12, 14, 22, 23, 55, 76, 105, 149, 194, 196.
 Персидскія колоніи въ Лазикѣ 82.
 Персидская религія 15.
 Персотурки 211.
 Персы 2, 3, 4, 5, 7, 9, 10, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 26, 54, 55, 59, 60, 61, 62, 63, 67, 69, 71, 72, 73, 74, 76, 79, 80, 81, 83, 84, 86, 87, 88, 89, 90, 92, 93, 99, 100, 101, 104, 105, 106, 107, 108, 109, 110, 111, 112, 113, 114, 115, 116, 117, 119, 120, 121, 122, 123, 124, 126, 128, 129, 132, 133, 136, 137, 138, 139, 140, 141, 142, 143, 144, 145, 147, 148, 149, 151, 152, 155, 157, 159, 162, 163, 164, 165, 166, 168, 169, 170, 174, 175, 177, 178, 179, 181, 183, 184, 185, 187, 188, 189, 190, 191, 192, 193, 194, 195, 196, 199, 211, 215.
 Петра 58, 60, 75, 79, 80, 81, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 90, 91, 92, 94, 97, 98, 104, 106, 109, 110, 111, 112, 131, 198, 215.
 Петронъ Бойль 29.
 Петръ, полководецъ 4, 16, 19, 71, 72, 73, 75, 192, 193, 194.
 Питіунтъ 85, 98, 215.
 Помпей Великій 3, 9, 10, 11, 58.
 Понтия 66.
 Понть 65, 75.
 Понть Эвксинскій 2, 10, 57, 58, 66, 79, 83, 85, 95, 96, 97, 98, 100.
 Прискъ 68.
 Пробъ 16.
 Протовестіарій 8, 53, 218.
 Протоспазарій 8, 27, 29.

Р.

Ре 48.
 Реонъ 58, 111, 117.
 Рецивангъ 92.
 Римляне 2, 3, 5, 6, 7, 9, 11, 12, 17, 18,

19, 21, 22, 36, 38, 40, 41, 43, 44, 45, 46, 47, 51, 55, 58, 59, 60, 61, 65, 66, 67, 68, 69, 71, 72, 73, 74, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 86, 88, 89, 90, 91, 93, 94, 96, 97, 101, 100, 103, 104, 105, 106, 107, 108, 109, 112, 113, 114, 115, 116, 117, 118, 119, 120, 121, 123, 125, 126, 127, 129, 180, 182, 186, 189, 141, 142, 143, 144, 145, 147, 149, 150, 151, 152, 153, 154, 155, 156, 157, 158, 159, 160, 161, 163, 164, 165, 166, 168, 169, 171, 173, 174, 177, 178, 179, 180, 181, 182, 183, 185, 186, 187, 188, 190, 191, 192, 193, 195, 196, 198, 215.

Римское море 77.

Римъ 11, 58, 65, 67.

Рицей 86, 90, 96.

Родополь 57, 85, 113, 188, 189, 198.

Романъ 14.

Романъ Аргаръ 39.

Романъ Диогенъ 50, 51.

Романъ Лакапенъ 5, 9, 25, 26, 27, 30, 33.

Россь 38.

Рустикъ 18, 61, 131, 132, 134, 135, 137,

148, 152, 171, 178, 180, 186, 190.

Руфинъ 12, 73.

С.

Саба 49.

Сабиры 87, 91, 107, 112, 115, 120, 123, 124, 195.

Сагиды 98.

Саё 197.

Саллы 66.

Самантаула 3, 56.

Самахія 3, 211.

Сангарисъ 204.

Савиты 66.

Саны 95.

Сарагуръ 4, 14.

Сарапанисъ 2, 55, 57, 85, 118, 121.

Сарацныи 5, 9, 23, 24, 25, 26, 29, 36, 40, 50, 61, 82, 119, 198.

Сарбарацъ 196, 197, онъ-же Сарбаръ.

Сарматы 53, 66.

Сарой, царь Алановъ 195.

Сасы 56.
Священія 61. Сванія 97, 118, 121, 192,
193, 194, 195, 196.
Сваны 59, 67, 132, 192, 193.
Святой Георгій 44.
Святая Марія 44.
Себастія 51.
Севастополь Минкелійскій 8, 56, 57, 85,
98, 215.
Северь 58. 214.
Сезини 193.
Сезострисъ 57, 65.
Селевкія 82.
Семирамида 65.
Сеосъ 69.
Сергій 61, 82, 197.
Сикорій Пробъ 12.
Синопь 213.
Симеонъ Стлитель 4. 18.
Симмахъ 70.
Сирія 32, 66.
Сицилійцы 52.
Сканда 2, 55, 57, 85, 118.
Скилоимне 213.
Скимнія 97, 118, 121.
Скномъ-Татары 6, 56, 66, 199.
Скрибовъ 152.
Сладкіе рожки 110.
Сотерихъ 19, 153, 154.
Спандіать 7, 13, 14.
Средиземное море 99.
Ставръ 65.
Султанъ 47, 48, 49, 51, 58.
Сумбатій 8, 31, 32.
Сурина 193.
Счастливая Аравія 49.

Т.

Тавризь 45.
Таврецій 49.
Тавръ 54.
Тавансъ 99.
Татары 6, 9, 205.
Телефисъ 125, 127, 128, 129.
Тердегъ 62, 105, 106.
Тибелій 189.

Тиберій Апсим. 24, 197.
Тиберій II. 20, 195.
Тиберій 3, 5, 9, 10.
Тибій 25. 41, 42, 43, 44.
Тигранъ 10.
Тигръ, рѣка 73, 82.
Тиридаць 11.
Тирокаструмъ 2, 31, 32.
Тифлисін 3, 56.
Тифлисъ 2, 45.
Тотила 18.
Тохари-Татары 205.
Трапезунтъ 10, 32, 53, 62, 90, 95, 155,
208, 210, 212, 213, 214.
Туктаисъ 205.
Турки 3, 5, 6, 9, 24, 45, 47, 48, 50
196, 197.
Тцанн 85, 88, 90, 95, 112, 153, 158,
160, 214.
Тцаника 55, 57, 95.
Тцанскія горы 95.
Тцанниды 211.
Тцатій 59, 62, 70, 71, 72, 73, 192.
Тцать 61, 62.
Тцибилій 62, 124.
Тцибилумъ 105.
Тцибъ 75, 86.

У.

Уксусъ 110.
Улигагъ (Улигангъ) 105, 112, 137.
Урія 13.
Усигардъ 138.
Ухимерій 57, 62, 118, 120, 121.

Ф.

Фабриць 84.
Фазисъ городъ 58.
Фазисъ, рѣка 2, 3, 6, 55, 56, 57, 58, 65,
85, 86, 89, 91, 92, 93, 95, 96, 97, 98,
99, 111, 112, 114, 120, 121, 124, 125,
128, 129, 156, 157, 158, 191, 195, 198.
Фазіана 2, 5, 6, 25, 26, 27, 30.
Фазіанскія церкви 25.
Фарангій 73, 85, 113.
Фарасманъ Апоканъ 8, 50.

Фарнакъ 11, 65.
Фарсантъ 63, 188.
Фартацъ 63, 146, 151.
Фацъ (Фаца) 7, 18.
Филегатъ 102, 103.
Филиппицъ 24.
Филомаоій 158, 159.
Финнкія 39, 66.
Фраатъ 11.
Франки (въ Иберіи) 49.
Фока 22, 196.
Фубелій 62, 91.

Х.

Хазары 197.
Халай 199.
Халдей 24.
Халдія 25, 34, 38, 49.
Халкедонъ 95.
Халтцихи 3, 56.
Харсіана 42.
Хасанъ 212, онъ же Иссумъ Кассанъ.
Хелдоній 44.
Херсонезцы 58, 66.
Хитрополія 123, 129.
Хитиръ 212, 214.
Хобъ 58, 134.
Хоріанъ 94, 100, 102, 103.
Хороснитъ 47.
Хосрой 4, 16, 17, 19, 60, 69, 78, 74, 76,
78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87,
98, 99, 100, 101, 109, 110, 118, 119,
120, 121, 123, 130, 178, 191, 192, 194,
195, 196, 197, 215.
Храмъ св. Софіи 31.
„ св. Стефана 136.
Христіанскій трофей 52.
Хумнъ 206, 208.

Ц.

Цамнакъ 59, 62, 70.
Цамнаръ (онъ же Цаманаръ) 4, 7, 17.
Царскіе теплые источники 38.

Цекхи 98.
Церасъ 204.
Цетцеумъ 2, 5, 26, 27.
Циганей 198.
Цикхи 24.
Цинва 12.
Цихъ 19, 191, 192, 198.
Цихъ Артабилъ 58, 54.
Цурбанель Ацатъ 7, 27,

Ч.

Чудеса, сотворенныя одной женщиной въ Иберіи 12.

Э.

Эвксинскій поитъ 156, 158.
Эдесса 7.
Эльминдуръ 188.
Эмбы 56.
Эракъ (Фазисъ) 2, 6, 23, 30.
Эмануилъ Комненъ 51.
Эмануилъ III. Палеологъ 211.

Ю.

Юстиніанъ Августъ III 72.
Юстиніанъ Ринотметъ 23, 24, 61, 197, 198.
Юстиніанъ 4, 5, 9, 16, 17, 19, 20, 23,
58, 72, 73, 130, 131, 135, 151, 187,
192, 194, 215.
Юстинъ I 4, 5, 7, 9, 15, 59, 60, 61, 63,
69, 70, 71, 73, 74, 75, 79, 82, 84, 86,
87, 89, 91, 94, 113, 118, 119, 127,
187, 189.
Юстинъ, II 20, 194, 195.
Юстинъ, полководецъ 131, 133, 135, 137,
154, 158, 164, 165, 188, 190, 191.

Я.

Язонъ 65, 79, 96, 97.
Явунтъ 53.

Ө.

Өевдаты 7, 39.

Өемисты, царь Херсонезцевъ 66.

Өеодора 105.

Өеодоръ 20, 50, 127, 158, 160, 166, 197.

Өеодоръ, Ласкаръ I 199, 200.

Өеодосіополь 2, 5, 25, 26, 27, 28, 29,
30, 51, 54,

Өеодосій 9, 13.

Өеофильтъ 25, 26, 29.

Өеофобій 62, 120, 121.

Өома 24, 89, 102, 104, 106, 109.

ОТДѢЛЪ П.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТР.
Предисловіе.—Учителя Тифлисской 2-й гимназіи, <i>А. Словинскаго</i>	I—XVI
I. О татарскихъ школахъ.—Ученика III-го класса Эриванской учительской семинаріи, <i>Миръ-Гашиммъ-бекъ Везирова</i>	1—6
II. Народное обученіе у Закавказскихъ татаръ.—Учителя Мингрельскаго городского училища, <i>А Захарова</i>	7—51
1. Школа.....	7—10
2. Мулла-педагогъ.....	11—28
3. Хальфа.....	28—31
4. Ученики.....	31—51
III. Анекдоты муллы <i>Насръ-Эддина</i> .—Собралъ учитель Мингрельскаго городского училища, <i>А. Захаровъ</i> ..	52—74
IV. Татарскія сказки, записанныя въ Геончайскомъ уѣздѣ, Бакинскій губерніи.—Сообщилъ учитель Ивановскаго сельскаго однобласснаго училища, <i>Н. Казбекъ</i> .	75—102
1. Рыба разноцвѣтная.....	75—83
2. Изъ воровъ воръ.....	83—87
3. Странствованія царскаго сына.....	87—91
4. Джейрана.....	91—94
5. Гюль и Синевязъ.....	94—102
V. Нѣсколько свѣдѣній о татарскихъ повѣрьяхъ.—Сообщилъ учитель Бекюкъ-Вединскаго сельскаго училища, <i>Миръ-Гашиммъ-бекъ Везировъ</i>	103—112
1. Джинны.....	103—105
2. Дивы.....	105—105
3. Шайтанъ.....	105—106
4. Явленія природы.....	106—106
5. Огонь и вода.....	106—107
6. Животныя, насѣкомыя и пресмыкающіяся.....	107—109
7. Птицы.....	109—110

II

8. <i>Аяль-Анасы</i>	110—110
9. Отношеніе духовъ къ дѣтямъ.....	110—111
10. Свадьба.....	111—112
11. Мертвые.....	112—112
VI. Татарское преданіе о томъ, почему въ русскомъ государственномъ гербѣ изображается двуглавый орель. —Записаль воспитанникъ II класса Закавказской учительской семинаріи, <i>Сурковъ</i>	113—113
VII. Бабушнины разсказы.—Преподавателя шелководства и смотрителя Михайловскаго профессиональнаго училища, <i>А. Калашева</i>	114—120
VIII. Преданіе о разбойникѣ <i>Кёръ-оглы</i> .—Записаль воспитанникъ III класса Закавказской учительской семинаріи, <i>Мирза-Вели-Задс</i>	121—126
IX. Изъ этнографическаго дневника.—Инспектора народныхъ училищъ Эриванско-Елисаветпольской дирекціи, <i>А. Иоакимова</i>	127—130
1. „Нашель?“—„Нѣтъ!“.....	127—127
2. Вызываніе солнца.....	128—130
X. Агбулхскія легенды.—Учителя Кутаисскаго городского училища, <i>В. Тенцова</i>	131—138
XI. Нѣсколько свѣдѣній о селеніи Куткашинѣ, Елисаветпольской губерніи, и о народной медицинѣ въ Нухинскомъ уѣздѣ.—Сообщилъ смотритель Куткашинскаго сельскаго училища, <i>Рашидъ-бекъ-Эфендіевъ</i>	139—147
1. Лѣченіе посредствомъ молитвы.....	142—143
2. Лѣченіе посредствомъ гаданья.....	143—144
3. Посѣщеніе святыхъ мѣстъ.....	144—145
4. Лѣкарство противъ лихорадки.....	145—145
5. Способъ избавленія отъ желтухи.....	145—146
6. Способъ лѣченія отъ головной боли.....	146—146
7. Способъ избавленія отъ колотья.....	146—147
8. Лѣкарство противъ ушной боли.....	147—147
XII. Изъ народной словесности у шапсуговъ.—Записаль учитель Тверской станичной школы, <i>А. Кайтмазовъ</i>	148—161
1. Адемирканъ.....	148—155
2. Хитрая вдова.....	155—161
XIII. Изъ народной словесности у имеретинъ.—Сообщилъ учитель Кутаисскаго городского училища, <i>В. Ломинадзе</i>	162—180
I. Сказки.....	162—170

III

1. Ундросела.....	162—167
2. Ростомела.....	167—170
II. Легенды.....	171—175
1. О Соломонѣ Мудромѣ.....	171—174
2. О происхожденіи князей, дворянъ и крестьянъ....	174—175
III. О вѣдьмахъ.....	175—180
XIV. Сказка о змѣѣ-царѣ.—Сообщилъ учитель Баралетской сельской школы, <i>И. Санаковъ</i>	181—183
XV. Сказки, собранныя въ селеніи «Баянъ», Елисаветпольскаго уѣзда.—Записалъ бондарно-колесный мастеръ Елисаветпольскаго Михайловскаго профессиональнаго училища, <i>П. Тоніевъ</i>	184—210
1. Рѣчной бродяга.....	184—189
2. Коровій снѣгъ.....	189—199
3. Месропъ и его мудрый слуга.....	199—207
4. Минаретъ изъ человѣческихъ головъ.....	207—210
* * * Алфавитный указатель нѣкоторыхъ словъ (арабскихъ, татарскихъ, армянскихъ, грузинскихъ и др.), встрѣчающихся въ этнографическомъ и историческомъ матеріалѣ II отдѣла.....	211—224

ПОПРАВКИ.

	<i>Напечатано:</i>	<i>Следует читать:</i>
СТР.	СТРОКА (СВЕРХ).	
1	24	азербейджанцевъ
4	22	азербейджанскому
169	15	квирисстави
208	21	поправился

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Большая часть статей II отдѣла въ настоящемъ выпускѣ „Сборника матеріаловъ“ занята *бытомъ кавказскихъ мусульманъ*. Однѣ статьи (№№ I—VI, VIII, IX и др.) непосредственно отвѣчаютъ этой мысли; другія (№№ VII, X и др.), служа особой, своей цѣли, въ то же время *касаются* и быта кавказскихъ мусульманъ; третьи (№№ XIII, XV), стоя независимо отъ главнаго содержанія отдѣла, нерѣдко заключаютъ въ себѣ любопытныя данныя *для сравненія* этнографическаго матеріала у разныхъ народностей (и *татарской*), то по сходству темъ, то по типамъ дѣйствующихъ лицъ, то по разнымъ второстепеннымъ подробностямъ. Это отчасти видно, напр., и изъ нижеслѣдующихъ замѣчаній редакціи, которыя, впрочемъ, имѣютъ характеръ, скорѣе, библиографическій.

I. О татарскихъ школахъ (1—6).—II. Народное обученіе у Закавказскихъ татаръ (7—51).

Обѣ названныя статьи представляютъ собою воспоминанія изъ школьной жизни: первая принадлежитъ *татарину*, вторая—*армянину*. Обѣ онѣ вообще отрицательно относятся къ обычной формѣ татарскаго обученія въ низшей школѣ. Въ обѣихъ статьяхъ находимъ, не съ одинаковыми подробностями, указанія на предметы обученія въ татарскихъ школахъ, на приемы преподаванія и на систему наказаній. Внѣшняя обстановка тоже отмѣчается въ обѣихъ статьяхъ. Вторая статья, помимо всего этого, живописуетъ, такъ сказать, *самый ходъ школьной жизни*, въ ея бытовыхъ деталяхъ, въ ея связи съ

жизнью внѣ-школьной, и всѣмъ явленіямъ, всѣмъ случаямъ, чертамъ указываетъ причину, — личность мурлы-педагога.

О состояніи обученія у кавказскихъ мусульманъ есть весьма любопытныя указанія въ „Сборникѣ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ“ (Вып. I и II) въ статьяхъ *Абдуллы Омарова*: „Воспоминанія мутааллима“. Собственно, занимающему насъ вопросу посвящены стр. 13—20 (Вып. I), 46—70 (Вып. II); данныя же по этому вопросу разсѣяны повсюду въ названной статьѣ. Отношеніе автора къ типу обученія — тоже отрицательное.

Нѣсколько чертъ изъ жизни мутааллимовъ можно подчерпнуть и въ статьѣ *гаджи-Мурада Амирова*: „Среди горцевъ Сѣвернаго Дагестана“ („Сборн. свѣд. о кавк. горцахъ“. Вып. VII. Отд. III. Особенно см. стр. 43—46).

Интересно съ воспоминаніями бывшихъ учениковъ сопоставить заключенія о мусульманской школѣ чловѣка, знакомаго съ ней, очевидно, путемъ наблюденія и изученія: разумѣемъ статью *г. Наливкина* („Школа у туземцевъ Средней Азіи“), въ приложеніи къ „Отчету о состояніи Туркестанской учительской семинаріи за 1888—89 уч. г.“. Въ виду интереса вопроса позволительно будетъ сдѣлать изъ этой статьи слѣдующую *выдержку*:

„Школа эта, подраздѣляясь на низшую (*мактабъ*) и высшую (*мадраса*), не представляетъ собою учрежденія вполне государственнаго, а всегда живетъ на средства, даваемые или данныя частной благотворительностью. Это велось и ведется споконъ вѣка, ибо дарованіе такихъ средствъ признается дѣломъ душеспасительнымъ, ведущимъ даятеля въ рай“.

„*Мактабы* въ большинствѣ случаевъ учреждаются при приходскихъ мечетяхъ; *мадраса* обыкновенно представляетъ собою учрежденіе, вполне обособленное“.

„Помѣщеніе для мактаба строится по большей части на частныя пожертвованія; иногда это дѣлается въ складчину, всѣмъ приходомъ мечети“.

„Учителемъ низшей школы, съ общаго согласія прихожанъ, приглашается или имамъ той мечети, при которой находится школа, или другое, какое-либо постороннее, лицо. Плата такому учителю или опредѣляется по условію, или же каждый ученикъ еженедѣльно, по четвергамъ, приноситъ своему учителю посильное приношеніе, состоящее или изъ нѣсколькихъ копеекъ деньгами, или изъ соотвѣтствующаго количества такихъ продуктовъ, какъ: мука, рисъ, мясо, сало, и пр. Кромѣ того, по обычаю, по прохожденіи даннымъ ученикомъ того или другого отдѣла выучки, которые, какъ мы увидимъ ниже, заключаются въ механическомъ прочтеніи той или другой книги, учитель получаетъ каждый разъ особые, незначительные впрочемъ, подарки, въ родѣ чалмы, куска матеріи или недорогого халата“.

„Число учениковъ мактаба, въ среднемъ, обыкновенно не превышаетъ 30—40 мальчиковъ, въ возрастѣ отъ 6 до 15 лѣтъ. Обученіе или, вѣрнѣе, выучка начинается съ заучиванья арабскихъ буквъ, которыя пишутся учителемъ на особыхъ деревянныхъ или жестяныхъ дощечкахъ—*ляхъ*. Затѣмъ переходятъ къ складамъ, по способу: „буки азъ би“, что значительно осложняется еще слогами съ титлами. Пройдя склады и получивъ за это время не малое число волотушекъ, ученикъ приступаетъ по большей части къ такъ называемому *хафтїяку*, который представляетъ собою часть Корана. По этой книжкѣ мальчикъ выучивается механически, вполнѣ безсознательно, разбирать чуждыя ему арабскія слова, смыслъ которыхъ для большинства остается нѣкотораго рода тайной, тѣмъ болѣе, что зачастую и самъ *дамудла* не въ состояніи удовлетворительно передать на сартовскомъ или таджикскомъ языкѣ содержаніе этого хафтїяка. Выучившись болѣе или менѣе бѣгло (механически, разумѣется) читать по хафтїяку, ученикъ переходитъ къ *Чар-китабу*. Эта книжка (всегда почти рукописная)—уже не на арабскомъ, а на персид-

скомъ языкѣ и заключаетъ въ себѣ выдержки изъ шаріата, главнымъ образомъ по части такъ называемаго религіознаго права, куда входятъ и отдѣлы объ омовеніяхъ, почему въ Чар-китабѣ встрѣчаются между прочимъ и такія вещи, какъ перечисленіе тѣхъ интимныхъ случаевъ, послѣ которыхъ, по уставамъ мусульманской религіи, положены омовенія. Тема, конечно, мало приспособленная для дѣтскаго возраста, но этимъ не смущаются, ибо прежде всего Чар-китабъ прочитывается такъ же, какъ и хафтіякъ, механически, безъ объясненій, во-вторыхъ, для дѣтей-тюрокъ персидскій языкъ совершенно чуждъ, а дѣти-таджики не могутъ понять содержанія этой книги потому, что текстъ ея испещренъ арабскими словами и такими персидскими, которыя употребительны лишь въ литературномъ языкѣ или же въ рѣчи наиболѣе начитанныхъ людей“.

„Послѣ Чар-китаба прочитываются, въ разной послѣдовательности и опять таки механически, *Ходжа-Хафизъ*, *Бидьяль*, *Фузули*, *Суфи-Алла-Нуръ* и др. Это все сборники стихотвореній, написанныхъ одни на персидскомъ, а другіе на тюркскомъ языкѣ и совершенно неприспособленные для дѣтскаго пониманія“.

„Къ письму переходятъ лишь послѣ того, какъ учащійся достаточно освоится съ механическимъ чтеніемъ. Однако же не надо думать, что мальчикъ, окончившій ученіе въ мактабѣ, выучивается писать; онъ выучивается лишь выводить буквы и только въ рѣдкихъ случаяхъ можетъ написать подъ диктовку самую простенькую фразу, и то съ массою грамматическихъ ошибокъ. Лишь старшіе и наиболѣе грамотные ученики, и то не во всѣхъ мактабахъ, получаютъ нѣкоторыя свѣдѣнія по части правилъ совершенія религіозныхъ омовеній и намазовъ. Эта религіозная сторона обученія въ низшей школѣ слабѣе всѣхъ прочихъ; учащійся гораздо болѣе воспринимаетъ здѣсь по части правилъ мусульманской вѣжливости или,

вѣрнѣе сказать, почтительности, что является до нѣкоторой степени необходимой приговорительной ступеню въ переходу въ „мадраса“, гдѣ складыванье рукъ на животѣ, напусканіе на себя смиреннаго вида, опусканіе глазъ долу, дѣланая мягкость и даже слащавость рѣчи, въ качествѣ слѣпного подражанія персамъ былого времени, зачастую доводятся до степени неимовѣрной приторности“.

„Итакъ, въ общемъ, даже и при благопріятныхъ условіяхъ, кончая курсъ въ низшей школѣ, курсъ, продолжающійся въ среднемъ около четырехъ лѣтъ, туземный мальчикъ пріобрѣтаетъ умѣнье механически читать и то тѣ лишь книги, по которымъ онъ учился въ мактабѣ (остальные разбираются имъ обыкновенно съ очень большимъ трудомъ) и выводить буквы или списывать съ даннаго оригинала. Привычка къ чисто механическому чтенію вкореняется такъ сильно, что зачастую, прочтавъ самое простенькое изложеніе на своемъ родномъ языкѣ, учившійся въ мактабѣ совершенно не въ состояніи пересказать содержаніе прочитаннаго. Это при условіяхъ благопріятныхъ. Въ противномъ же случаѣ юнецъ оставляетъ школу со званіемъ *чала-мулла*, не вполнѣ грамотнаго, умѣющаго только читать, или же, наконецъ, уходитъ оттуда, унося лишь смутныя воспоминанія о существованіи какихъ-то замысловатыхъ крючковъ, точнаго смысла и значенія которыхъ постигнуть ему не удалось“.

„Даже при поверхностномъ ознакомленіи съ туземнымъ бытомъ, бросается въ глаза то обстоятельство, что на ряду съ громаднымъ количествомъ школъ, среди туземцевъ существуетъ еще болѣе громадное число людей неграмотныхъ. Это объясняется, во-первыхъ, внутренними, такъ сказать, свойствами ихъ школы, а во-вторыхъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что, какъ мы видѣли выше, знанія, выписывая изъ мактаба (даже и при благопріятныхъ условіяхъ) представляются почти непримѣнимыми въ сферѣ обыденной жизни, а потому съ наи-

большимъ успѣхомъ могутъ эксплуатироваться лишь въ качествѣ подготовительнаго курса для поступленія въ „мадраса“, куда попадаетъ сравнительно ничтожная часть бывшихъ школьнико́въ. Большинство остальныхъ, вернувшись къ обычнымъ занятіямъ отцовъ, не находятъ занимательнымъ для себя механически перечитывать давно опостылѣвшаго Хафиза или Бидля, забываетъ тѣ скудные начатки грамотности, кои успѣло унести изъ мактаба, и мало-по-малу возвращается въ первобытное состояніе, совершая это съ тѣмъ большей легкостью, что доступныхъ для своего пониманія книгъ на родномъ языкѣ не находятъ ни въ частныхъ библіотекахъ, ни въ книжныхъ лавкахъ на базарѣ“...

Въ нѣкоторыхъ статьяхъ одного изъ предыдущихъ выпусковъ „Сборника матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа“ авторы статей, касавшихся быта мусульманъ, говорятъ *и объ ученіи* у мусульманъ; такъ, напр.: Вып. V. Отд. I. „Посховскій участокъ“. *К. Садовскій* (см. стр. 46).

„ „ „ „ „Мѣстечко Сальяны“. *Н. Калашевъ* (стр. 131—134).

„ „ „ II. „Очерки изъ быта горскихъ мусульманъ“ *А. И. Лиловъ* (стр. 14—19).

Ко второй статьѣ настоящаго выпуска пужно еще сдѣлать нѣсколько второстепенныхъ замѣчаній. Въ пей на 25 стр. рассказывается о нѣкоемъ муллѣ К., который сталъ *святымъ*. Рассказъ этотъ, повидимому, имѣеть въ виду ту же самую личность, о которой сообщается въ статьѣ *Ал. Калашева*: „Исторія возникновенія двухъ святынь. I. Святой кувшипъ. II. Могила Пира“ („Сборн. матеріаловъ для описан. мѣстностей и племенъ Кавказа“. Вып. VII. Отд. II. Стр. 136—139).

Относительно анекдота о *ловкомъ ворѣ* (стр. 40) рѣчь будетъ ниже (X стр.), по поводу сказки: „Изъ воровъ воръ“.

III. Анекдоты муллы Насръ-Эддина (52—74 стран.).

Въ статьѣ: „Кое-что о словесныхъ произведеніяхъ горцевъ“ *) П. К. Усларъ вотъ что говоритъ относительно Насръ-Эддина: „Самое популярное лицо на цѣломъ Восточномъ Кавказѣ, начиная отъ Чечни и до Закавказья, это—мулла Насръ-Эдинъ. Назовите его любому горцу,—онъ разсмѣется и, пожалуй, тотчасъ же разскажетъ вамъ о немъ нѣсколько анекдотовъ. Мулла Насръ-Эдинъ извѣстенъ не на одномъ Кавказѣ, но горцамъ онъ преимущественно пришелся по вкусу; они пріютили его у себя съ особою любовью. Весьма странно происхожденіе этой знаменитости. Разсказываютъ, что, во времена халифа Гарунъ-аль-Рашида, жилъ отличный ученый этого имени. Ученіе, которому онъ слѣдовалъ или которое проповѣдывалъ, подверглось гоненіямъ, и онъ, чтобы спасти свою голову, притворился юродивымъ. Преданіе преобразило этого юродиваго ученаго въ шута. На турецкомъ языкѣ есть книга, заключающая въ себѣ сборникъ забавныхъ анекдотовъ о муллѣ Насръ-Эдинѣ. Этой книги я не читалъ и не могу рѣшить, что собственно заимствовали изъ нея горцы и что добавили своего. Ученый мулла изображается неугомымымъ проказникомъ, который смѣется надъ всѣми и надъ всѣмъ, изрѣдка остроумно, иногда же совершенно непозволительно. Отъ этихъ проказъ всего болѣе терпитъ онъ самъ, потому-что его колотятъ на каждомъ шагу, но онъ не унижается“. Вслѣдъ за этимъ замѣчаніемъ П. К. Усларъ приводитъ относительно Насръ-Эддина акушинскій разсказъ, который, по выраженію барона, представляетъ собою „замѣчательное сближеніе съ русской простонародной сказкой о *набитомъ дуракъ*“ (сравни. разсказы на стр. 32—36 въ „Чечен. букв.“).

Нашъ собиратель анекдотовъ о муллѣ Насръ-Эдинѣ ставитъ эту личность въ связь съ *Тамерианомъ* на томъ осно-

*) „Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ“. Вып. I. Статья V, а. 26—27 стр.—Тифлисъ. 1868.

УІІІ

ваніи, что имя этого грознаго завоевателя иногда встрѣчается рядомъ съ именемъ Насръ-Эдина въ анекдотахъ о немъ. Въ „Чеченскомъ букварѣ“ *) Ивана Бартоломея помѣщено восемь разсказовъ о Насръ-Эдинѣ: въ одномъ изъ нихъ юродивый мулла поставленъ въ связь тоже съ Тамерланомъ. Начало этого разсказа совпадаетъ съ анекдотомъ, подъ № 9, у нашего собирателя, не по содержанію, а по техникѣ построения (Насръ-Эдинъ долженъ былъ явиться къ Тамерлану „не пѣшій, не конный, не на ослѣ, не на арбѣ, не дорогою, не околицею“: онъ пріѣхалъ на лошаки, между тропами, цѣликомъ). Изъ другихъ разсказовъ „Чеченскаго букваря“ любопытно сопоставить 6-й съ 42 у нашего собирателя (а съ тѣмъ и другимъ разсказъ во II т. („Чеченскій языкъ“) „Этнографіи Кавказа“, 116—118 стр.), 8-й—съ 29, 4-й—съ 6 **).

Послѣднимъ анекдотамъ соотвѣтствуетъ разсказъ, подъ заглавіемъ: „Мулла Насръ-Эдинъ и воры“, въ статьѣ А. Амирова: „Даргинскія сказанія о муллѣ Насръ-Эдинѣ“ ***). Здѣсь же есть разсказъ („Мулла Насръ Эдинъ умираетъ“), которому соотвѣтствуетъ въ настоящемъ выпускѣ анекдотъ, подъ № 19 (сравн. и 20).

Хромой Теймуръ (Теймиръ, Тимуръ, Темиръ), Теймуръ-Ленгъ, Ланк-тѣмиръ, все это наименованія одного и того же лица—Тамерлана, происшедшія, очевидно, въ силу разныхъ говоровъ и разной транскрипціи словъ, изъ которыхъ составилось имя грознаго завоевателя: онъ же и *Аксанъ-Темиръ*.

---

*) *Чеченскій букварь*. Изданіе Общества возстановленія христіанства на Кавказѣ. Стран. 32—53. Тифльсь. 1866.

**) Какъ вышецитированная статья барона П. К. Услара, такъ и означенные разсказы „Чеченскаго букваря“ цѣликомъ перепечатаны во II томѣ („Чеченскій языкъ“) „Этнографіи Кавказа (Языкознаніе)“: *Приложеніе* 3-ье, стр. 75—117; *Приложеніе* 2-ое, стр. 57—67.—Изданіе Управленія Кавказскаго Учебнаго Округа. Тифльсь. 1888.

***) „Сборн. свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ“. Вып. VII. Статья II, 2. Стр. 32—42.

Неоднократно (1386, 1395, 1399, 1400) былъ разгромленъ Тамерланомъ *) Кавказъ въ тѣхъ или другихъ своихъ частяхъ. Отсюда естественно, что имя его должно было остаться въ народной памяти въ той или иной формѣ. Кромѣ того, и книжнымъ путемъ знакомились кавказскія народности съ личностью Тамерлана: „по принятіи магометанства, муллы начали добывать рукописи отъ арабовъ, турокъ и персіанъ, и тогда чеченцы познакомились съ разсказами о халифахъ, султанахъ, объ Аксакъ-Темирѣ, героѣ восточныхъ народовъ, объ юродивомъ муллѣ-Несеретѣ“,—такое замѣчаніе дѣлаетъ въ своей статьѣ „Чеченское племя“ природный чеченецъ, *Умалатъ Лаудаевъ* **).

Явились затѣмъ народныя попытки и осмыслить ужасы Тамерлана разсказами о его происхожденіи: объ этомъ свидѣтельствуешь, напр., статья *М. Погосова*, подъ заглавіемъ— „Тамерланъ по разсказамъ джеванширскихъ армянъ“ („Сборн. матер. для описанія мѣстн. и племенъ Кавк.“. Вып. VII. Отд. II. Стр. 64—68). По представленію джеванширскихъ армянъ, выходитъ, что Тамерланъ былъ сынъ одного армянскаго священника, лишенный имъ икръ и ставшій потому хромымъ: мстилъ онъ армянамъ, особенно духовенству, за такое жестокое обращеніе съ нимъ его отца ***).

IV. Татарскія сказки (стр. 75—102).

1. *Рыба разноцветная*.—Въ этой сказкѣ, между прочимъ, обращаетъ на себя вниманіе значеніе *ковра-самолета*, *скатерти-самобранки* и *шапки-невидимки*, а въ связи съ ни-

*) Сравни стр. 131 и 132 настоящаго выпуска „Сборника“.

**) „Сборн. свѣдѣній о кавказ. горахъ“. Вып. VI. Статья I, 3. Стр. 17.

***) У чеченцевъ есть разсказъ, въ которомъ указывается совсѣмъ иная причина хромоты Тамерлана (охота) и совсѣмъ иной поводъ его движенія на Кавказъ (похищеніе его сына). См. разсказъ: „Соски-Сосланъ“ въ „Сборн. свѣдѣній о Терской области“. Вып. I. Стр. 257. Владикавказъ. 1878.—Сравни разсказъ объ Аксакъ-Темирѣ въ статьѣ *гиджи-Магома Дебирова*: „Дагестанскія преданія и суевѣрія“ (5. *Кадаръ*). „Сборн. матер. для опис. мѣстн. и плем. Кавказа“. Вып. IV. Отд. II. Стр. 29—30.

ми роль дивовъ (сравн.: „Сборн. матер. для опис. мѣстн. и плем. Кавк.“. Вып. VI. Отд. II. Стр. 125—126).

Любопытно сравнить эту сказку съ армянской сказкой: „Месропъ и его мудрый слуга“, гдѣ роли „Разноцвѣтной рыбы“ соотвѣтствуетъ роль Месропа (199—207).

2. *Изъ воровъ воръ*.—На тотъ же мотивъ въ настоящемъ выпускѣ „Сборника“ помѣщенъ еще анекдотъ (см. стр. 40), а въ VI вып. „Сборника“, въ Приложеніи, есть „Абхазская сказка“. *Воровская ловкость* служитъ предметомъ одного любопытнаго разсказа въ „Чеченскомъ букварѣ“ (стр. 93—115): разсказъ построенъ на манеръ лѣстницы, такъ-что воры надуваютъ вора, а онъ, въ свою очередь, ихъ, и такъ повторяется нѣсколько разъ. (См. разсказъ о „Зурабѣ-ворѣ“ во II т. („Чечеп. яз.“) „Этногр. Кавк.“. Стр. 122—124).

4. *Джейрана*.—Въ VII выпускѣ „Сборника матер.“ есть сказка, подъ заглавіемъ: „Сахва-Юсуфъ“ (Отд. II. Стр. 196—206), въ которой, между прочимъ, Салтаната такъ же, какъ Джейрана, попадаетъ къ разбойникамъ, а затѣмъ, освободившись отъ нихъ, избирается гражданами одного города въ цари.

Любопытенъ способъ избранія въ цари, при помощи птицы: на этотъ способъ указываетъ еще въ двухъ сказкахъ того же VIII выпуска „Сборника“: „Кули-хали“ (Отд. II. Стр. 213—219) и „Лже-царевичъ Хачи“ (223—228).

5. *Гюль и Синейгаизъ*.—Настоящая сказка соотвѣтствуетъ тому типу *русскихъ* сказокъ, которыя извѣстны вообще подъ заглавіемъ: „Царевна-Лягушка“. Подобнаго рода сказка помѣщена въ VI выпускѣ „Сборника матеріаловъ“ (Отд. II. Стр. 141—155: „Царевна-Лягушка“).

V. *Нѣсколько свѣдѣній о татарскихъ повѣрьяхъ*. (103—112).

2. *Дивы*.—Во многихъ татарскихъ сказкахъ занимаютъ видную роль, въ средѣ дѣйствующихъ лицъ, дивы: безобразныя на видъ, они то являются бичомъ для человѣка (89—90

стр.), то выставляются со стороны своей глупости (79 стр.). Въ послѣднемъ случаѣ они, повидимому, соотвѣтствуютъ тѣмъ чертямъ русскихъ сказокъ, которые вступаютъ между собой въ драку изъ-за чудныхъ вещей; въ первомъ случаѣ они соотвѣтствуютъ разнымъ чудовищнымъ змѣямъ, которые похищаютъ красавиць. (Сравн. *деви* въ сказкахъ: „Унцросела“ и „Ростомела“, въ статьѣ подь № XIII.—Сравн. въ статьѣ *гаджи-Магома Дебирова*: „Дагестанскія повѣрья и суевѣрія“ (4. *Харкасъ*). „Сборникъ матеріаловъ.“ Вып. IV. Отд. II. Стр. 26—28).

VI. Татарское преданіе о томъ, почему въ русскомъ государственномъ гербѣ изображается двуглавый орелъ (113 стр.), есть, повидимому, темный *отголосокъ* на Кавказѣ войны 1812 года.

IX. Изъ этнографическаго дневника (127—130).

Гг. академики В. В. Радловъ и В. П. Васильевъ и адъютантъ К. Г. Залеманъ составили на основаніи русскихъ буквъ „*общелингвистическую азбуку*“. Здѣсь, между прочимъ, имѣются слѣдующіе алфавиты: армянскій (три алфавита: 1) классическій языкъ; 2) восточное произношеніе; 3) западное нарѣчіе); грузинскій; мингрельскій; арабскій; персидскій; тюркскій; калмыцкій. Вслѣдъ за каждымъ алфавитомъ представляются образцы транскрипціи текста; при этомъ для тюркской азбуки приведены образцы транскрипціи на 20 нарѣчіяхъ. Желательно было бы, чтобы лица, занимающіяся собираніемъ этнографическаго матеріала на Кавказѣ, по возможности прибѣгали именно къ указаннымъ алфавитамъ. (Нѣкоторые изъ этихъ алфавитовъ, по распоряженію Господина Попечителя Кавказ. Учебн. Округа будутъ отлитографированы, и ихъ можно будетъ получать *въ канцеляріи* Попечителя).

XI. Нѣсколько свѣдѣній о селеніи „Буткашинъ“ и о народной медицинѣ въ *Нухинскомъ уездѣ* (139—147).

Предположеніе автора относительно источника мусульман-

ства жителей въ селеніи „Куткашинъ“ находятъ себѣ оправданіе въ историческихъ фактахъ, точно такъ же, какъ и народная молва, относящая „развалины какого-то неопредѣленнаго зданія“ къ арабскимъ полководцамъ Бабарутену или Абу-Мюслиму. Если здѣсь разумѣется Абу-Мюслимъ, сынъ Абдуль-Мелика, то походъ его въ Дербентъ въ 115 году гижры (733 годъ) сопровождался подобными дѣйствіями: онъ всюду обращалъ мѣстное населеніе въ магометанство и строилъ мечети и др. зданія. Съ его походомъ Дагестанъ былъ покоренъ. (Смотр. V part.: Description of the expedition of Muslimeh to Derbend and Daghistan въ „Derbend-Nâme“, Mirza A. Kazem-Beg'a. St.-Pétersburg. 1851. Стр. 89—92.— Редакция имѣла возможность пользоваться частью перевода этой книги (I—V part.), составленнаго, по татарскому тексту, учителемъ Татарскаго Отдѣленія, при Горійской Учительской Семинаріи, Сафаромъ Алп-бекомъ *Велибековымъ*.— Это сочиненіе, въ настоящее время библиографическая рѣдкость, въ цѣломъ даетъ ключъ къ пониманію разноплеменности населенія въ Дагестанѣ и раскрываетъ картину историческаго движенія мусульманства по Кавказу).

Во второмъ выпускѣ „Сборн. матер. для опис. мѣст. и плем. Кавказа“ (Отд. II. Стр. 59—67) въ статьѣ *г. Земинскаго* („Этнографическіе очерки изъ быта армянъ-переселенцевъ изъ Персіи“) есть любопытная глава: „*Народная медицина*“ (у армянъ). Въ другихъ случаяхъ авторы касаются этого вопроса только мимоходомъ, по поводу суевѣрій, гигиены и т. п.

XII. Изъ народной словесности у шалсуговъ (148—161).

1. *Адемирканъ*.—Въ V выпускѣ „Сборника матеріаловъ“ (Отд. II. Стр. 113—118) помѣщена пѣсня объ Адемирканѣ, съ которой настоящій рассказъ имѣетъ нѣсколько общихъ чертъ и мыслей. Въ VI вып. „Сборника матеріаловъ“ (Отд.

II. Стр. 31—47) помѣщено обширное сказаніе: „Адемирканъ“ (см. замѣчаніе къ нему на стр. 47—49).

XIII. Изъ народной словесности у имеретинъ (162—180). I. Сказки.

1. *Унцросела*.—Въ этой сказкѣ любопытенъ характеръ младшаго изъ трехъ братьевъ. Онъ напоминаетъ собою русскаго Иванушку-дурачка, хотя своего добродушія не выдерживаетъ вполне.

Девы (сравн. „дивы“, стр. X) является здѣсь людодѣдомъ, притомъ глупымъ, а въ сказкѣ „Ростомела“ еще и многоголовымъ чудовищемъ. Людодѣдовъ, притомъ еще многоголовыхъ (семиглавыхъ), знаютъ и армянскія сказки (стр. 191, 202—203), и, сверхъ того, еще людодѣда, низкаго роста, съ бородой въ 4 раза больше его самого („Коровій сынъ“, 193 стр.).

(Сравн. сказку: „Изъ воровъ воръ“ со стороны второстепенныхъ подробностей, именно—относительно роли сундука).

2. *Ростомела*. Еще въ „Осетинскихъ этюдахъ“ (Ч. I. Осетинскіе тексты. Москва. 1881.) проф. В. Θ. Миллеръ въ своемъ „Введеніи“ (подъ № XV) говорилъ: „сказаніе о Ростомѣ и Безанѣ (стран. 79), записанное мною въ Алагирѣ, любопытно потому, что напоминаетъ извѣстный эпизодъ Шахъ-намэ—убіеніе Зораба его отцомъ Рустемомъ“.

Въ VII вып. „Сборника матер. для описанія мѣстн. и племенъ Кавказа“ (Отд. II. Стр. 17—20) помѣщенъ рассказъ на тотъ же мотивъ, подъ заглавіемъ: „Какъ Ростомъ убилъ своего сына Зурапхана“. Въ настоящемъ выпускѣ печатается еще подобный же рассказъ, т. е. „Ростомела“.

Во II книгѣ „Этнографическаго обозрѣнія“ (Період. изданіе Этнографическаго Отдѣла Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи, состоящаго при Московскомъ Университетѣ. Москва. 1889.) В. Θ. Миллеръ посвящаетъ особую статью („Отголоски иранскихъ сказаній на Кавказѣ“) вопросу о личности Ростоме (Рустема)

въ этнографическомъ кавказскомъ матеріалѣ: „между похождениями Рустема—говоритъ почтенный профессор—наибольшимъ распространіемъ въ народныхъ кавказскихъ сказапіяхъ пользуется его встрѣча и битва съ роднымъ сыномъ, плѣнявшая народную фантазію своею глубоко-трагической развязкой“ (7 стр.). Съ этой точки зрѣнія, по сравненію съ поэмою Фирдуси, онъ разсматриваетъ три версіи эпизода о Рустемѣ и Зорабѣ: сванетскую (въ газетѣ „Иверія“, 1887 г., № 214), пшавскую (газ. „Иверія“, 1889 года, № 82) и осетинскую (VII вып. „Сборн. матеріаловъ“).

Кавказскія народныя сказанія знаютъ еще другого сына у Ростомъ—Амирана; но сюжеты этихъ рассказовъ не имѣютъ ничего общаго съ разсматриваемымъ эпизодомъ („Сборн. матер. для описан. мѣстн. и племенъ Кавказа“. Вып. II. Отд. II. Стр. 158—160: *Народная былина объ Амиранѣ*.—Вып. VII. Отд. II. Стр. 20—23: *Какъ Амиранъ перебилъ еликановъ*.—„Осетинскіе Этюды“. Ч. I. Стр. 145—147: *Сказаніе о Дарезановыхъ*. Сравн. въ „Введеніи“ замѣчаніе, подъ № XII).

Разсмотрѣвъ, въ вышецитированной статьѣ изъ „Этнографическаго обзорѣнія“, сказанія о Бежанѣ, которыя на Кавказѣ вступили въ тѣсную связь съ сказаніями о боѣ Рустема съ сыномъ, профессоръ дѣлаетъ выводъ: „разсмотрѣнные нами кавказскіе пересказы *двухъ* эпизодовъ изъ походовъ Рустема въ достаточной степени показываютъ, насколько сохраняются еще доселѣ иранскія эпическія сказанія на почвѣ Кавказа... Мы прослѣдили на Кавказѣ измѣненіе двухъ цѣлыхъ эпизодовъ изъ персидскаго эпоса, по *отдѣльнымъ* чертамъ, занесеннымъ въ кавказскія сказки разныхъ народностей изъ того же источника, встрѣчаются весьма часто“. (Между прочимъ, Вс. Θ. Миллеръ указываетъ на *удинскую* сказку о *Рустамѣ*: „Сборн. мат. для описан. мѣстн. и племенъ Кавказа“. Вып. VI. Приложение).

Въ той же книгѣ „Этнографич. обзорѣнія“ въ статьѣ

А. С. Хаханова: „Тушины“ встрѣчаемъ (стр. 59) сообщеніе, что у тушинъ изъ эпизода о Рустемѣ и Зорабѣ сохранился тотъ же самый моментъ борьбы ихъ. Въ очеркѣ о пшавахъ („Сборникъ матеріаловъ по Этнографіи“. Изд. подъ редакцію Вс. О. Миллера. Гшп. III. Стр. 94. Москва. 1888.) передаю А. С. Хахановымъ содержаніе этого эпизода и указаны слѣды его у мохевцевъ.

II. Легенды. 1, а. и б. О Соломонѣ Мудромъ.

Библейскій царь Соломонъ, кромѣ христіанскихъ народностей, какъ въ этомъ случаѣ, извѣстенъ и среди мусульманскаго населенія: „Библейскаго царя Соломона горцы называютъ Пайхомаръ-Сулейманъ, т. е. пророкъ Соломонъ. Онъ принимается вообще мусульманами за одного изъ главныхъ пророковъ“, читаемъ у *А. II. Ипполитова* въ примѣчаніи къ его статьѣ: „Этнографическіе очерки Аргунскаго округа“, по поводу „Сказки о Пророкѣ Соломонѣ“ („Сборн. свѣд. о кавказ. горц.“. Вып. I. Отд. III. Стр. 36; сравн. 22).

Первую (а) легенду о Соломонѣ Мудромъ любопытно сопоставить съ грузинской „Сказкой о змѣѣ-царѣ“ (№ XIV), со стороны роли жены, а съ армянской сказкой: „Минареть изъ человѣческихъ головъ“ (стр. 207—210)—со стороны „мудрыхъ совѣтовъ“.

XV. Сказки, собранныя въ селеніи „Валянъ“ (184—210).

1. *Рычной бродяга.*—Въ основѣ первой половины настоящей сказки, повидимому, звучитъ тотъ *мотивъ*, на которомъ построена *миръ объ Эдингъ-царь*, или, точнѣе говоря, середина его часть. Вторая половина означенной сказки—позднѣйшаго происхожденія и носитъ совершенно другой характеръ.

2. *Коровій сынъ.*—Въ происхожденіи Коровьяго сына играютъ важную роль яблоки. На подобную роль яблокъ встрѣчаемъ еще указанія, напр., въ сказкахъ: „Авилъ-Касимъ и Авилъ-Мамадъ“ („Сборн. матер.“. Вып. III. Отд. II. Стр. 118—119),

„Новрузъ“ („Сборникъ матеріаловъ“. Вып. VII. Отд. II. Стр. 164—165).

Настоящая сказка совпадаетъ со сказкою „Несчастный садъ“ („Сборн. матер.“. Вып. VII. Отд. I. Стр. 128—141), или со сказками, у Аванасьева, подъ заглавіемъ: „Три царства—мѣдное, серебряное и золотое“ (см. наше примѣч. къ сказкѣ „Несчастный садъ“), *въ эпизодъ спасенія* героя сказки изъ подземнаго царства, при помощи птицы.

Въ виду того, что II отдѣлъ настоящаго выпуска „Сборника“ занять—какъ мы говорили въ первыхъ строкахъ Предисловія—*преимущественно бытомъ кавказскихъ мусульманъ*,—мы позволяемъ себѣ обратить вниманіе читателей на *библиографію по этому вопросу* вообще въ „Сборникѣ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа“ (Вып. I—VII.—Тифлисъ. 1881—1889 гг.): ее можно извлечь изъ *объявленій* объ „Издапіяхъ Кавказскаго Учебнаго Округа“,—здѣсь обозначены *заглавія* всѣхъ статей въ каждомъ выпускѣ „Сборника“. Въ настоящемъ же Предисловіи мы указывали изъ предыдущихъ выпусковъ „Сборника“ только на тѣ статьи, съ которыми имѣютъ непосредственную связь матеріалы даннаго выпуска.

Въ концѣ II отдѣла редація прилагаетъ *пояснительный указатель* наиболѣе важныхъ словъ, восточнаго происхожденія, полагая, что онъ не будетъ лишнимъ, особенно, для читателя, у котораго можетъ не оказаться подъ рукою какого-нибудь „Толковаго Словаря“.

А. Словинскій.

I. О ТАТАРСКИХЪ ШКОЛАХЪ *).

Школы татарскія называются „мектебами“ или „медресами“, отъ арабскихъ словъ: „мектебъ“ и „медресэ“. „Мектебъ“ происходитъ отъ слова „кетбъ“ — *писать* (грамотность?) и, въ переводѣ, значитъ *мѣсто для письма*; „медресэ“ — отъ слова „дерсъ“ — *урокъ* (лекція?) и, въ переводѣ, значитъ *мѣсто для уроковъ*. Нѣкоторые называютъ свои школы „мектеб-медресэ“. Въ простомъ народѣ о словѣ „медресэ“ нѣтъ и помина: онъ употребляетъ только „мейтабъ“ или „магтабъ“.

Съ самаго своего возникновенія, татарскія школы находились при мечетяхъ, въ полной отъ нихъ зависимости, и преподавателями въ нихъ были муллы. При арабскомъ халифѣ Гарунѣ въ школьномъ дѣлѣ были произведены нѣкоторыя улучшения, и ограниченное число школъ стало возрастать; при немъ уже учителями могли быть, кромѣ муллъ, и свѣтскія лица, выдержавшія экзаменъ на званіе учителя, а школы могли быть внѣ зависимости отъ мечетей; татары же отъ арабовъ, какъ отъ старшихъ братьевъ по религіи, эти самыя перемены позаимствовали и для своихъ школъ.

Какъ бы ни было велико число учениковъ, помѣщается школа въ одной комнатѣ, потому-что занимается со всѣми учащимися одинъ учитель. Сидятъ ученики или на голомъ полу, или на лохмотьяхъ паласовъ и рогожъ, которыя сами

*) Я буду говорить только о школахъ татаръ-азербейджанцевъ, такъ-какъ я съ этими школами знакомъ по опыту, притомъ о школахъ стариннаго образца, и не буду касаться вновь открытыхъ школъ, устроенныхъ на новыхъ началахъ; такихъ школъ теперь—три-четыре въ Закавказьи.

же ученики и приносятъ каждый день въ медресэ; обыкновенно, они сидятъ, поджавши ноги, а при болѣе строгихъ муллахъ-учителяхъ—даже на колѣняхъ; и это продолжается десять, а иногда двѣнадцать часовъ за-разъ. О качествѣ воздуха въ татарскихъ школахъ можно судить по тому, напр., что на комнату, имѣющую до 2000 куб. фута объема, приходится 60 учениковъ (minimum). Нигдѣ вы не встрѣтите татарской школы, которая отапливалась бы печкой или каминомъ: вездѣ онѣ нагрѣваются „мангалами“ (чашка глиняная или жестяная: въ нее кладутъ угли). Предъ каждымъ тремя или четырьмя учениками стоитъ одинъ такой мангалъ, съ тлѣющими углями, чадъ отъ которыхъ наполняетъ всю комнату, такъ-какъ въ ней не имѣется никакихъ вентиляторовъ. Неудивительно послѣ этого видѣть, какъ дѣти, имѣвшія здоровый цвѣтъ лица, недѣли чрезъ двѣ, послѣ поступления въ мектебъ, блѣднѣютъ и принимаютъ болѣзненный видъ. Окна (азіатскія) мектебовъ, большею частью, закрыты досками, а дверь, по приказанію муллы, запирается; отсюда—рѣдко вы найдете мутаалима (ученика) съ здоровымъ зрѣніемъ. Вообще, едва ли возможно, чтобы, при такихъ антигигіеническихъ условіяхъ, ученики пользовались здоровьемъ.

Названія учителей татарскихъ школъ—слѣдующія: мулла, мирза, ахундъ; и ученики, и общество такъ ихъ и называютъ. Общественное значеніе такихъ лицъ—весьма важно: большею частью, муллы являются посредниками между жителями квартала, въ которомъ они обитаютъ,—жители, въ случаѣ затрудненій или столкновеній, обыкновенно, раньше, чѣмъ обратиться къ полиціи, являются къ мулламъ въ мектебъ, прося у нихъ суда, и въ мектебѣ разбирается дѣло, что, конечно, немало мѣшаетъ занятіямъ учениковъ. Общество относится къ мулламъ, вообще, съ большимъ уваженіемъ: оно признаетъ ихъ воспитателями своихъ дѣтей въ полномъ смыслѣ слова,—считаетъ ихъ духовными отцами своихъ дѣтей: всякій

татаринъ съ удовольствіемъ слушаетъ крикъ своего сына подъ ударами муллы, види въ этомъ наказаніи знакъ дѣятельной заботливости учителя объ умственномъ и нравственномъ развитіи его питомца; мало того, отецъ наказаннаго сына старается еще вознаградить муллу табакомъ или головою сахару и др. Татаринъ, опредѣляя своего сына въ мектебъ, обыкновенно, даетъ муллѣ полное право *бить* его сына, такимъ выраженіемъ: „возьми себѣ, ахундъ, его мясо, а мнѣ возврати кожу да кости“. Дѣйствительно, мулла такъ и поступаетъ: онъ бьетъ своихъ учениковъ по ногамъ, по рукамъ, по головѣ, бьетъ—какъ и чѣмъ попало. Въ качествѣ вспомогательнаго средства, при наказаніи учениковъ, употребляется фалахка (до 1½ арш. длиною),—палка, къ обоимъ концамъ которой привязана веревка ремень: фалахкой скручиваются ноги ученика такъ, чтобы онъ неподвижно стоялъ подъ ударами учителя. Неудивительно послѣ этого видѣть, какъ радуются дѣти болѣзни муллы: ибо дѣти въ муллѣ видятъ тирана.

Опредѣленной платы для муллъ почти нѣтъ: они берутъ съ дѣтей нѣкоторое вознагражденіе, большею частью, при чтеніи Корана; нѣкоторые же ученики во все продолженіе ученья ничего не даютъ муллѣ; кромѣ бѣдныхъ, это можно наблюдать и надъ дѣтьми состоятельныхъ родителей; мулла не взыскиваетъ платы за ученье съ такихъ учениковъ, вѣроятно, потому, что отцы такихъ дѣтей пользуются уваженіемъ въ обществѣ, а слѣдовательно, они могутъ составить для него поддержку въ населеніи. Муллы получаютъ отъ своихъ учениковъ денежное вознагражденіе еще въ день Байрама, а въ Курбанъ-Байрамъ („День жертвоприношенія“) каждый ученикъ обязанъ принести въ домъ муллы овечью ляжку.

Занятія въ мектебахъ распределены такъ: съ утра до полудня занимается съ учениками, съ каждымъ отдѣльно *),

---

*) Прочіе ученики проводятъ это время, какъ кому угодно,—обыкновенно, въ шалостяхъ.

самъ мулла; въ полдень ученики распускаются по домамъ, не больше, какъ на часъ; послѣ того, ученики около двухъ часовъ занимаются чистописаніемъ, а остальное время старшіе ученики, по назначенію муллы, репетируютъ учениковъ и ошибки ихъ вносятъ въ особую книжку: смотря по числу ошибокъ, допущенныхъ ученикомъ, онъ подвергается извѣстному наказанію. Такъ называемыхъ „перемѣнъ“, кромѣ узаконнаго времени на обѣдъ, въ татарскихъ школахъ не бываетъ, даже для отправленія естественныхъ потребностей; отсюда можно себѣ представить, какія иногда бывають слѣдствія.....

Интересно остановиться на „программѣ“ и на приемахъ преподаванія. Обыкновенно, послѣ азбуки дается дѣтямъ Коранъ, гдѣ дѣти съ трудомъ разбирають буквы для составленія словъ, на непонятномъ имъ арабскомъ языкѣ; надъ чтеніемъ Корана просиживаютъ цѣлыхъ три-четыре года. Послѣ Корана дается дѣтямъ „Гюлистанъ“ (на персидскомъ языкѣ), гдѣ каждая строка переводится на татарскій языкъ; послѣ того дается „Нани-халва“ (т. е. „Хлѣбъ и халва“), содержащая въ себѣ разнаго рода нравственныя наставленія отъ отца сыну; также дается ученикамъ „Лейли и Межнунъ“, — поэма. Азербейджанскому же языку ни въ одной изъ такихъ школъ не учать. Несмотря на то, что учителя всѣхъ татарскихъ школъ—лица духовныя, у нихъ занятія начинаются безъ молитвы: въ началѣ урока только произносится имя Аллаха. Затѣмъ каждый ученикъ подходитъ отдѣльно къ муллѣ, опускается предъ нимъ на колѣни, поджавъ подъ себя ноги; книгу кладетъ на полъ и затѣмъ наклоняется почти до самой книги; мулла же произноситъ слова: „во имя Великаго и любящаго насъ Аллаха!“ Урокъ чтенія ведется такъ, что мулла читаетъ и переводитъ слово въ слово, а находящійся предъ нимъ ученикъ долженъ про себя повторять то, что говоритъ мулла; послѣ того мулла заставляеть учени-

ка повторить прочитанное и переведенное; неточное повторение сопровождается наказаніемъ. Покончивъ занятія съ каждымъ ученикомъ въ отдѣльности, мулла призываетъ всѣхъ учениковъ къ порядку и тишинѣ, а затѣмъ, ударомъ палки о полъ или о стѣну, приказываетъ всѣмъ ученикамъ занять каждому свое мѣсто; понятно, что здѣсь и рѣчи быть не можетъ о разумности чтенія и о порядкѣ въ школѣ: для муллы достаточно, что ученикъ открываетъ и закрываетъ ротъ.

Въ чистописаніи ученики должны соперничать: кто напишетъ лучше своего товарища, тотъ не только имѣетъ право, но и обязанъ побить его по рукамъ палкой. Есть даже на этотъ счетъ такіе стихи:

خبردار باشند کودک تمام • نویسند مشتقی بدقت مدام

„Вѣдайте, о, дѣти: пишите чистописаніе всегда со вниманіемъ, а кто напишетъ хуже своего соперника, послѣдній ударитъ его палкой по рукамъ. И это да будетъ!“). Эти стихи произносятся однимъ ученикомъ предъ чистописаніемъ. Перомъ для письма (каламъ) въ татарскихъ школахъ служитъ очиненный камышь.

Держать перо тремя пальцами: большимъ, указательнымъ и среднимъ; всѣ три пальца держатся около одной точки пера и сильно пригибаются другъ къ другу; перо держится почти вертикально къ бумагѣ; пишутъ справа-налѣво. Образцами при чистописаніи служатъ строчки, написанныя самимъ муллою въ началѣ листа бумаги, замѣняющаго тетрадь чистописанія. Послѣ чистописанія поднимается другой ученикъ и читаетъ:

کو توروک مشتق و قلمداننی که وقت درسدر • ایمدی درس از بر ایدگت • یازد یغکز بسدر

(„Возьмите пеналы и образцы, ибо теперь время урока! Учите уроки, — достаточно вамъ писать!“).

Диктовки въ татарскихъ школахъ совсѣмъ нѣтъ, а есть нѣчто въ родѣ переложенія. Матеріаломъ для такихъ упражненій, обыкновенно, служатъ рассказы самого муллы на та-

тарскомъ языкѣ; ученики же должны изложить разсказъ на персидскомъ языкѣ; такія упражненія являются, большею частью, въ формѣ письма. Мулла иногда даетъ и образчики писемъ. Для примѣра можно привести одно изъ такихъ писемъ, продиктованное муллой:

„Многоуважаемый братъ!

Послѣ сообщенія вамъ о здоровьи моемъ и нашего семейства, покорнѣйше пропущу васъ во время прїѣзда своего изъ Тавриза купить для нашего муллы два фунта хорошаго чаю!“

Какъ только мальчикъ научится писать, то отецъ, обыкновенно, беретъ его къ себѣ въ лавку или отдаетъ въ приказчики другому, такъ-какъ цѣль обученія ему кажется достигнутою. Весьма важною цѣлью обученія ставится умѣнье читать Коранъ: каждый учившійся обязанъ по четвергамъ на кладбищѣ, на могилѣ своего дѣда или другого умершаго родственника, читать одну или двѣ главы изъ Корана; въ случаѣ невозможности итти на кладбище, онъ то же долженъ исполнить у себя дома.

Въ виду такихъ ограниченныхъ цѣлей, среди указанной матеріальной обстановки, при данномъ положеніи ипобольнаго дѣла со стороны педагогической, и результаты, во всѣхъ отношеніяхъ, должны быть самыя жалкіе,—притомъ скорѣе вредныя, чѣмъ полезныя.

Ученикъ III-го класса Эриванской учительской семинаріи *Миръ-Гашимъ-бекъ-Везировъ*.

Эривань.
1888 г.

II. НАРОДНОЕ ОБУЧЕНИЕ

у Закавказскихъ татаръ.

1. Школы.

Татарскія школы помѣщаются, преимущественно, на многолюдныхъ, бойкихъ улицахъ. Мулла, при выборѣ помѣщенія для своей школы, помимо педагогическихъ цѣлей, преслѣдуетъ еще торговую цѣль: на ряду со школой, таковой педагогъ, обыкновенно, держитъ какую-нибудь лавку (фруктовую, керосинную и т. п.). Помѣщеніе для лавки мулла нанимаетъ или, какъ-разъ, противъ своей школы, или рядомъ съ нею; во второмъ случаѣ онъ соединяетъ лавку со школой. Если же онъ не находитъ удобнаго, соответствующаго его торговымъ видамъ, помѣщенія, то раздѣляетъ досчатою перегородкою школьную комнату на двѣ половины, изъ которыхъ въ одной помѣщается школа, а въ другой лавка. Въ числѣ главныхъ потребителей съѣстнаго товара муллы являются его же ученики: учащіеся въ татарскихъ школахъ цѣлый день съ утра до вечера проводятъ въ школѣ; они не ходятъ домой обѣдать, а въ школѣ закусываютъ и обѣдаютъ, покупая у муллы или чурекъ съ пендиромъ (хлѣбъ съ сыромъ), или фрукты. Торговыми дѣлами муллы, подъ его непосредственнымъ наблюдениемъ, завѣдуютъ или старшіе ученики, испытанные въ вѣрности, или хальфа (помощникъ муллы). Если приходитъ посторонній покупатель, то мулла прерываетъ свои занятія съ

учениками, для торговли, причемъ и ученики принимаютъ участіе въ продажѣ, выхваляя товаръ своего учителя-торговца.

Есть муллы, и исключительно преданные своимъ педагогическимъ обязанностямъ,—это, такъ называемые,—приходскіе муллы: спеціально подготовленные для педагогической дѣятельности, они считаютъ униженіемъ для муллы-педагога заниматься торговлею; но число такихъ муллъ очень невелико. Въ Шемахѣ изъ 23 муллъ только 5 приходскихъ; 12 муллъ, изъ прочихъ 18, содержатъ при своихъ школахъ фруктовые лавки; двое—харчевни (татарскія); двое—склады фотографенны, и двое занимаются *адвокатурой*.

Всѣ татарскія школы, даже въ мелочахъ, такъ похожи другъ на друга, что по одной можно составить себѣ болѣе или менѣе ясное представленіе и о другихъ. Изъ такихъ школъ для примѣра опишу одну шемахинскую школу *) приходскаго муллы—Д., который больше двадцати лѣтъ занимается обученіемъ дѣтей.

Школа этого муллы пользуется хорошей репутаціей: число ея учениковъ ежегодно колеблется между 90 и 100; богатые татары опредѣляютъ своихъ дѣтей въ эту школу. Она помѣщается на площади, извѣстной подъ названіемъ „Аллафъ-кѣмурчи-майданы“ („Площадь хлѣбныхъ торговцевъ и угольщиковъ“), въ одноэтажномъ, изъ одной комнаты, домикѣ, который когда-то былъ саманикомъ; выходъ изъ него прямо на площадь. Площадь же служитъ центральнымъ торговымъ пунктомъ для окрестныхъ поселянъ, почему она постоянно бываетъ запружена народомъ. Кромѣ того, что базарный шумъ развлекаетъ учениковъ и мѣшаетъ ихъ занятіямъ, помѣщеніе школы въ такой части города и небезопасно: одинъ изъ учениковъ описываемой школы, на памяти составителя настоящей статьи, былъ раздавленъ до смерти на этой площа-

---

*) Въ этой школѣ нѣкоторое время учился и авторъ настоящей статьи.

ди. Нерѣдко предъ школой между продавцами и покупателями происходят ссоры и споры, которые, зачастую, оканчиваются дракой, причѣмъ иногда подобные случаи имѣютъ печальныя послѣдствія для учениковъ: мнѣ памятенъ одинъ изъ такихъ случаевъ,—мнѣ было тогда 12 лѣтъ, и я учился у муллы Д. Однажды произошла драка на этой площади, какъ разъ, предъ нашей школой; одинъ изъ участвовавшихъ въ дракѣ такъ сильно толкнулъ своего противника, что тотъ влетѣлъ въ школьную комнату и, свалившись на меня, увлекъ, при своемъ паденіи, меня съ тахты и сломалъ мнѣ ногу *).

Школа муллы Д. представляетъ собою продолговатую комнату, длиною въ 30 аршинъ и шириною въ 10. Въ ней грязно и сыро; полъ и потолокъ земляные; стѣны не штукатурены и не обиты обоями; когда-то онѣ были выкрашены *гилясаромъ* (синяя земля, для краски стѣнъ, половъ и потолоковъ), но теперь только по мѣстамъ остались незначительныя слѣды гилясара. Въ одной изъ стѣнъ, почти подъ потолокомъ, пробито отверстіе, долженствующее исполнять роль

---

*) Уличныя драки иногда принимаютъ болѣе угрожающій характеръ, особенно, если столкновение произошло между лицами разныхъ кварталовъ: въ такихъ случаяхъ раздоръ можетъ охватить и цѣлые кварталы, — тѣмъ болѣе, что партійный духъ чрезвычайно развитъ у татаръ: сколько кварталовъ, сколько улицъ, столько и партій: живущіе въ одномъ кварталѣ составляютъ одну партію; родственная связь часто уступаетъ партійной связи. Интересы единичныхъ личностей ступѣваются предъ интересомъ цѣлаго квартала; обида одного лица, живущаго въ одномъ кварталѣ, есть обида для всего квартала. Та же партійность простирается даже и на „содомскій грѣхъ“: въ каждомъ кварталѣ есть нѣсколько развратныхъ юношей, которые составляютъ какъ бы достояніе этого же квартала и не имѣютъ права развратничать на сторонѣ; всѣ члены одного и того же квартала или союза обязаны зорко слѣдить за своимъ мутруфомъ (мальчикомъ), чтобы кто-нибудь изъ другого квартала не осмѣлился оскорбить его; въ противномъ случаѣ цѣлый кварталъ, чтобы смыть съ себя позоръ оскорбленія, нравственно обязанъ проучить нахаловъ, осмѣлившихся оскорбить его честь. Такая месть вызываетъ уличную драку, а подобныя драки, имѣющія причиною оскорбленіе чести, почти всегда оканчиваются убійствами. Впрочемъ, уличныя драки часто возникаютъ и по самымъ ничтожнымъ причинамъ; но тѣмъ не менѣе сопровождаются очень тяжкими послѣдствіями, такъ-какъ въ дѣло пускается, обыкновенно, оружіе, холодное и огнестрѣльное.

окна; зимою оно заклеивается разноцвѣтными промасленными бумажками и еле-еле пропускаетъ свѣтъ, почему въ классной комнатѣ постоянно бываетъ полумракъ; къ тому же, единственная дверь школы, которая служитъ также и проводникомъ свѣта, зимою тоже затворяется. Такія условія должны способствовать развитію близорукости: по крайней мѣрѣ, близорукость среди городскихъ шемахинскихъ татаръ значительно развита, и мнѣ кажется, что татарская школа служитъ, въ этомъ отношеніи, одною изъ важныхъ причинъ. Къ тому же и воздухъ въ школѣ—чрезвычайно дурной,—спертый и пропитанный вонью: для характеристики его достаточно сказать, что ученики состоятельныхъ родителей совершаютъ свои естественныя отправления въ школѣ же въ маленькіе кубшинчики, которые остаются въ комнатѣ до вечера. Мебели въ школѣ нѣтъ: ученики сидятъ или, просто, на полу, подстлавъ подъ себя овечью шкуру, войлокъ, рогожу или т. п., или на тахтахъ, которыя устроены по стѣнамъ. Около дверей устроена тахта, специально, для муллы: отсюда онъ можетъ видѣть какъ учениковъ, такъ и все, происходящее на площади. Сосѣдство также не благопріятствуетъ школѣ: такъ, тоненькая досчатая стѣнка отдѣляетъ школу, съ лѣвой стороны, отъ смежной комнаты, въ которой помѣщается кузница; съ правой стороны, въ другой смежной комнатѣ, помѣщается татарская чайная; позади школы находится извозчичій дворъ и конюшня. Содержатели школъ, ради экономіи, конечно, нанимаютъ такія помѣщенія, которыя уступаются дешево. Объ этомъ могутъ свидѣтельствовать цифровыя показанія относительно цѣнъ за квартиры для школъ: такъ, пять школъ платятъ въ годъ по 12 р., шесть—по 15 р., четыре—по 18 р., три—по 24 р., или всѣ 18 школъ вмѣстѣ платятъ 294 р. (на одну—16 р. 33 к.); остальные пять школъ, какъ приходскія, не платятъ за помѣщенія.

2. Мулла-педагогъ.

Разсказываютъ, однажды ученикъ татарской школы видить жалобно блеющего барана, котораго ведутъ на бойницу. „Несчастный—обращается онъ къ нему—зачѣмъ ты такъ жалобно блеешь? вѣдь, на бойницу, а не въ школу къ муллѣ ведутъ тебя!..“

Этотъ анекдотъ до нѣкоторой степени характеризуетъ грозную личность муллы-педагога. Отправляя своего сына въ школу, къ муллѣ, татарка-мать говоритъ:

„Сынокъ, бойся муллы, уважай его;
Онъ ученъ и не знаетъ пощады;
Онъ лютъ; фалахка его крѣпка;
Руки его сильны; удары вѣрны;
Онъ съѣстъ тебя, сынокъ мой милый,
Если забудешь *алифъ-забаръ*,
И злополучной твоей матери
Оставить только кожу да кости“.

Ученики должны дрожать предъ муллою: весь педагогическій кодексъ его заключается въ томъ, чтобы держать питомцевъ въ вѣчномъ страхѣ. Мулла вполне убѣжденъ, что страхъ есть лучшее средство для укрѣпленія нравственности учениковъ и для умственного ихъ развитія. „Страхъ есть преддверіе мудрости и добра для ребенка“, говоритъ татарская народная мудрость. Татаринъ-отецъ, опредѣляя своего сына къ муллѣ, говоритъ: „Мулла, поручаю моего сына твоей мудрости и учености,—поступай съ нимъ, какъ тебѣ заблагоразсудится; *возьми себѣ его мясо и возврати мнѣ только его кожу да кости*“. *) Такимъ образомъ лютость—главное качество муллы: другихъ качествъ отъ муллы, пожалуй, не требуется; поэтому муллою можетъ быть всякій, кто только умѣетъ читать и писать: между педагогами-муллами вы най-

*) Сравни. выше, стр. 8.

дете и москательщико́въ, и фруктовыхъ торговцевъ, и чайчи. Для характеристики даннаго вопроса, съ этой стороны, можно указать на то, что одинъ мясникъ, у котораго я постоянно покупалъ мясо, сталъ такимъ педагогомъ: окруживъ себя нѣсколькими оборванцами, онъ сидѣлъ въ бывшей своей лавкѣ, теперь обращенной въ школу, и, переважно покачивая свое туловище, бормоталъ какой-то стихъ изъ Корана. Послѣ взаимныхъ привѣтствій, на мой вопросъ, чѣмъ это онъ занимается, бывший мясникъ, теперь педагогъ, переважно отвѣтилъ: „изъ источника, дарованнаго мнѣ Аллахомъ, я переливаю воду мудрости въ сердца юныхъ питомцевъ!“

— „Какже твоя лавочка?“ спросилъ я.

— „Заврѣлъ“, отвѣтилъ Баширь: „торговлю прекратилъ“.

— „И сдѣлался муллою?“

— „Отчего же не быть мнѣ муллою?“ возразилъ гордо Баширь: „слава Аллаху, умѣю читать и писать, даже лучше многихъ муллъ“.

— „Чему-же ты учишь ихъ?“ спросилъ я.

— „Чему?“ переспросилъ Баширь съ гордостью: „всему! Вотъ эти проходятъ ужъ Гюлистанъ, а вотъ этотъ проходить Бостанъ“. Послѣдній ученикъ долженъ былъ показать свое знаніе. „Въ минуту опасности человѣкъ подставляетъ свою руку подъ кинжалъ“, обратился вдругъ, послѣ пробы ученика, ко мнѣ Баширь—не знаю, почему—этой неумѣстной цитатой изъ „Саади“, вѣроятно, желая хваснуть и предо мной, и предъ своими питомцами знаніемъ персидскаго языка.

Новый мулла-педагогъ, для пріобрѣтенія популярности и привлеченія въ свою школу учениковъ, прибѣгаетъ къ нѣкоторымъ, болѣе или менѣе общимъ, средствамъ: напр., онъ придаетъ себѣ серьезный видъ вдохновеннаго дервиша; окрашиваетъ бороду и усы хивой, въ красный цвѣтъ; ходитъ съ наклоненной головой на грудь, бормоча стихи изъ „Гафиза“ или „Саади“, въ своей абѣ (накидѣ), необходимой принадлежности

костюма у каждаго муллы-педагога; говорить тихо, вкрадчиво и цвѣтистыми фразами; чтобы придать больше вѣсу и значенія своему разговору, вставляетъ въ свой разговоръ, кстати и не кстати, персидскія или арабскія слова, смысла которыхъ, иногда, и самъ не понимаетъ, почему и выраженія его бываютъ темны, непонятны и даже бессмысленны.

Такъ, отъ муллы можно услышать такую, напр., бессмыслицу: „сегодня цвѣты облеклись въ горчицу“; или—такую: „я вышелъ въ солнце; соловьиныя ножки въ темныхъ свѣтлыхъ пропастьяхъ мудрости“. Говорить мулла свою чепуху съ самымъ серьезнымъ видомъ; онъ и не взглянетъ на своего собесѣдника, будучи вполне увѣренъ, что онъ выше его. Иногда онъ выражается такъ загадочно, что рѣшительно нѣтъ никакой возможности понять его. Разъ въ гостяхъ у одного почётнаго татарина я встрѣтился съ однимъ такимъ новымъ педагогомъ. Во время обѣда, когда подали пловъ, онъ вдругъ обратился ко мнѣ съ такой иносказательной рѣчью: „въ принадлежащемъ тебѣ дремучемъ лѣсу заблудился бѣлый разбойникъ,—пошли пятерыхъ твоихъ покорныхъ рабовъ выгнать его оттуда“. Я смотрѣлъ на него съ недоумѣнiемъ, не понимая, что онъ подразумѣваетъ подъ „дремучимъ лѣсомъ“, „заблудившимся разбойникомъ“, подъ „поворными рабами“; между тѣмъ онъ, довольный своей загадкой, бросилъ гордый взглядъ на присутствовавшихъ, приглашая ихъ, вѣроятно, въ свидѣтели моего невѣжества и какъ бы говоря: „посмотрите, дескать, урусъ-мулла и такихъ простыхъ вещей не понимаетъ: какимъ же онъ можетъ быть воспитателемъ юношества!“ Домохозяинъ разрѣшилъ мое недоумѣнiе, объяснивъ, что почтенный мулла подъ „дремучимъ лѣсомъ“ разумѣетъ мою бороду, подъ „бѣлымъ разбойникомъ“—рисъ, попавшійся въ мою бороду, подъ „пятью поворными рабами“—пять пальцевъ: словомъ, просто-на-просто, мулла хотѣлъ дать знать, что въ моей бородѣ застралъ рисъ отъ плова. На мое замѣчанiе, что

это можно было объяснить гораздо проще, мулла наивно отвѣтилъ:

— „Кавимъ же тогда я былъ бы муллою, если бы выражался такъ просто, какъ другіе!“

— „А, вѣдь, такъ никто васъ не пойметъ!“

— „Въ томъ-то и заключается ученость“, замѣтилъ домохозяинъ серьезно: „языкомъ понятнымъ каждый изъ насъ въ состояніи говорить, а человѣкъ ученый чѣмъ-нибудь долженъ отличаться отъ людей простыхъ“.

Дѣйствительно, у татаръ ученымъ считается тотъ, который умѣетъ выражаться замысловато, темно и загадочно. Вслѣдствіе этого, и человѣкъ, желающій посвятить себя педагогической дѣятельности, обязанъ прежде всего доказать свою ученость, именно, въ этомъ отношеніи: такимъ путемъ обезпечивается будущность его школѣ. При этомъ муллы иногда прибѣгаютъ къ уловкамъ не совсѣмъ чистаго характера: такъ, они стараются очернить въ глазахъ общества своихъ старыхъ собратьевъ, подвергая критикѣ умственное развитіе и религіозныя воззрѣнія ихъ; иные даже подкупаютъ или подучиваютъ знакомыхъ и родственниковъ, которые, при каждомъ удобномъ случаѣ, рассказываютъ въ обществѣ анекдоты о невѣжествѣ или о религіозной неблагонадежности старыхъ муллъ. Разъ заручился мулла довѣріемъ общества, онъ приступаетъ къ открытію школы, т. е. просто, беретъ двухъ или трехъ мальчиковъ, дѣтей своихъ родственниковъ и знакомыхъ, и школа открыта. Свообразны также и его объявленія объ открытіи новой школы: чрезъ своихъ учениковъ онъ рассылаетъ родителямъ, имѣющимъ дѣтей школьнаго возраста, свою каллиграфію на показъ, по которой родители должны судить о достоинствахъ новаго учителя. Чтобы увеличить число учениковъ, новый мулла-педагогъ и самъ выхваляетъ свои достоинства, общая въ мѣсяцъ выучить тому, чему другіе не въ состояніи выучить, будто бы, въ нѣсколько лѣтъ.

Со мной былъ такой случай.

— „Ты у кого учишься?“ разъ спросилъ меня встрѣтившійся мнѣ на улицѣ одинъ мулла.

— „У муллы Д.“, отвѣтилъ я.

— „Сколько платишь?“

— „10 коп. въ недѣлю“.

Мулла посмотрѣлъ на меня съ какимъ-то сожалѣніемъ, покачалъ головою и выругался по адресу муллы Д.

— „Послушай“, обратился онъ ко мнѣ: „ты не знаешь развѣ, что этотъ мулла—невѣжда, шарлатанъ, разбойникъ; что онъ ничему путному не выучить тебя, такъ-какъ самъ ничего не знаетъ? Ты лучше переходи ко мнѣ,—у меня будетъ хорошо тебѣ: я не бью учениковъ, не притѣсняю ихъ, даю имъ полную свободу, позволяю имъ *выходить* изъ класса, когда имъ вздумается. Да сверхъ того—добавилъ онъ—если ты перейдешь ко мнѣ, я буду брать только 8 коп. въ недѣлю, а лишнія 2 коп. останутся въ твоемъ карманѣ; а если твой отецъ спроситъ о платѣ, я скажу, что получаю 10 коп.“

На первыхъ порахъ, когда учениковъ мало, мулла всюду прибираетъ ихъ; когда же число учениковъ увеличивается, онъ неотлучно, съ утра до вечера, сидитъ въ школѣ: въ школѣ онъ и закусываетъ, и обѣдаетъ, и чай пьетъ, и совершаетъ омовеніе и намазъ; тамъ же онъ спитъ послѣ обѣда. Въ рѣдкихъ только случаяхъ мулла отлучается изъ школы на часъ или больше, оставляя учащихся на попеченіе старшихъ учениковъ или хальфы, который тотчасъ же, по уходѣ муллы, взбирается на его тахту и старается подражать ему во всемъ. Чрезвычайно тягостно для учениковъ это минутное господство хальфы.

Мулла является въ классъ раньше учениковъ, если у него нѣтъ помощника, и позже, если онъ имѣетъ помощника, который и слѣдитъ за порядкомъ въ классѣ до прихода муллы. Важно и гордо, съ полнымъ сознаниемъ своего до-

стоинства, входитъ мулла въ классъ; нахмурившись и только изъ подлѣбья смотря на учениковъ, онъ располагаетъ на своей тахтѣ. Никакихъ привѣтствій ни со стороны муллы, ни со стороны учениковъ не полагается: мулла считаетъ униженіемъ для себя привѣтствовать своихъ учениковъ, а ученики не смѣютъ привѣтствовать учителя. Помню, на второй день моего поступленія въ татарскую школу, я, заставъ муллу въ классѣ, привѣтствовалъ его *саламомъ*. Съ удивленіемъ посмотрѣлъ онъ на меня; ученики тоже были удивлены. Тутъ мулла объяснилъ мнѣ, что между ученикомъ и муллою не полагается никакихъ привѣтствій: „ученикъ—не товарищъ и не другъ муллы“, сказалъ онъ: „мулла стоитъ неизмѣримо выше своего ученика, и послѣднему никогда не слѣдуетъ забывать этого“.

Объ аккуратности и приличіи во внѣшности, мулла нисколько не заботится. Напр., въ теплую пору, мулла снимаетъ чуху и, повѣсивъ ее на гвоздь, вбитый въ стѣну надъ его головой, развязываетъ поясъ, который также вѣшаетъ поверхъ чухи; затѣмъ снимаетъ архалуку, шаровары и джурабы (носки) и остается въ однихъ кальсонахъ и рубашкѣ, воротъ которой онъ иногда разстегиваетъ, и, такимъ образомъ, обнажаетъ свою грудь. Если же въ классѣ бываетъ душно, онъ безъ всякаго стѣсненія приподымаетъ край рубашки и обмахиваетъ ею себѣ лицо. У нѣкоторыхъ подобныхъ педагоговъ неряшливость доходитъ до такой степени, что они позволяютъ себѣ въ школѣ, на глазахъ учениковъ, освобождать свое тѣло, напр., отъ блохъ и др. насѣкомыхъ, призывая иногда къ этому дѣлу и учениковъ.

Поднятіе фалахки означаетъ, что ученики должны отвѣчать урокъ. Самъ мулла не вызываетъ учениковъ: это дѣлаетъ помощникъ, который также обязанъ слѣдить и затѣмъ, чтобы ученики не пропускали уроковъ. Любопытно, что съ ученикомъ, выходящимъ къ отвѣту, мулла иногда предварительно

заводить разговоръ, который не имѣетъ ничего общаго съ ученъемъ. Типичными образцами могутъ служить разговоры, напр., слѣдующаго рода:

- „Что, выучилъ урокъ?“
- „Выучилъ, мулла“, отвѣчаетъ ученикъ.
- „Сумѣешь отвѣчать?“
- „Сумѣю, мулла“.
- „Не врешь?“
- „Будь свидѣтелемъ Коранъ!..“
- „Кажется, вчера вечеромъ у васъ гости были?“
- „Были, мулла“.
- „Варили пловъ?“
- „Варили, мулла“.
- „А еще что?“
- „И долму варили, мулла, и коурму тоже“.
- „Съѣли все?“
- „Съѣли, мулла“.
- „Ничего не оставили?“
- „Ничего, мулла“...
- „Ахъ ты, гарамзада-беззадь (нечестивый плодъ)! Какже ты забылъ принести муллѣ его пай?“
- „Не зналъ, мулла“.
- „А, не зналъ! Будешь знать, когда почувствуешь на спинѣ палочные удары“.
- „Твой отецъ,—обращается мулла къ другому ученику—кажется, гранаты привезъ изъ Агъ-су?“
- „Привезъ, мулла“.
- „Сколько штукъ?“
- „Сто штукъ, мулла?“
- „Съѣли все?“
- „Нѣтъ, мулла,—осталось еще“.
- „Что же твой отецъ не присылаетъ муллѣ нѣсколь-
ко штукъ?“

— „Я скажу отцу, мулла“.

— „То-то... смотри, чтобъ завтра ты пришелъ съ грататами“.

Къ иному ученику обращается мулла съ вопросомъ, не пекутъ ли у нихъ сегодня хлѣба, и, получивъ утвердительный отвѣтъ, напоминаетъ ученику, чтобъ онъ не забылъ принести своему учителю его *най*: мулла, обыкновенно, знаетъ у кого изъ учениковъ готовить что-нибудь и старается, чтобы его не обошли, и ученики должны приносить ему *най* изъ приготовленныхъ дома кушаньевъ. Нѣкоторые изъ учениковъ, съ разрѣшенія муллы, идутъ домой за обѣденной порціей и съ нею возвращаются въ школу, гдѣ и ѣдятъ ее въ присутствіи учениковъ и муллы; если запахъ кушанья соблазняетъ муллу, то онъ, безъ всякой церемоніи, беретъ у ученика хоть часть его обѣда. Случается, что ученикъ, принесшій въ школу дыню или какіе-нибудь фрукты, принужденъ бываетъ также уступить муллѣ часть изъ принесеннаго. Такимъ образомъ, онъ собираетъ и чурекъ, и пендиръ, и кушанья, и фрукты. Къ вечеру все это онъ отправляетъ домой, къ женѣ, которая, взявъ себѣ—сколько нужно, лишнее продаетъ сосѣдямъ. По поводу такихъ фактовъ ученики сложили слѣдующее четверостишіе:

„Мулла Д., мулла Б.—варвары,

Испачкали свои туманъ-шаровары...

Отняли у учениковъ чурекъ и фрукты

И сами насытились, и другимъ продали“.

Отсюда вполне естественно, что мулла оказываетъ предпочтеніе тѣмъ ученикамъ, которые часто дѣлаютъ ему разныя приношенія. Вотъ почему такъ рѣзко сказывается подавляющее вліяніе богатыхъ на бѣдныхъ въ татарскихъ школахъ. Самъ мулла теряетъ свою важность и, даже, раболѣпствуетъ предъ богатымъ ученикомъ.

Я помню, въ той же школѣ со мною учился сынъ вла-

дѣтельнаго хана, изнѣженный, капризный барчукъ, разодрѣтый въ шелкъ и парчу. Каждый день онъ приходилъ въ школу въ сопровожденіи богато одѣтаго *нукера*, который въ 12 часовъ дня являлся опять за своимъ барчукомъ и уводилъ его домой. Каждый разъ, при входѣ ханскаго отрока, мулла вскакивалъ съ своего мѣста, своими руками встряхивалъ его миндаль и, называя его „агою“, „ханомъ“, усаживалъ около себя. Всѣхъ учениковъ этотъ изнѣженный барчукъ, положительно, держалъ въ кабалѣ. Онъ смотрѣлъ на насъ, какъ на своихъ подданныхъ: онъ думалъ, что ученики обязаны исполнять его капризы, такъ-какъ онъ—сынъ хана. Онъ мучилъ, тиранилъ несчастныхъ учениковъ: горе было тому, кто не хотѣлъ исполнять его, иногда чудовищныхъ, капризовъ. Замѣчательно то, что и ученики, молча, безъ ропота, переносили его капризы. Иногда же этотъ барчукъ раздавалъ ученикамъ лакомства или приносилъ имъ разбитыя копеечныя игрушки. Самого муллу онъ мучилъ, заставляя его, напр., писать въ день по нѣскольку разъ первыя три буквы татарской азбуки. Иногда мулла съ самой подобострастной улыбкой обращался къ нему такъ:

— „Ханъ-джанъ, можетъ быть, тебѣ угодно будетъ отвѣчать урокъ?“

— „Убирайся.—не хочю“, бурчалъ онъ, грызя сахаръ или конфеты.

Съ тою же улыбкой на лицѣ мулла отходилъ прочь.

Иногда ни съ того, ни съ сего барчукъ начиналъ плакать; мулла тревожился, не зная причины его плача.

— „Ханъ-джанъ, солнце моего рода“, умолялъ онъ его: „да буду я жертвою праха ногъ твоихъ,—не плачь“.

— „Онъ (т. е. какой-нибудь ученикъ) меня ругаетъ“, произносилъ сквозь слезы ханъ.

— „Кто?“... спрашивалъ мулла, обводя учениковъ своимъ грознымъ взглядомъ.

Извѣженный барчукъ показывалъ на перваго показавшагося. Такой ученикъ немедленно подвергался наказанію фалахкой.

Каждый четвергъ изъ ханскаго дома, въ вознагражденіе муллѣ за заботы и труды, приносили „хунчу“, состоящую изъ разныхъ кушаньевъ и лакомствъ, и, сверхъ того, еще деньгами рубль, а по праздникамъ и въ дни Байрама мулла получалъ барана и кусокъ матеріи на архалуку.

Занимается мулла съ учениками до обѣда: послѣ обѣда онъ ложится спать; ученикамъ же запрещается спать. Во время сна муллы, его замѣняетъ хальфа; но и имъ скоро овладѣваетъ сонъ. Помню, въ такія минуты мы пѣвали въ полголоса:

„Хальфа спитъ, мулла умеръ;

Мулла спитъ, хальфа умеръ.

Дружно, дѣти, веселитесь:

Хальфа спитъ, мулла умеръ;

Мулла спитъ, хальфа умеръ!“

Кромѣ прямыхъ своихъ педагогическихъ обязанностей и торговли, каждый мулла занимается еще *врачеваніемъ*. Врачеваніе тѣсно связано съ званіемъ муллы-педагога: педагогъ-мулла вмѣстѣ съ тѣмъ есть и врачъ, и врачеваніе составляетъ весьма важную статью его дохода. Муллы основываютъ свое врачеваніе не на научныхъ знаніяхъ, а на „чудодѣйственной“ силѣ молитвъ и разныхъ *заговоровъ*. Народъ же воображаетъ, что муллы съ помощью своихъ книгъ могутъ знать все, „что творится на землѣ и подъ землею“; а „молитва въ состояніи пробить и скалу“, говорятъ татары. Муллы, такимъ образомъ, пользуются народнымъ суевѣріемъ.

Между муллами, въ этомъ отношеніи, особенно извѣстностью пользовался мой учитель, мулла Д. Въ силу однихъ только своихъ молитвъ, какъ про него говорили, онъ вылѣчивалъ самыхъ опасныхъ больныхъ, — даже, такихъ, отъ которыхъ отказались *русскіе доктора*. Подобные слухи онъ

старался распространять и поддерживать самъ, а въ женскомъ кругу — его жена. Врачебныя операціи онъ совершалъ въ школѣ, при всѣхъ ученикахъ. Весною и лѣтомъ онъ заставлялъ насъ собирать всевозможные цвѣты и травы, которые высушивалъ и затѣмъ продавалъ жаждавшимъ исцѣленія.

За каждую *молитву* мулла взималъ плату, сообразно съ родомъ и степенью болѣзни: такъ, молитва противъ лихорадки стоила 10—15 коп., противъ ревматизма—30—40 коп. и т. д. Молитвы противъ женскаго безплодія и душевныхъ болѣзней стоили дорого, такъ-какъ онѣ обставлялись болѣе сложной процедурой, состоявшей въ кувыркани, подпрыгиваньи и т. п. Нѣкоторыя изъ нихъ ничего общаго не имѣютъ съ *молитвами* и отличаются грязнымъ характеромъ. Для примѣра можно привести первую часть одной изъ нихъ:

„Гюльназь (имя женщины) страстно хочетъ имѣть порося, но мужъ ея — болванъ, осель: онъ не въ состояніи дать ей даже котенка. Мулла-гаджи Мамедъ-Багиръ (имя муллы) знаетъ вѣрное средство, — онъ дастъ ей мальчугана здороваго, красиваго, пухленькаго: пусть только Гюльназь приходитъ къ нему въ 9 часовъ ночи, когда мужа не будетъ дома, — онъ“ ... (тутъ слѣдуютъ слова, неудобныя для печати).

Помню, часто приходили къ нашему муллѣ татарки съ своими ребятишками.

— „Что вамъ?“ спрашивалъ мулла.

— „Да вотъ дитя что-то хвораетъ: не знаемъ, что съ нимъ“, говорили татарки.

Мулла, принявъ таинственный видъ, начиналъ ощупывать ребенка: „сглазили“, говорилъ онъ, окончивъ свой діагнозъ.

— „Мы тоже такъ думаемъ“, подтверждали женщины: „наша сосѣдка Гюлли, противная Гюлли, имѣетъ такой злой глазъ, что камень проткнетъ. У ней есть сынъ, противный, безобразный щенокъ, настоящая обезьяна; ей было завидно,

что у насъ такой славный, свѣжій, здоровый, красивый ребенокъ, а у нея такой противный, безобразный уродъ, вотъ она и сглазила“ (дальше шло родословіе Гюлли и т. д.).

— „Такъ, такъ“, говорилъ мулла: „я слыхалъ о Гюлли: у ней, ухъ, какой злой глазъ! Только противъ одной моей молитвы ея глазъ безсиленъ... А деньги принесли?“

— „Принесли 15 коп.“

— „15 коп. мало противъ глазъ Гюлли,—меньше 20 коп. не возьму; зато напишу вамъ такую молитву, что и ребенокъ выздоровѣетъ, и глаза Гюлли лопнуть“.

Женщины, конечно, соглашались.

У меня имѣется нѣсколько молитвъ противъ „дурного глаза“. Всѣ онѣ начинаются словами: „Бисмиллахъ рахманъ рахимъ“, за которыми слѣдуетъ нѣсколько кабаллистическихъ знаковъ и нѣсколько ничего не значущихъ словъ, а затѣмъ въ одной изъ нихъ слѣдуетъ, напр., такое молитвенное обращеніе: „именемъ Аллаха Всемогущаго, именемъ семидесяти семи пророковъ, ста тридцати трехъ имамовъ, сорока тысячъ архангеловъ, девяноста девяти тысячъ ангеловъ, именемъ Газрати-Али, Газрати-Гусейна, Газрати-Гасана, Газрати-Аббаса, отъ злого глаза, отъ злыхъ желаній, большого рта, длиннаго языка, острыхъ зубовъ, отъ голубоокихъ, зеленоокихъ, русоволосыхъ, курносыхъ, тонкобровыхъ, короткорукыхъ, короткошеихъ, узкоплечихъ, отъ злого и недобраго, отъ худого и жирнаго, отъ чернаго и бѣлаго, отъ огня и воды да будетъ спасенъ младенецъ сей (имя рекъ)“.

Есть молитвы и противъ лихорадки. Я выпишу одну изъ нихъ:

„Бисмиллахъ рахманъ рахимъ. Билбили, вилвили, силсила, танги дягинъ іоуфъ лахударъ самууратъ ааби ваозои (ничего не выражающіе звуки). Яхъ (?) Али, Аббасъ, Гусейнъ, чтобы отъ младенца Джалила лихорадка ушла за высокія горы, за темные лѣса, подъ глубокія моря, подъ черную землю, въ

пещеры, въ пропасти, силою молитвы ученѣйшаго, мудрѣйшаго, славнѣйшаго муллы Ибрагима“.

Если же такая молитва не поможетъ избавиться отъ лихорадки, мулла прибѣгаетъ къ другому средству: онъ дѣлаетъ *беда.ль*. Беда.ль есть подобіе челоуѣка изъ тѣста; мулла нашѣптываетъ надъ нимъ молитву. Больной относитъ его на кладбище, зарываетъ въ какой-нибудь могилѣ и провозноситъ семь разъ: „оставляю здѣсь свою тяжесть“. Тутъ главное значеніе имѣетъ нашѣптываніе муллы. Надъ лѣкарствомъ, изъ аптеки, мулла нашѣптываетъ молитву: безъ этого—думаетъ простонародіе—лѣкарство не можетъ имѣть никакой силы!

Съ помощью заговоровъ и молитвы, говорятъ, мулла можетъ разъединять любящія сердца, сѣять раздоръ между мужемъ и женой или между родственниками и знакомыми, возбуждать страсти или охлаждать. Влюбленный молодой челоуѣкъ, не встрѣчая, со стороны дѣвушки, отвѣта или находя для своей любви препятствіе со стороны родителей, обращается за помощью къ муллѣ, и мулла, за хорошее вознагражденіе, соглашается написать ему молитву, которая поможетъ ему достигъ цѣли; при этомъ онъ совѣтуетъ достать волосокъ съ головы любимой дѣвушки, завернуть его въ *молитву*, облѣпить желтымъ воскомъ и зарыть въ порогъ дома возлюбленной: какъ только наступитъ дѣвушка на этотъ талисманъ, тотчасъ же она воспламенится горячею любовью къ молодому челоуѣку; а наступить родители—сами попросятъ влюбленнаго юношу жениться на ихъ дочери.

Въ любовныхъ дѣлахъ мулла придаетъ, вообще, важное значеніе волосамъ женщины. Есть характерный, въ этомъ отношеніи, анекдотъ. Рассказываютъ, что одинъ мулла, будучи страстно влюбленъ въ мать своего ученика, велѣлъ послѣднему принести волосокъ съ головы его матери. Ученикъ пришелъ домой въ то время, когда мать мыла голову; онъ просилъ одинъ волосокъ.

— „На что тебѣ?“ спросила мать.

— „Мулла попросилъ“.

Мать сейчасъ же догадалась, для чего мулла просить волосокъ. Въ насмѣшку надъ нимъ, она вырвала волосъ изъ хвоста ослицы и передала сыну:

— „Отнеси твоему муллѣ и скажи, что этотъ волосъ съ головы твоей матери“.

Мулла, получивъ волосокъ, прочиталъ таинственные слова, и вдругъ, чрезъ нѣсколько минутъ, въ школу вбѣгаетъ, съ ревомъ, ослица и бросается въ объятія муллы.

Мнѣ, 12-лѣтнему ребенку, влюбленному (?), конечно, подѣтски, въ одну 40-лѣтнюю женщину, мулла, за 20 коп., далъ тоже „молитву“, какъ я тогда, по крайней мѣрѣ, думалъ; позднѣе оказалось, что мулла посмѣялся надо мной, — данная имъ „молитва“, въ переводѣ, означала слѣдующее:

„Щенокъ вздумалъ влюбиться

И принесъ муллѣ абазъ;

Мулла возьметъ абазъ,

А щенку шишъ останется“.

Всѣ татары, безъ различія, вѣрятъ въ возможность *порчи*. Уничтожить порчу можетъ только мулла, съ помощью молитвы. Особенно боятся порчи въ свадебномъ дѣлѣ. Такъ, они вѣрятъ, что злонамѣренный человекъ можетъ молодого мужа лишить полного обладанія женой, тѣмъ, что онъ, во время вѣнчанья, въ тотъ моментъ, когда мулла предлагаетъ жениху „извѣстные“ вопросы, будетъ завязывать, при каждомъ отвѣтѣ жениха, узлы на платкѣ, заранѣе приготовленномъ для этой цѣли: пока эти узлы не будутъ развязаны, или мулла, съ помощью заговора, не уничтожить дѣйствія узловъ, полное обладаніе женой для новобрачнаго становится невозможнымъ.

Мулла, вообще, очень ловко умѣетъ пользоваться народнымъ суевѣріемъ. Былъ такой случай. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ мулла-педагогъ, въ Шемахѣ, по имени К.,

занимавшийся, помимо своих педагогических обязанностей, еще торговлей нефти, распространилъ слухъ, что по ночамъ во снѣ является ему Газрати-Али и обѣщаетъ ему исполнить какое-нибудь его желаніе. Въ одно такое посѣщеніе Газрати-Али, мулла К. просить, чтобы тотъ наполнилъ его кувшины нефтью; Газрати-Али обѣщаетъ не только наполнить кувшины, но и придать нефти цѣлебную силу, что, дѣйствительно, будто бы и исполнилось въ ту же ночь: на утро К., отворивъ свою лавку, съ удивленіемъ видитъ, что его кувшины наполнены нефтью; вѣсть о чудесной нефти быстро облетѣла весь городъ. Со всѣхъ концовъ города собираются мусульмане. Каждый старается зайти въ лавку К. и заглянуть въ чудесные кувшины со священной нефтью. Богатые мусульмане, въ честь священной нефти, приносили въ жертву барановъ; многіе мазали бороды, усы, лицо этою нефтью; каждый старался достать хоть нѣсколько капель священной нефти. Вечеромъ городъ былъ иллюминированъ.

Въ настоящее время надъ священнымъ кувшиномъ построена будка; каждый день здѣсь можно видѣть, какъ татарки, укутанныя въ свои пестрыя чадры, входятъ въ эту будку: это—женщины, жаждущія имѣть дѣтей или, просто, больныя. Бывшій педагогъ-торговецъ нефтью, теперь—Пиръ-К. (*святой К.*), какъ величаютъ его татары, мажетъ имъ лицо, руки, глаза, уши, грудь „священною нефтью“, за что, конечно, получаетъ вознагражденіе. Такимъ образомъ Пиръ-К. нашилъ себѣ состояніе, а педагогическую дѣятельность бросилъ.

Есть муллы, специально занимающіеся лѣченіемъ душевныхъ болѣзней: они называются *джандарми*. Свое дѣло облеваютъ они въ какую-то таинственность: напр., производятъ его въ темной комнатѣ, притомъ обставленной чучелами, востями и др. под.

Въ заключеніе небезынтересно сказать нѣсколько словъ объ образовательномъ цевзѣ муллъ, занимающихся обученіемъ

дѣтей въ Шемахѣ, также—о томъ, сколько лѣтъ каждый изъ нихъ занимается этимъ дѣломъ, равно—какъ и о числѣ учениковъ и о доходахъ каждаго муллы. Свѣдѣнія эти собраны мною въ концѣ 1887 года.

1. Мулла Д. содержитъ школу 25 лѣтъ. Онъ учился въ Дагестанѣ, въ пятидесятихъ годахъ; знаетъ языки: персидскій, арабскій, вюринскій и нѣсколько нарѣчій дагестанскихъ горцевъ. Число его учениковъ 89, изъ коихъ 22 за право ученія платятъ по 5 к. въ недѣлю, 14—по 8 к., 20—по 10 к., 25—по 15 к. и 8—по 20 к.: всего 9 руб. 57 коп.

2. Мулла Б. содержитъ школу 22 года; учился въ Дагестанѣ; знаетъ языки: персидскій, арабскій и нѣсколько нарѣчій дагестанскихъ горцевъ. Число учениковъ 62; изъ нихъ 17 учениковъ платятъ по 5 коп. въ недѣлю, 4—по 7 коп., 11—по 8 к., 6—по 10 к., 5—по 12 к., 8—по 15 коп., 10—по 20 к. и 1—25 к.: всего 6 руб. 66 к. въ недѣлю.

3. Мулла-гаджи С.-А. содержитъ школу 18 лѣтъ; учился въ Дагестанѣ; знаетъ языки: персидскій, арабскій и нѣсколько нарѣчій дагестанскихъ горцевъ. Онъ извѣстенъ—какъ первостатейный поэтъ: одно изъ нѣсколькихъ поэтическихъ его произведеній напечатано въ Тавризѣ подъ заглавіемъ: „Въ минуты вдохновенія“. Имъ написана, но не издана еще „Исторія Ширванскаго ханства“. Учениковъ у него—36. Изъ нихъ 12 платятъ по 15 к. въ недѣлю, 9—по 20 к. и 12—по 25 к.: всего 6 р. 60 к. Этотъ же мулла состоитъ законоучителемъ татарскаго вѣроисповѣданія при мѣстномъ городскомъ училищѣ.

4. Мулла Г. содержитъ школу 16 лѣтъ; учился въ Кубѣ у извѣстнаго муллы Махмуда; знаетъ языки: персидскій и арабскій. Учениковъ у него—44, изъ которыхъ 2 платятъ по 5 коп., 11—по 8 коп., 9—по 15 коп., 8—по 20 коп., 7—по 25 к., 6—по 30 к. и 1—до 50 к.: всего 7 р. 98 коп. въ недѣлю.

5. Мулла К. содержит школу 14 лѣтъ; учился въ Тавриѣ; знаетъ языки: персидскій и арабскій. Учениковъ у него 54; изъ нихъ 6 платять по 5 к. въ недѣлю, 14—по 8 к., 5—по 10 к., 11—по 12 к., 10—по 15 к., 6—по 20 к., 2—по 25 к.: всего 6 р. 54 к.

6. Мулла А. содержит школу 14 лѣтъ; учился въ Ардабилѣ; знаетъ языки: персидскій и арабскій. Учениковъ у него—48; изъ нихъ 4 платять по 5 коп. въ недѣлю, 2—по 6 коп., 12—по 10 к., 14—по 12 к., 9—по 15 к., 5—по 18 к., 2—по 20 к.: всего 5 руб. 85 к.

7. Мулла-гаджи А.-А. содержит школу 12 лѣтъ; учился въ Хорасанѣ; знаетъ языки: персидскій и арабскій. Учениковъ у него—38; изъ нихъ 5 платять по 5 к. въ недѣлю, 6—по 8 к., 9—по 10 к., 3—по 12 к., 5—по 15 к., 10—по 20 к.: всего 4 р. 74 к.

Изъ вышеупомянутыхъ муллъ одинъ только мулла-гаджи С.-А. умѣетъ читать и писать по-русски; говоритъ плохо, но понимаетъ; онъ даже интересуется русской литературой: перевелъ на персидскій языкъ нѣсколько стихотвореній Пушкина; въ его школѣ преподается русскій языкъ для желающихъ; преподавателемъ—ученикъ-татаринъ, изъ шестого отдѣленія городского училища.

Изъ прочихъ 16 муллъ нѣкоторые занимаются по 3—4 года и до 8 лѣтъ. Число учениковъ у нихъ, въ общей сложности,—315; сумма дохода, у всѣхъ вмѣстѣ, въ недѣлю до 74 р. 82 к. Такимъ образомъ, число учащихся въ Шемахинскихъ 23-хъ татарскихъ школахъ, въ исходѣ 1887 года, было 686, а доходъ, получаемый муллами въ недѣлю, былъ до 122 руб. 76 к., а въ годъ 6383 р. 52 к.; на каждаго муллу приходится, среднимъ числомъ, до 277 р. 54 к.

Главную статью дохода муллы составляетъ, однако, не плата за право ученья, а побочные доходы, въ родѣ разныхъ приношеній, подарковъ и т. д.; среднимъ числомъ, каждый мулла

зарабатываетъ въ годъ отъ 600 до 1200 руб., если считать и побочные доходы.

3. Хальфа.

Если число учениковъ достигаетъ тридцати, тогда мулла нанимаетъ помощника, который называется хальфою. Хальфа, обыкновенно, выбирается изъ старшихъ учениковъ, успѣшно окончившихъ курсъ ученя татарской школы, и получаетъ отъ 30 коп. до 1 руб. въ недѣлю. Изъ 23-хъ муллъ, содержащихъ шеолы въ Шемахѣ, 9 только имѣютъ помощниковъ, которымъ платятъ опредѣленное жалованье; прочіе же ограничиваются помощью своихъ старшихъ учениковъ. Обязанность хальфы — заниматься съ начинающими учениками, слѣдить за дисциплиной въ классѣ и замѣнять муллу въ его отсутствіе. Даже въ присутствіи муллы, хальфа имѣетъ право наказывать учениковъ. Чтобы задобрить его, ученики приносятъ ему подарки. Занятія хальфы съ малолѣтними ограничиваются сообщеніемъ *дѣтскихъ сказокъ*, которыя дѣти должны запомнить и передавать устно. *Для образца* можно привести нѣсколько такихъ сказокъ.

I.

Жила была старуха. Разъ вышла она на улицу, поскользнулась на льду и упала.

— „Ледъ, видно ты силенъ!“ сказала старуха.

— „Будь я силенъ, развѣ растаялъ бы я отъ солнца!“ отвѣтилъ ей ледъ.

— „Солнце, солнце, ты сильно!“ сказала тутъ старуха.

— „Будь я сильно, развѣ тучи закрывали бы меня!“

— „Тучи! вы очень сильны!“

— „Будь мы сильны, развѣ отъ насъ капалъ бы дождь!“

— „Дождикъ, дождикъ ты силенъ!“

- „Будь я силенъ, развѣ отъ меня выросла бы трава!“
— „Травка, травка, ты сильна!“
— „Будь я сильна, развѣ съѣлъ бы меня баранъ!“
— „Баранъ, баранъ, ты силенъ!“
— „Будь я силенъ, развѣ зарѣзалъ бы меня мясникъ!“
— „Мясникъ, ты очень силенъ!“
— „Будь я силенъ, развѣ мыши смѣли бы ѣсть у меня сало!
— „Мыши, вы очень сильны!“
— „Будь мы сильны, развѣ кошка могла бы растерзывать насъ!“
— „Кошка, кошка, ты сильна!“
— „Я, кошка, сильна, очень сильна: ровно мечъ (sic)—моя спина, ровно барабанъ—мое брюхо, ровно огонь—мои глаза; усы мои—страшные; ногти мои—стальные; лапки—бархатныя; лѣтомъ я прохлаждаюсь подъ овномъ, зимою грѣюсь подъ вюрси (татарская печь)“.

II.

Шахъ-пѣтухъ ходитъ по двору, ходитъ по двору и по сторонамъ посматриваетъ, по сторонамъ посматриваетъ и думу думаетъ, думу думаетъ и куръ зоветъ.

— „Я—шахъ-пѣтухъ, падишахъ-пѣтухъ, ханъ-пѣтухъ! Кузуреку! курочки, мои милочки, пухленькія, черненькія, бѣленькія, пестренькія! Подходите ко мнѣ—скажите вы мнѣ: кто красивѣе и храбрѣе между птицами?“

Прибѣжали курицы, глупенькія птицы, пухленькія, черненькія, бѣленькія, пестренькія; обступили шаха, великаго падишаха, поклонились въ ноги.

— „Кга! вга! вга! шахъ-пѣтухъ, падишахъ-пѣтухъ, ханъ-пѣтухъ! Нѣтъ на землѣ птицы красивѣе тебя, нѣтъ на землѣ храбрѣе тебя!“

— „Кукуреку! курочки, мои милочки, пухленькія, черненькія, бѣленькія, пестренькія! подходите ко мнѣ,—скажите вы мнѣ: кто носитъ на головѣ золотую корону?“

— „Кга! кга! кга! шахъ-пѣтухъ, падишахъ-пѣтухъ, ханъ-пѣтухъ! ты носишь на головѣ золотую корону“.

— „Кукуреку! курочки, мои милочки, пухленькія, черненькія, бѣленькія, пестренькія! подходите ко мнѣ,—скажите вы мнѣ: у кого —голосъ звучный, ноги сильныя, перья золотыя?“

— „Кга! кга! кга! шахъ-пѣтухъ, падишахъ-пѣтухъ, ханъ-пѣтухъ! у тебя голосъ звучный, у тебя ноги сильныя, у тебя перья золотыя“.

— „Кукуреку! курицы, мои любимицы, пухленькія, черненькія, бѣленькія, пестренькія! подходите ко мнѣ,—скажите вы мнѣ: кто—вашъ царь, кто—вашъ падишахъ?“

— „Кга! кга! кга! шахъ-пѣтухъ, падишахъ-пѣтухъ, ханъ-пѣтухъ! Ты—вашъ царь, ты—вашъ падишахъ!“

— „Кукуреку! курицы, глупыя птицы, неряхи, трусихи, обжоры, большія и малыя! убирайтесь по домамъ, по своимъ курятникамъ: пообью я васъ, убью я васъ. Съ глазъ долой—скорѣй домой!.. Гайда, гайда, гайда!...“

III.

Пѣтухъ нашель грошикъ, взлетѣлъ на крышу и заораль во все горло: „Кукуреку! я нашель грошикъ...“

Шахъ приказаль отнять у пѣтуха грошикъ. Пѣтухъ взлетѣлъ опять на крышу и еще громче заораль: „Кукуреку! шахъ мнѣ долженъ грошикъ!“

Шахъ приказаль возвратить пѣтуху грошикъ.

„Кукуреку! шахъ меня боится“.

Разсердился шахъ и приказаль отрубить голову пѣтуху. Наточили пожи, нагрѣли воду. Когда хотѣли рѣзать пѣтуха,

онъ закричалъ: „Кукуреку! какой тупой ножъ!“ Положили тогда пѣтуха въ котель, съ нагрѣтой водой.

„Кукуреку! какая теплая баня!..“

Подали пѣтуха шаху съ пловомъ.

„Кукуреку! на какомъ мягкомъ тронѣ воссѣдаю“, прокричалъ пѣтухъ.

Шахъ началъ ѣсть, а пѣтухъ кричалъ: „Кукуреку! какая северная мельница!... Кукуреку! какая узенькая дорожка!“

„Кукуреку! въ какое гадкое мѣсто я попалъ!“ прокричалъ пѣтухъ, какъ шахъ кончилъ.

Разсердился тутъ шахъ и приказалъ достать пѣтуха. Распороли животъ шаху, а пѣтухъ взлетѣлъ: „Кукуреку! шаха убили—меня изъ темницы освободили“.

4. Ученики.

Опредѣляя меня въ школу, отецъ мой имѣлъ въ виду сдѣлать изъ меня впоследствии *переводчика*, при Уздномъ управленіи.

Любопытень и памятенъ мнѣ первый день моего поступленія въ школу. Въ сопровожденіи отца, я понесъ муллѣ блюдо съ пловомъ, 20 яицъ и живую курицу.

— „Мулла“, сказалъ мой отецъ: „я привелъ къ тебѣ моего сына, который отнынѣ будетъ твоимъ ученикомъ: дай ему напитокъ изъ источника твоей мудрости! Поступай съ нимъ, какъ заблагоразсудится тебѣ. Одно только прошу: не щади его“.

Послѣ этихъ словъ отца, я, по его знаку, поднесъ муллѣ блюдо плова, яйца и курицу, что онъ принялъ благосклонно,—даже улыбнулся мнѣ. Указавъ мнѣ мѣсто на тахтѣ противъ себя, мулла сталъ торговаться съ моимъ отцомъ относительно платы за ученье: онъ просилъ 15 коп. въ недѣлю,

а отецъ предлагалъ 8 коп.,—они остановились на 10 коп. Покончивъ съ этимъ вопросомъ, отецъ ушелъ, а я остался въ школѣ.

Отъ нечего дѣлать я обзрѣвалъ классъ и будущихъ своихъ товарищей. Школа представляла длинную, продолговатую комнату, съ голыми, грязными стѣнами, безъ оконъ, и съ землянымъ поломъ и потолкомъ. По стѣнамъ, на тахтахъ, и посреди комнаты, на голомъ полу, сидѣли ученики. Оборванные, грязные, съ босыми ногами, они съ перваго взгляда возбуждали жалость. Нѣкоторые изъ нихъ находились въ такомъ состояннн, какъ будто ихъ трепала лихорадка. Блѣдные, изнеможенные, съ болѣзненными лицами и тупымъ выраженнємъ глазъ, они обнаруживали полное равнодушнє къ окружавшему.

Сидя на корточкахъ и пристально смотря въ свои книги, они громко твердили уроки, раскачиваясь взадъ и впередъ. Рядомъ со мною, на одной тахтѣ, сидѣлъ грязный оборванный мальчуганъ, лѣтъ 10 или 12. По временамъ, украдкой, онъ бросалъ на меня подозрительный взглядъ и все время, какъ-то безучастно, выкрикивалъ первыя три буквы татарской азбуки. Я понималъ, что онъ новичокъ и хотѣлъ вступить съ нимъ въ разговоръ. Ничего не отвѣчая на первый мой вопросъ, онъ посмотрѣлъ на меня сердито и продолжалъ выкрикивать свои три буквы. Своимъ жалкимъ видомъ онъ возбуждалъ жалость къ себѣ. Я не вытерпѣлъ и опять обратился къ нему:

— „Полно тебѣ горло драть,—вѣдь, ты знаешь свой урокъ!“

Онъ ничего не отвѣтилъ и даже не взглянулъ на меня. Отложивъ въ сторону вѣлокъ бумаги, на которомъ рукою мулы были написаны первыя три буквы татарской азбуки, онъ досталъ свой хурджинъ (переметную сумку), вынулъ изъ него кусокъ хлѣба и сыру и началъ ѣсть съ большимъ ап-

петитомъ. Недалеко отъ меня сидѣлъ довольно опрятно одѣтый мальчикъ и ѣлъ яблоки. Въ одномъ углу комнаты другой ученикъ, въ старомъ поношенномъ атласномъ архалукѣ, хлебалъ изъ глубокой тарелки *чикиртому*. Многіе съ завистью смотрѣли на этого счастливца. Хальфа съ длинной палкой въ рукѣ прохаживался между учениками, по временамъ угощая ихъ ударами своей палки.

Мой угрюмый сосѣдъ, окончивъ завтракъ, взялъ опять свою бумажку и снова началъ выкрикивать урокъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ былъ вызванъ отвѣчать урокъ. Онъ храбро подошелъ къ тахтѣ муллы и храбро проговорилъ названія трехъ буквъ: „алифъ, бей, пей“.

— „А это что за буква?“ спросилъ мулла, показавъ на одну букву и накрывъ пальцами двѣ другія. Ученикъ замаялся. Тогда послѣдовалъ ударъ палкой по спинѣ. Мулла, не обращая вниманія на него, сталъ заниматься съ другимъ ученикомъ; между тѣмъ мой сосѣдъ, вернувшись къ своему мѣсту, началъ сквозь слѣзы повторять свой прежній урокъ. Желая выразить ему участіе, я обратился къ нему:

— „Больно тебѣ?“

Онъ посмотрѣлъ на меня недовѣрчиво и сердито и, произнеся нѣсколько ругательныхъ словъ по моему адресу, отвернулся.

Мулла же, по повѣркѣ найдя и другого ученика также слабымъ, приказалъ *здать ему фалажку*. Два взрослыхъ ученика схватили неисправнаго ученика и, опрокинувъ его спиною на полъ, скрутили его фалажкою такъ, что онъ не могъ двигать ногами. Несчастный ученикъ умолялъ муллу простить его:

— „Аманъ, мулла! да буду я жертвою отрѣзанныхъ ногтей твоихъ! Пощади, мулла! Клянусь, мулла, твоей бородой, что послѣ этого хорошо буду знать урокъ!“

Мулла, не обращая вниманія на его мольбы, освободилъ

его только тогда, когда отсчиталъ на его пяткахъ определенное число ударовъ. Наказанный ученикъ, поддерживая ноги руками, ползкомъ добрался до своего мѣста. Къ муллѣ подошелъ новый ученикъ. Мулла хотѣлъ и ему тоже „задать фалахку,“ какъ неожиданный случай спасъ его отъ наказанія: принесенная мною въ подарокъ муллѣ курица вспорхнула съ тахты и выбѣжала на улицу; мулла бросился за курицей; нѣсколько учениковъ за муллою тоже выбѣжали на улицу. Блюдо съ пловомъ и яйца остались безъ присмотра на тахтѣ муллы. Одинъ изъ учениковъ, грязный мальчуганъ, лѣтъ 13 или 14, въ громадной папахѣ, въ разорванномъ архалукавѣ, рукава котораго (такъ онъ былъ великъ) достигали до его ступней, подбѣжалъ къ тахтѣ муллы и, съ большимъ трудомъ засучивъ рукава архалука, схватилъ два яйца, спряталъ ихъ въ папахѣ, а потомъ поспѣшно наполнилъ себѣ ротъ пловомъ, усѣлся на свое мѣсто, какъ ни въ чемъ не бывало, и началъ выкрикивать свой урокъ. Дерзость его, признаться, поразила меня. Между тѣмъ мулла, поймавъ курицу, вернулся въ классъ. Бросивъ подозрительный взглядъ на блюдо съ пловомъ, онъ замѣтилъ кражу и поблѣднѣлъ отъ гнѣва. Грозно спросилъ онъ:

— „Какой..... съѣлъ пловъ? Говорите, а не то я...“
Никто изъ учениковъ не отвѣчалъ.

— „Говорите, повторилъ мулла: „клянусь Аллахомъ, если я поймаю вора, то....“

Не отвѣчая ничего, ученики громко выкрикивали свои уроки.

Тогда мулла сталъ вызывать учениковъ, по-одиночкѣ, и изслѣдовать ихъ рты: у всѣхъ рты оказались чистыми. Къ великому моему изумленію, мулла, послѣ тщательнаго изслѣдованія рта ученика, виновнаго въ кражѣ плова, тоже ничего не нашелъ. (только позднѣе я узналъ, въ какомъ средству прибѣгаютъ ученики въ подобныхъ случаяхъ: взявъ немнож-

ко ваты, они жуютъ ее до тѣхъ поръ, пока всѣ остатки пищи, на стѣнкахъ рта и на зубахъ, не сберутся на вату; затѣмъ они выплевываютъ ее).

Пересчитавъ яйца, мулла еще болѣе разгнѣвался: онъ приказалъ запереть дверь школы, чтобы никто изъ учениковъ не могъ выйти, и принялся собственноручно обыскивать карманы и хурджины учениковъ. Такому же обыску подвергся и тотъ ученикъ, который укралъ яйца; но обыскъ и тутъ оказался бесполезнымъ, — только мулла, вѣроятно съ досады, ударилъ послѣдняго ученика по головѣ, такъ-что яйца, спрятанныя въ его папахъ, разбились, и бѣлокъ съ желткомъ потекли по его лицу изъ-подъ папахи. Пойманный ворюшка былъ подвергнутъ строгому наказанію, при помощи фалахеи.

Когда мулла нѣсколько успокоился отъ гнѣва и возбужденія, онъ вызвалъ меня къ себѣ:

— „Ты принеси бумагу?“ спросилъ онъ меня.

— „Принеси, мулла“, отвѣтилъ я.

— „Поважи...“

Я отдалъ ему шесть листовъ бѣлой бумаги. Мулла отрѣзавъ четвертушку отъ одного листа, написалъ на ней первыя три буквы татарской азбуки и подалъ мнѣ.

— „Вотъ это — „алифъ“, это — „бей“, а это — „пей“, сказалъ онъ, по порядку указавъ концомъ своей палки на написанныя буквы: „теперь ступай, — чтобы завтра ты зналъ этотъ урокъ!“

Я постоялъ еще немножко, думая, что онъ возвратитъ мнѣ оставшуюся бумагу, но онъ хладнокровно подложилъ бумагу подъ свой миндаръ и жестомъ указалъ мнѣ на мое мѣсто.

— „Мулла Ахмедъ“, обратился онъ къ хальфѣ, указывая на меня: посмотри, чтобы онъ не лѣнился“.

— „Знаю, мулла“, отвѣтилъ хальфа, бросивъ на меня таковой взглядъ, изъ котораго я ничего утѣшительнаго для себя не могъ вывести.

Такъ-какъ до поступленія въ школу муллы Д. я учился въ армянской школѣ и умѣлъ читать и писать по-армянски и по-русски, то для меня не трудно было запомнить начертанія первыхъ трехъ буквъ татарской азбуки,—я быстро усвоилъ эти буквы и отложилъ бумагу въ сторону.

— „Чего же ты выпучилъ глаза и разинулъ ротъ?“ услышалъ я вдругъ возлѣ себя сердитый голосъ хальфы: „зачѣмъ не учишь урока?“

— „Я уже выучилъ урокъ, хальфа“, отвѣтилъ я съ робостью.

— „Выучилъ?“ спросилъ хальфа сердито: „посмотримъ, какъ ты выучилъ: ну-ка, отвѣчай!“

— „Алифъ, бей, пей“, произнесъ я твердо, думая удивить хальфу своимъ стараніемъ.

— „А скажи, какая это буква!“ спросилъ хальфа, указавъ на одну букву и накрывъ двѣ остальные пальцами.

— „Бей“, отвѣтилъ я.

— „А это?“

— „Алифъ“.

Хальфа, противъ моего ожиданія, взглянулъ на меня сердито и пробормоталъ что-то не очень лестное для меня: ему было крайне неприятно—какъ мнѣ показалось—что я такъ скоро выучилъ заданный урокъ.

— „Выучи хорошенько, а не то я тебя...“ произнесъ онъ сердито и отвернулся.

— „Да, вѣдь, я хорошо выучилъ этотъ урокъ“.

— „Молчать...“

Взявъ бумагу я началъ безцѣльно переверачивать ее.

— „Читай громче!“ раздался грозный голосъ хальфы. Угрожающій жестъ хальфы и его сердитый видъ дали мнѣ понять, что я долженъ безпрекословно подчиняться его требованіямъ.

Сидя на корточкахъ и раскачиваясь туловищемъ взадъ

и впередъ, по примѣру другихъ учениковъ, я началъ выкрикивать, на разные лады, названія заданныхъ буквъ. Сначала это, какъ будто, нравилось мнѣ, но скоро опротивѣло, и я пересталъ кричать: я всталъ и подошелъ къ муллѣ.

— „Мулла, я знаю урокъ“.

Мулла посмотрѣлъ на меня съ какимъ-то недоумѣніемъ и протянулъ мнѣ свою палку со словами:

— „Ну-ка, понюхай, чѣмъ это пахнетъ?“

Невольно я долженъ былъ понюхать палку, такъ-какъ она была подставлена мнѣ прямо подъ носъ.

— „Чѣмъ пахнетъ?“ спросилъ мулла, подводя палку къ моему носу“.

Я молчалъ.

— „Чѣмъ пахнетъ?“ повторилъ мулла.

— „Не знаю, мулла“, рѣшился я отвѣтить, наконецъ.

— „А, не знаешь! А какже урокъ знаешь? Ступай и не смѣй больше подходить ко мнѣ безъ разрѣшенія“.

Позднѣе я узналъ, что муллѣ крайне неприятно, если ученикъ оказывается способнымъ и скоро выучиваетъ заданные уроки, потому-что такимъ путемъ, во первыхъ, онъ можетъ скоро лишиться дохода, а во вторыхъ, можетъ затѣмъ выработаться новый конкурентъ для него въ педагогической дѣятельности. Не разъ мнѣ приходилось слышать отъ муллы: „зачѣмъ мнѣ стараться для учениковъ? Чтобы они завтра открыли свои школы и отняли у меня кусокъ хлѣба!“ Вотъ почему мулла старается подольше задерживать учениковъ на букварѣ и на Коранѣ.

Понятно, что такая система обученія можетъ имѣть пагубное вліяніе на умственное и физическое развитіе учениковъ: вялость, утомленность, болѣзненность, безхарактерность развиваются въ дѣтяхъ чрезъ такую школу. Я помню одного питомца татарской школы: при мнѣ еще онъ учился у муллы Д. Опъ считался первымъ ученикомъ въ школѣ; мулла и

ученики относились къ нему съ уваженіемъ. Звали его „мулла Ибрагимъ.“ Весь Коранъ, Бостанъ, Гюлистанъ и Гафизъ онъ зналъ наизусть; письмо его было прекрасное. По виду, это былъ преждевременно состарѣвшійся молодой человѣкъ, лѣтъ 23—24-хъ: его жалкая фигура, съ согнутой спиной, утомленнымъ и болѣзненнымъ лицомъ, впалой грудью, потухшими глазами и разсѣяннымъ видомъ, возбуждала состраданіе. Печально было слѣдствіе школы и для его умственныхъ способностей: у него не было другой способности, кромѣ способности *безмысленнаго зубренья*. Такимъ образомъ, школа сдѣлала изъ него урода.

По принятому въ татарскихъ школахъ обычаю, вновь поступающій въ школу ученикъ обязанъ угостить своихъ будущихъ товарищей и хальфу. То же и я долженъ былъ сдѣлать. Какъ только мулла, окончивъ занятія съ учениками, отлучился куда-то изъ школы, ученики тотчасъ обступили меня, сняли меня съ тахты, поставили на полъ и раздѣлились на двѣ группы: одна группа подхватила меня и начала качать. Я сталъ кричать, барахтаться, но ученики, не обращая вниманія на мои тщетныя попытки освободиться, продолжали начатое. Одна группа, качая и подбрасывая меня, кричала:

- „Обнажи мечь!“ Другая группа отвѣчала:
- „Обнажила мечь.“
- „Натяни лукъ!“ (1-ая).
- „Натянула лукъ.“ (2-ая).
- „Преступника поймала...“ (1-ая).
- „Раздави его, застрѣли его!“ (2-ая).
- „Взятки общаетъ.“ (1-ая).
- „Пришли ко мнѣ.“ (2-ая).

Тутъ первая группа перебросила меня къ другой, которая съ тѣми же словами обращалась къ первой, продолжая качать и подбрасывать меня. Повторивъ это нѣсколько разъ,

объ группы наконецъ соединились и, окруживъ меня, начали пѣть:

„Ушелъ зайчикъ сѣренькій,
Пришелъ мальчикъ бѣленькій,
Бѣленькій, ай, бѣленькій!
Жирненькій, ай, жирненькій!
Зайчикъ, зайчикъ, уходи!
Мальчикъ, къ намъ заходи!
Заходи, ай, заходи!
Мальчикъ, къ намъ заходи!
Мальчикъ богатъ деньгами;
Зайчикъ богатъ деньгами,
Деньгами, ай деньгами!
Давай деньги намъ, мальчикъ!
Да здравствуетъ нашъ мальчикъ!
Мы купимъ себѣ халву,
Мы купимъ себѣ айву,
Халву, ай, халву!
Айву, ай, айву!“

Я догадался, что пока не пообѣщаю моимъ учителямъ какого-нибудь выкупа, они не отпустятъ меня: я обѣщала купить имъ батманъ (20 фунт.) *) яблокъ, да хальфѣ еще 10 коп. Деньги на яблоки я вручилъ хальфѣ, который, взявъ себѣ половину денегъ, на другую половину купилъ азгиль (пишки) и роздалъ ученикамъ.

Первый день моего пребыванія въ школѣ кончился для меня не совсѣмъ удачно: у меня стащили сумку съ хлѣбомъ и книгами. На мою жалобу мулла сказалъ мнѣ: „кромѣ тебя, никто не обязанъ слѣдить за твоими вещами“. Въ объясненіе этого факта, скажу, что воровство сильно развито между учениками татарскихъ школъ, и этому не мало способ-

---

*) Батманъ бываетъ разныхъ размѣровъ въ разныхъ мѣстностяхъ, отъ 9 фунт. до 32 фунт. Ред.

ствуешь самъ мулла: воровство не только не наказывается, но и поощряется имъ. Помню, разъ послѣ неудачнаго „похода“ учениковъ на садъ одного татарина, онъ разсказалъ имъ слѣдующій анекдотъ:

Жила старуха, а у нея былъ сынъ „кечалъ“ (плѣшивый). У кечала былъ дядя, знаменитый воръ и разбойникъ. Старуха отдала сына дядѣ, чтобы тотъ научилъ его своему ремеслу. Оставшись нѣсколько лѣтъ у своего дяди, кечалъ въ совершенствѣ изучилъ его ремесло,—даже превзошелъ своего учителя.

Однажды дядя, показавъ племяннику гнѣздо, въ которомъ сидѣла насѣдка, сказалъ:

— „Посмотри и научись, какъ я изъ-подъ насѣдки возьму яйца,—такъ, что она и не услышитъ.“ Послѣ этихъ словъ онъ полѣзъ на дерево и, дѣйствительно, такъ осторожно взялъ изъ-подъ насѣдки яйца, что она и не встревожилась.

— „Молодецъ, дядя“, сказалъ кечалъ: „а почему же ты безъ штановъ полѣзъ на дерево?“ Оказалось, что ловкій кечалъ успѣлъ снять у своего дяди штаны въ то время, какъ онъ лѣзъ на дерево.

Сильное развитіе воровства, среди другихъ причинъ, способствовало установленію, такъ называемаго, *ѣлдашлыга* (товарищества) среди учениковъ. Ёлдашлыгъ имѣетъ важное значеніе въ школьной жизни: ученикъ безъ ёлдаша—беспомощное существо въ классѣ. Ёлдашлыгъ считается священнымъ, и ученики, связанные узами ёлдашлыга, дѣлаются, какъ бы, родными братьями. Я зналъ учениковъ, которые за своихъ ёлдашей вступали въ драку съ родными своими братьями; у нихъ—общіе интересы. Ученикъ, уходя изъ класса, можетъ быть увѣренъ, что ни одна его вещь не пропадетъ: ёлдашъ будетъ слѣдить за его вещами. Ёлдаши на всю жизнь остаются въ отношеніяхъ привязанности. Мнѣ извѣстны старики, которые и теперь живутъ, какъ родные братья,

потому-что въ школѣ они были ёлдашами. Въ жизни часто ёлдаши помогаютъ другъ другу: я знаю нѣсколько примѣровъ изумительнаго безкорыстія ёлдашей по отношенію другъ къ другу. Условія школьной жизни требовали, чтобы и я вступилъ въ подобное товарищество съ кѣмъ-нибудь изъ учениковъ. Мнѣ помогъ случай. Помню, на другой день моего послуженія въ школу ко мнѣ подошелъ ученикъ-татаринъ, и предложилъ мнѣ быть ёлдашомъ.

— „Хочешь быть моимъ ёлдашемъ?“ спросилъ онъ меня.

— „Отчего же нѣтъ,“ отвѣтилъ я: „коли ты хочешь!“

— „А у тебя есть *шауръ*?“

— „На что тебѣ?“

— „Надо дать муллѣ, чтобы онъ сдѣлалъ насъ ёлдашами.“ — У меня нашелся шауръ.

— „У меня нѣтъ,“ сказалъ онъ: „я побѣгу домой и сейчасъ принесу.“

Съ разрѣшенія муллы, онъ пошелъ домой и чрезъ полчаса явился съ деньгами. Мы подошли къ муллѣ и отдали ему деньги; мулла пробормоталъ какую-то молитву и, давъ каждому изъ насъ по пощечинѣ, отпустилъ: такъ мы сдѣлались ёлдашами.

— „Надо и хальфѣ дать денегъ, а учениковъ угостить,“ пепнулъ мнѣ мой ёлдашъ. Хальфѣ мы дали тоже 5 коп. и на 5 к. купили *азиль* для учениковъ.

Звали моего новаго ёлдаша Фейрузомъ. Это былъ замѣчательно красивый мальчикъ, съ большими, черными выразительными глазами и черными кудрями. Единственный сынъ довольно зажиточнаго отца, онъ одѣвался всегда чисто и опрятно. Мы скоро подружились, привязались и полюбили другъ друга. Я познакомился и съ его родителями; это—были хорошіе, добрые люди, которые скоро полюбили меня. Надо замѣтить, что татары вообще смотрятъ на ёлдашей своихъ

дѣтей, какъ на своихъ собственныхъ дѣтей. Отецъ называетъ „огуломъ“ (сыномъ) ёлдаша своего сына: онъ во всякое время дня, наравнѣ съ сыномъ, имѣетъ свободный доступъ въ его домъ; онъ дѣлается, просто, членомъ семейства своего ёлдаша. Никогда я не забуду, сколько предупредительности, сколько искренней любви оказывали мнѣ отецъ, мать, сестры Фейруза. Черезъ насъ познакомились и сблизились наши родители и сдѣлались добрыми кунавами (друзьями) *). Фейрузъ часто ходилъ къ намъ. Мои родители полюбили его; онъ подружился съ моими братьями и сестрами. Изъ школьной моей жизни въ татарскомъ „мектебханѣ“ (училище) у меня осталось единственно свѣтлое, отрадное воспоминаніе о симпатичномъ Фейрузѣ.

Съ азбукой я справился въ двѣ недѣли, послѣ чего я долженъ былъ вновь начать ее съ „забарами,“ съ „зирами,“ съ „пюшами“, съ „дузабарами“ (двойными забарами), „дузира-ми“, „дупюшами“; весь букварь я прошелъ въ три мѣсяца, чѣмъ не мало изумилъ какъ муллу, такъ и всѣхъ учениковъ: разъ я догадался, что звуку придается *a*, когда онъ читается съ забаромъ, *и* — съ зиромъ, *у* — съ пюшемъ, я легко, безъ посторонней помощи, читалъ и прочіе звуки, съ тѣми же знаками. Между тѣмъ у татаръ-учениковъ какъ-то мало развита догадка. Приведу, въ подтвержденіе этого, слѣдующій случай. Единственная дверь нашей школы не запиралась на крючокъ, а потому въ холодные дни одинъ ученикъ обязанъ былъ стоять у двери и держать пальцемъ гвоздь, вбитый въ дверь, чтобы она не отворялась. Понятно, какъ трудно было по цѣлымъ часамъ торчать у двери въ такомъ положеніи. Однажды мулла заставилъ и меня дежурить около дверей. Чтобы избавиться отъ такого непріятнаго дежурства, я прибѣгъ къ самому простому средству: я вбилъ въ дверной косякъ гвоздь, сдѣ-

---

*) Родители Фейруза были суниты, а суниты не брезгаютъ христіанами и ихъ пищей. Авт.

лалъ изъ веревочки петлю и, соединивъ ею оба гвоздя, заперъ дверь. Способъ, употребленный мною въ этомъ случаѣ, былъ, очевидно, самый обыкновенный, однако жъ какъ мулла, такъ и ученики, въ первый моментъ, были поражены.

— „Вотъ, вѣпакъ-оглы (собачій сынъ)!“ воскликнулъ мулла: „сейчасъ же видно хитраго армянина!“

По утрамъ мы являлись въ школу раньше муллы: невообразимый шумъ, крикъ поднимался въ классъ до его прихода. Чтобы мулла не засталъ насъ врасплохъ, мы, поочередно, дежурили на улицѣ и сейчасъ же давали знать находившимся въ школѣ, если показывался мулла. Тогда ученики, собравшись въ кружокъ, начинали пѣть:

Изъ лѣсу медвѣдь идетъ,
Двойникъ муллы идетъ!
Дѣти, за Коранъ, по мѣстамъ!
Проклятый мулла идетъ.“

Часто вмѣсто муллы въ этомъ куплетѣ фигурировала хальфа.

Существовало у насъ въ школѣ дежурство и по назначенію муллы: обязанность дежурнаго ученика заключалась въ томъ, что онъ, наканунѣ своего дежурства, долженъ былъ запираеть классъ, брать ключъ съ собою домой и на другой день, придя раньше всѣхъ, отпирать дверь школы, стряхивать миндаль муллы и подметать его тахту.

Отлучаться изъ школы ученики могли не иначе, какъ по естественной надобности, — обмануть муллу было трудно: чрезъ свою долготѣнную практику, онъ вѣрно угадывалъ дѣйствительную причину отлучки ученика, ощупавъ животъ, руки, спину ученика и заглянувъ ему въ глаза.

Разъ я хотѣлъ провести его, но мнѣ не удалось.

— „Подыми голову,“ сказалъ мнѣ мулла. Я исполнилъ его приказаніе. Онъ заглянулъ мнѣ въ глаза.

— „Врешь, вѣпакъ-оглы!“ сказалъ онъ, угостивъ меня ударомъ палки: „не смѣй уходить!“

Но, такъ-какъ не было никакой физической возможности съ утра до вечера сидѣть въ классѣ и драть горло, поэтому ученики часто прибѣгали ко всевозможнымъ уловкамъ, чтобы обмануть бдительность муллы: напр., иные иногда притворялись больными. У насъ былъ ученикъ, который такъ ловко притворялся, что долгое время вводилъ муллу въ заблужденіе: мулла былъ увѣренъ, что этотъ ученикъ, дѣйствительно, подверженъ нервнымъ припадкамъ.

Разъ, когда мулла былъ не въ духѣ, этотъ ученикъ вдругъ всталъ съ своего мѣста красный, какъ ракъ, съ широко раскрытыми глазами, блуждающимъ взглядомъ; шатаясь и дрожа всѣмъ тѣломъ, онъ вышелъ на середину класса и началъ такъ бѣшено кружиться и размахивать руками, что всѣ ученики отъ испуга выбѣжали на улицу; выбившись изъ силъ, онъ растянулся на полу и началъ храпѣть и вздрагивать. Испуганный мулла приказалъ немедленно отнести его домой; ученики подхватили его и вынесли на дворъ. Онъ былъ блѣденъ. Какъ только ученики отошли нѣсколько шаговъ отъ школы, хитрый больной вскочилъ на ноги и началъ хохотать. Оказалось, что онъ не страдалъ никакою болѣзною: онъ прибѣгъ къ этой хитрости, потому-что не зналъ урока.

Иногда ученики, не знавшіе урока и не желавшіе подвергаться наказанію фалахкою, туго затягивали себѣ шею платкомъ и, дѣйствительно, падали въ обморокъ. Если въ такихъ случаяхъ мулла подозрѣвалъ какую-нибудь хитрость со стороны ученика, то онъ приказывалъ щекотать его: ученикъ, выдержавшій это испытаніе, отправлялся домой.

Разъ мнѣ тоже пришло въ голову намѣреніе упасть въ обморокъ. Я намазалъ себѣ лицо гилясаромъ и, забравшись въ темный уголокъ класса, началъ жалобно охать. Мои вздохи дошли до слуха муллы, и онъ вызвалъ меня къ себѣ. Я

всталъ, шатаясь, и, придерживая руками животъ, подошелъ къ муллѣ.

— „Что съ тобою?“ спросилъ мулла.

— „Животъ болитъ“, отвѣтилъ я чуть слышно, подражая тяжело больнымъ.

— „Подыми голову“.

Но я прежде, чѣмъ поднять голову, вскрикнулъ и растянулся на полу.

Вѣроятно, я очень неловко упалъ въ обморокъ, потому что мулла расхохотался и приказалъ щекотать меня.

Какъ только ученики начали меня щекотать, я вскочилъ и пустился бѣжать, но меня поймали и привели къ муллѣ. При видѣ вышпугатуреннаго гилясаромъ моего лица, ученики начали громко смѣяться.

— „Ахъ ты.....“ закричалъ мулла: „ты меня хочешь обмануть! Ты пока еще осленокъ! Когда подростешь и сдѣлаешься осломъ, тогда только узнаешь, какъ надо надувать муллу....“ Въ заключеніе я былъ еще наказанъ фалажкою. Однако жъ были ученики, которымъ удавалось обманывать муллу.

Иногда мулла самъ освобождалъ нѣкоторыхъ учениковъ отъ занятій: каждый день два или три ученика должны были ходить домой къ муллѣ помогать „муллазанъ“ (жена муллы) въ хозяйствѣ, напр., таскать воду, рубить дрова, подметать домъ и дворъ, а также забавлять дѣтей и наблюдать за ними. Когда она собиралась въ баню, то одинъ ученикъ долженъ былъ нести за нею ея *бохчу*, другой—дѣтей и ждать ее у дверей бани. Когда она ходила въ гости къ своимъ родственникамъ или знакомымъ, то постоянно брала съ собою нѣсколько учениковъ, которые обязаны были слѣдовать за нею въ почтительномъ разстояніи, неся ея *бохчу*. Она даже высылала ихъ къ своимъ роднымъ и знакомымъ „помочь имъ.“ На учениковъ она смотрѣла, какъ на своихъ рабовъ: она ругала ихъ и даже била.

Однажды мулла послалъ и меня съ Фейрузомъ домой „помочь женѣ“. Она въ тотъ день пекла хлѣбъ.

Мы натаскали воды, нарубили дровъ, затопили „тандиръ“. Потомъ она послала меня за женщиной, которая должна была печь хлѣбъ. Я заигрался на улицѣ и опоздалъ исполнить приказаніе. Когда я возвратился въ муллазанъ, она бросилась на меня съ гнѣвомъ, схватила меня и потащила въ тандиру:

— „Ты испортилъ мое тѣсто“, закричала она: „я брошу тебя въ тандиръ!...“ Я едва съ помощью Фейруза высвободился изъ ея рукъ и убѣжалъ безъ оглядки. Тогда я вполнѣ былъ увѣренъ, что она исполнила бы свою угрозу.

Часто жена муллы требовала насъ изъ школы „топтать крышу“. Въ объясненіе этого выраженія замѣтимъ, что плоскія земляныя крыши домовъ, послѣ каждаго дождя, напитываясь водою, могутъ дать течь; въ предупрежденіе течи и „топчуть“ ногами землю на крышахъ. Для этой цѣли нарочно поощряють дѣтей играть на крышахъ. Любимою игрою дѣтей на крышахъ бываетъ, такъ называемая, игра въ „каландаръ“ или „дурна-дурна“. Она состоитъ въ слѣдующемъ. Дѣти собираются въ кружокъ; одинъ изъ играющихъ беретъ поясъ, веревку или, просто, палку и кричитъ: „каландаръ! а, каландаръ“. Прочіе за нимъ повторяють: „каландаръ! а, каландаръ!“

— „Я знаю одну птицу“, говоритъ первый. Прочіе отвѣчаютъ: „каландаръ! а, каландаръ!“

— „Ростомъ она вотъ столько (показываетъ на поясѣ)!“

— „Головка вотъ столько! — „Клювъ столько!“ — „Крылья столько!“ — „Ноги столько!“ — „Ѣсть столько!“

Такимъ путемъ онъ перечисляетъ всѣ признаки, по которымъ можно узнать птицу, причемъ, послѣ каждаго его выраженія, прочіе мальчики повторяють: „каландаръ! а, каландаръ“; затѣмъ, притянувъ въ кому-нибудь изъ играющихъ по-

ась, онъ говоритъ: „ну-ка, угадай, какая это птица?“ Если спрашиваемый угадаетъ и назоветъ птицу, то „коноводъ“ даетъ ему поясъ и говоритъ: „гони рабовъ! гони рабовъ!“ Получившій поясъ бѣжитъ за дѣтьми и ударяетъ ихъ до тѣхъ поръ, пока коноводъ произноситъ: „гони рабовъ! гони рабовъ!“ Если же онъ произнесетъ: „авъ! авъ! авъ!“ то дѣти должны возвращаться къ нему, и игра начинается снова; при этомъ можно бываетъ загадывать звѣрей, насѣкомыхъ и др.

Подобныя игры доставляли намъ громадное удовольствіе, и мы радовались, если на нашу долю выпадало счастье „топтать крышу“.

Не мало удовольствія доставляло намъ также ходить съ муллазанъ на рѣчку: въ недѣлю разъ она ходила на рѣчку стирать бѣлье, а также ковры, одѣяла, архалукъ муллы и „туманъ“ и „чепканъ“ (муллазанъ). Все это мы должны были тащить на себѣ и освобождать тамъ отъ всевозможныхъ насѣкомыхъ и дѣтскихъ нечистотъ. Впрочемъ, ученики всегда оспаривали другъ у друга право ходить съ муллазанъ на рѣчку, такъ-какъ они, въ этомъ случаѣ, освобождались отъ занятій на цѣлый день, слѣдовательно, могли наиграться въ-волю, тѣмъ болѣе, что рѣчка протекала за городомъ.

Не мало удовольствія доставляло ученикамъ ходить „на добычу“, по привязанію муллы: ученики добывали для муллы куръ, яйца и т. п. Одинъ мулла заставлялъ учениковъ воровать дрова. Иногда, во время урока, замѣтивъ на улицѣ крестьянина, везшаго дрова, онъ такъ обращался къ ученикамъ:

— „Посмотримъ, кто изъ васъ будетъ молодецъ!“ Ученики выспѣвали изъ класса и окружали крестьянина; одинъ изъ нихъ начиналъ торговаться съ нимъ и старался всѣми мѣрами отвлечь его вниманіе отъ другихъ, которые, тѣмъ временемъ, потихоньку вытаскивали изъ арбы или выюка дрова.

— „Баракялла! баракялла!“ поощрялъ мулла учениковъ. Ученики таскали нашему муллѣ все, что попадало имъ

въ руки. Помню, разъ одинъ ученикъ привелъ муллѣ даже верблюда,—онъ угналъ его отъ кочевниковъ: даже самъ мулла улыбнулся при видѣ громаднаго верблюда, котораго съ торжествомъ велъ мальчуганъ, лѣтъ 15 или 16. Цѣлыхъ два дня верблюдъ оставался у муллы на дворѣ, пока, наконецъ, не явился хозяинъ верблюда; мулла возвратилъ верблюда, взявъ за него пять рублей выкупа.

Иногда ученики у кочевниковъ уводили овецъ, барановъ, даже, коровъ. Помню, разъ одинъ ученикъ привелъ въ муллѣ украденнаго барана; вслѣдъ за нимъ явился и хозяинъ за бараномъ, но ученики ловко скрыли барана въ классѣ, и хозяинъ не могъ найти его.

Отправляя своихъ учениковъ „на добычу“ мулла давалъ имъ наставленія, какъ они должны вести себя, что должны дѣлать, чтобы не попасть въ просакъ.

Разъ мулла послалъ учениковъ, въ числѣ ихъ и меня, за виноградомъ въ садъ, который находился на разстояніи двухъ верстъ отъ города. Мы взяли съ собою корзинки, хурджины и чрезъ плетень перелѣзли въ садъ. Наполнивъ корзины и хурджины виноградомъ, мы ужъ хотѣли уйти, какъ насъ замѣтилъ садовникъ: онъ напалъ на насъ съ своими помощниками, отнялъ виноградъ, корзины и хурджины, побилъ насъ и повелъ въ полицію. Мы струсили и объяснили, по чьему приказанію зашли въ садъ; тутъ насъ освободили, а нашего учителя взяли въ полицію. На другой день, придя въ школу, мы увидѣли муллу въ классѣ; мы любопытствовали узнать, что съ нимъ сдѣлали въ полиціи, а онъ, въ отвѣтъ на нашъ вопросъ, разсказалъ намъ слѣдующій анекдотъ:

Однажды падишахъ звѣрей, могущественный ширъ (левъ), думая обложить данью верблюдовъ, разослалъ гонцовъ во всѣ стороны, чтобы собрать горбатыхъ ревуновъ.

Хромоногая лисичка, узнавъ объ этомъ, поспѣшно собрала свои пожитки и пошла прощаться съ своими кумушками.

— „Прощайте кумушки, дорогія подруги,—я ухожу“.

— „Куда ты, лисичка? что случилось?“ спросили ее.

— „Какъ—что? развѣ вы не слышали, что падишахъ звѣрей приказалъ собрать верблюдовъ и обложить ихъ данью?“

— „А тебѣ что? Вѣдь, ты не—верблюдъ!“

— „А кто знаетъ? можетъ быть, гонцы примутъ меня за верблюда! Пока я докажу судомъ, что я не верблюдъ, а лиса, шкуру съ меня сдерутъ. Нѣтъ, ужъ прощайте, друзья, —не поминайте лихомъ!“

Черезъ два мѣсяца послѣ моего поступленія въ школу, мулла объявилъ мнѣ, что я скоро начну „Гюлистанъ.“ Ученики-мусульмане, по окончаніи букваря, читаютъ Коранъ. Но, такъ-какъ христіанамъ строго воспрещается прикасаться къ этой „священной“ книгѣ, то я долженъ былъ миновать Коранъ и начинать прямо съ „Гюлистана“. вмѣстѣ съ „Гюлистаномъ“ начинается и письмо; дѣти же татаръ не берутъ въ руки пера, пока не окончатъ Корана. Вотъ чѣмъ объясняется то обстоятельство, что въ татарскихъ школахъ встрѣчаются ученики, которые учатся лѣтъ 5 или 6 и однако жъ не умѣютъ писать даже буквъ.

По принятому въ татарскихъ школахъ обычаю, счастливое преодолѣніе букваря ученикъ долженъ ознаменовать подарками муллѣ. По окончаніи букваря, мулла не задаетъ уроковъ ученику, пока не получитъ отъ него подарковъ. Я подарилъ муллѣ пару чулокъ и одинъ руб., деньгами. По тому же случаю, отецъ моего ѣлдаша, Фейруза, подарилъ муллѣ поддюжныя разныхъ издѣлій изъ шёлка.

„Гюлистанъ“ проходитъ два раза: разъ безъ перевода, другой разъ съ переводомъ на татарскій языкъ. Мулла задаетъ ученику нѣсколько строкъ, которыя онъ обязанъ „вызубрить“ къ слѣдующему уроку. Я отъ начала до конца наизусть зналъ „Гюлистанъ“. Иногда ученикъ сидитъ надъ „Гюлистаномъ“ два, три, иногда, четыре года. Обученіе письму начинается

совмѣстно съ „Гюлистаномъ“. Мулла пишетъ на бумагѣ первыя три буквы татарской азбуки, которыя ученикъ долженъ копировать въ продолженіе цѣлой недѣли. Пишутъ ученики тростниковымъ перомъ, сидя на корточкахъ и держа бумагу на колѣняхъ. По окончаніи азбуки, ученики начинаютъ копировать цѣлыя слова: это называется „*мешхъ-элямагъ*“ (копировать). Затѣмъ мулла знакомитъ ихъ съ тѣмъ, какъ надо составлять письма, росписки, торговые счета и т. п. При этомъ мулла даетъ ученикамъ для образца письмо, росписку, счетъ и т. п., которые они должны переписывать до тѣхъ поръ, пока не выучатъ наизусть. По пятницамъ въ татарскихъ школахъ не бываетъ ученья; по четвергамъ занятія продолжаются до обѣда: послѣ обѣда ученики распускаются. Въ этотъ день мулла собираетъ плату за право ученья. Когда насъ выпускали изъ школы, мы радостно пѣли:

„Радуйтесь! радуйтесь!

Четвергъ пришелъ, четвергъ пришелъ,

Четвергъ пришелъ,—мулла радъ,

Мулла радъ: деньги собралъ,

Деньги собралъ,—насъ освободилъ!...“

Другихъ праздниковъ, кромѣ Новруза, Курбанъ-Байрама и Оруджъ-Байрама не существуетъ въ татарскихъ школахъ. Тутъ освобождаются ученики на день или на два.

На Оруджъ-Байрамѣ ученики должны были ходить по домамъ, пѣть и собирать деньги, хлѣбъ, пшеницу, муку и т. п. для мурлы. Изъ нѣсколькихъ пѣсенъ, которыя поютъ въ это время, я приведу одну, въ переводѣ:

„Пятнадцатаго Оруджа мы пришли къ вамъ,—

Изъ котла и посуды дайте вы намъ!

Эй, арсинъ *), арсинъ, арсинъ!

Да Тари (Богъ) исполнить твои желанія!

Пусть встанетъ мальчикъ,—

---

*) „Арсинъ“—невѣстка. Такъ называютъ татары чужихъ женъ. *Авт.*

Принесетъ намъ вюльча (волобокъ), шоръ (сыръ)!

Мальчикъ, мальчикъ, встань ты!

Наполни кружку!“ и т. д.

Собравъ такимъ путемъ денегъ и съѣстныхъ припасовъ, ученики приносятъ ихъ муллѣ.

Мое ученье въ татарской школѣ продолжалось три года: вслѣдствіе одного трагическаго случая я долженъ былъ бросить ученье въ школѣ. 1872 г. 16 января случилось въ Шемахѣ сильное землетрясеніе. Меня въ тотъ день не было въ школѣ, такъ-какъ день былъ воскресный, а по воскресеньямъ христіане освобождались отъ занятій. Многіе дома разрушились. Обрушилась и ветхая крыша школы, оставивъ подъ собою больше 50 учениковъ; изъ нихъ только 8 были вытащены живыми изъ-подъ развалинъ, прочіе же погибли; погибъ также и несчастный Фейрузъ.

Въ довершеніе несчастья изъ-подъ обрушившейся крыши показался сначала дымъ и затѣмъ пламя; пожаръ произошелъ отъ мангаловъ. Въ татарскихъ школахъ не бываетъ печи, и зимою классъ не отопляется: каждый ученикъ приноситъ съ собою зимою въ классъ маленький глиняный или желѣзный мангалъ (въ родѣ жаровни) *) и въ немъ разводитъ огонь въ классѣ. Поставивъ передъ собою мангалъ, ученикъ и грѣется, и готовитъ уроки. Такіе мангалы были у насъ съ Фейрузомъ. Послѣ этого случая я оставилъ школу муллы Д.

Учитель Мингрельскаго городского училища *А. Захаровъ*.

1889 г.

Г. Потг.

*) Сравни. выше, стр. 2.

III. АНЕКДОТЫ

муллы Насръ-Эддина.

(Нѣсколько словъ отъ собирателя).

Мулла Насръ-Эдинъ—любимый герой татарскихъ анекдотовъ. Его имя популярно не только среди татаръ, но и среди другихъ восточныхъ народовъ: персовъ, турокъ, армянъ и др. Полагаютъ, что мулла Насръ-Эдинъ жилъ при дворѣ арабскаго халифа, Гарунъ-аль-Рашида, хотя въ анекдотическихкихъ сказаніяхъ о муллѣ, мнѣ ни разу не приходилось встрѣчать имени этого халифа. Въ одной персидской книгѣ, подъ заглавіемъ: „Исторія Теймуръ-Ленга“ говорится, что при дворѣ этого грознаго завоевателя жилъ какой-то мудрый, ученый мужъ: онъ „вѣрно и правдиво“ умѣлъ предсказывать будущность. Теймуръ-Ленгъ любилъ его, вѣрилъ въ его слово: онъ ничего не предпринималъ, не посовѣтовавшись съ нимъ предварительно. Въ часы же досуга Насръ-Эдинъ развлекалъ своего грознаго повелителя остроумными шутками. Дѣйствительно, во многихъ анекдотахъ о муллѣ Насръ-Эдинѣ упоминается имя Теймуръ-Ленга. Въ этихъ анекдотахъ мулла является или мрачнымъ философомъ, или отъявленнымъ циникомъ, или непроходимымъ дуракомъ. Въ настоящее время мулла Насръ-Эдинъ является типичнымъ лицомъ, которое олицетворяетъ собою *народную глупость* и народное *остроуміе*.

Мною собрано больше 200 анекдотовъ, но изъ нихъ я

могъ выбрать для печати только 64, такъ-какъ татары вообще любятъ облекать свои анекдоты въ скабрёзную форму: въ такую же форму облечены самые остроумные и интересные анекдоты о муллѣ Насръ-Эддинѣ.

1.

— „Кого ты считаешь глупцомъ, мулла?“

— „Того, кто людямъ въ глаза говоритъ правду“.

2.

Однажды муллѣ даютъ знать, что въ его садъ зашло нѣсколько буйволовъ. Мулла, вооружившись дубиной, вмѣстѣ съ сыновьями бѣжить въ садъ. Но, кромѣ буйволовъ, въ саду онъ видитъ еще одного ахуна (духовное лицо).

— „Аманъ, дѣти!“ кричитъ мулла: „оставьте пока буйволовъ въ покоѣ и постарайтесь, прежде всего, выгнать ахуна изъ сада!“

3.

Однажды къ муллѣ приходитъ дервишъ и начинаетъ говорить ему много пріятныхъ для него вещей. Муллѣ это очень нравится.

— „Приходи ко мнѣ завтра, и я дамъ тебѣ сто тумановъ“, говоритъ мулла. Обрадованный дервишъ уходитъ и на другой день опять является къ муллѣ.

— „Ты зачѣмъ?“ спрашиваетъ мулла.

— „За деньгами: ты ихъ общалъ мнѣ вчера“.

— „За что же я общалъ тебѣ денегъ?“

— „За то, что я доставилъ тебѣ удовольствіе своей бесѣдой“.

— „Ну, что же! Ты доставилъ мнѣ удовольствіе своей бесѣдой,—я тоже, въ свою очередь, доставилъ тебѣ удоволь-

ствіе своимъ обѣщаніемъ: значить мы квиты. Какія еще тебѣ деньги!“

4.

Мулла покупаетъ десятокъ яицъ за 10 коп. и продаетъ за 5 коп.

— „Мулла, вѣдь, такъ ты убытокъ получаешь“, говорятъ ему знакомые.

— „Ничего, лишь бы говорили, что мулла Насръ-Эдинъ тоже занимается коммерціей!...“

5.

Разъ въ мечети, во время молитвы, одинъ молящійся нечаянно, но довольно сильно толкнулъ муллу. Ничего не говоря, мулла нагибается впередъ и также сильно толкаетъ стоявшаго впереди него имама. Послѣдній раздраженно спрашиваетъ его:

— „Что ты толкаешься, мулла?“

— „А вотъ спроси у стоящаго позади меня“, отвѣчаетъ мулла.

6.

Однажды ночью къ муллѣ забирается воръ, собираетъ всѣ его вещи и уходитъ. Мулла встаетъ, беретъ свое одѣяло и кое-какія оставленныя воромъ вещи и бѣжитъ за нимъ. Тотъ приходитъ къ себѣ домой; мулла—тоже за нимъ. Замѣтивъ у себя муллу, воръ спрашиваетъ:

— „Ты зачѣмъ явился?“

— „Какъ зачѣмъ? Развѣ не сюда я перехожу?“

7.

У муллы было два теленка. Онъ привязалъ ихъ у себя на дворѣ къ дереву. Одинъ изъ нихъ оборвалъ веревку и убѣжалъ. Схвативъ дубину, мулла началъ бить оставшагося теленка.

— „За что же ты его бьешь, мулла? чѣмъ онъ виновать?“ спрашивали его.

— „О, вы не знаете! я увѣренъ, что если *этотъ* теленокъ оборветъ веревку, то онъ шибче того побѣжить!“

8.

Мулла купилъ новую папаху.

— „Сколько заплатилъ, мулла?“ спрашиваетъ его одинъ изъ знакомыхъ.

— „30 коп...“

— „Сколько заплатилъ, мулла?“ спрашиваетъ его второй. Съ этимъ вопросомъ обращается къ муллѣ третій, четвертый, пятый, словомъ, каждый встрѣчный: мулла не можетъ сдѣлать шагу, чтобы кто-нибудь не спросилъ его о цѣнѣ обновки. Мулла это надоѣло, а потому онъ рѣшилъ схитрить. Онъ притворяется умершимъ; его жена поднимаетъ плачь; между тѣмъ собираются родственники, знакомые, весь городъ, и съ воплемъ и плачемъ несутъ его хоронить. Но, какъ только хотятъ опустить его въ могилу, онъ, выпрямившись во весь ростъ, громко кричитъ:

— „Тридцать копеекъ заплатилъ! Тридцать копеекъ! Тридцать копеекъ!...“

9.

Мулла открываетъ красильную мастерскую. Является заказчикъ и проситъ муллу такъ:

— „Мулла, выкраси мнѣ эту матерію въ такой цвѣтъ, чтобы онъ не походилъ ни на красный, ни на бѣлый, ни на черный, ни на зеленый, ни на желтый, ни на голубой, словомъ—ни на одинъ изъ извѣстныхъ цвѣтовъ“.

— „Отлично“, говоритъ мулла.

— „Когда же притти?“

— „Приходи въ такой день, чтобы это не былъ ни

понедѣльникъ, ни вторникъ, ни среда, ни четвергъ, словомъ — ни одинъ изъ извѣстныхъ недѣльныхъ дней...“

10.

Однажды скупой зоветъ муллу къ себѣ въ гости; мулла приходитъ. Скупой подаетъ на столъ тарелку горячей воды, въ которой плаваютъ только нѣсколько зеренъ чечевицы.

— „Что это такое?“ спрашиваетъ мулла.

— „Супъ изъ чечевицы“, отвѣчаетъ скупой. Тутъ мулла начинать раздѣваться.

— „Что ты дѣлаешь, мулла?“ удивленно спрашиваетъ его хозяинъ.

— „Хочу окунуться въ эту воду, чтобы изловить чечевицу“.

11.

Цирульникъ бреетъ голову муллѣ тупой бритвой. Обрѣзавъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, онъ прикладываетъ къ этимъ мѣстамъ ваты.

— „Скоро ли кончишь?“ спрашиваетъ его мулла.

— „Половина еще осталась“, отвѣчаетъ цирульникъ.

— „Ну, такъ довольно! Оставь мнѣ другую половину: на одной половинѣ ты посѣялъ хлопокъ, на другой я думаю сѣять просо“.

12.

Утащивъ у одного гаджи платье, мулла несетъ его на базаръ продавать, но тутъ у него воруютъ это платье; мулла возвращается домой.

— „По-чѣмъ продалъ?“ спрашиваетъ жена.

— „По-чѣмъ и купилъ“, отвѣчаетъ мулла.

13.

Муллу поетъ въ банѣ; свой голосъ нравится ему.

— „У меня хорошій голосъ“, думаетъ мулла: „я сдѣлаюсь муэдзиномъ“.

На другой день онъ взбирается на минаретъ и начинаетъ пѣть.

— „Уфъ, какой свѣрный голосъ у этого муэдзина!“ говоритъ одинъ прохожій.

— „Ты не говорилъ бы этого, если бы на этомъ минаретѣ была устроена баня“, отвѣчаетъ мулла.

14.

Однажды ночью мулла пытается обокрасть одну лавку; его замѣчаетъ прохожій.

— „Что ты тутъ дѣлаешь?“ спрашиваетъ муллу прохожій.

— „На балалайкѣ играю“.

— „Какже ничего не слышно?“

— „Вѣроятно, завтра будетъ слышно!“

15.

Думая обокрасть одного богача, мулла однажды ночью приставляетъ къ его дому лѣстницу и, забравшись по ней въ комнату богача, тащитъ съ собою и лѣстницу. Богачъ, проснувшись и спрашиваетъ его:

— „Что ты тутъ дѣлаешь?“

— „Лѣстницу продаю“, не смущаясь отвѣчаетъ мулла.

— „Какое же тутъ мѣсто продавать лѣстницу?“

— „Лѣстницу вездѣ можно продавать, лишь бы былъ хорошій покупатель“.

16.

Нѣсколько человекъ приходятъ къ хану съ жалобой на муллу, что онъ увелъ у нихъ буйвола. Ханъ требуетъ къ себѣ муллу. Но мулла сначала является къ визирю и приноситъ ему въ подарокъ нѣсколькихъ цыплятъ.

Изъ-за подарка, визирь защищаетъ муллу предъ ханомъ.

— „А ты что скажешь въ свое оправданіе?“ обращается ханъ къ муллѣ.

— „Я? ничего! Мои *цыплята* ужь говорятъ за меня!“

17.

Мулла, желая перепрыгнуть чрезъ оврагъ, падаетъ въ него.

— „Эхъ, молодость! молодость!“ восклицаетъ онъ со вздохомъ. Но, осмотрѣвшись кругомъ и не видя никого, добавляетъ:

— „Впрочемъ, признаться, и въ молодости я ни къ чорту не годился“.

18.

Мулла несетъ нѣсколько дынь.

— „Куда, мулла?“ спрашиваетъ его одинъ знакомый.

— „Хану въ подарокъ дыни несу“, отвѣчаетъ мулла.

— „На твоёмъ мѣстѣ я бы жёлуди понесъ хану“.

Мулла возвращается домой, оставляетъ дыни и, наполнивъ платокъ жѣлудами, несетъ ихъ хану. Ханъ приказываетъ бить муллу по головѣ жѣлудами.

— „Слава Аллаху! Слава Аллаху!“ восклицаетъ мулла.

— „За что же ты прославляешь Аллаха?“ спрашиваетъ его ханъ.

— „За то, что онъ умудрилъ меня, чрезъ моего знакомаго, принести тебѣ въ подарокъ жёлуди: а если бы я принёсъ дыни, какъ раньше хотѣлъ, то едва ли бы могла уцѣлѣть моя голова“.

19.

Однажды мулла спрашиваетъ жену:

— „По какимъ признакамъ можно узнать, умеръ ли человекъ, или нѣтъ“.

— „Когда руки и ноги охладѣютъ, значитъ, умеръ человекъ“, отвѣчаетъ жена.

Разъ зимою мулла идетъ въ лѣсъ за дровами; вдругъ онъ чувствуетъ, что у него руки и ноги стали холодны.

— „Значить, я умеръ“, думаетъ мулла и, растянувшись на землѣ, лежитъ безъ движенія. Такимъ образомъ, ослы его остаются безъ присмотра. Между тѣмъ собираются волки и начинаютъ растерзывать ослѣвъ. Мулла подымаетъ голову и, видя, что волки растерзываютъ ослѣвъ, говоритъ:

— „Эхъ, проклятые волки! будь живъ мулла Насръ-Эдинъ, не осмѣлились бы вы терзать его ослѣвъ“.

20.

Въ другой разъ, идя по большой дорогѣ, мулла видитъ, что руки и ноги у него стали холодны.

— „Умеръ я“, говоритъ мулла и, бросившись въ оврагъ, закрываетъ глаза. Въ это время мимо оврага проходитъ караванъ.

— „Хоть я и умеръ“, думаетъ мулла: „а все-таки не мѣшало бы мнѣ посмотрѣть, что это за караванъ“. При этихъ словахъ онъ поднимаетъ голову; но мулы, при видѣ его, испугались, сбросили вьюки и разбѣжались. Погонщики за это избили муллу и полумертвымъ бросили его опять въ оврагъ. Черезъ нѣсколько времени родственники муллы находятъ его полумертвымъ въ оврагѣ и съ трудомъ приводятъ его въ чувство.

— „Что это случилось съ тобою, мулла? Гдѣ ты былъ?“ спрашиваютъ его.

— „Я былъ на томъ свѣтѣ“, отвѣчаетъ мулла.

— „А какъ понравилось тебѣ на томъ свѣтѣ?“

— „Ничего, все хорошо! Только—знаете—я дамъ вамъ добрый совѣтъ: какъ вы перейдете на тотъ свѣтъ, то постарайтесь тамъ не пугать муловъ“.

21.

У муллы украли осла.

— „Слава Аллаху! Слава Аллаху!“ твердилъ онъ.

— „За что же ты, мулла, прославляешь Аллаха?“

— „За то, что я не сидѣлъ на ослѣ: иначе и я тоже былъ бы украденъ, вмѣстѣ съ осломъ“.

22.

Нѣсколько молодыхъ людей приглашаютъ муллу въ баню; мулла идетъ. Тѣ, спрятавъ въ рукахъ по одному куриному яйцу, заходятъ въ баню, мулла—за ними. Вдругъ одинъ изъ нихъ, прокудахтавъ, на подобіе курицы, показываетъ на рукѣ взятое имъ яйцо; то же дѣлаютъ и прочіе.

— „У кого не окажется яйца, тотъ и долженъ заплатить за баню“, говорятъ они. Понявъ въ чемъ дѣло, мулла вспрыгнувъ на лавку и кричитъ пѣтухомъ: „ку-ку-ре-ву!“

— „Что ты дѣлаешь, мулла?“ спрашиваютъ тѣ.

— „У столькихъ курицъ долженъ же быть хоть одинъ пѣтухъ“, отвѣчаетъ мулла.

23.

Къ муллѣ приходитъ дервишъ.

— „Мулла, кто былъ нашъ прадѣдъ?“ спрашиваетъ онъ.

— „Адамъ“, отвѣчаетъ мулла.

— „А наша праматерь?“

— „Ева“.

— „Значить, мы родственники?“

— „Родственники“.

— „Въ такомъ случаѣ ты долженъ удѣлить мнѣ часть изъ твоего имущества“.

— „Отлично“, говоритъ мулла и подаетъ дервишу грошикъ.

— „Что это, мулла? изъ всего твоего имущества ты грошикъ только удѣляешь своему родственнику?“

— „Тише! если другіе наши родственники объ этомъ услышатъ, то едва ли и грошикъ достанется тебѣ“.

24.

Однажды мулла видитъ старушку-армянку, которая горько плачетъ.

— „Что случилось, нене? Что ты плачешь?“ спрашиваетъ мулла.

— „Какже мнѣ не плакать, когда единственный мой сынъ принялъ магометанство?“

— „О, горе мнѣ! Что мнѣ-то дѣлать, нене: у меня семеро сыновей, и всѣ они—магометане!“

25.

У муллы украли абу; онъ выходитъ на площадь и сурово восклицаетъ:

— „Пусть принесетъ мнѣ укравшій у меня абу, а то, блянусь Аллахомъ, худо ему будетъ!“

Воръ, испугавшись этихъ словъ, приноситъ абу муллѣ.

— „А что сдѣлалъ бы ты вору, мулла?“ спрашиваетъ его воръ изъ любопытства.

— „Ничего! купилъ бы новую абу“, отвѣчаетъ мулла.

26.

Однажды мулла, одѣвшись въ трауръ, выходитъ на базаръ.

— „Мулла, зачѣмъ ты въ траурѣ?“

— „Держу трауръ по себѣ: вѣдь, послѣ смерти не успѣю“.

27.

Въ другой разъ мулла показывается въ траурѣ.

— „Что случилось, мулла? По комъ держишь трауръ?“

— „По себѣ, чтобы Азраиль думалъ, будто я умеръ“.

28.

Однажды ночью, выйдя на дворъ, мулла видитъ на дворѣ подъ деревомъ человѣка. Думая, что это—воръ, онъ беретъ ружье и стрѣляетъ въ него. Подойдя ближе, вмѣсто во-

ображаемаго вора, мулла видитъ свою абу, которую онъ днемъ повѣсилъ на дворѣ.

— „Слава Аллаху, что меня не было въ абѣ, а то теперь былъ бы я на томъ свѣтѣ!“

29.

Сосѣдъ просить у муллы осла.

— „Осла еще вчера сынъ взялъ на мельницу“, говорить мулла.

Но въ это время осель кричитъ въ конюшнѣ.

— „Какъ тебѣ не стыдно врать, мулла!“ говорить сосѣдъ.

— „А какъ тебѣ не стыдно вѣрять глупому ослу и не вѣрять мнѣ, сѣдобородому старику!“

30.

Мулла возвращается изъ деревни. На половинѣ дороги осель устаетъ и, несмотря на просьбы и понуканія муллы, не хочетъ двинуться съ мѣста.

— „Подложи ослу подъ хвостъ немножко нашатыря, и пойдетъ“, совѣтуетъ муллѣ прохожій.

Мулла исполняетъ этотъ совѣтъ. Осель, почувствовавъ подъ хвостомъ дѣйствіе нашатыря, пускается вскачь; мулла — за нимъ. Но осель скачетъ такъ шибко, что мулла не можетъ гнаться за нимъ.

„Нашатырь—средство прекрасное“, думаетъ мулла: „попробую и я,—авось, догоню осла“. Почувствовавъ дѣйствіе нашатыря, мулла бросается впередъ: онъ скоро догоняетъ своего осла, но не можетъ остановиться и продолжаетъ скакать, какъ сумасшедшій. Добѣжавъ до своего дома, онъ видитъ свою жену на улицѣ.

— „Жена“, кричитъ онъ ей издали, не останавливаясь: „какъ осель придетъ домой, сними съ него вьюки; а я подложилъ себѣ много нашатыря, и Аллахъ только вѣдаетъ, до конхъ поръ я долженъ скакать!“

31.

Муллу приглашают на свадьбу; онъ идетъ въ старой, изорванной чухѣ, но его не принимаютъ. Мулла возвращается домой, одѣвается въ новую чуху и опять идетъ. На этотъ разъ его принимаютъ очень любезно и оказываютъ всевозможныя почести. Когда подаютъ кушанья, мулла приподнимаетъ край своей чухи и, наклонивъ ее надъ тарелкой, говоритъ:

— „Кушай, почтенная чуха! Кушай, уважаемая чуха!“

„Что ты дѣлаешь, мулла?“ спрашиваютъ его хозяева съ удивленіемъ.

— „Угощаю свою чуху: вѣдь, всѣ эти почести вы оказываете ей, а не мнѣ; а кому почести, тому и кушанья!“

32.

Въ лавкѣ одного купца мулла видитъ банку меду, беретъ кусокъ хлѣба и, показывая видъ, будто онъ обмакиваетъ хлѣбъ въ медъ, начинаетъ его ѣсть. Съѣвъ хлѣбъ, мулла хочетъ удалиться, но купецъ задерживаетъ его и требуетъ денегъ.

— „За что?“ спрашиваетъ мулла.

— „За медъ“.

— „Да, вѣдь, я не трогалъ твоего меду!“

— „Все равно! ты получилъ такое же удовольствіе, какъ если бы, дѣйствительно, съѣлъ медъ“.

Между ними начинается споръ; собираются постороннія лица и ведутъ ихъ обоихъ къ кади (судьѣ). Кади рѣшаетъ въ пользу купца.

— „Нечего дѣлать“, говоритъ мулла, обращаясь къ купцу: „получай деньги!“

Купецъ протягиваетъ руку, и мулла, показывая видъ, будто пересыпаетъ деньги въ его руку, считаетъ:

„Вотъ тебѣ разъ, вотъ тебѣ два, вотъ тебѣ три“.

— „Что ты дѣлаешь, мулла? Стой! Гдѣ же здѣсь деньги?“

— „За такой медь, какой я съѣлъ у тебѣ, такими же и деньгамъ платять“.

33.

Мулла идетъ въ сосѣдній городъ и на дорогѣ покупаетъ арбузъ. Съѣвъ одну половину, другую онъ бросаетъ:

„Прохожіе скажутъ, что по этой дорогѣ бекъ прошелъ“. Но, пройдя впередъ нѣсколько шаговъ, онъ возвращается назадъ, поднимаетъ брошенную половину и ѣсть:

— „Пусть прохожіе говорятъ, что съ бекомъ былъ слуга: ему, видно, онъ и отдалъ другую половину арбуза“. Но, пройдя еще немножко впередъ, онъ опять возвращается назадъ, собираетъ корки и сѣмена и ѣсть:

„Пусть прохожіе думаютъ, что бекъ былъ верхомъ, и что корки и сѣмена поѣла его лошадь“.

34.

Однажды къ муллѣ приходитъ сосѣдъ.

— „Мулла, къ тебѣ у меня просьба“, говоритъ онъ.

— „Какая?“

— „Одолжи мнѣ сто тумановъ“.

— „Только?“

— „Нѣтъ; назначь еще сроку три мѣсяца, чтобы я могъ тебѣ выплатить эти деньги“.

— „Первую твою просьбу я не могу исполнить, а вторую исполню съ удовольствіемъ и даже, вмѣсто трехъ мѣсяцевъ, назначу сроку шесть мѣсяцевъ“.

35.

Однажды мулла беретъ у сосѣда котель и чрезъ нѣкоторое время возвращаетъ его хозяину, вложивъ въ него свой маленькій котелокъ.

— „А это что такое, мулла?“ спрашиваетъ сосѣдъ.

— „Вчера твой котелокъ родилъ у меня: *этотъ* котелокъ — его ребенокъ“.

Хозяинъ котла, ничего не возражая, беретъ себѣ и маленькій котелокъ.

Въ другой разъ мулла опять приходитъ къ сосѣду и просить у него котла. Сосѣдъ съ радостью тотчасъ же исполняетъ его просьбу. Проходитъ нѣсколько дней; но мулла не возвращаетъ котла; наконецъ, сосѣдъ приходитъ къ муллѣ.

— „Что же мой котелокъ, мулла? Почему до сихъ поръ его не возвращаешь?“ спрашиваетъ онъ.

— „Увы! я долженъ сообщить тебѣ неприятную вѣсть: твой котель умеръ“.

— „Что ты за глупости говоришь, мулла: развѣ котель можетъ умереть!“

— „А развѣ котель можетъ родить? Однако жъ ты повѣрилъ, что твой котель родилъ; почему же теперь не хочешь вѣрить, что твой котель умеръ?“

36.

Гуляя на кладбищѣ, мулла видитъ тамъ стараго пса. Думая, что съ нимъ не трудно справиться, беретъ палку и прямо идетъ на него. При видѣ муллы, песъ оскаливаетъ зубы и хочетъ броситься на него. Мулла видитъ, что, несмотря на свою старость, песъ — изъ зубастыхъ, отбрасываетъ палку и говоритъ:

— „Успокойся, молодецъ! Успокойся, удалецъ! Я хотѣлъ только пошутить съ тобою“.

37.

Лисица стащила у муллы курицу; мулла на четверенькахъ подползаетъ къ курятнику своего сосѣда и, схвативъ зубами одну изъ его курицъ, несетъ ее домой.

— „Что ты дѣлаешь, мулла?“ спрашиваетъ его сосѣдъ.

— „Я сталъ лисицей“, отвѣчаетъ мулла.

38.

Однажды ночью къ муллѣ забирается воръ.

— „Вставай, мулла“, говоритъ жена: „къ намъ воръ забрался!“

— „Молчи, жена: можетъ быть, что-нибудь найдеть, тогда мы у него отберемъ!“

39.

— „Мулла, пловъ несутъ“.

— „А мнѣ-то что?“

— „Тебѣ несутъ...“

— „А тебѣ-то что?“

40.

Однажды ночью, по сосѣдству съ жильемъ муллы, на улицѣ происходитъ драка.

— „Вставай, мулла“, говоритъ жена: „посмотри, что тамъ случилось?“

Мулла встаетъ и, накинувъ на себя одѣяло, выходитъ на улицу. Въ суматохѣ кто-то отнимаетъ у него одѣяло и уноситъ; въ это же самое время прекращается и драка. Дрожая отъ холода всѣмъ тѣломъ, мулла возвращается домой.

— „Изъ-за чего же была драка?“ спрашиваетъ жена.

— „Изъ-за нашего одѣяла“, отвѣчаетъ мулла: „какъ только стащили съ меня одѣяло, тотчасъ и драка прекратилась“.

41.

Разъ мулла приѣзжаетъ въ какой-то городъ и видитъ, что всѣ жители этого города веселятся, ѣдятъ, пьютъ, пляшутъ. Муллу тоже приглашаютъ и угощаютъ на славу.

— „Какой славный городъ!“ говоритъ мулла.

— „Сегодня Байрамъ“, объясняютъ ему.

— „Въ такомъ случаѣ почему же не каждый день вы устраиваете Байрамъ?“

42.

Однажды мулла, думая обмануть народъ, говорить:

— „Въ такомъ-то мѣстѣ раздають пловъ: кто желаетъ, пусть спѣшить“.

Тотчасъ же и старъ и младъ: кто съ тарелкой, кто съ котломъ, а кто и безъ посуды, спѣшать туда; мулла, видя, что всѣ пошли, и самъ тоже бѣжитъ домой, беретъ котель и спѣшить догнать другихъ:

— „А можетъ быть, и въправду раздають тамъ пловъ!“ говорить онъ.

43.

Мулла потерялъ осла и возвращается домой пѣшкомъ; по дорогѣ, его догоняетъ знакомый:

— „Что въ городѣ новаго?“ спрашиваетъ мулла.

— „Ничего“.

— „Не говорятъ развѣ, что мулла потерялъ осла?“

— „Нѣтъ, не говорятъ“.

— „Ну, дай Богъ, чтобы невѣрно было, что мулла потерялъ осла“.

44.

Однажды мулла возвращается съ хейрата (поминки) на арбѣ. Поднявъ отяжелѣвшія вѣки, онъ видитъ на небѣ блестящія звѣзды.

— „Что тамъ дѣлають?“ спрашиваетъ онъ возницу, указывая на звѣзды.

— „Тамъ хейратъ...“

— „А! въ такомъ случаѣ гони воловъ прямо туда“.

45.

Однажды мулла отправляется въ другой городъ. На него нападаютъ разбойники, отнимають у него лошадь, сто тумановъ и платье, а его самого начинаютъ бить.

— „А меня-то зачѣмъ бьете“, спрашиваетъ мулла: „я поздно явился или мало привезъ?“

46.

Ханъ приглашаетъ муллу на джигитовку. Мулла является на волѣ; ханъ смѣется.

— „Когда этотъ волѣ былъ молодъ, ни одна лошадь не могла его догнать“, говоритъ мулла.

47.

У муллы былъ баранъ. Однажды нѣсколько молодыхъ людей являются къ нему и говорятъ:

— „Мулла, завтра будетъ свѣтопреставленіе: зарѣжь твоего барана, и мы съѣдимъ“.

Мулла не вѣритъ. Являются другіе, которые подтверждаютъ то же самое. Мулла рѣжетъ барана и приглашаетъ своихъ знакомыхъ и родственниковъ ѣсть барана. Между тѣмъ мулла собираетъ абы, коши, принадлежавшія гостямъ, несетъ ихъ на базаръ и продастъ тамъ.

— „Гдѣ же наши абы и коши?“ спрашиваютъ гости, собираясь уходить.

— „Ваши абы и коши *опредили* васъ днемъ на свѣтопреставленіе“, отвѣчаетъ мулла.

48.

Однажды Теймуръ-Ленгу приносятъ въ подарокъ гуся; Теймуръ-Ленгъ поручаетъ муллѣ приготовить его къ обѣду. Мулла исполняетъ приказаніе, но, соблазнившись гусемъ, онъ, до обѣда, съѣдаетъ одну ножку гуся. За обѣдомъ Теймуръ-Ленгъ и спрашиваетъ муллу:

— „А гдѣ же другая нога у гуся?“

— „Гусь на одной ногѣ бываетъ“, увѣряетъ его мулла.

— „Что ты за глупости говоришь, мулла!“

— „А вотъ, посмотри, если не вѣришь“, говоритъ мулла, указывая на гусей, стоявшихъ въ это время на берегу

пруда на одной только ногѣ. Теймуръ-Ленгъ беретъ тарелку и бросаетъ ея въ гусей: гуси разбѣгаются на двухъ ногахъ.

— „А, что? посмотри: на одной ли ногѣ бѣжитъ гусь!“

— „Да если бы эту тарелку бросили въ тебя, и ты тоже побѣжалъ бы на двухъ *) ногахъ“, возразилъ мулла.

49.

Однажды Теймуръ-Ленгъ начинаетъ рассказывать при муллѣ какую-то небылицу. Мулла, прервавъ его, самъ начинаетъ рассказывать другую, еще болѣе невѣроятную, небылицу.

— „Какую ты чушь несешь, мулла?“ говоритъ Теймуръ-Ленгъ.

— „Если имамъ позволяетъ себѣ принимать безъ халата, то райту (простому человѣку), я думаю, нечего стѣняться щеголять безъ штановъ“, отвѣчаетъ мулла.

50.

Однажды Теймуръ-Ленгъ даетъ муллѣ отнести во дворецъ нѣсколько персиковъ. Мулла относитъ ихъ на кладбище и оставляетъ тамъ. Не найдя у себя персиковъ, Теймуръ-Ленгъ требуетъ муллу.

— „Я отнесъ персики въ твой дворецъ, какъ ты приказалъ“, говоритъ мулла и ведетъ Теймуръ-Ленга на кладбище.

— „Вотъ настоящій твой дворецъ, куда рано или поздно ты долженъ переселиться на вѣки“, говоритъ мулла: „а тотъ, въ которомъ ты живешь въ настоящее время, не принадлежитъ тебѣ,—ты въ немъ только гость“.

51.

Однажды Теймуръ-Ленгъ спрашиваетъ муллу:

— „Какъ ты думаешь, мулла: на свѣтѣ женщинъ больше или мужчинъ?“

— „Женщинъ“, отвѣчаетъ мулла.

---

*) Теймуръ былъ хромъ.—*Собирает.*

— „Какъ такъ?“

— „Женщины — ужь женщины, а тѣ мужчины, которые пляшутъ подь дудку женщины, тоже женщины: значить, женщинъ больше“.

52.

Мулла былъ выбранъ въ кадн.

Приходятъ къ нему два жалобщика; одинъ изъ нихъ, указывая на другого, говорить:

— „Онъ откусилъ мой носъ“.

— „Нѣтъ, не я!“ говорить другой: „а самъ онъ откусилъ“.

„Ступайте и приходите черезъ полчаса“, говорить имъ мулла. Тѣмъ временемъ мулла заходитъ въ другую комнату и, схвативъ себя за носъ, пробуетъ откусить его, но не можетъ этого сдѣлать, падаетъ и разбиваетъ голову.

Обвязавъ голову платкомъ, онъ выходитъ изъ этой комнаты и требуетъ къ себѣ жалобщиковъ.

— „Ты врешь“, обращается онъ ко второму: „если бы, дѣйствительно, онъ самъ откусилъ свой носъ, то у него голова была бы обвязана платкомъ, какъ и у меня!“

53.

Ночью ребенокъ муллы кричитъ.

— „Вставай, мулла“, говорить жена: „укачай ребенка, — вѣдь, половина — твоя“.

— „Пусть кричитъ моя половина“, говорить мулла, перевернувшись на другой бокъ: „ты качай свою половину“.

54.

У муллы былъ быкъ съ длинными, острыми рогами. Мулла все думалъ, какъ бы улучшить удобную минуту и сѣсть между его рогами; но только удобнаго случая не представлялось. Однажды ночью, выйдя на дворъ, мулла видитъ, что быкъ спокойно лежитъ на дворѣ и жуетъ жвачку.

— „Вотъ, какъ разъ самое удобное время“, думаетъ мулла и, вспрыгнувши на голову быку, усѣлся между его рогами. Испуганное животное вскочило на ноги, встряхнуло головой и сбросило муллу далеко отъ себя. Мулла палъ на землю и потерялъ сознание. Приходитъ жена и видитъ, что мужъ лежитъ на землѣ, безъ чувства, съ разбитой головой и сломанной ногой; она плачетъ. Собираются сосѣди и приносятъ муллу въ сознание. Мулла понялъ, что съ нимъ, и гдѣ онъ.

— „Не плачь, жена“, говоритъ онъ ей: „хоть я и ногу сломалъ, и голову разбилъ, но добился таки своего!“

55.

Разъ мулла съ нѣсколькими знакомыми идетъ на рыбную ловлю. Когда закидываютъ сѣть, мулла бросается въ нее, — его вытаскиваютъ.

— „Зачѣмъ ты бросился въ сѣть, мулла?“ спрашиваютъ его.

— „Вообразилъ себя рыбою“, отвѣчаетъ мулла.

56.

Однажды нѣсколько молодыхъ людей, думая отнять у муллы его коши, призываютъ его подъ одно дерево.

— „Не правда ли, мулла“, — говорятъ они — „что никто не сможетъ влѣзть на это дерево?“

— „Я влѣзу“, говоритъ мулла.

— „Едва ли!“

Тутъ мулла снимаетъ коши и, вотькнувши ихъ за поясъ, начинаетъ подниматься на дерево.

— „А коши-то зачѣмъ взялъ съ собою?“ спрашиваютъ его.

— „Кто знаетъ: можетъ быть, оттуда откроется дорога въ облакамъ! Во всякомъ случаѣ, не мѣшаетъ заранѣе принять нѣкоторыя мѣры“.

57.

Однажды одинъ крестьянинъ приноситъ муллѣ въ пода-

рокъ зайца; мулла угощаетъ его. Черезъ нѣсколько дней къ муллѣ является другой крестьянинъ.

— „Ты—кто такой?“ спрашиваетъ мулла.

— „Я сосѣдъ того крестьянина, который принесъ тебѣ въ подарокъ зайца“. Мулла угощаетъ и его. Черезъ нѣсколько времени является новый крестьянинъ.

— „Ты—кто такой?“ спрашиваетъ мулла.

— „Я сосѣдъ сосѣда того крестьянина, который принесъ тебѣ въ подарокъ зайца“.

— „Добро пожаловать“, говоритъ мулла и подаетъ ему тарелку мутной воды.

— „Это что такое?“ спрашиваетъ крестьянинъ.

— „А это вода изъ (?) воды того зайца, котораго принесъ мнѣ въ подарокъ сосѣдъ твоего сосѣда“.

58.

Однажды мулла приглашаетъ къ себѣ на обѣдъ нѣсколькихъ человѣкъ. Оставивъ ихъ на улицѣ, самъ заходитъ домой:

— „Вы подождите здѣсь,—я сейчасъ выйду“.

Однако жъ проходитъ нѣсколько времени, а мулла не показывается; наконецъ, выходитъ жена муллы и объявляетъ, что муллы нѣтъ дома.

— „Мулла при насъ зашелъ домой“, говорятъ приглашенные.

— „Ну что же, что при васъ зашелъ“, говоритъ имъ мулла, высунувъ голову изъ окна: „а можетъ быть, домъ имѣеть два входа: однимъ мулла зашелъ, а изъ другого вышелъ“.

59.

Однажды въ садъ муллы забирается быкъ и, разумѣется, портить растенія. Мулла, схвативъ палку, бросается въ садъ, но быкъ, увидя муллу, убѣгаетъ. Спустя нѣсколько дней, мулла видитъ того самого быка запряженнымъ въ ар-

бу, беретъ дубину и начинаетъ его бить. Хозяинъ удерживаетъ его:

— „Зачѣмъ ты бьешь моего быка?“

— „Замолчи,—онъ самъ знаетъ свою вину!“

60.

Однажды ханъ приглашаетъ мулла на охоту; мулла является, держа на рукѣ ворону. Ханъ смѣется:

— „Что это, мулла? Съ вороной думаешь охотиться?“

— „Почему же нѣтъ? я знаю многихъ *воронъ*, которыя лучше ястребовъ охотятся?“

61.

Однажды мулла видитъ нѣсколько плавающихъ въ болотѣ гусей и хочетъ поймать изъ нихъ хоть одного, но они улетаютъ. Тогда онъ беретъ кусокъ хлѣба и, расположившись на берегу болота, начинаетъ ѣсть хлѣбъ, обмакивая его въ воду.

— „Что ты дѣлаешь, мулла?“ спрашиваютъ его прохожіе.

— „Ѣмъ гусиный бульонъ“, отвѣчаетъ мулла.

62.

Однажды ночью, разбудивъ жену, мулла и говоритъ ей:

— „Вставай, жена, вставай скорѣй: подай мнѣ перо и бумагу,—хочу писать стихи. Скорѣй! пока не прошла минута вдохновенія!“

Жена подаетъ ему перо и бумагу. Окончивъ писать, мулла, съ сіяющимъ лицомъ, подаетъ бумагу женѣ.

— „А прочти-ка, мулла, что ты написалъ!“—Мулла читаетъ:

„Межъ зелѣныхъ листьевъ зеленая курица откусила мой золотой носивъ...“

63.

Жена муллы была при родахъ и сильно мучилась.

— „Мулла, молись Аллаху, чтобы жена разрѣшилась благополучно“, говоритъ бабка.

— „Я знаю другое средство“, говоритъ мулла и бѣ-
жить на базаръ; покупаетъ фунтъ кишмишу и приноситъ
домой.

— „Успокойся, жена“, говоритъ онъ, посыпавъ предъ
нею кишмишъ: „твой ребенокъ сейчасъ явится на Божій свѣтъ
собирать этотъ кишмишъ“.

64.

Однажды, собравъ народъ въ мечеть, мулла и говоритъ:

— „Знаете, что говорится въ Коранѣ?“

— „Нѣтъ, не знаемъ“.

— „Ну, такъ что съ вами и толковать, когда вы не
знаете!“

Другой разъ мулла спрашиваетъ:

— „А вы не знаете, что говорится въ Коранѣ?“

— „Знаемъ“.

— „Когда знаете, такъ нечего мнѣ и говорить“.

Послѣ этого народъ уславливается, на такой вопросъ мул-
лѣ, въ слѣдующій разъ сказать, что одна половина „знаетъ“,
другая „не знаетъ“.

Въ слѣдующій разъ мулла опять спрашиваетъ:

— „А знаете, что говорится въ Коранѣ?“

— „Одна половина знаетъ, другая—нѣтъ“, отвѣчаютъ
ему.

— „Въ такомъ случаѣ знающая половина пусть объ-
ясняетъ незнающей...“

Учитель Мингрельскаго городского училища *А. Захаровъ*.

IV. ТАТАРСКІЯ СКАЗКИ,

записанныя въ Геокчайскомъ уѣздѣ, Бакинскои губерніи.

1. Рыба разноцвѣтная.

Въ одномъ царствѣ былъ жестокой-жестокій царь: онъ, просто, тиранилъ свой народъ; ну, и подданные его не терпѣли, и крѣпко они обрадовались, когда справедливый Богъ наказалъ деспота: онъ сильно заболѣлъ, и никакіе доктора ужъ не могли ему помочь. Наконецъ, является къ царю одинъ знахарь и говоритъ ему: „Великій государь! пошли рыбаковъ по всѣмъ морямъ и вели имъ поймать рыбу „разноцвѣтную“; а ты, государь, рыбу ту прикажи сварить, мясо съѣшь, а бульономъ прикажи хорошенько натереть себя. Если ты, государь, исполнишь все то, что я сказалъ тебѣ, то ты выздоровѣешь!“ Послѣ этого знахарь, получивъ за свой совѣтъ богатые дары, удалился.

Государь разослалъ по всѣмъ морямъ сотни рыбаковъ, пообѣщавъ большую награду тому, кто достанетъ ему рыбу „разноцвѣтную“.

Долго ловили рыбаки и много поймали всякой рыбы, но такой, какая нужна была царю, никто не поймалъ. Наконецъ, рѣшился попытать счастья и самъ царскій сынъ. Богъ покровительствовалъ царевичу: въ сѣти къ нему попала давно желанная рыба; но рыба эта была такъ хороша, такъ удивительно хороша, что царевичу стало жаль ея, и онъ обратно

пустилъ ее въ синее море со словами: „Живи себѣ, чудная рыбка въ морѣ! Мой отецъ ужъ старъ: ему немного осталось жить; къ тому же онъ такъ золъ и лютъ, что не стоить и одной твоей чешуйки!“

Приближенные царевича, видѣвшіе, что онъ сбѣлалъ, немедленно донесли объ этомъ царю, а государь, въ сильномъ гнѣвѣ, приказалъ схватить царевича и казнить его за любовь къ отцу.

Царица, узнавъ объ этомъ, велѣла преданнымъ ей людямъ немедленно позвать къ себѣ сына. Она, рыдая, рассказала ему о гнѣвѣ отца и умоляла его скорѣе бѣжать, чтобы избавиться отъ грозившей опасности, а на прощанье дала ему совѣтъ: „Сынъ мой, если на пути своемъ ты встрѣтишь товарища, то, не испытывай его хорошенько, не довѣрайся ему!“

Царевичъ, простившись съ матерью, пустился въ далекій путь.

Долго ли, мало ли ѣхалъ царевичъ, какъ вдругъ онъ увидалъ, что его догоняетъ какой-то молодой всадникъ. Подумалъ царевичъ, что это—погоня, и уже хотѣлъ ускакать, но, услыхавъ позади себя слово „другъ“, остановился и сталъ дожидаться незнакомца.

„Саламъ алейкумъ!“ привѣтствовалъ царевича незнакомецъ, поровнявшись съ нимъ.

— „Алейкумъ азъ саламъ!“ отвѣтилъ царевичъ на привѣтствіе незнакомца.

Наружность незнакомца и особенно его лицо, отражавшія хорошія качества его души, очень понравились царевичу. Незнакомецъ сообщилъ царевичу, что онъ бѣжалъ съ родины отъ несчастной любви, чтобы заглушить свою несчастную страсть, а царевичъ откровенно рассказалъ случайному товарищу и о своемъ горѣ. Такъ наши спутники познакомились и сблизились.

Долго ли, мало ли они ѣхали, какъ, наконецъ, выбра-

лись они изъ лѣсу и увидѣли на берегу рѣки чудный городъ, съ величественными мечетями и тѣнистыми садами; а другой свободный берегъ такъ и пестрѣлъ множествомъ роскошныхъ цвѣтовъ. Тутъ, въ разныхъ мѣстахъ, жители этого города, съ пѣснями и танцами, встрѣчали дорогую гостью—весну!

Вспомнилъ царевичъ послѣдній совѣтъ матери и потому, желая хоть въ чемъ-нибудь испытать своего товарища, уронилъ, какъ бы печально, свою плеть, остановилъ коня и просить своего спутника пріостановиться на минутку; но этотъ догадался, въ чемъ дѣло, быстро нагнулся съ лошади и досталъ плеть царевичу. Царевичъ остался очень доволенъ поступкомъ своего товарища.

На берегу рѣки молодые люди слѣзли съ лошадей, разсѣдлали ихъ и пустили пастись; потомъ царевичъ досталъ изъ сумки хлѣбъ и пригласилъ товарища закусить съ нимъ; а онъ досталъ свой хлѣбъ и, подойдя къ царевичу, сказалъ: „Другъ мой! хлѣбъ твой хорошъ, но, можетъ быть, тебѣ понравится мой!...“

Царевичъ еще болѣе сталъ доволенъ своимъ товарищемъ.

Скоро затѣмъ къ нашимъ знакомцамъ подошелъ какой-то старичокъ узнать, что они за люди и зачѣмъ пріѣхали въ ихъ городъ. Удовлетворивъ любопытству старика, они стали спрашивать его о городѣ и объ ихъ государѣ.

„Все у насъ хорошо, всего у насъ много“, сказалъ старикъ: „но скорбимъ мы лишь о томъ, что у нашего любимого царя одна дочь, да и та, года два тому назадъ, онѣмѣла. Нѣтъ доктора, который бы могъ вылѣчить царевну: ужъ 99 докторовъ заплатились жизнью за свою неопытность и неумѣнье!“

Послѣ завтрака, царевичъ пошелъ посмотреть городъ; но скоро это ему надоѣло, и онъ направился къ своему товарищу, задумавшись и помахивая плетью. Вдругъ царевичъ печально ударилъ плетью о барабанъ, стоявшій посреди улицы.

Тутъ его схватили приставленные въ барабану люди и доставили къ царю.

Оказалось, что въ этомъ городѣ государемъ былъ изданъ приказъ поставить посреди главной улицы большой барабанъ, чтобы доктора, желающіе вылѣчить царевну, возвѣщали объ этомъ ударомъ въ барабанъ.

„Ты можешь вылѣчить царевну?“ спросилъ его государь. Царевичъ, конечно, отвѣтилъ отрицательно, на что государь сильно разгнѣвался и приказалъ посадить царевича въ темницу. Царевичъ палъ на колѣни предъ государемъ, умоляя отпустить его хоть проститься съ товарищемъ; государь позволилъ ему это.

Царевичъ рассказалъ своему другу о случившемся; другъ успокоилъ его и посоветовалъ ему сказать государю, что онъ стукнулъ въ барабанъ для того, чтобы представить государю своего друга: онъ-де хорошій докторъ и непременно вылѣчитъ царевну. Такъ царевичъ и сдѣлалъ на этотъ разъ. Обрадованный царь приказалъ сейчасъ же привести къ нему его друга-доктора.

Явившись предъ очами повелителя, другъ царевича попросилъ показать ему царевну. Войдя въ ея комнату, онъ велѣлъ протянуть занавѣсъ посреди комнаты, чтобы раздѣлить ее на двѣ половины: въ одной половинѣ комнаты была царевна, а въ другой—онъ самъ. Немного погодя, нашъ докторъ обращается къ двери съ такими словами:

„Дверь, хочешь я расскажу тебѣ хорошую сказку“.— „Хочу!“ отвѣтилъ онъ самъ себѣ.— „Ну, такъ слушай!“ И докторъ сталъ рассказывать двери *спящую сказку*:

„Въ нѣкоторомъ царствѣ, не знаю—въ какомъ государствѣ, жилъ богатый купецъ съ братомъ. У купца было трое сыновей-молодцовъ, а у брата его—дочь-красавица. Сыновья купца вѣрнко полюбили свою двоюродную сестру, и каждый изъ нихъ домогался ея руки. Дядя же, не желая никого изъ

нихъ обидѣть, далъ каждому племяннику по тысячѣ рублей и сказалъ: „Кто первый изъ васъ, чрезъ годъ, свою тысячу обратитъ въ двѣ, тотъ и получитъ руку моей дочери!“ Братья, поблагодаривъ дядю, отправились искать счастья“.

„Долго они шли, какъ, наконецъ, увидали по серединѣ дороги большой камень; отъ этого камня въ разныя стороны шли три дороги; братья условились сойтись на обратномъ пути у этого камня и, простившись другъ съ другомъ, разошлись въ разныя стороны: старшій братъ пошелъ направо, средній—налѣво, а младшій—прямо“.

„Долго-долго шелъ младшій братъ, какъ вдругъ разъ увидалъ двухъ человекъ, горячо о чемъ-то спорившихъ; оказалось, что они дѣлятъ между собою оставшіяся послѣ отца вещи: „коверь-самолетъ“, „скатерть самобранную“, и „шапку-невидимку“. Они обратились къ нему съ просьбой разсудить ихъ; онъ согласился, натянулъ лукъ и сказалъ: „Бѣгите за стрѣлой, которую я пушу: кто принесетъ ее мнѣ, получитъ скатерть самобранную и шапку-невидимку, а другому останется коверъ-самолетъ“. Тетива была спущена, и братья погнались за стрѣлой, а нашъ хитрецъ подобралъ скатерть самобранную и шапку-невидимку, сѣлъ на коверъ-самолетъ и улетѣлъ“.

„Долго леталъ онъ по бѣлу свѣту на своемъ коврѣ; но, наконецъ, время было возвращаться къ сборному мѣсту: онъ и помчался туда; тутъ онъ нашелъ своихъ братьевъ, съ нетерпѣніемъ ожидавшихъ его“.

„Сойдясь вмѣстѣ, братья начали разсказывать другъ другу о томъ, что съ ними было во время разлуки“.

„Моя исторія, братья мои, не велика, и нѣтъ въ ней ничего удивительнаго“, сказалъ старшій братъ: „простившись съ вами, я долго шелъ, не встрѣчая никакого жилья, но, наконецъ, увидалъ предъ собою городъ. Здѣсь я искалъ себѣ какого-нибудь занятія; разъ встрѣтился я съ однимъ старикомъ-докторомъ, который взялъ меня къ себѣ въ ученики.“

Докторъ очень полюбилъ меня и разъ, призвавъ къ себѣ, сказалъ мнѣ: „Сынъ мой, я сильно полюбилъ тебя; а жить, мнѣ осталось недолго, такъ успокой меня—будь моимъ сыномъ: я оставлю тебѣ въ наслѣдство нѣсколько тысячъ золотыхъ, домъ и всѣ свои знанія“. „Я съ радостью принялъ предложеніе старика: я сталъ смотрѣть за старикомъ и усердно учиться его наукѣ. Скоро я могъ ужъ самъ, безъ его помощи, лѣчить больныхъ, а потомъ ужъ никакая болѣзнь не пугала меня, и въ городѣ всѣ стали обращаться ко мнѣ за совѣтами. Наконецъ, старикъ умеръ, оставивъ свое небольшое состояніе мнѣ. Но тутъ настало время возвращаться мнѣ домой, и я, продавъ домъ и нѣкоторыя вещи, оставшіяся послѣ доктора, отправился въ путь и сошелся здѣсь съ вами. Такъ вотъ моя исторія!“

Послѣ старшаго брата началъ свой рассказъ средній.

„Простившись съ вами, я скоро попалъ въ дремучій лѣсъ, въ которомъ перенесъ много несчастій: дикіе звѣри по ночамъ не давали мнѣ покою, а днемъ я занимался отысканіемъ себѣ пищи. Я совсѣмъ потерялъ надежду выбраться когда-нибудь изъ этого лѣсу и сталъ строить себѣ хижину. Я приручилъ къ себѣ дикихъ козъ, сталъ убивать разную дичь и заготовлять запасы къ зимѣ. Однажды я ушелъ очень далеко отъ своей хижины и заблудился. Цѣлый день бродилъ по густому лѣсу; наступила ночь, и я ужъ собирался устроиться гдѣ-нибудь на ночлегъ, какъ вдругъ увидалъ вдали огонекъ: я приблизился къ мѣсту, гдѣ свѣтилъ огонекъ, увидалъ хижину и постучался въ дверь. Дверь отворилъ мнѣ дряхлый старикъ; онъ ласково пригласилъ меня къ себѣ. Потомъ старикъ попросилъ меня сѣсть на разостланную на землѣ свѣжую траву и, обратившись ко мнѣ, сказалъ: „Юноша, я давно ждалъ тебя! Съ сегодняшняго вечера кончатся твои несчастія: я укажу тебѣ дорогу къ камню, гдѣ ты общался сойтись съ братьями“. Я удивился, услыша изъ устъ

старика эти слова! Откуда онъ могъ знать что-либо изъ моей жизни? Я спросилъ его объ этомъ. Оказалось что онъ угадывалъ судьбу людей, и что настоящее, прошедшее и будущее всѣхъ людей для него было яснѣе дня. Потомъ вскорѣ я заснулъ, но въ полночь проснулся: старикъ не спалъ и читалъ кабую-то очень толстую книгу. Я заглянулъ въ книгу: она была испещрена какими-то каракулями, непонятными для меня. Старикъ замѣтилъ мое движеніе и, улыбувшись, сказалъ: „Сынъ мой! я вижу, ты очень интересуешься этой книгой!... По ней можно узнавать судьбу людей!.. Если хочешь, я научу тебя ясно разбирать эти каракули, понятныя очень немногимъ изъ людей!“ Я съ радостью согласился на это и усердно принялся изучать „книгу судебъ“. Скоро я уже легко могъ угадывать судьбу людей, такъ-что отъ меня не могло ничего укрыться на земномъ шарѣ. Когда старикъ увидалъ, что я ужъ хорошо изучилъ его любимую пауку, онъ посоветовалъ мнѣ итти домой, и я, братья мои, благодаря доброму стариву, пахожусь теперь съ вами“.

„Очередь была за младшимъ братомъ, но тотъ объявилъ имъ, что ничему особенному онъ не научился; потомъ онъ обратился къ среднему брату и сказалъ: „Ну-ка, погляди въ свою книгу и скажи намъ, что дѣлается теперь съ нашей невѣстой?“

„Средній братъ, взглянувъ въ книгу, сильно поблѣднѣлъ и сказалъ: „Братья мои, наша невѣста опасно больна! Если мы сегодня же не будемъ дома, то мы ея ужъ не застанемъ въ живыхъ!“

— „Ахъ, отчего меня нѣтъ дома!“ воскликнулъ старшій братъ: „я не отдалъ бы ея въ руки безжалостной смерти. Теперь же мы и чудомъ не доберемся къ вечеру туда!...“

— „Не сокрушайся!“ сказалъ младшій братъ старшему: „мы еще успѣемъ удостовѣриться въ твоихъ знаніяхъ!“ Тутъ онъ сѣлъ на коверъ-самолетъ и пригласилъ братьевъ сдѣлать

то же; потомъ онъ пробормоталъ про себя какія-то слова, а невидимая сила подхватила коверъ и понесла братьевъ домой“.

„Дома они, дѣйствительно, застали невѣсту при смерти, по старшій братъ далъ ей какого-то лѣкарства, и она тотчасъ же встала совершенно здоровая, какъ будто бы и не болѣла!...“

„Скажи, дверь: кому должна принадлежать невѣста?“ вдругъ обратился докторъ съ вопросомъ къ двери. — „Конечно старшему!“ — „Нѣтъ, невѣста должна достаться среднему!“ Такъ спорилъ докторъ самъ съ собой.

Царевна, прослушавшая всю эту сказку, изъ-за спора доктора съ кѣмъ-то пришла въ сильное раздраженіе и съ большимъ успіемъ произнесла: „Младшему!“

Услыхавъ голосъ любимой дочери, государь кипулся къ ней и заключилъ ее въ свои объятія. Но не настало еще время полнаго исцѣленія.

Между тѣмъ на другой день сыграли свадьбу царевны съ докторомъ, а послѣ свадьбы царь, подаривъ имъ громаднаго богатства, отпустилъ ихъ на всѣ четыре стороны.

Царевичъ уставъ ждать своего друга рѣшилъ самъ пойти къ царю; но, по дорогѣ, онъ увидалъ своего друга ѣдущимъ съ прекрасной вѣмой царевной; сзади ихъ шелъ цѣлый караванъ верблюдовъ, навьюченныхъ разными драгоценностями. Царевичъ киулся къ другу и обнялъ его; а онъ разсказалъ ему обо всемъ случившемся и затѣмъ сталъ дѣлить богатства, полученныя отъ государя, между собою и царевичемъ; царевичъ упрасивалъ его не дѣлать этого, по другъ, продолжая дѣлѣжь, говорилъ: „Истинные друзья должны поступать такъ, какъ поступаю я!“ Раздѣливъ царскіе подарки на двѣ части, онъ взглянулъ на вѣмую царевну и, обратившись къ царевичу, сказалъ: „А, вѣдь, и ее пужно раздѣлить пополамъ!“ Съ этими словами онъ обнажилъ шашку.

Царевичъ бросился въ другу и сталъ умолять его не гу-

бить царевны; но онъ оттолкнулъ его и, со словами: „я знаю — что дѣлаю“, взмахнулъ шашкой надъ головой царевны; послѣдняя, отъ испугу, страшно вскрикнула, и въ то же время изъ ея рта выпала громадная жаба. „Вотъ почему я не послушался тебя“, сказалъ другъ царевича: „Эта жаба мѣшала ей говорить! Теперь же она совсѣмъ здорова. Возьми ее, царевичъ, себѣ: она—твоя! Женись на ней и отправляйся въ свое царство; отецъ же твой давно умеръ, и народъ съ нетерпѣніемъ ждетъ твоего возвращенія... Посмотри, кто-то вонъ ѣдетъ сюда и внимательно смотритъ на насъ! Не тебя ли онъ ищетъ, царевичъ?“ Царевичъ повернулъ голову въ ту сторону, куда указалъ ему другъ; но въ ту же минуту услышалъ голосъ, произнесшій: „*Вотъ какъ рыба умлетъ благодарить!*“ Царевичъ быстро обернулся назадъ, но другъ его исчезъ безслѣдно: около него стояла только прекрасная царевна и лежали царскіе подарки.

Народъ, дѣйствительно, ждалъ царевича съ нетерпѣніемъ, и онъ, вступивъ на престолъ, обвѣнчался съ прекрасной царевной.

Онъ и теперь живъ. Народъ его любитъ, а самъ онъ часто вспоминаетъ своего вѣрнаго друга.

2. Изъ воровъ воръ.

Давно, очень давно жилъ въ одномъ городѣ старикъ, по имени Мамедъ, съ сыномъ Ахмедомъ. Въ молодости своей Мамедъ занимался воровствомъ и грабежами и такъ ловко обдѣлывалъ свои дѣла, что никогда не попадался въ руки властямъ. Сынъ его, съ перваго взгляда, казалось, не походилъ на своего отца: такой онъ былъ тихій. Отецъ отчаивался, не видя въ немъ себѣ преемника. Наконецъ, разъ отецъ рѣшилъ окончательно убѣдиться, точно ли его сынъ таковъ на дѣлѣ,

какимъ кажется на взглядѣ, и дѣйствительно ли—его нельзя ничѣмъ увлечь къ воровству. Онъ призвалъ его къ себѣ и сказалъ:

„Сынъ мой, пойдѣмъ въ лѣсъ! Я хочу показать тебѣ, до какой ловкости и умѣнья доходятъ люди!“

Послѣ этого старикъ съ сыномъ направился къ лѣсу, находившемуся возлѣ города. У опушки лѣса росъ одинокій дубъ, на которомъ сидѣли горлицы. Отецъ обратилъ вниманіе сына на этотъ дубъ и сказалъ:

— „Ахмедъ! Видишь ли ты на томъ деревѣ горлицу, которая уже замѣтила насъ и собирается летѣть? Я подкрадусь къ этому дереву, влѣзу на него и такъ осторожно вытащу изъ хвоста горлицы перо, что она этого и не замѣтитъ!“

— „Куда тебѣ, отецъ!“ отвѣчалъ съ усмѣшкой сынъ: „дерево растеть на открытомъ мѣстѣ, и твоя попытка будетъ только смѣшна!“

— „Вотъ въ этомъ-то и будетъ удивительная ловкость и умѣнье, до какихъ доходятъ люди!“ Сказавъ это, старикъ сталъ подкрадываться къ дереву. Съ изумительною осторожностью онъ влѣзъ на дерево, вытащилъ изъ хвоста горлицы перо и, ни чуть не потревоживъ горлицы, возвратился къ сыну.

— „Ну, что, Ахмедъ? Удостоверился ли ты теперь, что попытка моя не смѣшна, а удивительна?“ спросилъ старикъ сына, подойди къ нему съ перомъ горлицы въ рукахъ.

— „О, да, отецъ!“ отвѣчалъ сынъ: „ты замѣчательно остороженъ и ловокъ; но... куда ты дѣлъ свои шальвары?“

Отецъ съ удивленіемъ взглянулъ сначала на себя, а потомъ обратилъ вопросительный взоръ на сына; Ахмедъ не вытерпѣлъ и, расхохотавшись, сказалъ:

— „Эхъ, отецъ! дряхлѣ ты, должно быть, сталъ, что не замѣтилъ, какъ и снялъ съ тебя шальвары, когда ты такъ удивительно осторожно подкрадывался къ бѣдной горлицѣ!“

Отецъ, узнавъ, въ чемъ дѣло, не разсердился на дерзость сына,—напротивъ, съ искреннею радостью расцѣловалъ его. „Сынъ, мой! благодарю всемогущаго Аллаха за то, что онъ успокоилъ мою старость, даровавъ мнѣ такого прекраснаго сына!“ Сказавъ это, онъ взялъ Ахмеда за руку и, вполне довольный имъ, направился къ городу.

Послѣ этого случая, прошло нѣсколько лѣтъ, какъ въ городѣ появился воръ, который сталъ наводить ужасъ на всѣхъ горожанъ. Къ царю каждый день являлись съ жалобами на неизвѣстнаго вора. Государь устроилъ по всему городу строгій караулъ, который долженъ былъ живымъ или мертвымъ доставить царю дерзкаго вора. Цѣпа на голову вора возросла до нѣсколькихъ милліоновъ золотыхъ, но не было счастливаца, которому бы удалось схватить неуловимаго.

Однажды государь въ страшномъ гнѣвѣ ходилъ по своимъ комнатамъ, какъ вдругъ поднесли ему на золотомъ блюдѣ письмо отъ сосѣдняго государя: въ немъ послѣдній ѣдко насмѣхался надъ нимъ, что онъ не въ состояніи поймать вора, который грабитъ его государство, и который скоро доберется, пожалуй, и до царской казны.

Это письмо не давало покою царю, и онъ усиленнѣе принялся за розыски вора; а воръ, какъ будто на смѣхъ, сталъ красть у самого царя изъ его покоевъ ковры и другія вещи и добрался до царской казны. Тогда ужъ и другіе сосѣдніе государи въ своихъ письмахъ стали насмѣхаться надъ нимъ.

Наконецъ, выведенный изъ терпѣнія, государь издаеть приказъ, въ которомъ требуетъ къ себѣ вора, обѣщая, выдать за него, кто бы онъ ни былъ, свою дочь и подарить полъ-царства, лишь бы только онъ прекратилъ воровство.

Въ тотъ же день, вечеромъ, когда царь задумчиво ходилъ по своей комнатѣ, вдругъ изъ-подъ его кровати вылѣзъ Ахмедъ; царь испугался и хотѣлъ крикнуть, но Ахмедъ успокоилъ его:

„Не бойся, государь! Я ничего тебѣ не сдѣлаю: явился я сюда только по собственному твоему приказанію. Я—тотъ самый воръ, котораго ты, государь, такъ долго ищешь,—я согласенъ на твои условія!“

Государь очень обрадовался появленію Ахмеда и чрезъ нѣсколько дней исполнилъ свои обѣщанія, т. е. выдалъ за него свою дочь и подарилъ ему полъ-царства.

Проходитъ недѣля, и царь, призвавъ къ себѣ Ахмеда, просить его, какъ зятя и сына, отомстить за него сосѣднему государю, который первымъ сталъ насмѣхаться надъ его управленіемъ. Ахмедъ обѣщаль.

Въ исполненіе своего обѣщанія, чрезъ нѣсколько дней, Ахмедъ отправился въ сосѣднее государство, съ созрѣвшимъ планомъ мести. Прибывъ въ столицу насмѣшника-государя, Ахмедъ остановился у одной бѣдной старушки. Когда настала ночь, онъ надѣлъ на себя вывороченную шубу, а на голову колпакъ съ побрякушками и бубенчиками, придѣлалъ себѣ свади крылья и, взявъ большой сундукъ, отправился въ царскій дворецъ.

Было уже поздно, и царь съ царицей давно спали спокойнымъ сномъ. Ахмедъ незамѣтно пробрался во дворецъ и затѣмъ прокрался въ царскую спальню; подоиди къ кровати, онъ сильно мотнулъ головой: въ комнатѣ раздался звонъ бубенчиковъ и побрякушекъ. Царь съ царицей проснулись и съ ужасомъ увидали предъ собою страшную и непонятную фигуру Ахмеда. Ахмедъ же громко сказалъ:

„Государь! пришелъ конецъ твоей жизни въ этомъ грѣшномъ мірѣ: Великій Аллахъ хочетъ наградить тебя за твою праведную жизнь на землѣ и послалъ меня, чтобы я взялъ тебя съ царицей на небо. Вставайте оба и ложитесь въ сундукъ, въ которомъ я васъ доставлю ко Всемогущему Аллаху!“

Царь съ царицей пали на колѣни предъ живымъ вѣстникомъ и, прославляя могущество Аллаха, помѣстились въ

сундукъ. Ахмедъ быстро захлопнулъ сундукъ, взвалилъ его себѣ на плечи и незамѣтно вышелъ изъ царскаго дворца.

Черезъ два дня Ахмедъ доставилъ своему тестю сундукъ и, положивъ его предъ государемъ, сказалъ: „Великій, государь! вотъ твой сосѣдъ съ супругой сами явились къ тебѣ, просить извиненія!“ Сказавъ это, онъ открылъ сундукъ, и глазамъ государя представилась слѣдующая картина: въ сундукѣ сидѣли царь съ царицей въ самомъ жалкомъ положеніи; они съ ужасомъ оглядывались по сторонамъ и, наконецъ, остановили умоляющіе взоры на царѣ. Государь сжалился надъ ними и, пригрозивъ имъ наказаніемъ за повтореніе насмѣшекъ, отправилъ ихъ восвояси, съ почетомъ, подобающимъ царямъ.

3. Странствованія царскаго сына.

Въ нѣкоторомъ царствѣ долго у царя не было дѣтей, но, наконецъ, Аллахъ сжалился надъ нимъ и даровалъ ему сына, котораго назвали Исмаиломъ.

Царевичъ росъ не по днямъ, а по часамъ, по уму же и по силѣ выше всѣхъ сверстниковъ былъ. Царь не могъ на-радоваться на своего сына и ни въ чемъ ему не отказывалъ.

Однажды Исмаилъ является къ отцу и проситъ у него ключей отъ комнатъ, въ которыхъ хранились разные военные доспѣхи и царскія богатства. Отецъ, передавая сыну ключи, строго-на-строго запретилъ ему входить въ послѣднюю комнату. Исмаилъ сталъ открывать комнату за комнатой, удивляясь богатствамъ, сложеннымъ въ нихъ, и, наконецъ, дошелъ до послѣдней комнаты, остановился предъ дверьми ея и сталъ размышлять, почему же отецъ запретилъ ему входить туда, и почему бы ему не войти. Наконецъ, любопытство взяло верхъ: онъ рѣшился отпереть комнату; но, едва

онъ заглянулъ въ псе, какъ вскрикнулъ и безъ чувствъ повалился на полъ: на стѣнѣ висѣлъ портретъ удивительной красавицы, — ея красотой и былъ пораженъ царевичъ.

Царь долго ждалъ сына; наконецъ, онъ не вытерпѣлъ и, какъ бы предчувствуя бѣду, самъ пошелъ искать царевича. Велико было его горе, когда онъ увидѣлъ своего сына распростертымъ на полу.

Долго пролежалъ царевичъ больнымъ, между жизнью и смертью, но все-таки перенесъ страшную болѣзнь и всталъ съ постели. Однако не вовсе поправился Исмаиль: онъ былъ блѣденъ и худъ. Отецъ же, зная причину болѣзни сына, надѣялся, что онъ скоро забудетъ видѣнное, и опасность минуетъ. Но Исмаиль и не думалъ забывать красавицы, такъ плѣпившей его сердце: разъ, явившись къ отцу, онъ сталъ просить отпустить его искать ту, которая не давала ему покоя ни днемъ, ни ночью. Отецъ уговаривалъ его не предпринимать такого рискованнаго предпріятія, такъ-какъ та красавица была дочь могущественнаго султана, который за такую дерзость прикажетъ убить его, а потомъ разрушить и ихъ царство. Но сынъ былъ не превлоненъ. Тогда царь далъ ему хорошо вооруженную свиту и съ благословеніемъ отпустилъ его въ дальнее путешествіе.

Долго ѣхалъ Исмаиль со своей свитой и, наконецъ, приблизился къ морю, гдѣ ихъ ждали два большіе корабля, готовые къ отплытію. Царевичъ и свита усѣлись въ корабли и пустились дальше. Долго они плыли по морю. Море все время было спокойное, но въ одинъ день оно сильно взволновалось и стало кидать корабли, какъ щепки, въ разныя стороны. Всѣми на кораблѣ овладѣлъ ужасъ, но Исмаиль не робѣлъ и управлялъ кораблемъ. Къ вечеру небо заволкло темными тучами, и на море опустилась страшная тьма. Сидѣвшіе на корабляхъ предали себя волѣ Аллаха и предоставили морю пести ихъ, куда ему будетъ угодно. Вдругъ раз-

дался страшный трескъ, и оба корабля, ударившись о подводную скалу, разбились въ щепки. Исмаиль не терявшій мужества до послѣдней минуты, ухватился за одинъ изъ обломковъ корабля. Уповая на милость и могущество Аллаха, не терялъ онъ надежды на чудесное спасеніе. Долго носило его по волнамъ, когда, наконецъ, выбросило его, безъ чувствъ, на песчаный берегъ.

Придя въ себя, Исмаиль продолжалъ свой путь по берегу моря и скоро замѣтилъ вдали какой-то городъ; по въ городъ, къ удивленію Исмаила, всѣ дома были пусты, и нигдѣ не было видно живого существа. Долго бродилъ онъ по городу, какъ, наконецъ, въ дверяхъ одного дома онъ замѣтилъ молодую дѣвушку, съ удивленіемъ глядѣвшую на него. Царевичъ направился къ ней и узналъ отъ нея, что этотъ городъ принадлежитъ страшному диву, который перебилъ всѣхъ жителей города и ее отпаялъ у родителей; а ея родители царствуютъ на разстояніи тридцатидневнаго пути отъ этого несчастнаго мѣста, и что они не знаютъ, гдѣ она, и жива ли еще. Тутъ она посоветовала царевичу бѣжать изъ этого города, если жить ему еще не надоѣло. Но Исмаиль успокоилъ ее, обѣщавъ убить дива и доставить ее къ родителямъ, если она скроетъ его гдѣ-нибудь. Тогда царица спрятала его въ одной изъ комнатъ дома и дала слово позвать его, когда дивъ уснетъ. Едва они кончили разговоръ, какъ вдругъ на дворѣ послышался великій шумъ: это значило, что дивъ возвратился съ охоты. Царица быстро выбѣжала ему на встрѣчу.

Дивъ, сильно уставшій отъ долгой охоты, прилегъ и скоро заснулъ, какъ убитый. Царица немедленно дала знать объ этомъ Исмаилу; онъ бросился на дива и однимъ взмахомъ сабли отрубилъ ему голову. Царевичъ со спасенной имъ царицей сѣли на прекрасныхъ арабскихъ коней и отправились къ родителямъ царицы. На тридцатый день они прибыли въ столицу родителей царицы; велика была радость

отца и матери царевны: вѣдь, они считали ее ужъ погибшею.

Царь, узнавъ отъ Исмаила о цѣли его путешествія, сталъ уговаривать его не рисковать буйной головой и, между прочимъ, сообщилъ, что царство *того* султана находится въ сильномъ волненіи, такъ-какъ въ предѣлахъ его государства появился ужасный дивъ, который губить красавицу за красавицей; что городскія ворота крѣпко забиты, и въ городъ не пропускаютъ никого. Царевичъ не только не испугался этого сообщенія, но еще обрадовался и немедленно отправился въ царство могущественнаго султана.

Долго ѣхалъ царевичъ; наконецъ, онъ прибылъ къ городу, гдѣ жилъ султанъ съ своей прекрасной дочерью. Но Исмаилу никакъ нельзя было пробраться въ городъ, потому-что городскія ворота, дѣйствительно, были наглухо заколочены, изъ страха къ диву. Бродитъ царевичъ вокругъ города и ищетъ средствъ проникнуть туда, какъ вдругъ на него нападаетъ страшный дивъ: между ними завязывается битва на смерть. На стѣнахъ города появился султанъ и множество народу: всѣ съ трепетомъ ждали исхода битвы. Вдругъ раздался громовой голосъ царевича, взвилась его сабля, и безобразная голова чудовища покатила на землю.

Султанъ и народъ криками радости привѣтствовали побѣдителя: городскія ворота растворились, и почетная царская свита съ поклонами просила царевича пожаловать къ великому султану. Султанъ встрѣтилъ царевича ласково, поблагодарилъ его за избавленіе города отъ страшнаго дива и сталъ разспрашивать его, откуда онъ и зачѣмъ пріѣхалъ къ нимъ. Узнавъ отъ него о цѣли путешествія и о тѣхъ препятствіяхъ, какія онъ встрѣтилъ на пути, для достиженія завѣтной цѣли, государь согласился выдать за него свою дочь. Черезъ недѣлю сыграли свадьбу, и султанъ, одаривъ молодыхъ богатыми дарами, благословилъ ихъ и отпустилъ къ родителямъ Исмаила.

На возвратномъ пути они погостили недѣлю у царя, которому царевичъ спасъ дочь, а потомъ отправилсь далѣе, домой, къ родителямъ Исмаила: они встрѣтили молодыхъ съ великою радостью!.. Такъ кончились страствованія царевича...

4. Джейрана.

За тридевять земель, въ тридесятомъ царствѣ, въ одномъ славномъ городѣ, жили два брата. У старшаго изъ нихъ былъ сынъ-молодецъ, по имени Асланъ, а у младшаго—дочь-красавица, по имени Джейрана. Полюбили другъ друга два молодья сердца; родители ихъ дали согласіе, и они обручились.

Однажды царскій сынъ проходилъ по той улицѣ, гдѣ жили братья, увидалъ Джейрану и воспылалъ къ ней любовью; скоро онъ подослалъ къ ея дому своихъ слугъ и похитилъ молодую дѣвушку. Джейрана въ такомъ горѣ рѣшила прибѣгнуть къ хитрости: она просила царевича не жениться, пока, на ней и дать ей сроку тридцать дней, чтобы въ это время забыть своего жениха. Царевичъ обѣщался подождать; тѣмъ временемъ она тайно увѣдомила Аслана, куда и какъ она попала, и просила его выручить ее.

Асланъ, не медля ни минуты, собралъ своихъ товарищей, пробрался въ царскій дворецъ, похитилъ свою дорогую невѣсту и, подъ охраной товарищей, отправился къ морю, гдѣ ихъ ждалъ корабль. Благополучно они достигли корабля. Когда Асланъ съ Джейраной были уже на кораблѣ, Асланъ замѣтилъ, что нѣкоторыя изъ ихъ вещей остались на берегу, а потому онъ, спрыгнувъ съ корабля, побѣжалъ за ними. Но хозяинъ корабля, замѣтивъ удивительную красоту молодой дѣвушки, рѣшилъ воспользоваться уходомъ Аслана: онъ приказалъ матросамъ отплыть, и Асланъ съ вещами остался, въ отчаяніи, на берегу.

Долго плыль корабль по морю; наконецъ, онъ присталъ къ одному берегу, гдѣ лежалъ какой-то городъ. Хозяинъ корабля хотѣлъ свести молодую дѣвушку на берегъ, но она попросила не срамить ее: по обычаю, стыдно итти молодой дѣвушкѣ съ постороннимъ мужчиной,—ее должна проводить женщина, а потому Джейрана и просила прислать за ней женщину. Кораблехозяинъ согласился. Между тѣмъ она, по его уходѣ, приказала заранѣе подкупленнымъ сю матросамъ плыть назадъ, какъ можно скорѣе. Когда судохозяинъ явился съ женщиной за Джейраной, то корабль уже былъ очень далеко.

Долго плыла Джейрана по морю на похищенномъ кораблѣ, не встрѣчая никакихъ препятствій, но разъ, въ темную ночь, корабль ударился о подводную скалу и разбился; всѣ бывшіе на кораблѣ погибли, кромѣ Джейраны, которую морскія волны выбросили на берегъ одного прекраснаго острова: этотъ островъ принадлежалъ сорока разбойникамъ, которые и нашли Джейрану безъ чувствъ. Когда молодая дѣвушка пришла въ себя, то замѣтила, что она находится въ богато убранной комнатѣ какихъ-то людей, которые стоятъ тутъ же около и горячо спорять о томъ, кому она должна была достаться. Тутъ она догадалась, что то были разбойники. Наконецъ, атаманъ прекратилъ ихъ споръ, объявивъ имъ, что она ни кому изъ нихъ не будетъ принадлежать, а будетъ управлять ихъ хозяйствомъ.

Долго бѣдная Джейрана находилась во власти разбойниковъ, исполняя у нихъ роль хозяйки. Разъ ей удалось соннымъ порошкомъ усыпить ихъ. Перерѣзавъ ихъ всѣхъ, кромѣ атамана, она одѣлась въ мужское платье, сѣла въ разбойничью лодку и пустилась въ открытое море. Какъ щепку, кидало ее лодку по волнамъ; но Джейрана не отчаивалась,—она уповала на милость Аллаха. Долго такъ ее несло по морю и, наконецъ, выбросило на берегъ одного государства.

Когда Джейрана пришла въ себя, она пошла по берегу и скоро замѣтила вдаль какой-то городъ; къ нему она и направила свой путь. Въ городѣ на городской площади она увидѣла великое множество народу; оказалось, что царь этого города умеръ, и народъ выбираетъ себѣ другого государя: избраніе царя, по обычаямъ того времени, предоставлялось птицѣ Довлять-гуши, которая непременно опускалась на голову достойнѣйшаго человѣка.

Джейрану всѣ принимали за мужчину, и потому она, безъ боязни, вмѣшалась въ толпу и стала ждать, на кого изъ горожанъ падетъ выборъ въ цари.

Между тѣмъ пустили Довлять-гуши, и онъ опустился на голову Джейраны. Но народъ не согласился признать царемъ избраннаго, ибо то былъ иноземецъ, и посадилъ Джейрану въ темницу. Потомъ пустили Довлять-гуши въ другой разъ: онъ взвился къ небу, полетѣлъ къ темницѣ и опустился на ся крышу, какъ разъ надъ той комнатай, въ которой сидѣла Джейрана. Народъ еще сильнѣе озлился на бѣдную Джейрану и выгналъ ее изъ города. Довлять-гуши, выпущенный въ третій разъ, полетѣлъ за городъ и пашель Джейрану.

Тутъ одинъ изъ справедливейшихъ горожанъ свазалъ народу:

— „Горожане! если вы любите свой обычай и хотите поступать такъ же, какъ поступали ваши дѣды и прадеды, то я считаю несправедливымъ вашъ поступокъ относительно иноземца, избраннаго самимъ Довлять-гуши! Если же вы не придаете никакого значенія умнѣйшей въ мірѣ птицѣ, то не лучше ли оставить ее въ покоѣ и избрать изъ нашей среды того, кого мы считаемъ лучшимъ!“

Народъ, признавъ справедливость этихъ словъ и не желая измѣнять стариннаго обычая, избралъ на престолъ Джейрану.

Мудро и счастливо управляла царствомъ Джейрана. Но, ставъ правительницей, Джейрана ни на минуту не забы-

вала своего жениха-Аслана, и вотъ она приказала къ городскимъ стѣнамъ прибить ея портретъ; а къ портрету приставили людей, которымъ она приказала приводить къ ней всякаго, кто бы сильно заинтересовался выставленнымъ портретомъ.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и къ правительницѣ привели царевича, нѣкогда похитившаго ее изъ родительскаго дома: онъ подвергся достойному наказанію за свое злое дѣло!. Вторымъ привели къ ней судохозинна, котораго она когда-то лишила его корабля: онъ получилъ другой корабль, гораздо лучше погпбшаго. Третьимъ явился атаманъ разбойниковъ: повелительница приняла его къ себѣ на службу. Накопецъ, явился къ ней и ея женихъ, Асланъ: онъ, конечно, не узналъ, въ лицѣ царя, своей невѣсты, наряженной въ мужскую царскую одежду. Но она сразу признала его и бросилась на грудь своему жениху..... Тутъ они сыграли свадьбу и счастливо стали вмѣстѣ управлять государствомъ.

5. Гюль и Синевизъ.

У одного могущественнаго султана было трое сыновей. Когда они возмужали, то обратились къ отцу съ просьбой, чтобы онъ отыскалъ имъ невѣсты. Султанъ далъ каждому по яблоку и сказалъ: „Дорогія мои дѣти! я не могу отыскать вамъ невѣсты по вкусу, а потому пусть судьба ваша сама уважетъ вамъ на нихъ: поднимитесь на сторожевую башню и закиньте оттуда свои яблоки, какъ можно дальше; потомъ отправляйтесь искать яблоки, и гдѣ окажутся они, тамъ и ищите, каждый для себя, невѣсту. Найдете хорошихъ,—благословляйте судьбу свою; плохихъ найдете—проклинайте ее же!“

Сыновья такъ и сдѣлали. Яблоко старшаго упало на дворъ великаго vizиря, у котораго была красавица-дочь; на ней

вскорѣ и женился старшій братъ. Яблово средняго упало на дворъ назиря, на дочери котораго онъ и женился. Яблово же младшаго упало въ море.

Али—такъ звали младшаго изъ сыновей—съ утра до поздней ночи проспживаль на берегу моря, въ ожиданіи, когда появится та, которую назначила ему судьба. Разъ была прекрасная лунная ночь, и Али, по обыкновенію, сидѣлъ на морскомъ берегу; вдругъ изъ моря выскочила преотвратительная лягушка и вспрыгнула на колъпи къ царевичу, но царевичъ, съ отвращеніемъ, бросилъ ее обратно въ воду. Тутъ изъ моря вдругъ явилась прекрасная молодая дѣвушка, остановилась предъ царевичемъ и сказала: „Благодарю тебя, царевичъ, что ты снялъ съ меня волшебныя чары! Я дочь царя морей, и зовутъ меня „Мелекъ“. Одна злая волшебница позавидовала моей красотѣ и обратила меня въ лягушку: если бы не ты, я вѣчно оставалась бы отвратительной гадinou. Я полюбила тебя съ перваго же взгляда и буду твоей женой; дай только пойти и обрадовать моего отца!“ Сказавъ это, красавица бросилась въ море. Море сильно взволновалось, а изъ бушующихъ волнъ показались тысячи морскихъ духовъ, которые торопливо забѣгали по песчаному берегу. Въ одно мгновеніе на пустомъ морскомъ берегу выросло какимъ-то чудомъ великолѣпное зданіе: на крышѣ его находилось солнцеобразное дивное свѣтило, озарявшее дворецъ какимъ-то чуднымъ фантастическимъ свѣтомъ.

Али, дивясь этой волшебной картинѣ, не замѣтилъ, какъ изъ моря снова вышла Мелекъ; подойдя къ нему, она бросилась въ его объятія. Они пошли къ дворцу, а слуги усыпали ихъ путь ко дворцу прекрасными цвѣтами; заиграла волшебная музыка; во дворцѣ встрѣтили ихъ вооруженные тѣлохранители.

Мелекъ, держа своего жениха за руку, ввела его въ обширный, богатый залъ; здѣсь былъ накрытъ большой столъ,

на которомъ красовались всевозможныя випа и кушапыя. Около стола стояли слуги съ вѣрами.

Царевичъ слѣдовалъ за своей невѣстой, какъ очарованный. Когда они сѣли за столъ, то заиграла невидимая музыка, и весь дворецъ наполнился чудными звуками; затѣмъ появились прелестныя баядерки и завружались въ танцахъ.

Вотъ какъ праздновалъ свою свадьбу Али!

Султанъ, проснувшись рано утромъ, выглянулъ въ окно и увидалъ на морскомъ берегу чудный дворецъ. Ему казалось, что все это опъ видѣть во снѣ; но чудесное явленіе не исчезало; тогда султанъ приказалъ узнать, кому принадлежитъ богатый дворецъ.

Черезъ нѣсколько времени посланные возвратились назадъ и сказали: „Повелитель правовѣрныхъ! дворецъ принадлежитъ твоему младшему сыну, Али, который приказалъ намъ кланяться тебѣ. Мы видѣли его съ какой-то красавицей: онъ прогуливается по берегу моря!“ Султанъ дивился случившемуся: онъ никакъ не могъ понять, какимъ чудомъ выстроилось въ одну ночь такое великолѣпное зданіе.

На слѣдующій день султанъ пригласилъ сына съ женой къ себѣ въ гости. Когда опъ увидалъ Мелекъ, то такъ былъ пораженъ ея красотой, что упалъ безъ чувствъ. Приближенные султана бросились приводить его въ чувство, а Али съ женой вернулись къ себѣ во дворецъ. Тутъ Мелекъ сказала мужу: „Дорогой, Али! отецъ твой такъ полюбилъ меня, что приметъ всевозможныя мѣры, чтобы разлучить насъ, и въ крайнемъ случаѣ даже рѣшится убить тебя“.

Такъ и случилось. Долго султанъ проболѣлъ, а когда всталъ съ постели, то призвалъ великаго визиря и сказалъ ему: „Моя невѣстка поразила меня своей красотой! Я ужасно страдаю; если я не овладѣю ею, то непременно умру! Посоветуй, вѣрный мой слуга, что мнѣ дѣлать!“

Великій визирь завидовалъ счастьемъ молодого царевича;

изъ-за зависти онъ радъ былъ навредить ему и сталъ подыскивать средства погубить Али.

На другой день онъ явился къ султану съ такою рѣчью: „Повелитель правовѣрныхъ! притворись ты больнымъ и прикажи сыну твоему Али достать для тебя, не позже трехъ дней, молока отъ кобылицы, принадлежащей могущественному царю морей. Онъ, конечно, не сможетъ сдѣлать этого, и ты, государь, вели казнить его смертною казнью за то, что онъ не исполняетъ твоего приказанія, какъ бы не желая видѣть тебя здоровымъ!“ Султанъ похвалилъ своего вѣрнаго подданнаго за умный совѣтъ и велѣлъ позвать къ себѣ сына.

Али явился, и отецъ сказалъ ему: „Сынъ мой! я сильно боленъ: мнѣ поможетъ только молоко отъ кобылицы, принадлежащей царю морей. Достань его мнѣ! А если черезъ три дня ты не принесешь мнѣ этого молока, то я прикажу тебя казнить“.

Али, сильно взволнованный, вернулся домой. Мелекъ спросила его, что съ нимъ; Али рассказалъ ей обо всемъ случившемся. Тогда жена сказала ему: „Мужъ мой! дѣло поправимое: молока можно достать, такъ-какъ кобылица принадлежит моему отцу; только нужно держать въ строгомъ секретѣ все, что я ни сдѣлаю! Не рассказывай также никому и о моемъ происхожденіи,—иначе ты никогда меня не увидишь!“ Тутъ она написала отцу письмо, въ которомъ просила его прислать ей свою кобылицу; потомъ передала письмо мужу, чтобы онъ бросилъ его въ море.

На другое утро царевичъ увидалъ на дворѣ прекрасную морскую кобылицу съ жеребенкомъ и поспѣшилъ отвести ихъ къ отцу. Султанъ и его приближенные очень удивились, что царевичъ досталъ эту кобылицу. Нужно было придумать другое средство, чтобы погубить царевича. Одинъ изъ приближенныхъ султана посоветовалъ ему послать царевича отыскать

на днѣ моря „самоцвѣтный“ камень. Но Али, съ помощью жены, досталъ и самоцвѣтный камень.

Получивъ самоцвѣтный камень, султанъ ужъ не зналъ, что и дѣлать съ сыномъ, чтобы извести его. Оставалось одно— вывѣдать тайну, которою владѣлъ Али. Ради этого отецъ пригласилъ его къ себѣ на ужинъ. Когда Али собирался къ отцу, то жена сказала ему: „Смотри, Али! не папивайся и ничего не говори султану о моемъ происхожденіи: если скажешь что-нибудь, то больше не увидишь меня!“ Онъ обѣщаль.

Али отправился къ отцу и былъ встрѣченъ имъ очень ласково. Но, на ужинѣ, несмотря на предупрежденіе жены, онъ сильно напился и рассказалъ султану все, что только зналъ о своей женѣ.

Мелекъ, почувствовавъ, что мужъ ея не сдержалъ слова, обратилась въ голубя и полетѣла на царскій дворъ; здѣсь на мраморной лѣстницѣ она увидала царицу, мать Али, подлетѣла къ ней и рассказала ей, какъ султанъ думалъ погубить своего сына и овладѣть сю; потомъ Мелекъ попросила царицу уговорить сына не искать ея, ибо поиски его будутъ напрасны.

Царица, въ сильномъ негодованіи, вбѣжала въ комнату, гдѣ пировалъ султанъ; рыдая, упрекала она его въ жестокости и тутъ же рассказала все, что слышала отъ Мелекъ. Горе султана было непритворное: онъ проклиналъ себя за свою необузданность и за гибель сына.

Али, какъ сумасшедшій, выбѣжалъ на дворъ, вскочилъ на коня и помчался, куда глаза глядятъ. Долго ли, мало ли ѣхалъ онъ, Аллахъ вѣдаетъ,— какъ, наконецъ, увидалъ трехъ дивовъ, которые что-то дѣлили между собою. Замѣтивъ приближавшагося человѣка, дивы пріостановили дѣлѣжъ, и одинъ изъ нихъ сказалъ: „Друзья! вотъ ѣдетъ инсанъ *), который благоразумно раздѣлитъ между нами спорныя вещи!“

---

*) Слово „инсанъ“ служило отличіемъ человѣка—творенья Божьяго отъ дивовъ и разныхъ духовъ.—*Собирает.*

Али подошелъ къ нимъ и увидалъ на землѣ коверъ-самолетъ, скатерть самобранную и шапку-невидимку. Дивы просили Али раздѣлить между ними эти вещи. Али согласился: узнавъ о свойствахъ каждой вещи, онъ пустилъ въ разные стороны три стрѣлы, и, когда дивы побѣжали, каждый за своей стрѣлой, онъ подобралъ скатерть самобранную и шапку-невидимку, сѣлъ на коверъ-самолетъ и приказалъ ему пести себя во дворецъ царя морей.

Коверъ ринулся въ морскую глубину и доставилъ царевича во дворецъ царя морей: Али надѣлъ на себя шапку-невидимку и сталъ ходить, ниѣмъ не видимый. Наконецъ, заходить опъ въ одну комнату, а здѣсь сидитъ Мелекъ и горько плачетъ. Али громко произнесъ:

„О чемъ ты, красавица, плачешь? Скажи мнѣ, и я помогу тебѣ утѣшиться!“

Царевна удивленно стала оглядываться по сторонамъ, но, не видя никого, продолжала неутѣшно плакать. Али три раза повторилъ тѣ же самыя слова, и только тогда Мелекъ сказала:

— „Кто—ты, невидимый? Я не знаю тебя; но, ужъ если ты жалѣешь меня и хочешь помочь моему горю, то, изволь, я скажу тебѣ причину моихъ слезъ! Я вышла замужъ за Али, сына одного могущественнаго султана; крѣпко я понравилась его отцу, и онъ, чтобы только обладать мною, задумалъ погубить своего сына. Мой несчастный мужъ, разъ, въ пьяномъ видѣ, разсказалъ своему отцу мою исторію, чего онъ не долженъ былъ дѣлать, чтобы не потерять меня; тутъ ужъ я должна была покинуть его и возвратиться опять сюда. Мужа я люблю попрежнему, а плачу потому, что никакъ не могу заглушить своего горя, хотъ и знаю, что Али никогда не проберется въ нашъ дворецъ, ибо отецъ мой, узнавъ о его пребываніи въ морѣ, подвигнетъ ужасную бурю, и бѣдный мой мужъ погибнетъ!“

— „Ошибаешься, дорогая моя!“ вскрикнулъ Али, снимая шапку-невидимку.

Мелекъ кинулась на грудь царевпчу, Али же рассказалъ ей, какъ онъ пробрался во дворецъ.

— „Дорогой Али! перебила его Мелекъ: „отецъ мой не согласится на мое возвращеніе къ тебѣ, если ты не расскажешь ему исторію про Гюль и Синейвиза. Предупреждаю, что отецъ пошлетъ тебя отыскивать Синейвиза, который люте звѣря: онъ рассказываетъ каждому свою исторію, а по окончаніи ея съѣдаетъ любопытнаго. Отецъ знаетъ эту исторію, по все же пошлетъ тебя къ людобѣду: онъ выдастъ меня за того, кто невредимъ уйдетъ отъ страшнаго Синейвиза! А потому совѣтую тебѣ возвратиться обратно домой, и тогда я буду спокойнѣ!“

— „Нѣтъ, я не могу жить безъ тебя: чтобы обладать тобою, я радъ состязаться съ сотней такихъ людобѣдовъ, какъ страшный Синейвизъ. Я узнаю его исторію!“

Царь морей, дѣйствительно, послалъ Али узнать исторію Гюль и Синейвиза. Али на своемъ коврѣ въ нѣсколько минутъ очутился на дворѣ людобѣда, гдѣ были сложены цѣлыя горы человѣческихъ череповъ. Онъ быстро постучался въ двери и былъ принятъ самимъ Синейвизомъ очень ласково. Синейвизъ даже не спросилъ Али о причинѣ посѣщенія; онъ только подвелъ его къ окну, которое выходило на дворъ и, обращаясь къ нему, сказалъ: „Юпоша! я знаю—тебя прислалъ ко мнѣ царь морей узнать мою исторію! Хорошо, я расскажу тебѣ ее, но предупреждаю, что по окончаніи разсказа съѣмъ тебя. Посмотри на эти горы человѣческихъ череповъ: всѣ они принадлежать искателямъ руки Мелекъ,—преимущественно, царевичамъ, которые заплатились за свое любопытство! Скажи теперь, хочешь ли, чтобы я рассказалъ тебѣ о моей прошедшей жизни? Знай только одно, что послѣ моего разсказа къ этимъ черепамя прибавится еще одинъ!“

— „Синейвизъ!“ отвѣчалъ на это Али: „я такъ заинтересованъ твоимъ прошлымъ, что не задумался бы пожертвовать и десятью головами, если бы я ихъ имѣлъ, чтобы только узнать его!“

Синейвизъ повелъ Али въ слѣдующую комнату, гдѣ къ стѣнѣ на цѣпи была прикована какая-то собака. Людоѣдъ обратилъ вниманіе Али на нее и сказалъ: „Эта собака играла главную роль въ моей жизни,—она бывшая моя жена, Гюль, которую за измѣну я приковалъ къ стѣнѣ!“ Послѣ этихъ словъ людоѣдъ началъ *свою исторію*:

„Былъ когда-то, говорилъ онъ, и я счастливѣйшимъ человекомъ: имѣлъ прекрасную жену и громаднаго богатства. Но разъ въ окрестностяхъ нашего города появилась шайка разбойниковъ: атаманъ ихъ и соблазнилъ мою жену. Я это замѣтилъ уже поздно; но, если бы я никогда не замѣчалъ, для меня было бы гораздо лучше!.. Разъ я увидалъ свою жену верхомъ на лошади: она была одѣта въ мужской костюмъ и направлялась къ лѣсу. Я издали слѣдилъ за нею и въ лѣсу убѣдился въ измѣнѣ коварной жены. По возвращеніи изъ ночного путешествія, жена по моимъ глазамъ угадала, что я знаю про ея тайну; тутъ она ударила меня своей плетью и обратила меня въ осла, а потомъ продала тулукчику. Считая меня за настоящаго осла, онъ семь лѣтъ возилъ на мнѣ воду. Я все понималъ и чувствовалъ, но говорить не могъ. Однажды, когда я везъ воду, намъ повстрѣчался мой двоюродный братъ-волшебникъ, который и узналъ меня по глазамъ; натеревъ мнѣ шею какимъ-то лѣкарствомъ, онъ опять обратилъ меня въ прежняго Синейвиза и тутъ же передалъ мнѣ склянку съ какимъ-то зельемъ: „Намочи *этимъ* свой платокъ—сказалъ онъ мнѣ—и ударь имъ свою жену,—ты будешь отомщенъ, ибо она обратится въ собаку!“

Я рѣшилъ это сдѣлать. Однажды я зашелъ въ свой домъ и засталъ тамъ Гюль съ атаманомъ разбойниковъ; они ужас-

но испугались, когда, совсѣмъ неожиданно, увидали меня. Я кинулся на атамана и убилъ его; потомъ ударилъ жену платкомъ, и она обратилась въ собаку...”

„Ахъ, шайтанъ! Ахъ, разбойникъ!...” кричалъ Синеивизъ, не найдя царевича въ комнатѣ, по окончаніи своего разсказа.

Дѣло въ томъ, что Али предвидѣлъ уже конецъ разсказа и во-время успѣлъ надѣть на себя шапку-невидимку, а при послѣднихъ словахъ Синеивиза сѣлъ на коверъ-самолетъ и полетѣлъ въ обратный путь къ царю морей.

Когда Али разсказалъ царю морей исторію Гюль и Синеивиза, царь согласился выдать за него свою прекрасную дочь; тотчасъ же на берегу моря снова появился великолѣпный дворецъ. Сыграли во второй и послѣдній разъ свадьбу; но на ней не было султана,—опъ ужъ умеръ отъ своей несчастной любви и отъ тоски за гибель сына. Царствомъ сталъ управлять Али...

Съ неба упало три яблока: одно Аллаху, другое слушателямъ, а третье мнѣ, бѣдному разсказчику!.

Учитель Ивановскаго однокласснаго сельскаго училища *Николай Казбекъ*.

Сел. Ивановка.
1889 г.

У. НѢСКОЛЬКО СВѢДѢНІЙ

о татарскихъ повѣрьяхъ.

1. Джины.

Главными изъ злыхъ духовъ, вредящихъ человѣку, въ тѣлесномъ и умственномъ отношеніи, считаются „джины“ (домовые, водяные, лѣшіе и пр.). Всѣ джины дѣлятся на два вѣроисповѣданія: одни джины—правовѣрные, другіе—невѣрные; какъ первые, такъ и вторые болтаются имени Аллаха. Джины невярные стараются вредить мусульманамъ: они „показываются“ имъ и заманиваютъ ихъ приглашеніемъ на обѣдъ; если на такомъ обѣдѣ гость произнесетъ имя Аллаха, то увидитъ предъ собою, вмѣсто вкуснаго плова, кусочки кизяка и вдобавокъ получить еще оплеуху, отъ которой остается навсегда сумасшедшимъ; отъ сумасшествія можетъ спасти только знахарь.

Джины имѣютъ свойство превращаться въ различныя вещи: изъ самага большаго предмета они могутъ превратиться въ незначительную точку. Вотъ разсказъ, о превращеніи джиновъ, слышанный мною отъ одной старухи:

Отецъ мой, говорила она, отправился на прекрасномъ конѣ изъ города въ нашу деревню; проѣзжалъ онъ мимо кладбища; видитъ онъ—тамъ сидитъ старуха и плачетъ. На вопросъ отца, кто она такая и почему плачетъ, она отвѣчаетъ, что ее оставили кочевники, по всей вѣроятности, забывъ о ней, и что ихъ кочевье должно остановиться неподалеку отъ сосѣдней рѣки. Отецъ мой сжалился надъ ней и хотѣлъ

взять ее къ себѣ на сѣдло; но лошадь разомъ поднялась на дыбы и не подпускала къ себѣ старуху: она почуяла въ ней злого духа. Однако отецъ мой, не зная, въ чемъ дѣло, сѣлъ самъ на лошадь, усадилъ и старуху. Не проѣхалъ онъ и десяти шаговъ, какъ лошадь остановилась, вся въ пѣни. Отецъ ударами плети заставилъ лошадь пройти еще нѣсколько шаговъ впередъ; но тутъ ужъ лошадь захрапѣла. Отецъ оглянулся назадъ и видитъ, что старуха увеличилась впятеро, и ноги ея почти касаются земли: съ-разу онъ догадался, съ кѣмъ имѣеть дѣло, и, нагнувшись къ уху лошади, шепнулъ ей: „не бойся“. Кое-какъ онъ чрезъ полчаса добрался до деревни. Итти дальше лошадь была уже не въ состояніи; тутъ онъ ласково обратился къ старухѣ такъ: „Родная! ты сама видишь, что коню нѣтъ мочи итти! Нельзя ли тебѣ слѣзть?“ Она слѣзла. „Счастливъ ты, что назвалъ меня родною, а то я знаю, что сдѣлала бы съ тобою!..“ сказала ему старуха и исчезла.

Другой, подобный же, рассказъ сообщилъ мнѣ одинъ сельчанинъ.

Былъ у насъ—говорилъ онъ—хорошій конь. Каждый день, какъ зайду въ конюшню, вижу, что онъ весь въ поту; никакъ я не могу догадаться, въ чемъ дѣло,—думаю только, что кто-нибудь катается на конѣ. Разъ я обмазалъ ему все тѣло дегтемъ. На другой день зашелъ я въ конюшню и вижу—сидитъ на немъ джицъ, оскалилъ зубы и смотритъ на меня. „Ахъ, проклятый духъ!“ закричалъ я, бросился къ нему и воткнулъ въ него иголку. Духъ слѣзъ съ коня, но не смѣлъ убѣжать, потому-что въ немъ была иголка. Долго онъ служилъ намъ. Однажды обманомъ онъ упросилъ младшую сестру вытащить иголку изъ него и взять себѣ (самъ онъ не могъ дотронуться до иголки): какъ только сестра вытащила иголку, онъ ударилъ ее и исчезъ.

Джины обитаютъ, преимущественно, въ мѣстахъ уединенныхъ: въ развалинахъ, въ лѣсу, въ большихъ садахъ, подъ

большими деревьями, на берегахъ рѣкъ, озеръ и др.; больше всего злыхъ духовъ—подъ деревьями и на берегу водъ; общественные дома (бани, церкви и др.) также посѣщаются ими. По вѣрованію нѣкоторыхъ, эхо въ большихъ зданіяхъ есть не что иное, какъ голосъ злого духа, который раздражаетъ человѣку и этимъ хочетъ раздражить его. Живутъ злые духи еще въ большихъ пещерахъ, оврагахъ, а также на владбищахъ. Во всѣхъ вышепоименованныхъ мѣстахъ джины *живутъ преимущественно*, по встрѣчать ихъ можно вездѣ: ни одно мѣсто не свободно отъ нихъ, за исключеніемъ только монастырей и тѣхъ домовъ, гдѣ читается Коранъ.

2. Дивы.

Къ злымъ духамъ относятся еще „дивы“. Они отличаются гигантскимъ ростомъ и чудеснымъ тѣлосложеніемъ: у нѣкоторыхъ дивовъ бываетъ по семи головъ, съ вѣтвистыми рогами; другіе дивы представляются, съ хвостомъ, держащими въ рукахъ палицу, на которую надѣто семь жерновыхъ камней.

Съ недавнихъ поръ дивы закованы въ цѣпи и, при помощи талсмана, заключены въ разныя пещеры. Такъ поступлено съ дивами потому, что они нанесли слишкомъ тяжёлое оскорбленіе людямъ: говорятъ, что прежде дивы держали людей у себя на дворѣ, гоняли ихъ въ поля кормиться и, вообще, обращались съ ними, какъ съ домашними животными. Близъ города Шуши (Елпс. губ.) указываютъ пещеру („Меликъ-Шахназаръ-Кяхаси“), гдѣ будто бы живетъ одно большое семейство дивовъ. При этомъ рассказчикъ обыкновенно добавляетъ, что прохожему слышенъ звукъ цѣпей, въ которыя дивы закованы.

3. Шайтанъ.

Самое главное мѣсто между злыми духами занимаетъ „шайтанъ“. Онъ былъ ангеломъ, но, такъ-какъ онъ не захо-

тѣль влнаться (?) Адаму, то и былъ прогнанъ съ неба; тутъ онъ далъ обѣтъ стараться всѣми мѣрами вредить людямъ: шайтанъ всячески старается извести человѣка. Отсюда и возникло вѣрованіе, что всѣ грѣхи человѣкъ совершаетъ подѣ влияніемъ шайтана: если кто-нибудь убьетъ человѣка, то въ этомъ, говорятъ, вовсе не виноватъ убійца, а виноватъ шайтанъ, который подучилъ его сдѣлать это. Вообще, всякое злое дѣло совершается не иначе, какъ съ участіемъ шайтана. Однихъ только мертвыхъ шайтанъ оставляетъ въ покоѣ.

4. Явленія природы.

Сильный *вѣтеръ*—признакъ какой-нибудь несправедливости, преступленія, напр., убійства, изнасилованія или напраснаго мученія какого-нибудь набожнаго человѣка и т. п.

Комета предвѣщаетъ эпидемическую болѣзнь, дороговизну или продолжительную кровопролитную войну.

Землетрясеніе означаетъ приближеніе заразной болѣзни, а происходитъ оно отъ движенія золотого быка, на спинѣ котораго держится земля.

Затменіе луны происходитъ отъ того, что нечистые духи заслоняютъ намъ свѣтъ луны, держа предъ нею свои руки. Затменіе луны происходило бы ежедневно, если бы не было падающихъ звѣздъ: падающія звѣзды, это—стрѣлы ангеловъ, которыми они поражаютъ нечистыхъ духовъ.

Затменіе солнца происходитъ отъ той же причины, какъ и затменіе луны.

Безпрестанный *дождь*, *снѣгъ*, *градъ* и др. под.—послѣдствія Божьяго гнѣва.

Внезапное потуханіе свѣчи, *лампъ* и пр. означаетъ несчастіе для семейства въ скоромъ будущемъ, напр.: умереть старшій членъ семейства.

5. Огонь и вода.

Бранить огонь или по-напрасну влнаться огнемъ—боль-

шой грѣхъ; нельзя зарать тушить огня, а въ особенности— заливать его водою. Весь огонь, что есть на землѣ, произошелъ отъ одной искры, вылетѣвшей изъ ада.

Вода тоже священна: нельзя брапить ее и по-напрасну клясться ею. Вода осталась на землѣ со времени всемірнаго потопа: до потопа она была въ одномъ мѣстѣ, имѣвшемъ форму „тандира“, а, поднявшись оттуда, обняла весь міръ.

Про утопленниковъ говорятъ, что они, вѣроятно, много ругали воду, плевали въ нее или, вообще, относились къ ней съ неуваженіемъ: вотъ почему вода и поглотила ихъ.

Какъ вода, такъ и огонь имѣютъ своихъ „нарамовъ“ (духи, живущіе въ водѣ и огнѣ), которые не позволяютъ безгрѣшнымъ людямъ утонуть или сгорѣть.

6. Животныя, настѣкомыя и пресмыкающіяся.

Собака раньше другихъ животныхъ можетъ предугадать появленіе какой-нибудь болѣзни, а иногда и несчастья, въ особенности же, своему хозяину; тогда она воеетъ и этимъ даетъ знать своему хозяину о предстоящемъ и, такимъ образомъ, иногда помогаетъ ему спастись.

По мнѣнію татаръ, *обезьяна* есть видоизмѣненіе красильника: этотъ красильникъ никогда, предъ выходомъ на работу, не молился, за что и былъ наказанъ такимъ превращеніемъ. Въ доказательство того, что обезьяна есть видоизмѣненіе красильника, указываютъ на ея синіе когти: они напоминаютъ собою ногти красильника.

Медведь есть мельникъ, обратившійся въ животное за небрежное отношеніе къ пшеницѣ и вообще къ хлѣбнымъ зернамъ.

О происхожденіи *кошки* рассказываютъ слѣдующее: во время всемірнаго потопа, когда звѣри нашли себѣ убѣжище въ ковчегѣ Ноя, тамъ левъ чихнулъ, и изъ носа его выскочила кошка; этимъ и объясняется такое сильное сходство между львомъ и кошкою.

Кошки—говорять—часто обращаются въ джиновъ; вотъ одинъ разсказъ такого рода:

Въ одно время на уроки извѣстнаго арабскаго ученаго шейха-Бахну-Дина, вмѣстѣ съ разными слушателями, каждый разъ приходила бѣлая кошка и, повидимому, слушала преподаваніе шейха. Разъ, во время урока, когда, по обыкновенію, присутствовала и любопытная посѣтительница, шейхъ и его ученики услышали громкій голосъ: „Санамъ!“ *). Крикъ шелъ со двора. Тутъ кошка моментально обратилась въ красивую женщину, въ бѣломъ костюмѣ, и вышла изъ дому.

Змѣя и *пчела* обратилась къ одному пророку съ вопросомъ: какаѣ участь каждаго изъ нихъ ожидаетъ? Пророкъ отвѣтилъ, что у змѣи всегда будетъ головная боль, но что за это ужаленный змѣей будетъ умирать, а сама змѣя—оставаться живой; пчелѣ же пророкъ сказалъ, что у ней не будетъ никакой головной боли, но зато ужаленный ею не умретъ, а сама она должна будетъ умереть.

Вслѣдствіе головной боли, которая иногда не оставляетъ змѣю, она не можетъ совершать частыхъ укушеній. Всякій, увидѣвшій змѣю, обязанъ убить ее: проклять тотъ, кто встрѣтитъ змѣю, не убьетъ ея; а убивши змѣю, необходимо похоронить ее, ибо *кости* ея также ядовиты: онѣ могутъ воззваться въ ноги прохожему.

Змѣи имѣютъ своихъ царей и полководцевъ. Онѣ часто ходятъ другъ на друга войною; въ военное время онѣ не трогаютъ ни одного человѣка, и человѣкъ, съ своей стороны, долженъ быть въ это время обходительнымъ съ ними, а если возможно, то встрѣчать съ хлѣбомъ и солью ихъ царя, который отличается отъ прочихъ змѣй бѣлымъ цвѣтомъ и короною на головѣ.

Ужъ—тоже змѣя,—только онъ отличается большею терпѣливостью: если шесть разъ подвергать ужа мученіямъ, то

---

*) Женское имя.

онъ ничего не сдѣлаеть человѣку; но въ седьмой разъ опъ ужалить такъ, что ничѣмъ нельзя вылѣчиться.

Ящерицы доставляютъ ядъ змѣѣ, а потому не мѣшаетъ истреблять и ихъ; въ особенности благодѣтельно убивать большихъ ящерицъ, похожихъ на лягушекъ. Относительно ящерицъ и *лягушекъ* существуетъ слѣдующая легенда:

Когда хотѣли сожигать Авраама, то лягушки брали въ ротъ воды изъ ближайшей рѣки и, обливая костеръ, хотѣли потушить его, а ящерицы, наоборотъ, собирались вокругъ костра и раздували огонь. На вопросъ одной старухи, что всѣ онѣ дѣлають, лягушки отвѣтили, что онѣ хотять потушить огонь, а что ящерицы хотять усилить его. „Вѣдь, какъ ваши заслуги, такъ и ихъ (т. е. ящерицъ) злодѣянiя незначительны“, замѣтила старуха. „Мы сами сознаемся въ этомъ“, отвѣтили лягушки: „но мы показываемъ дружбу въ пророку, а онѣ вражду“.

7. Птицы.

Прилѣтъ *совы*, *филина* и другихъ почпыхъ птицъ означаетъ смерть одного изъ членовъ семейства, особенно, если они издають звуки, но отъ несчастья, предвѣщаемаго ими, можно предостеречься, если бросить вслѣдъ за этими птицами тлѣющую головню.

Карканье прилетѣвшей *вороны* тоже знаменуетъ несчастье; часто бросаютъ воронамъ мясо, чтобы только опѣ не каркали.

Сорока—вѣстница: она приноситъ вѣсти изъ далекихъ странъ, а потому часто дѣти и ханумы (барышни и барыни) обращаются къ прилетѣвшей сорокѣ съ восклицанiемъ: „Сорока, скажи вѣсть добрую!“

Пытухъ, который поетъ не во-время, предвѣщаетъ какое-нибудь несчастье домохозяйину: его надо поскорѣ зарѣзать, но мяса не ѣсть, а послать его муллѣ или какому-нибудь

бѣдному. Также надо поступать съ *курицами и цыплятами*, которые издають звуки, похожіе на крикъ пѣтуха.

Ласточка—птица священная, такъ-какъ она поеть стихи изъ Корана; прилетѣть ея не только не вреденъ, а даже полезенъ.

Голубей убивать не слѣдуетъ, ибо они—птицы незлыя: не мало было такихъ случаевъ, когда взявшійся рѣзать голубя, бросалъ свой ножъ, такъ-какъ въ глазахъ голубя показывались слѣзы.

8. *халь-Анаси.*

Злой духъ — „*халь-Анаси*“ (гигантская женщина, съ огромными сосцами) обыкновенно, присутствуетъ незримо при родахъ съ цѣлю повредить поворожденному, а также и его матери. Если родильница падаетъ въ обморокъ, то говорятъ, что ее одолѣла *халь-Анаси*, и тогда начинаютъ стрѣлять изъ ружей, чтобы напугать *халь-Анаси*.

Домовые тоже бываютъ при родахъ съ цѣлю подмѣнить новорожденного здороваго ребенка какимъ-нибудь своимъ слабымъ младенцемъ или задушить какъ ребенка, такъ и рождающую. Во избѣжаніе этого на родильницу надѣваютъ папаху, желая такимъ образомъ обмануть домовыхъ, что будто бы лежитъ въ постели больнымъ мужчиною, а не женщиною. Иногда обнажаютъ мечъ или кинжалъ надъ головою рождающей и, вмѣсто настоящаго ея имени, называютъ ее „*Маріямъ*“ (*Марія*), по имени Дѣвы *Маріи*: домовые будто бы не смѣютъ приблизиться къ женщинѣ, изъ-за имени „*Маріямъ*“.

9. Отношеніе духовъ къ дѣтямъ.

Такъ-какъ дѣти, вообще, до 12 лѣтъ, безгрѣшны, то злые духи не касаются ихъ: только рѣдко они пытаются вредить дѣтямъ, желая наказать этимъ ихъ родителей, напр.: шайтанъ увлекаетъ ихъ въ колодець или на дно рѣки.

Дитя-пакса не предвѣщаетъ добра: такое дитя послу-

жить причиной несчастья цѣлому семейству и рано лишится родителей.

Домовые, о которыхъ постоянно говорятъ родители при своихъ дѣтяхъ, съ цѣлью удержать ихъ отъ шалостей, „показываются“ дѣтямъ, но никогда не вредятъ имъ.

Дѣти, которые много говорятъ въ бреду, бесѣдуютъ — полагаютъ — съ ангелами.

Нерѣдки случаи, когда въ дѣтей, женскаго пола, влюбляются злые духи, а также нѣкоторыя опасныя животныя (змѣя и др.).

При смерти дѣтей, „Азраилъ“ (ангелъ смерти) является къ нимъ въ качествѣ сверстника дѣтскихъ игръ и предлагаетъ имъ яблоко, почему дѣти умираютъ, большею частью, съ улыбкою на лицѣ.

10. Свадьба.

Какъ обрученіе, такъ и бракосочетаніе стараются совершить въ „счастливый часъ“. Опоясываютъ невѣсту платкомъ, на которомъ сдѣлано девять узловъ, въ знакъ того, что она должна родить семерыхъ сыновей и двухъ дочерей; при этомъ на колѣни невѣсты сажаютъ мальчика съ тою же цѣлью. Подъ ноги невѣсты, при входѣ ея въ домъ жениха, бросаютъ полосу желѣза, чтобы она была тяжела, какъ желѣзо, и чтобы ей не легко было удалиться изъ дому жениха. При свиданіи жениха и невѣсты, оба они стараются поскорѣе наступить другъ другу на правую ногу, въ томъ расчетѣ, что, кто раньше наступитъ на ногу другому, тотъ будетъ властвовать надъ нимъ. Женихъ снимаетъ съ ногъ невѣсты башмаки и ставитъ ихъ предъ нею, носами къ ней, въ предупрежденіе того, чтобы невѣста не вздумала уйти изъ его дому. Предъ вѣнчаньемъ женихъ старается мириться со всѣми своими врагами, ибо эти послѣдніе могутъ заколдовать его, и онъ не въ состояніи будетъ сойтись съ женой. На ноги,

или предъ ногами невѣсты кладутъ деньги и сладость: женихъ поднимаетъ ихъ; деньги онъ кладетъ въ свой кисетъ, чтобы въ немъ была благодать, а сладость ѣсть, чтобы во рту у него было сладко, т. е. чтобы онъ былъ доволенъ своею будущею женою.

11. Мертвые.

Татары вѣрятъ, что мертвый чувствуетъ омовеніе, что иногда даже кричитъ и умоляетъ тѣрщика (мюрдаширъ или гассаль) тереть его тѣло тише и не обливаетъ его горячей водой, ибо тѣло его ослаблено болѣзнями. Говорятъ, что мертвый слышитъ вообще все, что дѣлается вокругъ него, до тѣхъ поръ, пока тѣрщикъ не заткнетъ ему уши ватой. Когда родственники провожаютъ умершаго, послѣдній, будто бы, обращается къ нимъ съ прощальною рѣчью, въ которой много трогательныхъ словъ.

Мертвые, которые въ жизни своей много грѣшили, въ могилѣ *обращаются* въ собакъ и уходятъ изъ могилы блуждать около кладбища.

Часто видно—говорятъ—пламя, выходящее изъ могилы грѣшнаго.

Учитель Бекюкъ-Вединскаго сельскаго училища *Миръ-Гашиль-бекъ-Везировъ* *).

---

*) Онъ же—авторъ и первой статьи въ настоящемъ выпускѣ „Сборника“, подъ заглавіемъ: „О татарскихъ школахъ“.

VI. ТАТАРСКОЕ ПРЕДАНИЕ

о томъ, почему въ русскомъ государственномъ гербѣ изображается двуглавый орелъ *).

Давно, давно... у франковъ (французовъ) была война съ русскими. Франки побѣдили русскихъ и уже готовились взять столицу ихъ. Русскій царь, видя близкую опасность, грозившую ему и всему государству, со стороны франковъ, созвалъ совѣтъ. Много на совѣтѣ было умныхъ, храбрыхъ и всею душою преданныхъ царю полководцевъ, но ни одинъ изъ нихъ не придумалъ, что сдѣлать, чтобы спасти отечество. Всѣ впади въ уныніе. Тутъ царь рѣшилъ самъ предводительствовать войсками, чтобы дать послѣднее рѣшительное сраженіе франкамъ подъ столицей. Произошла битва; франки начали побѣждать, но въ это самое время надъ русскими войсками взвился двуглавый орелъ. Увидя орла, русскіе вонны ободрились и удвоили свои силы, а на франковъ напалъ страхъ, и они обратились въ бѣгство. Этого орла Богъ послалъ русскимъ для спасенія отъ враговъ; вотъ почему русскіе съ тѣхъ поръ и начали изображать въ своемъ государственномъ гербѣ двуглаваго орла.

Воспитанникъ II класса Закавказской учительской семинаріи *Сурковъ*.

---

*) Записано въ сел. „Тангерудъ“, Ленкоранскаго уѣзда, со словъ Асада, сына Гарибъ-хапа.

VII. БАБУШКИНЫ РАЗСКАЗЫ.

(Изъ воспоминаній о ханскихъ временахъ).

— „Ахъ, милыя мои дѣточки!—говаривала наша бабушка—какъ я вспомню наше прошлое житье, такъ волосы дыбомъ становятся; но вмѣстѣ съ тѣмъ и плакать хочется отъ радости, что вы, мои ненаглядныя, не тогда родились. Охъ, плохія были времена!... Это было давно, давно, когда еще ни одного русскаго не было въ Ширванѣ, и мы, бѣдные армяне, находились въ рабствѣ у татарскихъ хановъ и бековъ. Боже мой! чего только они съ нами ни дѣлали—даже вспомнить страшно!..“

Въ качествѣ иллюстраціи, по этому вопросу, я приведу *слѣдующій* рассказъ бабушки, записанный съ ея словъ.

Какъ предъ глазами вижу ее!—разъ начала бабушка этотъ свой рассказъ.—Звали ее Такуи; она мнѣ приходилась двоюродной сестрой. Да и красавица же она была—волосы черные, лицо бѣлое, полное, круглое! Всѣ холостяки въ деревнѣ вздыхали по пей. Самъ священникъ приходилъ ее сватать для своего сына; но дядя не согласился выдать,—говорилъ, что ханъ не любитъ священника, и потому его дочери житья не будетъ. Разъ съ Такуи и другими сосѣдними дѣвушками, мы, тайкомъ, чтобы родные не замѣтили, пошли на „Красное воскресенье“ *), послѣ Пасхи, въ церковный садъ погулять. Немного погулявъ, мы хотѣли вернуться домой, какъ

---

*) У русскихъ—Красная горка,—первое воскресенье послѣ св. Пасхи.

вдругъ, въ этотъ садъ, съ страшнымъ лаемъ, влетѣла цѣлая стая гончихъ собакъ и окружила насъ. Тотчасъ же, вслѣдъ за собаками, прискакали ханскіе охотники, слѣзли съ лошадей и окружили насъ. Одинъ изъ нихъ обратился къ товарищамъ и говоритъ: „охота у насъ сегодня удачная—мы, вмѣсто джейрана, хану поднесемъ лучшую изъ этихъ дѣвушекъ!“ Товарищи его засмѣялись, подступили къ намъ и заставили насъ раскрыть лица; а мы отъ страху, какъ безумныя, смотримъ на нихъ и ничего не понимаемъ. Вдругъ вижу, что они схватили Такуи, сѣли на лошадей и усаkali. Проводили мы ихъ глазами, пока не скрылись они за деревьями, и, рыдая, бросились въ деревню. Бѣдный дядя былъ въ отчаяніи. Собрались старики, обсудили и рѣшили обществомъ пойти къ хану просить, чтобы онъ отпустилъ несчастную дѣвушку—единственную дочь отца. Взяли они съ собою много подарковъ—цыплятъ, яицъ, масла, нѣсколько барановъ, одинъ новый, хорошій коверъ, двадцать тумановъ *) денегъ и пошли въ Агъ-су **) къ хану. Ханъ ихъ принялъ, взялъ у нихъ подарки и сказалъ: „Спасибо! приданое невѣсты принесли? Но она мнѣ очень понравилась, —раньше одной недѣли не отпущу“.

Ждали наши въ Агъ-су цѣлую недѣлю, пока ханъ не отпустилъ Такуи. За это время даже отца ея не пускали къ ней повидаться; говорили, что она считается ханской наложницей, а потому никто не смѣетъ видѣть ея лица. Когда, наконецъ, привели Такуи въ деревню, всѣ мы бросились къ ней со слезами на глазахъ, а она молчала,—ни слова! Блѣдная такая стала, похудѣла; совсѣмъ не была похожа на прежнюю Такуи. Послѣ этого она стала таять, какъ воскъ, и чрезъ

---

*) Туманъ во времена ханства равнялся тремъ рублямъ. *Авт.*

**) Агъ-су (Бѣлая вода), бывшій нѣкоторое время резиденціей Ширванскаго ханства, нынѣ довольно обширное татарское село съ почтовой станціей того же имени (отъ гор. Шемахи въ 33 верстахъ, на югъ). *Авт.*

годъ несчастную уже похоронили. Охъ, сколько нашихъ дѣвушекъ такимъ образомъ пропадало!...

— „Да ты чего, бабушка, вѣчно пугаешь дѣтей своими разсказами, да и сама плачешь! Слава Богу, ничего подобнаго теперь нѣтъ!“ Сказала мать, замѣтивъ наши вытянутыя лица.

— „Знаю, что теперь—возразила бабушка—пѣть этого, потому и разсказываю. Да и плачу я отъ радости, что вижу васъ счастливыми, свободными. А вы, милыя дѣточки,—обратилась она къ намъ—не пугайтесь: все, что разсказываю, было давно, давно,—тогда еще вашего отца не было на свѣтѣ. Теперь что? Въ колокола звонять; вы всѣ свободны; никого не боясь, въ церковь ходите; въ школѣ учитесь. Теперь вы всѣ маленькія такія, а Евангеліе уже читать умѣете. Прежде не такъ было: разъ ханъ приказалъ снять колокола со всѣхъ церквей и увести въ Агъ-су“. И тутъ послѣдовалъ *разсказъ* бабушки о томъ, какъ это случилось.

Заперли нашу церковь,—говорила она—и цѣлый годъ не совершалось въ ней службы. Собрали наши крестьяне сто тумановъ и вмѣстѣ съ другими подарками понесли къ хану. Просили, умоляли его и, наконецъ, выпросили ключи отъ церкви. Помню, сколько было радости, когда чрезъ годъ, въ первый разъ, отворили нашу церковь и отслужили обѣдню! У насъ во всей деревнѣ, кромѣ священника Вартапа, никто не умѣлъ читать, а писать и онъ даже не могъ, потому-что былъ не изъ ученыхъ, а въ теръ-теры попалъ случайно. Въ то время у Шекпнскаго хана была лошадь, какой нигдѣ не найдешь. Нашему хану она очень нравилась; какъ ни просилъ онъ Шекпнскаго хана продать ее, но тотъ ни за что не хотѣлъ уступить. Ханъ нашъ сильно опечалился отказомъ. Вартапъ же прежде былъ большой разбойникъ, потому-что больше водился съ татарами; говорили даже, что онъ добровольно принялъ магометанство, когда жплъ у хана. Вотъ онъ

приходить однажды въ хану и говорить: „Ханъ сагъ олсунь! *) Зачѣмъ печалиться тебѣ изъ-за какой-то лошади! Приважи только, и я немедленно приведу ее“.

Ханъ обрадовался и говоритъ: „Ну, Вартанъ, если только приведешь ты мнѣ ту лошадь, то непременно тебя сдѣлаю кешишомъ **) въ вашей деревнѣ“.

Вартапу больше ничего и не нужно было; въ тотъ же день онъ направился въ Шекистанъ. Онъ тамъ что-то долго пропадалъ, но, наконецъ, привелъ лошадь. Ханъ сдержалъ свое обѣщаніе и приказалъ нашему Ширванскому епископу постричь Вартана въ священники. Епископъ не посмѣлъ послушаться, и Вартанъ, такимъ образомъ, сдѣлался нашимъ священникомъ и сталъ обирать насъ не хуже хана.

„Да что это? Пустаяк! Никто даже не удивился, когда конюхъ сдѣлался священникомъ;—продолжала бабушка рассказывать съ жаромъ:—бывало и похуже!.. Какъ-то хану захотѣлось поохотиться въ нашихъ лѣсахъ; собралъ онъ своихъ охотниковъ и пріѣхалъ въ монастырь св. Стефана, что недалеко отъ нашей деревни. Въ то время, когда онъ подъѣзжалъ къ монастырю, солнце уже взошло и освѣщало большой серебряный крестъ на монастырской церкви. Крестъ такъ и сіялъ, какъ въ огнѣ горѣлъ. Лошадь подъ ханомъ испугалась этого блеска и начала видаться въ стороны. Ханъ разсердился и тутъ же приказалъ стрѣлять въ крестъ, и обѣщалъ подарить его тому, кто повалитъ его выстрѣломъ. Долго стрѣляли въ крестъ,—наконецъ, повалили его: но вышелъ споръ о томъ, чья пуля сдѣлалась причиной паденія креста. Тогда ханъ для того, чтобы покончить споръ, приказалъ разломать его въ куски и роздалъ стрѣлкамъ поровну. Послѣ этого уже слѣзъ онъ съ лошади и остановился у вартапета.

---

*) „Ханъ сагъ олсунь!“ („живъ пусть будетъ ханъ!“—Въ родѣ вашего — „ваше благородіе“ или „ваше высочордіе“). *Авт.*

**) Кешишь—татарское слово, означающее „священникъ“. *Авт.*

На слѣдующій день пошелъ сильный дождь. Ханъ отказался отъ охоты и захотѣлъ повеселиться. Позвали зурначей и стали кутить. Такъ-какъ многочисленные его слуги не могли помѣститься въ монастырскихъ комнатахъ, то ханъ велѣлъ имъ расположиться вмѣстѣ съ собаками въ самой церкви, такъ-что въ церкви же шелъ кутѣжъ съ звуками зурны. Такого поруганія, такого оскверненія нашей религіи хану показалось мало. Онъ для потѣхи своей устроилъ свадьбу вартапета и женилъ его. Несчастный вартапетъ и всѣ старики нашего села на колѣняхъ умоляли его пощадить законы нашей религіи, но онъ остался неумолимъ и велѣлъ своимъ людямъ немедленно достать невѣсту для вартапета. Пошли ханскіе люди искать невѣсту для вартапета; на слѣдующій день изъ сосѣдней деревни они привели старуху, лѣтъ за семьдесятъ. Ханъ устроилъ пышную свадьбу, пригласилъ много гостей изъ бековъ. Епископа онъ тоже не оставилъ въ покоѣ: для большей торжественности его самого заставилъ вѣнчать вартапета со старухой; тутъ же, при пародѣ, заставилъ ихъ поцѣловаться. Цѣлую недѣлю послѣ этого ханъ гулялъ съ сотнею гостей на монастырскій счетъ.

Наконецъ, ханъ собрался въ дорогу; предъ выѣздомъ онъ позвалъ вартапета со старухой и при всѣхъ объявилъ имъ, что, если чрезъ годъ не родится у нихъ ребенокъ, онъ непременно отрубитъ имъ головы. Несчастный вартапетъ не перенесъ этого неслыханнаго позора и ханскаго поруганія: на другой же день онъ повѣсилъ на колокольнѣ...

...Не прошло послѣ этого и году, какъ разнесся слухъ, что русскіе гошуны покорили уже много татарскихъ ханствъ, и что скоро наступитъ конецъ и Ширванскому ханству. Всѣ мы какъ-то ожили; у всѣхъ появилась жажда жить покойно, безъ страха предъ насильственной смертью; всѣ, въ ожиданіи будущаго спасенія, какъ-то забыли прошлыя страданія и относились равнодушно къ настоящему своему положенію. Кре-

стьяне по ночамъ тайно собирались въ церкви и въ темнотѣ молились за побѣдоносныхъ русскихъ гошуновъ; въ горличихъ молитвахъ, со слезами на глазахъ, умоляли они Всемогущаго Создателя, чтобы Онъ пожалѣлъ ихъ отверженныхъ и поскорѣе прислалъ бы къ нимъ русскихъ солдатъ.

Между тѣмъ теръ Вартапъ, говорятъ, донесъ объ этомъ хану и, какъ на коновода, указалъ на кзбаши *) Арутюна, съ которымъ онъ былъ во враждѣ. Въ это время ханъ уже переселился изъ Агъ-су въ Фить-дагъ **). Онъ еще раньше насъ узналъ о приближеніи русскихъ и выбралъ для себя безопасное и недоступное мѣсто (Фить-дагъ), окруженное дремучими лѣсами.

Ханъ, узнавъ о ночныхъ молебствіяхъ нашихъ крестьянъ, потребовалъ къ себѣ всѣхъ крестьянъ-стариковъ нашей деревни вмѣстѣ съ юзбаши Арутюномъ. Всѣмъ старикамъ, послѣ долгихъ мученій, отрубили головы, а юзбаши Арутюна ханъ велѣлъ раздѣть догола и натравилъ на него своихъ собакъ, которыя и загрызли несчастнаго. Этого хапу было мало. Онъ послалъ сто человѣкъ, чтобы наказать всю нашу деревню. Мы объ этомъ узнали заблаговременно и почти всѣ спрятались въ лѣсу. Когда мы чрезъ недѣлю вернулись, то нельзя было узнать нашу деревню: дома были пусты и разрушены; все, что можно было унести, похищено; церковь наша была ограблена и до основанія разрушена; гумна, стога и саманники были сожжены; почти весь скотъ уведенъ; оставшіеся люди въ деревнѣ были изрублены на куски.

Трудно жилось послѣ этого: ѣсть было нечего, и сѣять было нечего. Многіе разбрелись по сосѣднимъ деревнямъ искать пропитанія; а оставшіеся въ деревнѣ, такъ-какъ они не пожелали разстаться съ роднымъ оджагомъ (пепелищемъ), пита-

---

*) Юзбаши—старшина.

Аот.

***) Фить-дагъ— („Фить“ гора), отъ города Шемахи на западъ, въ 40 верстахъ, а отъ Агъ-су на сѣверо-западъ, почти на томъ же разстояніи. *Аот.*

лись кореньями и травой. Но, несмотря на это, все-таки на душѣ было легко: всѣ утѣшали себя надеждой на скорое появленіе русскихъ...

~~~~~  
*Отъ автора.*

При составленіи предлагаемыхъ разсказовъ, я руководствовался цѣлью навести на мысль другихъ, болѣе богатыхъ подобнымъ матеріаломъ, — описывать положеніе населенія Закавказскаго края во времена владычества Персіи: положеніе закавказскихъ христіанъ въ то время, по своимъ ужасамъ, соотвѣтствовало, можно сказать, временамъ монгольскаго ига на Руси. Подобныя описанія, кромѣ историческаго значенія, могутъ имѣть и *нравственное значеніе* для образованныхъ туземцевъ.

Преподаватель шелководства и смотритель Михайловскаго профессиональнаго училища *А. Калашевъ.*

Г. Елисаветполь.  
1839 г.

~~~~~

УІІІ. ПРЕДАНИЕ *)

о разбойникѣ Керъ-оглы.

Извѣстный разбойникъ Керъ-оглы былъ сынъ табунщика одного изъ закавказскихъ хаповъ; его славный конь Гиръ-ать („вороной конь“) былъ тотъ самый жеребецъ, котораго выбралъ отецъ Керъ-оглы для своего господина. Жеребецъ этотъ не понравился хану; поэтому онъ велѣлъ своему палачу выколоть табунщику глаза (отсюда и самое прозваніе его сына — „Керъ-оглы“, что значитъ „сынъ слѣпца“), а за его службу выдать ему избраннаго имъ же, безобразнаго по внѣшнему виду, жеребца. Между тѣмъ жеребецъ былъ превосходно дрессированъ сыномъ табунщика: года чрезъ два изъ жеребца сдѣлался добрый конь, красивый и, необыкновенно, быстрый въ бѣгѣ.

Ханъ, понявъ свою ошибку, потребовалъ Гиръ-ата назадъ; но Керъ-оглы не уступилъ, а посланныхъ отъ хана, желавшихъ насильно отнять у него коня, перебилъ, затѣмъ сѣлъ на Гиръ-ата и удалился въ горы: съ тѣхъ поръ онъ сталъ извѣстенъ разбоями; разные бѣглецы, со всѣхъ сторонъ, стекались къ нему, такъ-что скоро онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи около пятидесяти отважныхъ разбойниковъ. Одинъ изъ его разбойниковъ, именемъ Айвазъ, обращалъ на себя особенное вниманіе красотою, силою и храбростію; при помощи Айваза, Керъ-оглы похитилъ дочь хана. Всѣ усилія хана наказать

*) Это преданіе слышано отъ народнхъ пѣвцовъ въ селеніи „Гаджаларъ“, Тифлисскаго уѣзда.

разбойниковъ были тщетны: они укрѣпились въ недоступныхъ мѣстахъ, напр., на вершинахъ Триалетскихъ горъ, въ глуши непроходимыхъ лѣсовъ, среди скалъ, и т. п. Число разбойниковъ росло; караванамъ и купцамъ не было покою отъ нападений Кёръ-оглы; онъ грабилъ деревни, держалъ въ страхѣ самого хана и безпокоилъ цѣлое его ханство: ханскіе отряды не разъ попадали въ засаду и были побѣждаемы шайкою Кёръ-оглы.

Кёръ-оглы, кромѣ того, извѣстенъ, какъ и отличный балалаечникъ и пѣснопѣвецъ.

Закавказскіе татары съ энтузіазмомъ поютъ пѣсни, творцомъ коихъ они считаютъ Кёръ-оглы, этого поэта-разбойника. Народные „ашуки“ (пѣвцы), подъ звуки балалайки, подробно указываютъ, при какихъ обстоятельствахъ создалъ Кёръ-оглы извѣстное стихотвореніе. Но, несмотря на это, происхожденіе многихъ изъ пѣсней, приписываемыхъ Кёръ-оглы, темно и загадочно: весьма вѣроятно, что своимъ происхожденіемъ онѣ обязаны народу, — тѣмъ болѣе, что въ нихъ ясно отражаются различные взгляды цѣлаго народа.

Вотъ три *) изъ этихъ пѣсней; онѣ такъ и дышатъ страстью татарина къ дикой храбрости:

I.

صربع

1	خان آلم كوندر سه بزم طرفه ● کوکمر بیوب کوکمر بیوب هر صلغلیدر
	منخت نامردی اورسه قوچ اوغلان ● بو روشوب تاوق تک سسلغلیدر
2	اوردوکلدی دورت یانسه دوزلدی ● حینف جوانلقدن الم اوزلدی
	تفتک ایجاد اولدی مردلک پوزلدی ● اکری قلنج قینده پاملانمالیدر
3	چاغر بر آللهی منکل قیر آتده ● دشمن قباقتنده قیز کل غیرده
	دور یاخا یاخایه صورت صورتده ● قوچ صفتندن یارالانما لیدر
4	کور اوغلویم سویلنور آدوسانمدن ● قوشده اوچور مزم بومیدانمدن
	کهلان کویکوندن انسان قانندن ● چکه دولوب بالتار املانمالیدر

*) Эти пѣсни поются народными пѣвцами въ селеніи Гаджаларъ, Тифлискаго уѣзда. Здѣсь онѣ приводятся въ подлинникъ и въ переводѣ.—Собират.

Четверостишія.

1. Если ханъ пошлетъ людей въ наши владѣнія,
Слѣдуетъ горячиться, разгнѣваться и разсвирѣпѣть.
Если добрый молодець ударить презрѣннаго плута,
То послѣдній будетъ стонать, съѣжившись, какъ курица.
2. Пришелъ отрядъ и окружилъ меня со всѣхъ сторонъ!
Жаль, что молодость оставила меня!
Изобрѣтено ружьё—уничтожено рыцарство *);
Кривая сабля должна ржавѣть въ ножнахъ.
3. Призови Единого Бога и садись на Гирь-ата;
Воспылай мужествомъ предъ врагомъ и помни честь свою;
Стань съ нимъ лицомъ къ лицу, грудь о грудь:
Храбрый долженъ получать раны въ лицо!
4. Я—Кёръ-оглы! Славятся имя и подвиги мои:
Не дамъ и птицѣ пролетѣть черезъ поле битвы!
Пѣной добраго коня да человѣческою кровью
Сапоги должны наполниться, а платье—омочиться!

II.

کور اوغلو نك دعوا باشليانده اؤخودقى مر بگذر

يولداشلار بو کون دعوا کونيدر ● حاجرانک هولم بزه بار اولسون	1
اهل غيرت ايسدى قانده بلنسون ● محنتى قوی تر باسین خوار اولسون	2
منم دين کسلر کرسون ميدانده ● آت چاپسون ميدانده مرد ومردانده	3
اوتانسون نامردى بسلين آند ● ايشو دائم اونک آه وزار اولسون	4
حضرت علي کى نعره لر چکن ● ايکيدلرک چکر باغرينى سوکن	5
اکرى قلیچ چکن قزل قان توکن ● اسيرکمه اور اللرک وار اولسون	
پسینمین حرامیدن يافیدن ● صفلر يوزان دشمنلری داقیدن	
ميشيلن اينرکن چاملو داقدن ● قباقدہ دشمن وارخبردار اولسون	
ايکيد اودر کندى کندين قايناده ● دعوا کونى باش ميدانده اويناده	
مرهبا غيرتى ويرمين باده ● ميدانندن قاچانه ناموس هار اولسون	

*) По мнѣнію народа, послѣ изобрѣтенія ружья (вообще, огнестрѣльнаго оружія), мужество и храбрость потеряли свое значеніе, ибо, благодаря пулѣ-дурѣ,

Четверостишия, которыя пѣлъ Кёръ-оглы предъ боемъ.

1. Товарищи! сей день—день сраженія;
Приготовляйтесь!... Да поможетъ вамъ Аллахъ;
Да обольются храбрые теплою кровью;
Пусть вспотѣеть и постыдно унизится трусь!
2. Считающіе себя отважными пусть выйдутъ на поле
битвы!
Смѣло и мужественно пусть скачутъ по нему!
Да постыдится воспитавшая труса мать,—
Пусть вѣчно она горюетъ и охаетъ!
3. Издающій звучные возгласы, подобно св. Алію *),
Растерзывающій внутренность удалцовъ,
Обнажающій кривую саблю, проливающій красную
кровь,
Ударь,—не жалѣй! Да будутъ славны руки твои!
4. Тотъ, кто не страшится ни жестокаго разбойника, ни
суроваго врага,
Кто разстраиваетъ строи, разсѣваетъ непріятелей,
Пусть будетъ остороженъ, спускаясь по лѣсу съ Чам-
лу-дага **):
Впередѣ таятся непріятель!
5. Герой тотъ, кто самъ себя вдохновляетъ
И въ день битвы на полѣ сраженія голову слагаетъ.
Поддерживающему честь да будетъ слава и честь;
Бѣгущему съ поля битвы—стыдъ и позорь!

последній трусь въ одно мгновеніе можетъ расправиться съ самымъ отважнымъ храбрецомъ:—не такъ было во время кривой сабли, осужденной теперь бездѣйствовать и ржавѣть въ ножахъ. *Ред.*

*) Извѣстный своими боевыми подвигами въ дѣлѣ распространенія исламизма, неустрашимый воевода, халифъ Али, зять пророка, всегда въ общихъ битвахъ и поединкахъ, громкимъ голосомъ и на распѣвъ, произносилъ разныя изреченія и стихи изъ Корана и этимъ приводилъ въ экстазъ своихъ приверженцевъ и паводилъ страхъ на непріятеля. *Ред.*

***) Названіе горы.—*Собират.*

III.

بوشعرده کور اوغلی اوزی اوزینه سواللر ویره رک کویا که
ایلدوکی ایکیدلکرک حسابین کورر

سویله کل اوغلی کور اوغلی • آیواز دن کوسدوکک وارمی
بر بیلد ایکید یولنده • سرکدن کیچدوکک وارمی
مردانه میدانده دوروب • چمکان دوشه لری قیسروب
قیر آتک بوینونی بوروب • داغلاره قاچدوکت وارمی
آیواز ایگرمی بیش یاشنده • عیب یوخ بو یولدا شده
اوجا داغلارک باشنده • بیل تک تند اسدوکک وارمی
قولوم ایوازک بوینونده • جانم قرباندر یولنده
دشمن چوخ سن تک اولاند • حرصکدن جوشدوکت وارمی
اینوب داغلارک بیلین • میشه لری سارت یولین
میک اوردوکت قرخ دلیل • قباغین کسدوکک وارمی
الندن آلوب میدانین • سالدیروب قلیج قالیخانین
اویوج اویوج دشمن قانین • ایچوبن قوسدوکت وارمی
یاندیروب داغلاری داشی • توکدیروب کوزلردن یاشی
بر دونوشه اون بیش باشی • ترککدن آسدوکت وارمی
کسور اوغلینک چوخدر لافی • دهواده اولماز انصافی
مصری قلیج دمیر قابی • ایندروب کسدوکک وارمی

Четверостишія,

въ которыхъ Керъ-оглы, обратившись къ самому себѣ, осы-
паетъ себя вопросамъ и въ этихъ вопросительныхъ предложе-
ніяхъ желаетъ какъ бы отдать себѣ отчетъ въ своихъ по-
двигахъ.

1. Разскажи, сынъ храбреца, сынъ слѣпца!
Находился ли ты въ ссорѣ съ Айвазомъ?
Радъ подобнаго удалца
Отрекался ли ты отъ головы своей?
2. Стоялъ ли ты мужественно на полѣ сраженія?
Перебивалъ ли выходившихъ на посидиновъ враговъ?
Потомъ, повернувши Гиръ-ата,

- Ускакивалъ ли ты въ горы?
3. Айвазу двадцать пять лѣтъ;
Въ этомъ моемъ товарищѣ недостатка нѣтъ.
По вершинамъ высокихъ горъ
Дуль ли ты сильно, подобно вѣтру?
4. На шеѣ Айваза—рука моя;
Жертвой ему—душа моя.
Находясь одинъ предъ многочисленнымъ непріателемъ,
Раздражался ли ты отъ гнѣва?
5. Спускаясь по склонамъ горъ,
По крутымъ лѣснымъ тропинкамъ,
Съ сорока отчаянными, тысячному отряду
Перерѣзывалъ ли ты путь?
6. Занявъ позицію врага,
Отнималъ ли ты у него саблю и щитъ?
Изрыгалъ ли ты, напившись *)
Горстями вражеской крови?!
7. Разсѣвая ужасъ по горамъ и скаламъ,
Заставляя слѣзы литься изъ глазъ,
По пятнадцати головъ за-разъ
Вѣшалъ ли ты на крупѣ коня?!
8. Въ рѣчахъ Кёръ-оглы много хвастовства;
Въ битвѣ онъ не знаетъ жалости!
Разсѣвалъ ли ты желѣзную дверь
Однимъ ударомъ дамасской сабли?

Воспитанникъ III-го класса Закавказской
учительской семинаріи *Мирза Вели-заде*.

Г. Горн.
1889 г.

---

*) Въ сказкахъ и легендахъ говорятъ, что въ старое время побѣдитель послѣ битвы долженъ былъ наполнить горсть свою теплою кровью побѣжденнаго и выпить ее. *Ред.*

IX. ИЗЪ ЭТНОГРАФИЧЕСКАГО ДНЕВНИКА.

1. „Нашель?“ — „Нѣтъ!“

Изъ повѣрій Елисаветпольскихъ армянъ и мусульманъ относительно сыча.

14 мая 1889 г. То обстоятельство, что сычи имѣютъ обыкновеніе перекидываться между собою, подало поводъ мѣстнымъ жителямъ (армянамъ и татарамъ) осмыслить чередующіеся крики двухъ сычей: они въ нихъ ясно слышатъ вопросъ и отвѣтъ: „Нашель?“ — „Нѣтъ!“ *) Какъ у армянъ, такъ и татаръ (тюрки), есть нѣсколько рассказовъ, пытающихся объяснить этотъ таинственный и однообразный разговоръ двухъ ночныхъ птицъ.

По однимъ рассказамъ, когда-то у двухъ мужиковъ пахавшихъ поле, вдругъ изъ-подъ ярма вырвался быкъ и быстро исчезъ. Мужики пошли его искать. Долго они искали, причемъ много разъ приходилось имъ выкрикивать вопросъ и отвѣтъ: „Нашель?“ — „Нѣтъ!“ Долго бы они еще бродили по лѣсамъ и горамъ въ напрасныхъ поискахъ за быкомъ, если бы жалостливая судьба не превратила ихъ въ ночныхъ птицъ, именно—въ сычей.

По другому рассказу, два брата потеряли свою единственную сестру и пошли вмѣстѣ искать ее, не переставая перекидываться другъ съ другомъ: „нашель?“ „нѣтъ!“ Братья, послѣ напрасныхъ поисковъ, наконецъ, превратились въ птицъ (сычи).

Въ третьемъ рассказѣ пропадаетъ ягненокъ: идутъ его искать братъ и сестра.

*) Չտար?—չ! Թարհուն?—jokh!—Собирает.

Подобные же рассказы можно встрѣчать и среди грузинскаго населенія.

2. Вызываніе солнца

у мусульманъ гор. Елисаветполя во время продолжительныхъ дождей.

13 іюня 1889 г. Въ одинъ изъ долго длившихся пасмурныхъ дней прошлаго мѣсяца я былъ встревоженъ странными криками, которые доносились ко мнѣ со двора моей квартиры. Я вышелъ на дворъ, и глазамъ моимъ представилась слѣдующая картина: нѣсколько мальчиковъ изъ мѣстныхъ мусульманъ, немилосердно стуча палками, кричали подтаеть риемованныя татарскія слова. Когда мальчики умоляли, одинъ изъ нихъ поднесъ ко мнѣ куклу, обвитую янтарными чѣтками. Кукла, безъ сомнѣнія, изображала женскую фигуру.

На вопросъ мой: „что это за кукла?“ мальчикъ отвѣтилъ, что это — „Коду“ (такъ называлъ онъ куклу).

— „Что же значить *Коду*?“ спросилъ я снова мальчика.

— „Солнце и мѣсяцъ“, отвѣтилъ онъ, повидимому, безсознательно.

Недобившись толку относительно „Коду“, я попросилъ мальчика продиктовать мнѣ риемованныя слова. Мальчикъ продиктовалъ мнѣ слѣдующее:

Kodu, Kodu! haj, Kodu, Kodu!
Kodyja salam verdyn-mi?
Kodu bundan öthändä,
Kyrgyzi gün gördün-mi?
Kara thoukh kanadi,
Khim vurdi, khim sanadi?
Gökçälija getmichdym,
Ith baldyrymi daladi,—
Jag' veryn jag'lamag'a,
Iph veryn bag'lamag'a:

Veränyun og'ly olsun,
Vermijanyn bir k'ör gyzy olsun,
Oda çathlasyn olsun *).

(Переводъ).

Коду, Коду! о, Коду, Коду!
Отдалъ ли ты саламъ Коду?
Когда пролетѣлъ отсюда Коду,
Не видалъ ли ты краснаго солнышка?....
Крыло черной курицы
Кто ударилъ, кто сосчиталъ (?)!....
Былъ я въ Гёбчали,—
Собака укусила меня въ иеру:
Дайте масла умаслить,
Дайте веревки привязать!
Кто дастъ, у того пусть родится сынъ;
Кто не дастъ, у того пусть родится слѣпая дочь,
Да и та пусть лопнетъ и помретъ!

Эти стихи я показалъ учителю Бекюкъ-Вединскаго училища, г. Везирову. Оказалось, что ему извѣстенъ, между прочимъ, слѣдующій вариантъ:

Dodu, Doduny gordyn'yz-mi?
Dodyja salam verrdyn'yz-mi?
Dodu gedan'an bäri,
Hech **) gtn üzii gördüz-mi? и т. д., какъ въ первомъ вариантѣ, но съ особенностями карабахскаго нарѣчія.

(Переводъ).

Доду, видали ли вы Доду?
Отдали ли саламъ Доду?

---

*) j=русс. й; l всегда произносится твердо; ö=франц. eu, нѣм. ö; th=арм. ϑ; ä среди. между звуками: а и э; kh=рус. х; ç=рус. ч; g'=церковно-слав. г (глаголь); у=арм. ր; rh=арм. ը; v'=арм. վ; s всегда, какъ русс. с.—Собират.

**) Чит. хэиш; п' носовой звукъ.

Собират.

Съ тѣхъ поръ какъ Доду ушла (или ушелъ),
Видали ли вы лицо солнца?...

Въ вариантѣ г. Везирова вмѣсто „Коду“ является „Доду“. Коду или Доду, по всей вѣроятности, есть какое-нибудь языческое божество, а кувла, изображающая это божество,—идоль. Отношеніе Коду или Доду къ солнцу ясно: скрывается Коду или Доду, вмѣстѣ съ нимъ исчезаетъ и солнце.

Кстати привожу здѣсь и армянское вызваніе солнца.

„Солнышко, солнышко“, кричатъ армянскія дѣти въ Анатолиі, когда солнце временно скрывается за тучи: „покажись, покажись! Твоя матушка пришла, твой батюшка пришелъ, съ золотымъ ножомъ!“

Инспекторъ народныхъ училищъ Эриванско-
Елисаветпольской дирекціи *А. Іоакимовъ*.

Ж. АГБУЛАХСКІЯ ЛЕГЕНДЫ.

Верстахъ въ 55 къ западу отъ Тифлиса лежитъ мѣстечко — Бѣлый-ключъ — „Агъ-булахъ“, *по-татарски*. Окрестности Агъ-булаха изобилуютъ разнаго рода развалинами (деревни, вѣрѣности, монастыри, церкви и пр.). Вѣвовые лѣса, уничтожаемые ради увеличенія пашни, обнажаютъ хранимые ими памятники старины. На многихъ памятникахъ сохраняются еще надписи, въ церквахъ фрески, орнаменты. Памятники старины были свидѣтелями многихъ войнъ, разорялись и персами, и турками, и *Тамерланомъ*. Многие изъ нихъ стоятъ уже съ первыхъ вѣвовъ христіанства и успѣли зарости дремучими, непроходимыми лѣсами; въ развалинахъ церквей наблюдатель нерѣдко встрѣтитъ деревья, въ обхватъ толщиною.

Съ нѣкоторыми изъ памятниковъ соединяются легенды и суевѣрія, сложившіяся, по всѣмъ вѣроятіямъ, въ ближайшее къ намъ время. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что все окрестное населеніе — пришельцы: этотъ запустѣлый и заброшенный край сталъ заселяться русскими, осетинами и армянами только съ 40-хъ годовъ. Приводимое ниже преданіе о легендарномъ камнѣ записано мною по памяти, съ устнаго разсказа одного старика-армянина, еще лѣтъ десять тому назадъ.

Въ верстѣ отъ Бѣлаго-ключа, къ западу, около дороги, стоитъ священный камень. Внизу у основанія камень имѣетъ форму цилиндра. Онъ какъ бы врытъ въ землю и, если это правда, — повидимому, на немалую глубину. Часть его надъ поверхностью — болѣе сажени высотой; говорятъ, что и въ глубину онъ врытъ настолько же. Если предположить, что въ

глубину онъ врыть только на 1—2 аршина (такая глубина необходима для поддержанія даннаго камня въ вертикальномъ положеніи), то получится каменный столбъ въ 4—5 арш. высотой, при $1\frac{1}{2}$ -аршинномъ діаметрѣ.

Камень окруженъ оградю изъ булыжника, ничѣмъ не сцементированнаго, отъ чего она часто разрушается, а возобновляется богомольцами. Противъ входа въ ограду на камнѣ замѣтны слѣды выбитаго лива (камень изъ мѣстной горной породы андизита).

Никто доподлинно не знаетъ, откуда взялся этотъ камень, и почему онъ здѣсь стоитъ уединенно въ лѣсу. Вокругъ него не замѣчается никакихъ развалинъ, никакого слѣда рукъ человѣческихъ. Предполагали здѣсь чью-либо могилу, что очень вѣроятно, но—чья бы это могла быть могила, никто не знаетъ.

Вотъ что старикъ-армянинъ рассказывалъ однажды объ этомъ памятникѣ старины.

Я слышалъ *это*—началъ онъ—отъ отца, а тотъ отъ своихъ родныхъ. Давно это было, очень давно! Быть можетъ, тысячу лѣтъ тому назадъ... Здѣсь жили грузины, а тамъ вонъ, за Храмомъ (рѣчка), было наше Армянское царство. Грузины и армяне тогда жили очень дружно, и вѣра была—*какъ одна*. У насъ тамъ на Армянскихъ горахъ были свои монастыри, а у грузинъ здѣсь свои. Жили всѣ мирно, безъ войнъ. Были сады, хорошія дороги, красивыя зданія, большіе города...

Но Богъ, въ наказаніе за наши грѣхи, послалъ намъ злыхъ враговъ: сначала персовъ, а потомъ и турокъ. Послѣ ужъ пришли еще *татары*, что теперь заняли Борчалу. Послѣдніе были самые свирѣпые: они мучили не только людей, но и звѣрей; они ничего не щадили и разорали города и сѣла до тла. Отъ нихъ оставалась одна черная земля.

Всѣ эти враги истребили здѣшнее населеніе, и край заглохъ. Оставшіеся въ живыхъ прятались въ щелкахъ и въ лѣсахъ и тоже поумирали,—съ голоду.

Въ это тяжёлое время уцѣлѣлъ какимъ-то чудомъ одинъ, не знаю—какой, монастырь за Храмомъ. Въ монастырѣ этомъ былъ одинъ *монахъ-богатырь*. Онъ былъ царскій сынъ. Силы у него было такъ много, что однажды онъ раздавилъ своего младшаго брата въ могучихъ объятіяхъ во время борьбы: потому-то вѣдь онъ и пошелъ въ монастырь. Здѣсь онъ много молился Богу, почти ничего не ѣлъ, мучилъ себя всячески, а силы въ немъ все прибывало да прибывало. Только вотъ однажды ночью во снѣ ему явился самъ Богъ и сказалъ: „Теперь настало тебѣ время искупить свой грѣхъ! На скалахъ по Храму ты найдешь камень, готовый для престола: возьми этотъ камень и отнеси на „святую гору“. Тамъ ты построишь Мнѣ храмъ“.

О какой горѣ сказалъ Богъ, никто, кромѣ этого монаха, не знаетъ. Быть можетъ, Онъ говорилъ объ Афонѣ, а можетъ быть, и о другой горѣ... Монахъ этотъ далъ обѣтъ исполнить волю Божью въ точности. Онъ простился съ товарищами, сказавъ имъ, что идетъ странствовать, по повелѣнію Бога. На скалахъ ущелья Храма онъ, дѣйствительно, нашелъ указанный Богомъ камень, взвалилъ его на спину и побрелъ дальше. Онъ не заботился о направленіи пути: Самъ Богъ указывалъ ему дорогу. Если же онъ пытался измѣнить путь по своему усмотрѣнію, то силы оставляли его, а камень становился такъ тяжёлъ, что богатырь-монахъ падалъ подъ нимъ; когда же онъ шелъ не глядя на дорогу, то почти не чувствовалъ тяжести на своей спинѣ. Онъ шелъ по мѣстности, разоренной непріателемъ. Оставшіеся въ живыхъ прятались въ лѣсахъ и трупобахъ, откуда выходили на опустошенныя поля только для того, чтобы набрать колосьевъ и уцѣлѣвшихъ плодовъ, для пропитанія.

На томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ камень, были поля, нивы. Здѣсь бродило нѣсколько монаховъ, уцѣлѣвшихъ отъ татарскаго погрома. Они встрѣтили богатыря съ камнемъ и

завязали съ нимъ разговоръ. Богатырь разсказалъ имъ о своемъ видѣннiи и о цѣли своего странствованiя.

— „Куда же ты, несчастный, пойдешь!“ возразили ему монахи: „вѣдь, всѣ дороги, всѣ мѣста здѣшнiя заняты непрiателемъ. Тамъ на западѣ свирѣпствуютъ турки, здѣсь татары и персы. Тебя убьютъ и надъ камнемъ святымъ надругаются. Лучше поидемъ съ нами въ скрытое мѣсто, гдѣ мы, лишенные крова, пречемъ со своимъ святымъ игуменомъ. Тамъ обождемъ нѣкоторое время, пока прекратится эта свирѣпая война, и тогда ты пойдешь дальше, съ благословенiемъ Бога и отца нашего игумена. А камень твой обратимъ пока здѣсь въ престолъ Божiй, и всѣ вмѣстѣ помолимся Создателю о превращенiи этой несчастной войны. Ты—богатырь; тебѣ же явился Богъ: Онъ тебѣ и поможетъ побѣдить враговъ. Оставайся же здѣсь, собери оставшихся въ живыхъ и защити ихъ отъ злыхъ враговъ!..“

Долго монахи убѣждали богатыря послушаться ихъ совѣта,—долго тотъ колебался, но, наконецъ, согласился на убѣжденiя монаховъ.

— „Пусть Самъ Господь Богъ разсудитъ“, сказалъ онъ: „правильно или неправильно поступаю я, соглашался на ваши просьбы“. Сказавъ это, онъ приподнялъ камень, чтобы пойти за монахами, но тутъ случилось чудо: силы оставили богатыря,—онъ рухнулъ на землю, которая подъ нимъ разступилась, а камень сталъ памятникомъ на его могилѣ. Монахи слышали стонъ богатыря, на спину котораго давилъ этотъ громадный каменный столбъ всею своею тяжестью, слышали, сквозъ слѣзы и стонъ, отчаянные его вопли о прощенiи и, объятые ужасомъ, разбѣжались.

И вотъ съ той поры, уже, можетъ быть, тысячу лѣтъ, лежитъ богатырь подъ этимъ камнемъ и все также плачетъ, и также молить Бога о прощенiи. Каждый годъ въ тотъ день, когда погибъ богатырь, вокругъ камня появляется не-

обыкновенный свѣтъ, прилетаетъ сюда ангелъ и плачетъ; плачетъ и святой камень и ждетъ, пока Богъ проститъ богатыря, который отнесетъ таки его въ назначенное мѣсто, на святую гору. Слезы ангела текутъ въ этотъ день по камню, а изъ-подъ камня слышатся стоны монаха. А наказалъ Богъ этого богатыря за то, что онъ не исполнилъ Его святой воли и своего обѣта. Развѣ допустилъ бы Богъ, чтобы святой камень и богатырь попали въ руки враговъ на поруганіе? Богатырь объ этомъ не подумалъ или усумнился въ силѣ Божьей, и вотъ онъ за это наказанъ. На страхъ другимъ ангелъ, по повелѣнію Бога, нарисовалъ на камнѣ лицо этого богатыря-мученика. И будетъ стоять этотъ камень здѣсь еще долго, долго, быть можетъ,—до страшнаго суда!..

Каждый годъ камень все глубже и глубже уходитъ въ землю; а русскіе говорятъ, что, когда онъ весь уйдетъ въ землю, то настанетъ конецъ этому міру; и тогда выйдетъ богатырь-мученикъ изъ-подъ камня и отнесетъ его на святую гору. А камень этотъ святой: его Самъ Господь избралъ для Своего престола. Молитвы этому камню Богъ принимаетъ, и много, говорятъ, чудесъ совершилось отъ молитвъ ему. Сказываютъ также, что, кто станетъ рыть землю подъ камнемъ, чтобы увидѣть и выручить богатыря, тому Богъ руки отниметъ...

Таково преданіе объ этомъ чудесномъ камнѣ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ къ камню стекались богомольцы изъ разныхъ мѣстъ Закавказья. Сюда привозили больныхъ для поклоненія истукану, чудеса совершающему. Лѣтомъ, въ день Ивана-купала, здѣсь собирався громадный таборъ богомольцевъ. Овцы и телята десятками приносились въ жертву Богу и камню. Священники однако не рѣшались отправлять службы около этого истукана, вслѣдствіе чего богомолье у камня очень близко напоминало бы идолопоклонство, особенно при шумныхъ играхъ, пляскѣ и пѣніи богомольцевъ. Отсутствіе

хотя бы древней церкви около камня мало-по-малу охладило рвеніе богомольцевъ, и теперь уже сюда больше не съѣзжаются. Но мѣстные жители, не исключая и русскихъ, молятся камню и по-прежнему вѣрятъ въ его чудотворную силу. Каждая молитва, по издавна принятому обычаю, заключается какимъ-либо подаркомъ камню. На деревьяхъ и кустахъ, окружающихъ ограду камня, виситъ множество разноцвѣтныхъ тряпиць, шнурковъ, веревокъ. Около камня находятъ и деньги, оставленные тайнымъ богомольцемъ. Иногда здѣсь лежатъ восковыя свѣчи и ладанъ, оставленные богомольцами.

Вообще съ камнемъ этимъ соединяется множество суевѣрій у мѣстныхъ жителей. Такъ, наприм., думаютъ, что камень можетъ исцѣлять многія болѣзни; для этого нужно только искренно помолиться у камня и попросить у Бога прощенія богатырю-монаху. Молиться слѣдуетъ тайно, чтобы никто не видѣлъ, а, помолившись, нужно оставить камню что-либо изъ одежды: если болитъ рука—лоскуть съ рукава, спина—лоскуть со спины, голова—платокъ и т. д. Деньги, свѣчи и ладанъ оставляются въ тѣхъ случаяхъ, когда молитва заключаетъ въ себѣ просьбу вообще о здоровьи, счастья, урожаѣ, дождѣ и т. п. Суевѣрные прохожіе и проѣзжающіе считаютъ непремѣнною обязанностью помолиться у камня: говорятъ, что, кто пройдетъ или проѣдетъ мимо камня безъ молитвы, съ тѣмъ случится несчастье въ пути. Мѣстные жители не разъ требовали отъ священниковъ крестнаго хода къ камню для прекращенія засухи, но священники не соглашались на это, къ глубокому прискорбію суевѣровъ.

Камни, подобные описанному, не—рѣдкость въ здѣшнемъ краѣ: ихъ можно встрѣтить почти въ каждой древней церкви (преимущественно, въ армянскихъ), гдѣ они служили престоломъ. На нѣкоторыхъ изъ нихъ сохраняются еще древнія надписи и рисунки. Въ развалинахъ крѣпости „Самшвилды“, въ 3-хъ верстахъ отъ Бѣлаго-ключа къ югу, есть древняя ар-

мянская церковь, въ которой разъ въ годъ, 15 августа, совершается торжественное богослуженіе. Въ этой церкви около сѣверной стѣны стоитъ тоже громадный камень, украшенный надписями и рисунками. Говорятъ, что эти надписи нельзя прочесть: онѣ, будто бы, составлены изъ буквъ многихъ языковъ. Камень этотъ, по преданію, въ томъ видѣ, какъ онъ есть, выпелъ самъ изъ нѣдръ земли во времена глубокой древности. Думаютъ, что письма начертаны ангеломъ, по повелѣнію Божію. На поклоненіе этому камню и на богомолье стекаются сотни народа разныхъ націй и, особенно, армянь. Камень украшается дорогими матеріями, разноцвѣтными лентами, цѣпочками, вѣнцами. Десятки восковыхъ свѣчъ тѣлятся предъ нимъ, какъ предъ образомъ. Молитвы ему помогаютъ также, по мнѣнію многихъ суевѣровъ, отъ разныхъ болѣзней. Рассказываютъ многіе случаи исцѣленій.

Такой же формы каменный столбъ стоитъ при входѣ въ развалины древняго города и крѣпости Самшвильды. Ему не поклоняются, но и про него говорятъ, что онъ выросъ изъ земли, какъ знаменіе Божіе, предвѣщавшее бѣды этому древнему городу, предъ разрушеніемъ его врагами.

Тутъ же, въ Самшвильды, на выступѣ скалы, къ рѣкѣ Храму, положены 3 большихъ камня, въ 500—600 пуд. вѣсомъ каждый, совершенно неправильной формы: они образуютъ гигантскій столбъ, грозящій ежеминутно упасть и раздавить прохожаго. Говорятъ, что столбъ этотъ стоитъ уже многіе вѣка на удивленіе потомкамъ.

Вотъ что рассказываютъ здѣсь объ этомъ. Когда-то въ Самшвильды жили три брата, — царскія дѣти. Всѣ они были одинаково сильны, одинаково умны и красивы. Отецъ любилъ ихъ всѣхъ одинаково, и ему казалось, что всѣ они имѣютъ равное право наследовать ему. Желая убѣдиться въ превосходствѣ кого-либо изъ нихъ, онъ устроилъ состязаніе.

Отецъ выбралъ три камня. Самый большой изъ нихъ

долженъ былъ взять старшій братъ и отнести его на мѣсто, указанное отцомъ. Онъ это исполнилъ. Камень средней величины взялъ средній братъ и, приподнявъ его до высоты плечъ, положилъ на камень старшаго брата. Этого и требовалъ отъ него отецъ. Камень наименьшей величины взялъ младшій и такъ ловко подбросилъ его вверхъ, что онъ упалъ на камень средняго. Такимъ-то образомъ всѣ три камня образовали этотъ большой столбъ. Состязаніе трехъ братьевъ убѣдило ихъ отца, что всѣ они одинаково сильны и одинаково достойны наследовать ему. И дѣйствительно, послѣ смерти отца, въ странѣ этой воцарились три брата, почему и городъ сталъ называться городомъ трехъ братьевъ (сами-швилисъ-калави).

Другое же названіе этому городу и крѣпости дали, какъ говорить, позднѣйшіе переселенцы, смѣшавъ названіе „Самишвили“, что значитъ *три сына*, съ выраженіемъ „Самишвильды“, что значитъ *три стрѣлы*.

Учитель Кутаисскаго городского
училища В. Тепцовъ.

Г. Кутаисъ.
1868 г.

ХІ. НѢСКОЛЬКО СВѢДѢНІЙ

о селеніи Куткашинѣ, Нухинскаго уѣзда, Елисаветпольской губерніи,

и

о народной медицинѣ въ Нухинскомъ уѣздѣ.

Селеніе Куткашинѣ, вѣроятно, по своему существованію восходитъ къ глухой древности. Самымъ названіемъ селенія подсказываются имя его основателя и національность первыхъ поселенцевъ. Происхожденіе этого названія и основаніе селенія темное преданіе связываетъ съ двумя братьями (армянами), Вартаномъ и Куткой, которые пришли въ Кабалинскій магалъ (нынѣ Бумское приставство) и основали здѣсь два селенія: Варташинѣ (Нухинскаго уѣзда) и Куткашинѣ. Послѣднее названіе состоитъ изъ собственнаго имени „Кутка“ (ԿուԿա) и армянскаго слова „шенъ“ (շեն — село) и значитъ село *Кутки*. Отсюда можно заключать, что и первоначальные жители этого села были армяне, но они были обращены въ магометанство, вѣроятно, въ короткое время, чѣмъ и объясняется, что у нихъ съ трудомъ можно было бы отыскать слѣды армянскихъ нравовъ и обычаевъ.

Изъ древностей описываемаго селенія можно отмѣтить старое заброшенное кладбище, съ могилами разнаго направленія и положенія, безъ надгробныхъ камней, и развалины какого-то неопредѣленнаго зданія. Зданіе это сохраняетъ до сихъ поръ прочный фундаментъ и отломки толстыхъ стѣнъ и куполовъ; жители относятъ его то къ бывшей мечети, по-

стронной арабскимъ полководцемъ Бабарутеномъ или Абу-Муслимомъ то къ багъ. Кладбище находится на сѣверо-западной сторонѣ селенія. Черезъ это кладбище протекаетъ рѣка Кара-чай. Вода и время сдѣлали свое дѣло: по размытымъ могиламъ валяются уже разложившіяся кости крупныхъ скелетовъ. Интересно, что народъ относитъ эти кости къ великанамъ (угузамъ, *اونوز اولوسى*).

Во время распространенія магометанства преемниками пророка Магомета, (въ 120 г. послѣ гиджры) арабскіе полководцы, Абу-Муслимъ и (сынъ третьяго халифа Османа) Бабарутенъ, изъ Ширванской долины пришли сюда, въ Кабалинскій магалъ; первый изъ нихъ двинулся въ Дагестанъ къ теперешнимъ лезгинамъ, а второй, именно Бабарутенъ—по Шекипской долинѣ, такъ называемой „Ахаръ-бахаръ“, и, остановился, наконецъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ въ настоящее время образовалось селеніе подъ его именемъ „Бабаратма“ (въ 20 верстахъ къ западу отъ города Нухи).

Къ востоку, въ верстѣ отъ селенія Куткашинъ, у подошвы горы „Джинкахъ“ (*جنگاه*), находится довольно большой плоскій камень, такъ называемый „Катырь-дирнаги“ (*قطر دیرناقی*) на немъ можно различать нѣсколько ямочекъ *въ видѣ* слѣдовъ отъ лошадиныхъ копытъ, отъ каблуконъ кошъ (*باشماق دبانى*) и отъ рукъ о пяти пальцахъ. Въ объясненіе этого рассказываютъ слѣдующее: когда одинъ изъ распространителей магометанства (вѣроятно, Бабарутенъ), во время своего похода остановившись на томъ мѣстѣ, совершилъ намазъ на кампѣ, то послѣдній сверхъестественной силой смягчился и получилъ слѣды эти...

И въ окрестностяхъ селенія есть кладбища; на каждомъ изъ нихъ покоится, какъ говорятъ, по одному святому (шейху), который придаетъ ему религіозный характеръ въ глазахъ народа: „пиръ-Занки“ (*پیر زنگو*), пиръ-Саларъ (*پیر سالار*), шейхъ-Ибрагимъ (*شیخ ابراهیم*), шейхъ-Таджи (*شیخ تاجی*), Шихидларъ (*شہیدلر*), шейхъ-Амиръ (*شیخ امیر*) и т. п.

Разсказываютъ, что однажды (въ 1877 году) нѣсколько солдатъ отправились на кладбище „пиръ-Занки“ собирать шишекъ (ازکل) и ежевики (بوردکن), которыхъ мѣстные жители не трогаютъ, считая это грѣхомъ. Одинъ изъ этихъ солдатъ, около могилы шейха, сталъ удовлетворять свою физическую потребность. Гнѣвный шейхъ не вытерпѣлъ такого къ себѣ неуваженія и, явившись въ формѣ привидѣнія, далъ пощечину солдату; онъ моментально скончался, сохранивъ на лицѣ слѣды удара святыхъ рукъ шейха.

Домашняя обстановка простого народа въ Нухинскомъ уѣздѣ далеко не соотвѣтствуетъ какому-либо гигиеническому условіямъ и требованіямъ, а напротивъ, способствуетъ явленіямъ всякой болѣзни эпидемическаго характера. Домъ, гдѣ помѣщается иногда громадное семейство, за немногими исключеніями, одноэтажный и состоитъ изъ одной, въ рѣдкихъ случаяхъ, изъ двухъ комнатъ. Комнаты эти низенькія, почти въ ростъ высокаго человѣка, съ одной дверью и маленькимъ, иногда открытымъ, отверстіемъ въ стѣнѣ, для прохожденія свѣта. Въ каждой комнатѣ по одному камину, труба котораго непосредственно выходитъ на чердакъ: отсюда—сильная тяга, сквознякъ для воздуха, продувающаго въ комнату изъ щелей двери и оконнаго отверстія.

Кухонь при домахъ не имѣется, пища же варится обыкновенно въ каминахъ жилыхъ комнатъ или въ маленькомъ углубленіи (устраиваемомъ въ серединѣ земляного пола), „ерьмангалы“ (یر منقالی), куда изъ каминна по мѣрѣ обжиганія дровъ переносится раскаленный уголь; поэтому-то воздухъ въ комнатѣ—вѣчно спертый и удушливый.

Стѣны и земляной полъ этихъ комнатъ обыкновенно всѣми хозяевами обмазываются растворомъ глины, такъ называс-

мымъ „шира“ (شیره), по крайней мѣрѣ по одному разу въ годъ, и эта штукатурка не засыхаетъ даже до слѣдующей смазки.

Всѣ отрасли хозяйства преимущественно производятся въ этихъ комнатахъ; здѣсь же нерѣдко можно встрѣчать лежащихъ больныхъ, а зимою и домашнихъ животныхъ, такъ-что эти комнаты замѣняютъ хозяевамъ и больницы, и хлѣва.

При такой обстановкѣ, при разной переменѣ температуры воздуха, при сырости и выдѣленіи вредныхъ для дыханія газовъ, отъ валяющагося кругомъ мусора, экскрементовъ животныхъ и даже самихъ хозяевъ, всякая болѣзнь будетъ имѣть острый хроническій и эпидемическій характеръ. Хотя жителямъ указываются санитарныя мѣры противъ господствующихъ болѣзней, но они обыкновенно не слѣдуютъ указаніямъ. Последнему мѣшаетъ и суевѣріе. Напр., болѣзни: оспа (جیسجک), корь (قریباچیق), тифъ пятнистый (ادزدن آزان), холера (دبا), чашотка, брюшной тифъ (طاللق), паршъ (کیسچل), чума и другія язвы и заразы, какъ говорится въ народѣ, должны пережить въ семьѣ, пока сами собою не прекратятся: онѣ переходятъ изъ одного дома въ другой, только по родству и свойству этихъ семействъ, а потому отдѣлять больныхъ отъ здоровыхъ членовъ семьи у нихъ обыкновенно считается дѣломъ мало-важнымъ.

Старожилы и знахари въ народѣ считаются опытными докторами и лѣчатъ больныхъ разнаго рода примитивными средствами.

1. Лѣченіе посредствомъ молитвы.

Къ захворавшему члену семьи приглашается духовное лицо (لا), которое, тутъ же въ-полголоса прочитавши какую-нибудь арабскую молитву (افسدت), продуваетъ ртомъ по лицу больного, а затѣмъ пишетъ на длинной лентѣ изъ бѣлой бумаги или изъ бѣлой шелковой ткани (آغ تانته) „талисманъ“ (لع)

и складываетъ его въ форму трехугольника. Получивъ за свой трудъ известное вознагражденіе (نذر),—безъ него талисманъ, вѣрять, теряетъ свою цѣлительную силу—лѣчащій приказываетъ роднымъ больного завернуть означенный талисманъ въ навосченую тряпочку и гришить его къ платю больного или повѣсить ему на шею. Иногда этотъ талисманъ, по назначенію лѣчащаго, разстилается на днѣ чашки съ водою, которую больной и выпиваетъ по глоткамъ.

2. Лѣченіе посредствомъ гаданья.

Про малосочнаго человѣка, во время лихорадочнаго состоянія, говорятъ, что онъ заколдованъ душою одного изъ умершихъ родственниковъ, въ наказаніе за то, что на поминкахъ его не было плова или халвы. Отъ этого колдовства спасаютъ старики или старухи, известные подъ именемъ „рухъ-олчанъ“ (روح اولچان) — „мѣрщики душъ“, или, просто, гадали. Къ нимъ, обыкновенно, вечеромъ, три дня сряду, носятъ отъ больного большой головной платокъ съ кусками хлѣба, соли, угля, сыру и луку (или чесноку). Гадатель, развернувъ платокъ на порогъ своихъ дверей, кладетъ въ него локоть правой руки, къ одному концу платка, и схватываетъ вдоль него рукою въ три перехвата. При этомъ онъ произноситъ слѣдующее: „измѣряю не собственною рукою, а рукою святого дѣдушки (или святой бабушки)“. Форма заклинанія имѣетъ, очевидно, связь съ тѣмъ фактомъ, что, по мнѣнію простого народа, гадали *наслѣдуютъ* свое искусство: мужчины—отъ своихъ дѣдушекъ, а женщины—отъ бабушекъ. Далѣе гадатель завязываетъ по части отъ всѣхъ означенныхъ выше кусковъ въ платокъ и принесшему узелокъ поручаетъ отнести его къ больному: здѣсь, ни слова не говоря ему, нужно ударить больного по спинѣ этимъ узелкомъ и положить его подъ головою страдающаго; часть выдѣленная для больного, чуть

свѣтъ, безъ посторонняго наблюденія, выбрасывается на соседнее кладбище, а другая часть хранится у гадалея, пока троекратно не совершится обрядъ, въ выше изложенномъ порядкѣ. Въ четвертый день отгадывается имя покойника, душа котораго заколдовала члена семейства, гдѣ въ поминки его не сварилось плова или халвы.

Между тѣмъ самое угадываніе имени покойника происходитъ такимъ образомъ: каждый кусокъ, оставленный у гадалея, носитъ имя одного изъ усопшихъ родственниковъ больного: такъ, напримѣръ, хлѣбъ — названіе отца или дяди, соль — матери или бабушки, уголь — дяди, лукъ — брата и т. п. Гадалецъ, разставивъ эти куски на одинаковомъ другъ отъ друга разстояніи, по окружности начерченнаго на землѣ круга, опускаетъ, приблизительно, въ центръ его отвѣсъ, слегка касающійся земли, и поднимаетъ его вверхъ на два вершка отъ земли. Если при этомъ произвольное качаніе или движеніе отвѣса, происходящее чрезъ отдѣленіе его отъ точки опоры, будетъ стремиться въ куску, напр., угля, то оно означаетъ, что больной заколдованъ душою умершаго отца или дяди и т. п.

Для поминокъ отгаданнаго усопшаго, точно такимъ же образомъ опредѣляется, какой должно пловъ сварить, только съ тою разницею, что куски хлѣба, соли и др. носятъ названія плова.

Послѣ этого гадалецъ назначаетъ больному теплую ванну съ растворомъ (горсти въ двѣ) земли, взятой отъ могилы отгаданнаго усопшаго, и угощеніе бѣдныхъ пловомъ.

3. Посѣщеніе святыхъ мѣстъ.

Во многихъ случаяхъ, смотря по характеру болѣзни, отправляютъ больныхъ на „святыхъ мѣста“ („пиръ“, *с.*). Обыкновенно такими мѣстами являются вѣковое дерево или большой камень. Такъ, напр., лихорадочныхъ берутъ на „святое мѣсто лихо-

радди“ (اوستند بر), кашляющихъ— на „св. мѣсто кашля“ (اوکسورمد بر) и т. п. Больной, обойдя три раза означенный пирь, долженъ выпить воды съ растворомъ земли, взятой изъ-подъ камня или дерева (смотря по тому, что здѣсь является пиромъ), и затѣмъ привязать къ пиру тряпочку, оторванную отъ платья, въ которомъ застигла его болѣзнь: съ такой тряпочкой болѣзнь оставляется на этомъ мѣстѣ.

4. Лѣнство противъ лихорадки.

Противъ продолжительной или періодической лихорадки дается арбузный сокъ, а гѣло больного обтирается винограднымъ уксусомъ. Иногда съ арбузнымъ сокомъ смѣшивается мѣдь и въ арбузной скорлупѣ оставляется въ продолженіе ночи на открытомъ воздухѣ, а затѣмъ натощая эта смѣсь дается лихорадочному, для возбужденія въ немъ рвоты, чтобы прекратить разлитіе желчи (سنرا).

Въ подобныхъ случаяхъ больной, исключительно, весною еще глотаетъ нѣсколько штукъ свѣжей орѣховой или гранатной завязи, когда она бываетъ величиною съ горошину.

5. Способъ избавленія отъ желтухи.

Одинъ молодой человекъ, изъ хорошей фамиліи, при собираніи мною свѣдѣній, по сему предмету, рассказалъ мнѣ слѣдующее:

Продолжительная желтуха *)—говорилъ онъ—надоѣла мнѣ: я усталъ лежать въ постели. Вотъ почему я разъ вышелъ, хоть и съ трудомъ, на улицу. Тутъ одинъ старичокъ, человекъ довольно почтенный, мимоходомъ подошелъ ко мнѣ: вѣроятно, какъ я подумалъ сначала, онъ хочетъ спросить о мо-

---

*) Въ рукописи въ данномъ мѣстѣ стоитъ реченіе „лихорадка“: очевидно, лѣчебныя средства подъ № 5 и подъ № 4 направлены противъ разновидностей одной и той же болѣзни, известной подъ общимъ именемъ „лихорадки“. *Ред.*

емъ здоровьи. Не говоря ни слова, снѣ, къ ужасу моему, нанесъ мнѣ по лицу ударъ, котораго я, какъ человѣкъ ослабленный болѣзнию, не выдержалъ, — я упалъ наземь. Страшно оскорбленный и раздраженный, поднялся я, съ трудомъ, на ноги и хотѣлъ отомстить старику. Но старикъ такъ разъяснилъ мнѣ свое дѣйствіе:

— „Дорогой мой! ты страдаешь желтухой! Чтобы спасти тебя отъ нея, нужно напугать тебя, именно — панесеніемъ неожиданнаго удара“.

Кромѣ такого средства противъ желтухи, есть еще, напр., подобное: желтушному больному даютъ натошакъ, сряду 20 дней, соку изъ барбарисовыхъ ягодъ и надѣваютъ на руку нить изъ ваты, съ семью узлами и съ однимъ жѣлтымъ стекляннымъ шарикомъ (ساری منجق).

6. Способъ лѣченія отъ головной боли.

Продолжительная головная боль — думаютъ — происходитъ отъ слабого соединенія между собою всѣхъ частей черепной кости (باشی کورتون). „Головоправъ“ (*), положивъ на голову больного какую-нибудь тяжесть (напр., кувшинчикъ, полный воды) (دولی آفتابه), завручиваетъ обвязанную вокругъ его головы ленточку довольно длинной, но тонкой палочкой (ادخلای) до тѣхъ поръ, пока лента крѣпко не прижметъ боковыхъ частей головы; а въ это время кувшинъ давить сверху внизъ. При такомъ давленіи съ разныхъ сторонъ, голова укрѣпляется, и проходитъ боль.

7. Способъ избавленія отъ колотья.

Колотье (سانجی) обыкновенно уничтожается „стрѣлками колотья“ (سانجی آتان). Дѣлается это такъ. Къ больному боку страда-

---

*) Неупотребительное реченіе „головоправъ“ редація допускаетъ только ради того, чтобы выразить татарское понятіе: извѣстное реченіе „костопраръ“ не соответствовало бы цѣли.

ющаго прикладывается деревянная посудина (تکند تاطبق); стрѣловъ же, засучивъ рукава и, затѣмъ, взявъ въ руки лукъ и стрѣлу, ходитъ около больного.

— „Куда идешь?“ спрашиваетъ его одинъ изъ присутствующихъ.

— „Я иду стрѣлять колотье!“

— „Да гдѣ жъ оно?“

— „Вотъ гдѣ!“

Въ это время онъ три раза пускаетъ изъ лука по стрѣлѣ въ посудину, и боль мгновенно прекращается...

8. Лѣкарство противъ ушной боли.

Противъ боли въ ухахъ, въ ушные отверстія впускаютъ нѣсколько капель нагрѣтаго масла, котораго нужно взять у сосѣда, еще не слыжавшаго объ этой боли.

Смотритель Куткашинскаго сельскаго
училища *Рашидъ-бекъ-Эфендіевъ.*

Сел. Куткашинъ.
1887 г.

ХІІ. ИЗЪ НАРОДНОЙ СЛОВЕСНОСТИ

у шапсуговъ *).

1. Адемирканъ.

Адемирканъ **) былъ изъ рода Беслановыхъ **). Родился онъ слѣдующимъ образомъ. Одинъ изъ князей Беслановыхъ взялъ къ себѣ въ домъ одну красивую дѣвушку изъ своихъ холоповъ, въ качествѣ прислуги. Когда онъ умиралъ, то позвалъ къ себѣ родственниковъ своихъ, князей Тамбиевыхъ, и, сдѣлавъ разныя распоряженія, завѣщалъ имъ, между прочимъ, выдѣлить долю изъ его наслѣдства и тому ребенку, которымъ должна разрѣшиться взятая имъ въ домъ дѣвушка-холопка, и, если ребенокъ тотъ будетъ мальчикъ, считать его изъ фамиліи Беслановыхъ.

Послѣ смерти князя родился мальчикъ, котораго называли Адемирканомъ. Беслановы не хотѣли и слышать о признаніи его потомкомъ изъ ихъ фамиліи, считая его незаконнорожденнымъ. Но Тамбиевы, у которыхъ мальчикъ находился на воспитаніи по желанію умершаго отца, настояли на выполненіи воли покойнаго, высказанной имъ при смерти:

---

*) „Адемирканъ“ и „Хитрая вдова“ записаны въ аулѣ Гривенско-черкесскомъ (Кубанской области, Темрюкского отдѣла). 1888 г.—*Собират.*

**) Праволисаніе данныхъ словъ, ради единства, взято редакціею изъ VII вып. „Сборника матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа“ (статья Л. Г. Лопатинскаго: подъ № II, Отд. II), вмѣсто транскрипціи г. Кайтмазова (Айдамирканъ; Бесленевы).

Адемиркану насильно выдѣлили, хоть и небольшую, часть отцовскаго наслѣдства.

Находясь все время у Тамбиевыхъ, Адемирканъ достигъ того возраста, когда молодые люди обыкновенно начинали „хаджретствовать“ (хаджретъ—*наѣздникъ*). Пришла и для него первая весна! Каждый изъ князей и узденей, взявъ съ собой болѣе храбрыхъ и смѣтливыхъ холоповъ, отправился въ наѣздничество. Взявъ нѣсколько человекъ изъ своихъ людей, поѣхалъ искать счастья и Адемирканъ. Но ему не везло: нѣсколько недѣль онъ разъѣжалъ уже, а добычи—никакой, и люди Адемиркана втихомолку жаловались другъ другу на своего князя.

Однажды хаджреты остановились почевать въ одномъ домѣ. Когда поужинали, Адемирканъ вышелъ на дворъ. Въ это время его люди опять стали роптать на своего „незаконно-рожденнаго, несчастливаго князя“; Адемирканъ услышалъ это въ окно. Нахмуренный вошелъ онъ въ домъ, вынулъ свою *гамаль* (молитвы изъ Корана, зашитыя въ маленькую-сумочку изъ сафьяна) и заклилъ ею того изъ своихъ людей, кто оставить этотъ домъ до его возвращенія; самъ же, велѣвъ осѣдлать лошадь, выѣхалъ со двора.

Ѣхалъ онъ почь, день,—другую ночь и другой день... Ѣхалъ долго,—все нѣтъ ничего. Наконецъ, въ одной степи, подъ вечеръ, онъ увидѣлъ по снѣгу необыкновенный слѣдъ: въ снѣгу были углубленія, подобныя тѣмъ, которыя обыкновенно образуются отъ палки, и больше—ни слѣдовъ человека, ни лошади,—ничего!.. Адемирканъ очень заинтересовался этимъ и рѣшился непременно узнать, что оставило этотъ слѣдъ: онъ поѣхалъ туда, куда велъ слѣдъ. Такъ онъ доѣхалъ по слѣду до одного лѣса, когда ужъ стемнѣло.

Тутъ Адемирканъ слѣзъ съ лошади, стреножилъ ее и пустилъ пастись, а самъ прилегъ въ своей буркѣ, желая дожидаться утра. Настало утро. Онъ сѣлъ на лошадь и опять

поѣхалъ по слѣду; чрезъ нѣкоторое разстояніе предъ нимъ открылась среди лѣса ровная поляна, на которой онъ увидѣлъ домъ. Не зная, что это за домъ, какіе въ немъ живутъ люди, Адемирканъ забрался въ кусты, слѣзъ съ лошади и рѣшился ждать, не выйдетъ ли кто-нибудь оттуда.

Немного пришлось ему ждать: изъ дома выбѣжала собачка и направилась въ его сторону; за ней появился великанъ, съ шашкой въ рукѣ, и тоже пошелъ за собачкой. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ кустовъ, гдѣ сидѣлъ Адемирканъ собачка сдѣлала стойку, а потомъ вдругъ кинулась назадъ съ лаемъ, навстрѣчу великану. Великанъ подошелъ къ кустамъ и, увидѣвъ незнакомаго человѣка, выхватилъ шашку и бросился на него. Но Адемирканъ тоже обнажилъ свою, и они вступили въ бой. Скоро Адемирканъ одолѣлъ: ловкимъ ударомъ онъ отрубилъ великану голову, совсѣмъ не допустивъ его шашки до себя. Снѣгъ обогрился кровью великана. Адемирканъ взялъ его голову и положилъ около себя, а тѣло бросилъ въ кусты. Собачка съ лаемъ побѣжала назадъ въ домъ. Спустя немного времени, изъ дома вышелъ другой великанъ, тоже съ шашкой, и направился за собачкой: увидѣвъ на снѣгу кровь и голову своего брата около Адемиркана, онъ бросился на незнакомца, желая его разрубить шашкой. Но Адемирканъ отскочилъ въ сторону и потомъ такъ ловко ударилъ великана шашкой, что голова его покатилась въ одну сторону, а туловище въ другую. Онъ взялъ и его голову и положилъ около себя, а самъ присѣлъ.

Собачка опять съ лаемъ побѣжала домой. Сидитъ Адемирканъ и дожидается. Вотъ выходитъ изъ того же дома великанъ, гораздо больше и страшнѣе двухъ первыхъ. Онъ подошелъ къ Адемиркану и, увидѣвъ около него кровь и головы своихъ братьевъ, вынулъ изъ ноженъ свою громадную шашку и замахнулся, чтобы разсѣчь его пополамъ. Но Адемирканъ предупредилъ его и такъ же, какъ и первымъ, отрубилъ

ему голову и положилъ ее вмѣстѣ съ другими. Собака опять побѣжала назадъ, но никто уже изъ дома не показывался. Адемирканъ сѣлъ и ждетъ, что будетъ дальше. Сидѣлъ онъ долго, но все не было никого. Тогда онъ подошелъ къ дому и заглянулъ вовнутрь его:—не видно и не слышно никого...

Тутъ Адемирканъ вошелъ въ домъ. По стѣнамъ его было развѣшено оружіе великановъ, а вдоль стѣнъ расположены сундуки. Желая узнать, что въ нихъ находится, Адемирканъ открылъ одинъ изъ нихъ и былъ пораженъ: сундукъ былъ наполненъ золотомъ и серебромъ; открылъ другой—то же самое; третій, четвертый—все то же, и т. д.

Потомъ Адемирканъ вышелъ изъ дому и направился осматривать конюшню, гдѣ увидѣлъ трехъ рослыхъ красивыхъ лошадей. Одна изъ нихъ была особенно замѣчательна: это—богатырски сложенная *кобылица, съ собачьими лапами*. Адемирканъ взялъ лошадей, навьючилъ ихъ самымъ лучшимъ изъ сокровищъ великановъ и отправился въ путь. Долго-долго Адемирканъ ѣхалъ, пока, наконецъ, не прибылъ опять на то мѣсто, гдѣ онъ оставилъ своихъ холоповъ: онъ засталъ ихъ тамъ ожидавшими его. Несказанно они обрадовались такому неожиданному счастью. Когда они стали дѣлить добычу, то самое лучшее выбрали для Адемиркана; но онъ не принялъ: „Вамъ можетъ быть не довольно будетъ?“... свазалъ онъ, съ укоризной, и взялъ себѣ только кобылицу-*Жеманшарыкъ*.

Веселые, довольные добычей, возвратились хаджреты домой, гдѣ много рассказывали о храбрости и умѣ своего славнаго князя, показывая при этомъ три головы великановъ, отрубленные имъ въ единоборствѣ. Народъ, услышавъ о богатой добычѣ и побѣдѣ Адемиркана надъ великанами, удивлялся ему; молва о немъ разнеслась далеко; всѣ удивлялись также необыкновенной силѣ и быстротѣ Жеманшарыка.

Адемирканъ все еще находился у Тамбѣевыхъ. Но одна-

жды онъ задумалъ навѣстить своихъ родственниковъ, Беслановыхъ, несмотря на то, что они не признавали его и теперь своимъ однофамильцемъ, а тѣмъ болѣе въяземъ, хотя уже сдерживались высказывать то, что имѣли на душѣ.

Отправясь въ ауль Беслановыхъ, Адемирканъ на дорогѣ встрѣтился съ однимъ изъ нихъ, княземъ *Ицѣпца*, ѣхавшимъ на охоту, въ экипажѣ. Бездѣтный *Ицѣпца* очень любилъ Адемиркана еще ребенкомъ и тѣмъ болѣе теперь искалъ случая приблизить его къ себѣ; поэтому онъ очень обрадовался, встрѣтивъ Адемиркана, и пригласилъ его съ собой на охоту. У *Ицѣпцы* былъ славный лукъ: онъ хотѣлъ подарить его Адемиркану, полагая, что это ему будетъ пріятно.

— „Покажи-ка мнѣ свой лукъ“, сказалъ онъ ему; Адемирканъ передалъ ему свой лукъ. „Э! слабъ твой лукъ“, отозвался *Ицѣпца*, натянувъ лукъ за тетиву:—сгибается, какъ вѣтка!.. На-ка, посмотри мой“. Адемиркану очень непріятна была такая безцеремонность, но все-таки онъ взялъ лукъ *Ицѣпцы* въ руки, посмотрѣлъ на него и, ничего не сказавъ, возвратилъ хозяину. Беслановъ же предполагалъ, что Адемирканъ похвалитъ его лукъ, но онъ ошибся и остался не доволенъ своимъ родственникомъ.

Прибывъ на мѣсто охоты, разѣхались охотники по лѣсу, вмѣстѣ съ нимъ, и Адемирканъ. *Ицѣпца* же сталъ на самомъ удобномъ мѣстѣ, куда товарищи должны были выгонять на него звѣря. Охотники выгнали на *Ицѣпцу* громаднаго кабана. Адемирканъ замѣтилъ его еще издали, прищипорилъ Жеманшарыка, и кобылица, какъ вихрь, въ одинъ мигъ очутилась тамъ, гдѣ находился *Ицѣпца*, и куда ужъ добѣжалъ кабанъ. Тутъ Адемирканъ выхватилъ свой лукъ и пустилъ стрѣлу въ кабана. Стрѣла прошла сквозъ кабана, „просквозила“ ободъ колеса и ушла въ землю по самымъ перья. *Ицѣпцѣ* крѣпко это не понравилось; но въ немъ отъ гнѣва, просто, закипѣла кровь, когда Адемирканъ еще сказалъ ему:

„Если слабъ мой лукъ, то сильна рука, *госапсз*“ *). Беслановъ ничего не сказалъ, но рѣшился употребить всѣ средства, чтобы погубить его.

Справиться съ Адемирканомъ открытой силой было трудно: онъ былъ храбръ, къ тому же, никогда не разставался съ оружіемъ и никому не довѣрялся, кромѣ своего друга, Камболета. Камболеть, въ свою очередь, любилъ Адемиркана, „какъ свой глазъ“. Пцѣнца зналъ это. Камболеть же былъ ему зять, и вотъ онъ задумалъ убить Адемиркана чрезъ него. Однажды онъ послалъ за Камболетомъ; тотъ явился. Беслановъ сказалъ ему:

— „Я хочу взять у тебя душу или глаза: подумай и отвѣчай мнѣ, что изъ нихъ важнѣе для тебя, и что хочешь отдать мнѣ“.

— „Если я отдамъ тебѣ душу, то я—мертвый, уже не человѣкъ; но, если ты возьмешь у меня глаза, то, хоть и слѣпого, будутъ еще кормить меня, по крайней мѣрѣ мои холопы“,—такъ отвѣчалъ Камболеть, не зная, въ чемъ дѣло.

Тогда Пцѣнца взялъ свою *гамаиль*, отдалъ ее Камболету и сказалъ, чтобы тотъ повялся ею въ томъ, что онъ исполнить все то, что скажетъ ему онъ, Пцѣнца. Камболеть колебался, но ему, зятю, стыдно было отказать отъ просьбы тестя, и онъ повялся. Тутъ Беслановъ сказалъ ему, что онъ долженъ убить Адемиркана: „Если ты послѣ твоей клятвы не уничтожишь своего глаза, то душой отвѣчаешь предъ Богомъ“,—добавилъ онъ. Горько стало Камболету, но дѣлать было нечего: онъ, вѣдь, обѣщался...

Однажды Камболеть посылаетъ за Адемирканомъ; когда онъ пріѣхалъ, Камболеть сказалъ ему: „Предвидѣлась въ одномъ мѣстѣ добыча, и потому я послалъ за тобой, но, такъ какъ обстоятельства измѣнились, то нужно будетъ нѣкоторое

---

*) *Госапсз*—баба-князь: Адемирканъ такъ назвалъ Пцѣнца потому, что онъ поѣхалъ на охоту въ экипажѣ. *Собират.*

время переждать, а для развлечения, если хочешь, пойдём завтра на охоту". Адемирканъ согласился.

На другой день отправились на охоту. Для Адемиркана нарочно выбрали плохую лошадь, а Жеманшарыка посоветовали оставить дома. Всѣ охотники направились къ лѣсу, гдѣ заранѣ спрятались люди, которые должны были убить Адемиркана. Когда они приблизились къ тому именно мѣсту, гдѣ была засада, то Камбоletz не выдержалъ, и у него изъ глазъ показались слѣзы; онъ отеръ глаза рукавомъ.

— „Что съ тобой?“ спросилъ его Адемирканъ.

— „Ничего“, отвѣтилъ Камбоletz: „глаза болятъ отъ вѣтра“.

Когда Камбоletz вторично сталъ утирать слѣзы, Адемирканъ недовѣрчиво спросилъ его:

— „Ты говоришь—отъ вѣтра болятъ у тебя глаза, а вѣтра почти нѣтъ! Ты, кажется, плачешь?... отчего?“

Камбоletz ничего не отвѣчалъ, но у него еще больше покатылись слѣзы, и онъ отвернулся въ другую сторону, чтобы скрыть это.

— „Не плачь, Камбоletz!“ такъ заговорилъ Адемирканъ, понявъ измѣну Камболета: „отъ этого все равно пользы больше не будетъ: ты сдѣлалъ, что сдѣлалъ, и лучше отъѣзжай дальше, чтобы глаза мои не видѣли тебя“. Тутъ онъ повернулъ лошадь въ другую сторону; но въ это время на него бросились спрятавшіеся въ лѣсу люди. Адемирканъ сталъ обороняться. Убійцы его сломали ему издали стрѣлами бедра, и онъ упалъ, но все-таки никого близко къ себѣ не подпускалъ.

Между тѣмъ Жеманшарыкъ почувала бѣду своему господину и, проломавъ стѣну конюшни, прискакала къ нему, стала около него и начала ржать. Но Адемирканъ встать ужъ не могъ. Тогда она упала предъ нимъ на колѣни. Адемирканъ все-таки не въ состояніи былъ сѣсть на нее; тутъ онъ

обнялъ ее за шею, поцѣловаль въ лобъ, погладилъ и сказалъ: „Отъ меня не жди ужъ ничего—я не твой, ты—не моя, попадись другому, достойному тебя, сѣдоку“. Жеманшарыкъ вскочила, заржала изо-всей мочи и скрылась изъ виду... Адемирканъ умеръ...

2. Хитрая вдова.

Пробывъ нѣсколько лѣтъ въ работникахъ, одинъ парень получилъ сразу триста рублей. „Куда теперь дѣвать такое богатство; гдѣ его сохранить?“ думаль онъ про себя: „Носить всюду съ собой неудобно,—пожалуй, еще потеряешь; положить гдѣ-нибудь—украдутъ. Давай, отдамъ деньги нашему муллѣ на сохраненіе: онъ такой хорошій человекъ,—его все хвалятъ!...“ Понесъ парень свои триста рублей и отдалъ муллѣ на сохраненіе. Черезъ нѣсколько времени ему понадобилось пять рублей; онъ приходитъ къ муллѣ и говоритъ:

— „Дай, мулла, пять рублей изъ моихъ денегъ,—мнѣ нужно“.

— „Изъ какихъ твоихъ денегъ?“ спрашиваетъ мулла.

— „Да изъ тѣхъ трехсотъ рублей, которые я отдалъ тебѣ на храненіе!“

— „Убирайся вонъ!“ закричалъ на него мулла: „ты мнѣ ничего не давалъ“.

Пошелъ парень ни съ чѣмъ и сталъ горевать. Въ сѣдствѣ съ нимъ жила молодая вдова. Она давно любила красиваго парня, но скрывала это даже отъ него самого. Молодая женщина сейчас же замѣтила, что съ парнемъ случилось что-то неладное: онъ прежде былъ такой веселый,—бывало, шутить, напѣваетъ пѣсни, а теперь сдѣлался вдругъ скучный, хмурый. Вотъ однажды она нарочно сдѣлала такъ, что они встрѣтились, и спрашиваетъ его:

— „Что это случилось съ тобой, что ты сталъ такой скучный?“

— „Ничего...“

— „Что ты скрываешь? Скажи!“

— „Все равно, ты ничего мнѣ не поможешь.“

— „А все-таки скажи“.

— „Ты спрашиваешь: что я такой хмурый? Какъ мнѣ не хмуриться—не печалиться: пропали труды мои за столько лѣтъ!.. Я заработалъ триста рублей и отдалъ ихъ на храненіе нашему муллѣ, а онъ теперь отказывается,—говорить, что я ему ничего не отдавалъ“.

— „Не горюй: ты далъ ему триста рублей, а получишь шестьсотъ“,—говорить ему вдова.

— „Какъ это?“

— „Это мое дѣло... Ты наблюдай завтра утромъ за мной: я пойду къ муллѣ; когда войду въ домъ его, ты тоже, немного погодя, входи и скажи ему, чтобъ онъ возвратилъ тебѣ тѣ 600 руб., которые ты будто бы отдавалъ на сохраненіе“. Тутъ молодая женщина пошла домой.

На другой день утромъ она, собравшись къ муллѣ, сказала своей служанкѣ: „Я пойду къ нашему муллѣ; когда я войду въ домъ его, то послѣ меня войдетъ туда же и одинъ мужчина; немного погодя, вбѣгай туда и ты и, хлопая въ ладоши, танцуя и смѣясь, говори мнѣ, что будто бы мой мужъ пріѣхалъ, и зови меня домой!“ Затѣмъ она взяла ящичекъ и отправилась къ муллѣ. Здѣсь она сказала ему: „Вотъ уже семь лѣтъ, какъ мужъ мой уѣхалъ въ Мекку на поклоненіе гробу Пророка, и я не имѣю отъ него никакихъ извѣстій. Когда онъ уѣзжалъ, то оставилъ мнѣ вотъ этотъ ящичекъ и строго приказалъ беречь, чтобы его не украли: я берегла его до сихъ поръ, но теперь мнѣ совершенно не возможно продолжать это, такъ-какъ нужно пить и ѣсть, а я, боясь за сундукъ, не могу отлучиться изъ дому; потому,

прошу тебя, мулла,—не откажи припить его на сохраненіе до возвращенія моего мужа...”

Какъ только она кончила говорить, въ домъ вошелъ парень, который отдалъ муллѣ на храненіе 300 руб.; вошелъ онъ и говорить муллѣ: „Дай мнѣ тѣ 600 руб., которые я отдалъ тебѣ на храненіе,—они мнѣ повадобились“. Мулла, чтобы показать молодой женщицѣ, какъ онъ честенъ, сейчасъ же побѣжалъ, принесъ 600 руб. и отдалъ парню. Какъ разъ въ это время вбѣжала въ комнату служанка вдовы и, хлопая въ ладоши, смѣясь и танцуя отъ радости, кричала молодой женщицѣ, что ея мужъ возвратился изъ Мекки. Молодая вдова, какъ будто тоже обрадовавшись, стала танцовать,—стала танцовать и парень; началъ танцовать и мулла. Тогда молодая женщина и говорить ему: „Я и служанка моя танцуемъ, потому-что возвратился нашъ хозяинъ, парень танцуетъ, потому-что получилъ свои деньги *вдвойнѣ*, а ты-то, мулла, чему обрадовался?“ Тутъ мулла попялъ, что его обманули, и пересталъ танцовать. Когда же ушли молодая вдова съ служанкой и парень, онъ рассказалъ своей жепѣ о томъ, какъ его провели; а жена говорить: „Постой!.. Парень взялъ у тебя 600 руб., а отдастъ 900“.

На другой день жена муллы перемѣнила свою одежду, надѣла худшую, запачкала себѣ лицо сажей и, встрѣтившись на улицѣ съ парнемъ, пристала къ нему, называя его своимъ мужемъ и требуя, чтобы онъ взялъ ее къ себѣ. Парень не хотѣлъ и слышать, говоря, что никакой жены у него не было. Тогда она пожаловалась судѣ. Судья позвалъ парня и велѣлъ ему взять къ себѣ жену, но парень увѣрялъ, что онъ никогда не былъ женатъ, что онъ холостой, и потому отказывался взять къ себѣ эту женщину. Жена же муллы увѣряла судью, что парень—ея мужъ, и требовала, чтобы онъ или взялъ ее къ себѣ, или же далъ ей 900 руб. Нечего было дѣлать: парень отдалъ 600 руб., которые взялъ у муллы. Но

гдѣ же взять недостающіе 300 руб.? Судья помогъ парню; онъ далъ ему 300 руб. съ тѣмъ, чтобы онъ пробылъ у него три года, въ качествѣ работника. Такъ жена муллы получила 900 руб. и пошла домой. Объ этомъ узнала молодая вдова и, встрѣтившись съ парнемъ, сказала ему:

— „Это надула тебя жена муллы, но не горюй! Отдалъ ты 900 руб., а получишь 1200“.

— „Какимъ это образомъ?“ спрашиваетъ парень.

— „А вотъ какъ“, отвѣчаетъ молодая женщина: „когда завтра два сына муллы будутъ проходить мимо дома судьи на учебѣ къ кади, ты возьми ихъ къ судѣ и пожалуйся, что у тебя отнимаютъ сыновей“. Парень такъ и сдѣлалъ. Когда жена муллы узнала о случившемся, то, переѣнивъ опять платье, пошла къ судѣ и просила отпустить ее сыновей. Судья отвѣтилъ, что по шаріату дѣти принадлежать отцу, и что онъ ничего не можетъ сдѣлать, тѣмъ болѣе, что она согласилась оставить мужа, получивъ отъ него 900 руб. Тогда она стала просить парня уступить ей дѣтей, за что обѣщалась заплатить ему. Парень согласился, но запросилъ за это 1200 руб. Нечего было дѣлать: жена муллы пошла домой, принесла 1200 руб. и отдала ихъ парню, а сыновей взяла.

— „Постой же, говорила она, пришедши домой и скрежеща зубами: „онъ взялъ съ меня 1200 руб., а я ухитрюсь получить отъ него 1500 рублей!“

— „Да пусть очутится онъ подъ седьмой землей!... Оставь его, а то выйдетъ еще хуже“, кричалъ на нее мулла со злости.

Обрадовался нашъ парень. И какъ было не обрадоваться! Онъ теперь владѣтель такой большой суммы денегъ!.. Онъ возвратилъ судѣ его 300 руб.; сдѣлался опять свободнымъ, женился на молодой вдовѣ, и они зажили счастливо: построили новый домъ, купили быковъ, коровъ, лошадей, словомъ,

обзавелись полнымъ хозяйствомъ, и у нихъ даже осталось еще нѣсколько сотенъ рублей. На эти деньги они открыли лавочку, съ разной мелочью. Лавочка находилась недалеко отъ княжескаго дома; въ нее часто заходили красавицы, княжескія дочери, для мелкихъ покупокъ.

Однажды приходитъ туда старшая дочь князя. Въ это время въ лавкѣ сидѣлъ красивый молодець-узденъ, напрасно сватавшійся за эту дочь князя: князь отказалъ ему, несмотря на желаніе дочери выйти за него замужъ. Дочь князя сдѣлала въ лавочкѣ кое-какія покупки и пошла домой, забывъ свой шелковый ручной платокъ на стойкѣ. Когда она отошла отъ лавочки, хозяинъ-застойщикъ, примѣтивъ платокъ, окликнулъ ее, но она не слыхала или, можетъ быть, сдѣлала видъ что не слышитъ. Послѣ этого пришла въ лавку его жена, и онъ сказалъ ей, что старшая дочь князя, сдѣлавъ покупки, забыла свой платокъ въ лавочкѣ; что, хотя онъ ее и окликнулъ, она не слыхала, такъ-что платокъ нужно снести ей на домъ.

— „А-а! ты не понимаешь, какъ видно, что означаетъ забытый платокъ, и почему она не слыхала, хотя ты ей кричалъ!“ сказала лавочнику жена.

Потомъ она обратилась къ сидѣвшему тутъ же узденю и сказала ему, чтобы онъ отнесъ платокъ княжеской дочери и дожидался во дворѣ, пока она не покажется у окна: тутъ онъ ей и покажетъ платокъ. Тотъ такъ и сдѣлалъ. Какъ только онъ пришелъ на княжескій дворъ, увидѣлъ дочь князя, стоявшую у окна, и показалъ ей платокъ. Она повернулась назадъ, но чрезъ минуту опять подошла къ окну съ зеркаломъ въ рукѣ, посмотрѣла въ него сама, потомъ повернула къ узденю и скрылась. Онъ простоялъ еще нѣкоторое время во дворѣ; въ недоумѣніи, что бы это означало, и потомъ пошелъ назадъ. Пришелъ онъ въ лавку и все бывшее рассказалъ молодой женщинѣ. Она улыбнулась и сказала ему: „По-

ди ты сегодня ночью на княжескій дворъ и, притаившись, дождайся тамъ“.

Какъ только стемнѣло, уздень пошелъ на княжескій дворъ. Спусти нѣкоторое время, тихонько отворилась одна дверь со стороны женскаго помѣщенія; изъ нея появилась старшая дочь князя, подошла къ узденю, взяла его за руку и повела въ свою комнату. Онъ пробылъ тамъ до разсвѣта и ушелъ, никѣмъ незамѣченный; на другую ночь было то же и т. д. Сосѣди замѣтили это и сказали князю; князь приказалъ схватить этого человѣка, какъ только онъ еще покажется. Узденя подстерегли и поймали, посадили въ тюрьму и готовились на другой день повѣснить и его, и дѣвушку, которую тоже заключили въ тюрьму.

Находясь въ тюрьмѣ, уздень попросилъ одного изъ караульныхъ дойти вечеромъ до дома лавочника и бросить въ дверь камень. Караульный исполнилъ желаніе заключеннаго. Услыхавъ стукъ брошеннаго въ дверь камня, жена лавочника догадалась, что молодого человѣка поймали; сейчасъ же она приготовила разныя кушанья, взяла ихъ съ собой, отправилась къ князю и сказала ему: „Князь, мѣсяцъ тому назадъ умеръ мой мужъ; для успокоенія его души я хочу отнести заключеннымъ въ тюрьму кушанья, если ты мнѣ это разрѣшишь“. Князь позволилъ. Молодая женщина отнесла кушанья въ тюрьму, отдала ихъ заключеннымъ, побывала и тамъ, гдѣ была заключена дочь князя, и напоследокъ зашла къ молодому узденю. Она велѣла ему снять свою одежду, затѣмъ надѣтъ ея одежду и выйти изъ тюрьмы; сама же она одѣлась мужчиной.

Насталъ день, когда должны были повѣснить молодого узденя и княжескую дочь. Приготовили уже висѣлицу, вокругъ которой собралось много народу, и повели къ ней влюбленныхъ. Тогда княжеская дочь, наученная наканунѣ молодой женщиной, стала жаловаться народу на несправедли-

вость своего отца, говоря, что онъ, несмотря на ея мольбы, не отдалъ ея замужъ за узденя, такъ-какъ онъ былъ не-княжескаго происхожденія, а теперь вотъ приказалъ ее повѣсить за то, что къ ней ночью, ради шутки, приходила женщина, одѣваясь мужчиной; послѣ этого она просила, если ей не вѣрять, осмотрѣть пойманнаго ночью мужчину. Такъ и есть: къ всеобщему удивленію, оказалось, что это дѣйствительно женщина, и сейчасъ же освободили какъ ее, такъ и княжескую дочь. Но дочь князя не захотѣла больше итти въ домъ отца, а вышла замужъ за того молодого узденя, который сваталъ ее, но которому князь отказалъ въ ея рукѣ...

Учитель Тверской станичной
школы *А. Кайтмазовъ.*

ХІІІ. ИЗЪ НАРОДНОЙ СЛОВЕСНОСТИ У ИМЕРЕТИНЪ.

І. С К А З К И.

1. Унцросела.

Жили 9 братьевъ. Самый младшій изъ нихъ назывался „Унцросела“ (уменьшительное отъ слова: „უწესელა“ — *младшій*). Всѣ они были холостые и искали себѣ женъ. Вотъ узнаютъ они однажды, что у одного „деви“ (сказочный герой) есть 9 незамужнихъ дочерей. Не долго думая, они направляются къ нему сватать его дочерей.

Деви принимаетъ братьевъ очень ласково и выдаетъ за нихъ своихъ дочерей. Настаетъ ночь, и братья ложатся спать вмѣстѣ съ своими женами; причемъ мужчины накрываются своими „чохами“ (верхнее мужское платье у грузинъ), а женщины своими платьями. Скоро всѣ засыпаютъ; не спитъ только одинъ Унцросела: онъ былъ сердцевъдецъ и зналъ, что деви затѣваетъ съ его братьями злую штуку, — деви ждалъ только удобной минуты, чтобы перебить всѣхъ братьевъ. Нерѣдко и прежде деви дѣлалъ также: придетъ, бывало, къ нему гость-христианинъ, — онъ его угоститъ на славу, затѣмъ уложитъ спать; а какъ заснетъ бѣдняжка, такъ деви сейчасъ отрѣжетъ ему голову, сваритъ или сжаритъ ее и съѣстъ. То же самое онъ хотѣлъ сдѣлать и съ этими 9-ю братьями, но ему мѣшала Унцросела, — онъ все не засыпалъ.

— „Что жъ ты не спишь, Унцросела?“ замѣчаетъ ему деви.

— „Развѣ можно заснуть отъ ржанія твоихъ лошадей?“ объясняетъ ему Унцросела. Деви встаетъ, беретъ шапку (вѣ-
ѣ) и перебиваетъ всѣхъ лошадей. Заходитъ онъ въ домъ и видитъ, что Унцросела опять не спитъ.

— „Что жъ ты не спишь?“ снова говоритъ ему деви.

— „Какже тутъ заснуть?“ отвѣчаетъ ему Унцросела: „вѣдъ твои собаки такъ страшно лаютъ...“ Послѣ этого деви перебилъ всѣхъ собакъ. Но Унцросела опять не спитъ.

— „А теперь-то что же?“ говоритъ ему деви.

— „Да пѣтухи твои ужасно орутъ,—нельзя глазъ сом-
менить“.

Деви также и пѣтуховъ перебилъ: „Наконецъ-то—думаетъ онъ—теперь ужъ Унцросела, навѣрное, спитъ“. Заходитъ, но не тутъ-то было: Унцросела опять не спитъ.

— „Что это съ тобою? Послушай! Когда же ты заснешь?“

— „Я бы давно заснулъ, да ты, какъ нарочно“, го-
воритъ Унцросела: „всѣхъ овецъ, возъ, свиней, быковъ въ од-
но помѣщеніе загналъ; отъ топотни ихъ пѣтъ покою“.

Деви принялся и ихъ убивать; а пока онъ съ ними во-
зился, Унцросела поспѣшно всталъ, снялъ чохы съ братьевъ
и надѣлъ ихъ на женщинъ, а женскія платья—на мужчинъ.
Заходитъ деви и видитъ, что всѣ спятъ, въ томъ числѣ, и
Унцросела; моментально онъ набрасывается на спящихъ подъ
чохами и избиваетъ всѣхъ до одного, воображая, что подъ
ними спятъ братья. На другой день деви рапо поднимается
съ постели и приказываетъ дочерямъ „приготовить“ въ объ-
ду одного изъ убитыхъ.

— „Хорошо“, отвѣтилъ ему Унцросела, стараясь под-
дѣлаться подъ женскій голосъ. По уходѣ деви, Унцросела
разбудилъ братьевъ и, рассказавъ имъ, какъ онъ ихъ спасъ
отъ вѣрной гибели, посоветовалъ имъ поскорѣе убраться во-
свояси. Братья ушли; Унцросела же, сваривъ одну изъ доче-
рей деви въ котлѣ и уложивъ мясо на чашки (жѣлѣзѣ), тоже

ушелъ. Приходитъ деви къ обѣду, а дочерей нѣтъ. Но онъ этому не удивляется, такъ-какъ зналъ, что онѣ питаютъ отвращеніе къ его привычкѣ ѣсть человѣческое мясо и никогда при этомъ не присутствуютъ. Но, перебирая куски варепаго мяса, деви вдругъ встрѣчаетъ жепскія груди!.. Онъ удивляется; оглядывается кругомъ и что же видитъ?—Восемь другихъ дочерей его мертвыя! Горько заплакалъ деви и сталъ бить себя кулакомъ по головѣ, попявъ, въ чемъ дѣло.

Между тѣмъ братья, всецѣло обязанные своимъ спасеніемъ Унцроселѣ, вмѣсто того, чтобы благодарить его, задумали погубить, предавъ его въ руки деви. Вотъ они и сказали царю, что въ домѣ деви они видѣли такую скамейку (б₃д_о), которая одна стѣитъ цѣлаго его царства. Заинтересовался царь: захотѣлось ему имѣть эту скамейку...

— „А ну, кто же хочетъ заслужить мою милость? Кто можетъ достать мнѣ эту скамейку? сказалъ онъ.

— „Унцросела!“ отвѣчали ему братья.

— „Позвать его сюда“, говоритъ царь. Унцросела явился.

— „Можешь ли ты достать мнѣ драгоценную скамейку деви?“ Спрашиваетъ его царь.

— „Государь“, отвѣчаетъ ему Унцросела: „да какже я это могу сдѣлать, когда недавно по моей винѣ онъ ѣлъ мясо собственной дочери! Вѣдь, онъ ничего такъ не желаетъ, какъ моей крови!“

„Знать не знаю“, говоритъ ему царь: „какъ хочешь, а скамейку добывай!“

— „Въ такомъ случаѣ дайте мнѣ 9 орѣховъ“, говоритъ онъ царю. Ему дали 9 орѣховъ.

Когда Унцросела пришелъ къ жилищу деви, долго онъ вертѣлся вокругъ его дома и, наконецъ, уловивъ удобную минуту, взобрался на крышу дома, продѣлалъ отверстіе въ крышѣ прямо противъ того мѣста, гдѣ стояла скамейка, и сталъ оттуда бросать на скамейку по одному орѣху. Деви въ это

время лежалъ больной, съ горя, что лишился дочерей. Слышитъ онъ одинъ стукъ—ничего; слышитъ другой—тоже ничего; но, когда за вторымъ послѣдоваль 3-й, 4-й, 5-й, и т. д., тутъ ужъ деви не выдержалъ, схватилъ скамейку и выбросилъ ее на дворъ. Унпроселъ этого-то и хотѣлось: быстро спустился онъ съ крыши, схватилъ скамейку и припесъ царю.

Видятъ братья, что Унпросела вернулся, и опять къ царю.

— „Батюшка, государь! мы видѣли у деви—говорять они—такой коверъ, равнаго которому не найдется во всемъ твоємъ царствѣ“.

— „Ну, а кто же мнѣ его достанетъ?“

— „Унпросела“, отвѣчаютъ братья. Позвали Унпроселу, и царь предложилъ ему пойти за ковромъ; а Унпросела въ отвѣтъ:

— „Скамейку я еще могъ похитить, но какже коверъ-то достать? Вѣдь, онъ лежитъ подъ деви“. Но рѣшеніе царя было безповоротно: онъ ничего и слышать не хотѣлъ. Унпросела долженъ былъ отправиться къ деви за ковромъ; а для этого дѣла онъ просить дать ему „трубочку“ (газырь) блохъ (ᠵᠢᠰᠢᠨ ᠮᠢᠨᠪᠠᠭᠤ ᠪᠯᠤᠬᠤ). Ему дали „трубочку“ блохъ.

Вотъ Унпросела пересодѣлся нищимъ, пришелъ ко двору деви и, притворившись бѣднякомъ, просить деви принять его въ свой домъ: онъ-де будетъ прислуживать ему. Деви соглашается. Ночью, когда деви заснулъ, Унпросела подпускаетъ къ нему подъ одѣяло кучу блохъ изъ своей „трубочки“. Всю ночь деви не могъ заснуть. Утромъ, чуть свѣтъ, деви встаетъ, вытаскиваетъ изъ-подъ себя коверъ и даетъ его мнимому слугѣ „вытрясти“ на дворъ. Унпросела этого только и ждалъ: взялъ онъ коверъ и унесъ къ царю. Царь похвалилъ его.

Между тѣмъ съ каждымъ новымъ успѣхомъ Унпроселы, зависть братьевъ все больше и больше росла; они рѣшили, во что бы то ни стало, погубить его. И вотъ снова они приходятъ къ царю и говорятъ ему:

— „Мы видѣли у деви замѣчательный сундувъ: онъ весь состоитъ изъ жемчуга, бирюзы и другихъ цѣнныхъ камней“.

— „Кто же изъ васъ достанетъ мнѣ этотъ сундувъ?“ говоритъ царь.

— „Унцросела“, говорятъ братья.

Позвали Унцроселу, и, несмотря на всѣ его отговорки, царь послалъ его за сундувомъ. Идетъ Унцросела и ворчитъ себѣ подъ носъ: „Постойте-ка вы, мои благодѣтели-братцы,— удружу же я вамъ! Достанется и тебѣ, царь, за твою ненасытную жадность!“ Идетъ и, снова притворившись нищимъ, приходитъ къ деви и держитъ такую рѣчь:

— „Смилуйся надо мною, господинъ деви: дай мнѣ приютъ на одну только ночь! Я издалека и птицъ ужъ не въ состоянн“.

— „Нѣтъ, пѣтъ“, говоритъ ему деви: „меня уже обобралъ одинъ нищій: онъ утащилъ мой дорогой коверъ“.

— „Да будетъ проклятъ тотъ нищій!.. Я совсѣмъ не такой“, говоритъ Унцросела.

Послѣ нѣкотораго колебанія, деви соглашается на просьбу Унцроселы. Настаетъ ночь. Деви и нищій разговорились. Нищій сообщаетъ ему разныя новости и, между прочимъ, говоритъ, что слышалъ, будто бы христіанскій царь собирается на него войною. Деви струсилъ, но не показалъ вида, что труситъ. Легли спать. Прошло нѣсколько времени, и Унцросела съ воплемъ и крикомъ вбѣгаетъ въ комнату къ спящему деви.

— „Что такое, что случилось?“ спрашиваетъ его перепуганный деви.

— „Царскія войска обружили твой домъ и хотятъ тебя взять!“ говоритъ ему нашъ нищій.

— „Ну, что же мнѣ теперь дѣлать?“ спрашиваетъ растерявшійся деви.

— „Я тебя спасу“, говорить Унцросела: „ты забирайся вотъ въ этотъ сундукъ; я его навкрою чѣмъ-нибудь сверху и вынесу отсюда; никто и не обратитъ вниманія, такъ-какъ я нищій“.

Девѣ съ радостью соглашается на такое средство, чтобы только спастись, и забирается въ сундукъ. А Унцросела запираетъ его на ключъ, который кладетъ себѣ въ карманъ, беретъ сундукъ и доставляетъ его прямо въ царскій домъ. Царь очень обрадовался, увидѣвъ сундукъ, расхвалилъ Унцроселу и наградилъ его. Унцросела ставитъ сундукъ предъ царемъ и, давъ ему въ руки ключъ, немедленно уходитъ. Царь открываетъ ключомъ сундукъ, а изъ него, къ ужасу всѣхъ, выскакиваетъ разъяренный дѣви!.. Мгновенно онъ набрасывается на присутствующихъ, и скоро во всемъ дворцѣ не остается ни одной живой души!.. Перебивъ всѣхъ и разрушивъ все, что попалось подъ руки, дѣви выбѣгаетъ на дворъ и видитъ Унцроселу на крышѣ дворца.

— „Какимъ же образомъ ты туда взобрался?“ спрашиваетъ его дѣви.

— „А вотъ какимъ образомъ“, отвѣчаетъ Унцросела: „нагрѣлъ я большой котелъ воды, накрылъ его сверху кисею, сталъ на эту самую кисею погами и... очутился здѣсь!“

Чтобы достать Унцроселу, дѣви рѣшилъ сдѣлать такъ, какъ тотъ сдѣлалъ: онъ нагрѣлъ громадный котелъ воды, накрылъ его сверху кисею, но, какъ только наступилъ на нее, упалъ въ воду и погибъ въ кипяткѣ. Тутъ Унцросела сдѣлался обладателемъ не только всего имущества братьевъ, но и цѣлаго достоянія самого царя и дѣви.

---

2. Ростомела.

Жиль-былъ на свѣтѣ Ростомсла. Онъ обладалъ такой силой, что всѣ животныя и даже всѣ дѣви трепетали отъ

страха предъ нимъ и боялись одного вида его. Бродя по лѣсу, видитъ онъ однажды цѣлый ручей крови. „Эге!“ думаетъ онъ: „тутъ что-то не ладно; дай-ка, пойду да узнаю, отчего это столько крови течетъ“. И Ростомела пошелъ по тому направлению, откуда текла кровь. Черезъ нѣсколько времени вдругъ онъ видитъ: на полянѣ стоитъ девятиголовый деви, опираясь нижнею частью подбородка на островочную пиву, — стоитъ и смотритъ въ одну сторону. Когда же его одолеваетъ дремота, онъ натывается на остріе пивы и сейчасъ же просыпается, а изъ подбородка ручьемъ течетъ кровь. Подходить Ростомела къ деви и говорить:

— „Что это съ тобою?“

— „Какъ что?“ отвѣчаетъ деви: „была у меня единственная жена, и ту отпялъ двѣнадцатиголовый деви; вотъ я теперь стою и поджидаю его. Онъ непременно пройдетъ здѣсь съ моей женой; а я рѣшилъ или отпять жену, или пожертвовать собой!“

— „Когда такъ“, говоритъ Ростомела: „и я подожду, — за успѣхъ ручаюсь“.

Спустя нѣсколько времени, показался двѣнадцатиголовый деви съ женщиною. Ростомела, какъ вихрь, понесся къ нему, бросилъ въ него копьемъ, и деви упалъ на землю мертвымъ; моментально онъ подскочилъ къ нему, отрѣзалъ ему головы, а жену повелъ къ мужу. Но она оказалась такою красавицей, что Ростомела, не долго думая, убилъ и девятиголового деви, а самъ сдѣлался ея мужемъ. Однако онъ проводитъ съ нею только одну ночь.

— „У тебя“, говоритъ Ростомела женѣ: „родится сынъ; ты его назови Абрамомъ; когда же онъ вырастетъ и начнетъ ходить, нашей ты ему на плечи двѣ красныя ленточки, чтобъ я могъ его узнать, если, въ случаѣ, встрѣчусь съ нимъ гдѣ-нибудь“. Съ этими словами Ростомела ушелъ.

Черезъ 9 мѣсяцевъ у женщины родился сынъ, котораго

она и назвала Абрамомъ. Ребенокъ росъ не по днямъ, а по часамъ: въ три года онъ уже былъ полнымъ мужчиною, богатырскаго сложенія и непомѣрной силы. Мать пашила ему на плечи красныя ленточки; а онъ пошелъ бродить по лѣсу, подобно отцу. Звѣри страшились его, и деревья съ корнемъ валялись на землю при одномъ прикосновеніи его.

Однажды, бродя по лѣсу, Абрамела (уменьшительное имя отъ „Абрамъ“, точно такъ же, какъ Ростомела отъ „Ростомъ“) видитъ предъ собою женщину съ веретеномъ въ рукахъ, на которомъ вмѣсто „квиристави“ *) надѣтъ былъ камень, громадныхъ размѣровъ. Она пряла нитки. Абрамела и спрашиваетъ женщину:

— „Что за необходимость употреблять такой громадный квиристави?“ А она въ отвѣтъ:

— „Такой квиристави такъ же мало необходимъ мнѣ, какъ тебѣ твои ленточки на плечахъ“. Абрамела тутъ же срыгаетъ съ своихъ плечъ ленточки, бросаетъ ихъ на землю и идетъ дальше. Немного спустя, съ нимъ повстрѣчался Ростомела и крикнулъ ему громовымъ голосомъ „Эй“. А Абрамела отвѣтилъ ему еще большимъ: „Эй“. Тутъ схватились оба богатыря, и началась жестокая борьба. Ростомела взялъ Абрамелу, да и всадилъ его въ землю по колѣни. Въ свою очередь, Абрамела, схвативъ Ростомелу, съ такою силою ударилъ о землю, что тотъ очутился въ землѣ по поясъ. Но Ростомела скоро оправляется, схватываетъ Абрамелу, да и всаживаетъ его въ землю по самую шею. Такъ Абрамела обезсиленъ: руки его не дѣйствуютъ, такъ-какъ онъ весь почти въ землѣ. Ростомела выхватываетъ шапку, и голова Абрамелы отлетѣла прочь. Но Ростомела хочетъ узнать, кого это онъ убилъ, и кто это герой, который осмѣлился сразиться съ нимъ. Раз-

---

*) Это—небольшой, продырявленный по срединѣ, полушарообразный, камешекъ, надвѣвающийся на веретено съ нижняго конца и служащій для устойчивости его.—*Собирает.*

сматривая убитого, онъ вдругъ замѣчаетъ на его плечахъ остатки отъ красныхъ ленточекъ: сразу же догадался онъ, что убилъ собственнаго сына, и немедленно послалъ за „живой“ водой, чтобъ оживить его. Но прежде, чѣмъ принесли живую воду, предъ Ростомелою является какая-то женщина и начинаеть мыть черную шерсть. Ростомела замѣчаетъ ей:

— „Что же ты черную-то шерсть моешь! Развѣ она побѣлѣетъ?“

— „Она такъ же не побѣлѣетъ“, говоритъ странная женщина: „какъ не оживетъ и твой сынъ!“ Услышавъ эти слова, Ростомела начинаетъ плакать и рыдать по убитомъ сынѣ; а чтобъ наказать себя за содѣянное зло, онъ переломилъ себѣ ту руку, которою онъ отрѣзалъ голову своему сыну. А горе свое онъ выразилъ въ слѣдующихъ стихахъ:

რესტომ გმირი, რესტომ დევი
რესტომ მეტათ მთაჭრისა:
შვილი მაგლა რესტომ თვისი,
ხელით კვანჩხათ მთაჭრისა.

(т. е. „Ростомъ герой, Ростомъ деви! Ростомъ страшно ошибся: сына онъ собственнаго убилъ и зато руку себѣ изуродовалъ“).

Въ это время подходитъ къ Ростому та самая женщина, что мыла предъ нимъ черную шерсть и говоритъ ему: „Это я погубила и твоего сына, и тебя, потому-что ты и одинъ ужъ много бѣдъ патворилъ на свѣтѣ; а тутъ еще на подмогу явился твой сынъ! Вѣдь, ему еще и трехъ лѣтъ не было, а что онъ творилъ!.. Что—если бы онъ подростъ? Вѣдь, онъ разрушилъ бы и небо, и землю (ცა და ქვეყანის დაქცევდა!). Такъ вотъ я и предпочла вашу смерть разрушенію міра!“

Но это была не женщина, а дьяволь...

~~~~~

II. ЛЕГЕНДЫ.

1. О Соломонѣ Мудромѣ.

а. У Соломона Мудраго былъ слуга. Когда прошелъ срокъ службы, Соломонъ и говоритъ ему: „Что ты предпочитаешь: чтобъ я тебѣ заплатилъ твое жалованье или чтобъ далъ тебѣ три мудрыхъ совѣта?“ Слуга отказался отъ жалованья и захотѣлъ выслушать три мудрыхъ совѣта. Тогда Соломонъ далъ ему слѣдующихъ три совѣта:

1. „Не выдавай своихъ тайнъ никому!“

2. „Когда тебя не просятъ объ одолженіи чего-либо, такъ ты и не одолжай!“

3. „Возьми ты вотъ эту палочку,—при этомъ онъ вручилъ ему палочку изъ орѣховаго дерева—надѣнь на нее змѣиную кожу, которую найдешь на дорогѣ, и въ такомъ видѣ воткни эту палочку посреди своего двора!“

Слуга выслушалъ наставленія мудреца, поблагодарилъ его и пошелъ къ себѣ. На дорогѣ онъ находитъ змѣиную кожу, которую надѣваетъ на палочку и, придя домой, втыкаетъ ее посреди двора. Черезъ нѣсколько времени изъ палки выросло большое дерево съ золотыми плодами. Бывшій слуга Соломона сталъ собирать золото и прятать его въ сундукахъ. Скоро онъ очень разбогатѣлъ и женился.

Однажды, когда его не было дома, къ его женѣ приходятъ три армянина и начинаютъ упрасивать ее, чтобъ она разрѣшила имъ переночевать; она согласилась. Вотъ видятъ армяне посреди двора роскошное дерево съ золотыми плодами, и глаза у нихъ разбѣжались. Они рѣшили, во что бы то ни стало, отнять это дерево у владѣтеля его. Тутъ они принялись разспрашивать жену нашего счастливица, какъ и откуда мужъ ея досталъ дерево. Но она сама не знала ничего, и потому отвѣтила: „Не знаю“. Прохожіе однако не отста-

ютъ: они все упрасниваютъ ее, чтобъ она вывѣдала тайну у мужа, за что обѣщали ей большое вознагражденіе.

Вечеромъ приходитъ хозяинъ домой, и жена немедленно бросается къ нему съ распросами о происхожденіи дерева. Но мужъ вспомнилъ первое наставленіе Соломона („Не выдавай своихъ тайпъ никому“) и отказалъ ей. Жена однако не успокаивается: она все больше и больше пристасть къ мужу и проситъ раскрыть ей тайну и, въ концѣ концовъ, довела его до того, что онъ все рассказалъ ей. Она пошла, да и сообщила секретъ армяпамъ. Тогда хозяину и говорятъ ночлежники: „Или продай ты намъ это дерево, или мы возьмемъ его сплю“. Но онъ отказывается,—говоритъ, что никому онъ не продастъ дерева. Однако армяне все упрасниваютъ его уступить имъ дерево. Тутъ нашъ герой, желая избавиться отъ нихъ, говоритъ имъ: „Когда такъ, давайте пари держать: если угадаете, откуда я досталъ дерево, возьмете его; нѣтъ—такъ заплатите мнѣ штрафъ“. (Онъ былъ въ полной увѣренности, что армяне ничего не знаютъ о происхожденіи дерева). Армяне съ радостью согласились на пари и, конечно, выиграли его.

Опечаленный, раздосадованный, бывшій слуга Соломона бѣжать къ нему и, сообщивъ ему о своемъ несчастіи, проситъ дать ему такой совѣтъ, при помощи котораго можно было бы вернуть дерево. Соломонъ разсердился на него и сказалъ: „А вѣдь я тебѣ говорилъ, чтобъ ты никому не выдавалъ своихъ тайпъ! Впрочемъ, ступай и предложи армянамъ новую загадку: „Пускай они угадаютъ откуда восходитъ солнце!..“ Онъ немедленно прибѣжалъ домой и говоритъ армянамъ: „Постойте-ва, братцы,—будемъ держать новое пари: если и на этотъ разъ выиграете его, то дерево будетъ окончательно ваше; нѣтъ—такъ оно будетъ снова мое“. Армяне согласились.— „Скажите мнѣ, откуда солнце восходитъ?“ говоритъ онъ имъ. Хоть загадка была не трудная, но армяне не разгадали ея,

такъ-какъ бывшему своему слугѣ помогаль Соломонъ: когда армяне говорили: „съ востока“, солнце вдругъ появлялось съ запада; когда же они говорили: „съ запада“, то солнце появлялось съ востока. Такимъ образомъ, слуга вернулъ себѣ проигранное дерево. Но онъ и послѣ этого очень часто бывалъ у Соломона и пользовался его мудрыми совѣтами.

Однажды къ Соломону приходитъ визирь (ἰσχυροῦς) и проситъ его, отъ имени царя, пожаловать на обѣдъ. (Нашъ знакомецъ-слуга въ это время былъ у Соломона). Соломонъ отказывается,—говоритъ, что онъ занятъ дѣломъ вмѣстѣ съ слугами. Тогда царь снова присылаетъ сказать, чтобы онъ приходилъ вмѣстѣ съ слугами. Соломонъ идетъ и беретъ съ собою слугу (героя легенды). Во время обѣда царь потребовалъ ножъ. Сидѣвшій тутъ же за общимъ столомъ Соломоновъ слуга достаетъ изъ пояса (ἰσχυροῦς) свой ножъ и даетъ царю: царь, желая испытать находчивость Соломона, говоритъ слугѣ: „Вѣдь, это—мой ножъ! Кто его тебѣ далъ?“ Слуга вспомнилъ второе наставленіе Соломона („Когда тебя не просятъ объ одолженіи, такъ и не одолай!“), но было поздно. Въ отвѣтъ царю онъ ничего не могъ сказать. Тутъ визирь царя немедленно взяли его и заперли въ отдѣльную комнату. Соломона же приказано было не впускать къ слугѣ, такъ-какъ онъ могъ освободить его.

Хочется Соломону помочь своему слугѣ; но какъ это сдѣлать? Кругомъ дома—караулъ: заговоришь громко, такъ всѣ услышатъ! Находясь въ раздумьи, Соломонъ вдругъ замѣтилъ въ углу комнаты, предоставленной ему царемъ для отдыха, кошку. Не долго думая, онъ поймалъ ее и началъ бить по головѣ. Кошка начинаетъ сильно мяукать, а Соломонъ приговариваетъ: „Бѣдная ты, кошка! Вѣдь, я тебѣ говорилъ, чтобы ты не одожила ничего, когда тебя не просятъ! Скажи ты, кошечка, царю, что ножъ, который онъ присваиваетъ себѣ, найденъ былъ въ животѣ твоего отца; что убій-

ца еще не открытъ; и что, если ножъ на самомъ дѣлѣ его, то, значитъ, онъ, царь, и есть убійца!“ Слуга, который былъ запертъ неподалеку отъ соломоновой комнаты, слышалъ всѣ эти слова, и, когда на другой день онъ былъ позванъ на допросъ, то онъ и повторилъ все слышанное отъ Соломона въ точности. Царь не напелся, что сказать, возвратилъ ему ножъ и отпустилъ домой съ подарками.

б. Былъ одинъ царь, который каждого родившагося въ его царствѣ жеребенка присваивалъ себѣ: „Это отъ моей кобылицы!“ говаривалъ онъ въ подобныхъ случаяхъ. Приходить къ этому царю Соломонъ—онъ былъ тогда еще очень молодъ—и нанимается въ услуженіе. Ему поручаютъ смотрѣть за собаками. Вотъ однажды Соломонъ собираетъ всѣхъ собакъ и начинаетъ, что есть силы, бить ихъ. Царь узнаетъ объ этомъ и спрашиваетъ его:

— „Зачѣмъ ты колотишь собакъ?“

— „Да какъ же ихъ не колотить! Въ моей деревнѣ волкъ утащилъ теленка, а ваши собаки не погнались за нимъ“.

— „Да ты не съ ума ли спитиль?“ замѣчаетъ ему царь: „откуда моимъ собакамъ знать, что въ твоей деревнѣ дѣлается? Какже ты такъ рассуждаешь?“

— „Ну, а какже ты-то рассуждаешь, царь: когда гдѣ-то, за три девять земель, рождается жеребенокъ отъ чужой лошади, и ты говоришь, что онъ отъ твоей кобылицы, и присваиваешь его себѣ!“ Царь сконфузился и... пересталъ присваивать себѣ чужихъ жеребятъ.

2. О происхожденіи князей, дворянъ и крестьянъ.

Получивъ отъ Бога откровенье, что скоро наступитъ всемірный потопъ, Ной поспѣшно сталъ строить корабль для своего спасенія. Но работа тянулась, а потопъ приближался. Поэтому Ной пригласилъ къ себѣ на помощь плотника, которому обѣщаль въ уплату выдать за него свою дочь. Въ

скоромъ времени попадобилось пригласить еще одного плотника: Ной и этому обѣщалъ выдать свою дочь. Наконецъ, понадобился еще и 3-й плотникъ: Ной и этому сказалъ то же самое. Работа кончилась, и плотники потребовали исполненія обѣщаній... Но у Ноя только и была, что одна дочь: что тутъ дѣлать? Вотъ онъ обращается къ Богу съ мольбою помочь ему. Богъ тогда создалъ (ᠰᠢᠵᠢᠨ) изъ *собаки* одну дочь, а изъ *осла*—другую. Всего, значить, стало у Ноя три дочери. Онъ и выдалъ всѣхъ трехъ за плотниковъ: *отъ первой* дочери Ноя (настоящей) произошли *князья*, *отъ второй—дворяне*, а *отъ третьей—крестьяне*.

III. О ВѢДЬМАХЪ.

Въ Имеретіи весьма широко распространено повѣрье въ существованіе вѣдьмъ. Имеретинскія вѣдьмы—тѣ же люди, съ тою только разницею отъ простыхъ смертныхъ, что онѣ обладаютъ сверхъестественными способностями: напр., онѣ могутъ летать по воздуху, превращаться въ животныхъ, вліять на погоду, урожай, болѣзни, вырывать сердца у людей совершенно незамѣтнымъ образомъ и т. п. Выходятъ онѣ, по понятіямъ народа, изъ простого сословія и очень рѣдко, въ видѣ исключенія, изъ привилегированнаго сословія (притомъ изъ женскаго пола: *мужчинъ-вѣдьмъ*, почти, не бываетъ).

Одна изъ главныхъ, характерныхъ чертъ имеретинской вѣдьмы, это—старость. Чѣмъ старѣе и безобразнѣе женщина, тѣмъ скорѣе народъ сочтетъ ее за вѣдьму. (Вѣдьмой становится, обыкновенно, старая женщина, въ возрастѣ отъ 60—70 лѣтъ). Отъ такой женщины всякій сторонится; иногда даже родственники превращаютъ всякую связь съ нею, разъ по деревнѣ заговорятъ, что она „съ хвостомъ“ (ᠰᠢᠵᠢᠨ) *), что

*) Народъ думаетъ, что у каждой вѣдьмы непременно есть хвостъ.

она „замѣчена“ (შენიშნულია). Положеніе этихъ замѣченныхъ въ деревнѣ невыносимо: про нихъ сочиняютъ всякія сказки и небылицы; все, что ни случается въ деревнѣ дурного, приписывается ихъ дурному „глазу“, т. е. ихъ вліянію. Умираетъ ли кто-нибудь, пропадаетъ ли что-нибудь, появляются ли болѣзни, наступаетъ ли засуха,—во всемъ вѣдьмы виноваты: „Вѣдьмы пась заѣли!“ (კუდასებოთ პასეჲ ქვეუბნს!) восклицаетъ въ подобныхъ случаяхъ народъ. Такимъ образомъ, онѣ принуждены вести совершенно изолпрованную жизнь. Интересно, что такое положеніе доводитъ нѣкоторыхъ старухъ до того, что онѣ на самомъ дѣлѣ воображаютъ себя вѣдьмами и стараются, такъ или иначе, вредить своимъ недругамъ: бывали примѣры, что такого рода вѣдьмъ ловили на мѣстѣ преступленія и, конечно, не щадили. Подвергать вѣдьму физическимъ истязаніямъ не только не преступно, но считается въ народѣ даже богоугоднымъ дѣломъ. Но иногда, прежде, чѣмъ подвергнуть ту или другую женщину наказанію, опредѣляютъ, вѣдьма ли она на самомъ дѣлѣ, или нѣтъ. А для этого существуетъ чрезвычайно простой способъ: „замѣченную“ бросаютъ въ воду (въ прудъ или озеро), и, если она погрузится въ нее, значитъ, она не вѣдьма,—ее немедленно вытаскиваютъ изъ воды; если же, наоборотъ, она хоть нѣсколько секундъ останется на поверхности воды, что нерѣдко случается, то, стало быть, она—вѣдьма. Въ прежнее время для того, чтобъ всѣ знали, что та или другая женщина—вѣдьма, народъ прибѣгалъ къ чрезвычайно грубой, варварской мѣрѣ: раскаленнымъ желѣзомъ ей выжигали слѣды на лицѣ, рукахъ и ногахъ. Въ настоящее время хоть мало объ этомъ слышно, но достовѣрно извѣстно, что въ нѣкоторыхъ глухихъ, заброшенныхъ деревняхъ и по сіе время практикуется эта безчеловѣчная мѣра.

Одно физическое сопротивленіе вѣдьмамъ и ихъ злой волѣ имеретины считаютъ однако недостаточнымъ, а потому они

два раза въ теченіе года (въ среду на Страстной недѣлѣ и наканунѣ Успеня) устраиваютъ нѣчто въ родѣ заклинанія противъ вѣдьмъ. Оно состоитъ въ томъ, что въ сумеркахъ, въ означенные дни, въ каждомъ дворѣ или виноградникѣ зажигаютъ большіе костры въ присутствіи старшихъ и младшихъ: когда пламя освѣтитъ садъ или дворъ, берутъ въ руки мѣдный тазъ, мѣдный котелъ или какую-нибудь другую металлическую посуду и, производя по нимъ удары палкою или камешкомъ, бѣгаютъ вокругъ пылающаго костра и, обращаясь къ вѣдьмамъ, произносятъ слѣдующія слова: „თქვენი სკით ღ თქვენი ჭმძეთ, ჩვენსას ჯვარნი დაგვიწერეთ; ქარული კუდაინებსა!“ (т. е. „Въше и пейте свое, а мы свое перекрестили; прочь отъ насъ, вѣдьмы!“) или: „სხვისი სკით ღ სხვისი ჭმძეთ, ჩვენსას ჯვარნი დაგვიწერეთ; ქარული კუდაინებსა!“ (т. е. „Въше и пейте чужое, а мы свое перекрестили; прочь отъ насъ, вѣдьмы!“). Послѣ этого производятъ нѣсколько выстрѣловъ изъ ружей (иногда, спеціально для этого случая, въ заряженное ружье сверхъ пули владутъ еще иголки съ тою, очевидно, цѣлью, чтобъ сильнѣе поразить вѣдьму). Странное, какое-то дикое впечатлѣніе въ подобный вечеръ производитъ имеретинская деревня: повсюду—зажженные костры, пронзительный, разпоеобразный звонъ металлической посуды, крики, шумъ, говоръ, трескъ отъ горѣнья сухихъ вѣтвей; притомъ все это перемежшано съ частыми выстрѣлами, поминутно раздающимися то тамъ, то сямъ. Но, именно, такое впечатлѣніе и требуется, чтобы напугать вѣдьмъ.

Этимъ однако дѣло не ограничивается: противъ вѣдьмъ, въ означенное выше время, принимаются и другія, экстраординарныя мѣры: такъ, напримѣръ, предъ тѣмъ, какъ ложиться спать, каждый членъ семьи получаетъ по восковому крестику для прикрѣпленія къ волосамъ, чтобъ нечистая сила не смѣла прикоснуться къ нему; двери и окна накрѣпко затворяются; всѣ отверстія и дыры въ стѣнахъ, которыя до

сихъ поръ оставались открытыми, теперь старательно задѣлываются и законопачиваются, потому-что въ наступающую ночь вѣдьмы могутъ пробраться въ домъ въ образѣ разныхъ животныхъ и, въ особенности, въ видѣ жучковъ, бабочекъ и т. п. насѣкомыхъ. Если, несмотря на всѣ эти предосторожности, жучки все-таки залетаютъ въ комнату, то ихъ немедленно избиваютъ. Во всякое другое время жучки и бабочки могутъ залетать въ комнату хоть цѣлыми десятками: на нихъ и вниманія никто не обращаетъ; теперь же всякій жучокъ есть сама вѣдьма, а потому и щадить его не надо. Но особенный переполохъ производитъ въ эту ночь появленіе чужой кошки во дворѣ: это — истинное несчастье, думаютъ, для цѣлой семьи!

Дѣло въ томъ, что въ среду на Страстной и наканунѣ Успенья на кошкахъ, по повѣрью народа, ѣздятъ агенты (вѣдьмы), посланные самою „Рокапи“ (начальница всѣхъ вѣдьмъ) изъ „Табакель“ (одна изъ глухихъ, неприступныхъ горныхъ вершинъ Кавказа, гдѣ, по повѣрью народа, имѣетъ мѣстопробываніе Рокапи): они рыщутъ по всей деревнѣ съ цѣлью вырывать сердца у людей. Можно поэтому представить себѣ тотъ страхъ и то горе, которые овладѣваютъ всѣми членами семьи, при видѣ чужихъ кошекъ. Появленіе ихъ, по повѣрью народа, вѣрный признакъ, что пріѣхали агенты Рокапи изъ Табакель; а даромъ они не пріѣдутъ: чье-нибудь сердце да возьмутъ, и это равносильно смерти одного изъ членовъ семьи; можетъ быть — двухъ или трехъ. Вотъ почему, завидѣвъ ихъ во дворѣ, а тѣмъ болѣе въ комнатахъ, всѣ, отъ мала до велика, съ крикомъ бросаются на нихъ: во что бы то ни стало, нужно изловить ихъ и избить до полусмерти. Народъ вѣритъ, что вѣдьмы и въ другое время занимаются вырваніемъ сердецъ у людей, но теперь, въ эту ночь (т. е. въ среду на Страстной и наканунѣ Успенья), въ Табакеляхъ праздникъ: Рокапи пируетъ; множество гостей (вѣдьмъ) съѣзжаются къ ней изъ разныхъ мѣстъ ея темнаго царства, и аген-

ты Рокани по разнымъ концамъ Имеретіи скачуть, чтобъ доставить къ ея столу, какъ можно болѣе, человѣческихъ сердецъ. Каждый агентъ обязанъ доставить хоть по одному сердцу: въ противномъ случаѣ, его ожидаетъ страшное наказаніе.

Рокани живетъ на Табавелахъ. Изображаютъ ее имеретинны въ видѣ безобразнѣйшей старухи, съ 4-мя длинными клыками, выдвинутыми впередъ, на подобіе клыковъ дикаго кабана, съ длиннымъ, волосатымъ хвостомъ, со впалыми щеками, горящими глазами, костлявыми руками и ногами; станъ ея похожъ на скелетъ и сплошь покрытъ длинными волосами. Существо это—страшное, злое, и потому оно—какъ говорятъ—привязано самимъ Богомъ, посредствомъ толстой желѣзной цѣпи, къ длинному желѣзному шесту, воткнутому въ землю: этотъ шестъ однимъ концомъ доходитъ до самаго центра земли. Рокани старается вырвать изъ земли желѣзный шестъ и уйти; съ этою цѣлью она постоянно колеблетъ его въ землѣ; но, какъ только она доходитъ до цѣли, вдругъ появляется „трясихвостка“ (пташка), садится на шестъ и начинаетъ вертѣть хвостомъ; а Рокани беретъ громаднхъ размѣровъ молотокъ и изъ всѣхъ силъ замахивается на пташку, но послѣдняя улетаетъ, и ударъ всею своею тяжестью падаетъ на шестъ, который снова уходитъ въ землю до самаго центра ея. Такъ Рокани мучится изъ года въ годъ, и спасенья ей нѣтъ...

При Рокани состоятъ цѣлый штатъ служащихъ вѣдьмъ; онѣ исполняютъ разныя обязанности: однѣ состоятъ на посылкахъ, другія прислуживаютъ ей, третьи являются агентами въ разныхъ углахъ ея темнаго царства и т. д. Власть Рокани надъ подчиненными абсолютна; всякое желаніе ея немедленно приводится въ исполненіе; малѣйшее ослушаніе ведетъ къ страшному наказанію. Повиновеніе своей повелительницѣ со стороны вѣдьмъ доходитъ до того, что онѣ нерѣдко жертвуютъ ей даже своими собственными дѣтьми, мужья-

ми и вообще близкими родными, если только того пожелаетъ Рокапи.

Самое любимое кушанье Рокапи—человѣческія сердца, хотя она не брезгаетъ коровьими, бычачьими, бараньими и т. д. Вотъ почему не только смерть людей, но и падежь скота нерѣдко въ деревняхъ объясняютъ вліяніемъ вѣдьмъ.

Посвященіе въ вѣдьмы происходитъ довольно просто: какаѣ-нибудь старая вѣдьма подмазываетъ какою-то мазью повоображающей подъ мышками, отчего эта послѣдняя буд-то бы получаетъ силу летать по воздуху: старая и новая вѣдьмы улетаютъ вмѣстѣ изъ дому въ ночное время на Табакелы. Здѣсь повоприбывшую окружаетъ масса вѣдьмъ, верховыхъ и пѣшихъ: верховья сидятъ на собакахъ, волкахъ, кошкахъ и т. д. Новоприбывшую подводятъ къ Рокапи. Подойдя на нѣкоторое разстояніе къ ней, повоображающаяся обязана бросить ей въ зубы 3 раза камнемъ: если при этомъ Рокапи не поморщится, то, значить, новая вѣдьма принята, и ее немедленно отдають старымъ вѣдьмамъ на ученье.

Учитель Кутаисскаго городского

училища *В. Ломинадзе.*

Кутаисъ.
1689 г.

XLV. СКАЗКА О ЗМѢѢ-ЦАРѢ.

(Съ грузинскаго).

Одинъ охотникъ цѣлый день охотился: обошелъ онъ большое пространство по лѣсу, но ничего ему не удалось убить. Къ ночи онъ поднялся на одну гору, гдѣ, въ потьмахъ, упалъ въ огромную яму. На другой день видитъ онъ, что въ той же ямѣ, недалеко отъ него, лежитъ громаднѣйшихъ размѣровъ змѣй. Охотникъ страшно испугался, но змѣй не бросился на него, а, поднявши голову, смотрѣлъ на него довольно ласково. Во рту у него виднѣлся блестящій драгоцѣнный камень: „натрисъ-твали“ *). Вдругъ змѣй бросилъ этотъ камень охотнику и знаками показалъ ему, чтобы онъ полизалъ камень лзыкомъ. Охотникъ, сдѣлавъ это, вдругъ получилъ способность понимать языкъ всѣхъ земныхъ существъ, а также и языкъ змѣя.

— „На что тебѣ вотъ эта вещь?“ спросилъ змѣй, указавъ охотнику на его ружье.

— „Этимъ оружіемъ я могу убить, кого угодно, на далекомъ разстояніи“, отвѣтилъ охотникъ.

— „А вотъ эти вещи на что тебѣ?“ спросилъ змѣй, указавъ на шашку и кинжалъ.

— „А этимъ оружіемъ я изрублю врага, если встрѣчусь съ нимъ лицомъ къ лицу“, объяснялся охотникъ.

— „У тебя, значитъ, есть все необходимое къ борьбѣ...

---

*) Это—сказочный драгоцѣнный камень, при помощи котораго исполняются все желанія человека.—*Собираетъ.*

На одной высокой горѣ—вдругъ началъ рассказывать змѣй—находится нашъ царь-змѣй; онъ очень громаденъ и необыкновенно силенъ. Мы всѣ змѣи платимъ ему дань натрисъ-твали, такъ-что у него ихъ цѣлая куча. Самый большой натрисъ-твали лежитъ у него подъ головой. Вотъ къ этому змѣю я тебя поведу: убьемъ его и завладѣемъ какъ престоломъ, такъ и натрисъ-твали его“.

Какъ только, послѣ долгихъ и убѣдительныхъ просьбъ, охотникъ согласился на предложеніе змѣя, послѣдній выскочилъ изъ ямы, вытащивъ съ собой и охотника, который ухватился за его хвостъ. Вотъ они и отправились въ дорогу. Послѣ долгаго путешествія, змѣй и охотникъ подошли къ жилищу змѣя-царя. Нашъ змѣй и говоритъ охотнику: „Ты спрячься здѣсь гдѣ-нибудь, а я зайду къ царю-змѣю; онъ же закричитъ на меня: „Что ты принесъ мнѣ, что осмѣлился явиться ко мнѣ?“ Я выбѣгу изъ его жилища, а онъ погонится за мной; ты же въ это время постарайся убить его“... Замыселъ змѣя исполнѣ удался. Но, такъ-какъ охотникъ не захотѣлъ оставаться здѣсь, то змѣинымъ царствомъ завладѣлъ странный сотоварищъ его. Охотнику же онъ уступилъ натрисъ-твали, причемъ сказалъ ему, что, если онъ скажетъ кому-нибудь о всемъ случившемся, то немедленно умретъ.

На возвратномъ пути охотникъ прилегъ отдохнуть подъ деревомъ, на которомъ сидѣли молодые птенцы сороки; увидѣвъ лежавшаго подъ деревомъ охотника, они подумали, что онъ—мертвый, а потому начали говорить другъ-другу на сорочьемъ языкѣ: „Давай, выключемъ глаза этому мертвецу!“ Охотникъ, подслушавъ разговоръ птенцовъ, прикинулся, что будто онъ мертвъ, и, когда они подлетѣли къ нему съ цѣлью выклевать ему глаза, то онъ поймалъ ихъ. На крикъ птенцовъ прилетѣла ихъ мать и, увидѣвъ, что дѣтки ея находятся въ бѣдѣ, говоритъ охотнику: „Если ты отпустишь моихъ дѣтенышей, то въ стадѣ одного пастуха я тебѣ укажу

одну овцу и одного барана,—такихъ, что, купивъ ихъ, ты чрезъ два года сдѣлаешься хозяиномъ цѣлаго стада овецъ“. Охотникъ отпустилъ птенцовъ сороки, а сорока исполнила свое обѣщаніе, и онъ купилъ указанныхъ животныхъ. Тутъ онъ возвратился домой.

Чрезъ эту покупку охотникъ, дѣйствительно, сдѣлался хозяиномъ такого громаднаго стада овецъ, что ими были покрыты всѣ сосѣднія поля. Такимъ образомъ, охотникъ зажилъ въ довольствѣ и въ добрѣ. Но назойливая жена его отравляла ему жизнь: она не давала мужу ни днемъ, ни ночью покоя, приставаая къ нему съ постоянными разспросами, какъ и откуда онъ досталъ такое богатство, когда у нихъ прежде и куска хлѣба не было. Не имѣи покоя отъ жены, охотникъ рѣшился, наконецъ, сказать ей о происхожденіи своего богатства; но прежде, чѣмъ сдѣлать это, онъ пошелъ попрощаться со своими родными и знакомыми и даже со своей скотиной, ибо зналъ, что, какъ только онъ откроетъ женѣ секретъ о происхожденіи своего богатства, тотчасъ же умретъ. Прощаясь съ курами, онъ высыпалъ имъ горсть пшеницы. Куры клюютъ пшеницу и говорятъ другъ-другу: „Какъ глупъ нашъ хозяинъ,—онъ долженъ умереть ради капризовъ жены; между тѣмъ-какъ слѣдуетъ избить ее палкой, и она больше ни о чемъ не заикнется!..“ Охотнику понравилось разсужденіе куръ, почему онъ схватилъ дубину и, вмѣсто того, чтобы разсказать женѣ объ источникѣ богатства, избилъ ее дубиной. Жена охотника, дѣйствительно, послѣ этого никогда ни о чемъ не спрашивала больше своего мужа; мужъ же, для предосторожности, держалъ постоянно въ рукахъ палку.

Учитель Баралетской сельской
школы *Ив. Санаковъ.*

ХУ. СКАЗКИ,

собранныя въ селеніи „Баянъ“, Елисаветпольскаго уѣзда.

1. Рѣчной бродяга.

Жиль-быль одинъ могущественный царь. Со смертью его жены и взрослыхъ дѣтей, изъ всей царской фамиліи остался въ живыхъ только онъ съ малолѣтними дочерью и сыномъ. Царедворцы очень любили его, и поэтому, послѣ его смерти, не захотѣли перемѣнять его династію на другую, а въ память его стали сами управлять государствомъ, отъ имени его малолѣтнихъ дѣтей. Такъ братъ и сестра росли вмѣстѣ, любимые царедворцами, ни на минуту не разставаясь другъ съ другомъ,—ѣли, пили и спали вмѣстѣ. Наконецъ, сатана ввелъ ихъ „въ грѣхъ“: сестра забеременѣла и родила сына. Понявъ свой грѣхъ, братъ и сестра старались тайно погубить ребенка, для чего положили его въ ящикъ и бросили въ большую рѣку. Послѣ этого братъ ушелъ въ Іерусалимъ на покаяніе, а сестра осталась царствовать; ящикъ же съ ребенкомъ поплылъ по рѣкѣ, ударяясь то здѣсь, то тамъ о берегъ.

Долго плылъ ящикъ и, наконецъ, въ далекомъ краю, попалъ въ мельничный жѣлобъ, и плаваніе его окончилось. Дѣло было къ веснѣ. Мельникъ, желая начать работу на мельницѣ, пошелъ освободить жѣлобъ ото льда и увидѣлъ ребенка. Будучи бездѣтнымъ, онъ съ радостью взялъ найденнаго ребенка и усыновилъ его. Когда ребенокъ подросъ, ему, во

время игръ съ товарищами, приходилось часто слышать отъ нихъ кличку: „Рѣчной бродяга“. Эта кличка огорчала его, и онъ часто спрашивалъ у мельника, дѣйствительно ли онъ его сынъ, или, какъ говорятъ его товарищи, онъ—принесенный водой найденышъ. Мельникъ увѣрялъ его, что онъ дѣйствительно его сынъ; но юноша, часто слыша эту кличку отъ многихъ, сталъ надоѣдать мельнику, чтобы тотъ открылъ ему правду. Тогда мельникъ разсказалъ своему пріемышу, какъ онъ нашелъ его и выростилъ въ своемъ домѣ. Узнавъ истину, пріемышъ мельника распрощался со своимъ воспитателемъ и отправился странствовать по свѣту съ цѣлью узнать гдѣ-нибудь о своемъ происхожденіи.

Долго странствовалъ нашъ Рѣчной бродяга по разнымъ селамъ, городамъ и странамъ и, наконецъ, пришелъ въ одинъ столичный городъ какого-то царства, которымъ управляла женщина-царица. Но царицѣ одной было трудно управлять цѣлымъ государствомъ, и народъ, замѣтивъ это, рѣшилъ выбрать ей мужа, а себѣ царя. Для этого разъ всѣ собрались на столичной площади и готовились избирать царя посредствомъ жребія. Бросили жребій. Жребій палъ на пріемыша-бродягу. Осыпанный вопросами о своемъ происхожденіи и занятіяхъ пріемышъ мельника разсказалъ свою исторію, чѣмъ привлекъ сочувствіе всѣхъ жителей. Но, несмотря на всѣ его достоинства и умъ, народъ все-таки рѣшилъ, что бездомный бродяга не можетъ не только занять престола, но даже быть принятъ въ ихъ среду, и потому признали жребій неправильнымъ. Пріемыша же мельника удалили съ площади и бросили жребій снова. Но жребій затерялся и не палъ ни на кого; то же повторилось въ третій и въ четвертый разъ: жребіи все терялись. Тогда народъ рѣшилъ принять пріемыша въ свою среду и снова бросить жребій. Рѣчной бродяга былъ позванъ на площадь, и жребій палъ опять на него. Дивясь всему случившемуся, народъ рѣшилъ, что этотъ выборъ уго-

день Богу, а потому призывалъ патріарха и духовенство и совершилъ надъ бродягой обрядъ коронованія...

Новый царь былъ очень человѣколюбивъ и всячески трудился для благосостоянія своихъ подданныхъ, которые любили его и прославляли, изъ края въ край. Царь и царица очень любили другъ друга, жили весело и счастливо и имѣли двухъ дѣтей. Однажды только царь замѣтилъ, что царица, доставъ изъ сундука какую-то бумагу и читая ее, горько плакала. Царя это очень заинтересовало, и онъ приступилъ къ царицѣ съ разспросами о видѣнномъ. Царица стала отказываться, говоря, что она никакой бумаги не читала и что не плакала. Царь еще настойчивѣе сталъ разспрашивать царицу и, ничего не добившись, потребовалъ у нея ключъ отъ сундука; на это царица отвѣтила, что онъ ею потерянь. Тогда царь сломалъ замокъ и, открывъ сундукъ, прочелъ бумагу, въ которой было подробно разказано о грѣхѣ брата съ сестрой и, слѣдовательно, о происхожденіи его самого, — о томъ, какъ онъ родился и былъ брошенъ въ ящикъ въ рѣку... Тутъ царь и царица узнали, вѣмъ они приходились другъ другу...

— „Хоть грѣхъ случился и не по нашей винѣ, но онъ — грѣхъ, и я бросаю царство и пойду замаливать его, пока еще не поздно, а ты дѣлай, какъ знаешь“, сказалъ сынъ-царь и, доставъ себѣ старое нищенское платье и обувь, отправился въ путь, несмотря на то, что была зима.

Странствуя долго и износивъ свою обувь, нашъ Рѣчной бродяга однажды ночью пришелъ въ огромную степь. Небо было безоблачно и сіяло звѣздами; но вдали онъ увидаль густой туманъ и пошелъ на него. Подойдя, замѣтилъ онъ богатый домъ, стоявшій на берегу моря. Пронизываемый холоднымъ вѣтромъ, голодный, изнемогавшій отъ усталости, съ истертыми и израпанными ногами, бѣднякъ прислонился спиной къ стѣнѣ подальше отъ дверей дома и сталъ ждать, не выйдетъ ли кто-нибудь, чтобъ попроситься на ночлегъ. Черезъ нѣсколь-

во минутъ отворилась дверь, слуга выбросилъ соръ и тотчасъ же опять закрылъ двери, такъ-какъ вѣтеръ былъ очень силенъ. Несчастнй странникъ крикнулъ слугѣ, чтобы тотъ пустилъ его на ночлегъ, но слуга, за шумомъ вѣтра, не слышалъ словъ и только сказалъ хозяину, что слышалъ за дверьми не то человѣческой, не то какой-то другой голосъ. Хозяинъ дома, опасаясь несчастія, сказалъ, что слышанный голосъ не можетъ принадлежать человѣку, ищущему пріюта, а потому велѣлъ слугѣ не отпирать дверей, боясь, какбы не напали на домъ разбойники, тѣмъ болѣе, что домъ стоялъ на берегу моря, одинъ одинѣшенекъ. (Хозяинъ былъ назначенъ отъ царя смотрѣть за кораблями и рыбной ловлей и потому долженъ былъ жить на берегу моря). Но слуга, не удовлетворившись словами хозяина, подошелъ опять къ двери, сталъ прислушиваться и тихонько стучать въ дверь. „Добрый человѣкъ, спаси меня: я гибну!“ послышалось слугѣ, и онъ, придя во второй разъ къ хозяину, рассказалъ о слышанномъ. Тогда хозяинъ велѣлъ слугѣ съ однимъ изъ другихъ слугъ пойти и узнать, дѣйствительно ли тамъ одинъ человѣкъ, а не много, и, если одинъ, то привести его въ домъ. Слуги такъ и сдѣлали, и бѣднякъ былъ приведенъ къ хозяину.

Разговаривая со странникомъ, хозяинъ замѣтилъ въ немъ много благородства и ума, несмотря на то, что онъ былъ босъ и въ лохмотьяхъ, и узналъ изъ его разказа всю его печальную жизнь. Затѣмъ гость спросилъ хозяина, не знаетъ ли онъ гдѣ-нибудь на морѣ островка, гдѣ можно было бы жить, проводя время въ молитвахъ и въ покаяніи. Хозяинъ обѣщалъ отвезти его на такой островъ, а пока переѣмнилъ его платье и обувь и далъ ему у себя пріютъ на нѣсколько дней; затѣмъ онъ приказалъ нагрузить корабль съѣстными припасами и отправился съ своимъ гостемъ на корабль къ тому острову, о которомъ онъ говорилъ нашему Рѣчному бродягѣ. Прибывъ къ острову, хозяинъ съ гостемъ, только

вдвоемъ, сошли на берегъ и отправились въ одну пещеру, гдѣ нашъ странникъ сталъ просить хозяина, чтобы тотъ заковалъ его въ цѣпи, а ключъ отъ цѣпей бросилъ бы въ море. Когда хозяинъ исполнилъ эту просьбу, несчастный Рѣчной бродяга сказалъ, что, какъ только ключъ выйдетъ на поверхность моря, съ того момента его грѣхи будутъ прощены ему. Оставивъ въ пещерѣ необходимые припасы и попрощавшись съ бѣднякомъ, хозяинъ отправился на корабль домой...

...Прошло много лѣтъ, и многое на свѣтѣ измѣнилось и забылось; забыть былъ и нашъ отшельникъ. Но вотъ въ одной странѣ умеръ католикосъ; народъ и почетные люди стали искать достойнаго преемника, и нигдѣ не могли найти такого человѣка. Тогда рѣшено было бросить жребій на всѣ четыре стороны съ тѣмъ, чтобы выбрать новаго католикоса оттуда, гдѣ падетъ жребій. Жребій былъ брошенъ, но исчезъ: онъ не палъ ни въ какую сторону; то же самое повторилось во второй и въ третій разъ. Тутъ рѣшено было бросить жребій, такъ, чтобы узнать, искать ли новаго католикоса на сушѣ, или на морѣ: жребій указалъ на море. Выбравъ двѣнадцать свѣтскихъ и двѣнадцать духовныхъ почетныхъ лицъ, народъ отправилъ ихъ искать новаго католикоса по всѣмъ странамъ. Выборные, странствуя, пришли къ тому человѣку, который отвезъ отшельника на островъ и сказали ему: „Тебѣ хорошо знакомы моря! Не знаешь ли такого острова, на которомъ бы жилъ человѣкъ, достойный занять мѣсто католикоса?“ Тотъ, вспомнивъ объ отшельникѣ, котораго онъ отвезъ на островъ, сказалъ: „Много, много лѣтъ тому назадъ пришелъ ко мнѣ какой-то почтенный человѣкъ, въ видѣ бѣдняка, который просилъ меня отвезти его на какой-нибудь островъ, чтобы ему можно было тамъ въ уединеніи молиться Богу; но только я не знаю, живъ ли онъ, или нѣтъ“. Затѣмъ онъ посмотрѣлъ въ свою памятную книжку, куда занесъ это необычайное происшествіе, и сказалъ, что съ того времени уже про-

шло 32 года. Несмотря на это, выборные рѣшили отправиться посмотреть отшельника и просили своего хозяина отвезти ихъ на островъ и показать имъ отшельника. Прибывъ на островъ, хозяинъ велѣлъ слугѣ наловить рыбы и приготовить закуску, а самъ съ выборными отправился въ пещеру, гдѣ, къ своему удивленію, онъ увидѣлъ молящагося старца и запасы, оставленные имъ, совершенно нетронутыми. Старецъ, увидѣвъ того, кто нѣкогда пріютилъ его, обрадовался, обнялъ и поцѣловалъ его; выборные же поцѣловали руку у старца и объявили ему о цѣли своего прибытія. Вдругъ въ это время пришелъ одинъ изъ слугъ берегового надсмотрщика и, подавая ему ключъ, въ недоумѣніи сказала, что онъ нашелъ этотъ ключъ въ желудкѣ пойманной имъ рыбы. Тутъ старецъ воскликнулъ: „Богъ простилъ мнѣ грѣхи! Ведите меня—куда хотите!“ Это былъ тотъ ключъ, которымъ были заперты цѣпи отшельника, и который былъ затѣмъ брошенъ въ море. Тогда выборные взяли старца съ собою, и онъ, съ большимъ торжествомъ, былъ выбранъ въ католикосы.

Онъ былъ благочестивымъ католикосомъ: люди изъ разныхъ странъ въ большомъ количествѣ приходили къ нему послушать его проповѣдей и получить отъ него утѣшеніе. Царица, бывшая его мать и жена, также пришла къ нему, надѣясь на прощеніе грѣховъ, и онъ, не подавъ виду, что знаетъ ее, отпустилъ ей грѣхи ея...

---

2. Коровій сынъ.

Жили были царь съ царицею. Они были бесплодны и потому не имѣли дѣтей; это крайне печалило ихъ,—тѣмъ болѣе, что они страстно хотѣли имѣть хотя бы одного ребенка-наслѣдника. Поэтому царь и царица стали совершать всякія благодѣянія и молиться Богу; давали обѣты разнымъ святымъ;

посылали много денегъ въ Иерусалимъ и во многіе монастыри, чтобы вездѣ, молясь, ходатайствовали за нихъ предъ Богомъ и просили Его даровать имъ дѣтей; наконецъ, сами они отправились на поклоненіе въ разныя святыя мѣста; но все-таки дѣтей у нихъ не было.

Однажды, отъ имени одного святого, пришелъ къ царю оборванный бѣднякъ—дервишъ, съ тремя яблоками въ рукавѣ, и, привѣтствуя царя, сказала: „Твоя просьба принята! Возьми эти яблоки,—пусть царица, твоя жена, ихъ съѣстъ, и у васъ родится сынъ“. Царь не вѣрилъ и, думая, что предъ нимъ обманщикъ, не хотѣлъ принять яблоки. Но бѣднякъ увѣрялъ царя въ несправедливости его подозрѣній и, оставивъ яблоки, ушелъ. Царица же считала недостойнымъ для себя испытать средство, указанное оборванцемъ, и не съѣла яблокъ, а приказала убрать ихъ въ кухню. Въ это время у царя во дворѣ было нѣсколько лучшихъ коровъ для доенія; между ними была одна шаловливая, вороватая и ненасытная корова, которая, какъ только пускали ее изъ хлѣва, начинала ѣсть, что попадалось на дворѣ: остатки брошенной зелени, шкурки огурцовъ, яблокъ, вѣники и т. д. Эта корова какъ-то попала въ кухню и съѣла яблоки, принесенные бѣднякомъ: чрезъ нѣсколько времени у нея родился сынъ. Царь, вспомнивъ предсказаніе бѣдняка, взялъ ребенка и усыновилъ его.

Ребенокъ росъ не по годамъ, а по днямъ и часамъ и, въ короткое время сдѣлавшись большимъ, сталъ играть съ товарищами. Когда разъ во время игръ случился споръ, товарищи въ насмѣшку назвали его „Коровымъ сыномъ“. Онъ сталъ думать объ этомъ и, наконецъ, спросилъ царя: „Неужели я не вашъ сынъ, что меня называютъ Коровымъ сыномъ?“ Царь успокоилъ его, сказавъ, что онъ—его сынъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ объявилъ всѣмъ, что, кто осмѣлится еще назвать его сына Коровымъ сыномъ, тотъ подвергнется строгому наказанію. Между тѣмъ Коровій сынъ выросъ и сдѣ-

лался такимъ сильнымъ и ловкимъ, какого еще не бывало. Въ то время по всему свѣту, почти въ каждомъ дремучемъ лѣсу, водились злые великаны и людоеды; а на берегу какого-то океана, въ одномъ большомъ лѣсу, жилъ одинъ страшнѣйшій семиглавый людоедъ, отъ котораго весь свѣтъ былъ въ страхѣ. Этотъ людоедъ съ страшнымъ ревомъ нерѣдко выходилъ изъ своего лѣса и, загородивъ всю дорогу, губилъ путниковъ, такъ-что лѣсъ его былъ почти переполненъ человѣческими трупами и похищенными вещами. У него же была въ плѣну одна красавица. Коровій сынъ, слыша объ этомъ людоедѣ и его свирѣпости, сталъ думать, какбы уничтожить его, и, наконецъ, отправился въ тотъ лѣсъ, гдѣ жилъ людоедъ. Придя туда, онъ увидѣлъ красавицу, сидѣвшую предъ домомъ людоеда, который спалъ подъ деревомъ въ тѣни. Красавица, увидя Коровьяго сына, воскликнула:

— „Какъ ты осмѣлился притти сюда! Развѣ у тебя не одна голова? Не бывало здѣсь еще ни одного живого существа, тѣмъ болѣе—живого человѣка... Уходи, уходи! Миѣ жаль тебя: погибнешь здѣсь!“

— „Не безпокойся, красавица: я пришелъ, чтобы убить людоеда и увезти тебя“.

— „Шутишь ты, что ли? Вѣдь, онъ—семиглавый. Весь свѣтъ предъ нимъ дрожить; противъ его силы никто не можетъ устоять“.

— „Будь покойна,—я не слабѣе его“, сказалъ Коровій сынъ и, пользуясь тѣмъ, что людоедъ спитъ, ослѣпилъ его. Людоедъ вскочивъ на ноги, заскрежеталъ зубами со злости и съ страшнымъ ревомъ напалъ на Коровьяго сына. Началась ужасная битва: людоедъ не устоялъ противъ силъ Коровьяго сына и, хотя долго защищался, какъ только могъ, но все-таки былъ побѣжденъ и убитъ. Коровій сынъ взялъ красавицу и богатства людоеда и вернулся къ себѣ. вмѣстѣ съ погибелью этого людоеда потеряли силу и всѣ прочіе ве-

лиезаны: люди стали проникать всюду и вездѣ строили красивые города и селенія; всюду настало спокойствіе и радость, за что всѣ съ благоговѣніемъ чествовали и благословляли Коровьяго сына.

Спустя нѣсколько лѣтъ, однажды Коровій сынъ, вооружившись, отправился въ путь, желая попутешествовать по бѣлу свѣту. На пути, въ одной глубокой долинь, онъ увидѣлъ великана, который плёлъ изъ песку веревки.

— „Какой ты сильный и удивительный человѣкъ“, сказалъ ему Коровій сынъ.

— „Удивительный человѣкъ не я,—отвѣтилъ ему великанъ—а тотъ, котораго зовутъ Коровьимъ сыномъ!“

— „Это я самъ!“ сказалъ Коровій сынъ.

— „А куда ты идешь?“

— „Путешествовать по бѣлу свѣту“.

— „Возьми и меня съ собою“. Коровій сынъ согласился на это.

Они отправились въ путь и встрѣтили другого великана, который, перешагнувши черезъ долину и стоя одной ногой на одной горѣ, а другой—на другой, держалъ въ рукахъ двѣ горы и ударялъ ихъ одну о другую.

— „Какой ты могучій и удивительный человѣкъ! Что это ты дѣлаешь?“ сказалъ великану Коровій сынъ.

— „Могущественный и дивный человѣкъ—тотъ, котораго звать Коровьимъ сыномъ: на берегу океана былъ семиглавый людоедъ, который чуть не погубилъ всѣхъ людей и чуть не опустошилъ весь край; а онъ его убилъ и взялъ его красавицу и богатства“, отвѣчалъ великанъ.

„Это я самъ“, сказалъ Коровій сынъ. Тогда и второй великанъ попросилъ Коровьяго сына взять его съ собою.

Продолжая путь дальше, новые товарищи пришли въ одинъ густой лѣсъ и рѣшили остановиться на одной полянь на ночлегъ; тутъ они рѣшили, чтобы двое изъ нихъ пошли

на охоту, а чтобъ одинъ остался варить пищу. Въ первый разъ остался великанъ, дѣлавшій веревки изъ песку. Онъ развелъ огонь и сталъ варить пищу; въ это время пришелъ людоедъ, низкаго роста и страшнаго вида; его борода была длиннѣе его роста въ четыре раза, а волоса толщиной были съ хорошую веревку. Онъ вырвалъ изъ своей бороды одинъ волосъ и, связавъ великана, поѣлъ все кушанье. Послѣ этого людоедъ хотѣлъ убить великана, но, немного подумавъ, сказалъ про себя такъ: „Вѣдь, онъ уже мой и никуда не уйдетъ изъ моихъ рукъ; пусть пока варить для меня супъ каждый день, а въ концѣ я и его самого съѣмъ“. Затѣмъ, развязавъ великану руки, людоедъ ушелъ. Подъ вечеръ пришли товарищи и, не вида кушанья, выразили свое неудовольствіе. Великанъ же не сказалъ о происшедшемъ, такъ-какъ ему было стыдно, что онъ былъ побѣжденъ людоедомъ. На другой день остался второй великанъ; людоедъ и съ нимъ поступилъ такъ же, какъ и съ первымъ. На третій день Коровій сынъ послалъ товарищей на охоту, а самъ остался варить пищу. Когда все уже было сварено и готово, пришелъ людоедъ. Коровій сынъ замѣтилъ людоеда еще издали и прежде, чѣмъ онъ подошелъ, успѣлъ пустить въ него нѣсколько стрѣлъ и убилъ его. Пришли товарищи и увидѣли, что ужинъ готовъ. Коровій сынъ разсказалъ имъ, какъ людоедъ пришелъ, и какъ онъ его убилъ.

На слѣдующее утро Коровій сынъ велѣлъ первому великану сдѣлать изъ песку веревку и стащить убитаго людоеда въ находившуюся по-близости яму. Стащивъ людоеда въ яму, они замѣтили, что на двѣ ямы что-то блестяло; это всѣхъ ихъ заинтересовало. Коровій сынъ попросилъ перваго великана сдѣлать нѣсколько веревокъ изъ песку, а затѣмъ велѣлъ опустить себя на нихъ въ пропасть и чрезъ извѣстное время вытащить его оттуда. Спустясь на дно пропасти, Коровій сынъ увидѣлъ, что на далекое разстояніе видно безконечное

пространство: это былъ подземный міръ, а блескъ на днѣ пропасти происходилъ отъ стѣць блестящихъ палатъ убитаго людоеда. Въ этихъ палатахъ онъ увидѣлъ трехъ прелестнѣйшихъ красавиць, заключенныхъ въ трехъ отдѣльныхъ комнатахъ, съ запертыми дверьми. Когда Коровій сынъ отворилъ дверь одной комнаты, красавица торопливо вскрикнула:

— „Ты кто такой? Какая судьба тебя забросила сюда? Ты оставишь свою жизнь здѣсь: вѣдь, здѣсь живетъ ужасный людоедъ“.

— „Будь покойна, красавица: я убилъ людоеда, а тебя выведу на бѣлый свѣтъ“.

— „Что ты говоришь! Вѣдь, онъ разбивалъ людей толпами: неужели ты убилъ его?“

Коровій сынъ увѣрилъ, что людоедъ дѣйствительно убитъ. Тогда она согласилась итти съ нимъ; затѣмъ онъ отворилъ двери въ комнаты и двухъ другихъ красавиць. Онѣ всѣ три были сестры и чудныя красавицы, но младшая сестра была красивѣе всѣхъ. Коровій сынъ рѣшилъ младшую сестру взять себѣ, а двухъ другихъ отдать товарищамъ. Онъ крикнулъ товарищамъ, чтобы они опустили веревку. Тѣ опустили веревку и въ первый разъ подняли изъ ямы старшую сестру, потомъ, среднюю и затѣмъ младшую; а въ четвертый разъ, когда они должны были поднять коровьяго сына, они не спустили веревки, такъ-какъ, увидѣвъ младшую сестру и плѣнившись ея красотой, сказали другъ другу: „Если мы поднимемъ Коровьяго сына, то онъ возьметъ ее себѣ, а теперь намъ представился удобный случай оставить его въ пропасти, — пусть тамъ погибнетъ: онъ теперь въ такихъ сѣтяхъ, что ничего намъ дурного не можетъ сдѣлать; мы уже не увидимся больше съ нимъ, а насчетъ красавиць уладимся между собою, кому какую взять!“

Коровій сынъ, послѣ долгаго ожиданія на днѣ пропасти, угадалъ злое намѣреніе вѣроломныхъ товарищей, но дѣлать

было нечего: онъ сталъ странствовать по подземному міру. Шель онъ долго и, наконецъ, прибылъ въ одинъ городъ, гдѣ остановился у одной старухи и попросилъ воды. Старуха принесла ему въ полуразбитой глиняной чашкѣ воды, весьма отвратительной и вонючей.

— „Что это за вода, и зачѣмъ ты ее мнѣ подала?“ спросилъ Коровій сынъ.

— „Сынъ мой! эта вода, къ твоему счастью, еще очень хороша! Вѣришь ли, что мы пьемъ хуже этой, а въ другой разъ и такой не найдемъ, потому-что въ нашемъ большомъ городѣ всего на все одинъ родникъ, да и при источникѣ его сидитъ страшный, огромный звѣрь, не пускающій изъ родника воды. По временамъ мы бросаемъ ему одного человѣка, и, пока онъ его ѣстъ, мы, только тогда, торопливо беремъ кровавую воду изъ грязныхъ и сорныхъ канавъ... О, сынъ мой! если бы ты зналъ, сколько человѣкъ съѣлъ этотъ „кяфиръ“ (безжалостный)-звѣрь, сколько дѣтей, сколько дѣвушекъ! Теперь же очередь дошла до царской дочери; завтра она должна погибнуть... Несчастный, несчастный нашъ городъ“.

Коровій сынъ, узнавъ жалкое положеніе города, на другой день досталъ острыхъ пилъ съ длинными и большими зубцами и, привязавъ ихъ къ себѣ съ боковъ, пошелъ къ роднику и увидѣлъ, что тамъ только царская дочь,—она готовилась къ смерти, а звѣрь ждалъ ее. Коровій сынъ остановилъ царскую дочь, а самъ храбро бросился на звѣря. Взревѣлъ звѣрь кровожадный и, раздробленный на части, издохъ, а вода съ кровью пошла по всѣмъ канавамъ въ городъ. Царская дочь, увидя это чудо, отъ радости чуть не сошла съ ума. Она помочила руку кровью и, приложивъ къ спинѣ Коровьяго сына, сдѣлала знакъ и пошла рассказать отцу о видѣнномъ чудѣ. Между тѣмъ Коровій сынъ вернулся домой къ старухѣ и, увидѣвъ, что она жадно наполняетъ кувшины и горшки кровавой водой, сказалъ ей:

— „Не бери кровавой воды: подожди,—скоро будетъ чистал“.

— „И это—большое счастье, сынъ мой! Неужели ты забылъ вчерашній мой рассказъ?“

Въ это время въ городѣ дѣлали то же самое вездѣ и, при появленіи воды, думали, что царская дочь уже стала жертвою звѣря. Но слухъ объ уничтоженіи звѣря скоро распространился по всему городу, и, по приказанію царя, всадники стали собирать весь народъ на площадь, чтобы найти того, кто убилъ звѣря; на площадь привели и Коровьяго сына. По знаку, указанному дочерью царя, нашли побѣдителя.

— „Ты, Богомъ освященный человѣкъ,—такъ обратился къ нему царь—откуда явился ты къ намъ? Ты даровалъ жизнь моему городу и спасъ мою милую дочь... Скажи, благородный человѣкъ: чѣмъ я могу услужить тебѣ? Я предоставлю тебѣ всевозможное богатство, славу и честь,—живи у меня; я передамъ все въ твои руки!“

— „Спасибо за честь и пріемъ! Я ничего не хочу,—только выведи меня на бѣлый свѣтъ“, отвѣчалъ ему Коровій сынъ.

— Никто не можетъ вывести тебя на Божій свѣтъ, кромѣ птицы „Синамарка“, сказалъ ему царь: „Синамаркъ, это—весьма большая птица, живущая въ лѣсу на берегу океана; она выводитъ каждый годъ дѣтенышей, по все она трудится напрасно: лишь только начнутъ у нихъ расти крылья, ихъ похищаетъ крылатая змѣя; если ты убьешь эту змѣю, то Синамаркъ съ радостью выведетъ тебя на бѣлый свѣтъ“.

Тутъ царь и народъ съ благоговѣніемъ проводили его за городъ, и Коровій сынъ отправился снова въ путь. Послѣ долгихъ странствованій, онъ забрался въ одинъ лѣсъ, гдѣ нашелъ дерево, на вершинѣ котораго было гнѣздо Синамарка. Змѣя, открывъ ротъ, уже взбиралась по вѣткамъ вверхъ, чтобы проглотить птенцовъ; но Коровій сынъ торопливо вы-

стрѣлилъ въ змѣю, и она пала мертвою на землю. Синамаркъ въ это время была въ отсутствіи, но не далеко, и, слышавъ шумъ, послѣшила назадъ, думая, что птенцы ея въ опасности... Коровій сынъ ужъ легъ спать. Увидѣвъ его, Синамаркъ хотѣла крыльями ударить его, но птенцы воскликнули: „Мама, мама, не вреди ему! Это—добрый человѣкъ: онъ насъ спасъ,—онъ убилъ змѣю!“ Синамаркъ, убѣдившись въ правдѣ словъ дѣтей, спустилась внизъ и, видя, что Коровій сынъ заснулъ на солнцѣ, раскрыла надъ нимъ свои крылья, чтобы защищать его отъ жгучихъ лучей солнца, и ждала, пока онъ не проснулся. Тогда, упавъ къ его ногамъ, Синамаркъ сказала: „Благословенный изъ всѣхъ людей, спаситель моихъ дѣтей! откуда тебя Богъ послалъ къ намъ? О, сколько лѣтъ я съ трудомъ выращивала милыхъ дѣтей, а эта проклятая змѣя ихъ пожирала беспощадно“. Тутъ Синамаркъ, какъ самая сильная изъ всѣхъ птицъ и животныхъ въ лѣсу, повелѣла притти всему птичьему и животному царству отблагодарить Коровьяго сына, и вотъ птицы и звѣри собрались и пали къ его ногамъ, выражая этимъ свою сердечную благодарность, а затѣмъ они предлагали ему богатые подарки.

— „Ничего мнѣ не нужно“, сказалъ Коровій сынъ: „только выведите меня на бѣлый свѣтъ“.

— „Съ радостью выведу я тебя“, сказала Синамаркъ: „но попроси у царя достаточнаго количества запасовъ, чтобы намъ не пришлось голодать, потому-что мы должны будемъ десять дней летать по океану“.

Такъ и было сдѣлано. Тутъ всѣ животныя пожелали Коровьему сыну счастливаго пути. Скоро онъ былъ вынесенъ Синамаркомъ изъ подземнаго міра на бѣлый свѣтъ. Странствуя по свѣту, Коровій сынъ дошелъ до того мѣста, гдѣ была пропасть, въ которую спускали его, и увидѣлъ, что савицы и товарищи его еще тамъ: такъ-какъ до сихъ поръ они не могли уладить дѣла и спорили между собою изъ-за млад-

шей сестры, то у нихъ рѣшено было покончить споръ борьбой: кто кого павалить, тотъ и возьметъ младшую сестру. Но, такъ-какъ оба они были одинаково сильны, то не могли побѣдить другъ друга, хотя уже неоднократно начинали борьбу; уставши, они отдыхали и потомъ начинали снова. Такъ это продолжалось все время. Увидѣвъ Коровьяго сына, они сильно испугались.

— „Такова ваша дружба, такова ваша честность и вѣрность!“ обратился къ нимъ съ рѣчью Коровій сынъ: „сознаете ли вы, что сдѣлали преступленіе? Вѣдь, я былъ вашимъ хорошимъ товарищемъ, а вы забыли нашу хлѣбъ-соль!.. Я сильно наказалъ бы васъ, но, такъ-какъ вы можете еще исправиться, то я васъ прощаю“. [„Но послушайте *) меня: что я скажу, то пригодится вамъ. Если всякій будетъ дѣлать зло, чѣмъ только можетъ—силой, властью, богатствомъ или какимъ-нибудь другимъ путемъ, то человѣческая жизнь разстроится. Вспомните: вѣдь, вы сами говорили, что я чудный, сильный и могущественный человѣкъ, а вы были, противъ меня, ничтожными великанами, но между тѣмъ я вамъ не сдѣлалъ никакого зла, а вы сами знаете, что я могъ сдѣлать много зла вамъ и другимъ. Неужели я не могъ бы убить васъ и другихъ встрѣчавшихся? Неужели не могъ похищать чужое имущество и причинять несчастіе: слава Богу, вѣдь у меня была сила. Но я этого не дѣлалъ и другимъ дѣлать этого не позволялъ. Вы сами знаете, что творилъ семиглавый людоѣдъ: неужели онъ дѣлалъ хорошо? Вы оставили меня на днѣ пропасти, чтобы я погибъ, а между тѣмъ я вошелъ въ подземный міръ и тамъ освободилъ еще многихъ людей и животныхъ отъ злого звѣря: теперь повсюду тамъ царствуетъ миръ и спокойствіе; васъ тоже я избавилъ на полянѣ отъ людоѣда, съ

---

*) Слова заключенныя въ скобки, повидимому, есть самое позднѣйшее наслоеніе: это результатъ резонирующаго ума, пытающагося дѣлать нравоченія.

длинной бородой. Гсѣ люди и животныя признали мои благія дѣла; всѣ они привязались ко мнѣ, желали много хорошаго и чествовали меня сердечно, а вы же, хотя я вашъ избавитель и добрый товарищъ, поступили коварно со мною“.

Тутъ еще красавицы сказали великанамъ: „Такихъ злодѣевъ мы ненавидимъ,—мы любимъ добрыхъ и праведныхъ, а не дурныхъ и злыхъ“].

Затѣмъ Коровій сынъ взялъ красавицъ и возвратился домой, а послѣ того счастливо жилъ до глубокой старости...

---

3. Месропъ и его мудрый слуга.

Нѣкогда жилъ одинъ знатный и богатый человѣкъ. Онъ имѣлъ одного сына, котораго звали Месропомъ. Отецъ и всѣ домашніе очень любили его и ухаживали за нимъ, такъ-что онъ все свое дѣтство провелъ безопасно, въ играхъ съ товарищами, и не зналъ нужды или заботъ. Когда онъ сталъ взрослымъ, отецъ захотѣлъ приучить его къ работѣ, а также и узнать, можетъ ли сынъ его самостоятельно вести какую-нибудь *торговлю*; поэтому на первый разъ онъ далъ ему 200 золотыхъ монетъ и сказалъ, чтобы онъ пошелъ въ какой-нибудь городъ, занялся бы тамъ торговлею и сдѣлалъ бы какой-нибудь оборотъ съ деньгами: напимѣръ, купилъ бы товару и привезъ бы его домой для продажи. Сынъ отправился въ путь и прибылъ въ одинъ городъ. Здѣсь онъ сталъ бродить по городу, во всему присматриваться и прислушиваться къ тому, о чемъ говорятъ люди. Также разсматривалъ онъ то одно, то другое и наблюдалъ, гдѣ продается какой товаръ и по какой цѣнѣ.

Однажды Месропъ вышелъ по какимъ-то дѣламъ за городъ и увидѣлъ, что какой-то человѣкъ, привязавъ къ шеѣ мертвеца веревку, волочитъ его по дорогѣ, а въ особенности по тѣмъ ея мѣстамъ, гдѣ лежали камни и щебень: повидимо-

му, это вощунство таскавшему доставляло большое удовольствіе. Тогда Месропъ не вытерпѣлъ и, подошедши къ нему, спросилъ: „Зачѣмъ ты это дѣлаешь? Какъ тебѣ не стыдно издѣваться надъ мертвецомъ!“ Тогда этотъ человѣкъ разсказалъ, что мертвецъ былъ долженъ ему 160 золотыхъ и умеръ. „Эта потеря денегъ меня такъ сильно озлобила“, заключилъ свою рѣчь человѣкъ: „что я вынулъ его трупъ изъ могилы и хочу выместить на немъ зло, которое онъ мнѣ причинилъ, чтобы хоть этимъ удовлетворить себя“. Месропъ спросилъ его, за сколько золотыхъ онъ согласится оставить мертвеца въ покоѣ. „Я соглашусь на это и за половину“, сказалъ тотъ. Тогда Месропъ вынулъ нужную сумму денегъ изъ кармана и отдалъ ему, а тотъ довольный ушелъ. Месропъ сейчасъ же нанялъ работниковъ, приказалъ имъ вырыть новую могилу, созвалъ священниковъ и вторично похоронилъ его. Послѣ похоронъ Месропу пришла мысль, что, можетъ быть, мертвецъ еще кому-нибудь долженъ, и потому, чтобы мертвеца опять не потревожили, онъ купилъ тяжѣлый надгробный камень, поставилъ его на могилѣ и обнесъ могилу вѣпкой оградой. Потративъ такимъ образомъ всѣ свои остальные деньги на похороны, Месропъ съ пустыми руками, вернулся домой.

Отецъ сталъ спрашивать Месропа о томъ, что онъ сдѣлалъ съ деньгами и что привезъ съ собой. Сынъ откровенно разсказалъ все происшедшее съ нимъ въ городѣ. Отецъ однако не разсердился на него, но съ довольнымъ видомъ сказалъ: „Доброе дѣло ты сдѣлалъ, сынъ мой, и это не пропадетъ для тебя даромъ!“ Послѣ этого сынъ остался дома и много лѣтъ не предпринималъ никакихъ поѣздокъ и торговыхъ оборотовъ: жилъ онъ, не зная никакихъ заботъ. Наконецъ, когда отецъ состарѣлся и потерялъ зрѣніе, то призвавъ сына, сказалъ ему: „Дорогой сынъ, я уже не въ состояніи болѣе работать, и потому теперь тебѣ самому нужно приняться за дѣла; а такъ-какъ ты не въ состояніи работать

самъ по себѣ, то тебѣ необходимо найти вѣрнаго и преданнаго слугу, который помогъ бы тебѣ управлять имуществомъ. Ступай на площадь, найди слугу и приведи его ко мнѣ“. Сынъ такъ и сдѣлалъ. Такъ-какъ отецъ не могъ видѣть приведеннаго слуги, то велѣлъ подвести его къ себѣ и, подержавъ его за руки, сказалъ: „Ничего, мальчикъ хорошій,—отведите и накормите его“. Когда его увели кормить, отецъ призвалъ сына и сказалъ ему: „Этотъ слуга тебѣ не подходящий,—отпусти его и приведи другого“. Сынъ привелъ другого слугу, но отецъ тоже сказалъ, что онъ не годится, и его также, накормивъ, отпустили. Наконецъ, въ третій разъ отецъ сказалъ сыну: „Ступай въ ближайшее селеніе и постарайся тамъ найти хорошаго человѣка; а чтобы узнать, будетъ ли онъ тебѣ вѣрнымъ и преданнымъ слугою, дорожкой дай ему хлѣбъ и вели разрѣзать его на двѣ части, для тебя и для него: если онъ возьметъ себѣ меньшую часть, то знай, что онъ будетъ тебѣ вѣренъ; затѣмъ дорожкой же отстань подъ предлогомъ поправить оборву поршня: если слуга остановится и будетъ тебя ждать, то онъ будетъ тебѣ преданъ“. На другой день Месропъ отправился въ селеніе и, нанявъ слугу, испыталъ его такимъ образомъ, какъ совѣтовалъ отецъ. Слуга исполнилъ все такъ, какъ этого хотѣлъ отецъ. Когда онъ былъ приведенъ домой, отецъ взялъ его за руки и сказалъ: „Дорогой сынъ, вотъ тебѣ вѣрный и преданный слуга“. Слуга былъ нанятъ съ платою по 10 золотыхъ въ годъ, и сынъ сталъ хозяйничать вмѣсто отца.

Молодой хозяинъ, первое время, занимался мелкою торговлей, въ чемъ слуга помогалъ ему самымъ честнымъ и усерднымъ образомъ; наконецъ, такъ-какъ товаровъ набралось большое количество, онъ рѣшилъ отправиться съ своимъ слугою въ какой-нибудь торговый городъ и приказалъ ему приготовить катеровъ и навьючить ихъ товарами. Когда все было готово, Месропъ вооружился и, получивъ отъ старика-от-

ца благословеніе, отправился въ путь съ слугой. Долго странствовали они по горамъ, по полямъ, по лѣсамъ, разспрашивая у встрѣчныхъ дорогу, и, наконецъ, пришли въ такое мѣсто, гдѣ дорога кончалась, и терялся всякій ея слѣдъ; тутъ они остановились и, послѣ долгаго раздумья, рѣшили свернуть въ ближайшее селеніе и заночевать въ немъ; переночевавъ у одного крестьянина, они на другой день попросили его указать дорогу. Крестьянинъ сказалъ: „Ступайте прямо по этой дорогѣ, не сворачивая ни въ какую сторону, до тѣхъ поръ, пока не встрѣтите густого лѣса, гдѣ увидите двѣ дороги: одна изъ нихъ, старая, идетъ черезъ лѣсъ, а другая, новая идетъ мимо лѣса по полямъ; по старой дорогѣ до города шесть дней пути, а по новой четырнадцать; но вы ступайте по новой дорогѣ, ибо она безопасна, по старой же дорогѣ встрѣчаются страшнѣйшіе людоеды“. Попрошавшись съ крестьяниномъ и поблагодаривъ его, путники, согласно его указаніямъ, дошли до лѣсу. Месропъ, слѣдуя совѣту крестьянина, хотѣлъ отправиться по новой дорогѣ, но слуга настаивалъ на томъ, чтобы отправиться по старой; они такъ и сдѣлали. Послѣ долгаго пути по дремучему лѣсу, они рѣшили закусить и отдохнуть на одной полянѣ. Месропъ послѣ ѣды заснулъ, а слуга пошелъ по лѣсу и скоро увидѣлъ великолѣпный дворецъ. Доставъ откуда-то ключи, онъ отворилъ двери и поднялся по лѣстницѣ въ верхній этажъ; войдя въ одну комнату, увидѣлъ онъ двухъ чудныхъ красавицъ, которыя несказанно обрадовались его приходу и воскликнули: „Кто ты, такой удивительный герой, что осмѣлился войти сюда, гдѣ съ начала міра не бывала ни одна человѣческая нога?“ Затѣмъ онѣ ему рассказали, что заключены здѣсь двумя страшнѣйшими людоедами, такъ-что давно не видѣли ни человѣческаго лица, ни солнечнаго свѣта. Слуга обѣщалъ имъ убить людоедовъ и вернуть свободу, но онѣ не повѣрили и стали думать, какъ бы спасти его; а онъ попросилъ ихъ показать

ему оружіе людоѣдовъ. (Людоѣды въ это время были въ отсутствіи). Красавицы привели его комнату, гдѣ лежало всевозможное оружіе, и онъ выбравъ одинъ изъ лучшихъ мечей, спустился въ нижній этажъ, гдѣ тянулся длинный коридоръ, со множествомъ проходныхъ, полуотворенныхъ дверей.

Притаившись у одной изъ дверей, слуга скоро завидѣлъ людоѣдовъ, семиглаваго и пятиглаваго. Не дойдя еще до первыхъ дверей, семиглавый людоѣдъ сказалъ: „Тутъ пахнетъ человѣкомъ; ты погоди здѣсь, а я пойду—посмотрю, нѣтъ ли кого у насъ“. Съ этими словами онъ направился по коридору, нюхая по сторонамъ. Но, только-что онъ дошелъ до тѣхъ дверей, гдѣ стоялъ слуга, какъ послѣдній однимъ ударомъ меча снесъ ему всѣ головы и снова спрятался у передней двери. Пятиглавый людоѣдъ, видя, что товарищъ его долго не возвращается, рѣшилъ пойти въ коридоръ, но былъ также убитъ. Слуга Месропа, отрѣзавъ у людоѣдовъ уши и языки и вынулъ глаза и зубы, пошелъ этимъ убѣдить красавицъ, что людоѣды убиты, чему тѣ несказанно обрадовались, и просили его взять ихъ съ собою. Но мудрый слуга, назначивъ имъ время, когда онъ придетъ за ними, отправился назадъ къ своему хозяину, Месропу, который проснулся только тогда, когда возвратился слуга.

Навьючивъ катеровъ, они отправились далѣе. Вдругъ изъ-подъ вуста выскочилъ волкъ; слуга, сказавъ Месропу, чтобы тотъ продолжалъ путь, пустился за волкомъ, несмотря на то, что Месропъ кричалъ ему, что, пока онъ успѣетъ сдѣлать одинъ шагъ, волкъ оставитъ за собой 12 горъ. Догнавъ и убивъ волка, вѣрный слуга вынулъ изъ головы его мозгъ и, положивъ его въ платокъ, вернулся къ Месропу. Продолжая, безъ приключеній, остальной путь, они скоро пришли въ многолюдный столичный городъ и тамъ остановились. На первое время Месропъ отерылъ одну лавку и сталъ съ своимъ вѣрнымъ слугою торговать такъ удачно, что скоро открылъ

еще двѣ, а затѣмъ три, четыре лавки и такъ расширилъ свои обороты, что перебилъ всю торговлю у купцовъ того города. Купцы пожаловались царю и просили его удалить такого опаснаго конкурента. Царь потребовалъ Месропа къ себѣ. Когда Месропъ отправлялся во дворецъ, слуга просилъ его сообщить по возвращеніи все, что скажетъ ему царь. Увидѣвъ Месропа, царь сказалъ ему: „Или оставь все, что ты нажилъ въ моемъ городѣ, и уходи отсюда, съ чѣмъ пришелъ, или излѣчи мою нѣмую дочь отъ нѣмоты: если же ты не сдѣлаешь ни того, ни другого, то будешь казненъ“. Месропъ возвратился домой, сильно опечаленный, и сообщилъ все слугѣ, а слуга успокоилъ его и сказалъ: „Ступай къ царю и скажи ему, что ты согласенъ вернуть все, тобою здѣсь нажитое, съ тѣмъ, чтобы тебѣ было возвращено все то время, которое ты здѣсь прожилъ; если же онъ хочетъ вылѣчить свою дочь, то пусть 10-го числа этого мѣсяца устроить торжественный пиръ въ своемъ залѣ, гдѣ бы за завѣсью сидѣла его дочь; затѣмъ пусть призоветъ всѣхъ высшихъ сановниковъ государства на пиръ, и тогда ты въ 20-ть минутъ третьяго заставишь ее говорить въ присутствіи всѣхъ“. Месропъ такъ и сдѣлалъ. Царь согласился и въ назначенный день устроилъ пиръ.

Когда Месропъ собирался къ царю на пиръ, слуга ему сказалъ: „Когда царская дочь въ назначенное тобою время, должна будетъ заговорить, ты обернись къ коври, на которомъ будешь сидѣть и скажи: „Коверъ, соверши неслыханное и невиданное чудо“. Тогда коверъ самъ заговоритъ, а ты посмотришь, что будетъ“. Месропъ такъ и сдѣлалъ. Когда въ назначенное время царь напомнилъ ему, что онъ долженъ заставить заговорить его дочь, то онъ, обернувшись къ коври, на которомъ сидѣлъ, сказалъ, какъ научилъ его слуга. Коверъ тотчасъ же сталъ говорить слѣдующее:

„Однажды шли чрезъ лѣсъ, по своимъ дѣламъ, въ одинъ

городъ плотникъ, портной и монахъ и на одной полянѣ рѣшили позавтракать и отдохнуть. Послѣ завтраку они заснули. Раньше всѣхъ проснулся плотникъ, который, полюбывавшись прекраснымъ лѣсомъ, досталъ инструменты и сдѣлалъ изъ дерева остовъ молодой прекрасной дѣвушки такъ искусно, что она казалась живой. Полюбывавшись своимъ произведеніемъ, плотникъ опять заснулъ. Проснулся портной, увидѣлъ деревянную статую и, въ свою очередь полюбывавшись ею, рѣшился одѣть ее: вынулъ иглу, нитку и матерію, сшилъ платье и нарядилъ въ него статую, а затѣмъ тоже заснулъ. Проснулся монахъ и, увидѣвъ прекрасную, но не живую дѣвушку, пожалѣлъ и сталъ молить Бога, чтобы она ожила. Статуя по молитвѣ монаха стала жива. Не успѣлъ еще монахъ положить крестъ и молитвенникъ въ сумку и полюбоваться ею, какъ проснулись его товарищи... Тутъ у нихъ завязался споръ, кому должна принадлежать эта красавица... Рѣшите, господа сенаторы (?), кому она должна принадлежать изъ нихъ!" заключилъ свою рѣчь коверъ.

Сенаторы долго не могли рѣшить этого. Тогда вдругъ нѣмая дочь приказала сенаторамъ замолчать и сама рѣшила слѣдующимъ образомъ: „Красавица принадлежитъ монаху“, сказала она: „потому-что душа въ человѣкѣ главное, а ожила она по молитвѣ монаха“. Тутъ пиръ окончился, и всѣ пирующие разошлись, пораженные происшедшимъ.

На другой день Месропъ, по совѣту слуги, далъ волчій мозгъ царской дочери, растворивъ его въ водѣ. Выпила это царская дочь и стала говорить, только *не совсѣмъ ясно*. Обрадованный царь отдалъ свою дочь замужъ за Месропа съ богатымъ приданымъ; поэтому богатства Месропа умножились еще больше, такъ-что уже имъ не было и счету.

Такъ прошло нѣсколько времени... Вотъ однажды слуга и связалъ Месропу, что пора имъ вернуться на родину, такъ-какъ съ нихъ довольно нажитаго богатства. Месропъ согласил-

ся и, навьючивъ все свое богатство на катеровъ, отправился съ женой и слугой въ путь. Доѣхавши до той же самой лѣсной поляны, они рѣшились отдохнуть и позавтракать. Послѣ завтраку слуга пошелъ во дворецъ къ красавицамъ и, взявъ красавицъ и всѣ богатства людоедовъ, вернулся къ Месропу. Месропъ, посмотрѣвъ на красавицъ и ихъ богатства, спросилъ съ удивленіемъ слугу: „кто онѣ такія?“ — „Онѣ—мой старыя знакомыя и пойдутъ съ нами на свою родину“, отвѣчалъ онъ Месропу. Тогда они всѣ вмѣстѣ пустились въ путь и приѣхали на родину.

На дорогѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города, слуга остановилъ Месропа и просилъ его съ нимъ разсчитаться,—опредѣлить, сколько слѣдуетъ ему получить жалованья, такъ-какъ онъ не пойдетъ съ нимъ до города. Месропъ согласился и, отсчитавъ за десять лѣтъ сто золотыхъ, хотѣлъ отдать ихъ слугѣ, но слуга сказалъ Месропу, что онъ заслуживаетъ платы, не какъ слуга, но какъ товарищъ, и долженъ получать половину всего. Месропъ, сознавая его заслуги, на это охотно согласился и все свое богатство и красавицъ, привезенныхъ отъ людоедовъ съ ихъ богатствами, раздѣлил на двѣ разныя части. Осталась только бывшая нѣмая царская дочь, съ которой ничто не могло сравниться, и которую нельзя было раздѣлить на двѣ части. Но слуга настаивалъ на томъ, чтобы ее перерѣзать пополамъ,—на двѣ равныхъ доли. Месропъ удивился этому безумію и сказалъ, что лучше ее опѣнить: одинъ возьметъ деньги, а другой ее.

Слуга не согласился, на предложеніе Месропа, а, послѣ долгаго спора, взявъ одной рукой красавицу за руку и велѣлъ Месропу держать ее за другую руку такъ, чтобы можно было разрубить ее пополамъ съ головы до ногъ. Когда слуга поднялъ мечъ высоко надъ головой красавицы, послѣдняя, увидѣвъ это, сильно испугалась и сейчасъ же затѣмъ *крикнула*: изо рта у нея выпала змѣя. Послѣ этого она ста-

ла говорить очень ясно и стала хороша такъ же, какъ и другія красавицы. Слугѣ этого и нужно было. Затѣмъ онъ подарилъ Месропу всѣхъ трехъ красавицъ и все богатство, сколько принадлежало ему по-праву, и, распрощавшись съ нимъ, хотѣлъ итти въ противоположную сторону. Месропъ увидился всему этому и не пускалъ его итти, но просилъ его взять свою долю богатства. Тотъ отказался, говоря, что ему ничего не нужно, что онъ пойдетъ въ „свое мѣсто“. Месропъ думалъ, что тотъ шутитъ, но, видя, что слуга не беретъ ничего, предложилъ ему взять по крайней мѣрѣ запасовъ на дорогу. Но слуга и отъ этого отказался и повторилъ еще, что ему ничего не нужно, что онъ уйдетъ въ свое мѣсто.

— „Гдѣ же *твое мѣсто?*“ спросилъ его Месропъ.

— „Мѣсто мое на владбищѣ, въ могилѣ: я—тотъ мертвецъ, котораго ты спасъ отъ поруганія, и надъ которымъ ты поставилъ надгробный камень, и вотъ я пришелъ отблагодарить тебя за твое доброе дѣло“. Послѣ этихъ словъ мертвецъ исчезъ...

4. Минаретъ изъ человѣческихъ головъ.

Жилъ-былъ богатый рыцарь; у него былъ взрослый сынъ, котораго звали Маркозомъ. Рыцарь чрезъ годъ умеръ. Послѣ смерти отца, Маркозъ зажилъ роскошной жизнью и скоро растратилъ отцовское богатство: осталось у него только три золотыхъ монеты. Понявъ свое печальное положеніе и раскаиваясь въ своей расточительности, онъ рѣшилъ оставить свою беременную жену и итти на край свѣта съ цѣлью никогда не возвращаться. Взялъ онъ три своихъ золотыхъ и отправился въ дорогу. Шелъ онъ долго, по разнымъ селеніямъ, деревнямъ, городамъ, и прибылъ, наконецъ, въ одинъ большой городъ. Пройдя на большую площадь, онъ увидѣлъ, что на

ней сидитъ дряхлый старикъ, съ длинной бѣлой бородой, и вокругъ него множество людей. Маркозъ, подошедши къ толпѣ спросилъ: „Что за народъ тутъ, и кто такой этотъ старикъ?“ Ему отвѣтили, что это мудрый старикъ, который продаетъ мудрые совѣты.

— „Развѣ мудрые совѣты продаютъ?“ возразилъ Маркозъ съ удивленіемъ.

— „Самъ видишь: столько тутъ народу не на шутку собралось“, отвѣчали ему.

— „Почемъ же онъ продаетъ одинъ умный совѣтъ?“

— „За одну золотую монету“.

Маркозъ все еще не вѣрилъ, что это дѣйствительно правда, и поэтому рѣшилъ купить только одинъ мудрый совѣтъ для испытанія. Старикъ, получивъ отъ него одну золотую монету, сказалъ: „По ночамъ не пускайся на дорогу“, и послѣ этой фразы замолчалъ.

— „Это все?“ спросилъ Маркозъ.

— „И этого довольно, если ты могъ бы понять значеніе этихъ словъ“, сказалъ старикъ.

Этотъ „мудрый совѣтъ“, данный старикомъ, совсѣмъ не понравился Маркозу, и потому онъ, немного подумавъ, рѣшилъ купить другой совѣтъ, съ мыслию, что, можетъ быть, на этотъ разъ ему достанется лучшій. Второй разъ, получивъ еще одну изъ золотыхъ монетъ, старикъ сказалъ: „Когда будешь въ гостяхъ, то, если принесутъ тебѣ ѣсть больше, чѣмъ слѣдуетъ, ты не говори, зачѣмъ они подаютъ такъ много!“ Маркозу и это не понравилось, и онъ купилъ еще третій совѣтъ. По полученіи третьей золотой монеты, старикъ сказалъ: „Если стрѣляешь изъ ружья, то прежде, чѣмъ спустить курокъ, ты хорошенько посмотри, *во что* стрѣляешь“. Маркозу и третій совѣтъ не понравился,—онъ только пожалѣлъ, что истратилъ свои три золотыя монеты, и сказалъ старику, что такую-то мудрость онъ и самъ знаетъ.

Послѣ этого Маркозъ продолжалъ свой путь, питаясь ужь подаяніемъ. Разъ онъ встрѣтилъ купцовъ и присоединился къ нимъ. Вечеромъ они остановились на ночлегъ. На утро, еще предъ разсвѣтомъ, товарищи Маркоза пустились въ путь, а онъ остался, желая испытать первый совѣтъ старика. Съ разсвѣтомъ и онъ отправился одинъ въ путь и, не пройдя верстъ пяти, на высококомъ перевалѣ горы, увидѣлъ своихъ спутниковъ замерзшими отъ холода. Маркозъ, остановясь возлѣ мертвыхъ товарищей, очень сожалѣлъ объ нихъ и порадовался за себя...

Такъ, продолжая путь, пришелъ Маркозъ въ одинъ городъ, гдѣ увидѣлъ минареть, построенный изъ однихъ чело-вѣческихъ головъ. Онъ спросилъ, что это за минареть. Ему сказали, что минареть этотъ построенъ изъ головъ несчастныхъ чужеземцевъ, которымъ по приказанію царя отрубали головы. Нашъ Маркозъ тоже отправился во дворецъ. Здѣсь онъ сейчасъ же былъ допущенъ къ царю. Царь очень радушно принялъ его и тотчасъ же велѣлъ приготовить ему разныхъ закусокъ: явились двѣнадцать человекъ, одѣтыхъ въ весьма богатая одежды, шитыя золотомъ и усыпанныя жемчугомъ: каждый изъ этихъ людей въ рукахъ держалъ золотой подносъ, и на каждомъ подносѣ было по 12 стакановъ чаю; они подали это царю и Маркозу. Маркозъ удивился этому и хотѣлъ сказать царю, что для нихъ двоихъ не зачѣмъ было подавать столько, но, вспомнивъ второй купленный совѣтъ, сталъ ѣсть и пить молча, сколько могъ. Потомъ принесенъ былъ завтракъ, обѣдъ, ужинъ, и каждый разъ смѣнялись слуги и форма одежды, и въ каждый слѣдующій разъ слуги являлись одѣтыми лучше и изящнѣе прежняго, а кушанья подавалось въ большемъ и большемъ количествѣ; вечеромъ же принесли Маркозу очень много шелковыхъ постелей. Маркозъ и тутъ не сказалъ ни слова. На слѣдующее утро онъ сердечно поблагодарилъ царя и на прощанье спросилъ:

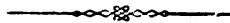
— „Что это за минареть, и что тамъ за головы?“

— „Это головы—отвѣчалъ царь—тѣхъ людей, которые приходили въ мой городъ: я ихъ принималъ такъ же, какъ и тебя, чтобы они вездѣ рассказывали про мою роскошь, щедрость и прославили бы меня, а они давали мнѣ наставленія, чтобы я напрасно не тратился на нихъ. За такіе совѣты я ихъ казнилъ; ты же уменъ и зато освободился отъ казни“. Затѣмъ царь подарилъ ему еще два мула, навьюченные дорожными вещами и золотомъ, и отпустилъ его.

Собравъ все свое богатство, Маркозъ отправился на родину. Вошедши въ родной городъ и подойдя къ своему дому, онъ увидѣлъ въ окно, что жена его сидитъ на тахтѣ, а какой-то молодой человѣкъ положилъ ей голову на колѣни, и она чешетъ ему волосы. Маркозъ хотѣлъ сейчасъ же застрѣлить ихъ изъ ружья, но, вспомнивъ старика и хорошенько посмотрѣвъ, услышалъ, что жена говоритъ: „Дорогой сынъ, будь хорошъ... Отецъ твой 16 лѣтъ уже въ отлучкѣ, онъ не знаетъ, что ты такъ выросъ!“ Маркозъ постучалъ въ дверь,—на встрѣчу вышла жена и сынъ, но они не узнали его; когда же онъ имъ открылъ себя, то они весьма обрадовались ему... Съ тѣхъ поръ зажили они богато и счастливо...

Бондарный мастеръ при Елисаветпольскомъ Михайловскомъ профессиональномъ училищѣ *И. Томіевъ*.

Елисаветполь.
1889 г.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ *)

Нѣкоторыя словъ (арабскія **, татарскія, армянскія, грузинскія и др.), встречающіяся въ этнографическомъ и историческомъ матеріалѣ II Отдѣла.

~~~~~
Объясненіе сокращеній: араб.—арабское (т. е., слово); арм.—армянское; груз.—грузинское (картвельское); джунг.—джунгарское; перс.—персидское; тат.—татарское; туркм.—туркменское.

А.

Аба (араб.)—накидка, верхняя одежда, плащъ. 12. ***)

Абазъ, аббаси (тат.)—двугривенный (20 к.). 24.

Ага (перс.)—господинъ. 19.

Азгиль (тат.)—шишки (плодь). 39.

Азраилъ (араб.)—ангелъ смерти. 61.

---

*) Составился нашъ Указатель отчасти изъ замѣчаній авторовъ статей какъ настоящаго выпуска, такъ и *предыдущихъ* выпусковъ, отчасти на основаніи поясненій, сдѣланныхъ нашими сослуживцами, *И. З. Татиевымъ* и *А. Н. Байрамовымъ*; но главнымъ образомъ,—при помощи *Мирзы-Шерифа Мирзаева*; онъ же любезно помогалъ намъ и при печатаніи татарскаго текста, встречавшагося по мѣстамъ въ разныхъ статьяхъ отдѣла.—Всѣмъ этимъ лицамъ редакція считаетъ своимъ долгомъ выразить глубокую признательность.

**) Нѣкоторыя слова въ Указателѣ остаются *безъ обозначенія*, какого они происхожденія; относительно нѣкоторыхъ сказано на-двое. По поводу этого нужно замѣтить, что отнесеніе даннаго реченія къ той или иной народности было вообще самымъ труднымъ дѣломъ, при сост.вленіи Указателя. Оно и понятно: лица, разныхъ національностей, непосредственно знающія тѣ или иные мѣстные языки, объ одномъ и томъ же словѣ нерѣдко говорили, какъ о словѣ ихъ народности: это несомнѣнно указываетъ на *перекрестныя заимствованія* словъ одной народности у другой, въ силу ихъ тѣснаго бытового соприкосновенія, но это же именно и затрудняетъ опредѣленіе происхожденія словъ.

***) *Цифра* въ концѣ объясненія слова означаетъ или ту *страницу* текста, на которой поясняемое слово встречается въ первый разъ, или ту *страницу*, на которой есть къ нему поясненіе въ самомъ текстѣ или въ примѣчаніи.

Айва (тат.: *heiva*)—название дерева и плода. 39.

Алейкумъ асъ (азъ) **саламъ**— „И вамъ миръ и привѣтствіе“ (отвѣтное привѣтствіе на „саламъ алейкумъ“). 76.

Алифъ—название первой буквы въ татарскомъ алфавитѣ. **Алифъ-забаръ**—первая буква алфавита съ „забаромъ“ *ı* (т. е., *a*); та же буква съ *зыромъ*—*ı* (*ı*), съ *пюшемъ*—*ı* (*u*—франц.). **Дузабаръ**—двойной забаръ (*ı*); **дузиръ**—двойной зиръ (!); **дупюшъ**—двойной пюшъ (*ı*). Названія буквъ и знаковъ—слова *арабскія*. (Забаръ, зиръ, пюшъ, дузабаръ, дузиръ, дупюшъ—особые знаки, надстрочные и подстрочные, придающіе одной и той же буквѣ разное значеніе). 11.

Аллафъ ма(е)йданъ (*sic*)— „Площадь хлѣбныхъ торговцевъ“. — **Кѣмурчи-ма(е)йдапъ**— „Площадь угольщиковъ“. 8.

Аманъ (араб.)—пощада; *татар.*—ужасъ (существительное имя для выраженія восклицанія, удивленія и т. п.). 33.

Ар(а)ба (араб.)—телѣга. 67.

Арсинъ (тат.)—см. примѣчаніе. — **Арсипъ**—желѣзная лопаточка для соскабливанія тѣста съ доски, на которой лежалъ неспеченный еще хлѣбъ. 50.

Архалукуъ (тат.)—бешметъ (тат.)—полукафтанъ, съ таліей, надѣваемый, обыкновенно, подъ черкеску. 16.

Ахундъ (араб.)—господинъ; болѣе почетное названіе духовнаго лица, чѣмъ „мулла“ (сравни. 53 стр.: „ахунъ“). 2.

Ашукъ (ашикъ)—пѣвецъ, странствующій музыкантъ. 122.

Б.

Байрамъ (тат.)—праздникъ. См. *Оруджъ-байрамъ*, *Курбанъ-байрамъ*, *Новрузъ-байрамъ*. 3.

Баракялла (араб.)—одобрительное восклицаніе: Молодецъ! Bravo! 47.

Батманъ (тат.)—см. примѣчаніе. 39.

Бедаль (араб.)—см. текстъ. 23.

Веззадъ (бездздъ, *перс.*)—имѣющій дурное происхожденіе. (Сравни.: „гарамзада“). 17.

Вей (араб.: *бе, ба*)—названіе второй буквы въ татарскомъ алфавитѣ. 35.

Вежъ (тат.)—такъ у татаръ называются лица „привилегированнаго“ сословія. 64.

Висмиллахъ (араб.)—„Во имя Бога!“—Бисмиллахъ-рахманъ-рахимъ: „Во имя Бога милостиваго, милосердаго“. 22.

Востанъ (Бустанъ, *перс.*)—садъ, огородъ. См. „Гюлистанъ“. 12.

Вохча (*бухча*—тат.)—платокъ, въ который заворачиваютъ разное платье. 45.

В.

Вартапетъ (арм.)—монахъ; архимандритъ. 117.

Визирь (араб.: *везиръ*)—такъ титулуются высшіе государственные сановники у мусульманъ. 94.

Г.

Гаджи (араб.)—названіе, прилагаемое къ совершившему путешествіе въ Мекку. 21.

(Гайда—„пошелъ!“ 30).

Газрати (араб.)—титуль, придаваемый къ имени Бога, святыхъ, Императоровъ: Высочество (*sic*). 22.

Газырь—извѣстное украшеніе на груди черкески. 165.

Гаманль (у горц.-*шапсу.*)—см. тесть. 149.

Гарамзада (*перс.*)—незаконнорожденный. Смotr. „бездздъ“. 17.

Гассаль (араб.)—тёрщикъ; лицо, обмывающее покойника. См. „мюрдаширь“. 112.

Гафизъ—персидскій лирическій поэтъ XIV в. (въ Предисловіи: *Хафизъ*, стр. IV). 12.

Гиджра (араб.)—бѣгство (изъ земли невѣрныхъ). Здѣсь разумѣется пзвѣстное бѣгство Магомета изъ Мекки въ Медину (622 г.), какъ такой фактъ, съ котораго ведется мусульманское лѣтосчисленіе. 110.

Гидясарь—см. текстъ. 9.

Госапъ (горск.-*шансу.*)—см. примѣчаніе. 153.

Гошунъ (джунгар.)—войско; *гошуны*—воины. 118.

Гюлистанъ (перс.)—„Цвѣтникъ розъ“. Такъ называется одно произведеніе Саади. „Это произведеніе, которое относится къ XIII вѣку по Р. Х., уже давно извѣстное ориенталистамъ, неоднократно удаивалось перевода на европейскіе языки и всюду находило себѣ прекрасный отзывъ, потому-что авторъ, не довольствуясь суровой моралью, очень часто принимаетъ шуточный тонъ или, выражаясь словами Гюлистана, „приправляетъ горькое снадобье паставленій медомъ шуточныхъ остротъ“ и къ прозѣ, нерѣдко риемованной, по подобію нѣкоторыхъ арабскихъ писателей, каковы Гарири, Ибнъ-Арабшахъ и др., примѣшиваетъ и стихи: такимъ образомъ, вмѣсто скучнаго моралиста, читатель имѣетъ дѣло съ опытнымъ, веселымъ старцемъ, который, говоря его словами, „поѣлъ изъ рукъ судьбы и горячаго, и холоднаго“. Кромѣ самаго интереса, заключающагося въ серьезно выработанной мысли и въ чистотѣ истиннаго „фарси“ персидскаго языка, Гюлистанъ важенъ и въ томъ отношеніи, что вводитъ насъ въ частныя отношенія персидскаго общества; тутъ европеецъ знакомится съ образомъ мыслей персіянина, съ его потребностями, съ духомъ цѣлой націи“.

„Гюлистанъ писанъ въ 656 г. гиджры и можетъ считаться *самымъ популярнымъ чтеніемъ* во всей мугаммеданской Азіи—въ самой Персіи, въ Турціи, въ Индостанѣ, въ Хивѣ, Бухарѣ, а также *въ мусульманскихъ школахъ въ Россіи*, не смотря на то, что авторъ Гюлистана былъ шиитъ (?). Онъ раздѣляется на 8 главъ, въ подражаніе отдѣламъ рая, и въ

первыхъ семи главахъ вмѣщаетъ въ себѣ рассказы, перемежаемые со стихами нравственнаго содержанія, кромѣ 8-й главы, которая излагаетъ правила морали въ разныхъ формахъ. Это сочиненіе посвящено имени Абубекра Саада Зенги“.

„Гюлистанъ составленъ позднѣе, чѣмъ другое популярное произведеніе Саади, „Бустанъ“ („Фруктовый садъ“. 1257—1258 г. по Р. Х.); это тѣмъ правдоподобнѣе, что многіе стихи, вошедшіе въ Гюлистанъ, встрѣчаются цѣликомъ въ Бустанѣ“.

„Полное имя Саади есть Мослихун-динъ, что значитъ, по-арабски, *истинный по отношенію къ религіи*. Онъ родился въ Ширазѣ, городѣ въ провинціи Фарсъ—коренной Персіи, городѣ, прославленномъ какъ самимъ Саади, такъ и другимъ знаменитымъ поэтомъ *Шемсуддиномъ Мугаммедомъ Гафизомъ*. Его долговременная жизнь (по инымъ 102, по другимъ, и вѣроятнѣе, 120 лѣтъ) обнимаетъ собою почти все царствованіе Атабековъ Салгарскихъ или персидскихъ, столицей которыхъ былъ Ширазъ. Прозвище „Саади“, то есть Саадовъ или относящійся къ Сааду, возникло, говорятъ, отъ того, что отецъ нашего писателя служилъ у Атабека Саада, во дни котораго родился и шейхъ Саади“. (*Изъ примѣчаній переводчика къ „Гюлистану“, стр. 338—341: „Гюлистанъ“, съ персидскаго подлинника перевелъ И. Холмогоровъ. Изд. Солдатенкова.—Москва. 1882).* 4.

Д.

Дамулла—см. въ Предисловіи. Стр. III.

Дерсъ (араб.)—урокъ. 1.

Дервишъ (перс.)—лежащій, просящій у дверей; бѣднякъ, нищій. Такъ называются и лица, страстноющія и рассказывающія сказки (сравн. стр. 190). 12.

Дови—см. въ Предисловіи замѣчаніе къ № XIII, 1 (стр. XIII; сравн. замѣчаніе къ № V, 2, стр. X).

Джанъ (перс.)—сердце, душа (въ ласковыхъ, нѣжныхъ обращеніяхъ). 19.

Джандарь—см. текстъ. 25.

Джигитовка (отъ „джигить“—турем.)—гарцоваше, на-
ѣдничество (сравн.: „хаджреть“). 68.

Джурабы (перс., татар.)—носки. 16.

Дивъ—см. въ Предисловіи замѣчаніе къ № V, 2, стр.
X; см. „деви“. 89.

Долма (тат.)—голубцы.—См. „долма“: „Сборн. матер.
для описанія мѣстн. и плем. Кавк.“. Вып. V. Отд. I. Стр.
162. № 5 (Статья *Н. Калашева*). Здѣсь же сообщаются спо-
собы приготовленія и другихъ кушаній, какъ: *коурма* (№ 21),
чххиртма (№ 2), *бастурма* (№ 13), разные виды *плова*
(№№ 19, 22—31, 35, 37), *халва* („сладкое“; № 15). Съ при-
готовленіемъ названныхъ кушаній у татаръ любопытно сопо-
ставить приготовленіе того же самаго у армянъ (см. въ статьѣ
г. Земинскаго: „Сборникъ матер. для описан. мѣстн. и плем.
Кавк.“. Вып. II. Отд. II. Стр. 73—83, подъ №№ 3 (долма),
7 (пловъ), 9 (шила-пловъ), 14 (жаркое), 19 (халва). 17.

Дузабаръ—см. „алифъ“.

Дузиръ—см. тамъ же. } 42.

Дупюшъ—см. тамъ же. }

Дурна-дурна (тат.)—названіе игры: „Журавль-жу-
равль“. 46.

Е.

Ёлдашлыгъ (тат.)—товарищество. *Ёлдашъ*—това-
рищъ. 40.

Ерь-мангалы (тат.)—углубленіе въ землѣ, въ отличіе
отъ металлическихъ мангаловъ, на подставкахъ: см. „ман-
галь“. 141.

З.

Забаръ—см. „алифъ“.

Зиръ—см. тамъ же. } 42.

Зурна (тат.)—названіе распространеннаго на Кавказѣ

народнаго музыкальнаго инструмента (дудка, на подобіе свирѣли), игра на которомъ сопровождается ударами въ барабанъ, мѣстнаго же издѣлія. 118.

И.

Имамъ (араб.)—главное духовное лицо. Имамами называются потомки пророковъ; имамомъ называется также вообще то духовное лицо, которое совершаетъ *намазъ* впереди (во главѣ) народа (см. „намазъ“). 54.

Исанъ (араб.)—см. примѣчаніе (также въ отличіе отъ „гейванъ“, что значить „животное“). 98.

К.

Бади (тат.)—судья. 63.

Баламъ (перс.)—перо. 5.

Баландаръ (перс.)—безпечный. Здѣсь—название игры. 46.

Бвиристави (груз.)—см. примѣчаніе. 169.

Бѣпакъ-оглы (тат.)—ругательное выраженіе: „Собачій сынъ!“. 43.

Бетбъ (араб.)—писать. 1.

Бешишъ (перс.)—священникъ (сравни примѣч.). 117.

Бечаль (тат.)—плѣшивый; безволосый, вслѣдствіе болѣзни. 40.

Бишмишъ (тат.)—сушеный, вяленый виноградъ. 74.

Боурма (тат.)—жаркое. См. „долма“. 17.

Боши—видъ обуви (башмаки калошеобразные). 68.

Бунакъ (тат.)—гость. 42.

Бурбанъ-байрамъ (тат.)—„Праздникъ жертвоприношенія“, въ 10-й день луннаго мѣсяца „зиль-гиджа“,—въ память жертвоприношенія Авраама. См. „байрамъ“.—См. описаніе какъ этого праздника, такъ и *Оруджъ-байрама* и *Новрузъ-байрама* въ статьѣ Н. Калашева („Мѣстечко Сальяны“) въ „Сборн. матер. для описан. мѣстн. и плем. Кавк.“. Вып. V.

Отд. I. Стр. 153—157, подъ рубриками: 1, 6 и 7. Сравн. описаніе Курбанъ-байрама въ „Сборн. свѣд. о кавказ. горц.“. Вып. I, въ статьѣ *Абдуллы Омаръ-олы*: „Воспомянія мутааллима“, стр. 33—34. 3.

Бюльча-шоръ (тат.)—пирожки (кюльча) съ чѣмъ-нибудь солѣннымъ (шоръ—*соленый*). 51.

Кюрси (тат.)—нѣчто въ родѣ табурета (въ 1 арш.— $1\frac{1}{4}$ арш. сторона верхней доски). См. въ выраженіи: „зимую грѣюсь подѣ кюрси“. Дѣлается это такъ: подѣ кюрси ставятъ мангалъ, съ горячими углями; кюрси покрываютъ назначеннымъ для этого покрываломъ (одѣяло, коверъ, войлокъ), а затѣмъ садятся вокругъ кюрси, помѣщая свои ноги и часть туловища, насколько возможно, подѣ одѣяло, и такъ грѣются. Въ этомъ смыслѣ и сказано собирателемъ о кюрси: „татарская печь“. 29.

Бяфиръ (араб.)—собств., певѣрящій въ магометанскую религію (не отсюда ли—„гяуръ?“). 195.

Л.

„**Лейли и Межнунъ**“ — названіе поэмъ, арабскаго происхожденія. Въ татарскихъ школахъ на Кавказѣ она употребляется въ переводѣ (вольномъ) Фызули (сравн. въ Предисловіи, IV и VI стр.; см. въ статьѣ *Н. Калашева*: „Мѣстечко Сальяны“, въ „Сборн. матер. для описан. мѣстн. и племенъ Кавк.“. Вып. V. Отд. I. Стр. 134, № 9). Содержаніе ея романтическое. Межнунъ (собств.: *сумасшедшій*)—герой поэмъ, больше извѣстный по своему прозвищу (настоящее его имя *Гейсъ*); Лейли—героиня. Молодые люди влюблены другъ въ друга. Гейсъ дѣлаетъ Лейли предложеніе, но получаетъ отказъ въ рукѣ отъ ея отца. Такого удара онъ не переноситъ,—сходитъ съ ума: дѣлается „межнуномъ“. Въ этомъ состояніи онъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ товарищей, отправляется страствовать... Разъ онъ встрѣчается и съ Лейли. Но Гейсъ,

въ припадкѣ умопомраченія, не признаетъ ея и отвергаетъ. Лейли—въ отчаяніи и съ горя умираетъ. Межнунъ, узнавъ о смерти Лейли, отправляется на ея могилу: здѣсь его сознаніе просвѣтляется на нѣсколько моментовъ, а затѣмъ онъ въ агоніи умираетъ.

Въ концѣ одного изданія поэмы—разсказывалъ намъ читавшій ее еще ребенкомъ въ татарской школѣ—есть такая картинка: рядомъ изображены двѣ могилы; на каждой изъ нихъ растетъ по розѣ; розы наклоняются одна къ другой, но соединиться имъ мѣшаетъ кустъ терновника, который растетъ между могилами.

Данная поэма особенно интересна бытовой стороною своего содержанія, изъ жизни Востока. 4.

Лявхъ—см. Предисловіе, стр. III.

М.

Магтабъ и мейтабъ (араб.)—см. текстъ. Сравни. въ Предисловіи „мактабъ“, стр. II). 1.

Ма(е)йданъ (перс.)—площадь. См. „аллафъ“. 8.

Мангалъ—см. текстъ (сравни. „еръ-мангалъ“). 2 и 51.

Медресэ—см. объясненіе въ текстѣ (сравни. въ Предисловіи „мадраса“, стр. II; см. „дерсъ“). 1.

Мектебъ (араб.)—см. текстъ (сравни. „магтабъ“; см. „ветбъ“). 1.

Мектебхана (перс.: *хана*—домъ)—училище. 42.

Мечеть—изъ арабск.: *месджидъ* (mesdjidi): мусульманскій храмъ. 1.

Мешхъ-элямагъ—копировать, списывать. 50.

Минареть—изъ арабск. *минара*: цилиндрическое возвышеніе съ конической крышей, при мечети, для муэдзина. 57.

Миндаръ—подстилка (?) на тахтѣ. 35.

Мирза (перс.)—писецъ; знающій грамоту; секретарь. 2.

Мулла (араб.)—такъ называются лица, умѣющія переводить Коранъ съ арабскаго языка на свой, туземный, и знающія, хоть сколько-нибудь, грамотно писать по-арабски („Сборн. свѣд. о кавк. горц.“. Вып. II. Статья *Абдуллы Омарь-оглы*, стр. 46).—Въ дополненіе къ характеристикѣ личности муллы (стр. 11—28) можно привести любопытныя пословицы: „Подай муллѣ руку, на которой кольцо,—непремѣнно изъ кольца вытащитъ камень“.—„Сытый мулла хуже голоднаго волка“.—„При видѣ халвы мулла забываетъ Бога“ и др. (вышеститированная статья Омарь-оглы. Стр. 62, 63). 1.

Муллазанъ (перс.: *занъ*—жена)—въ томъ смыслѣ, какъ „попадьа“. 45.

Мутааллимъ (араб.)—воспитанникъ. 2.

Мутруфъ (араб.: *мутрибъ*—тотъ, который увеселяетъ; *тарабъ*—веселье)—см. примѣчаніе. 9.

Муэдзинъ (араб.: *адзанъ*—спеціальный молитвенный призывъ на моленье)—лицо, которое обязано напоминать народу часъ молитвы съ *минарета*. 56.

Мюрдаширъ (перс.)—моющій мертвецовъ (*мурда*—мертвый; *шуръ*—мыть). Сравни. „гассаль“. 112.

Н.

Назиръ (перс.)—у хана нѣчто въ родѣ управляющаго (Сравни.: „Сборн. свѣд. о кавк. горц.“. Вып. II. Статья VI, 2. Стр. 1). 95.

Намазъ (араб.)—такъ называется ежедневная молитва, совершаемая пять разъ въ день (утромъ, въ полдень, предъ заходомъ солнца, съ заходомъ солнца, въ ночь—когда стемнѣетъ) и предваряемая, каждый разъ, *омовеніемъ*. 15.

„**Нани-халва**“—названіе сочиненія, которое написалъ шейхъ-Бага Аддинъ: оно содержитъ въ себѣ разнаго рода нравственныя наставленія. 4.

Натрисъ-твали (груз.)—см. примѣчаніе. 181.

Нене (тат.)—бабушка, мать (и у армянъ). 61.

Нукеръ (*нокеръ*—перс.)—придворный, служитель, лакей. 19.

Новрузъ-байрамъ (перс.)—„Новый годъ“ (см. „байрамъ“ и „Курбанъ-байрамъ“), трехдневный праздникъ (съ весенняго равноденствія). 50.

О.

Огуль (тат.)—сынъ. 42.

Оджагъ (тат.)—подъ нимъ, собственно, разумѣется „ерьмангалъ“, а въ переносномъ смыслѣ—„семейство“: отсюда—„очагъ“. 119.

Оруджъ-байрамъ (*оруджъ*—постъ)—трехдневный праздникъ послѣ поста „Рамазанъ“, въ память ниспосланія Корана Богомъ Магомету (см. „байрамъ“ и „Курбанъ-байрамъ“).—См. въ „Сборн. свѣд. о кавк. горц.“. Вып. II. Ст. VI, 2. Стр. 39—43). 50.

П.

Пади-шахъ—царь міра. 29.

Папахъ (тат.)—баранья шапка, преимущественно, конусообразная. 34.

Пей (перс.: *pe*)—названіе третьей буквы въ татарскомъ алфавитѣ. 35.

Пендиръ (тат.)—сыръ. 7.

Пиръ (тат.)—святой. 25.

Пловъ (перс.)—кушанье изъ варенаго рису, приправленнаго коровиимъ масломъ, съ изюмомъ, абрикосами, финиками и т. п. (см. „долма“). 13.

Пюшъ—см. „алифъ“. 42.

Р.

Рахимъ (араб.)—см. „Бисмиллахъ“.

Рахманъ (араб.)—см. тамъ же. } 22.

Раятъ (араб.)—подданный; тотъ—которому покровительствуютъ. 69.

Рухъ-олчанъ (араб.: *рухъ*—душа; тат.: *олчанъ*—мѣряющій)—см. текстъ. 143.

С.

Саади—см. „Гюлистанъ“. 12.

Саламъ алейкумъ—„Привѣтствіе Божье!“ (См. „алейкумъ ась саламъ“). Это обращеніе и разумѣется подъ выраженіемъ: „привѣтствовать саламомъ“ (16 стр.; сравн. также 128—129). 76.

Саманъ—мелкая солома. 8.

Т.

Талисманъ—вѣроятно—изъ арабскаго „тилис(и)мъ“, что значитъ *молтва* (дуа): мулла пишетъ „тилисмъ“ (молитву) въ предохраненіе отъ нечистыхъ духовъ; такую молитву, обыкновенно, носятъ съ собой (пришиваютъ, напр., къ одеждѣ). 23 и 142.

Тандиръ (тат.)—печь (см. описаніе ея въ „Сборн. матеріаловъ для описан. мѣстн. и плем. Кавк.“. Вып. V. Отд. I. Стр. 159). 46.

Тари (перс.)—Богъ. 50.

Тахта (тат.)—собств., доска. Здѣсь подъ тахтой разумѣется досчатое возвышеніе, въ родѣ русской лавки, только ниже и шире, покрытое какимъ-нибудь ковромъ, войлокомъ и т. п. и приспособленное для сидѣнья, „поджавши ноги“. 10.

Терь-теръ (арм.: *теръ*—хозяинъ, владѣлецъ)—священникъ. 116.

Тулухчикъ (собств., *тулухчи*; тат.: *тулухъ*—мѣхъ, для помѣщенія воды)—водовозъ. 101.

Туманъ (тат.)—штаны. 18.

У.

Урусъ-мулла (или: урусъ-кешишъ)—русскій священникъ. 13.

Уздень—(„уз“—самъ; предлогъ: „день“—изъ)—„тогъ, кто живетъ самъ по себѣ“ (см. объясненіе слова въ „Сборн. мат. для опис. мѣстн. и плем. Кавк.“. Вып. IV. Отд. II. Стр. 31); свободный. 149.

Ф.

Фалажка—см. объясненіе въ текствѣ. 3.

Х.

Хаджретъ (горск.-шапсу.)—наѣздникъ. 149.

Халва (араб.)—сладость, сладкое (изъ муки, обыкновенно, рисовой, масла и меду. См. „долма“). 39.

халь-Анаси—см. текствѣ. 110.

Хальфа—см. текствѣ. 7, 28—31.

Хафтѣякъ—см. Предисловіе. Стр. III.

Хейратъ (араб.: *хейръ*—доброе дѣло)—поминки: такъ называются поминки отъ того, что при чьей-нибудь смерти раздается разнаго рода пища бѣднымъ,—это и есть „доброе дѣло“. 67.

Хунча (хонча; перс.: *ханъ*—сватерть)—поднось. 20.

Хурджинъ (тат.)—переметная сумка. 32.

Ч.

Чадра (перс.)—покрывало, въ которое закутывается тартарка предъ посторонними людьми, при выходѣ на улицу. 25.

Чайчи—продавецъ горячаго чаю. 12.

Чаръ-китабъ—см. Предисловіе, стр. III—IV.

Чала-мулла—см. тамъ же, стр. V.

Чепканъ (тат.)—нѣчто въ родѣ кофточка съ таліей. 47.

Чихиртма (тат.)—см. „долма“. 33.

Чурекъ (*чѣрекъ*—тат.)—хлѣбъ. 7.

Чоха—см. текстъ. 162.

Чуха (тат.)—черкеска. Последнія два слова, очевидно, одного происхожденія и значенія. 16.

Ш.

Шайтанъ (араб.)—сатана.—См. текстъ. 105.

Шауръ (у груз.)—5 коп. (У персовъ есть серебряная монета *шахи*, приблизительно въ 5 к.). 41.

Шира (перс.)—сиропъ (собств.). См. текстъ. 141.

Ширъ (тат.)—левъ. 48.

Шейхъ (араб.)—ученый; святой. 140.

Ю.

Юзбаши (тат.)—старшина. 119.
